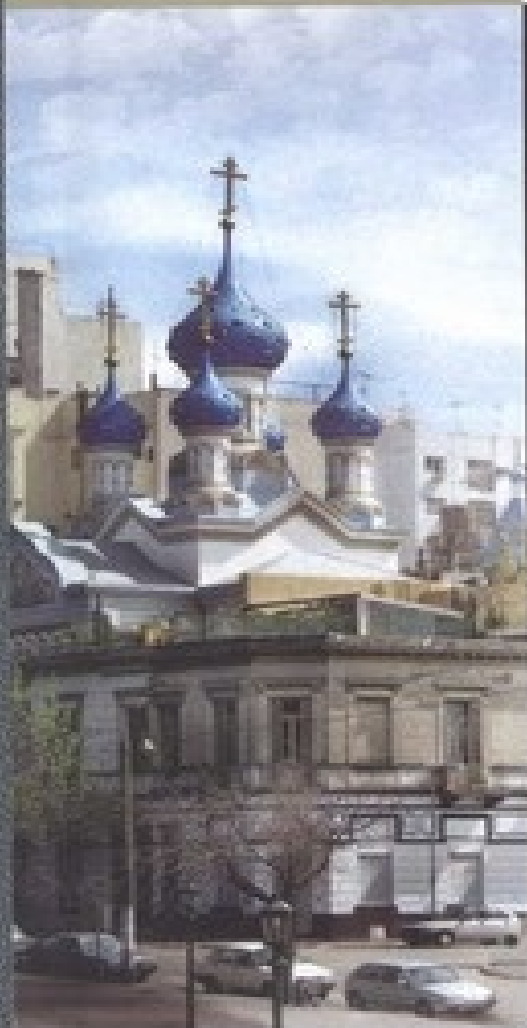

СОЛОНЕВИЧ

Константин
Сапожников

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Иван Солоневич, самый популярный публицист Русского Зарубежья 1930–1940-х годов, прошёл через испытания революциями, войнами, лагерями и ссылкой. В современной России, стоящей перед выбором своего пути развития, идейное наследие Солоневича всё чаще оказывается в центре острых дискуссий. Монархия, православие, народ — эту триаду Солоневич считал залогом успешного развития России, обобщив свои взгляды в фундаментальном труде «Народная Монархия». Задолго до «Архипелага ГУЛАГ» Иван Солоневич написал книгу «Россия в концлагере», которая стала «его вторым паспортом» в эмиграции. Тем не менее она не спасла его от подозрений. Если в СССР Солоневич был антисоветчиком и «контрой», то в эмиграции распространялись слухи о его сотрудничестве с НКВД и даже с гестапо. Кто же он был на самом деле? О непростой судьбе Ивана Солоневича, о его сопротивлении русскому раздору XX века, о причинах его затянувшегося возвращения на Родину рассказывает эта книга.

знак информационной продукции 16+

-
- [К. Н. Сапожников](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)

- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвёртая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая](#)
- [Глава двадцать седьмая](#)
- [Глава двадцать восьмая](#)
- [Глава двадцать девятая](#)
- [Глава тридцатая](#)
- [Глава тридцать первая](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА И. Л. СОЛОНЕВИЧА](#)
- [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)

- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)

- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)

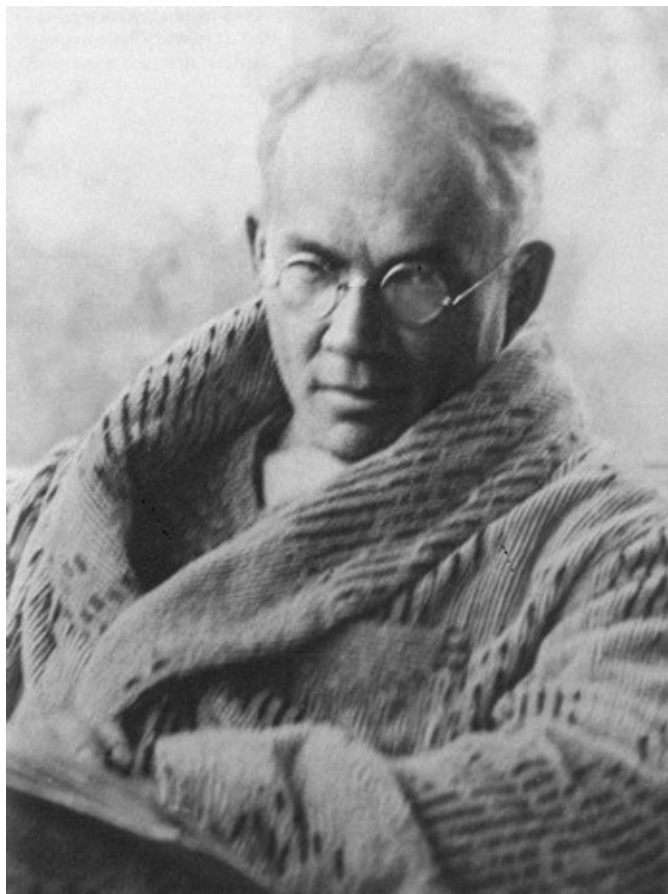
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)

- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)

- [216](#)
 - [217](#)
 - [218](#)
 - [219](#)
 - [220](#)
 - [221](#)
 - [222](#)
 - [223](#)
 - [224](#)
 - [225](#)
 - [226](#)
 - [227](#)
 - [228](#)
 - [229](#)
 - [230](#)
 - [231](#)
 - [232](#)
 - [233](#)
-

К. Н. Сапожников
Солоневич

Глава первая «ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО» НКВД

Ф. Демьянович

Ровно в 20.00 распахнулась дверь, и в кабинет один за другим стали заходить сотрудники. Свои улыбки и оживлённость они оставили в приёмной, сменив их на внешнюю озабоченность, подчёркнутую серьёзность и педантичность. Неизбежная мимикрия, демонстрация служебного рвения. Но разве он, нынешний начальник Ленинградского управления НКВД, ведёт себя иначе в высокопоставленных кабинетах?

Филипп Демьянович Медведь^[1], дожидаясь, когда участники совещания займут свои привычные места, начертил паркеровской ручкой несколько загадочных иероглифов в блокноте. Потом взглянул на календарь, который уютной «избушкой» прятался под настольной лампой.

Это был сувенир из Карелии, куда он при okazji ездил на охоту. Медведь начинал каждое рабочее утро в Ленинграде именно с календаря, подбирая деревянные брусочки с названием месяца и текущей датой, которые с тщательностью часовщика вставлял в стенку «избушки». Не обошлось без соответствующей процедуры и сегодня: на календаре значилось — 6 сентября 1933 года.

Медведь пододвинул к себе увесистый том, на котором крупными печатными буквами было написано: «Спортсмены». Название для разработки выбрали неудачное: слишком нейтральное и беззубое, словно дело заведено не на злостных врагов советской власти, а безобидных туристов-путешественников. Впрочем, разработка возникла в Москве, а реализацию её почему-то возложили на Ленинград. Нет ли тут подвоха?

Начальник ленинградских чекистов отмахнулся от беспокойной мысли, положил руку на серовато-коричневую обложку дела и сказал, обращаясь к присутствующим:

— Что ж, потрудились неплохо. Разработка Солоневичей велась в основном грамотно. Прямо скажу, дело — нерядовое. Братья не из трусливой породы, знакомы с нашими методами работы. Но мы их переиграли. У нас исчерпывающая информация по всем фигурантам, мы посвящены в их замыслы, контролируем все их связи. Минувшей ночью я подписал заключение на реализацию дела. Захват группы — 9 сентября. Как видите, времени в обрез!..

Медведь хорошо знал, о чём говорил. Сводки на «спортсменов» докладывали ему ежедневно. Ещё бы, вооружённая группа готовилась к прорыву через финскую границу! Такого в практике Ленинградского управления не было давно. В группу входили пять человек, и двое из них были особенно опасны — братья Солоневичи, Иван и Борис, в недавнем прошлом — известные спортсмены. Они обладали тяжёлыми кулаками, профессиональными бойцовскими навыками — от классической борьбы до джиу-джитсу. По их методическим пособиям оперативные работники учились новейшей технике «самообороны без оружия». Секретный сотрудник «Прицельный», введённый в разработку, предупреждал в донесениях: «Они готовы ко всему, поэтому обзавелись внушительным арсеналом: двустволка, берданка, малокалиберная винтовка и браунинг. В случае лобовой попытки захвата они окажут сопротивление. Иван постоянно твердит — „терять нам нечего“».

Обсудили предложения по нейтрализации «спортсменов». Конечно, безопаснее всего было бы арестовать их поодиночке, причём не в Ленинграде, а в Москве, по пути на вокзал. Но в Центре решили иначе:

брать группу в полном составе, со всем уликовым материалом! Поэтому особенно долго чекисты разбирали вариант захвата «группы Солоневичей» на станции в Карелии. Чтобы у беглецов не возникло каких-либо сумасбродных иллюзий, перрон можно будет оцепить тройным кольцом сотрудников, а для полного «впечатления» демонстративно установить пару пулемётов.

Наконец после всех «за» и «против» решили: чтобы не допустить случайных жертв «со стороны гражданского населения», провести захват в плацкартном вагоне, ночью, на пути «спортсменов» в Карелию. Риска для пассажиров не будет никакого, потому что в вагон помимо фигурантов сядут только чекисты. Этот вариант даст стопроцентную гарантию успеха: из такого капкана не вырваться! Для страховки членов группы угостят чаем, подмешав в него снотворное, чтобы не бузили при аресте. Медведь одобрил предложение со снотворным:

— Отличная идея!

О работе сексота «Прицельного» по «спортсменам» Медведь отозвался с похвалой, но выразил недовольство тем, что руководство отдела, за которым закреплён сексот, не позаботилось о его своевременном выводе из разработки:

— Теперь ему придётся бежать до конца в одной упряжке с Солоневичами. Чем всё закончится, мы не знаем. Если дело дойдёт до стрельбы, можем потерять ценного помощника. Если до стрельбы не дойдёт, то отсутствие имени «Прицельного» в следственном деле прямо укажет на него как нашего человека.

Обсудили варианты действий на случай, если что-то сорвётся, пойдёт не по плану, и Солоневичи, используя свой боевой арсенал, решатся на прорыв. Тут сомнений не было ни у кого: огонь на поражение.

— Зря не подставляйтесь, — сказал в заключение Медведь. — Знаю, что среди вас есть любители щегольнуть отвагой, мужеством и личной храбростью. Встречу со смертью торопить не стоит...

«Беглецы» собрались на Московском вокзале в Ленинграде: Иван Солоневич с сыном Юрием, брат Борис с женой Ириной Пеллингер. Все свои, полное доверие друг к другу. Мужчины подготовлены к скитаниям по карельским лесам и болотам, физическая форма Ирины тоже на уровне, — тут постарался Борис, приложивший всё своё тренерское мастерство. Жена Ивана — Тамара, Тамочка, — находилась за рубежом, дожидаясь их в Германии. Она покинула Страну Советов легально, но это стоило таких моральных мучений, что Иван старался не вспоминать о тяжких

перипетиях её отъезда.

Два других члена группы пришли «со стороны». Хорошо знакомый Солоневичам Степан Никитин, лысый, в очках, с неброской внешностью бухгалтера. Он и в самом деле был бухгалтером. По мнению Ивана, Никитин по своим физическим кондициям являлся наиболее слабым звеном в группе. С этим приходилось мириться: бухгалтер мог пригодиться после перехода границы. У него были богатые родственники в Латвии, которые обещали в случае успеха предприятия помочь деньгами и с устройством на работу.

Шестой участник побега — Николай Бабенко — вызывал у Ивана смутное чувство беспокойства. Всё, что он знал о нём, поведал сам Бабенко. В прошлом — белый офицер, участник Гражданской войны, давно мечтал бежать из Советов. Узнав — «по счастливой случайности» — о готовящемся побеге, напросился в группу: мол, теперь или никогда. Бабенко сумел поставить дело так, что оказался полезным на всех этапах подготовки побега. Даже билеты «организовал» именно он.

Опасения Ивана несколько рассеялись, когда поезд тронулся. Если чекисты знали о их планах, то почему не схватили прямо на вокзале? Или ещё раньше — в Салтыковке? Неужели всевидящее око органов проморгало их подготовку к побегу? Острота переживаемого момента действовала на Солоневичей и их спутников как своеобразная анестезия, смягчала ощущение страха, притупляла чувство тревоги, усыпляя перегруженную эмоциями психику. Всё в их жизни было поставлено на кон. Или пан или пропал.

В своей знаменитой книге «Россия в концлагере» Иван Солоневич так вспоминал о переживаниях того дня:

«Я не думаю, чтобы кто бы то ни было из нас находился во вполне здоровом уме и твёрдой памяти. Я как-то вяло отметил в уме и „оставил без последствий“ тот факт, что вагон, в который Бабенко достал плацкарты, был последним, в хвосте поезда, что какими-то странными были номера плацкарт — в разбивку: 3-й, 6-й, 8-й и т. д., что главный кондуктор без всякой к этому необходимости заставил нас рассестись „согласно взятым плацкартам“, хотя мы договорились с пассажирами о перемене мест. Да и пассажиры были странноваты... Вечером мы все собрались в одном купе. Бабенко разливал чай, и после чаю я, давно страдавший бессонницей, заснул как-то странно быстро, точно в омут провалился».

Пробуждение было грубым, резким, ошеломляющим. Перестук колёс вдруг заглушили крики, отчаянный женский визг, шум борьбы, гулкие удары и стоны. Операция по захвату началась одновременно в разных

местах вагона, и беглецы не могли помочь друг другу. Иван отбросил в сторону одного из нападавших и тут же почувствовал, что его обхватили сильные тренированные руки, много рук! — за колени, за горло, прижали к подушке голову. При скудном свете «ночника» он увидел, что на него направлено несколько револьверов, и понял, что сопротивление бесполезно: запястья стиснуты наручниками, а ожесточённая возня в соседнем отсеке затихла. Всё понятно: помощи от Бориса ожидать не приходится. Всё кончено...

Иван Солоневич был немногословен, описывая свои чувства:

«Грустно — но уже всё равно. Жребий был брошен, и игра проиграна вчистую...»

В том же самом вагоне «группу Солоневича» повезли назад в Ленинград. Все были в наручниках — «восьмёрках». Исключение сделали только для Ирины. Не избежал наручников и Бабенко. Чекистам приходилось соблюдать «правила игры», прикрывать сексота.

С вокзала группу увезли в двух «воронках» в новое здание ГПУ на Литейном проспекте. Во внутреннем дворе сняли наручники. «Потом мы прощаемся с очень плохо сделанным спокойствием, — вспоминал Иван Солоневич. — Жму руку Бобу. Ирочка целует меня в лоб. Юра старается не смотреть на меня, жмёт мне руку и говорит:

— Ну, что ж, Ватик... До свидания... В четвёртом измерении...

Это его любимая и весьма утешительная теория о метам-психозе в четвёртом измерении; но голос не выдаёт уверенности в этой теории.

— Ничего, Юрчинька. Бог даст, и в третьем встретимся».

Ивана отвели по узким бетонным лестницам и бесконечным лабиринтам коридоров в одиночную камеру. Мощные, непроницаемые для внешних звуков стены, сильный запах краски и штукатурки, — тюрьма разрасталась, расширяла свои «ёмкости» по приёму заключённых. Регулярно бывая в Ленинграде, Солоневич видел, в какой спешке возводился комплекс зданий Управления НКВД по соседству с гранитной набережной Невы, Летним и Таврическим садами. Горожане не без иронии называли Управление «Домом слёз». Ходили слухи, что для облицовки его стен использовали надгробия со старых петербургских кладбищ, а для решения «жилищной проблемы» ответработников-старожилов из соседних кварталов переселяли под разными предлогами на окраины. И вот он сам оказался в недрах «Дома слёз». Хорошенькая экскурсия, однако: неизвестно на какой срок и с какими последствиями. Уцелеет ли после неё голова на плечах?

В тюрьме на Шпалерной Солоневич и его «команда» провели под

следствием и в ожидании приговора три месяца...

Жаркий июль 1990 года, магазин «Академкнига» на улице Горького (теперь это Тверская, а магазина давно нет). У букинистического отдела нерешительно переминался пожилой человек, только что выслушавший категоричное «нет» от не слишком любезной оценщицы. Я взял из его рук листочки с перечнем книг — мексиканская, аргентинская, кубинская мемуаристика 40–60-х годов. За книги он просил умеренную цену, и мы ударили по рукам. Так я познакомился с Юрием Антоновичем Марковым.

Потом я несколько раз приезжал к нему домой и по частям забирал покупку. Визиты мои сопровождались непременно чаепитиями и застольными беседами. Хотя Марков никогда не занимал руководящих постов, он был свидетелем многих событий, работая секретарём Особого отдела Коминтерна, затем — в различных отделах ГУГБ НКВД, а в 1950–1970-е годы — на технической должности в Секретариате ЦК КПСС. Не знаю, было ли это везением или знаком судьбы, но, приобретя с рук редкие книги о Латинской Америке, я познакомился с человеком, располагавшим уникальными материалами о жизни Ивана Солоневича! Марков заинтересовался его личностью после того, как в архиве ЦК наткнулся на справку советского посольства в Аргентине об обстановке в русской эмигрантской колонии. Автор её, не затрудняя себя изысканностью формулировок, лихо разделявал под орех представителей эмиграции, поглядывая на них с зияющих высот своей идеологической зрелости.

Досталось от него и Ивану Солоневичу:

«Среди лидеров колонии отдельные лица играли до войны видную роль. Достаточно упомянуть о таких её „вождях“, как Вербицкий или Солоневич. Последний в августе с. г. за выступления против перонистского правительства был выслан из Аргентины и в настоящее время находится в Уругвае, откуда руководит газетой „Наша страна“. Он монархист, полусумасшедший фантазёр, называет себя теоретиком старого русского течения и пишет бредовые антисоветские статьи».

К справке были приложены аккуратно перепечатанные на пишущей машинке цитаты из статей Солоневича в качестве подтверждения его «сумасшествия»:

«Миллионы русских душ борются в СССР, отстаивая бытие своё против страшной тьмы и кровавой грязи, которыми большевизм пытается закрыть и замазать свет и солнце русской жизни. Миллионы и миллионы русских мужчин и женщин погибли в этой борьбе мучительно и страшно. Мне страшно думать о судьбах миллионов, медленно и заживо сгнивающих

в концентрационных лагерях. Мне страшно думать о том лжепатриотическом словоблудии, которое яркими лозунгами прикрывает самое страшное, что было в нашей истории: попытки убить и тело, и душу нашего народа»...

— Я хорошо помнил о деле Солоневича, вернее — Солоневичей, — рассказал мне Марков. — Их побег за границу в тридцатые годы наделал много шума в НКВД. Кого-то разжаловали, кого-то отправили в сибирскую глухомань. Но, конечно, о Солоневичах — Иване и Борисе — на Лубянке не забыли. Решили их «примерно» наказать и за рубежом, чтобы другим неповадно было бегать. Работая в ЦК, я собирал материалы для брошюры о практике идеологических диверсий против СССР. Вот и решил включить главку о Солоневиче и его приятелях-монархистах в свой труд.

Однако добытые «по листочку» в разных архивах документы, справки и вырезки из эмигрантских газет и журналов Маркову негодились. Советская цензура подвергала имя Солоневича такой глухой блокаде, что оно вымарывалось даже из «разоблачительных», «идеологически взвешенных» статей и монографий. Мол, нечего создавать этому махровому националисту, монархисту, антисоветчику, антисемиту и явному фашисту пусть косвенную, но рекламу!

Тема Солоневича и его роли в Русском Зарубежье не раз затрагивалась в моих беседах-интервью с Юрием Антоновичем, спешившим выговориться в предчувствии грядущих перемен, которые он не в силах будет перенести... И вот, пролежав втуне добрых три десятка лет, папка с материалами Маркова о Солоневиче перекочевала ко мне. Ознакомившись с ними, я понял: мне несказанно повезло и как журналисту, и как исследователю. Документы из архива Маркова рассказывали о малоизвестных обстоятельствах жизни Солоневичей, раскрывали подробности многоходовой провокации органов против них во времена Ягоды и Ежова^[2]. Удивительно, что братья не только сумели выстоять, но и активно сопротивлялись потокам лжи и клеветы, которые и до сего дня возникают в трудах либерально ангажированных историков в России и за рубежом. Мол, не слишком ли много прямых и косвенных свидетельств в пользу того, что Иван и Борис Солоневичи работали на ГПУ — НКВД, выполняя специальное задание по разжиганию конфликтов в стане эмиграции?

Рядом с обвинениями в работе Солоневичей на органы нередко звучат обвинения братьев в сотрудничестве с нацистами. Кое-кто даже называл Солоневича «агентом гестапо».

Конечно, в судьбе Ивана Солоневича было много спорных, подчас

двусмысленных моментов. Какой простор для выдумок и фальшивок! Солоневич писал по этому поводу: «Я знаю, о моей персоне имеются в зарубежье самые разнообразные мнения: от неоправданно восторженных до непримиримо злобных. Во всяком случае, я не обижен отсутствием внимания». Подобный расклад мнений и «внимания» сохранился до наших дней.

Судьба Ивана Лукьяновича Солоневича, самобытного писателя-публициста, прошедшего через испытания революциями, войнами, тюрьмами и ссылками, мало кого оставляет равнодушным. Отсюда и столкновение мнений, борьба за Солоневича между теми, кому он дорог, и теми, кто хотел бы отправить его на «свалку истории».

В неблагоприятных исторических условиях Солоневич упорно отстаивал свои взгляды на наиболее правильный, с его точки зрения, путь развития для России. Он считал, что безжалостные реформаторские эксперименты (эпоха Петра I, Февральская и Октябрьская революции) имели катастрофические последствия для судьбы России и в итоге *исказили* единственно возможный, по мнению Солоневича, путь её исторического развития — самодержавие, «типично русскую форму монархии» как способа управления страной. По глубокому убеждению писателя, монархия — это не тоталитарный режим, не абсолютизм, это — «симфония совместной работы Церкви, Царя и Народа».

Полемика вокруг имени Ивана Солоневича приобретает всё большую остроту. Время такое — идёт безжалостная, почти всегда тенденциозная, нередко бездоказательная переоценка прошлого. Аргументы используются разные, часто — фиктивные, взятые с потолка, и само собой, выводы провозглашаются в соответствии «с заказом». Солоневича называют то искренним патриотом, то демагогом, игравшим на стремлении эмигрантов вернуться на родину, то авантюристом, «служившим разным хозяевам — от большевиков до нацистов». Как автор я преследовал одну главную цель: дать объективную, максимально полную биографию этого человека, не манипулируя фактами, не скрывая «невыгодных» для героя событий, высказываний и поступков. Выводы пусть делает читатель...

Желание восстановить основные вехи жизни Ивана Солоневича, разобраться в его «путанной», по его собственному выражению, судьбе привело меня в 1996 году в редакцию основанной им газеты «Наша страна» в Буэнос-Айресе, на улице Монроэ, дом 3578.

Газета десятилетиями придерживалась бескомпромиссной политической линии основателя и была уникальна тем, что никогда не

получала субсидий от тех государств, организаций и специальных служб, которые находились на острие холодной войны против Советского Союза. «Наша страна» стояла на позиции непримиримости к коммунистической системе в России, но принципиально отвергала «субсидии» из чёрных касс подрывных ведомств, отстаивая своё право «говорить собственным голосом»: независимым, осознанно национальным, монархическим.

Эта газета, размером в четвертушку от солидных «сытых» изданий, из экономии и по традиции печатавшаяся на папиросной бумаге (так было легче провозить её в Советский Союз), ни на йоту не изменила своего идейного курса, который сконцентрирован в лозунге «После падения большевизма только Царь спасёт Россию от нового партийного рабства». Сейчас «Наша страна» выходит и в электронном виде. Казалось бы, можно только радоваться, газета идёт в авангарде прогресса, освоила Интернет, с нею знакомится значительно больше читателей, чем раньше. Но правда такова, что финансовые трудности «Нашей страны» остаются прежними, как и её борьба за выживание, — единственной патриотической русской газеты в Западном полушарии.

Именно там, на улице Монроэ, из рук немногочисленных, но доброжелательных сотрудников газеты я получил редкие прижизненные публикации писателя-публициста. Они во многом определили дальнейший курс моих поисков, и прежде всего не искажённых пропагандой и злонамеренным вымыслом фактов, раскрывающих реальную жизненную траекторию Солоневича. С этих пожелтевших от времени материалов началось также моё знакомство с политико-идеологическим наследием писателя.

Я с тёплым чувством вспоминаю о визитах в редакцию, в которой, несмотря на подвешенные к потолку «старозаветные» электрические лампы, было темновато. Если в редакционном помещении были окна, то я их не разглядел за стеллажами, штабелями газет и картонных коробок с архивом. Старая пишущая машинка, архаичный монитор, телефон эпохи Хуана и Евы Перон — всё это словно сохраняло дух минувшей эпохи. Но впечатление было ошибочным: «Наша страна» внимательно всматривалась в процессы, проходящие в постсоветской России, пристально анализировала их, оценивая события и политические шаги новой плеяды деятелей строго «со своей колокольни».

Дружную команду авторов «Нашей страны» возглавляли Михаил Владимирович Киреев, на плечах которого держалось всё техническое-издательское обеспечение, и главный редактор Николай Леонидович Казанцев, ответственный за литературно-публицистическую часть газеты.

Без помощи Киреева и Казанцева мне было бы невозможно выстроить цельное повествование о человеке, который не только бросил вызов сталинской диктатуре, но и отважился в те далёкие сложные времена задавать себе мучительные вопросы: каким путём должна идти многострадальная Россия? На какой духовно-идейной основе? Кто должен возглавить её возрождение?

Полезный фактологический материал я получил благодаря переписке с «жёнами Солоневичей»^[3], которые перешагнули 90-летний порог, — Рут (Рутикой) — спутницей Ивана Лукьяновича в военные и послевоенные годы, и Ингой, хранительницей художественного наследия покойного Юрия Солоневича, сына писателя. Существенно помог мне И. П. Воронин, замредактора издающейся в Санкт-Петербурге газеты «Монархист», организатор ставших традиционными научных конференций, посвящённых писателю-публицисту. Большое исследование о пребывании Солоневичей в Финляндии провела Е. Г. Сойни, доктор филологических наук из Карелии: она получила уникальные материалы из архива финской полиции. Кандидат исторических наук К. А. Чистяков изучил следственное дело Солоневича в архиве ФСБ, а также его отношения с РОВСом^[4].

В ходе работы над книгой мне удалось получить редкие фотографические материалы, освещающие разные этапы жизни «клана Солоневичей». В этом исключительно полезной была помощь Эда Митчелла, профессионального фотографа из города Роаноук (Roanoke), штат Вирджиния (США), где в настоящее время живут близкие родственники Ивана Солоневича. Эд, друг семьи Солоневичей, отреставрировал и переслал мне не публиковавшиеся прежде фотографии из семейного альбома Солоневичей.

Иван Солоневич отстаивал свои взгляды до последнего вздоха, устоял против «воздействий» на него бомбами, провокациями и клеветой. Он выдюжил, — не напрасно его любимым былинным героем был Микула Селянинович, здравомыслящий мужик, обладатель крепкого характера и неодолимой силы, каковой было не занимать и самому Ивану.

Чтобы уцелеть и быть услышанным «в условиях звериной борьбы», Ивану Солоневичу потребовалась не только сила, но и самостоятельно мыслящая голова, особый мужицкий взгляд на события прошлых веков и XX столетия. При любых вариациях «политической конъюнктуры» и соотношения сил на мировой арене он стоял на своём: «Русская монархия есть морально и технически наиболее совершенный в истории способ

управления государством». До последних дней жизни Солоневич пытался доказать соотечественникам, что другого пути у России и русского народа нет. Отсюда и название его фундаментального труда-завещания «Народная Монархия».

Глава вторая

МЕЧТА О ЧЕМПИОНСКИХ ЛАВРАХ

Иван Лукьянович Солоневич родился в местечке Цехановец Гродненской губернии 1 ноября 1891 года^[5]. Его мать — Юлия Викентьевна, урождённая Ярушевич, выросла в семье бедного деревенского священника, была девушкой строгих правил, с нелёгким характером. Отец — Лукьян Михайлович — крестьянских корней, по словам Ивана, «в детстве пас свиней». Иван не раз подчёркивал в своих статьях, что вырос в «мужицко-поповской семье», «очень консервативной и религиозно настроенной». Правда, Иван был далёк от истового соблюдения православных ритуалов. Объяснял он это так: «В Бога я верую крепко, хотя церковных обрядов и не выполняю. Семеро моих дядьёв были священниками — это несколько отбивает охоту к исповеди»^[6].

Кроме Ивана — старшего у Юлии и Лукьяна было ещё трое детей: Всеволод, Борис и Любовь^[7]. В семье Солоневичей культивировалась русская культура, русская традиция. «У меня в Белоруссии живут родичи крестьяне, — писал по этому поводу Иван. — Если я считаю, что вот лично мне русская культура, общерусская культура, включая сюда и Гоголя, открыла дорогу в широкий мир, почему я не имею права желать той же дороги для моих родичей. Я часто и подолгу жила в белорусской деревне, и мне никогда и в голову не приходило, что мои родичи не русские. И им тоже»^[8].

После учительской семинарии отец Ивана работал в деревенской школе. Тогда же он начал писать консервативно-монархические статьи в гродненские газеты.

Когда в 1902 году губернатором Гродно стал Петр Аркадьевич Столыпин, Солоневич-отец уже работал на скромной должности в губернском статистическом комитете и продолжал журналистскую деятельность. Столыпин обратил на него внимание и в дальнейшем всячески поддерживал Лукьяна Михайловича: и в «Белорусском Обществе», и в качестве издателя газеты «Белорусская жизнь». Первый номер вышел в 1909 году. Газета имела прорусскую тенденцию, предавала гласности факты ополячивания и окатоличивания белорусов. В трудные для газеты моменты Столыпин помогал деньгами — причём не из казённых, а из личных средств^[9].

Благодаря своей настойчивости и крепкому характеру Лукьян Михайлович смог выбиться в люди, стать в Белоруссии заметной политической фигурой, даже претендовать на избрание в Государственную думу.

Для Ивана отец был самой авторитетной личностью. Лукьян Солоневич своей начитанностью и образованностью заметно выделялся среди современных ему белорусских политиков и журналистов. Он критически воспринимал многие стороны жизни в Российской империи, но с уважением относился к существующему порядку вещей, считал, что насильственная ломка того, что создавалось столетиями, приведёт к общерусской катастрофе. По мнению Ивана, у отца был только один недостаток — «почтительность к губернаторскому мундиру». Но и в этом случае он умел настоять на своём: «Конфузился, извинялся и продолжал вести свою линию».

Несмотря на поддержку Столыпина, семья временами очень нуждалась. Скорее всего, по этой причине Лукьян Михайлович стал полюбительски заниматься научно-исследовательской деятельностью, экспериментируя с молочнокислыми бактериями, стараясь создать «коммерчески перспективный» молочный продукт. (После Октябрьской революции у Лукьяна Михайловича, игнорировавшего советскую власть и всё с нею связанное, кефир «Лукьяновка» домашней выработки станет главным источником доходов.)

Как ни старался Лукьян Михайлович, он не мог оплачивать учёбу старшего сына в Гродненской гимназии. По свидетельству друга детства Ивана — Льва Рубанова, — Лукьян Михайлович, «забирая сына из гимназии» после трёх лет учёбы, руководствовался и другими соображениями. В 1904–1905 годах гродненские гимназисты поддались всеобщему политическому возбуждению, ходили на демонстрации, присоединялись к толпе и пели революционные песни. Лукьян Михайлович опасался, что Иван «наберётся тлетворного революционного духа».

Его тревоги были напрасными. Сын прочно усвоил слова отца о недопустимости разрешения конфликтов в обществе насилием, об эволюции как единственно возможном способе достижения общественного благополучия и государственного прогресса, о том, что частная собственность — неприкосновенна. Самые лучшие условия для народного развития и процветания, по убеждению Лукьяна Михайловича, создавало самодержавие. Основы будущей имперской идеологии Ивана — это прежде всего — влияние отца. Не удивительно, что всю свою жизнь Иван был последовательным врагом революций, под какими бы «этикетками» они ни

навязывались обществу. Иван говорил: «Да, я с юных лет моих „отбросил революцию“, как и революция отбросила меня».

Иван не раз писал о той эпохе своей жизни, не романтизируя её, как обычно бывает у мемуаристов, когда речь идёт о детских и подростковых годах: «Я вышел из третьего класса гимназии отчасти потому, что финансовые дела моего отца были в те времена совсем окаянными, а главным образом потому, что гимназической рутины я переварить не мог. Это стоило больших семейных драм. Но тот день, когда я покинул захолустную гродненскую гимназию, был, пожалуй, таким же радостным, как день перехода советской границы». Началась взрослая жизнь.

Иван брался за любую работу, что способствовало его быстрому возмужанию, формированию внутренней независимости, уверенности в себе. Все заработанные деньги Иван отдавал «в семью». Когда требовалось, он смело отстаивал свои интересы, в том числе «авторитетом кулака». Известен случай, когда Иван по просьбе некоего «почтово-телеграфного чиновника» два месяца выполнял его служебные обязанности, но вознаграждения в обещанном размере не получил. Чиновник «в порядке законной компенсации» получил хорошую трёпку, а Иван попал под надзор полиции «за оскорбление действием» государственного служащего.

Когда отец начал издавать газету «Белорусская жизнь», Иван немедленно подключился к делу и стал его главным помощником. Друг Ивана Лев Рубанов так вспоминал об издательской деятельности семьи Солоневичей до Первой мировой войны:

«Окончив гимназию в 1912 году, я вернулся (из Сувалок) в Гродно к родителям. В это лето Лукьян Михайлович издавал газету „Северо-Западная жизнь“ (более позднее название „Белорусской жизни“. — К. С.), где Ваня исполнял обязанности секретаря редакции. Редакция помещалась на втором этаже в доме Библина на углу Садовой и Телеграфной улиц. Мне же Лукьян Михайлович предложил быть театральным рецензентом, что очень мне импонировало, так как я имел постоянное место во втором ряду в гродненском театре»^[10].

В рекламной «врезке» в книге «Вся Вильна, 1911 год» о курсе газеты говорилось следующим образом:

«Внимательно следя за всеми событиями государственной и общественной жизни в России и за границей и давая им беспристрастное освещение на своих страницах, „Белорусская жизнь“ главное внимание будет сосредоточивать на обслуживании местных, краевых интересов, на выяснении взаимоотношений населяющих край народностей и на примирении их на почве справедливости, ни на минуту не забывая при

этом, что Северо-Западный край — Белоруссия — есть нераздельная часть Великой России, что господствующее положение в нём должно принадлежать белорусу — родному брату великоросса и малоросса, что в тесном единении этих трёх племён залог могущества государства».

«Белорусская жизнь», позже «Северо-Западная жизнь», вела острую полемику с либерально-буржуазной газетой «Наше утро», которая имела финансовых покровителей среди местных еврейских предпринимателей. Для «Северо-Западной жизни» её соперница была «пропагандистом разрушительных для единства России идей». Для «Нашего утра» «Северо-Западная жизнь» была реакционно-охранительным, шовинистским изданием, отвергавшим «векания прогресса в стране, обществе и культуре». Газету «Наше утро» издавал студент Психоневрологического института Мейлахович, отец которого был владельцем типографии. Мейлахович «воевал» с проправительственной газетой, поддерживаемой Столыпиным, и при упоминании её непременно «допускал опечатку» — «Скверно-Западная жизнь». Лукьян Михайлович свирепел в таких случаях и на следующий день отвечал сопернику далеко не в джентльменских терминах. Вот они — первые полемические университеты Ивана.

Молодость братьев требовала сильных ощущений, постоянного выплеска физической энергии. Они увлекались спортом, были активными членами физкультурного общества «Сокол». «Сокольство» как гимнастически-воспитательное движение началось в Чехии (тогда части Австро-Венгерской империи). Создателем этой спортивной системы был доктор Мирослав Тырш, чех по национальности, славянин по духу. «Сокольскую» гимнастику он выработал, используя свои глубокие медицинские познания, и она быстро приобрела популярность, особенно в странах Восточной Европы. Первоначально в России к «сокольству» относились настороженно, считая, что это «спортивное прикрытие» деятельности революционеров. С лёгкой руки П. А. Столыпина, понимавшего важность физического воспитания народа, «сокольство» в России пошло в гору. Гимнастика по системе Тырша была введена в русских учебных заведениях, офицерских школах и даже в войсках. Лукьян Михайлович, верный последователь Столыпина, разумеется, поощрял участие сыновей в «Соколе».

Отражением спортивных увлечений Ивана стали его газетные заметки на футбольные, боксёрские и тяжелоатлетические темы. Эти материалы печатались в «Северо-Западной жизни» чаще всего без подписи. К более серьёзным проблемам, прежде всего международным, Иван стал

обращаться с октября 1912 года. По оценке Игоря Воронина, одного из биографов Солоневича, «даже названия очерков, корреспонденций, заметок и передовиц говорят о становлении нового политического публициста всероссийского калибра: „Балканский кризис“, „Польско-еврейская распря“, „Drang nach Osten“, „Русская точка зрения“, „Австро-русские отношения“»^[11].

Иван, несмотря на свои трудовые и спортивные нагрузки, настойчиво занимался самообразованием. В мае — начале июня 1912 года в Вильне он сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости. Секретарь экзаменационной комиссии вручил ему соответствующее свидетельство: «хорошо» за знание истории, географии, законоведения, немецкого и французского языков, Закона Божьего. На «удовлетворительно» Иван сдал физику и математику, философию и латинский язык, а также русский язык и словесность. Последнее его огорчило, но строгость экзаменаторов была понятна: белорусский говор да еще косноязычие (заикание после сильного испуга в раннем детстве) сильно сказывались на его речи.

Экзамен по русскому языку подвёл Ивана при поступлении на экономический отдел политехникума. Его спросили о правописании деепричастий, о котором Иван «не имел никакого понятия». С тройкой по столь важному предмету в техникум не брали. Утешением стало то, что его зачислили на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где к поступающим не предъявлялось особенных требований. О карьере адвоката Солоневич даже не мечтал (при его-то косноязычии!), но для журналистской работы высшее образование было необходимо. В университете Солоневич проучился без перерыва шесть семестров, до весны 1915 года. Затем в его жизнь вмешались «форс-мажорные обстоятельства», и стены университета пришлось покинуть...

На рубеже 1912–1913 годов Лукьян Михайлович разошёлся с женой. Причиной стала другая семья, которая появилась у него во время деловых поездок в Санкт-Петербург. Почти десять лет Лукьян жил «на два дома». Но всё тайное становится явным. Юлия Викентьевна измены не простила и в порыве гнева наговорила всего, вплоть до проклятий. После этих тяжёлых для всех событий семья распалась.

Иван, связанный с отцом не только родственными узами, но и общим делом издания «Северо-Западной жизни», оказался в сложной ситуации.

Юлия Викентьевна, никогда не сидевшая без дела, сумела взять себя в руки. Всеволод и Люба были её главной поддержкой. Как и прежде, в трудные для семьи времена, мать зарабатывала на жизнь обшиванием

богатых дам и рукоделием, не забывая о ежедневных посещениях церкви. Она словно чувствовала, что жизнь её на исходе. Действительно, после «непродолжительной, но тяжкой болезни (воспаление лёгких) она почилла в Бозе». Именно такое извещение появилось в № 103 газеты «Северо-Западная жизнь» 2 мая 1915 года. Даже находясь на смертном ложе, Юлия Викентьевна не могла переломить себя: она отказалась видеть бывшего мужа, а для сыновей, оставшихся с ним, не нашла ни одного доброго слова...

Весной 1914 года Иван Солоневич женился на Тамаре Владимировне, урождённой Воскресенской, чем нарушил университетский устав: он был обязан просить у ректора разрешение на брак. Однако «самовольство» Ивана последствий не имело, разразившаяся мировая война списала всё.

Тамара окончила казачий институт благородных девиц^[12] в Новочеркасске в 1911 году с высшей наградой — с золотым шифром. Она обладала незаурядными лингвистическими способностями, хорошо владела французским, английским и немецким языками, была начитанной девушкой и не могла не произвести впечатления на Ивана.

Отец Тамочки — полковник В. И. Воскресенский — оставил свой след в истории тем, что входил в комиссию по делимитации русско-японской границы на острове Сахалин. В годы Первой мировой войны Воскресенский занимал пост начальника штаба дивизии. По свидетельству Солоневича, «это был человек исключительного остроумия и единственный по тем временам, который предсказал: война будет длиться не полгода и не год, — а чёрт его знает, сколько времени, и кончится чёрт его знает чем. Я, в числе очень многих людей того времени, отнёсся к этому пророчеству весьма иронически».

В 1933 году, когда чекисты всерьёз взялись за Солоневичей, из выездного досье Тамары была извлечена и приобщена к оперативной разработке её автобиография: «Дочь акушерки (внебрачная), родилась 11 апреля 1894 года в Одессе, украинка по национальности, родной язык — русский. Образование — выше среднего, служащая, беспартийная, под судом не была. До 1913 года жила на средства матери. В 1913 и 1914 годах, будучи учительницей, ездила пополнять образование на летние курсы в Париж. До 1915 года являлась преподавательницей французского языка в Минской гимназии. После эвакуации из города (в связи с немецким наступлением) выехала в Москву, где с 1915 по 1917 год жила с матерью по адресу — ул. Долгоруковская, 32».

В этой автобиографии нет, конечно, ни слова об отце-полковнике, казачьем институте благородных девиц, других «неподходящих»

родственников, включая дядю — генерала А. Сташевского, служившего в Казани. А сведения о матери-акушерке подозрений «классового характера» не вызывали, как и то, что Тамара — «внебрачная дочь».

Летом 1914 года Иван и Тамара совершили поездку в Париж. Первую половину дня Тамара проводила на курсах по усовершенствованию французского языка, а Иван знакомился с организацией спортивного дела в местных клубах. Он серьёзно относился к расширению познаний в сфере физкультуры и спорта, считал для себя перспективной эту работу. В ближайшие планы Ивана входило открытие в Минске гимнастического общества «Сокол» и организация команд по футболу и лёгкой атлетике.

После полудня Иван и Тамара по заведённому ими порядку встречались в заранее назначенном месте, обедали и, прихватив «Бедекер», отправлялись бродить по городу. Тамара считала необходимым «повышать культурный уровень» мужа. В обязательную программу входило посещение музеев и исторических достопримечательностей. Один из первых визитов был сделан в Пантеон с гробницей Наполеона. Тамара была влюблена во французскую культуру, обожала местную кухню, жаждала развлечений, и Иван старался ни в чём не перечить жене...

О годах, проведённых в университетских стенах, Иван Солоневич вспоминал часто. В числе его сокурсников был поэт Николай Гумилёв, известный своими монархическими убеждениями, а среди преподавателей — «витийствующие» профессора, авторы нашумевших философских и политико-экономических книг, в которых на всякие лады доказывалось, что Россия созрела для перемен, «судьбоносных перемен», если использовать сегодняшнюю формулу. В своих лекциях учёные мужи проповедовали идеалы свободы, равенства, братства, а следовательно, радикального обновления России. Как писал впоследствии Солоневич об университетских преподавателях, «почти все они были марксистами», использующими «немецкие шпаргалки». По мнению Ивана, «душа всякого русского профессора была сшита из немецких цитат».

Одного из них он выделил особо — профессора Михаила Ивановича Туган-Барановского, читавшего курс политической экономии. Студент Солоневич очень ненадолго увлёкся этой наукой, считая, что использование её постулатов позволит ему не только «правильно» интерпретировать сложные процессы, происходящие в России, но и наметить пути в будущее, чтобы с чётко выверенных позиций обустроить российскую жизнь. Студент-белорус, жадно впитывавший каждое слово, произнесённое с

кафедры, и задававший несколько корявые, но неизменно острые вопросы, не мог не привлечь внимания мэтра. Они встретились несколько раз за пределами университетских стен, но настоящего сближения не произошло. Солоневич так прокомментировал ситуацию: «По тем временам... я возлагал некоторую надежду на науку политической экономии. Наука, в лице профессора Туган-Барановского, возлагала некоторые надежды и на меня. Кажется, разочаровались обе стороны».

В недолгие месяцы близкого общения с профессором Иван проштудировал тома «Капитала», познакомился с трудами российских последователей К. Маркса, в том числе самого Туган-Барановского и П. Б. Струве. Вспоминая о «заблуждениях» студенческих лет, Солоневич писал: «Если бы это было юридически возможно, в эмиграции я предъявил бы проф. Туган-Барановскому иск за нанесение увечий моим мозгам: сейчас мне совершенно ясно, что после курса у проф. Туган-Барановского я во всём, что касается народного и вообще человеческого хозяйства, вышел ещё большим дураком, чем был до курса».

Критикуя профессора, Солоневич отметил, что ему ясны и «смягчающие вину обстоятельства»: «Проф. Туган-Барановский, — и прочие иже с ним — был просто глуп».

Эту оценку «научной состоятельности» профессора вряд ли стоит квалифицировать только как оскорбительный выпад «реакционного публициста», не сумевшего увидеть рациональных элементов в научных построениях Туган-Барановского. Известная эмигрантская писательница Ариадна Тыркова-Вильямс, которая имела возможность общаться с учёным, писала: «Не Туган выдумал социализм и связанные с ним экономические теории. На это у него не хватило бы воображения. Но мозги его обладали редкой ёмкостью для впитывания книжного материала. Он мог наизусть цитировать Карла Маркса и Энгельса, твердил марксистские истины с послушным упорством мусульманина, проповедующего Коран. Экономический материализм был для него не только научной истиной, но святыней. И он, и Струве были совершенно уверены, что правильно приведённые изречения из „Капитала“ или даже из переписки Маркса с Энгельсом разрешают все сомнения, все споры. А если ещё указать, в каком издании и на какой странице это напечатано, то возражать могут только идиоты. Для этих начётчиков марксизма каждая буква в сочинениях Маркса и Энгельса была священна».

Тыркова-Вильямс упомянула ещё об одной слабости Туган-Барановского и близких к нему учёных: почти полное равнодушие к живым людям, для которых сочинялись все эти «передовые теории». Тыркова-

Вильямс, как и Солоневич, проронила в адрес профессора слово «дурак» и тут же смягчила его: «Это... очень упрощённое суждение. Дураком Туган, конечно, не был, но была в нём доля нелепости, слепоты, иногда граничащей с тупостью...»^[13]

Учёба, газетная работа и семейная жизнь не препятствовали страстному увлечению Ивана спортом. Он пользовался любой возможностью для «накачивания» мускулов, тренировок с гирями, игры в футбол. Наибольших успехов, дружно отмеченных прессой того времени, Солоневич добился на всероссийском первенстве в Риге в феврале 1914 года. Иван выступал от минского атлетического общества «Sanitas» в соревновании по подниманию гирь. Нескольких фунтов не хватило ему, чтобы побить мировой рекорд в выжимании правой рукой, который принадлежал тогда известному атлету А. Елисееву. Ивану вручили серебряную медаль. Технической подготовленностью Солоневич не блистал, но его огромная сила поразила всех: этот белорус обязательно добьётся чемпионских лавров! Лукьян Михайлович не без гордости помещал в своей газете заметки о спортивных достижениях сына: «Знай, мол, Солоневичей! Они себя ещё покажут!»

Увы, не показали: разразилась мировая война, и о завоевании чемпионских титулов пришлось забыть.

Большая часть российских студентов встретила войну с энтузиазмом. И не только студенты: в газетах писали — всеобщий патриотический подъём! Солоневич вспоминал: «Осенью 1914 года студенчество попёрло в офицерские школы — добровольцами. Правительство старалось не пускать: весь мир предполагал, и Германия тоже, что война продлится месяцев шесть. Правительство дорожило каждой культурной силой. Народные учителя от воинской повинности были освобождены вообще. Студентов резали по состоянию здоровья: меня не приняли по близорукости».

24 февраля 1915 года Иван Солоневич стал официальным издателем, а отец — редактором газеты «Северо-Западная жизнь», которая сменила адрес — переехала в Минск. Иван пробыл на этом ответственном посту до сентября 1915 года. Он много писал в это время и, по оценке биографа И. Воронина, в свои двадцать пять лет хорошо овладел «жанровой палитрой журналистики, постиг основы полемического искусства». В серии очерков (более 70!) под общим названием «Дневник войны» Иван Солоневич, «безусловно, превзошёл средний уровень провинциальной

журналистики»^[14].

Обстановка на фронте в 1915 году была сложной и переменчивой: под натиском немцев пал Ковно, и казалось, та же участь ожидает Вильну, но большим напряжением сил русской армии их всё-таки удалось отбить. Потом последовал прорыв немецкой кавалерии до Молодечно, что породило обвал слухов: враг, мол, сумел перерезать железную дорогу на Москву и даже выбросил конную разведку под Минск. Слухи легко рождались и с такой же лёгкостью пропадали. Даже после череды поражений не хотелось верить, что армия кайзера овладеет Минском. Молодой журналист оставил насыщенную фактами и «подтекстами» зарисовку жизни в городе:

«В Минске было спокойно и беззаботно. Сюда были перенесены управление Варшавско-Виленской ж.-д., варшавские и потом виленские губернские учреждения; лодзинские фабриканты скупали в городе и в его окрестностях земельные участки для своих предприятий; многие варшавские и лодзинские фирмы перенесли свои магазины в Минск; перекочевало даже „Варшавское утро“, занявшись на минской почве фабрикацией варшавских сенсаций.

Город жил необычайно интересной жизнью. Массы беженцев — большей частью состоятельных купцов и промышленников Польши, тыловые учреждения, офицерство, переезжающее и наезжающее в город, — всё это давало великолепные гешефты минскому еврейству. Непомерное вздутие цен, только отчасти сдерживавшееся таксами и обязательными постановлениями, тяжким бременем ложилось лишь на плечи русского чиновничества с его неизменившимся жалованьем. Улицы, кафе, рестораны, кинематографы вечно кишели развлекающейся публикой, и только изредка толпы пленных и санитарные автомобили говорили о недалёких ужасах войны».

По цензурным соображениям Иван избегал «сгущения красок», шокирующих подробностей этого «пира во время чумы». Но не удержался, включил в статью «В Минске» описание не раз виденных им сцен бегства с насиженных мест белорусских мужиков, хотя был уверен, что безжалостная рука цензора эти описания не пропустит. Цензор пропустил:

«Самое ужасное, это — беженцы-крестьяне. Вросшие в свою родную землю, они срываются с неё только в ту последнюю минуту, когда враг находится в расстоянии нескольких вёрст и когда соседние деревни охвачены дымом пожаров. Возы с захваченным имуществом представляют собою нагромождение часто самых ненужных вещей: тут старые вёдра, кухонная посуда, грабли. Часто нет зимней одежды, в суматохе забытой в

заветных углах „скрын“ и чердаков. Как общее правило, крестьяне захватывают коров, свиней, баранов, если только интендантство не реквизирует их вовремя для надобностей войск... Но на дороге часто нечего есть и людям, не только коровам... На выручку приходит неизбежный еврей-перекупщик, и корова идёт за 50 коп. — 1 рубль».

Война приближалась к Минску. Из-за осложнившейся ситуации на фронте, угрозы немецкого прорыва многие управленческие органы, учреждения, ведомства, типографии и редакции были эвакуированы из города. Издание газеты пришлось приостановить. Солоневичи думали, что на несколько месяцев, оказалось — навсегда.

Иван вернулся в Санкт-Петербург. Имевшийся у него опыт работы в провинциальной прессе был явно недостаточным, чтобы рассчитывать на «тёплый приём» в столичных газетах. Всё пришлось начинать с нуля, бегать по редакциям, писать разовые репортажи, выбивать гонорары. Как вспоминал Иван, это были голодные месяцы, когда он спал на одеяле, постеленном на полу, прикрываясь летним пальто (другого не было). Тамочка ожидала ребёнка и поэтому находилась в Москве, под присмотром матери. Свободный от семейных обязанностей, Иван смог «подрабатывать» нештатным судебным хроникёром в тех петербургских газетах, которые не претендовали на первые роли в иерархии столичных изданий.

Далеко не все газеты были приемлемы для Ивана по своей идейной направленности. Он нуждался в твёрдом заработке, чтобы содержать семью, но кривить душой, изменять своим убеждениям не мог даже под угрозой голода. Свои взгляды Иван формулировал просто и категорично: монархия, православие, народ. Либеральные веяния с «розовой подкладкой» полностью отвергал, хотя именно эти «веяния» всё больше определяли политический климат столицы.

«Пробивные способности» позволили Ивану сравнительно быстро найти подходящее место в консервативной газете «Новое время», которая, по словам Солоневича, «всегда боролась с революционным движением, с которым боролся и я». Либералы считали, что газету правильнее было бы называть «Чего изволите», но это было мнение либералов, которые всячески вредили существующей власти и подталкивали страну к революции. Сотрудники газеты знали, что Николай II начинал свой день с чтения «Нового времени», и гордились этим. Фотография царя с газетой в кармане тужурки висела во многих кабинетах редакции, причём не только в «рекламных целях».

Газета последовательно защищала самодержавие, отстаивала раз и навсегда определённую позицию: Россия без царя обречена на долгие годы

нестабильности, хаоса и, возможно, распада. Николай II был символом стабильности.

«Новое время» слыло газетой антисемитской, скорее всего, потому, что некоторые авторы, включая таких корифеев, как Михаил Осипович Меньшиков и Василий Васильевич Розанов, затрагивали в своих писаниях «еврейский вопрос», чаще всего в контексте назревающего многовекторного кризиса империи. Однако хозяин газеты Алексей Сергеевич Суворин антисемитом не был. В своей кадровой политике он руководствовался исключительно деловым критерием: если ты способен, талантлив, инициативен, способствуешь финансово-коммерческому успеху газеты, следовательно, ты достоин работы в ней без каких-либо оговорок. Его правой рукой по вспомогательно-административным делам был некий Шмулевич, а в обойму постоянных пишущих сотрудников входили евреи Гольдштейн, Шайкевич, Манасевич-Мануйлов и др.

Солоневич любил вспоминать о своих хитроумных манёврах по завоеванию места под «нововременским» солнцем:

«А. М. Ренников^[15] помог мне устроиться во внутреннем отделе на обзорах провинциальной печати. Я до сих пор не могу забыть того большого и дружеского участия, которое оказал мне А. М. Ренников, он тогда редактировал внутренний отдел. Но я хотел работать более всерьёз. Редактор информационного отдела Ф. Ф. Борнгардт заявил мне, что он меня в этот отдел не пустит, — для такого заявления у него были все основания. Я сказал, что я пройду. „Нет, не пройдёте“. — „Ну, посмотрим“. Я сделал маленький трюк... Изучил все слабые стороны нововременской информации, дал несколько важных заметок Борнгардту, он их не пустил. Две соответствующие заметки дал в какую-то другую газету, а с рукописью третьей пошёл прямо к М. А. Суворину, взяв с собою все предыдущие произведения. Борнгардт едва не вылетел из „Нового времени“ совсем, что нам не помешало впоследствии поддерживать самые дружеские отношения. Так я стал работать в „Новом времени“. И так я получил доступ к политическому быту и политической технике двух последних лет Императорской России».

Роскошное здание редакции стало для Ивана вторым домом. Он с головой окунулся в черновую газетную работу и не тяготился ею, понимая, что претендовать на первые роли в суворинском издании рано. Когда-нибудь он будет писать не хуже, чем «первые перья» «Нового времени». Его час ещё настанет.

15 октября 1915 года Тамара родила сына, который был назван Юрием.

В конце ноября она вместе с сыном вернулась в Санкт-Петербург. С заработками у Ивана по-прежнему было не густо. По этой причине пришлось несколько раз менять квартиры. Их последнее «предреволюционное» жилище было более чем скромным: «Мы с семьёй — моя жена, сынишка размером в полтора года, и я — жили в крохотной квартирке, на седьмом этаже отвратительного, типично петербургского „доходного дома“. Окна выходили в каменный двор-колодезь, и в них даже редко проникали солнечные лучи».

Это был важный период в жизни Солоневича, уверенного в себе молодого человека с «мужицко-спортивной хваткой», проницательного и наблюдательного, с ясной жизненной целью: создать себе имя в российской журналистике. Конкурировать с авторитетными сотрудниками «Нового времени» Иван ещё не мог и старался набирать очки тем, что безотказно выполнял срочные репортёрские задания или же писал небольшие, часто безымянные заметки на текущие, не всегда интересные для него темы. Корифеям газеты платили по 20–40 копеек за строчку (например, В. В. Розанову — 50!), «подмастерьям», наподобие Ивана, — от трех до пяти копеек.

Размер гонораров определял образ жизни журналистов: привилегированные, как правило, были завсегдатаями дорогих ресторанов, имели доступ в высший свет и часто были конфидентами финансово-промышленных воротил. Если требовалось «свалить» министра, «мешающего» чиновника или проверить доходное дело, наилучшим печатным органом для этого было «Новое время». Низовые сотрудники газеты, среди них Солоневич, довольствовались малыми благами жизни. Это были редакционные ужины после двух часов ночи, где за бутылкой (бутылки были, невзирая ни на какие «сухие законы») каждый из сотрудников делился всем, что узнал за день («не для печати»). Кулуары Государственной думы. Министерства. Биржа.

Исследователь Игорь Воронин многое сделал для выявления публикаций Солоневича в «Новом времени». Большинство этих текстов так или иначе посвящено войне, тревожному положению в тылу, неприглядным фактам разложения хозяйственно-экономической жизни страны, явным признакам потери управления и контроля самодержавия за общественными и социальными процессами. Всё это незаметно и неуклонно подтачивало устои Российской империи, стойкость армии, общественную мораль, открывало простор для действия радикальных политических элементов. «Последние дни Гродно», «Пленники», «Война и деревня», «Восковой голод», «Винокуренные сирены», «Что делают с нашим хлебом»,

«Кожевенный хаос» — эти и другие статьи показывали: в России неурядица, в столице и провинции неудержимо нарастает внутренний кризис непредсказуемых масштабов.

Каких-либо статей Солоневича того периода, посвящённых Февральской революции, не установлено. Тем не менее молодому журналисту её негативные международные последствия были очевидны. Революция заметно ослабила способность России к самозащите. Игорь Воронин полагает, что публикация Солоневича «Немцы о русской революции» прямо указывает на эту позицию журналиста: «В дни всероссийского безумия, когда авторитетные фигуры русской консервативной журналистики заговорили не свойственным им языком „социальных перемен“, а владельцы „Нового времени“ поспешили заверить новую власть в лояльности, малоизвестный репортёр Иван Солоневич писал: „Противоречивые, сбивчивые и часто неверные сведения всё-таки подтверждают главное: немцы зорко следят за Россией и ловят вести о нашем внутреннем положении, независимо от источника, из которого они исходят“. Казалось бы, невелик подвиг, но — на фоне всеобщего революционного психоза — это, как минимум, голос здравомыслящего человека, пытающегося втолковать своим современникам: свержение Монархии, внутренние потрясения на руку только внешнему врагу, и больше никому»^[16].

В те дни Иван предпринял попытку восстановиться в университете, заплатил «недоимку» — 50 рублей за 1914–1915 годы — и получил разрешение на продолжение учёбы на юридическом факультете. Однако на студенческую скамью он так и не вернулся: начались революционные события. Поэтому, говоря о своем высшем образовании, Солоневич нередко использовал ироническую формулу: «Я, более или менее, окончил Санкт-Петербургский Императорский университет»...

О том, что Российская империя больна, Солоневич не мог не думать в предреволюционный 1916 год. В обществе распространялись грязные слухи о царской семье и Распутине, немецком шпионаже, главным инструментом которого была якобы государыня, о предательстве правящих верхов. Как позднее писал Солоневич, «во всей распутинской истории самый страшный симптом не в распутинском пьянстве. Самый страшный симптом — симптом смерти — это отсутствие общественной совести. Совесть есть то, на чём строится государство. Без совести не помогут никакие законы и никакие уставы. *Совести не оказалось*. Не оказалось элементарнейшего чувства долга, который бы призывал наши верхи хотя бы к защите элементарнейшей семейной чести Государя».

Солоневич вспоминал, как «наивным и малость провинциальным студентом» он попал в 1916 году в салон баронессы Скопиной-Шуйской и был свидетелем разговоров, в которых сладострастно повторялись, «сюсюкались» грязные выдумки о царице, княжнах и Распутине: «Гвардейские офицеры, которые приносили присягу, которые стояли вплотную у трона, — и те позволяли, чтобы в их присутствии говорились такие вещи... Очень грешен: никому в морду не дал. Просто встал и ушёл. Потом мне передавали: такого рода мужика баронесса приглашать больше не будет».

В начале августа 1916 года Иван был призван в армию и «приписан» ратником 2-го разряда в запасной батальон Кексгольмского лейб-гвардии полка. Медицинская комиссия вновь обратила внимание на дефект зрения у новобранца: «одна двадцатая нормального». По этой причине Солоневич не был направлен на фронт, а определён в швейную мастерскую полка.

Глава третья

ЯВЛЕНИЕ ЗЛОВЕЩИХ ЛЮДЕЙ

Швейная «перспектива» Ивана не устраивала. Не устроила его и переплётная мастерская, в которой в компании двух других очкариков ему пришлось забирать в коленкоровые обложки обильную бюрократическую документацию Кексгольмского полка. Вскоре, как вспоминал Солоневич, «был найден разумный компромисс — я организовал регулярные спортивные занятия для учебной команды и нерегулярные спортивные развлечения для остальной солдатской массы. Я приезжал в казармы в 6 утра и уезжал в 10 дня». Военную форму Иван надевал только на территории казармы, за её пределами ходил в штатской одежде.

Должность спортивного инструктора позволяла Ивану отлучаться по личным делам и не прерывать сотрудничества с «Новым временем». Вспоминая о своём батальоне, состоявшем из «бородачей», отцов семейств, которые из-за войны оставили семьи на произвол судьбы, Солоневич написал о том, что никто из его «возрастных» сослуживцев не рвался на фронт. Они были готовы выдержать любые тяготы казарменной жизни, но только не фронт, где «солдаты зачастую воевали против хорошо вооружённых немецких частей голыми руками. Три тысячи человек жили в переполненных казармах, с трёхэтажными нарами, чтобы уместились все». Настроение этой солдатской массы «было подавленным и раздражённым».

О качественном составе своей воинской части Солоневич писал: «Это был не полк и не гвардия, и не армия. Это были лишённые офицерского состава биологические подонки чухонского Петербурга и его таких же чухонских окрестностей. Всего в Петербурге их (таких полков) было до трёхсот. Как могло правительство проворонить *такие* толпы? Летом 1917 года я говорил об этом Б. Савинкову — он тогда был военным министром. Савинков обозвал меня паникёром».

Вот как описывал Солоневич повседневную жизнь Кексгольмского лейб-гвардии полка: «Быт этих „бородачей“ был организован нарочито убийственно. Людей почти не выпускали из казарм. А если и выпускали, то им было запрещено посещение кино или театра, чайных или кафе, и даже проезд в трамвае. Я единственный раз в жизни появился на улице в солдатской форме и поехал в трамвае, и меня, раба Божьего, снял какой-то патруль, несмотря на то, что у меня было разрешение комендатуры на езду

в трамвае. Зачем было нужно это запрещение — я до сих пор не знаю. Меня в числе нескольких сот иных таких же нелегальных пассажиров заперли в какой-то двор на одной из рот Забалканского проспекта, откуда я сбежал немедленно».

Но были и приятные воспоминания: «Людей кормили на убой — такого борща, как в Кексгольмском полку, я, кажется, никогда больше не едал».

В январе 1917 года Солоневича комиссовали по причине прогрессирующей близорукости и полной «неспособности» к военной службе и ношению оружия. Иван вернулся в штат «Нового времени» и по личному поручению Бориса Алексеевича Суворина, младшего сына владельца газеты, «в последние предреволюционные дни» взялся за сбор информации о том, что же на самом деле происходит в столице, действительно ли всё чревато беспорядками и бунтами. Солоневич, по его словам, «лазил по окраинам, говорил с рабочими, с анархистами, с эсдеками и с полицией. Полиция была убеждена: всё уже пропало. Начальство сгнило. Армия разбита. Хлебные очереди как бикфордовы шнуры».

Февральская революция застала Солоневичей в Петербурге. Отец выждал немного и уехал со своей второй семьёй в Мелитополь, предсказав, что «все российские заварушки — это надолго». Борис успел закончить только четыре семестра кораблестроительного отделения Петроградского политехнического института. Летом 1917 года он отправился к отцу на студенческие каникулы, вряд ли предполагая, что выучиться на кораблестроителя ему не суждено.

Ни в Февральской революции, ни в Октябрьской Иван участия не принимал. По его признанию, он был, в общем-то, пассивным созерцателем событий, осмыслить которые по-настоящему смог значительно позже. Определяли тогдашнюю его жизненную позицию в основном причины «материальные»: «Во время революции я не потерял ни капиталов, ни имущества, так как таковых не имел». То есть ничего не потерял, ничего не приобрёл, поэтому стоит ли так переживать из-за всех этих потрясений?

Размышления Солоневича о революции сконцентрированы в основном в его статьях цикла «Великая фальшивка Февраля» и в книге «Диктатура слоя», написанных уже в эмиграции. По оценке писателя, было много причин, которые привели к Февральской революции, однако той роковой искрой, которая вызвала протесты жителей Петербурга, стали хлебные очереди. Женщины, в основном фабричные работницы, после бесплодного ожидания хлеба стали грабить продовольственные лавки, перегораживать

улицы, обвинять власть во всех смертных грехах. О том, как начинался великий российский раздрай, Солоневич вспоминал десятки лет спустя так, как будто это случилось только что: «Были разбиты кое-какие булочные и были посланы кое-какие полицейские. В городе, переполненном проституцией и революцией, электрической искрой пробежала телефонная молва: на Петербургской стороне началась *революция*. На улицы хлынула толпа. Хлынул также и я».

Следуя репортёрскому инстинкту, Солоневич спешил побывать во всех критических пунктах первоначально стихийного, не имевшего политической подоплёки бунта. Бунт стремительно разрастался, подпитываясь негативной энергией толпы, окраинного плебса, уголовно-деклассированных элементов: «На Невском проспекте столпилось тысяч пятьдесят людей, радовавшихся рождению революции, конечно, великой и уж наверняка бескровной: какая тут кровь, когда все ликуют, когда все охвачены почти истерической радостью: более ста лет раскачивали и раскачивали тысячелетнее здание, и вот, наконец, оно рушится».

После разгрома оружейных лавок появились первые жертвы, по версии Солоневича, от неумелого обращения подростков с охотничьим оружием, которые «палили куда попало, лишь бы только палить». Однако цепкий глаз журналиста с самого начала выделил в этом «стихийном сценарии» начала революции энергичных «зловещих людей» в солдатских шинелях без погон, которые деловито грабили магазины, словно показывая пример всем другим. Они тоже стреляли в разные стороны, тоже наугад: иногда от «мальчишеского желания попробовать вновь приобретённое оружие», а иногда «в чисто превентивном порядке: чтобы никто не лез и не мешал». Толпа стала разбегаться, а улицы столицы к вечеру попали под полный контроль «зловещих людей».

В первый же день Февральской революции Солоневичу пришлось столкнуться с бандой «зловещих людей», которые ворвались в его скромное жилище с обыском. Предлог был обычный: якобы из квартиры кто-то стрелял «по революционерам». Солоневич подробно описал этот эпизод, раз и навсегда определивший его отношение к «революционной инициативе масс»:

«Стрелять было не в кого, разве только в соседние окна, наши окна выходили во двор. На ломаном русском языке банда требует предъявления оружия и документов. У меня в кармане был револьвер — я его, конечно, не предъявил. Я мог бы ухлопать человека два-три из этой банды, но что было бы дальше? Остатки банды подняли бы крик о какой-то полицейской засаде, собрали бы своих сотоварищей, и мы трое были бы перебиты без

никаких. Я предъявил свой студенческий билет — он был принят как свидетельство о политической благонадёжности. Банда открыла два ящика в комод, осмотрела почему-то кухонный стол и, поняв, что отсюда ничего путного произойти не может, что грабить здесь нечего, отправилась в поиски более значных мест».

В книге «Диктатура слоя» Солоневич размышляет о том, на какой стадии беспорядков в Петербурге можно было остановить разрушительную стихию, загасить «первые, ещё робкие, языки пламени всероссийского пожара». По его мнению, в условиях всеобщей растерянности, особенно правительственной, это было практически невозможно. В самом начале «их можно было бы потушить ведром воды — потом не хватило океанов крови. К концу первого дня революции зловещих людей можно было бы просто разогнать. На другой день пришлось бы применить огнестрельное оружие — в скромных масштабах. Но на третий день зловещие люди уже разъезжали в бронированных автомобилях и ходили сплочёнными партиями, обвешанные с головы до пят пулемётными лентами. Момент был пропущен — пожар охватил весь город».

Солоневич признавался, что его «косноязычие» было одной из причин политической пассивности в годы революции и Гражданской войны: «Не имея возможности ни говорить публично, ни даже толком разговаривать частным образом, я стал „в сей жизни не бойцом“, а только наблюдателем. Наблюдения были окайные. Оригинальностью они не блистали. Но об отсутствии оригинальности я узнал только потом, когда перечёл писания Суворина, Каткова, Тихомирова, Мещерского. Мнения о правящем слое России можно было бы сформулировать фразой К. П. Победоносцева о своей же правящей братии: „А кто нынче не подлец?“».

Надо было зарабатывать на жизнь. Не без участия Ивана группа студентов из атлетического кружка — «гиревики, борцы и боксёры, чемпионы и рекордсмены» — решили использовать свой «силовой потенциал» и пойти в порт, на Калашниковскую пристань, где потребность в сильных руках и крепких спинах была постоянной. Десятки тысяч тонн пшеницы лежали без движения. К тому же труд грузчика оплачивался в несколько раз выше репортёрского заработка Солоневича. Даже падение курса рубля не могло сказаться на росте оплаты питерских «докеров».

«Гениальная» идея пойти в грузчики не выдержала проверки практикой: «Первые часы мы обгоняли профессиональных грузчиков, потом шли наравне, а концу рабочего дня мы скисли все. На завтра явилось нас меньше половины. На послезавтра пришло только несколько человек.

Грузчики зубоскалили и торжествовали».

На пристани закрепиться не удалось. По молодости лет и при отсутствии «дипломатичности» студенты отказались выпить «рюмку мира», предложенную ветеранами пристани, пренебрегли скудным угощением, которое те выставили на импровизированный стол из необструганных досок: чёрный хлеб, солёные огурцы и прочая простонародная закуска. Отказ студентов был в принципе оправдан, потому что в качестве питья грузчики употребляли денатурат, химические добавки которого вызывали слепоту. Для Ивана это был верный шанс утратить зрение навсегда. Но других, более цивилизованных напитков, не было: «Россия ещё переживала сухой режим, введённый Николаем II — водки нельзя было достать почти ни за какие деньги. И петербургские грузчики пили денатурат... А как без денатурата? Работать в петербургском климате приходится под дождём или под снегом... Ветер с залива пронизывает насквозь; туман, оседая, покрывает груз тонкой ледяной коркой — истинно собачья работа».

Солоневич вспоминал: «Грузчики восприняли наш отказ как некое классовое чванство. Стакан денатурата был выплеснут в физиономию одного из студентов. Студент съездил грузчика по челюсти. Грузчики избили бы и студента, и всех нас, вместе взятых, если бы мы, презрев наше тяжелоатлетическое прошлое, не занялись бы лёгкой атлетикой: бегом на довольно длинную дистанцию при спринтерских скоростях. Так кончилось наше первое „хождение в народ“...»

Между тем с продовольствием в Питере становилось всё труднее. Как отметил Солоневич в «Диктатуре слоя»: «Дело стояло всерьёз: хлеба в городе уже не было: первая ласточка тридцатилетнего голода. Я жил чёрным рынком и редакционными авансами». Пригодились родственные связи: на окраине города, на Чёрной речке, в неказистом деревянном доме жил двоюродный брат — Тимофей Степанович Солоневич, он же — Тимоша. С ним Иван «кооперировался», чтобы совершать поездки в Лугу, Тосно и прочие места подобного рода, чтобы купить хлеб, муку, сало и другие продукты у мужиков. Эти поездки Солоневич называл «первым опытом революционного товарооборота».

Позднее Иван использовал биографию брата Тимоши для иллюстрации своего излюбленного тезиса о том, что пролетарская (и все другие) революция враждебна интересам трудовых людей. Простой деревенский парень Тимоша приехал в Петербург, устроился на завод Лесснера, получил профессию металлиста и накануне Февральской революции зарабатывал больше, чем Иван журналистикой. Деньги

откладывал, чтобы лет через десять открыть собственную авторемонтную мастерскую. По митингам и партийным кружкам он не ходил, потому что был человеком практичным, по выражению Солоневича, — «средним рабочим страны».

После февраля Тимошу не раз «заманивали» в партии. Как отметил Солоневич, «тогда — в 1917 году — ещё уговаривали. И на каждом заводе были свои эсэровские, эсдековские и всякие иные партийные товарищи, которые „подымали завод“ на массовое действо. Нельзя скрывать и того прозаического обстоятельства, что на каждом заводе есть достаточное количество людей, которые предпочтут шататься по улицам вместо того, чтобы стоять за станком. Тем более что заработная плата — она всё равно идёт».

Тимоша избегал политики, манифестаций и митингов не одобрял, вместе с толпой громить булочные не бегал. У него был другой тип «сознательности». Характеризуя его, Солоневич писал: «Наше поведение — моё и Тимошино, можно назвать индивидуалистическим, анархическим и вообще антиобщественным. И это в значительной степени будет верно: мы пытались выкручиваться каждый сам по себе».

В «революционной буче» неискушённым в политике людям трудно было понять, куда ведут русский народ волевые, уверенные в своей правоте вожди, причём не только большевистские. Многих устраивал прежний царский строй, который остервенело громили «зловещие люди». Частная собственность была для Тимоши и Ивана священным институтом. Сами они были «неимущими», но полагали, что при проклинаемом и разрушаемом революционерами режиме они имели реальные шансы добиться чего-то существенного в жизни:

«Тимоша считал совершенно законным существование хозяина на своём заводе, как я никогда не собирался национализировать газету, в которой я работал, и даже назначать редактора, который, по тем временам, учил меня, как надо писать. Мы были, как говорит русский народ, „уважительными людьми“, „истовыми“, и над нами, и над обломками тысячелетнего *нормального* общественного строя поднялась муть неистовых людей, людей лишённых уважения к чему бы то ни было в мире. Мы вовремя не истребили этих неистовых людей. Не догадалась вовремя истребить их и „реакционная“ полиция. Мы проворонили»...

Враждебное отношение к большевикам побудило Ивана и Тамару покинуть пусть плохонькое, но обжитое семейное гнездо и отправиться в рискованный путь из красного Петрограда в Киев, на белый юг.

В статье «Пути, ошибки и итоги», которая была опубликована в 1939 году, Иван подробно описал своё участие в антибольшевистской борьбе: «Потом была работа на Белую армию и с Белой армией. Побег из Москвы на Украину, авантурное путешествие из гетманского Киева в красный Питер. Побег из красного Питера с семьёй Калинниковых в тот же Киев. Побег из петлюровского Киева в белую Одессу. Командировка из белой Одессы в красный Киев. Подпольная работа в красном Киеве. Секретные сводки отдела осведомления Совнаркома, которые доставала Тамочка. Секретные военные сводки, которые доставал я. Эти сводки снимал на киноплёнку И. М. Калинников, отправлял в белую Одессу, а в белой Одессе никто не читал».

В Киеве Иван стал работать в редакции «Вечерних огней». Газета выходила нерегулярно, и жизнь её была недолговечной — с сентября по ноябрь 1919 года. Выходила она под эгидой Киевского бюро Союза освобождения России. Из-за частой смены, как сейчас сказали бы, «властных структур» в городе и возможных репрессий со стороны новых «хозяев» члены редакции и авторы предпочитали «укрываться» под псевдонимами. Солоневич последовал общему примеру, подписывая свои материалы как «Ив. Невич» или «Ив. Сол.».

В краткой «Автобиографии для РОВСа», написанной в 1936 году, Иван так вспоминал об этом периоде, который положил начало его нелёгким странствиям, рискованным авантюрам и, как выразился один из биографов Солоневича, «хождению по краю пропасти»: «После Октябрьской революции я, как миллионы других русских, бежал на Юг России. Принял участие в белой борьбе, но так как заболел сыпным тифом, остался в Одессе, когда она была занята красными. Так началась моя одиссея в СССР. Я работал грузчиком, кооператором, сценаристом, счетоводом, фотографом и, наконец, стал инструктором спорта и туризма».

Глава четвёртая

В КИЕВЕ — ПРИ БЕЛЫХ, В ОДЕССЕ — ПРИ КРАСНЫХ

В октябрьские дни 1919 года в Киев в гости к Ивану заехал на несколько дней Борис. Он совершал служебную поездку по Югу России «по линии» Осведомительного агентства белых (ОСВАГа). Борису было о чём рассказать: он не раз попадал в руки махновцев и «зелёных», однажды был приговорён бандитским главарём к расстрелу по «подозрению в офицерстве» и только чудом смог бежать. Борис дал понять брату, что намерен покинуть агентство, которое всё меньше занималось контрразведывательной и пропагандистской работой в тылу красных и всё больше погрязало в заурядном полицейском сыске, причём в собственных рядах Добровольческой армии. Пьянство, «постельные дела», спекуляция казённым имуществом, намерения дезертировать, иногда — подозрения в связи с большевиками и т. п.

Доносы поступали на всех, даже на старших военачальников. Информация докладывалась «наверх» (то есть начальнику ОСВАГа и А. И. Деникину) без проверки («там, мол, сами разберутся»). Чаще всего, по словам Бориса, подобного рода «доносители» преследовали шкурные цели. Они подсиживали неугодных, радели «родным человечкам» и в условиях фронтовой и тыловой неразберихи компрометировали тех, на несчастье кого можно было нажиться. По мнению Бориса, руководство ОСВАГа нередко пыталось подменить работу по красным в тылу Добрармии и за линией фронта охотой за «либеральными» попутчиками. Путём нехитрых манипуляций их можно было представить как опасную, конспирирующую против Белого движения силу, готовую при необходимости пойти на сговор с большевистским правительством.

Иван согласился с тем, что ОСВАГ «откровенно недорабатывает», особенно в пропагандистско-политической сфере. Самой большой удачей агентства, по мнению Ивана, были сатирические частушки, которые «заказывались» поэтам из белого стана. Они надпечатывались специальными штемпелями на советских банкнотах и разбрасывались за линией фронта с аэропланов:

Обманули комиссары,

Кучу денег надавали,
А теперь на эти знаки
Ты не купишь и собаки...

Проблемы монархизма, самостийничество и национальный вопрос, роль еврейства в разрушении традиционной России — эти и другие неразрешённые вопросы российской жизни тех дней обсуждались братьями с чувством бессилия и безнадёжности под трепет огня в «буржуйке» и «аккомпанемент» горилки.

В революционные годы и особенно годы Гражданской войны политическое становление Ивана Солоневича стало свершившимся фактом. Его публицистическое перо окрепло, он легко ухватывал суть повседневных событий и уверенно интерпретировал их с позиций «белого дела». Как следствие — оригинальные, часто пророческие сюжеты его статей. Прогноз Ивана о дальнейшем успешном наступлении белой армии, падении Москвы и гибели Совдепии, однако, не сбывся.

О своих взглядах той эпохи Солоневич вспоминал без каких-либо умолчаний: «В 1920 году я был политически довольно грамотным молодым человеком. Я был монархистом, антисоциалистом, верующим и вообще всем тем, что принято называть „реакцией“». Видный деятель эмиграции С. Л. Войцеховский^[17] так писал о монархизме Солоневича: «Благо России может быть обеспечено только Монархией. Монархия в России возможна только одна — НАРОДНАЯ, БЕССОСЛОВНАЯ. Иван Лукьянович твердил это всегда — и в 1919 году в Киеве, когда я с ним познакомился в редакции „Вечерних огней“, и годом позже, в Одессе, когда он о Народной Монархии говорил в советском подполье нам, членам Союза освобождения России»^[18].

Во время пребывания в Киеве Иван получил возможность услышать, как говорится, из первых уст о планах и намерениях большевиков. В качестве корреспондента «Вечерних огней» он встретился с Дмитрием Мануильским^[19], который был в то время своего рода «дипломатическим представителем» Советской России в Киеве. Интервью переросло в полемику, и Солоневич стал доказывать красному эмиссару, что «большевизм обречён — ибо сочувствие масс не на его стороне».

Мануильский снисходительно «просветил» наивного репортёра:

— Послушайте, дорогой мой, да на какого же нам чёрта сочувствие

масс? Нам нужен аппарат власти. И он у нас будет. А сочувствие масс? В конечном счёте — наплевать нам на сочувствие масс.

Этот разговор в Киеве, описанный позднее в книге «Россия в концлагере», стал исходной точкой для размышлений Солоневича о причинах кажущейся прочности советской власти и внешней эффективности её аппарата: «Очень много лет спустя, пройдя всю суровую, снимающую всякие иллюзии школу советской власти, я, так сказать, своей шкурой прощупал этот, уже реализованный, аппарат власти в городах и деревнях, на заводах и в аулах, в ВЦСПС и в лагере, и в тюрьмах. Только после всего этого мне стал ясен ответ на мой давнишний вопрос: из кого же можно сколотить аппарат власти при условии отсутствия сочувствия масс? Ответ заключался в том, что аппарат можно сколотить из сволочи, и сколоченный из сволочи, он оказался непреодолимым; ибо для сволочи нет ни сомнения, ни мысли, ни сожаления, ни сострадания».

Одной из своих работ, посвящённой анализу тоталитарных систем с социалистической, национал-социалистической и псевдосоциалистической подоплёкой, Иван Солоневич даст впоследствии название «Диктатура сволочи». Это название — сконденсированный итог тридцати лет его жизни под спудом «антигуманных, деструктивных, аморальных» общественно-политических систем, которые вожди, диктаторы и фюреры пытались навязать человечеству как единственно возможные.

Красные вновь наступали. В Одессу Иван уехал последним поездом, семью пришлось оставить в Киеве: на «железке» царил хаос, гарантий в том, что он сможет довезти жену и сына в целости и сохранности, не было никаких. Повсюду торжествовало право сильного: грабежи, кровавые расправы, насилие. Эпидемии тысячами косили людей, словно вернулись мрачные времена Средневековья.

В 1920 году в Севастополе умер брат Всеволод. Об обстоятельствах смерти Всеволода рассказал Борис в автобиографической повести «ГПУ и молодёжь». Эвакуировавшись после ранения из Туапсе в Севастополь, Борис случайно встретился с Лушевым, товарищем своих братьев по спортивному обществу «Сокол». Тот сообщил, что Всеволод служит комендором на броненосце «Алексеев»^[20]. Не теряя времени, Борис помчался на Графскую пристань, откуда на дежурном катере добрался до грозного корабля. Вахтенному офицеру не пришлось напрягать память и выяснять, служит ли на броненосце Всеволод Солоневич: из Морского госпиталя только что поступило извещение, что он умер от сыпного тифа. Борис покинул корабль с ощущением «первого в жизни большого горя»: «Я

опоздал на несколько часов... Где-то в серой больничной палате, окружённый равнодушными чужими лицами, бесконечно одиноким ушёл из жизни мой брат... А через неделю я и сам лежал в сыпном тифе в той же палате, где недавно умирал мой брат. И в полубреду я слышал, как подходили ко мне сестры милосердия и шёпотом спрашивали:

— Солоневич?

— Да... Только другой...

— Ну, совсем как тот!.. Ну, Бог даст, хоть этого выходим!..».

Первые дни в Одессе Иван Солоневич существовал на небольшие киевские сбережения, потом стал редактировать газету «Сын Отечества». Несмотря на войну и комендантский час, жизнь в городе была сносной. Инженеры Добрармии и местные техники поддерживали в рабочем состоянии городское хозяйство: освещение, водопровод, трамвайные пути. Продукты первой необходимости были доступны, несмотря на разгул спекуляции. Слухи о неминуемом прорыве Красной армии стали привычными: считалось, что они распространялись большевистской агентурой.

В дни эвакуации армии Врангеля Иван был недееспособен: лежал в беспамятстве в госпитале, — заболел сыпняком. Как говорил впоследствии Солоневич, госпиталь «в некоторой степени определил мою судьбу и начало моей советской карьеры: после выздоровления я стал санитаром в другом сыпнотифозном госпитале».

Неожиданно, «проявив инициативу», из Киева приехала жена с сыном. Поездка была тяжёлой. «С превеликими мытарствами, после шестидневного сидения на чемоданах и мешках, вместе с четырёхлетним Юрочкой, в товарном вагоне, я притащилась (буквально притащилась) в Одессу», — вспоминала Тамара Солоневич^[21]. Все вместе поселились на «дачке» по соседству с 12-й остановкой трамвайной линии, которая связывала Одессу с курортно-пляжным пригородом Большой Фонтан. Место было уединённым, на периферии чекистских патрулей, которые, по словам Тамочки, «в этот период рыскали, как гончие, по Одессе и окрестностям, вылавливая белых».

Надо было начинать новую жизнь в советских условиях, добывать средства на существование. Тамара поступила переводчицей на Одесскую радиостанцию, давала платные уроки иностранных языков. У Ивана возможности «приличного» трудоустройства были ограниченными. Недавнее сотрудничество с белыми в Киеве — ОСВАГ и работа в «Вечерних огнях» — могли всплыть при самой поверхностной проверке

биографических данных. Поэтому он предпочёл частную сферу деятельности. Сошёлся с местными рыбаками, пригласил двух-трёх друзей с таким же «сомнительным прошлым» и сколотил промысловую артель. Но коммерчески выгодным рыбопромысловое дело не стало. Перечёты и сети не радовали внушительными уловами. Как вспоминала Тамара, «на долю каждого приходилось 11–12 бычков. Бычки эти моментально жарились и съедались».

Иван сблизился с «антисоветски настроенной» группой сторонников «прежнего режима», в которую входил С. Л. Войцеховский, хороший знакомый Солоневичей по Киеву. Он не смог покинуть Крым, поскольку, по его словам, «был брошен в январе 1920 года на произвол судьбы ответственным за эвакуацию генералом Н. Н. Шиллингом». Конспиративные и полуконспиративные встречи Солоневича с Войцеховским и другими, возможно, остались бы «вне поля зрения» ЧК, если бы не донос старухи-садовницы Каролины. Солоневичи конфликтовали с нею на бытовой почве. Бойцовый петух «испанских кровей», который принадлежал старухе, терроризировал обитателей и посетителей дачи, особенно детей. Однажды после очередного нападения на Юру Иван не выдержал, поймал агрессивного «испанца» и засадил его в клетку. Каролина такого насилия над любимцем не простила. Тайком отправилась «куда надо» и наговорила на Солоневичей с три короба, указав на их подозрительные связи с бывшими офицерами.

Вскоре, по словам Тамары, «настал роковой день». В начале июня 1920 года «дачку» окружили красноармейцы с винтовками наперевес. Обыском руководил некий Рабинович, который с профессиональной цепкостью обнаружил все нехитрые тайники Солоневичей. В них хранились ювелирные вещицы «из приданого» Тамары, её бювар с фотографиями и письмами и пишущая машинка. Наличие пишмашинки было по тем временам серьёзным преступлением: по декрету властей все «множительные аппараты» подлежали сдаче в трёхдневный срок. В ходе обыска Рабинович намекнул Тамаре, что Солоневичи подозреваются в принадлежности к «подпольной организации».

Так начались тюремно-чекистские мытарства Солоневичей в красной Одессе. Вначале сидели в кельях монастыря, который располагался у 16-й станции трамвая. Кельи были превращены в камеры «предварительного заключения», а сам монастырь — в казарму для «интернационального батальона». Командир батальона — латыш по национальности — провёл первый, не слишком профессиональный допрос, и у Солоневичей появилась надежда, что их «попугают», поддержат ночь-другую под замком

и выпустят. Пустые мечтания: их перевезли в здание ЧК на Маразлиевской улице и поместили в подвальную камеру. По прошествии нескольких дней в составе колонны, в которой было несколько сотен человек, их отправили в городскую тюрьму. Предчувствия были самые мрачные, ведь, по словам Тамары, «в то лето в Одессе шли непрерывные аресты и расстрелы».

Только на шестнадцатый день после ареста начались допросы. Судя по всему, основательной «доказательной базы» у чекистов не было. Солоневичей обвиняли в передаче шпионских сведений агентам белых «с той стороны». По версии ЧК, Тамара, работая переводчицей на радиостанции, получала «ценную информацию», перепечатывала её на пишущей машинке и вручала мужу. Иван вместе с другими соучастниками («под предлогом рыбалки») выходил в море, где и проводил секретные встречи с белым эмиссаром. По мнению Тамары, «всё это было настолько нелепым, что и протестовать было трудно. Машинка не функционировала, радиостанция бездействовала, наши горе-рыбаки отъезжали от берега максимум на километр».

Особенно много допрашивали Ивана, и, по свидетельству Тамары, «он тревожился гораздо больше», опасаясь, что в сети ЧК попадут Войцеховский и его помощники. Они должны были посетить дачу, имея при себе документы, которые могли бы серьёзно скомпрометировать всех. «Подпольная организация действительно была, — писала Тамара в своих „Записках советской переводчицы“, — но, строго блюдя правила конспирации, муж мой даже мне ни словом не обмолвился. Его душевное состояние в момент ареста и после него было близким к отчаянию. Он боялся, что эти два члена организации попадут на нашей даче в засаду (Рабинович, оказывается, три дня оставлял солдат на даче, с намерением поймать кого-нибудь из наших знакомых, чтобы создать „дело“). С. Л. Войцеховский и С-ий по счастливой случайности пришли только на четвёртый день, когда засада была уже снята и, таким образом, от Каролины узнали, что мы арестованы. Были приняты все меры, и организация временно ушла в глубокое подполье».

В конце августа Солоневичей освободили «по причине отсутствия улик». Отчасти подействовало и ходатайство за них небольшого коллектива радиостанции, почти полностью состоявшего из «бывших». Их солидарность с Солоневичами была понятна: сами в любой момент могли оказаться в такой же ситуации. Формулировка постановления об освобождении — «отсутствие улик» — была более чем странной. Улики-то были! И шансов увильнуть от расстрела не было никаких! При аресте в руки чекистов попали документы, о которых, по словам Ивана, принято

говорить, что они «не оставляют никаких сомнений».

Позже выяснилось, что «спасительную услугу» оказал молодой еврей по фамилии Шпигель, который имел какое-то отношение к работе одесской чрезвычайки и утащил все подозрительные документы из дела Ивана и его жены. Оказывается, в своё время Иван оказал Шпигелю небольшую заочную услугу. Они не были даже знакомы. И вот — везение, дар судьбы, в критический момент подвернулся благодарный Шпигель. С того памятного происшествия слова «Шпигель поможет» вошли в арсенал «идиоматических выражений» семьи Солоневичей.

Тамара в деталях описала первые минуты семьи Солоневичей на свободе: «И вот мы идём — худые, голодные, оборванные. За три месяца мы не меняли платья. Ваня был арестован в рубахе и рыбацких брюках. Трудно поверить, как может выглядеть рубаха, если её носить и в ней спать, не снимая три месяца подряд. Только на плечах и на обшлагах она ещё кое-как держалась, остальное были дыры и лохмотья. На мне были остатки серого костюма, которые выглядели совсем неприлично».

За время отсутствия Солоневичей их вещи с «дачки» исчезли, даже матрацы. Всё тот же неутомимый Рабинович пригнал грузовик и погрузил на него незамысловатые пожитки. Лишь железные скелеты кроватей уныло жались по углам да обрывки обоев шевелились на сквозняке, — снова искали тайники с драгоценностями^[22]...

На старое место решили не возвращаться. Сняли квартиру в самом центре Одессы, в двух шагах от Дерибасовской улицы, — две большие и светлые комнаты. Первой нашла работу знающая иностранные языки Тамара — в АРА, — органе продовольственной помощи США голодающей России (*American Relief Administration*). Иван, имея за плечами грузчицкую практику в Петербурге, стал своим в среде одесских докеров и вскоре подкреплял семейный бюджет не столько деньгами, сколько «бесперебойными поставками провианта». В книге «Диктатура слоя» Солоневич назвал две даты своего погружения в мир грузчиков в Одессе: 1921 и 1923–1924 годы. Видимо, когда с работой было особенно плохо, Ивану приходилось рассчитывать на свой «единственный капитал», как он обычно говорил, — на крепкие бицепсы. Особенно тяжело было в 1921 году. «За годы голода и тифов я сильно ослабел физически, — писал он, — и шестипудовые мешки приобрели несвойственную им тяжесть. Мне было очень трудно. Кроме того, наличие в грузчицкой среде человека в очках вызывало недоумение и подозрительное внимание советской полиции, — меня укрывали от этого внимания».

Воспоминания об Одессе, «интернациональном городе с южным

оттенком», окрашены у Ивана Солоневича мрачными красками. По его словам, революция в этот город пришла на четыре года позже, чем в Петербург, и «главной опорой большевиков в Одессе был чисто уголовный элемент во главе с профессиональным бандитом Яшкой Япончиком». Властями предпринимались меры для подкупа городского пролетариата («допинга», по терминологии Солоневича), для чего объявлялись так называемые «дни мирного восстания», а на самом деле — повальные акции по конфискации имущества у буржуазии. Активисты должны были обходить богатые квартиры и забирать всё лишнее — от нижнего белья до мебели. Скрыться хотя бы на время было невозможно. Жителям приказывали сидеть по домам, уличные перекрёстки контролировались патрулями, а выходы из города были заперты отрядами Япончика.

Как писал Солоневич, «Одесса пережила отвратительные дни: вот-вот в вашу квартиру ворвутся обоего пола питекантропы и начнут рыться в шкафах и комодах, столах и сундуках. А вы будете стоять и смотреть — бессильный представитель вымирающего мира собственности». В то же время Солоневич свидетельствует, что пролетариат на подстрекательство к грабежу не поддался. «Дни мирного восстания» прошли действительно мирно, желающих «пограбить награбленное» не нашлось, если не считать представителей уголовного дна, портовых подонков, «шпаны» — по одесскому лексикону. Грузчики — товарищи Ивана — не пошли на «разрешённый властями» грабёж. Они пытались предотвратить налёты на квартиры запуганных людей, хотя, по портовым традициям, всегда были готовы «унести на спине, увезти ночью на лодке или вообще „национализнуть“ любым способом» всё, что «плохо лежит».

С первых дней жизни в Одессе Иван и Тамара строили планы побега из Советской России. Иван прорабатывал легальные варианты: «устроиться где-нибудь в порту, на таможне, на границе так, чтобы до заграницы оставалось несколько шагов. Но в эти места пускали людей только с проверенными биографиями. У меня не было никакого желания предъявлять свою биографию на благоусмотрение ВЧК».

Постоянная борьба за существование, выживание семьи и своё собственное — вот что определяло его тогдашнюю оценку советских порядков большевистской власти. В книге «Диктатура импотентов: Социализм, его пророчества и их реализация» Солоневич заключил: «Я не думаю, чтобы в эти годы я отличался бы выдающимися аналитическими способностями. Моё отношение к большевизму было типичным для подавляющей — неорганизованной — массы населения страны. Я, как и

это большинство, считал, что к власти пришла сволочь».

Свою версию одесской жизни начала 1920-х годов дал Борис в книге «Молодёжь и ГПУ»:

«А ещё говорят — нет чудес.

— Эй, товарищ Солоневич! Зайди-ка наверх — тебе письмо тут есть.

Я поднял голову. Из окна канцелярии военкомата на 4-м этаже ухмылялось лицо какого-то приятеля.

— Да времени, брат, нет. Брось-ка, голуба, его просто вниз!

Через минуту белый листок конверта, колыхаясь и скользя, упал на мостовую. Я поднял письмо, поглядел на адрес и радостно вздрогнул. Почерк старшего брата... Больше двух лет мы не видали друг друга... Чёрт побери — значит, он жив и в России!..

На письме был штемпель Москвы. „Каким ветром занесло его в Москву?“ — мелькнуло у меня в голове. Но сейчас же я и сам рассмеялся такому вопросу. Таким же — как и меня в Севастополь. Путанные ветры были в те времена...

„Милый братик Боб, — писал Ваня, — посылаю тебе письмо наудачу на адрес Севастопольского Всевобуча. Тебя, как чемпиона, там должны, конечно, знать и найти...

Можешь себе представить, как я дьявольски рад, что ты жив. А по совести говоря, я и не надеялся видеть тебя на этом свете.

А узнал я о тебе до нелепости случайно. В Москве теперь я проездом. Живу с Тамочкой и Юрчиком под Одессой.

По старой привычке купил в киоске „Красный спорт“. Просматриваю. Гляжу — фото — победители Крымской Олимпиады. Такие фотографии — их на пятак — дюжина. А тут почему-то я пригляделся... Судьба какая-то ввязалась в это дело. Гляжу — твоя физиономия... Вот так чудеса!.. Ну, я, конечно, сейчас же на почту... Я так рад, что хоть тебя отыскал в этой нелепой каше... Где батька и Вадя — ума не приложу... Знаешь, что, Bobby, — плюнь на всё там — приезжай ко мне. В такое время плечо к плечу легче воевать с жизнью...

Ей Богу, приезжай, братик!“...»

Второй раз звать Бориса не пришлось. Несмотря на трудности проезда в Одессу, её особое приграничное положение, Борис, обеспечив себя необходимыми документами, в том числе и мандатом «организатора олимпиады Юга России», отправился в путь. Преодолев патрули, заградительные отряды, проверки и прочие препятствия, Борис добрался, наконец, до цели. И вот — встреча. Первое впечатление о брате Борис запечатлел на страницах своей книги:

«Кто узнал бы в босоногом человеке, одетом в брючки и рубаху, сшитые из старых, покрытых пятнами мешков, — блестящего журналиста и человека с высшим юридическим образованием? По внешности вышедший мне навстречу человек был похож на бродягу, пропившего в кабаке остатки своего костюма... Вероятно, любой из моих читателей со страхом отшатнулся бы от такой странной фигуры... Но для меня это был мой милый брат, шуткой судьбы оставшийся в живых и заброшенный в дебри Новороссии».

В этой же книге Борис оставил безрадостную зарисовку жизни в Одессе:

«Тяжёлой была зима 1922 года! Неурожай, террор, реквизиции, паралич транспорта — всё это несло с собой всё обостряющийся голод. Одесса, жившая морем и портом, представляла собой пустынный вымирающий город. Вместо электричества дома освещались жестяночками с фитильками-коптилочками, дававшими копоть за 10 свечей, а светившими в четверть свечи. Воды не хватало. Водонапорная станция, расположенная в 40 километрах от города, на Днестре, не работала... Мы носили воду ведрами за несколько километров из колодцев. Об умывании и не мечтали: не хватало воды для питья. Топлива почти не было. В каждой комнатке стояло изобретение эпохи „военного коммунизма“ — жестяная печурка, называвшаяся „временкой“ или почему-то „румынкой“, — которую топили случайными материалами, начиная от собственной мебели и кончая соседними заборами».

В семейном фотоальбоме Солоневичей сохранился снимок, иллюстрирующий эти слова Бориса: он сидит у «румынки», протянув к огню ноги в грубых башмаках и солдатских обмотках. Спортсмен, волевой человек, привыкший преодолевать трудности и лишения, снят в момент невесёлых раздумий. Как жить? Что делать? В то время Борис работал «раздельщиком» на автомобильном кладбище, получая в качестве пайка килограмм чёрного хлеба. Дополнительные средства на жизнь дало участие в «чемпионатах французской борьбы». Для большей привлекательности организаторы назвали их международными и в срочном порядке подыскивали нескольких «иностранцев». Так Борис стал Бобом Кальве, «австралийским чемпионом», оказавшимся в Одессе «проездом в Москву». Артистические данные у Бориса несомненно были: «В своём американском пальто, скаутской шляпе, золотых очках, я с важным и надменным видом появлялся в театре и с успехом изображал иностранца, владеющего только „австралийским языком“».

Как выживали Солоневичи в месяцы «хаоса и разгрома»? По их рассказам, они создали что-то вроде «бродячего цирка», который гастролировал по сёлам. Неискушённые в цирковом жанре селяне охотно приходили на «грандиозные вечера смеха и силы», в которых братья выкладывались до предела: они пели, декламировали, показывали незатейливые фокусы и, наконец, потрясали нехитрые мозги зрителей «грандиозным гала-спорт представлением». Как вспоминал Борис, «наши силовые номера производили фурор. Было здесь и поднимание всяких доморощенных тяжестей, и „разбивание камней на грудях“, и „адская мельница“, и „мост смерти“, и прочие эффекты... Если удавалось — провоцировали на выступление какого-нибудь местного силача, который обычно срамился, не зная специальных трюков. После этого мы устраивали схватку „на первенство мира по борьбе“, с соответствующими „макаронами“ и „грозым рёвом разъярённых противников“. При хороших сборах мы угощали зрителей на десерт дополнительным блюдом — схваткой по боксу в самодельных перчатках из брезента, как рашпилем рвавших кожу при случайных ударах по лицу»...

Посещение «цирка» селяне «оплачивали» натурой: салом, мукой, яйцами, крупой, маслом. Иногда циркачей вознаграждали живностью: курами, гусями, поросятами. Домой братья возвращались, гружённые мешками с продовольствием. Тамара тоже помогала пополнять семейный бюджет. Она, по свидетельству Бориса, «раздобыла рецепт простого мыла, варила его и с большим успехом торговала на базаре».

Глава пятая

ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ

В 1922–1923 годах Иван работал преподавателем гимнастики, затем перешёл в Одесский продовольственный губернский комитет инструктором по физкультуре. В 1926 году Солоневичи покинули Одессу и переехали в Москву. Иван, используя связи в спортивных кругах, устроился на работу в ВЦСПС на инспекторскую должность по физкультуре и спорту. В одном из позднейших (заграничных) интервью Солоневич, не страдая в данном случае от скромности, отметил: «До 1930 года я *фактически руководил* спортом и туризмом СССР. В этом качестве ездил по всей России и Азии. Видел повсюду ужасную бедность и тогда понял, что при этом положении не только спорт невозможен в СССР, но даже и обыкновенная жизнь. Всё наше семейство решило бежать из СССР»^[23].

Говоря «всё наше семейство», Иван имел в виду и брата Бориса, который в 1926 году тоже переехал в Москву, чтобы занять пост инспектора спорта ВМФ. Борис получил жильё на Тверской улице, в доме 75, но ненадолго. Его арестовали за «нелегальную скаутскую работу» и сослали на Соловки. «Жилплощадь» брата — комнату в коммуналке — унаследовал Иван, который в «Диктатуре импотентов» описал её в самых неприглядных красках: «В квартире было семь комнат, и в семи комнатах жили восемь семейств. Одно из них жило в ванной. По утрам в коридоре шипели восемь примусов. По ночам из пяти комнат доносился крик неизвестного мне количества детей. По всем комнатам и коридорам квартиры безданно и беспощинно бродили неисчислимые полчища клопов. Это был „жилищный кризис“, который начался с началом революции и стихийно растёт и до сих пор... В Москве оказалось вовсе невозможно жить. По крайней мере для меня. Я могу выносить: примусы, детей, споры из-за уборной и пререкания из-за кухни, но к клопам у меня решительно то же отношение, что и к социализму: я не могу. Я сбежал. Но это мне удалось не сразу».

Поначалу Иван сбежал в Подмосковье. Весомой причиной для поиска «уединённого» жилья было стремление «не светиться» по адресу Бориса: излишний интерес соседей, письма с признаками вскрытия, пристальный интерес к нему членов домкома, — всё это не обещало ничего хорошего.

Политика то и дело вторгалась в столь, казалось бы, далёкую от

идеологии работу инструктора по спорту и туризму. Приходилось «маневрировать», «липовать», «корректировать» реальное состояние вещей:

«Меня заставляют разрабатывать и восхвалять проект гигантского стадиона в Москве. Я знаю, что для рабочей и прочей молодёжи нет элементарнейших спортивных площадок, что люди у лыжных станций стоят в очереди часами, что стадион этот имеет единственное назначение — пустить пыль в глаза иностранцев, обжулить иностранную публику размахом советской физической культуры. Это делается для мировой революции. Я — против стадиона, но я не могу ни протестовать, ни уклониться от него... Я вру, когда работаю переводчиком с иностранцами. Я вру, когда выступаю с докладами о пользе физической культуры, ибо в мои тезисы обязательно вставляются разговоры о том, как буржуазия запрещает рабочим заниматься спортом и т. п. Я вру, когда составляю статистику советских физкультурников — целиком и полностью высосанную мною и моими сотоварищами по работе из всех наших пальцев, — ибо „верхи“ требуют крупных цифр, так сказать, для экспорта за границу».

По традиции Иван Солоневич брался за любую дополнительную работу. Подряжался даже в качестве гида для иностранных туристов, которых называл «лоботрясами». Среди «подработок» — чтение лекций на спортивные темы. По подсчётам Ивана, в его «активе» было не менее пятисот прочитанных докладов в различных уголках страны. Эти сверхнагрузки помогли ему не только избавиться от дефекта, с которым он настойчиво боролся — косноязычия, но и приобрести прочные ораторские навыки. «В Советской России нельзя было не уметь говорить, — писал он. — Даже самый завалящий инструктор гимнастики был обязан делать доклады».

Чтобы подзаработать, Иван проводил показательные тренировки в вузах столицы, составлял брошюры-методички по постановке физкультуры и спорта в профсоюзах. В 1928 году «ударными темпами» подготовил солидные руководства по триста с лишним страниц — «Гиревой спорт» (для книгоиздательства ВЦСПС) и «Самооборона и нападение без оружия: элементарное руководство» (для издательства НКВД РСФСР). Руководство по самообороне прошло у чекистов на ура. Солоневича несколько раз приглашали в «Динамо» для дачи консультаций тамошним тренерам.

В эмиграции писатель неоднократно затрагивал динамовскую тему, которую хорошо знал, и не хотел, чтобы пропал «ценный исторический материал». Солоневич не скупился на негативные оценки спортивного

общества: «Динамо» — это пролетарское спортивное общество войск и сотрудников ГПУ, в сущности, один из подразделов ГПУ — заведение отвратительное в самой высокой степени, даже и по советским масштабам. Официально оно занимается физической подготовкой, неофициально оно скупает всех мало-мальски выдающихся спортсменов СССР и, следовательно, во всех видах спорта занимает в СССР первое место... «Динамо» выполняет функции слежки в спортивных кругах, «Динамо» занимается весьма разносторонней хозяйственной деятельностью, строит стадионы, монополизировало производство спортивного инвентаря, имеет целый ряд фабрик — и всё это строится и производится исключительно трудом каторжников. «Динамо» в корне подрезывает всю спортивную этику («морально то, что служит целям мировой революции»). При этом Солоневич подчёркивал, что ему стоило больших усилий «отбояриться» от приглашений «Динамо».

Связи с «Динамо», которые Иван Солоневич не отрицал, будут использоваться его недругами в эмиграции для обвинения в работе на ГПУ — НКВД: мол, ненадёжных людей «со стороны» в «Динамо» не брали.

Тамара устроилась переводчицей в Комиссию внешних сношений ВЦСПС, которая находилась в том же самом здании, где работал Иван. Первым «боевым» опытом для Тамары стало сопровождение делегации английских горняков в поездке по Советскому Союзу. Длительная забастовка этих шахтёров широко освещалась советской прессой, на поддержку их борьбы с капиталистами по всей стране собирались средства, имена их лидеров были у всех на слуху. Беспокоило Тамару только одно: как посмотрит Иван на её участие в «большевистском представлении» для английских пролетариев:

«Я поспешила к мужу. Рассказала, в чём дело. Нам обоим, конечно, было неприятно расставаться, тем более что до этого мы несколько месяцев провели врозь, он в Москве, а я в Одессе. Но предложение казалось мне настолько соблазнительным, мне так хотелось войти в контакт с настоящими, живыми англичанами, и казалось, что двери за границу как будто приоткрываются. Мечты бурным вихрем завертелись в моей голове. Обсудив всё, мы решили, что поехать всё-таки стоит».

Своими впечатлениями и наблюдениями об этой сорокадневной поездке, организованной Профинтерном, Тамара поделилась с эмигрантским читателем через десять лет. «Записки советской переводчицы» публиковались вначале в газете Солоневича «Голос России», затем вышли отдельным изданием. Масштабная даже по советским понятиям пропагандно-туристическая поездка «братьев по классу» была

описана Тамарой с хроникальной точностью, с таким изобилием подробностей, мимолётных эпизодов, деталей поведения профсоюзного начальства и английских гостей, что, несомненно, эта повесть до сих пор сохраняет ценность исторического и человеческого документа. Тамара попыталась рассказать о том, какими методами и средствами, по её мнению, создавалась «потёмкинская иллюзия» благополучия и процветания Страны Советов в глазах иностранцев. И о том, какие чудеса словесной эквилибристики приходилось совершать членам «группы обслуживания», включая переводчицу, чтобы не допустить какого-либо политико-идеологического прокола, не вызвать подозрений в том, что ярко раскрашенные «домики достижений социализма» нередко являются декорациями-временками.

Спецвагоны, выделенные для делегации, преодолели тысячи километров: Тула, Харьков, шахтёрские городки Донбасса, Кисловодск, Грозный, Тифлис, Баку. Везде повторялось одно и то же: многолюдные встречи на вокзалах, акты солидарности, интервью, обильные застолья и неизбежные подарки — от самоваров до ящиков с азербайджанским коньяком. Тамара признавалась, что даже на неё, убеждённую антикоммунистку, эти тщательно спланированные Профинтерном мероприятия оказывали влияние:

«Жизнерадостность, любопытство, почти детская восторженность от инсценированных большевиками приёмов, митингов и голосований немного раздражали, немного смешили и немного умиляли. Очень часто я ловила себя на сознании, что я раздваиваюсь: с одной стороны, мне до боли хотелось сказать англичанам правду о настоящем положении вещей, с другой, — какая-то безотчётная русская гордость вспыхивала и загоралась, когда они восторгались нашими просторами, нашей дивной кавказской природой, нашим гостеприимством».

Из этой поездки Тамара вернулась не с пустыми руками: не суррогатным, а настоящим коньяком для Ивана и чеканной фразой, которую могли тогда разделить все её коллеги по профессии: «Тяжела ты, шапка советской переводчицы!»

В мае 1927 года у Ивана появилась перспектива «легального» выезда за рубеж. Ему предложили место заведующего клубом советского торгпредства в Англии. Уже на следующий день мечты о загранице развеялись. В газетах было опубликовано сообщение о налёте британской полиции на офис и склады советской торговой компании «Аркос». Были захвачены компрометирующие документы, которые косвенно

свидетельствовали о том, что некоторые сотрудники компании занимались разведывательной работой. Дипломатические отношения между Советским Союзом и Англией были разорваны с разочаровывающими последствиями для Солоневича: «Розовые надежды были отодвинуты до следующей okazji».

Тамаре с заграникомандировкой повезло больше. В 1928 году она вместе с сыном уехала на три года в Берлин для работы в советском торгпредстве.

Глава шестая

РАЙ В САЛТЫКОВКЕ

Иван Солоневич всегда говорил о Салтыковке, в которой он провёл свои последние *свободные* советские годы (1926–1933), как о земном рае. Обнаружить этот рай, который находился на 17-й версте Нижегородской железной дороги, стоило больших трудов. Как вспоминал Иван, ему пришлось в течение нескольких недель сбегать со службы, обследовать московские пригороды, расспрашивать встречных и поперечных о сдающемся внаём жилье. Ответы были неутешительными: не только в Москве, но и в её окрестностях свободных «квадратных метров» не было.

Наконец Солоневичу повезло. В июле в очередном «исследуемом» пригороде — посёлке Салтыковка, на улице Луговой, дом 12 — он увидел через забор пожилую супружескую пару, мирно пившую чай на веранде. Иван подошёл поближе, попросил воды. Добросердечные старички предложили ему чай. Завязался разговор, в котором доминировала тема поиска жилья. Солоневич пожаловался, что именно по этой причине живёт врозь с семьёй, застрявшей в Одессе.

Далее содержание разговора идёт в изложении Солоневича:

«— Так вы, значит, из Одессы? — спросил старичок.

Одесса пользуется репутацией самого вороватого города в России. И на вопрос: „Скажите, а вы не из Одессы?“ анекдот отвечает так: „Сами вы сволочь!“ Поэтому я поспешил поправиться:

— Я, собственно говоря, из Петербурга.

— Ага, — сказал старичок, — а в котором году вы *бежали*?

Я понял, что попался. И ответил туманно: как и все. Старушка предложила мне ещё стакан чаю. Потом поговорили о том о сём. Потом старушка вышла на кухню, старичок последовал за ней. Что-то шептались. У меня на душе было неуютно: вот проболтался! Но оба супруга скоро вернулись на веранду, и на меня свалилась манна небесная:

— У нас, видите ли, — сказал старичок, — кое-какое помещение есть — только, может быть, дороговато для вас будет, — тридцать пять рублей в месяц, две комнаты...»

Надо ли говорить, что Солоневич торговаться не стал. С владельцем «частнохозяйственной дачи» Александром Руденко и его женой семья Солоневичей мирно уживалась шесть лет. По мнению Ивана, главным

достоинством этого обиталища было отсутствие домкома и всяческих, связанных с ним проблем и нервотрёпок. В Москве, на Тверской, ему пришлось принимать участие в собраниях жилищного кооператива, вникать в малоинтересные дела, связанные с починкой крыши, вывозом мусора, покупкой топлива для котельной и прочими хозяйственными проблемами. Солоневич вспоминал: «Я очень скоро сообразил, что ни о чём этом я, во-первых, не имею никакого понятия, а если бы и имел, то не имею никакой возможности заниматься всеми этими собраниями: у меня ведь есть всё-таки и мои собственные дела». Поэтому Солоневич регулярно саботировал собрания жильцов, что, конечно, негативно сказалось на его общественно-политической репутации.

Внешне Салтыковка была самым обычным «населённым пунктом»: с центральной магистралью — мощёной улицей с гордым названием «шоссе Ильича», дощатыми тротуарами, пусть и плохоньким, но уличным освещением. И всё-таки по сравнению с Москвой жизнь в посёлке, «оазисе свободы», обладала массой преимуществ: «Меня никто не тащил на собрания жильцов. Меня никто не заставлял контролировать хозяйственные действия товарища Руденко, владельца частнохозяйственной дачи... Когда я, усталый и голодный, возвращался домой, никто не стучал в мои двери, вызывая меня на собрания, посвящённые вопросам озеленения или заготовки мусора. Каким-то таинственным образом крыша не текла сама по себе, мусор исчезал, как кролик в рукаве prestidigitатора: таинственно, бесследно и, главное, бесшумно: без всякого участия „широкой общественности“, — сам по себе... Вообще был рай: не было ни бумажек, ни собраний, ни общественности, ни самостоятельности, было очень нище — очень просто, но по-человечески организованное человеческое жильё. А не клопное социалистическое стойло».

И ещё одно достоинство было у «райской дачи»: в её дворе находилась банька, в которой, по выражению Ивана, были смыты все наслоения московской социалистической эпохи.

Тамаре новое место обитания поначалу не глянулось. Ей не нравилось, что в посёлке «не было ни мостовых, ни тротуаров, ни освещения, и тёмной осенней ночью на улице приходилось зачастую трепетно стоять на одной ноге, потому что калоша с другой ноги устревала в непролазной грязи, и потому что страшно было ступить дальше в одной туфле... Лавок в Салтыковке почти не было. Только один кооператив, в котором, кроме водки и морковного кофе, ничего нельзя было найти».

Не нашлось у Тамары одобрительных слов и по поводу нового семейного гнезда, на поиски которого Иван затратил столько сил:

«Мезонинчик наш состоял из коридорчика, в котором два человека с трудом могли бы разойтись, и двух крохотных клетушек с бревенчатыми стенами, из которых вылезал войлок прослоек... Я, каюсь, человек, легко поддающийся настроению и импульсивный. Поэтому на следующее по приезде утро, лежа на импровизированной косоногой постели и смотря в маленькое оконце на гнущуюся от ветра оголённую берёзу, я впала в острое отчаяние, пустилась в слёзы, стала упрекать себя и ни в чём неповинного мужа в том, что мы уехали из милой Одессы, а когда мой взгляд нечаянно остановился на крюке от лампы, мне всерьёз захотелось повеситься».

Но привычка — великое дело. Прошло время, и семья Солоневичей нашла много положительных сторон жизни в Салтыковке — природа, простор, тишина, реки и озера, где можно было рыбачить, а иногда и браконьерничать. Железнодорожная станция обеспечивала связь с Москвой, хотя порой — при денежных затруднениях или желании дать спортивную нагрузку ногам — Иван отправлялся в столицу пешком (в трудах Солоневича есть упоминания об этих марш-бросках).

В «Съестной палатке» местного нэпмана Ивана Яковлева можно было приобрести всё, что было душе угодно: от сосисок до беломорской селёдки, причём без всяких карточек. Позже появилась ещё одна «микроскопическая акула капитализма», торговавшая продуктами питания, — купец Сидоров. Для Ивана, любившего хорошо поесть (вполне понятная для физически крепкого человека слабость), продовольственный ренессанс нэпманской эпохи был пусть недолговечной, но всё-таки радостью.

Тамочка постепенно приспособилась к примитивному быту Салтыковки и нашла в неторопливой жизни посёлка немало достоинств: «Летом это был рай земной, кругом леса, пруды и речушки, и чудесный воздух, и отсутствие пыли. Нам суждено было прожить в нашей „голубятне“ до самого побега нашей семьи за границу, и я так к ней привыкла, что когда уезжала в последний раз, я упала возле кровати и целовала пол, чувствуя, что я больше никогда уже сюда не вернусь. На фоне затормошённой, суматошной, шумной и грязной Москвы — Салтыковка была тихой пристанью, голубым озерком, уютом среди враждебной и угрожающей советской действительности».

Совместные путешествия по «джунглям и прериям» в окрестностях Салтыковки способствовали сближению отца и подраставшего сына. Юрий вспоминал о том времени:

«Я „открыл“ своего батьку, когда мне было четырнадцать лет... В то время он для меня стал богом — просто богом, таким, каким был Зевс для эллина. Живым, человеческим богом, не подверженным критике, да и не

нуждающимся в критике. В то время с ним можно было говорить о футболе и об Анатоле Франсе, которого я тогда начинал открывать, о „Кожаном Чулке“, который уже сходил с моего горизонта, или марках, которые я собирал, как все мальчишки — без толку. Взрослые друзья его, их у него тогда было — пруд пруди, — говорили с ним о музыке, и о театре, и о политике, и о чём угодно. Он знал всё и всем интересовался. И на всё имел свою, доморощенную точку зрения. Именно — доморощенную, потому что специалистам она в большинстве случаев казалась ересью. А к специалистам он всегда имел нескрываемое отвращение. Он играл в футбол и боролся, жал двойники, лазил с бредешком по салтыковским прудам»^[24].

В семейном альбоме Солоневичей, который бережно хранила вдова Юрия — Инга, есть фотография, сделанная в салтыковские годы, когда Юре было 13–14 лет. Иван присел отдохнуть на опушке леса, и Юра, поборцовски обхватив его за могучую шею, улыбается: отец как скала, не сдвинуть. Такая же добродушная улыбка освещает лицо Ивана. Оба в очках, и это придаёт им трогательно-беззащитный вид. С первого взгляда на снимок понимаешь, что отец и сын не позируют, что они беспрдельно искренни и что фотографу (Тамаре?) повезло: «лейка» запечатлела счастливое мгновение из жизни неразлучных друзей...

Впоследствии Юрий так вспоминал об этом уютном семейном пристанище: «Была у нас в Салтыковке, в нашей двухкомнатной „голубятне“, огромная кафельная печь, занимавшая по четверти из каждой комнаты, сложенная каким-то великим мастером-печником. Тяга в ней была такая, что в ней горели даже сырые, мокрые от дождя или снега берёзовые поленья. Через полчаса она нагревала всю квартиру даже в самые морозные дни до вполне приемлемой температуры. Зимой, приходя снаружи, так приятно было прижаться к ней спиной и ладонями и мечтать о Таити или Гонолулу»^[25].

Несмотря на дифирамбы Салтыковке, Тамара, получив в январе 1928 года разрешение на заграникомандировку в Берлин, покинула «салтыковский рай» без сожаления, прихватив с собой Юру. Иван посадил их в международный вагон, помахал на прощание рукой в почти непроницаемое окно и в грустном одиночестве отправился на свою «загородную виллу»...

На огонёк в Салтыковку собирались разные люди. Как вспоминал Юрий, отец «тогда верил в людей и считал, что нет на свете ничего интереснее и лучше, чем они. Даже в самой отъявленной сволочи он

находил жемчужинку, из-за которой ею стоило поинтересоваться. Он редко бывал в одиночестве, а так как друзей была масса, и друзья все интересные, то и случалось иногда, что в нашей салтыковской голубятне набивалось по тридцать человек. Все — разных толков и темпераментов, но все его одинаково любившие и ценившие»^[26].

В документальной повести «Роман во Дворце труда» Солоневич упомянул о некоторых салтыковских визитёрах: «В сенях моей мансарды всегда стоял десяток пар лыж, и у меня собиралась самая невероятная и, казалось бы, несовместимая публика. Каким-то таинственным российским способом она всё-таки совмещалась: чекист Преде, милый батюшка из микроскопической салтыковской церковушки, главный и самый бескорыстный друг Советской России м-р Инкпин, регулярно приезжавший в Москву, чтобы выклянчить очередную субсидию и получить очередную директиву, секретарь ЦК английской компартии м-р Горнер, наезжавший то на покаяние, то на поклонение, некоторые (другие) люди, удобно скрывавшиеся за этим прикрытием от небезызвестного недрёманного ока, и много всякой молодёжи».

В другом месте повести Солоневич в числе гостей назвал «большевистского полпреда в Ковно т. Карского»^[27] и «передовика „Известий“» А. Я. Канторовича. В материалах следственного дела Солоневичей упоминались и некоторые другие завсегдатаи «голубятни». Среди них — германский дипломат Вирт^[28], через которого Солоневич переправил Тамаре в Берлин материалы, предназначавшиеся для будущей публицистической деятельности: вырезки из советской прессы, фотографии, даже свои «разоблачительные статьи», которые, к сожалению автора, ни одно из немецких изданий не приняло.

Самые близкие, можно сказать, товарищеские отношения сложились у Солоневича с Зиновием Яковлевичем Эпштейном. Не встретиться они не могли, потому что Зиновий (Зен — в дружеском кругу) некоторое время жил по соседству с Иваном в Салтыковке. Познакомились они в 1927 году на перроне, дожидаясь поезда в Москву. Слово за слово разговорились, по малозаметным признакам ощутили близость своих подходов к окружающей жизни, неудовлетворённости тем, что были вынуждены мимикрировать, выражать лояльность тому, чему были чужды и чему не верили. Эпштейн работал в институте норм и стандартов угольной промышленности, занимался вопросами технической пропаганды. Несмотря на свой «профиль» работы, к лозунгам ускоренной индустриализации страны Зен относился критически, считая, что осуществляется она «через рабский труд

граждан, независимо от того, находятся ли они на свободе или в лагерях».

После переезда Зена в Москву Солоневич часто навещал приятеля по новому адресу — Хоромный тупик, дом 2/6. Характер у Эпштейна был лёгкий и весёлый. Он был «душой компании», пользовался успехом у женщин, никогда не обременял знакомых личными просьбами, но любил быть «полезным».

Зен владел обширным репертуаром анекдотов, в том числе «политически вредных». Больше всего нравился Ивану его анекдот о «русских пролазах»: сидели два еврея в московском ресторане, смакуя коньячок после сытного обеда. Один из них глянул краем глаза в газету «Правда», лежавшую на столе, и охнул от удивления: «Смотри-ка, Наум, заместителем наркома по торговле назначили Игната Демьяновича Сидорова!» Второй еврей сокрушённо покачал головой и осуждающе вздохнул: «Ох уж эти русские, везде пролезут!»

После ликвидации нэпа «райское житьё» стало давать перебои: возникли проблемы с приобретением продуктов, всё чаще отключали электричество. Чтобы наладить домашнее освещение, приходилось добывать керосин. В декабре 1931 года, уже после возвращения Юры из Германии, Салтыковка в очередной раз погрузилась во тьму. Поехали в Москву за керосином, простояли шесть часов в очереди на жестоком морозе. Иван Солоневич взял на себя «административные обязанности» по упорядочению очереди. По праву организатора, когда лавку открыли, первым наполнил два пятилитровых бидона вне очереди и сверх нормы. Кто-то стал протестовать, полез с кулаками. Завязалась драка, из которой, конечно, победителем вышел Солоневич. В другом случае керосин пришлось просто «умыкнуть» с территории какого-то охраняемого склада.

Салтыковские восторги Ивана ослабели, когда местная «среда обитания» непоправимо ухудшилась: свет на улицах пропал, тротуары были разобраны на дрова и сожжены в «румынках», а грязь стала непролазной. Пригородные поезда ходили «неритмично», часто из-за нарушений в графике люкс-экспресса «Голубая стрела», который циркулировал между Москвой и Нижним Новгородом. Эти ожидания на перроне в ранние зимние утра были тяжкими и утомительными и навсегда запомнились Солоневичу:

«И вот — стоят эти обмёрзшие (пригородные) поезда и ждут, пока мимо этих замёрзших людей, цепляющихся за жгучее железо поручней, с великолепным грохотом, обдавая пролетариат снежной пылью и ледяным ветром, голубой молнией мелькнёт показательно-издевательский экспресс с его ответственными — вот вроде меня — пассажирами... Для меня — этот

голубой экспресс стал неким символом социализма, индустриализации, пятилеток, рекламы, блефа и халтуры».

Солоневич был эмоционально привязан к Салтыковке, много, с аналитической дотошностью писал о ней. На примере «отдельно взятого» посёлка он рассказывал об общих процессах в Советском Союзе, резюмируя их одним словом: деградация. Нельзя отказать Солоневичу в проницательности, когда он указывает на главную причину крушения нэпа. На фоне оживления частнопредпринимательской деятельности «многочисленная администрация ходила угрюмо и угрожающе: её полномочия таяли с каждым днём, и её доходы таяли с тем же каждым днём... Началась та партийная безработица, которая впоследствии сыграла решающую роль в деле ликвидации нэпа... Партийная администрация стала обнаруживать, что вся эта мелкобуржуазная сволочь может жить вовсе без ордеров, разрешений, планов и всего прочего — партийная администрация скрежетала зубами и говорила: „Ну, подождите, не всё коту масленица“»...

В повести «Роман во Дворце труда» Солоневич рассказал драматическую историю молодых людей — комсомольцев Маруси и Коли Алёшиных, которые, по сюжету, бывали в гостях в Салтыковке. Под влиянием негативных сторон жизни в Советском Союзе (эксплуатация рабочих, голод, засилье бюрократов и т. п.) они создали подпольную организацию для борьбы с советским строем. Первой акцией подпольщиков стало распространение листовок, на чём Алёшин сразу же попался.

Арестовав преступника, сотрудники ГПУ выяснили, что в числе его знакомых был Солоневич. И вот — вызов к следователю Садовскому. В повести Иван признался, что его «не в первый раз таким манером приглашали в ГПУ, и всегда была нервная рабья дрожь». Его уже допрашивали на Лубянке: в первый раз в связи с желанием ГПУ «навести некоторые справки» о брате Борисе, второй — как инспектора по спорту по поводу падения и разрушения вышки для прыжков на водном стадионе в Сталинграде. Вышка довольно быстро рухнула: её превратили в «трибуну» для зрителей, то есть использовали не по назначению. Ивану удалось выпутаться из этой неприятной истории. Но могло быть иначе, ведь сталинградские чекисты считали, что всё было подстроено специально, чтобы «утопить головку сталинградского аппарата».

Беседы со следователем Садовским Солоневич изложил в объективной манере, с избытком точных психологических деталей, из чего можно сделать вывод, что в этих сценах было отражено реальное событие его

жизни, включая попытку вербовки в качестве сексота. Садовский дал понять своему собеседнику, что знает о нём очень многое, пусть и не подсудное, но на грани этого, многозначительно намекнул, что его считают автором листовок:

— Вы — самый старый работник в ЦК, и вы знаете там все входы... Мы весьма сильно подозреваем, что авторы этих листовок вам небезызвестны.

— Понятия не имею...

— Ну, допустим... Во всяком случае, там у вас, в ЦК, имеется троцкистская банда... Я допускаю, что до сих пор вы, ну, скажем, не обратили на неё своего благородного внимания. Так вот — вам и предлагаю: обратите внимание и дайте знать нам.

«Всё стало ясным: вся путаная цепь допроса... а также и то, что Садовский, прижав меня в угол совокупностью косвенных улик, предлагает мне почтенный пост секретного сотрудника ГПУ. Неплохой выбор! Только — малость ошибочный...

Должен сознаться — если бы дело шло о всамделишных троцкистах, то я решительно ничего не имел бы против, чтобы ГПУ их поймало и разменяло: чем больше эта публика будет резать друг друга, тем лучше для нас, всех остальных»...

Солоневич ответил следователю без обиняков:

— Давайте ставить вопросы проще: если вы посадите в подвал лишнюю дюжину троцкистов, — я охотно вам буду помогать...

Садовский дал Ивану на выполнение «задания» недельный срок.

История с Алёшиным и его женой разрешилась относительно благополучно: Колю выслали в Среднюю Азию на десять лет, Маруся выехала следом. Каких-либо сведений о «разоблачённых» Солоневичем в ЦК профсоюзов троцкистах в «Романе во Дворце труда» не приведено. Скорее всего, их и не было...

Солоневич никогда не скрывал, что среди его знакомых были чекисты. Он не мог избежать контактов с органами. В период работы в профсоюзах Ивану приходилось, например, заниматься выдачей «всяких вспомоществований и ссуд», и в числе его подопечных было немало сотрудников ГПУ — НКВД. А ещё рабочие связи с руководителями и спортсменами «Динамо», с издательством НКВД, «собеседования» на Лубянке по тем делам «физкультурного ведомства», которые были подозрительны на саботаж и т. п. — всё это фиксировалось в памяти, оседало на сетчатке зорких репортёрских глаз.

Для солоневичеведов и вообще для всех интересующихся жизненной траекторией писателя-публициста вопрос об обоснованности слухов о сотрудничестве Солоневича с ГПУ-НКВД является одним из самых болезненных. Не оказывал ли он и в самом деле негласной помощи органам?

В книге «Россия в концлагере» Солоневич написал, что хорошо знает «технику» чекистской работы. По его словам, это знание помогло ему 18 лет «выкручиваться» из цепких лап НКВД и выкручиваться «неплохо», потому что в результате ему удалось бежать за границу. В «Романе во Дворце труда» Солоневич особо подчеркнул, что данное в беседе с Садовским «согласие» на сотрудничество — вынужденный шаг, чтобы хотя бы на время «вывернуться» из критической ситуации и «не пропасть». Позже, по версии Ивана, он «откупился» от поползновений ГПУ солидной по тем временам суммой в десять тысяч рублей. Для этого он провернул хитроумную комбинацию с заказом спортивного инвентаря из дефицитного сырья в одной из кустарных артелей, которая и выплатила чекистам эти самые спасительные для Ивана «отступные». Операция была рискованная, но он пошёл на неё, потому что «товарища Солоневича в списках сексотов ГПУ товарищ Садовский не дождётся, — это уж извините».

К Садовскому Ивана действительно больше не вызывали. Так сказать — откупился. Но настроение его от этого лучше не стало: «Чрезвычайно отвратительно жить в стране, где всё время приходится изворачиваться и откупаться. Конечно — жизнь есть борьба, но и борьба-то бывает разная... Советская обстановка жизни совершенно исключает возможность честной борьбы. Всё время — какие-то воровские извороты. А не извернёшься — пропал... Пропадать мне не очень хотелось, но и изворачиваться — тоже. Как-то не люблю ни того ни другого».

Изложенная Солоневичем история о взятке чекистам, чтобы «откупиться», проверке не поддаётся. Её можно принимать или не принимать на веру. Однако неожиданный уход Солоневича со стабильной и неплохо оплачиваемой работы в ЦК профсоюзов, дававшей к тому же возможность поиска денежной «халтуры» в других местах, скорее всего, и стал тем вариантом действий, к которому прибегнул Иван, чтобы поставить точку на неприемлемой для него ситуации. Чтобы избежать общения с кадровиками, которые в обязательном порядке докладывали чекистам-кураторам о каждом вновь принятом сотруднике, после ухода из ЦК Солоневич больше не пытался устраиваться на работу в госучреждения. В положении человека «без определённого рода занятий» было легче уклоняться от контроля органов и располагать временем для подготовки

побега.

Нет сомнения, что Солоневич делал всё от него зависящее, чтобы избежать «возобновления отношений» с Садовским и К°. Но при этом было и другое: постоянный страх, что чекисты поймут смысл его «игры в прятки». Неуверенность в завтрашнем дне, опасения за судьбу членов семьи — это тревожило, побуждало к поиску выхода из, казалось бы, тупиковой ситуации. Отсюда — малохарактерные для него признания в депрессии и чувстве безнадежности: «Настроение было чрезвычайно отвратительное». И отсюда его те самые отчаянные слова: «Советская обстановка жизни совершенно исключает возможность честной борьбы. Всё время — какие-то воровские извороты. А не извернёшься — пропал».

Тесное общение Солоневича с немецким дипломатом Виртом в тот период тоже вызывает вопросы. Из материалов следственного дела НКВД о подготовке побега «группой Солоневича» следует, что он регулярно встречался с немцем в конце 1920-х — начале 1930-х годов (не менее восьми раз!). Через Вирта Иван сумел передать жене в Берлин различные материалы о жизни в Советском Союзе, надеясь использовать их в будущем для литературно-публицистической антисоветской работы. Сложно представить, что эти встречи с Виртом (чаще всего в Салтыковке) остались для чекистов незамеченными и они не предприняли необходимых шагов для выяснения подоплёки подозрительных отношений с иностранцем, если, конечно, они с самого начала не были подконтрольны органам. И если это так, то можно предположить, что Иван решил воспользоваться благоприятной ситуацией для «двойной игры», чтобы поддерживать через Вирта тайный канал связи с Тамарой.

В годы «подсоветской» жизни Солоневич проходил по пяти-шести делам, зарегистрированным в учётном отделе ГПУ-НКВД. В каком-то из них, наверное, и содержатся сведения о не прояснённых до сих пор эпизодах жизни Ивана, «технике выкручивания», «воровских изворотах» и «двойной игре».

В Салтыковке вне бдительного ока соседей можно было без особых опасений знакомиться с запрещённой и полузапрещённой литературой, «лишённой официального штампа». К ней Солоневич относил почти полностью изъятых из библиотек Есенина, Эренбурга, Сельвинского, Ильфа и Петрова. Была и просто «подпольная литература», которая распространялась в машинописных или гектографированных списках, часто — с эмигрантских изданий в Париже, Берлине, Брюсселе. Иван не жалел денег, чтобы приобрести очередную «новинку» подобного рода. Ещё

в Салтыковке можно было заниматься «бесцензурным» творчеством. В «Романе во Дворце труда» есть упоминание о некоем крупном сочинении, над которым Иван работал в то время. Садовский узнал о рукописи и поинтересовался её содержанием. Иван ответил туманно:

— Так сказать — психологические и сексуальные сдвиги...

Это разъяснение не убедило следователя в безобидности литературной работы Солоневича, и он настоял на том, чтобы Иван показал ему свой труд:

— Да вы не волнуйтесь... Ваша рукопись не пропадёт... А мы её посмотрим... Знаете, совет ГПУ никогда не помешает... Могут быть некоторые уклоны...

Иван не сопротивлялся, понимая, что другого выхода нет: «Пришли бы, устроили бы обыск и забрали бы и то, что нужно, и часть того, что совсем не нужно, чего я припрятать ещё не успел. Литературная профессия в Советской России имеет некоторые технические стороны, неизвестные буржуазным писателям... Конечно, Садовскому я передам только то, что с точки зрения ГПУ носит совсем уж вегетарианский характер»...

Надо сказать, что Иван Солоневич благоговейно относился к литературному труду, мечтал о писательской славе, как когда-то — о спортивной. Он сознавал, что никогда не сможет переломить себя, чтобы «отражать» в своих книгах успехи социалистических преобразований, и утешал себя размышлениями о том, что при советской власти не появилось имён «первой мировой величины», равных Тургеневу, Толстому, Достоевскому и Горькому. Те писатели, которые поднялись на волне революции, пытались осмыслить и оправдать её, создать новую пролетарскую литературу, — несомненно, талантливые Бабель, Пильняк, Сейфуллина и другие, — оказались, по мнению Солоневича, на периферии событий, игнорируемые властью: «замолчали, исчезли, растворились в безбрежности революционных стихий и Главлитов». Потрясли Ивана самоубийства ведущих поэтов советской эпохи — Есенина и Маяковского. Он сделал вывод: «Великая русская литература временно умерла. Мне пришлось присутствовать у её смертного ложа».

Как бы там ни было, Иван не терял интереса к современной литературной жизни, при любой возможности посещал встречи писателей с читающей публикой, «влекомый, — по его словам, — недугом репортёрского любопытства». Он оставил зарисовку одной из таких встреч, на которой писатель «второго ряда» Пантелеймон Романов^[29] публично отчитывался о своей работе. От Солоневича досталось и писателю, и его

читателям. Последние, по словам Солоневича, — это «отбросы фабрично-заводских задворков», «какие-то безлобые юнцы, какие-то орлеанские девы русской революции». Романов прочёл рассказ «о том, как „мелочи быта“ сбивают с революционного пути героев социалистической стройки». Началось обсуждение. По признанию Солоневича, более гнусной атмосферы ему, пожалуй, никогда не приходилось видеть. Романову пришлось выдержать самый настоящий допрос с пристрастием: у читателей вызывало подозрение всё — от сомнительного интереса автора к жизни героя с полубуржуазными привычками (как он далёк от пролетариата!) до собственной — автора — неясной политической позиции. Было высказано в обвинительной форме мнение о том, что Романов пытается «размагнитить» железную пролетарскую волю к стройке и борьбе, явно склоняясь к «право-лево троцкистско-бухаринскому уклоно-загибу».

Встреча с читателями в этот раз завершилась для Романова благополучно, он «умел себя держать», понимал ритуальную необходимость подобной «творческой смычки». Но и после неё, по свидетельству Ивана, рассказу Романова пришлось преодолеть «полдюжины цензур», чтобы появиться в печати. Через такие марафонские испытания Солоневич проходил сам, «пробивая» в печать свои спортивные руководства. Однажды самонадеянная «пролетарская девица» из Главлита, просмотрев его брошюру о технике поднятия гирь, сказала с полной уверенностью в своей правоте, что он, Солоневич, «плохо знает русский язык». Иван болезненно относился к подобным замечаниям:

«Мне — за сорок лет. Я окончил старый университет и занимаюсь литературной профессией лет двадцать. Русскую литературу я знаю как специалист, и кроме русского языка я кое-как говорю ещё и на трёх иностранных, — девица же спотыкается на элементарнейшей русской грамматике. Я стараюсь не скрежетать зубами и дипломатически отвожу её поправки к моему литературному стилю. И стараюсь доказать, что в русском языке есть всё-таки такие слова и выражения, которые, очевидно, ей, девице, по молодости лет ещё как-то не попадались на глаза. Такие беседы постепенно приводят к перерождению печени. В особенности если каждая книга стоит полдюжины таких бесед».

Роман «Россия на воле» был задуман Солоневичем как масштабное реалистическое полотно о событиях двух минувших десятилетий. Он хотел показать «отвратительное лицо революции», причём «не в виде грозного, но поэтического лика исторической Немезиды, а в виде миллионов

присосков скользкого, безликого и безмозглого революционного осьминога. Осьминог страшнее гильотины. Гильотина рубит голову немногим, а осьминог присосался ко всем».

Следователь Садовский настаивал на показе рукописи, что вызывало всё большую тревогу Солоневича: «Этот роман я писал года три. Но, насколько мне помнилось, решительно никому и решительно ничего о нём не говорил. Откуда Садовский узнал о его существовании! Рукопись романа делилась на две части: одна лежала более или менее открыто, другая сохранялась в тайнике, для ГПУ, безусловно, недоступном».

В конце концов один из его сослуживцев, каким-то образом связанный с ГПУ, намекнул с хитровой улыбкой, что оставлять портфели без присмотра чревато: всегда может найтись любопытствующий человек, проверяющий их содержимое. Это полупризнание успокоило Ивана: в его портфеле хранилась «невинная по содержанию» часть романа. Она была вручена Садовскому на ревизию и возвращена «без последствий». Садовский не поверил, что Солоневич с его откровенно «диссонирующими взглядами» пишет сексуально-психологическую чепуху. Но глубже копать не стал: лучше подождать. Психология непризнанных авторов была ему хорошо известна: они горят желанием поделиться своими гениальными трудами с друзьями и любимыми женщинами. Солоневич тоже попадётся.

Других сведений о своём первом романе Иван, к сожалению, не сообщил, но упомянул, однако, о том, что перед неудавшимся побегом 1932 года спрятал обе части рукописи в тайник. В 1938 году, находясь в Германии, он вернулся к замыслу «России на воле», пытаясь восстановить текст по отдельным наброскам и фрагментам, переправленным в своё время за рубеж. Этот творческий импульс Ивана был своего рода сублимацией переживаний, вызванных гибелью Тамочки. Именно её он видел главной героиней нового варианта романа. Рукопись и на этот раз не была завершена.

Не исключено, что первый вариант романа до сих пор хранится в «недоступном ГПУ» месте. Не зря говорят, что рукописи не горят. Поэтому сохраняется надежда, что кто-нибудь когда-нибудь случайно наткнётся на тайник, который находится в окрестностях Салтыковки или в недрах самой «салтыковской голубятни». Не будем гадать о литературной ценности романа, но исторической он, несомненно, обладает. Ведь это, если можно так выразиться, одно из первых диссидентских произведений советской эпохи, которое писалось из чувства протеста, не для публикации, а «в стол» — для читателей отдалённого будущего...

Глава седьмая

ЖИЗНЬ «ПО ОСТАПУ БЕНДЕРУ»

С государственной должности Солоневич ушёл в журналистику — на внештатную работу. У Эпштейна были связи в столичных изданиях, и он помогал Ивану в получении командировок в качестве спецкора. По заданиям редакций московских газет и журналов Солоневич объездил полстраны — Поволжье, Урал, Карелию, Среднюю Азию. Юра, вернувшись из Германии, стал сопровождать отца в этих поездках. Они побывали в Дагестане, Абхазии, Сванетии. Иван Солоневич с ностальгией вспоминал о своей работе в дореволюционных газетах, а о своём творчестве 1920-х годов чаще всего отзывался пренебрежительно. Он писал: «Я журналист по наследству, по призванию и по профессии, и у меня даже и после моих советских маршрутов осталось какое-то врождённое уважение к моему ремеслу».

Отношение Солоневича к советской журналистике зафиксировано во многих его высказываниях. Вот одно из них: «Пойдя в компартию, я, вероятно, мог бы получить чин какого-нибудь рептилин-пресс-шефа, — я не пошёл». Причина понятна: «Для работы в советской печати у меня оказалось слишком много брезгливости». Но писать приходилось, и Иван называл публикации подобного рода «халтурными очерками», потому что его «энтузиазм» был только видимостью, имитацией активной авторской позиции. К спортивной прессе, где «политики» было меньше, Иван относился спокойнее и писал для неё много. Его статьи можно найти в журналах «Физкультура и спорт», «Теория и практика физической культуры», «Медицинский работник» и др.

Позже, находясь в эмиграции, Солоневич так раскрывал «технологию» своей «подсоветской» журналистской деятельности:

«В числе бендеровских четырёхсот способов легального изымания денег из советской казны у меня был и такой:

Я приезжаю в совхоз и снимаю всех, кто попадает под руку. Фотографии с соответствующими текстами и очерками идут:

В журнал „Медицинский работник“ — как работает совхозная амбулатория даже и тогда, когда её и в природе не существует.

В журнал „Ударник социалистического животноводства“ — о том, как доярка Иванова Седьмая перевыполняет промфинплан.

В журнал „Работник просвещения“ — о том, как ударник Иванов Седьмой ликвидирует малограмотность (о неграмотности писать было нельзя — она уже ликвидирована).

В газету „Социалистическое земледелие“ — о дирекции совхоза вообще.

В „Красный транспортник“ — о том, как совхоз перевыполняет планы дорожного строительства.

В журнал Автодора — приблизительно о том же.

В наиболее благоприятных случаях удавалось снимать урожай с двенадцати журналов, перечислять которые было бы долго и скучно».

Как успевал Иван «обслужить» так много изданий за рекордно короткий срок? Технологию «чёса» раскрыл Игорь Воронин в очерке, посвящённом журналистской деятельности писателя: «Маленький секрет Солоневича удалось разгадать — список изданий не был бы столь велик, если бы их редакции не помещались по одному адресу — в Москве, на Солянке, 12, во Дворце труда, где располагались центральные комитеты всех отраслевых профсоюзов. И легендарного Остапа Бендера И. Л. Солоневич упоминает совершенно не случайно: именно по коридорам Дворца труда „великий комбинатор“, посетив редакцию газеты „Гудок“, убегал от мадам Грицацуевой»^[30].

О «перекличке» своей советской судьбы с судьбой Бендера, неунывающего героя «Двенадцати стульев» и «Золотого телёнка», Солоневич не раз писал в своих произведениях. Неприятие советской действительности — вот главное, что объединяет реального Солоневича и вымышленного Бендера. И тому и другому пришлось проявлять чудеса изворотливости, чтобы удержаться на плаву, выжить, не стать бездумными винтиками системы, которую они не могли принять, хотя и по разным причинам.

Искреннее сочувствие Ивана к Остапу Бендеру вызывал последний эпизод в «Золотом телёнке», когда румынские пограничники схватили «великого комбинатора» при попытке перехода границы и с привычной ловкостью «освободили» его от припрятанного под одеждой груза золотых вещей и драгоценных камней. Реалистически выписанная сцена ареста Бендера была настолько впечатляющей, что раз и навсегда убедила Солоневича в том, что «румынское направление» для побега не подходит: граница там действительно на замке.

Летом 1931 года Иван, Юра и Зен совершили поездку по Киргизии. По её итогам Иван написал несколько статей для журнала «На суше и на море»: «Животноводческий форпост», «Чу-река», «Интергельпо». Успехи и

трудности социалистического преобразования республики — таков тематический стержень этих публикаций. Если хорошо вчитаться в статьи Солоневича, то можно прийти к выводу: трудности явно преобладали. Социалистическому строительству мешало почти всё — инерция патриархального прошлого, неэффективность советского управленческого аппарата, необузданность природных стихий и многое другое.

В статье «Интергельпо» («Взаимопомощь») Солоневич рассказал о попытках чешских и других переселенцев из Европы создать в Киргизии передовую сельскохозяйственно-промышленную артель. Инициатором её стал чех Маречек. Он попал в русский плен как «рядовой австро-венгерской монархии». Годы пленения провёл в Пишпеке, созерцая заснеженные вершины Памира, и, судя по всему, искренне полюбил эти полудикие экзотические края.

Как написал Солоневич, «Великая российская революция ликвидировала все „плены“ на территории СССР, и рабочие и крестьяне — немецкие, венгерские, чешские — вернулись к своим семьям. К своей родине, к своему труду, но вместе с тем — и к своим помещикам и фабрикантам. Вернулся и Маречек. Но он уже видел жизнь без помещиков и фабрикантов. Просторы великой революции потянули его обратно в СССР, и вот он снова в Пишпеке, но уже не в качестве военнопленного, а в качестве „ходока“ от сотни чешских и словацких рабочих».

Переселенцам было выделено 320 гектаров земли в окрестностях Пишпека. Работа закипела. Иван без прикрас описал в статье историю становления артели, трудные моменты в её жизни, вплоть до беспощадного пожара, уничтожившего значительную часть имущества интергельповцев. Были сомнения, были дезертиры, были внутренние конфликты. Можно себе представить «умонастроение» Ивана Солоневича во время написания статьи «Интергельпо»: чешские, словацкие, венгерские и другие пролетарские товарищи жертвовали всем, чтобы выбраться из своих буржуазных стран и обосноваться в Советском Союзе, из которого он, Иван — крестьянский сын, стремился как раз в противоположном направлении, выискивая подходящие лазейки и тайные тропы через границу. Однако противоречивые эти эмоции в статье «Интергельпо» обнаружить невозможно. Стоит ли играть с огнём?

Оказавшись за пределами СССР, Солоневич не любил вспоминать о своих публикациях советской поры ещё и потому, что их содержание могло быть использовано против него недругами. При желании его «советскую подкладку» можно было бы доказать, выхватывая из статей, написанных до побега, отдельные слова и фразы, общепринятые для «красной прессы»

формулировки, без которых прохождение его материалов через цензуру было бы немыслимым. Снисходительное упоминание о «царском режиме», воспевание социалистической стройки, коммуниста-интернационалиста Маречека, выпады в адрес буржуазно-капиталистического строя и прессы. Сколько таких неприемлемых для эмиграции вещей скрыто в публикациях, о которых он просто-напросто забыл. Хорошо ещё, что некоторое материалы Иван подписывал псевдонимами.

Киргизская экспедиция Солоневича имела скрытую цель: он намеревался провести «разведку персидской границы южнее Ашхабада», определяя возможный маршрут для бегства из Советского Союза. План был таким: «Объехать всю Среднюю Азию, запастись всякими письмами, знакомствами, рекомендациями и прочим и к границе подъехать, так сказать, во всеоружии». Знакомство с реалиями Памира разочаровало Солоневича. Огромность расстояний, сложный рельеф местности, труднопреодолимые горные участки, налаженная пограничная охрана, в том числе с помощью киргизских кочевников, получавших вознаграждение за пойманных перебежчиков, — это делало весьма проблематичным уход за рубеж «семейной группой».

По мотивам поездки в Киргизию Солоневич, будучи уже за границей, написал документальную повесть «Памир». Она впервые была напечатана в Софии в книге повестей и рассказов И. Л. Солоневича «Памир: Советские зарисовки» в 1937 году. В предисловии автор указал, что «это никак не беллетристика, не литература, и вообще не выдумка. Ещё в России для себя, „для души“, я записывал свои встречи и свои наблюдения — вот почему всё это так живо в моей памяти».

Из путешествия на Памир Иван привёз себе и Тамаре киргизские народные одеяния, о чём свидетельствует страница семейного фотоальбома. В своём «типично мужском наряде киргиза», включая головной убор — *колпак* с угловатыми крылышками, и халат — *чепкен*, Иван прогуливался по улицам Салтыковки, изображая, на потеху поселковым мальчишкам, богатого «восточного» купца. Киргизские наряды по-настоящему пригодились Солоневичу в «год тощих коров», когда он готовился к побегу, нуждался в деньгах и распродал вещи.

Эпштейн познакомил Солоневича со своими друзьями из газеты «Известия». Среди них был популярный фельетонист Алексей Гарри, участник Гражданской войны, автор книжки рассказов «Огонь: Эпопея Котовского». Фельетоны Гарри Иван читал не без ревности, всякий раз делая вывод, что им не хватает критической остроты. Иван был уверен, что

Гарри травмировала северная каторга: «Он по какой-то опечатке ГПУ попал в Соловки и проторчал там год. Потом эта опечатка была как-то исправлена, и Гарри, судорожно шагая из угла в угол московской комнатухи, рассказывал чудовищные вещи о великом соловецком истреблении людей и истерически повторял:

— Нет, но зачем мне показали всё это? Зачем мне дали возможность видеть всё это?.. Ведь я когда-то верил!»

«Известинцы» — Евгений Гнедин, Анатолий Канторович, Исаак Будовниц — были людьми интеллигентными, гибко ориентировались в текущих событиях московской жизни, знали подноготную многих влиятельных персонажей столицы: из партийного актива, головки НКВД, загранведомств и творческих кругов. Иван приглашал эту газетную братию к себе в Салтыковку, чтобы более-менее «бесцензурно» поговорить о «текущем политическом моменте», причинах очередных кадровых перестановок в партийном руководстве и прочих не менее острых сенсациях советского «бомонда».

Во время допросов в сентябре 1933 года Иван Солоневич по требованию следователя дал характеристики на приятелей-газетчиков. О Канторовиче и Гнедине Солоневич отозвался, в общем-то, положительно, всячески подчёркивая их революционное прошлое и верность «генеральной линии партии» в настоящем. Упомянул Солоневич и о том, что Канторович некоторое время состоял в партии эсеров, а Гнедин, по слухам, был сыном меньшевика Парвуса^[31]. Чекисты, конечно, знали о них значительно больше и дополнительных вопросов не задавали. Вспоминая о содержании бесед с «известинцами», Солоневич старался быть лаконичным: «Разговоры были на политические темы разного характера — причём я и Эпштейн подвергали критике мероприятия советской власти по вопросу коллективизации, остальные участники всегда стояли за правильность этого мероприятия. В последнее время разговоры на политические темы по просьбе вышеуказанных сотрудников газеты были совершенно прекращены».

Солоневич умолчал о другом знакомом журналисте «Известий» — Евгении Братине, который был его другом детства (по другой версии писателя — товарищем юношеских лет). Судя по всему, он был «другом» с серьёзными оговорками. Вот характеристика, которую Солоневич дал Братину уже в эмигрантский период жизни: «В царское время он писал в синодальном органе „Колокол“. Юноша он был бездарный и таинственный, я до сих пор не знаю его происхождения, кажется, из каких-то узбеков. В русской компании он называл себя грузином, в еврейской — евреем. Потом

он, как и все неудачники, перешёл к большевикам. Был зампредом харьковской чрезвычайки и потом представителем ТАСС и „Известий“ в Москве».

В статье «Трагедия Царской семьи» Солоневич рассказал о любопытном эпизоде, связанном с «другом юности». В поисках заработка и, возможно, журналистской славы Братин решил «воплотить в жизнь» то, о чём постоянно твердила дореволюционная и послереволюционная пресса, — слух, что императрица поддерживала тайные (предательские) связи с немецким Генеральным штабом. Летом 1917 года Братин с таинственным видом рассказал Солоневичу, что «нашёл шифрованную переписку Царицы и Распутина с немецким шпионским центром в Стокгольме». Как раз в тот период работала Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства по делам о преступлениях царского режима. По мнению Солоневича, «положение комиссии было идиотским: никаких преступлений — хоть лавочку закрывай». «Вся страна ждала „разоблачений“. И вот *ничего. Абсолютно ничего*».

И тут удача: в газете «Республика» (до революции — «Биржевой курьер») были опубликованы документальные доказательства — секретные «телеграммы», «чушь совершенно несусветимая». Газету раскупили моментально. Солоневич вспоминал о тех событиях: «Я был временно приглашён в эту газету ещё в период её „биржевого“ прошлого для постановки в ней информационного отдела. „Республику“ я бросил, но, узнав о сенсационных намерениях Е. Братина, всё-таки поехал к Гутману и честно предупредил: кроме скандала не выйдет ничего. Гутман сослался на тираж. Скандал получился, если и не грандиозный в те времена сплошной „мешанины“, — то, во всяком случае, очень большой. Сравнительно мелкая газета в одну неделю подняла тираж почти до миллиона».

По словам Солоневича, Чрезвычайная комиссия, однако, «обрадовалась до чрезвычайности», — наконец-то хоть что-нибудь. ЧК вызвала Братина. Братин от «дачи показаний» отказался наотрез: это-де его тайна. За Братина взялась контрразведка — и тут уж пришлось бедняге выложить всё. Оказалось, что все эти телеграммы и прочее были сфабрикованы Братиним в сообществе с какой-то телефонисткой.

В статье «Миф о Николае Втором» Солоневич рассказал о судьбе «друга юности» без сочувствия: «Но дело ограничилось только скандалом — из „Республики“ Братина всё-таки выгнали вон — его буржуазно-революционная карьера была кончена и началась пролетарски-революционная — та, кажется, кончилась ещё хуже^[32]. Потом, лет двадцать спустя, я обнаружил следы братинского вдохновения в одном из

американских фильмов. Так пишется история».

По страницам произведений Солоневича разбросаны сотни реальных персонажей, с которыми он в тех или иных обстоятельствах общался в советские годы. Эти портреты-зарисовки — журналистов, спортивных деятелей, чекистов, профсоюзных работников, писателей, «киношников», нэпманов, сотрудников министерств, «деклассированных» элементов (какого-нибудь беспризорного мальчишки, мечтающего о возвращении «царского режима») — до сих пор поражают точностью, конкретностью «социального облика» каждого персонажа, безошибочностью языковых характеристик. Судьба каждого из них была достоверно вписана в советские реалии. Глубина проникновения писателя-публициста в «маракотову бездну жизни советского общества» поражала эмигрантского читателя, помогала ему осмыслить суть событий «за чертополохом»^[33]...

Глава восьмая

СКИТАНИЯ СКАУТА БОРИСА СОЛОНЕВИЧА

Среди причин, которые побуждали Ивана Солоневича заняться планами «семейного ухода» за границу, были опасения за Бориса. Органы мёртвой хваткой вцепились в него. Вначале отправили на Соловки за «подпольную скаутскую деятельность», доведя почти до полной слепоты, затем перебросили в Сибирь в качестве ссыльного, а позже — в Орле — пытались через свою агентуру втянуть брата в «антисоветскую организацию», чтобы окончательно захлопнуть ловушку. Борис в письмах, которые передавались Ивану через редкие оказии, намекал: «Мои проблемы, известные тебе, по-прежнему существуют, причём независимо от меня».

Иван не сомневался в том, что органы подбираются и к нему. Рано или поздно он на чём-либо попадётся. А наличие брата-антисоветчика, подпольного организатора скаутского движения, — это хороший предлог для построения следственного «романа». Чтобы не допустить нежелательного развития событий, надо упредить органы, ускорить уход за кордон. С Борисом в одной «команде» (с его-то скаутской школой выживания!) шансы на успех предприятия значительно повышались. Долгие годы жизнь Ивана Солоневича была тесно связана с жизнью младшего брата, который был его главной опорой в житейских, спортивных, издательских, общественно-политических и пропагандистских делах.

В автобиографиях, которые пришлось писать Борису вначале для следователей ГПУ-НКВД, а затем — в эмиграции — для сотрудников полиции и контрразведки РОВСа в Финляндии и Болгарии, он сообщал о себе дозированные сведения, «в зависимости от адресата». От чекистов он утаивал факты участия в Белом движении, от РОВСа и полиции — подробности своей тренерской работы в «Динамо». Борис понимал, что для контрразведки РОВСа его близость к «Динамо» была подозрительной.

Сравнение автобиографий Бориса «для тех и других» даёт наглядное представление о сложных перипетиях его жизни, скитаниях по взбаламученной революцией России, проблеме выбора (с белыми или

красными?), опасных играх с ГПУ-НКВД. Он считал важными такие вехи своей биографии, как должность помощника начальника скаутов России С. И. Пантюхова «в чине» старшего скаутмейстера, участие в чемпионатах различного уровня по вольной борьбе, на которых часто занимал призовые места. После двух курсов на кораблестроительном отделении Петроградского политехнического института во второй половине 1917 года он перебрался к отцу на Кубань — «из-за голодной жизни в Петрограде».

В Екатеринодаре работал корреспондентом газет «Свободная речь» и «Единая Россия». Позже устроился преподавателем физкультуры в реальном и техническом училищах. Пригодился также опыт, приобретённый в скаутских отрядах Вильны и Петрограда: он стал начальником городского «образцового отряда скаутов». По собственной инициативе Борис Солоневич пошёл служить в Осведомительное агентство Добровольческой армии (ОСВАГ), совершил несколько «ходов» на советскую сторону.

За неделю до перекопских боёв Борис был командирован в Константинополь. Узнав о прорыве красными крымского фронта и об эвакуации врангелевцев, Солоневич решил вернуться в Россию, «чувствуя себя неразрывно связанным со своей страной» (из показаний в ГПУ 1926 года). Борис прибыл в Ялту на борту «попутного» американского миноносца как раз тогда, когда на транспорты грузились последние отряды белых и их семьи. На более позднем допросе в ГПУ (в марте 1932 года) Борис, объясняя причины возвращения в Крым, дал несколько иную интерпретацию своего поступка: «остался в России потому, что мало разбирался в политике и желал приносить посильную пользу в новой стройке».

После установления советской власти в Крыму Всеобуч объявил о «добровольной мобилизации спортсменов», и Борис в числе первых предложил свои услуги. Его назначили заведующим 1-м Севастопольским рабочим спортклубом. В тот же период, несмотря на «неразумность» данного шага, Борис тайно возглавил скаутскую дружину.

В 1921 году Борис ненадолго стал председателем Крымского олимпийского движения. В октябре этого же года, «спасаясь от преследований Чека» (формулировка для РОВСа), переехал в Одессу и продолжил работу во Всеобуче. В 1922 году Борис организовал Одесский легкоатлетический клуб и устроился в местный филиал АРА. К этому времени относились последние попытки Бориса отстоять скаутские отряды. (Версия для РОВСа: арестован Одесской губчека по обвинению в «организации боевых скаутских банд, подготовке восстаний на Дону и

Кубани». Приговорён к двум годам за бандитизм. Находился несколько месяцев в Одесском ДОПрЕ. Освобождён досрочно.)

Некоторые обстоятельства этого ареста Борис описал в книге «ГПУ и молодёжь». По его словам, Иван и Тамара терялись в догадках: за что? Только ли за подпольную скаутскую работу? Первое «зашифрованное» известие от Боба поступило в книге, которую передал Ивану один из выпущенных сокамерников. Боб просил о помощи. Помочь могли американцы из АРА, и Иван поспешил к ним. Те предприняли попытку вызволить Бориса, но без успеха. Председатель губернской ЧК Семен Дукельский^[34] принял американцев и заявил им, что Борис является «важным государственным преступником», «советским подданным» и что органы власти не обязаны отчитываться перед иностранцами о своих действиях. Дукельский говорил с американцами подчёркнуто грубо, и они сделали вывод, что положение их сотрудника безнадёжно. Отказ Дукельского мог означать самое страшное: включение арестованного в очередную разнарядку по «разгрузке» города от контрреволюционных элементов.

Из тюрьмы Бориса выручила его сослуживица из АРА — Тамара Войская. Она симпатизировала бойкому спортивному парню и, узнав об аресте, постаралась спасти его. В книге «ГПУ и молодёжь» есть изложение рассказа Ивана о действиях Войской по вызволению Бориса:

«Она всё время живо интересовалась твоей судьбой. Всё ахала и придумывала способы спасти тебя. Молодец! Бой-баба! Тут судьба на твоё счастье принесла в Одессу какого-то важного чекиста из Москвы. На курорт приехал — вероятно, отдыхать после московских расстрелов. И как раз этот чекист оказался старым знакомым семьи Тамары. Тут она в него и вцепилась мёртвой хваткой. А тому, понимаешь, тоже лестно оказать свою протекцию, показать свой вес, свою власть и значение. Словом, пошёл он в ЧК к Дукельскому, председателю. Уж не знаю, долго ли и как они там договаривались... Кажется, Дукельский так и сказал этому московскому чекисту: „Ну, знаете, только для вас“... Чёрт тебя знает, Bobby. Видно, крепко у тебя душа к телу пришита»...

После Одессы в 1923 году Борис оказался на спортивной работе в Севастополе: он был назначен инспектором физической подготовки штаба РКК Черноморского флота. Он часто ездил в командировки в Москву. Там осенью 1925 года встретился со стройной девушкой с серыми глазами и длинными косами — Ириной Пеллингер, которую знал по прежним скаутским делам. Ирина, дочь царского генерала, училась в университете, работала инструктором физической культуры в «Серебряном бору», куда

зачастил Борис: «По её особой рекомендации в этот дом отдыха можно было приезжать по воскресеньям, получать скромный обед и провести весь день на берегу Москвы-реки, в могучем сосновом лесу. И возвращаясь из своих частых плаваний по морям, я с особенной радостью уезжал из душной Москвы за город — отдохнуть, к Ире».

Их влечение было взаимным. И всё-таки Борис колебался: имеет ли он моральное право как руководитель подпольной организации скаутов заводить семью, заведомо зная, что впереди его ждут нелёгкие испытания, повседневная борьба с режимом без реальных шансов на победу. Однажды он прямо высказал Ирине свои сомнения. Её ответ не заставил себя ждать: «Она медленно положила свою руку на мою и тихо ответила, прямо глядя на меня своими серыми глазами: — Где ты, Кай, там и я, Кайя».

В 1926 году Борис Солоневич пошёл на повышение: был переведён в Москву на должность инспектора физподготовки ВМФ. Он стал заметной фигурой в спортивном мире столицы: председателем тяжелоатлетической секции ВСФК, главным судьёй и председателем арбитражной комиссии первенства СССР по тяжёлой атлетике. Трижды выигрывал чемпионат московского «Динамо» по борьбе и гирям; представляя «Динамо», был вторым по боксу в тяжёлом весе по Москве и в первенстве Закавказья. В Московском университете Борис, сдав экстерном необходимые экзамены, получил диплом врача по оздоровительной физкультуре. С этого момента Солоневичи стали его звать, при соответствующих okazиях, «доктор Боб».

И вот, когда казалось, что жизнь наладилась, — 2 июня 1926 года — арест! По постановлению Коллегии от 26 сентября Борис Солоневич был приговорён к пяти годам концлагеря «за участие в организации, оказывающей помощь международной буржуазии, за руководство подпольными скаутскими отрядами». (Справка Бориса для РОВСа: «Было арестовано более тысячи девушек и юношей. Не менее двухсот из них было направлено в ссылку. Вместе со мною на Соловках оказалось 15 юношей и 2 девушки. Для мировой печати это дело прошло незамеченным».)

Находясь в следственной тюрьме, Борис узнал о рождении сына. Увидел он его только на вокзале, во время погрузки этапа. Иван и Ирина с малышом, закутанным в одеяло, пришли проводить его. Проводить издали, потому что охрана не позволяла приближаться к арестантам. Через шум толпы донеслись до Бориса их голоса: Ирины — «До свидания, Боб, до свидания!», и брата — «Cheer up, Bobby!»^[35]. Сынишку Борис все-таки смог подержать в руках: один из охранников, не устояв перед просьбами Ирины, принёс малыша в арестантское купе. В честь небесного покровителя скаутов сын был назван Георгием.

Свой срок Борис отбывал в 1926–1928 годах в Соловецком лагере принудительных работ особого назначения (СЛОНе). Первые месяцы провёл на пересыльном пункте острова Попова, затем — на острове Соловки в 1-м отделении «монастыря». Некоторое время работал «на баланах»^[36], после чего его назначили заведующим спортивной секцией лагеря. По заданию воспитательно-просветительского отдела лагеря подготовил научную работу на тему «Физкультура как метод пенитенциарии». Её опубликовали в «Криминологическом вестнике» Соловецкого общества краеведения. За «честное стремление» к успешной «перековке» по решению Совета «Динамо» Борису была вручена в 1927 году денежная премия.

В начале 1928 года санчасть Соловецкого лагеря направила Солоневича в Ленинград (без конвоя!) «для обследования прогрессирующего заболевания глаз и прохождения специального лечения в тюремной больнице им. Гааза». Врачи подтвердили, что зрение у Солоневича резко ухудшилось и что есть угроза наступления полной слепоты. Специалисты указали на необходимость срочной «перемены климата» для пациента. Коллегия к рекомендации прислушалась: 14 мая 1928 года Солоневич был переведён в «административную ссылку» в Сибирь.

Полномочный представитель ОГПУ в Новосибирске Л. М. Заковский распорядился трудоустроить Бориса в общество «Динамо» в Томске. Однако окончательное решение по Солоневичу принял нарком Ягода. Он запомнил мускулистого спортсмена на каком-то из ведомственных соревнований и резонно решил, что «этот Геракл» должен и впредь поддерживать спортивный престиж «Динамо». Заместитель начальника Томского отдела ОГПУ В. Я. Шешкен тут же дал указание об устройстве Бориса тренером.

До 1930 года Борис Солоневич трудился под опекой чекистов на спортивной ниве в Томске, где написал ещё одну «подневольную» научную работу на тему «Анализ болезней сотрудников ГПУ под углом зрения работы „Динамо“». В Центральном совете спортобщества его труд был признан актуальным и своевременным. Забота ссыльного о здоровье чекистов тем более выглядела трогательно. Вскоре Борис был вознаграждён. В связи с новым «ухудшением зрения и обострением малярии» врачебная комиссия ПП ОГПУ Сибирского края вынесла заключение, что континентальный климат является для ссыльного «гибельным». После всех необходимых согласований и визирований Борис купил плацкартный билет до Москвы и весной 1930 года покинул Томск.

До определения места «высылки» он работал инструктором физкультуры в Люберецкой трудколони. Несколько раз встретился на «полуконспиративной основе» с Иваном. Им было о чём поговорить.

В книге «ГПУ и молодёжь» Борис изложил содержание бесед с братом «в милой Салтыковке» как один-единственный разговор осенью 1930 года. Борис уточнил для читателей, что очутился в Салтыковке проездом, «следуя из ссылки в высылку: из Сибири — в город Орёл». После четырёх лет разлуки он рассказал брату «о своих приключениях и переживаниях», которые были, по словам Бориса, «и смешными, и трагичными, и трогательными, и страшными».

Иван внимательно, с сочувствием слушал, курил, иногда покачивал головой, словно находя в словах брата отзвук своих сокровенных, вновь и вновь подтверждаемых размышлений. Иван дал Борису возможность высказаться до конца, не перебивая, не комментируя услышанного.

— Ну и к какому ты выводу пришёл после всего этого? — неожиданно спросил он Бориса^[37].

— О чём это?

— Да вот, о советской действительности?

— Да какой же может быть иной, кроме самого пессимистического!

— Ну, слава богу — значит, и твой оптимизм дал наконец трещину.

— Ну, уж сразу и трещину... Оптимизм — это не политический анализ, а, так сказать, точка зрения на мир. Но вот насчёт «новой жизни» и соцстроительства — последние надежды действительно ушли бесповоротно... Нашей русской молодёжи нет места в этой стране.

— Только вашей, как ты говоришь, непокорной молодёжи нет места? А другим — мирно и сладко живётся? Неужели, по-твоему, кто-нибудь выиграл во всей этой идиотской истории, именуемой пролетарской революцией?

— Ну, чекисты по крайней мере выиграли.

— Во всяком государстве есть палачи, и им, как правило, сытно живётся. И той сволочи, на которой держится советская власть и для которой жизнь и слёзы человеческие — песок под ногами, — им тоже кое-как живётся!.. И вот собралась такая шайка ни перед чем не останавливающихся людей, связала каждого взаимной порукой пролитой вместе крови и творит эксперименты...

— Так что же, по-твоему, перебить эту сволочь?

— Поздно уже. Надо было раньше... Да не сумели. Сперва деликатничали, а потом не так взялись за борьбу. А теперь уже поздно — аппарат власти в их руках. Мы голыми руками ничего не сделаем.

— Так что же: *faire bonne mine à mauvais jeu*?^[38]

— Ну, это уже к чёрту! А выход, по моему мнению, простой — если тебе, как ты сам говоришь, нет места в этой стране, давай уйдём в другую!

— Драпать за границу?

— Ну, конечно... Не гнить же здесь, бессильно сжимая кулаки, и ещё притворяться «энтузиастом социалистической стройки»... Вот, возьми — сколько хороших ребят хотело быть полезными стране... Этак по-хорошему. Вот и скауты, и соколы — да мало ли кто ещё хотел быть просто русским, просто полезным России. Но ведь как ни работай, всё равно всё это идёт на пользу мировой революции и советской шайке...

И ещё один вывод сделал Иван о перспективах жизни в СССР — своих, Бориса, всех, кто принадлежал к «клану Солоневичей»: «А здесь — мы на учёте, и на плохом учёте. Помочь им (России и русскому народу. — К. С.) здесь уже ничем не можем. Эта иллюзия лопнула. Нам в советских условиях можно теперь быть либо рабами, либо погонщиками рабов. Третьего не дано. А мы ни для того, ни для другого не приспособлены».

Возможно, Иван затеял этот разговор преждевременно. Даже после Соловков и сибирской ссылки Борис был настроен к советской власти примирительно: он спешил к семье, хотел забыть, выбросить из головы лагерные воспоминания, приспособиться к новой жизни, которую он прежде видел, по его словам, «только с оборотной стороны, со стороны изнанки». Должна же быть у неё какая-то другая сторона, лояльная, человечная, дающая право на жизнь без страха после того, как «ошибки прошлого» были искуплены годами неволи. «Дай толком оглядеться да очухаться», — сказал Борис на прощание брату. Он был прав, откладывая решение, потому что принимать его нужно было не в одиночку, «с индивидуальной точки зрения», а вместе с Ириной, «Ладой-Снегурочкой»...

Местом ссылки для Бориса был определён «тихий богоспасаемый» город Орёл. Два-три месяца Борис работал тренером в спортивном клубе, потом заведующим фотолабораторией в отделе технической пропаганды на железной дороге. В задачи отдела входила популяризация передовых идей модернизации транспорта, введения НОТ, ознакомления рабочих с новыми технологиями на «железке». Оформленные Борисом наглядные пособия пользовались успехом у начальства. Чтобы идти в ногу с прогрессом, Борису приходилось много читать по предмету пропаганды, ездить по области, фотографировать, переводить снимки на диапозитивы. Попутно Борис подрабатывал инструктором физкультуры на железнодорожном узле, руководил районной световой газетой, был внештатным сотрудником газет

«Гудок», «Орловская правда», «Рельсы гудят», а также журнала «Физкультура и спорт».

Очень быстро Борис стал популярной фигурой в городе: его узнавали по энергичной походке, разлетающейся непокорной шевелюре, очкам, а также неизменным бушлату и тельняшке, которые он носил не столько из-за романтической преданности морю, сколько в силу практичности этой одежды. Через плечо — на ремне — фотоаппарат или чертёжная «труба», в которой Борис хранил очередные шедевры наглядной агитации.

Чтобы добиться полной реабилитации, Борис занимался общественной работой: был заместителем председателя учебно-методического комитета ГСФК^[39], членом Горсовета ОПТЭ^[40], вёл секцию стрелкового дела. В июле 1931 года вступил в профсоюз железнодорожников. В Орловском ОГПУ «перековке» Бориса не очень-то верили, но формальных причин для сохранения его статуса поднадзорного не было. В конце февраля 1932 года ему объявили решение о досрочном «освобождении от высылки». Казалось, его планы вернуться к нормальной спокойной жизни, «без административного внимания ОГПУ» сбылись.

Радость Бориса была недолгой. Он был вновь арестован и отправлен в Москву. Солоневич просидел на Лубянке, а потом в Бутырской тюрьме три месяца, в течение которых ни разу не был допрошен. Из-за нервных переживаний зрение стало катастрофически ухудшаться. Раз в неделю тюремный врач вводил ему в глазные яблоки физиологический раствор, но это почти не помогало.

Потом начались допросы. Следователи пытались добиться от Бориса признаний в участии в «контрреволюционной организации» и «тайных связях с границей». Всё упиралось в шапочное знакомство Бориса с бывшим офицером Протасовым, который обвинялся в «шпионаже, создании антисоветской организации и службе в белой контрразведке». Сознаться было не в чем, и Борис на предлагаемые «компромиссы» не соглашался. Хорошо знал: стоит признаться в какой-либо мелочи, и профессионалы допросов сумеют за неё уцепиться, раскрутить и раздуть очередное дело. Поэтому в своих письменных объяснениях он категорически отрицал, что его знакомство с Протасовым имело какую-либо преступную подоплёку. Отвергал он и «антисоветские контакты» с иностранцами:

«Мои отношения с иностранцами в период 1919–1922 годов ничего опасного не представляли и были исключительно спортивными или служебными. Эти отношения объясняются знанием английского языка. За последние десять лет я не имел никакой связи с границей: ни встреч, ни

разговоров, ни переписки с какими-либо иностранцами. Надо полагать, получение через профком станции Орёл каталога фирмы „Цейс и Кон“ по талону журнала „Пролетарское фото“ не оценивается как связь с заграницей?»

После пятимесячного пребывания в московских тюрьмах Солоневич был неожиданно освобождён. Ему вручили выписку из протокола заседания Коллегии ОГПУ от 28 июля 1932 года: «Дело прекратить, Солоневича Б. Л. освободить и отправить к месту жительства». Борис вернулся в Орёл, под крышу семейного очага на Железнодорожной улице, 12.

Трудно сказать, почему органы проявили подобный «либерализм». Вероятнее всего, было решено продолжить разработку, чтобы довести дело до нужных кондиций. Московские допросы показали Борису, что «затеряться в тени» ему не удастся, что чекисты вцепились в него надолго. Выводы Бориса после этой «сидки» были весьма мрачными:

«По-прежнему я плотно сидел „на карандаше“ ОГПУ. В просторечии это значило, что опять и опять будут аресты, по-прежнему все, кто будут со мной встречаться, неминуемо попадут под подозрение, и что я останусь приманкой, на которую ОГПУ будет вылавливать „контрреволюционную“ непокорную молодёжь. Меня „обезвреживали“ со всей тщательностью и цинизмом чекистского аппарата».

Именно поэтому Борис до отъезда в Орёл заглянул к брату в Салтыковку, чтобы сказать ему твёрдо и определённо:

«Я согласен, Ваня. Бежим. Здесь нет ни настоящего, ни будущего».

Глава девятая

АГЕНТ «ПРИЦЕЛЬНЫЙ» НЕ ПРОМАХНУЛСЯ

Первоначально Солоневич прорабатывал южные варианты побега, через туркестанскую и кавказскую границы. Больше всего опасений у него вызывал возможный характер «приёма» после перехода на ту сторону: «Очень было неясно, как встретили бы нас персы, турки и румыны. Я узнал, что очень многих и за очень небольшую плату из большевистского кармана персы выдавали обратно — на расстрел... Турки выдавали систематически. Польская граница у Минска и латвийская у Пскова были плотно прикрыты советскими пограничниками, на румынской границе грабили и убивали».

Из всех направлений ухода за рубеж финское выглядело самым привлекательным. В карельской глухомани можно было легко затеряться, сбить со следа погоню и, самое главное, финны не выдавали беглецов...

Весной 1931 года после завершения командировки вернулась из Германии Тамара. Стать невозвращенкой она не могла: власти отыгрались бы тогда на муже и сыне.

Много лет спустя Юрий описал встречу так, словно она произошла вчера: «Мы с батькой забежали по перрону, пытаясь узреть Тамочку сквозь его (поезда) закрытые окна. Попытки эти окончились безрезультатно: она, видимо, уже вышла из купе в коридор, дожидаясь очереди вылезать. Решили разделить наши функции и искать её — он налево, я направо от середины. Народу была уйма. И пассажиров, и встречающих. Разделились. И тут я, на своем правом конце, услышал какой-то визг и вообще „суматоху“ на батькином левом... Окружённый сочувственно смеющейся толпой, стоял батька, держа на руках Тамочку и целуя её чем и куда попало. Она же, хохоча, отмахивалась и отбрыкивалась, пытаясь одновременно не выпускать из рук чемодан и какую-то кошёлку. Она в те времена весила кило под девяносто, но это его не смущало: он незадолго до этого поднял лошадь из канавы»^[41].

В честь Тамочки в Салтыковке был устроен роскошный приём. Подготовка его потребовала немалых усилий. Иван облачился в своё

«супершикарное иностранное пальто» и, имитируя иностранца, проник в магазин Инснаба, где за советские рубли приобрёл деликатесы — балык, севрюгу, икру, маслины, пирожные и водку «белая головка». Свой вклад в подготовку пиршества внес Юрий. Он «смотался» на Сухаревскую толкучку («Сушку») и за 50 рублей и старые ботинки купил толстую баранью ногу «у спекулянта ориентального вида». Приготовлена нога была по коронному рецепту Солоневичей: нашпигована чесноком и запечена с картошкой и луком в специальной чугунной кастрюле. Аромат этого изысканного блюда разносился по всей округе. Когда же чугунная крышка была снята, то «аромат буквально взорвался как ручная граната»^[42].

Приезд Тамары поставил перед Иваном сложную задачу: как организовать её «переброску» за кордон. Тамара спортом никогда ранее не занималась, но чтобы не быть обузой, начала тренироваться в ходьбе, развивать выносливость. Однажды она преодолела пешком рекордное для себя расстояние в 20 километров. Это был её первый и последний подвиг: на восстановление затраченных сил потребовалась целая неделя. Стало ясно, что она не выдержит трудностей, связанных с нелегальным переходом границы.

На семейном совещании решили воспользоваться распространённым для советской «выездной» практики 1920–1930-х годов фиктивным браком. Тамочка подобрала кандидата на роль мужа — чешского немца Бруно Прцевоцни (по другой транскрипции — Пшевозни). С ним она познакомилась в Берлине, когда работала в советском торгпредстве. Типограф по профессии, Бруно был членом КПГ и по партийной линии отвечал за агитацию и пропаганду в одном из рабочих районов Берлина. В советском полпредстве ему доверяли, он преподавал сотрудникам немецкий язык. Бруно был моложе Тамары (по словам Бориса, «годился ей в сыновья»). В чекистских сводках о характере отношений Бруно и Тамары было написано так: «Во время пребывания на постоянной работе в Торгпредстве в Берлине Солоневич Т. В. состояла в фактическом браке с германским гражданином Прцевоцни».

Юрий всю жизнь мучился тем, что скрыл от отца реальную историю отношений матери и Бруно: «Одно моё письмо батьке, посланное (из Берлина) года два назад, могло бы прервать весь процесс Тамочкиного с Бруно романа. Но оно послано не было, и это была моя вина». «Струсил»; «смелости не хватило»; «в их глазах я был бы трусливым ябедой»; «боялся промахнуться и развалить мои с Тамочкой отношения»; «батька бы, вероятно, простил мне, но Тамочка — никогда. А мама у людей бывает только одна», — эти слова Юрий написал почти через шестьдесят лет

после «фиктивного развода» своих родителей.

«В ЗАГСе и развод, и бракосочетание действительно много времени не занимали, — вспоминал Юрий. — Пять рублей и пять минут. Но, тем не менее, когда разговор дошёл до ЗАГСа, я как раз смотрел на батьку, и мне показалось, что я буквально слышал, как его сердце стукнуло о пол». К тому же Иван Лукьянович узнал, что его Тамочка «зачем-то наврала Бруно, что она и батька друг друга давно уже не любят, вместе больше не живут, развелись вот уже полгода назад». И ещё один не менее важный момент этой драматической истории: не было никаких сомнений, если Бруно «раскусит Тамочкину стратегию», он откажется от женитьбы. Поэтому пришлось имитировать и развод, и жизнь врозь, и даже добиваться отдельной квартиры для Тамары, в которой она принимала приезжавшего в Москву Бруно^[43].

В один из таких приездов Прцевоцни наконец-то оформил в загсе брак с Тамарой. Через день он уехал в Германию, сославшись на то, что не может оставаться в Советском Союзе без соответствующего разрешения партийной организации. После отъезда Прцевоцни Тамара возбудила перед Иностранным отделом (ИНО) Мособлисполкома ходатайство о выходе из советского гражданства по причине «выезда к месту жительства супруга». Бюрократические хлопоты были сложными, со многими препонами. Тамара строчила жалобы в разные инстанции, нередко используя формулировки, сочинённые «первым» мужем. В сентябре 1932 года постановлением ЦИКа её ходатайство было удовлетворено. Тамара без задержек оформила в германском посольстве паспорт и уехала в Берлин.

«Очень трудно рассказывать о мучительности наших колебаний и о моментах нашего прощания», — вспоминал позднее Иван. При этом неизменно добавлял, что о подробностях «легального отъезда» Тамары «говорить преждевременно». Через десятки лет об этом написал его сын, и ему было не менее тяжело вспоминать «подробности». В одном из своих писем в редакцию «Нашей страны» Юрий сообщал: «В работе над моими „мемуарами“ я сейчас приближаюсь к самому критическому моменту в батькиной жизни: его с Тамочкой полуподдельному разводу. Батька сам никогда о нём ничего не писал, разве что мимоходом, не желая признаваться в том, что не всё было уж так идеально в нашем семействе. Этот развод совпал с нашей катастрофической первой попыткой драпежа, ответственность за который он нёс всецело на себе, хоть это и было глупо. Но такие два события, свалившиеся на беднягу одновременно, действительно подвергли его характер невероятному испытанию. Я тоже одно время думал всю эту историю опустить, но отказался от этой идеи,

считая, что она его портрету повредить не может. Наоборот»^[44]...

Планируя побег в Финляндию, Солоневичи не могли не думать о судьбе близких. Репрессивные меры властей в отношении родственников были неизбежны. Летом 1931 года Иван с семьёй съездил на несколько дней к отцу в Ялту, не столько для отдыха, сколько для того, чтобы посвятить его в планы бегства. Иван признался, что удерживает его только одно: опасения, что карательные органы отыграются за их бегство на близких родственниках.

— Вы можете пострадать по нашей вине, — сказал Иван.

— Обо мне не беспокойся, — прервал его отец. — Мне бояться нечего. Я уже прожил свою жизнь. Будь я моложе, пошёл бы с вами. Раз вы решили, идите до конца. Вы сильные — сможете вырваться...

Лукьян Михайлович жил с детьми, без хозяйки: жена умерла в Екатеринодаре в 1920 году от тифа. Детей было четверо: сын Евгений (1905), дочери — Софья (1909), Зинаида (1915) и Любовь (1920)^[45]. После переезда в Крым Евгений возглавил артель рыболовов. Софья, как старшая, обстирывала и кормила семью, ухаживала за отцом. Сам Лукьян имел небольшое «приусадебное» хозяйство, изготавливал в домашних условиях кефир, который продавал курортникам. К слову сказать, «кефирную закваску» отца Иван взял с собой в первый побег, планируя наладить на каком-нибудь литовском или латвийском курорте его коммерческое производство.

Драматична история провалившихся побегов Солоневичей. В книге «Россия в концлагере» Солоневич подробно рассказал о них. Первую попытку предприняли в сентябре 1932 года. Летом того года Иван сделал пешую разведку к финской границе от станции Кивач Мурманской железной дороги до села Койкоры на реке Суне. Он не дошёл до границы вёрст двадцать. Около Койкор его подцепили сельские активисты-комсомольцы, и ему стоило очень большого труда вырваться из этой разведки. Однако маршрут был подобран, досконально изучен и, по словам Ивана, «группа шла наверняка». В организации этого пробного похода Ивану помогала его давняя ленинградская знакомая Анастасия Наумова, участница скаутского движения в прошлом и, как отмечено в материалах разработки Солоневича, «его сожительница» в конце 1920-х — начале 1930-х годов (по оценке чекистов, политической основы в отношениях Ивана с нею «не просматривалось»).

Солоневич вспоминал, что группа была вооружена до зубов: «У меня был тяжёлый автоматический дробовик браунинга 12-го калибра, у Юры такого же калибра двустволка. Патроны были снаряжены усиленными зарядами пороха и картечью нашего собственного изобретения, залитой стеарином. По нашим приблизительным подсчётам и пристрелкам, такая штукovina метров за сорок и медведя могла свалить с ног. У Бориса была его хорошо пристрелянная малокалиберная винтовка. Вооружённые таким способом, мы могли не бояться встречи ни с чекистскими заставами, ни с патрулём пограничников».

В группу помимо Ивана, Юрия, Бориса и Ирины Пеллингер входили Елена Леонардовна Пржиялговская, аристократическая дама с польско-литовскими предками, муж которой Иосиф Антонович был другом Ивана ещё с дореволюционных лет, и бухгалтер Степан Никитич Никитин. Последние двое были полезны Солоневичам тем, что имели за границей богатых родственников, которые обещали помочь беглецам после пересечения границы.

Группа выехала к границе под легендой туристов-охотников, которые собирались отдохнуть и поохотиться в Карелии. Иван запасся командировочными удостоверениями от редакций столичных газет, подтверждавшими его журналистскую миссию: сбор материалов для подготовки репортажей о северном крае. У местного рыбака арендовали лодку, и группа, проплыв по реке Суна, добралась до озера Суоярви и оттуда, от водопада Кивач, — наземным путём, — двинулась через лесные чащи в сторону Финляндии, до которой было около 150 километров.

По расчётам Ивана, до границы можно было добраться за неделю. И возможно, так оно и было бы, если бы не три роковых фактора: неожиданно холодная погода с непрерывными дождями (вопреки прогнозам метеослужбы), магнитные аномалии («компасы там врут как нанятые») и внезапная болезнь Ивана. Борис вспоминал, что напряжение последних перед побегом месяцев не прошло даром для брата — он разболелся настолько серьёзно, что продолжать трудный путь было невозможно... О том, чтобы оставить больного брата где-нибудь на дороге и уйти самому, не могло быть и речи. После пяти дней блужданий группа с трудом выбралась из зоны непролазных болот. Было решено повторить попытку в следующем году.

Иван «затаился» в Салтыковке. В редакциях газет и журналов его репортажей о Карелии не дождались. Причина была понятной: стоит ли в очередной раз демонстрировать свой интерес к приграничным зонам? Без постоянной работы и гонораров Иван перешёл на строгий режим экономии.

Жил с Юрой на получаемые через Торгсин переводы от Тамары. Если они задерживались, продавал вещи: фотоаппараты, объективы к ним, наручные часы, а также коллекционные серебряные талеры, когда-то приобретённые на одесской толкучке на чёрный день.

Весной 1933 года Иван Солоневич вновь взялся за подготовку побега. Не обошлось без неприятных сюрпризов и на этот раз. У Юры воспалился аппендикс! Его оперировали, и это означало, что побег надо было отложить на август — сентябрь. Пока переносились сроки побега, несколько изменился состав группы. К ней подключился «бывший офицер» Николай Бабенко. С «Николасом» познакомила Солоневича Пржиялговская. Своего супруга-алкоголика Елена Леонардовна ни во что не ставила и, находясь в бальзаковском возрасте, заводила частые интрижки на стороне. Последним её «завоеванием» был «неотразимый Николас», который «признался» ей, что был царским офицером и в годы Гражданской войны воевал «на той» стороне. Откровения любовника потрясли Пржиялговскую, и она в ответ поведала ему о своём секрете — участии в подготовке побега. Она была счастлива, узнав, что её «интимный друг» тоже мечтает «об уходе на Запад»!

Солоневичи доверяли Елене Леонардовне. Симпатий к советской власти она не испытывала, хотя от критических заявлений воздерживалась даже в заведомо «антисоветской компании». Дав согласие на участие Пржиялговской в «группе побега», Иван Солоневич сомневался только в одном: выдержит ли 45-летняя женщина тяготы блужданий по лесам и болотам? Но брать её стоило: в Литве у неё было родовое имение, в котором братья намеревались (с её предварительного согласия) на время поселиться в качестве арендаторов. Кто мог предположить, что Пржиялговская, несмотря на все призывы «соблюдать конспирацию», посвятит в дело «душку Николаса»!

Бабенко появился в Салтыковке в июне 1933 года. Пржиялговская представила его Ивану, заявив как ни в чём не бывало, что «Коленька в курсе всех планов», что он надёжен, смел и будет полезен во всех отношениях. Бабенко скупно рассказал о себе: «Я — белый офицер, старый охотник, принципиальный враг режима», — и сообщил, что намерен взять «в побег» двуствольное ружьё, собаку и подробную карту Карелии. И самое главное: он обещал добыть деньги на обеспечение группы.

Прошло несколько недель, и Пржиялговская выкинула очередной фортель. Она сказала, что не может рисковать здоровьем, плутая по Карелии, и потому остановилась на легальном варианте выезда — через Интурист. Бабенко в группе остался. Его цепкий интерес ко всем деталям

подготовки побега беспокоил братьев. Нехорошие предчувствия в отношении Бабенко у Ивана усилились, когда стало ясно, что «бывший офицер» не слишком соответствует «образу человека» с фронтовым опытом: «Зашёл разговор об оружии, и Бабенко сказал, что он в своё время много тренировался на фронте в стрельбе из нагана и что на пятьсот шагов он довольно уверенно попадал в цель величиной в человека. Этот „наган“ подействовал на меня как удар обухом. На пятьсот шагов наган вообще не может дать прицельного боя, и этого обстоятельства бывший артиллерийский офицер не мог не знать».

Иван решил оставить всё так, как есть, действовать по плану, успокаивая себя следующими размышлениями: «Если Бабенко — сексот, то всё равно мы уже „под стёклышком“, всё равно где-то здесь же, в Салтыковке, по каким-то окнам и углам, торчат ненавистные нам агенты ГПУ, всё равно каждый наш шаг — уже под контролем... С другой стороны, какой смысл Бабенке выдавать нас? У г-жи Е. в Польше — весьма солидное имение^[46], Бабенко — жених г-жи Е., и это имение, во всяком случае, привлекательнее тех тридцати советских сребреников, которые Бабенко, может быть, получит — а может быть, и не получит — за предательство».

Как вспоминал Иван, «это было очень тяжёлое время неоформленных подозрений и давящих предчувствий. В сущности, с очень большим риском и с огромными усилиями, но мы ещё имели возможность обойти ГПУ: ночью уйти из дому в лес и пробираться к границе, но уже персидской, а не финской, и уже без документов и почти без денег. Но... мы поехали. У меня было ощущение, точно я еду в какой-то похоронной процессии, а покойники — это мы все».

Эти же события в интерпретации Бориса Солоневича мало отличались от версии Ивана. Борис в беседе с контрразведчиками РОВСа в Гельсингфорсе так объяснил причины провала:

«В 1933 году, когда я с братом собирался бежать во второй раз (после первой неудачи), одна из наших предполагаемых спутниц неосторожно доверила тайну побега своему жениху, Николаю Артемьевичу Бабенко, юристу, проживающему где-то на Театральной площади в Ленинграде. Его мой брат знал около трёх лет по общим знакомым и не раз встречался с ним на вечерах или просто за бутылкой водки. Этот жених называл себя поручиком старой армии, артиллеристом, участником Белого движения. К сожалению, я его увидел только перед отъездом из Ленинграда и не мог лично проверить сведения, которые он дал брату о себе. По пути из Ленинграда в Петрозаводск мы все были умело „сняты“ — арестованы

ОГПУ и помещены в ДПЗ. Этого „поручика“ тоже арестовали, но в тюрьме уже не трогали. Следователи не скрывали, что этот человек их сексот».

Бабенко, агент «Прицельный», «специализировался» на выявлении и разработке белых офицеров. Солоневичи к офицерской категории не относились, но в Ленинградском ОГПУ сочли необходимым ввести в разработку «Спортсмены» именно «Прицельного», человека авантюрного склада и широкого кругозора, физически крепкого, умеющего входить в доверие.

«Прицельный» не подвёл и на этот раз. Он получил сведения о точной дате побега, маршруте движения, «характере вооружённости» группы. В своих письменных отчётах он, правда, несколько преувеличивал степень «ожесточённости» Солоневичей, их готовности «с боем» прорываться на Запад. Такие отчёты вызывали обострённую реакцию в Управлении НКВД и, как следствие, — повышенные денежные поощрения «Прицельного».

Во время последней перед побегом встречи с курирующим сотрудником сексот обеспокоенно отметил, что ощутил некоторую настороженность Ивана, когда посетил его «на даче» в Салтыковке: «Все участники побега живут в страшном напряжении, знают, что рискуют жизнью, и потому боятся даже собственных теней. Каких-либо поводов заподозрить меня я не давал. Однако Иван, как организатор и вдохновитель побега, опасается провала. Он знает, что в этом случае последствия для его родственников, втянутых в аферу с бегством за кордон, в том числе для сына, будут серьёзными. Иван переживает. Юрий успокаивает его, играет на гитаре, развлекает песенками».

В первой главе этой книги была изложена версия Ивана об обстоятельствах ареста. Борис тоже описал «сцену ареста» в свойственной ему экспрессивной манере: «И вот... ночью в вагоне поезда, нёсшем нас по Карелии, я проснулся от какого-то прикосновения. Кто-то держал меня за руки и обшаривал карманы, где у меня лежал револьвер. „Воры!“ — мелькнуло у меня в сознании, я рванул чью-то руку. Послышался хруст кости, стон, но в этот момент в лицо мне вспыхнуло несколько электрических лампочек, и чёрные револьверные дула показались перед глазами.

— Не рвитесь, товарищ! Вы арестованы. Протяните руки!

Борьба была бесцельна. Резко щёлкнула сталь наручников. Весь вагон был в движении. Старики, рабочие, инженеры, военные, все они стояли с револьверами в руках и радовались удачно проведённой операции. Как оказалось впоследствии, для нашего ареста было мобилизовано 36

чекистов, переодетых в самые разнообразные костюмы... На каждого из нас приходилось по 7 человек, вооружённых и привыкших не стесняться перед кровью и выстрелами».

В безвыходной ситуации братья Солоневичи не потеряли присутствия духа, хотя было понятно: влипли всерьёз и надолго! Больше всего переживал Юра: он вёз на себе пакет с «разоблачительными» фотонегативами. Снимки были сделаны Борисом на улицах Орла, и сюжеты их были похожими: трупы и трупы людей, бежавших от голода на Украине. От улик необходимо было избавиться, и Юра, руки которого были стянуты наручниками, сумел, преодолевая боль в запястьях, вытащить из заднего кармана брюк конверт с негативами и потом незаметно для чекистов засунуть его в щель вагонного окна.

Следователи не скрывали, что обладают необходимыми доказательствами для осуждения беглецов за целый букет преступлений: организация контрреволюционного сообщества, ведение агитации против советской власти, шпионаж, подготовка побега за границу. Участникам группы пришлось давать показания друг на друга. Нравственные страдания каждого в дни следствия были запредельными. Любое произнесённое слово могло стать роковым, оправдывающим «высшую меру».

В архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области хранится следственное дело Ивана Солоневича и «организованной им группы». Биограф писателя Кирилл Чистяков, который ознакомился с этим делом благодаря ходатайству внука писателя Михаила Юрьевича, получил возможность сравнить показания Солоневича (по протоколам допросов) с тем, что он пишет в книге «Россия в концлагере». Как отмечает Чистяков, Солоневич, написав, что отказался что-либо подписывать, а затем и вовсе давать показания, несколько искажает факты — показания он и писал собственноручно, и подписывал написанное следователем; но в этих показаниях он только повторял и подтверждал то, что обозначил Никитин, и не более того. По мнению Чистякова, «в целом описание попытки побега и того, что ей предшествовало, а также хода следствия и допросов в „России в концлагере“ соответствует тому, что Иван Солоневич показывал на следствии. Особенно точно совпадает то, что касается самой попытки бегства. Безусловно, какие-то вещи Иван Солоневич мог скрыть или приукрасить, но он имел на это право — право художника, которому к тому же необходимо учитывать идеологические и политические моменты»^[47].

В ходе следствия Иван придерживался тактики разумной гибкости. Он

старался говорить о том, о чём следователи заведомо знали. Отпираться наглухо было глупо и бесполезно, потому что показания давали все члены группы, а в проверке их искренности и достоверности следователям помогал Бабенко. Формально дело базировалось на показаниях Никитина. Он как слабое звено был допрошен в первую очередь. Как написал об этом Солоневич, Никитин «наворотил совершенно жуткой чепухи, запутав в ней и людей, которых он знал, и людей, которых он не знал. Он перепугался так, что стремительность его „показаний“ прервала все преграды элементарной логики».

Тамара в своей книге «Три года в Берлинском торгпредстве» проявила к Никитину больше снисходительности. Она описала его как человека доброго, смиренного и законопослушного. Никитин работал в торгпредстве бухгалтером. После смерти жены его «состоятельные» братья, которые жили в Эстонии, стали звать Никитина к себе. Тамара советовала ему стать невозвращенцем, перебраться к родным. Но бухгалтер был «слишком честным, чтобы ослушаться начальства». Решил вернуться в Советскую Россию и потом в законном порядке оформить выезд. После трёх отказов он всё-таки решился на побег.

«Кончилось всё ужасно, — подытожила Тамара судьбу бухгалтера. — Как я теперь узнала от своих родных, на допросе Никитина следователь угрожал ему револьвером, кричал на него и заставил его подписать заведомо ложные показания о том, что он, якобы со мной вместе, шпионил в торгпредстве против советской власти. Никитин совсем потерял голову и наговорил такого, что получилось действительно нечто вроде детективного романа. Словом, его закатали на восемь лет в концентрационный лагерь. Мне очень жаль Степана Никитича»^[48].

Иван не разделял точку зрения Тамары на «Стёпушку» (под этим именем Никитин был изображён в книге «Россия в концлагере») и потому не скупился на нелестные для него эпитеты. Причины понятны: на основании показаний «Стёпушки» Солоневич был обвинён в шпионаже. При этом «в одну нелепую кучу были свалены и Юрины товарищи по футболу, и та английская семья (на самом деле — немецкая, дипломата Вирта. — К. С.), которая приезжала ко мне в Салтыковку на week end, и несколько знакомых журналистов, и мои поездки по России, и всё что хотите... Каждая „улика“ вопиюще противоречила другой, и ничего не стоило доказать всю полную логическую бессмыслицу всего этого „романа“».

На допросах Ивану пришлось упорно открещиваться от этого «варева, несъедобного даже для неприхотливого желудка ГПУ». Следователь

Добротин добивался «содействия» Солоневича по наполнению «романа» правдоподобными «плотью и кровью», чтобы на этом деле сделать карьеру, даже если в нём «увязло бы около десятка решительно ни в чём не повинных людей». В завуалированной форме прозвучала и угроза расстрела «основных организаторов побега». Иван твёрдо стоял на своём. Он не отказывался от известных следствию фактов, но и не поддавался на шантаж Добротина, на его «клятвенные» заверения смягчить приговор, если Солоневич согласится на «соавторство» в создании следственного «романа».

Свой категорический отказ Иван мотивировал тем, что коллеги Добротина в Москве знали о связях с иностранцами, в том числе с Виртом, и, по-видимому, не оценивали их как шпионские, потому что в противном случае он, Солоневич, сидел бы не в Шпалерке, а на Лубянке. И если в «романе» прозвучит, что знакомые ему граждане X, Y и Z, жители Москвы, причастны к шпионажу, то какотреагируют на это московские чекисты? Получается, что они прошляпили врагов, которые сидели у них под самым носом.

И отсюда вывод-предупреждение: не воспримут ли в Москве сфальсифицированное шпионское дело Солоневича как попытку ленинградских чекистов соорудить дело против коллег на Лубянке? Конечно, воспримут! И проведут дополнительное расследование, чтобы установить правду. В ходе допросов Иван не раз упоминал имена знакомых московских чекистов, словно намекая, кто именно возьмётся за проверку «романа».

Аргументы Солоневича были учтены Добротиным. Перспектива «конфликта интересов» с Лубянкой охладила его «романический» пыл.

В Берлине Тамара Солоневич мучилась из-за отсутствия новостей о муже и сыне. Она получила условное письмо «об отъезде в экспедицию». Но после этого — ничего, глухое молчание, как в воду канули. И так — пять месяцев! Её терзали дурные предчувствия, в кошмарных снах повторялось одно и то же видение: чекисты принуждают её к сотрудничеству, шантажируя жизнью родных.

Первые достоверные сведения об Иване и Юре Тамара получила благодаря Эпштейну, который узнал об аресте Солоневичей от друзей в Ленинграде. Через приятеля, выехавшего в Берлин в командировку, Зен сообщил Тамаре печальную новость. Она запаниковала и послала Зену письмо с плохо завуалированными вопросами о судьбе мужа и сына^[49].

Иван так написал об этом периоде в жизни жены:

«Я позже узнал, какие фантастические, нелепые, иногда и истерические планы рождались в Тамочкиной головке. Были планы обмануть большевиков. Были планы их шантажировать угрозой убийства. Были планы — заработать деньги и выкупить нас из большевистского рабства. Но как заработать эти деньги? Тамочка служила преподавательницей французского языка в „Крафт дурх Фрейде“, зарабатывала сто-полтораста марок в месяц и голодала, чтобы иметь возможность послать нам через наших петербургских и московских знакомых торгсиновские продовольственные посылки. Всё-таки скопила сто марок и поехала в Цопот, чтобы там по самой современной и самой научной системе выиграть в рулетку... ну, хотя бы сто тысяч марок. Научная система стоила Тамочке двух месяцев дополнительной голодовки. Но посылки мы всё-таки получили. И именно с этими посылками мы трое — я, Юра и Борис — бежали из концлагеря»^[50].

Узнав о сроках, на которые были осуждены самые близкие ей люди, Тамара впала в отчаяние, понимая, что она осуждена на эти же годы концлагеря, которые день за днём ей придётся «отбывать» вместе с Юрой, Иваном и Борисом. Какие бы химерические планы она ни строила, реальной возможности помочь им у неё не было^[51]...

Глава десятая

БУДНИ КОНЦЛАГЕРЯ

Ранним утром надзиратель зачитал Ивану Солоневичу выписку из постановления Чрезвычайной судебной тройки ПП ОГПУ ЛВО^[52] от 28 ноября 1933 года. Формулировки постановления были категоричны: «Занимался шпионской деятельностью в пользу Германии, являясь антисоветски настроенным, сорганизовал к.-р. группу лиц, поставившую своей целью вооружённый нелегальный переход границы СССР (дважды). Имея непосредственную связь через германского сотрудника посольства Вирт — переотправлял ценности и материалы своей жене в Германию с тем, чтобы при переходе границы приступить, путём использования их в печати, к компрометации Советского Союза». Обвинение в нелегальном переходе границы было добавлено в приговор позднее.

Солоневичам предстояло отбывать наказание в исправительно-трудовом лагере. Они утешались тем, что приговор был сравнительно мягким, всё-таки не расстрел. Иван прокомментировал его так: «Путёвка на восемь лет каторги, но всё-таки не путёвка на смерть», Борис вторил ему: «Приговор в восемь лет заключения казался всем нам шуткой». В книге «Россия в концлагере» Солоневич признался, что у него не было и нет ясного ответа на вопрос о причинах «относительной мягкости приговора». Некоторые варианты ответа он всё-таки предложил. Один из них звучит убедительно: Иван отказался наговаривать на себя и товарищей, и потому следователям не удалось создать эффектного «романа» с разветвлённой антисоветской организацией, не исключаяющей террора в качестве метода борьбы. Следствию пришлось ограничиться «созданием» шпионской группы.

Солоневичи не стали оспаривать «шпионского мотива» в приговорах, понимая, что постановление Тройки ревизии не подлежит. Смысла затягивать пребывание в ленинградских тюрьмах не было никакого. Они хотели определённости и, как бы смешно это ни звучало, стабильности, пусть в лагерных условиях, но стабильности, чтобы снова взяться за подготовку побега. Многое зависело от того, куда именно их направят. Если на Урал или в Сибирь, то шансов на успех не было почти никаких...

Вскоре Солоневичи «переехали» из Шпалерки в пересыльную тюрьму на Нижегородской улице. Иван, Борис и Юра — снова оказались вместе и

даже в одной камере. В «пересылке» режим содержания был либеральнее, чем в следственной одиночке. Имелась библиотека, была возможность получения передач «с воли», были послабления по проведению досуга. Надзиратель, отвечавший за «выгул» эков, разрешил Солоневичам, как известным спортсменам, совершать дополнительные пробежки по периметру просторного тюремного двора, когда других заключённых уводили в камеры. Тюремщик не догадывался, что эти тренировки проходили под лозунгом: «Совдепия — за граница»...

После казавшегося бесконечным пребывания в пересыльной тюрьме госпожа удача вновь вернулась к Солоневичам. Борис вспоминал: «Всем нам чудесно повезло, вместо сибирских лагерей наш эшелон был направлен в Карелию, на Свирьстрой, в Подпорожское отделение Беломорско-Балтийского комбината (ББК)». В партии ссыльных, в которую включили Солоневичей, интеллигентов почти не было, преобладали мужики — «кулацкий элемент». Наиболее организованной группой в теплушке, которую скудно обогревала чугунная печурка, были уголовники. Они, не теряя времени, попытались установить блатной порядок в вагоне, провести перераспределение вещей и продуктов в свою пользу. Не зная, что перед ними лучшие самбисты России, урки спровоцировали Солоневичей на драку. Семейная спайка не подвела: уголовники, потерпев унижительное поражение, к Солоневичам стали относиться уважительно.

Расстояние 250 километров до места назначения поезд преодолевал шесть суток. В морозное утро 17 января 1934 года подневольную рабсилу выгрузили на обдуваемой холодными ветрами станции, которая находилась в зоне подчинения Подпорожского отделения ББК... Строительство канала, которое курировало ОГПУ, длилось два года и к моменту прибытия Солоневичей в эти края завершилось. Они были наслышаны об этой ударной стройке, в которой участвовали не менее 280 тысяч мужчин и женщин, инженеров, техников, рабочих, осуждённых «за саботаж и антисоветские настроения».

По мнению Ивана, строительство канала использовалось советской властью в пропагандистских целях, как успешный пример перековки трудом политических врагов и уголовников-рецидивистов. В кампании по распространению этого опыта участвовали видные деятели искусства и литературы во главе с Горьким. Особенно отличился драматург Николай Погодин, написавший пьесу «Аристократы», в которой восторженно оценил вклад ОГПУ в организацию стройки века, подлинный гуманизм и благородство чекистов. После торжественного пуска канала в

эксплуатацию многие руководители-чекисты были награждены орденами, были поощрены некоторые заключённые-передовики — их выпустили на волю по амнистии.

Лагерный пункт Погра относился к владениям ББК. Посреди леса на окружённой колючей проволокой поляне располагались дощатые бараки, по которым и распределили новоприбывших. По описанию Ивана, каждый барак напоминал «гробообразный ящик» 50 метров в длину и 8 в ширину. Нары были сколочены вдоль стен, имелись одна дверь, два подслеповатых окна, буржуйки для обогрева. В ОГПУ готовились к очередной ударной стройке: возведению гидроэлектростанции на реке Свирь, для этого и «концентрировалась» необходимая рабочая сила в 28–30 тысяч человек.

На первых порах Иван внутренне ощущал себя больше журналистом, чем рядовым «зеком», считая, как и его спутники по несчастью, пребывание в лагере очередным приключением, которое надолго не затянется, ведь до финской границы было около 200 километров. Размышления его на этот счёт были оптимистичны: «Всё, что нас ждёт дальше, будет легче того, что осталось позади. Здесь — мы выкрутимся. И так, в сущности, недолго осталось выкручиваться: январь, февраль... в июле мы уже будем где-то в лесу, по дороге к границе».

Но жизнь в неволе быстро начала диктовать свои условия. Иван с головой погрузился в лагерный быт, понимая, что без усвоения его специфической науки выживания, иерархии ценностей, установления связей в местных властных структурах будет трудно осуществить поставленную цель — «уход в побег».

«Общие работы» — лесозаготовки — для осуществления побега явно не подходили. Это была каторжная работа на износ, на отдалённых лагерных пунктах, под усиленной охраной. Направление на лесозаготовки грозило тем, что Солоневичей могли разъединить, распределить по разным бригадам. Именно поэтому Иван решил пристроиться на «штабную» лагерную работу в учётно-распределительной части (УРЧ) Подпорожского отделения. Задача была нелёгкая, но после беготни по кабинетам Солоневич, «нажав на все пружины», успешно решил проблему.

В двухэтажном управленческом здании с множеством служебных каморок и чуланов Иван отыскал своего будущего начальника Наседкина, знавшего наизусть внутренние инструкции, которые предписывали: принимать в часть сотрудников с «контрреволюцией» нельзя! Причины были понятны: в УРЧ занимались статистикой «наличия — отсутствия» заключённых и распределением их на работы, получением и проверкой жалоб, составлением списков на отправку на ударные стройки ГУЛАГа в

других регионах страны. Информация, можно сказать, повышенной секретности! Но, как назло, все грамотные, прибывавшие в лагерь, были как раз с «контрреволюцией». Наседкину пришлось в очередной раз нарушить инструкцию. Так в УРЧе появился новый старший юрисконсульт и экономист, получивший в своё распоряжение «тридцать пудов дел» и малопривлекательную возможность повседневного общения с коллегами, «с тридцатью кувшинными рылами из так называемого советского актива».

Юра тоже «пригрелся» в УРЧ: за пишущей машинкой. На первый взгляд неплохо устроился и Борис — лагерным врачом. У него были относительная свобода передвижения и своё жильё — кабинка возле амбулатории, в которой Солоневичи хранили от посягательств уголовников нехитрые пожитки. В этой кабинке можно было иногда безнадзорно встретиться, обсудить текущие дела и согреться «в семейном кругу» чаем, если не было ничего покрепче. Позже, в дни работы над книгой «Россия в концлагере», Иван, вспоминая о «подпорожской эпохе», убеждённо говорил: «Если бы мы не попали в УРЧ, то едва ли выбрались из всего этого живьём».

Было бы ошибочным считать УРЧ тихой заводью, в которой Солоневичи могли готовить очередной побег. Они знали, что в «учётке» их со всех сторон подстерегала опасность. Внутренняя независимость Солоневичей была слишком очевидной, как и бойкость языка, и это многим не нравилось: мол, демонстрируют свой гонор, кичатся интеллигентностью. Главную угрозу, по мнению Ивана, представлял советский актив, который в условиях лагеря был таким же, как на воле, строя своё благополучие на доносительстве и лакействе.

Самым ярким врагом Солоневича в УРЧ стал Стародубцев. Он ведал «разгрузкой» карантина и распределительных пунктов. Стародубцев считался незаменимым специалистом в Подпорожье, начальство его ценило: подведомственная ему рабочая сила почти не простаивала. Провокатор и подлец по натуре, он находил удовольствие в унижении тех, кого выбирал жертвой. Независимый и ироничный Иван показался ему подходящим кандидатом на эту роль. Солоневич понимал, что конфликт со Стародубцевым не сулит ему ничего хорошего, но был готов ко всему. Тот опасался тяжёлых кулаков «жертвы» и действовал испытанным способом: настроил в 3-й (чекистский) отдел донос на Солоневича: тот, мол, украл несколько десятков дел на освобождающихся лагерников и сжёг их в печке. Приводились имена «свидетелей» этого преступного деяния — активисты, «прикормленные» Стародубцевым. Обвинение было серьёзным: саботаж работы УРЧ!

Стародубцев торжествовал. Ещё немного, и враг будет повержен. Иван старался найти выход из тупиковой ситуации, понимая, что в данном случае «укоротить» Стародубцева кулаками невозможно. Если применение физической силы грозило Стародубцеву больничной кроватью, то Ивану — неделями карцера. При этом его мнимая вина усугублялась: месть за разоблачение! Напрашивался единственный вариант спасения, к которому часто прибегали ссыльные, — добиться поддержки вышестоящего начальника. Лучше всего это удавалось лагерникам, обладавшим «прикладными» талантами. Кто-то из них пел популярные советские песни и музицировал на вечеринках и торжественных собраниях. Кто-то использовал опыт таксидермиста для пополнения «высокопоставленных» коллекций птичьего и животного мира Карелии. Один из ссыльных, осуждённый за попытку поджога готовившегося к открытию дома-музея Сталина в Вологде, жил припеваючи благодаря тому, что наловчился делать сувенирные избушки-календари, которые пользовались большим спросом у лагерных командиров. Именно такая избушка с надписью «На память о ББК, год 1933» была однажды вручена начальнику Ленинградского управления НКВД Медведю.

Первую попытку «найти поддержку» Иван Солоневич предпринял в отношении начальника УРЧ Богоявленского, старого чекиста, службиста, ходившего всегда в форме. Он славился тем, что принципиально не прощал проступков. Чуть что — отправлял под арест, в «шизо», на 19-й квартал, на Лесную речку, то есть места малопривлекательные для здоровья и психики ссыльных. Но даже у него обнаружились уязвимые места. С Богоявленским Иван завязал, по его словам, кое-какие «деловые отношения». Началось всё с «заграничной» сигареты, которой Солоневич угостил начальника. Тот заинтересовался: откуда такая роскошь? Иван с ходу нафантазировал: в Москве, в правительственном распределителе № 1 есть друзья. Богоявленский поверил (в УРЧ попадала самая разнообразная публика) и стал выделять из бесформенной массы лагерников этого общительного, деятельного крепыша со связями в столице. Мотивация Богоявленского была понятна: причудливы повороты судьбы. Кто знает, не пригодятся ли в будущем знакомства ссыльного Солоневича?

И всё-таки лагерным «Шпигелем» (тем самым «неожиданным спасителем» по семейной терминологии Солоневичей) стал не Богоявленский, а Якименко, начальник учётно-распределительного отдела Медногорского лагеря. По описанию Ивана, это был «человек высокого роста, в щегольской чекистской шинели, с твёрдым, властным, чисто выбритым лицом, хорошо и вкусно откормленными щеками. В его лице

было нечто патрицианское, выражавшееся в нескрываемой брезгливости к окружающему лагерному миру». «Мужицкая натура» Солоневича ни в чём не совпадала с «патрицианской» Якименко. Но Иван утешался тем, что, во-первых, «овчинка выделки стоит», — Якименко поможет доставить Стародубцева на место, и что, во-вторых, такое сближение было интересным с журналистской точки зрения. Когда-нибудь он опишет во всей его красе этого советского «патриция».

Знакомство произошло на глазах актива «учётки». Якименко прибыл в Подпорожье, чтобы провести совещание по поводу «полного провала» в работе УРЧ. Совещание пробуксовывало из-за того, что местное начальство не рисковало выступать с инициативами: себе же потом дороже обойдётся. При полном отсутствии дельных предложений слово взял Иван, выдвинув комплексную программу улучшения ситуации: научная организация труда в УРЧ, использование «скрытых резервов», введение соцсоревнования между различными отделами. Якименко сделал вид, что эти предложения его заинтересовали: не напрасно же он месил грязь, добираясь до Подпорожья.

Солоневич был приглашён «патрицием» для беседы тет-а-тет. Вначале были затронуты производственные темы. Потом незаметно перешли на вопросы спортивно-туристические. Якименко фанатично увлекался туризмом. Особенно хорошо знал Кавказ и потому охотно поделился впечатлениями о своих горных маршрутах и восхождениях. Не остался в долгу Солоневич, умевший приукрасить живописными деталями свои журналистско-туристические приключения. После этой беседы по рекомендации Якименко Иван стал привлекаться для лекционно-просветительской работы в лагере, причём по самому широкому кругу вопросов — от специфики жизни кавказских народов до успехов советской автомобилестроительной промышленности.

Предприимчивый Якименко решил использовать бойкое перо Солоневича и для собственных карьерных целей. Механику взаимодействия описал сам Солоневич: «Вечерами вместо того, чтобы коптиться в махорочных туманах УРЧ, я сидел в комнате Якименки, пил чай с печеньем и выслушивал якименковские лекции о лагере. Их теоретическая часть, в сущности, ничем не отличалась от того, что мне в теплушке рассказывал уголовный коновод Михайлов. На основании этих сообщений я писал инструкции. Якименко предполагал издать их для всего ББК и даже предложить ГУЛАГу. Как я узнал впоследствии, так он и поступил. Авторская подпись была, конечно, его. Скромный капитал своей корректности и своего печенья он затратил не зря».

Не зря затратил своё время и Солоневич: направленная против него провокация Стародубцева с «пропавшими делами» бесславно провалилась.

В двухстах метрах от здания УРЧ находилась постройка, в которой располагалась редакция газеты «Перековка». Иван Солоневич нередко заглядывал туда, чтобы поговорить с редактором Марковичем на текущие лагерные темы, а заодно просмотреть свежие московские газеты.

Еврей Маркович, спасаясь от погромов, ещё до войны 1914 года уехал в Соединённые Штаты, но после победы большевиков вернулся в Россию. Новая власть ему не понравилась. Всё было устроено так, что поступки Марковича неизменно противоречили законам Страны Советов. Дать задний ход в США он не успел. В конце концов Маркович оказался в лагере, на достойной, в принципе, работе редактора газеты. По оценке Ивана, «Перековка» была «потрясающе паршивым листком даже по советским меркам!». Своё мнение Солоневич мотивировал следующим образом: «Её („Перековки“) содержание сводилось к двум моментам: энтузиазм и доносы. Энтузиазм испущал сам Маркович, для доносов существовала сеть лагкоров — лагерных корреспондентов, которая вынюхивала всякие позорящие факты на счёт недовыработки норм, полового сожительства, контрреволюционных разговоров, выпивок, соблюдения религиозных обрядов, отказов от работы и прочих грехов лагерной жизни».

В редакцию забегали на огонёк Юра и иногда Борис (его перевели из Подбережья в Погру). Затапливали печку, мечтательно сидели с «козьими ножками», глядя на огонь. Но говорили осторожно, памятуя, что редакция «Перековки» кишит активистами-доносчиками. Маркович не забывал о своём редакторском интересе и обращался к братьям с просьбой поддержать газету профессионально сделанными материалами. Памятуя о том, что «Перековку» читает начальство, братья время от времени писали в газету заметки на спортивно-оздоровительные темы. Каждая статейка — это шаг по созданию позитивного мнения о себе.

Слухи о массовой переброске заключённых со Свирьстроя на БАМ — Байкало-Амурскую магистраль — встревожили Ивана. Как бы ни восхваляли в «Перековке» «стратегическую важность стройки» и «наилучшие условия труда на сибирских просторах», для Солоневичей это означало крах всех надежд: там граница будет недосягаемой, преодолеть глухую забайкальскую тайгу невозможно.

Эвакуационным директором Подпорожья назначили Якименко.

Желающих добровольно отправиться на БАМ, по свидетельству Солоневича, не было. Даже активисты искали лазейки, чтобы избежать отправки. В лагпунктах царили страх и уныние. В Карелию были введены дополнительные части ГПУ, которые окружили лагеря плотным кольцом. Несмотря на это, участились случаи импровизированных побегов, которые в большинстве случаев заканчивались захватом беглецов и показательными расправами, чтобы другим неповадно было.

Работы в УРЧ резко прибавилось: ежедневный аврал изматывал сотрудников: они не справлялись с подготовкой эвакуационных материалов. Из Медгоры^[53] прислали на помощь группу сотрудников тамошней УРЧ, но и этого было недостаточно для налаживания дела. Ивана перебросили на самый горячий участок — печатание списков заключённых, отправляемых на БАМ. Эта работа была мучительной и неблагодарной: машинка Казанского производства обладала норовистым нравом, часто без видимых причин давала сбои, и потому списки не раз и не два приходилось начинать с нуля.

Угроза отправки Юры на БАМ с каждым днём становилась всё более реальной. У него не было «запретных» для БАМа статей по шпионажу, как у Ивана и Бориса. Как уберечь его? Как вызволить из, казалось бы, неминуемой беды? Иван обратился с призывом о помощи к Якименко, но тот отвечал неопределённо. Всевластие и безнаказанность развивали у лагерного начальства склонность к садизму, пусть даже во внешне невинной, психологической форме. В этом Якименко мало чем отличался от других. Он уже получил от Ивана то, что хотел: проекты инструкций пошли по инстанциям, нужды в Солоневиче больше не было: «мавр сделал своё дело, мавр может уйти».

Иван вплотную взялся за разработку самых отчаянных планов побега из лагеря, вплоть до организации нападения на охрану, захвата винтовок и т. д. Однако шансов на успех этой авантюры не было: ни запасов продовольствия, ни компаса, ни надёжной карты, ни времени на подготовку.

Эвакуационные списки печатались в двенадцати экземплярах. Первые три копии шли в Управление ББК, Управление БАМа и в «контрольные дела» ГУЛАГа. Они-то и подписывались начальством, ответственным за эвакуацию. Остальные использовались на месте, в том числе при организации погрузки «рабочей силы». Среди лагерников было много физически слабых, обречённых на смерть в случае отправки на БАМ в промёрзлых, продуваемых всеми ветрами вагонах. Из чувства сострадания отец и сын Солоневичи стали манипулировать со списками,

«корректировать» их, чтобы задержать отправку этих потенциальных смертников.

В первых трёх экземплярах они сохраняли всё как есть, а в оставшихся «фамилии заведомо больных людей», доходяг, заменяли на вымышленные, надеясь, что «при том хаосе, который царил на лагерных пунктах, при полной путанице в колоннах и колонных списках, при обалделости и беспробудном пьянстве низовой администрации — никто не разберёт: сознательный ли это подлог, случайная ошибка или обычная урчевская путаница». На каждый список, содержащий до пятисот человек, приходилось обычно 10–15 «изъятых», спасённых от верной гибели. Наверное, до сегодняшнего дня в архивах ГУЛАГа сохраняются эти самые списки, напечатанные Иваном и Юрием Солоневичами.

С жестокостью при отборе рабочей силы на БАМ столкнулся и Борис. Иван с тревогой ожидал неприятных событий, понимая, что его брат, как врач, не может позволить подобного обращения с людьми. Так и случилось. Во время работы очередной комиссии Борис проявил принципиальность и, разругавшись с Якименко, был «понижен в должности»: его отправили заниматься санитарным оборудованием эшелонов.

Именно в эти напряжённые дни Иван встретил старого московского знакомого — Зиновия Яковлевича Гендельмана, бывшего инструктора спорта, который в числе других лагерников отправлялся на БАМ. Из-за неправильно понятого курса партии на «политизацию физкультуры» он был арестован в числе пятисот инструкторов и направлен «на перековку». Узнав о переживаниях Ивана, многоопытный и многознающий Гендельман посоветовал «решить вопрос» о Юре через председателя бамовской приёмной комиссии чекиста Чекалина, коммуниста с дореволюционным стажем, порядочного человека, который личной карьеры не сделал как раз по причине своей порядочности.

Когда ненавистный Стародубцев попытался в очередной раз включить Юрия в очередной эшелон на БАМ, Иван понял: пора действовать. Поздним вечером он отправился к Чекалину, который в полном одиночестве жил в неказистом деревенском доме за пределами лагеря.

Чекалин встретил неожиданного гостя настороженно, с парабеллумом в руке. Но разговор с чекистом стал развиваться по сценарию, подготовленному Иваном:

— Гражданин начальник, последние эшелоны состояются из людей, которые до БАМа заведомо не доедут... Я хочу предложить вам давать списки больных, которых ББК сажает в вагоны под видом здоровых.

— Вы по каким, собственно, мотивам действуете?

— По многим мотивам. В частности, и потому, что на БАМ придётся, может быть, ехать и моему сыну.

Предложенная Иваном сделка — информация о махинациях ББК с доходами в обмен на неприкасаемость Юрия — возражений у Чекалина не вызвала. Договорились об организации бесконтактной связи, причём условия предложил Солоневич: списки с отметками о заведомо больных кандидатах на БАМ будут помещаться в уборной УРЧ — «в щели между брёвнами, над притолокой двери». Каких-либо сомнений в правомерности сделки Чекалин не испытывал: самое главное — качественно выполнить работу по подбору рабочей силы.

Сотрудничество Солоневича и Чекалина завершилось отъездом последнего на БАМ после того, как чекист окончательно убедился в том, что ББК подсовывает ему «бракованных» людей, не раз снимавшихся с этапов по состоянию здоровья.

Подпорожское отделение ББК было ликвидировано, и его имущество передано Свирягу. Иван и Юрий участвовали в этом процессе «на скромных амплуа „завпишмашечек“».

В середине марта 1934 года отца и сына откомандировали в Медгорское отделение ББК. Борис застрял в Погре из-за своей застарелой болезни — малярии. Прощаясь, Солоневичи договорились о дате побега — утром 28 июля: «Где бы мы ни были»...

В книге «Россия в концлагере» Иван назвал городок Медвежья Гора «столицей» не только Беломорско-Балтийского лагеря и комбината, но и всей Карелии. Экономическая жизнь региона была завязана на ББК, и Медвежья Гора была его «наиболее привилегированным пунктом», расположенным на линии Мурманской железной дороги, там, где «железка» идёт вдоль северной части Онежского озера.

Местная элита, к которой относилось высшее начальство лагеря, чекисты и их семьи, жила в прочных бревенчатых домах. В недалёком соседстве от городка располагались Центральное управление ББК, его отделы, подотделы и канцелярии. Владения Медгоры были разбросаны на десятки вёрст в радиусе, включая несколько лагерных пунктов, лесоразработки, мукомольни, мастерские и пристани, оранжерейное хозяйство лагерного совхоза «Вичка» и даже валютный магазин Торгсина.

Солоневичей определили в 3-й лагерный пункт, служивший в основном для временного «отстоя» и перераспределения «рабочего контингента». «Мы погрузились в лагерные низы, — писал Солоневич, — и почувствовали, что мы здесь находимся совсем среди своих. Мы перекладывали доски и чистили снег на дворах Управления, грузили мешки

на мельнице, ломали лёд на Онежском озере, пилили и рубили дрова для чекистских квартир, расчищали подъездные пути и пристани, чистили мусорные ямы в управленческом городке».

По мнению Ивана, положение их в 3-м лагпункте было почти идеальным с учётом неплохого питания за выполненную норму и лояльного отношения начальства к заключённым. Чтобы избежать отправки в дебри медгорских владений, Иван провёл через учётно-распределительный отдел хитроумную операцию по изъятию «из нормального оборота бумажного конвейера лагерной канцелярщины» контрольных документов на себя и Юру. Жить вроде бы стало спокойнее, но ненадолго. Их затянувшееся пребывание в лагпункте было замечено, назревала скандальная ситуация с непредсказуемыми последствиями. Пришлось снова в срочном порядке искать выход, «изворачиваться», по терминологии Ивана.

Спасительным кругом могло стать трудоустройство в «Динамо». После понятных колебаний Иван отправился в отделение общества «Динамо», которое базировалось на стадионе вольного города при Медгоре во внешне невзрачных деревянных домах. Однако внутри они были обставлены по солидным московским стандартам, была даже роскошная бильярдная комната, предназначенная для отдыха руководящих динамовцев. В этой бильярдной и произошла встреча Солоневича с начальником учебной части «Динамо» Яковом Самойловичем Медоваром, одесситом, великим комбинатором «на почве спорта», и инструктором Фёдором Николаевичем Батюшковым, «вычищенным» в своё время за отклонения от партийной линии в спортивных делах.

С точки зрения Ивана, компания подобралась неплохая: у Медовара довольно быстро возникла «материально выгодная» комбинация по использованию литературных способностей Солоневича: «Я устраиваюсь в Культурно-воспитательный отдел, вы пишете инструкции и прочие бумаги, зарплату, — 150 рублей, — пополам!» Иван тоже выдвинул предложение: «Заклучайте соглашение с ГУЛАГом о написании работы „Руководство по физкультурной работе в исправительно-трудовых лагерях ГПУ“. Я пишу — гонорар пополам!»

Батюшков, в свою очередь, гарантировал Солоневичу комфортные условия жизни, нажимая на то, что «самое спокойное место в СССР — это медгорское „Динамо“», где вместе с Иваном они смогут «во-первых, играть в теннис, во-вторых, купаться, в-третьих, пить водку». Поработав несколько недель в «Динамо», Солоневич сделал вывод, что Медовар и Батюшков не преувеличивали: «Впоследствии я убедился в том, что в

„Динамо“ ББК ГПУ, среди заваленных трупами болот, девятнадцатых кварталов и беспризорных колоний можно было действительно вести курортный образ жизни».

Юра был рад динамовским перспективам отца, тому, что его надежды на очередное «явление Шпигеля» вновь сбылись.

Решающую визу о приёме Солоневича на работу в «Динамо» поставил В. Радецкий, заместитель начальника ББК. Иван сподобился его аудиенции — в огромном кабинете, увешанном картами и портретами наркомов. В разговоре выяснилось, что Солоневич и Радецкий знакомы ещё с 1928 года. Радецкий был тогда секретарём Северо-Кавказского крайисполкома, а его собеседник курировал по профсоюзной линии строительство спортивного парка в Ростове.

Иван дал, в общем-то, благожелательный портрет Радецкого: «Чисто выбритое, очень интеллигентное лицо, спокойные и корректные манеры партийного вельможи, разговаривающего с беспартийным спецом: партийные вельможи всегда разговаривают с изысканной корректностью». Предлагая Ивану папиросу, Радецкий многозначительно заметил: «Вашу биографию мы знаем с совершенной точностью». Потом чекист перешёл к обсуждению конкретных проблем и предложил Солоневичу создать «образцовое динамовское отделение», подготовить команду для участия в осеннем первенстве Северо-Западной области и динамовском первенстве. Радецкий мечтал о победе ББК над Ленинградским отделением, верил в организаторско-тренерский талант Солоневича и санкционировал подбор спортсменов из трёхсоттысячного населения ББК! Было дано высочайшее позволение и на поступление Юры в техникум.

Радецкий распорядился выдать Ивану пропуск на право передвижения по территории Медгорского отделения, и уже на следующий день Иван в тесной конторке ГПУ расписался за пахнущие коленкором и казеиновым клеем корочки. Стоит ли говорить, что онигодились для разведки маршрутов будущего побега. Солоневич убедился в том, что живописный ландшафт в окрестностях Медгоры был крайне тяжёлым для пешего передвижения: непроходимые болота, нагромождения ледниковых валунов, глухие медвежьи чащобы. Вывод был пессимистичен и оптимистичен одновременно: «Да, по таким местам бежать — упаси господи. Но с другой стороны, в такие места нырнуть — и тут уж никто не разыщет».

Иван и Юрий переехали из 3-го в 1-й лагпункт. Благодаря динамовскому благу их поселили в 15-м привилегированном бараке, в котором в основном обитали административные служащие и выборное

начальство из актива: староста, дневальные, уполномоченный по борьбе с прогулами, тройки по борьбе с побегами, по соцсоревнованию и ударничеству.

Официальный рабочий день для обитателей барака начинался в 9 часов утра и кончался в 11 вечера с трёхчасовым перерывом. Эти три часа уходили на получение талонов на обед и на хлеб, на обед и мытьё посуды. Для лагерников с «привилегиями» полагался ещё и ужин. По вечерам проводились политбеседы и политинформации, на которых чаще всего блистал эрудицией Иван Солоневич.

Свою лагерную жизнь весны 1934 года Иван назвал «беспечальной» и «фантастической». Спортивная работа и подработка в техникуме, где он давал уроки физкультуры и литературы, обеспечивали ему неплохой заработок — около 230 рублей в месяц. Питались они с Юрой в столовой инженерно-технических работников, куда, по выражению Ивана, попасть было сложнее, чем на воле в партию.

Лето того же 1934 года Иван охарактеризовал и вовсе как «поистине неправдоподобное»: «Я не делал почти ничего, Юра не делал решительно ничего, его техникум оказался такой же халтурой, как и „Динамо“. Мы играли в теннис, иногда и с Радецким, купались, забирали кипы книг, выходили на берег озера, укладывались на солнышке и читали целыми днями. Это было курортное житьё, о каком московский инженер и мечтать не может. Если бы я остался в лагере, то по совокупности тех обстоятельств... я жил бы в условиях такой сытости, комфорта и безопасности и даже... свободы, какие недоступны и крупному московскому инженеру... Если бы не перспектива побега, я спал бы в лагере гораздо спокойнее, чем я спал у себя дома, под Москвой».

Лагерное ГПУ страха у Солоневича не вызывало — вон оно, в облике Радецкого, бегают по корту с ракеткой в руках. При всей внешней расслабленности Иван не забывал о главном: «Наше райское житьё в Медгоре... ни в какой степени и ни на одну секунду не ослабляло нашей воли к побегу, как не ослабило её и постановление от 7 июня 1934 года, устанавливающее смертную казнь за попытку покинуть социалистический рай».

По вечерам в кабинете Батюшкова за пиршественным столом часто собиралась компания динамовской «аристократии» и чекистов, среди которых особенно выделялся начальник оперативной части Медгорского отделения ОГПУ Подмоклый. Музыкальное сопровождение вечеринок обеспечивал Юра, хорошо игравший на гитаре и обладавший неисчерпаемым репертуаром: песенки Вертинского, берлинские шлягеры и,

по специальным заявкам, песенный фольклор уголовного мира. По признанию Ивана Солоневича, эти вечеринки «особо элегантного вида не имели»: он боялся сорваться, потерять выдержку, «переломать кости» кому-либо из этой «всемогущей шайки платных профессиональных убийц».

Юра, неизменно трезвый человек в компании, за время пиров разузнал много полезного о системе охраны лагеря, об использовании собак-ищеек, о маршрутах патрулей и о карельских мужиках, которые нередко были опаснее чекистов, потому что за каждого схваченного беглеца получали премиальные.

Месяца за два до намеченной для побега даты неожиданно был переведён в Москву покровитель Солоневичей Радецкий. Тут же (с подачи недругов, конечно) в Культурно-воспитательном отделе ББК возникла идея об отправке Ивана на Водораздел (250 километров от границы с Финляндией!) для «постановки физкультурной работы» во вновь организуемом лагере. Это никак не совпадало с планами Солоневичей. Борис в это время находился в Лодейном Поле, Юра остаётся в Медгоре, а Иван будет на Водоразделе. При таком «территориальном» разбросе подготовить побег невозможно.

После мучительных размышлений и бессонных ночей у Ивана родился «план великой халтуры», к исполнению которого он тут же приступил, подготовив докладную записку на имя начальника лагеря Успенского с предложением о проведении «вселагерной спартакиады». Была представлена и соответствующая мотивировка мероприятия: «Спартакиада должна служить документальным и неоспоримым доказательством правильности воспитательной системы лагерей»; «должна дать совершенно очевидное доказательство перековки и энтузиазма»; «опровергнуть буржуазную клевету о лагере как о месте истребления людей».

Можно представить, какими сомнениями терзался Солоневич, дожидаясь ответа всемогущего Успенского. Но тактически и психологически Иван рассчитал точно: умный, властный, беспощадный к чужим жизням партийный администратор, которого на мякине не проведёшь, всё-таки клюнул на «план великой халтуры». Беседа была деловой и конкретной. Обязательства на себя Солоневич взвалил немалые и весьма соблазнительные для карьеры Успенского: «Провести спартакиаду так, чтобы в ней была масса, были рекорды, чтобы спартакиада была соответствующе рекламирована в московской прессе и сочувствующей иностранной, чтобы она была заснята и на фотопластинки, и на киноплёнку, — словом, чтобы *urbi et orbi* — и отечественной плотве, и заграничным идеалистическим карасям воочию, с документами на

страницах журналов и на экранах кино, было показано: вот как советская власть заботится даже о лагерниках, даже о бандитах, контрреволюционерах, вредителях и т. д. Вот как идёт „перековка“».

Успенский с решением не тянул: на следующий день Иван был назначен руководителем общелагерной спартакиады и наделён широкими полномочиями. Проведение спартакиады было назначено на 15 августа, и Солоневич очень надеялся, что вместе с Борисом и Юрием встретит эту дату далеко от лагерных бараков, на финской стороне границы.

Тренировка отобранных Солоневичем спортсменов проходила на базе Вичкинского совхоза^[54]. Такое скопление спортивной молодёжи, которую поселили в огромном здании совхозной конторы, не могло оставаться без контроля, и начальник 3-й части Подмоклый направил в совхоз сексотов. Вскоре один из сексотов неожиданно исчез, и потом его тело обнаружили в реке. Подмоклый приступил было к расследованию, однако после угрозы Солоневича доложить обо всём Успенскому начальник 3-й части от своего намерения отказался. Аргументы Ивана на него подействовали: предстоящие обыски, допросы и аресты грозили развалить спартакиаду. Поэтому всё списали на несчастный случай: поскользнулся во время рыбалки и был унесён стремительным течением.

Под прикрытием грядущей общелагерной спартакиады Иван и Юрий создавали «стратегические запасы» продовольствия, медикаментов и необходимого снаряжения. Рюкзаки, плащи, сапоги, компас, фонарики, — это и многое другое добывалось с немалым риском. Была даже дефицитная мазь от комаров, которая в конечном итоге в дни побега оказалась бесполезной. Комаров она «не беспокоила». От добычи оружия пришлось отказаться. В условиях лагеря вооружиться можно было только путём убийства кого-либо из охраны лагеря или чекистского тира, в котором хранились винтовки и револьверы. Этот вариант не подходил ни по каким параметрам.

Особые меры предосторожности предпринимались для того, чтобы процесс подготовки не был замечен сексотами и членами барачной тройки по борьбе с побегами. Правда, подозревать Солоневичей было сложно, они стали «привилегированными заключёнными», входящими в самые важные кабинеты. Ивана часто видели в компании с Успенским и Подмоклым, другими лагерными иерархами, что превращало его в «неприкасаемого» для всей прочей «вохры». Иван не преувеличивал, когда писал: «В конце июня 1934 года я находился, так сказать, на высотах своего ББКовского величия, и на этих высотах я сидел прочно. Спартакиада уже была

разрекламирована в „Перековке“. В Москву уже были посланы статьи для спортивных журналов, для „Известий“, для ТАСС и некоторые „указания“ для газет братских компартий».

Несмотря на внешнюю тишь да благодать вокруг, «безотчётная нервная тревога» почти не оставляла Ивана. Опасения росли по мере приближения срока побега: не следит ли за ними 3-й отдел? Не готовит ли ловушку? Не работают ли по ним с Юрием специально приставленные сексоты, которых они не смогли разглядеть? Страхи были понятны, ведь из-за одного такого сексота, Бабенко, они крупно погорели.

С оказией из Свирского лагеря пришло послание от Бориса. Некий «дядя» разыскал Ивана в полутёмном бараке и, не зная как приступить к делу, завязал разговор ни о чём. Потом они вышли на площадку у барака, и гость просиял: «Ну, теперь я и без документов вижу, что вы брат Бориса Лукьяновича!» Достал из двойной стенки берестяной табакерки записку от брата: «Дата остаётся прежней, никак не раньше и не позже». Иван расспросил гостя, выяснил, что Борис по-прежнему работает начальником санитарной части, то есть всегда должен быть под рукой: мало ли в какой врачебной помощи возникнет надобность. Жёсткое подтверждение времени побега — 12 часов 28 июля — означало, что у Бориса всё готово и что он при любых условиях покинет в указанный срок Лодейное Поле, столицу Свирского лагеря ОГПУ, и двинет через карельские чащобы в сторону финской границы.

Главный смысл послания был очевиден: ни днём раньше, ни днём позже, иные варианты означают неминуемую расправу для «отставшего» или «отставших».

Глава одиннадцатая

В «СИНХРОННОМ» ПОБЕГЕ

Физически Солоневичи хорошо подготовились для побега: усиленные тренировки и спецпитание перед общелагерной спартакиадой были очень кстати. В лесной тайник, расположенный к югу от Медвежьей Горы, они припрятали несколько пудов провизии и всё необходимое для выживания на «лоне дикой природы» в течение двух-трёх недель. Кроме того, Иван, используя «полномочия Успенского», оформил две командировки: себе до Мурманска на двухнедельный срок, а Юре — в Повенец и Пиндуши — на пять дней для «оказания методической помощи по обучению плаванию». Иван надеялся, что командировки прикроют первые дни их отсутствия.

Накануне ухода из лагеря Иван сохранял предельное хладнокровие, что удивило его самого: «Я был уверен, что перед этим днём — днём побега — у меня снова, как это было перед прежними побегами в Москве, нервы дойдут до какого-то нестерпимого зуда, снова будет бессонница, снова будет ни на секунду не ослабевающее ощущение, что я что-то проворонил, что-то недосмотрел, что-то переоценил, что за малейшую ошибку придётся, может быть, платить жизнью — и не только моей, но и Юриной... Но ничего не было: ни нервов, ни бессонницы».

Когда сообщение об удавшемся «синхронном» побеге Солоневичей появится в зарубежной печати, реакция эмигрантских кругов не заставит себя ждать — реакция недоверчивая, противоречивая, часто недоброжелательная. Поэтому есть смысл подробнее осветить «техническую часть» этого, действительно нелёгкого, почти невероятного по степени риска предприятия.

Чтобы не вызвать подозрений, Юра покинул лагерь первым — 28 июля в 9 часов утра. При свидетелях попрощался с отцом, получил от него деловые напутствия. По легенде, он направлялся на рейсовый автобус на Повенец, а на деле — должен был избавиться от своего «декоративного дорожного узелка», вытащить из кустов заранее припрятанные удочки (тоже легенда), добраться до тайника с продовольствием и там дожидаться отца. Выход Ивана (с дополнительным продовольствием и вещами) был назначен на 12.00, поскольку по его легенде он должен был успеть на мурманский поезд, отходивший в 12.40.

Эти три часа разрыва по «графику ухода» дались Ивану невероятным напряжением сил и воли. Понятно, он опасался за сына. Всё ли получилось так, как надо. В книге Солоневич подробно описал свои действия накануне ухода. Время казалось тягучим, неподвижным, мертвецки сонным. Он собрал волю в кулак и, присев на край кровати, в своей обычной «скоростной манере» набросал две статейки для медгорской «Перековки» и лагерной радиогазеты (последние журналистские труды в СССР!). После этого отнёс их в редакцию и получил аванс (последний советский!) в 35 рублей под будущие статьи. Купил на эти деньги два килограмма сахара и три пачки махорки (последние советские покупки!).

В бараке загрузил в рюкзак продукты, взял волейбольную сетку, футбольный мяч, пачку футбольной литературы и два копия (всё спортивное — «для маскировки») и вышел из барака. Выйдя за пределы лагеря, Иван бросил прощальный взгляд на освещённые солнцем стены своего недавнего обиталища: «Барак наш торчал каким-то кособоким гробом, с покосившейся заплатанной крышей, с заклеенными бумагой дырами окон, с дневальным, понуро сидевшим у входа в него. Странная вещь, во мне шевелилось какое-то сожаление. В сущности, неплохо жили мы в этом бараке. И в нём было много совсем хороших, близких мне русских людей. И даже нары мои показались мне уютными».

Солоневич прошёл через городок, стараясь не попадаться на глаза знакомым, миновал вохровскую заставу (знакомые все лица) и направился к железнодорожной насыпи. Несколько километров прошагал по шпалам, чтобы сбить со следа овчарок, если погоня всё-таки будет. Потом рванул в сторону — в лесную чащу, на тропу, ведущую к пятому лагпункту, и без оглядки, марш-броском под жарким июльским солнцем, с четырёхпудовой ношей за спиной устремился к условленному месту встречи с Юрой. И вдруг осложнение — за первым же поворотом, словно из-под земли, возник патруль: двое в гимнастёрках, с винтовками за спиной. Солоневич написал об этой встрече как о «моменте пронизывающего ужаса»: «Значит — подстерегли». Для Ивана это экзистенциальная ситуация: от принятого решения зависела вся его дальнейшая жизнь или не-жизнь, потому что высшая мера, предусмотренная «постановлением», уже дожидалась таких, как он.

Иван преодолел мгновенный приступ паники и, не замедляя шага, пошёл навстречу оперативникам. Выдержка не подвела: оказалось, что перед ним — «простые красноармейские рожи», наивные и улыбчивые парни, ничего настораживающего в них не было. Обменялись несколькими словами и пошли каждый своим путём. Патрульные знали Солоневича в

лицо и, наверное, не раз встречали его в компании с начальником 3-й части Подмоклым.

На подходе к тайнику с продовольственным складом Иван услышал мужские голоса, а затем «нечто вроде змеиного шипения»: это подал признаки жизни Юра. Он возбуждённо прошептал, что в 20–30 шагах от схрона копошатся странные мужики в пёстрых рубахах и что необходимо как можно скорее укладываться и драпать. Торопливо избавились от спортивного камуфляжа, зарыв его в мох, распределили по рюкзакам вещи и продовольствие и скрытно, почти по-пластунски, стали удаляться от опасного места. Они понимали, что в первый день побега надо было по максимуму выйти из «зоны притяжения» лагеря, раствориться в зелёном безмолвии леса и зыбучих болот, бежать от всего, что пахнет человеком и человеческим жильём. И они выполнили эту задачу: вначале преодолели горную гряду в пяти верстах от железной дороги, затем перебрались через речку, которая связывала цепь озёр и могла быть тем самым узким местом на маршруте, где таились чекистские засады. Потом началась тяжкая страда движения на запад, со многими отклонениями в сторону из-за возникающих препятствий — стремительных речных потоков, болот до горизонта, каменных завалов.

Так начался выстраданный уход Солоневичей из Советской России. Иван и Юрий двинулись в сторону Финляндии из окрестностей станции Кивач Мурманской железной дороги. Шли в направлении села Койкири на реке Суне, откуда до границы было рукой подать. Изо дня в день упорно продвигались на запад через запутанные петли рек, лабиринты озёр, ловушки болот. Атлетически сложенные, тренированные мужчины шли с предельным напряжением сил, зная наверняка, что другого случая не представится: смерть преследовала их по пятам! Им пришлось преодолеть не менее восьми переправ — карельский рельеф местности не давал скучать, щедро одаривая беглецов всё новыми и новыми испытаниями на маршруте.

Заданный ритм движения поддерживали сложившимся «расписанием дня». Просыпались перед рассветом, кипятили чай, шли до 11–12 часов дня. Устраивали привал, варили кашу, потом гасили костёр, маскировали головешки и уходили как можно дальше от этого места, находили укромную «лёжку» и отдыхали. Вставали в пять часов пополудни и снова шли до темноты. Ужинали кашей и засыпали, как убитые, несмотря на влажный холод приполярной ночи. На следующий день то же самое, упорное продвижение в сторону границы. «Мы действовали по принципу некоего героя Джека Лондона, — вспоминал Иван Солоневич, — что бы

там ни случилось, держите прямо на запад».

Проблемы возникали тогда, когда они натыкались на человеческое жильё: это всегда опасность, это пограничники, группы содействия пограничникам, собаки, облавы «с привлечением населения». Однажды, обходя безымянную деревню, отец и сын нарвались на прохожего, несомненно, облечённого властью: он был при револьвере, из которого, не задумываясь, стал стрелять в их сторону. Чтобы оторваться от погони, потребовалось несколько часов отчаянного «драпа» с полной выкладкой: бросить рюкзаки было невозможно: их содержимое — гарантия выживания! Лишь перебравшись на другой берег озера (с вещами на импровизированном плотике), чудом избежав встречи «лоб в лоб» с пограничным катером, они почувствовали себя в относительной безопасности.

В эти же дни севернее, параллельным курсом, пробивался к границе Борис. Он должен был преодолеть 250 километров по карельским чащобам от лагеря Лодейное Поле до границы с Финляндией. Но это — теоретически, так сказать, по прямой линии. Если учесть неизбежные отклонения от маршрута, ему пришлось пройти не менее 300 километров. Прощальным эпизодом лагерной жизни Бориса стало, по его воспоминаниям, участие в футбольном матче. Его послали дежурным врачом на матч динамовских команд Петрозаводска и Лодейного Поля. Один из ключевых игроков «своей» команды оказался «вне игры» по причине пьянства. Борису предложили занять его место, благо что «петрозаводские» не знали, что он заключённый, а не кадровый сотрудник ГПУ. Борис блестяще сыграл в матче и даже забил победный гол — с пенальти. Потом — импровизированная переправа через реку Свирь на рыбацкой лодке (предлог — срочный вызов к больному!) и бросок под спасительный шатёр леса.

Подробности своей одинокой эпопеи в карельских лесах Борис описал в книге «Молодёжь и ГПУ». Заключительная глава книги, опубликованная в качестве приложения к «России в концлагере», стала «отчётом» Бориса о перипетиях его собственного побега. Он назвал эту главу «Побег из „рая“».

Иван считал, что на дорогу уйдёт восемь суток, но они шли уже двенадцать! Вновь появились тревожные ощущения. Неужели заблудились? Неужели ходят по кругу? И всё-таки на шестнадцатый день пути счастливый для них миг настал. По обрывкам попадававшихся на тропинках газет и консервным этикеткам на финском и шведском языках они убедились, что они, наконец, в Финляндии! Это были минуты счастья и

торжества: они добились своего! Юра размашисто перекрестился, хотя всегда утверждал, что является атеистом.

Беспокойные мысли о возможности выдачи, «в порядке соседской любезности», советским пограничникам заставили Солоневичей продолжить путь вглубь страны. Вскоре они вышли на лесной хутор. Девочка, игравшая у сарая, вначале с ужасом созерцала «леших», возникших из чащи, затем перемахнула через забор и, подбегая к избе, закричала от страха. Небрityм и немытым «лешим» было невдомёк, что после долгих дней изнурительного пути, в одежде, изорванной сучьями, они выглядели пугающе.

Солоневичи присели на бревно, дожидаясь дальнейшего развития событий. Девочка выглянула из избы и стремглав бросилась в сторону леса. Вскоре она появилась в сопровождении мужчины. О нём Солоневич написал так: «Из лесу вышел степенный финский мужичок, в таких немыслимо жёлтых сапогах, из-за каких когда-то в далёком Конотопе покончил дни свои незабвенной памяти Хулио Хуренито, в добротной кожанке и с трубкой во рту. Но меня поразили не сапоги и не кожанка. Меня поразило то отсутствующее в Советской России вообще, а в советской деревне в частности и в особенности, исходившее от этого мужичонки впечатление полной и абсолютной уверенности в самом себе, в завтрашнем дне, в неприкосновенности его буржуазной личности и его буржуазного клочка земли».

«Леших» накормили, а потом отец девочки отвёл Солоневичей на пограничный пункт, где их «для виду» обыскали, расспросили и угостили кофе. Никаких признаков вражды и подозрительности. Это расслабило до предела взвинченные нервы Солоневичей, ожидавших более строгой процедуры «приёма».

Вечером, на том же пограничном пункте, Иван и Юрий сели на склоне холма, чтобы вслушаться в тишину, насладиться спокойствием пейзажа, расстилавшегося перед ними, и ощутить, наконец-то, что они в безопасности. В мыслях они возвращались к тому, что осталось в прошлом, за невидимой пограничной линией между двумя мирами. Иван описал эту насыщенную эмоциями сцену с такой душевной искренностью, что она, несмотря на солидный «метраж» «России в концлагере», надолго остаётся у читателя в памяти:

«...Дальше к востоку шли бесконечные просторы нашей родины, в которую, Бог знает, удастся ли нам вернуться.

Я достал из кармана коробку папирос, которой нас снабдил начальник заставы. Юра протянул руку:

— Дай и мне.

— С чего ты это?

— Да так...

Я чиркнул спичку. Юра неумело закурил и поморщился. Сидели и молчали. Над небом востока появились первые звёзды: они где-то там светились и над Салтыковкой, и над Москвой, и над Медвежьей Горой, и над Магнитогорском, только, пожалуй, в Магнитогорске на них и смотреть-то некому — не до того... А на душе было неожиданно и замечательно паршиво».

И следом — внутренний монолог Солоневича, подводящий итог его прежней жизни в России:

«По-видимому, мы оба чувствовали себя какими-то обломками крушения... Пока боролись за жизнь, за свободу, за какое-то человеческое жильё, за право чувствовать себя не удобрением для грядущих озимей социализма, а людьми — я, в частности, по вьёвшимся в душу журнальным инстинктам, — за право говорить о том, что я видел и чувствовал; пока мы, выражаясь поэтически, напрягали свои бицепсы в борьбе с разъярёнными волнами социалистического кабака, — всё было как-то просто и прямо... И словно вылившись из шторма, сидели мы на неизвестном нам берегу и смотрели туда, на восток, где в волнах коммунистического террора и социалистического кабака гибнет столько родных нам людей... Много запоздалых мыслей и чувств лезло в голову... Да, проворонили нашу родину. В частности, проворонил и я — что уж тут греха таить. Патриотизм? Любовь к родине? Кто боролся *просто* за это? Боролись: за усадьбу, за программу, за партию, за церковь, за демократию, за самодержавие... Я боролся за семью. Борис боролся за скаутизм. Нужно было, давно нужно было понять, что вне родины — нет ни черта: ни усадьбы, ни семьи, ни скаутизма, ни карьеры, ни демократии, ни самодержавия — ничего нет. Родина, как кантовская категория времени и пространства; вне этих категорий — пустота... И вот — проворонили».

Покой, сытость, налаженность жизни финнов Иван Солоневич воспринял «как некое национальное оскорбление: почему же у нас так гнусно, так голодно, так жестоко?». И какой контраст с тем, как встречают в СССР беглецов «буржуазного Запада»! Из той же самой Финляндии. А ведь многие перебежчики в Советскую Россию были коммунистами, идейно близкими большевикам людьми!

И к этому — невероятное, травмирующее психику доверие пограничников: беглецам накрыли постель рядом с оружейной стойкой!

Солоневич не удержался, произнёс мысленно оду «дружественным финским винтовкам», не преминув отметить, что всегда ощущал советские винтовки как «оружие насилия». Перепады эмоционального настроения Ивана были настолько противоречивы, что на мгновение он ощутил неодолимое желание «на корню» покончить со всеми своими проблемами и прошлой «путаной жизнью», выстрелив в висок из парабеллума.

Но нервный срыв быстро прошёл. Стоит ли стреляться, когда ты находишься на пороге исполнения мечты?

Глава двенадцатая

ТЯЖКАЯ СВОБОДА ФИНСКОЙ ЗАГРАНИЦЫ

Через два дня Ивана и Юру доставили в посёлок Илломантси, где располагался штаб пограничного отряда. Начальник был рад событию, внёсшему в его жизнь некоторое разнообразие. Он «показал» Солоневичей всем своим знакомым в посёлке. Русских везде привечали, щедро кормили, пытались расспрашивать о жизни в Советской России. В штабе отца и сына впервые формально допросили. Русского языка финны не знали, допрос шёл на немецком. После этой вполне доброжелательной процедуры — снова обильная еда. Ближе к вечеру Иван по просьбе начальника отряда продемонстрировал жителям посёлка свои спортивно-тренерские таланты. Не исключено, что это была неназойливая форма проверки: в лагерном удостоверении Солоневича, изъятом пограничниками, было указано, что он «инструктор физкультуры».

Из Илломантси Солоневичей перевезли на автобусе в городок Йоэнсуу. Ими «занялись» гражданские власти. Поместили в «каталажку домашнего типа» на окраине, объяснив, что это «обязательный для всех перебежчиков карантин».

На следующий день Солоневичей отвезли для допроса в политическую полицию. Судя по всему, процедура была строго регламентирована. Ивана и Юру сфотографировали анфас и в профиль, вручили анкеты для заполнения, задали обычные для таких случаев — все-таки нарушители границы! — вопросы. Некоторые из них покоробили Ивана, который в самом начале допроса заявил о том, что является врагом коммунистов и советской власти, по каковой причине и бежал в Финляндию. Тем не менее невозмутимый полицейский агент, строго следуя предписанному порядку, «ошарашил» Солоневича вопросом:

— Ви член векапебе?

И ещё в таком же роде:

— Ви член мопр, ви член оптете? — под последним, по мнению Ивана, подразумевалось, скорее всего, «Общество пролетарского туризма, ОПТЭ».

Во время допроса Иван попросил полицейского агента узнать о судьбе

брата Бориса и дать займы денег, чтобы послать весточку Тамаре в Берлин. Ответ не заставил себя ждать: пришла телеграмма от Тамочки с поздравлениями и денежный перевод. Полицейский агент сообщил также, что Борис — в Финляндии! Он перешёл границу 12 августа в районе Сердоболя. Какая радость! Какой праздник на душе! «Значит, все курилки живы!»

В тот же день Иван с ведома карантинных властей направил Тамаре письмо, в котором обрисовал сложившуюся ситуацию и свои ближайшие планы:

«Родная моя девочка!

Итак, 4 месяца ГПУ, 7 месяцев концлагеря и 16 суток драпежа по нечеловечьим лесам и болотам — всё уже позади, и мы в Финляндии... Мы пока взаперти, как говорят, в карантине, до 29/VIII, отъедаемся от лагерной голодовки... Отдыхаем от нервного и физического напряжения последних месяцев. Но будущее — неясно. Мы здесь, в Йозенсуу, — первый прецедент такого рода, с нами не знают, что делать, и сносятся с Гельсингфорсом... Дальше: это карантинное время я использую для работы над брошюрой о концлагерях в СССР. Думаю издать её в Гельсингфорсе и думаю, что она будет интересна: свежий материал на свежую тему. Спишись с Ренниковым... и поговори в Берлине насчёт издания, условий, гонорара, переводов и т. д., размер 2–3 печ. листа.

Сильно беспокоюсь о Бобе. Он должен был бежать 27/VIII — не знаю, как ему это удалось. А неудача — это смерть. Сообщи о нашем бегстве знакомым, чтобы они нам ничего не писали и не слали, а то вляпаются в неприятность...

Об очень многом хочется написать, но пока ещё всё так путано.

Целую и люблю. Ва.

Только что узнал, что Боб перебрался благополучно и находится в карантине в Urosjärvi».

Денежные переводы Тамары в первые месяцы пребывания Солоневичей в Финляндии были существенной поддержкой. Однажды она прислала костюм, явно не новый. Иван отнёсся к посылке с подозрением: вещи Прцевоцни? С приездом в Гельсингфорс, однако, Тамочка не торопилась, ссылаясь на немецкую строгость в отношении «непредвиденных» отлучек с работы.

Свои переживания в связи с поведением жены Иван скрывал, а чтобы забыться, со всей страстью журналиста, истосковавшегося по настоящей

работе, стал набрасывать фрагменты для брошюры о концлагерях. Надо привлечь к себе внимание эмиграции, заявить о себе как о бескомпромиссном враге большевиков и с этой начальной ступеньки выстраивать дальнейший курс. Правда, работа над очерком шла медленно: оказывается, после многолетней отвычки было невероятно трудно писать свободно, без самоцензуры и эзопова языка. Листки с набросками множились, порождали новые сюжеты, эпизоды и коллизии. В памяти всплывали, казалось бы, давно забытые лица, диалоги, споры...

После карантина в Йоэнсуу Иван и Юрий Солоневичи были отправлены в Гельсингфорс (Хельсинки). Там члены «весёлой компании» вновь оказались вместе.

Борис описал ту памятную встречу: «Мягкий автомобиль мчит меня по нарядным, чистым улицам города. Да, это тебе не чёрный ворон и ОГПУ. Большое здание. Центральная политическая тюрьма. В комнате ожидания меня просят присесть. Нигде нет решёток, оружия, часовых. Чудеса! Проходит несколько минут, и в дверях показывается низенькая, толстенькая фигура начальника русского отдела политической полиции, а за ним... Боже мой! За ним — массив плеч брата, а ещё дальше — смеющееся лицо Юры! Обычно строгое и хмурое лицо нашего политического патрона сейчас мягко улыбается. Он сочувственно смотрит на наши объятия, и когда наступает секунда перерыва в наших вопросах и восклицаниях, спокойно говорит:

— О вас получены лучшие отзывы и правильность ваших показаний подтверждена. Господа, вы свободны».

9 сентября 1934 года Солоневичи, переполненные победной эйфорией, въехали в Гельсингфорсе в свою «первую буржуазную квартиру» на Кормунсгаттан, 16, через год после той драматической ночи, когда они были схвачены чекистами в вагоне Мурманской железной дороги. Эйфория Солоневичей, их благодарные слова в адрес Финляндии и финнов были понятны. Им казалось, что «на вольной земле» они в безопасности: «...нет ни ГПУ, ни лагеря, ни 19-го квартала, нет багровой тени Сталина и позорной необходимости славить гениальность тупиц и гуманность палачей».

Написав эти эмоциональные слова, Иван ошибся только в одном — ГПУ в Финляндии всё-таки было. Под крышей полпредства действовала резидентура, а в эмигрантской среде — надёжная агентура, которая незамедлительно взяла «под колпак» беглецов из Совдепии. Замначальника

ИНО НКВД Слуцкий^[55] направлял полученную информацию о Солоневичах Ягоде. В обязательном порядке с нею знакомили руководство Управления НКВД по Ленинградской области.

В финской политической полиции с большим «резервом» отнеслись к удачливости Солоневичей. Финны были высокого мнения о работе чекистов по обеим сторонам границы. Успешный её переход членами одной семьи, причём на разных участках, вызвал скептические оценки и комментарии по всей «вертикали» власти. Мнение было почти единодушным: если на НКВД не работает вся «семейка» целиком, то хотя бы один из неё — без всякого сомнения!

Подозрения пали в первую очередь на Бориса. В ходе финских допросов он откровенно рассказал, что работал инструктором в спортивном обществе «Динамо», то есть тесно общался с чекистами. Финнам трудно было поверить, что на подобную работу приняли человека без соответствующих заслуг перед НКВД. Рассказам Бориса о том, что он сражался на стороне белых и вёл подпольную антисоветскую работу, опираясь на скаутское движение, не поверили, сочтя эти утверждения специально подготовленной легендой.

В отношении Ивана финны к общему мнению не пришли. Одни считали его своего рода отвлекающей фигурой, прикрывающей брата-чекиста. Другие полагали, что чекистами являются оба брата, причём Иван выполняет в группе роль комиссара. Наиболее «дальновидные» финские контрразведчики предположили, что в НКВД приступили к реализации очередной операции типа «Трест» и что братья — хорошо подготовленные провокаторы в духе печально прославившегося Опперпута. Эти соображения побудили финскую охранку установить за Солоневичами наблюдение. Завуалированный интерес со стороны властей был замечен братьями. Иван не без иронии охарактеризовал его как «трогательно-заботливое крылышко финской полиции».

О своих выводах и подозрениях финны сообщили в доверительном порядке генералу С. Ц. Добровольскому, который в Гельсингфорсе возглавлял РОВС. Была и просьба: организовать дополнительный присмотр за братьями.

Новость о прибытии очередных беглецов из Советского Союза быстро облетела русскую колонию. По заведённому порядку им помогли деньгами (на минимальные нужды), питанием, снабдили, по словам Ивана, «кое-каким европейским одеянием, но оно было и узко, и коротко; наши

конечности безнадежно вылезали из рукавов и прочего, и общий наш вид напоминал ближе всего огородные чучела».

В 1938 году, подводя итог четырём годам эмигрантской жизни, Иван вспоминал о помощи русского эмигрантского комитета в Гельсингфорсе с разочарованием: «Нами не поинтересовался никто». В самые неустроенные и голодные дни пребывания в Гельсингфорсе Солоневичи обратились в комитет с ходатайством о получении одноразовых обедов. Этот опыт эмигрантской благотворительности был, по словам Ивана, самым унижительным в его жизни: «Здесь, в Гельсингфорсе, это было очень обидно и оскорбительно. Аристократическая мадам, заведовавшая выдачей талонов, — а талоны, собственно говоря, отпускались финским правительством, — не нашла ничего лучшего и более умного, как прочесть мне лекцию о пользе и необходимости труда. Я не послал её к чёртовой матери из соображений, о которых не стоит здесь говорить. Но талонный период продолжался всего шесть дней. Потом неожиданно пришли первые гонорары, и моё знакомство с общественным комитетом было закончено уплатой ему долга за 18 съеденных нами обедов».

Вопрос о хлебе насущном оставался актуальным. Чтобы восстановить прежний вес, отцу и сыну потребовалось несколько недель. Несмотря на свойственную Ивану браваду здоровьем и силой, он в книге «Россия в концлагере» не без горечи написал:

«Вот я, из крепчайшей мужицко-поповской семьи, где люди умирали „по Мечникову“, их клал в гроб „инстинкт естественной смерти“; я в своё время один из сильнейших физически людей России — и вот в 42 года я уже сед. Уже здесь, за границей, мне в первые месяцы после бегства давали 55–60 лет».

По «политической линии» первыми связались с Солоневичами младороссы^[56]. По мнению Ивана, «не для информации о России, а для вербовочной кампании в пользу второй советской партии». К этому времени у него уже сложилось представление о младоросской партии и её эклектичной идеологии. Иван был уверен в том, что младороссам до власти в России не добраться. Слишком пассивную позицию они занимают в отношении коммунистического режима, слишком расшаркиваются перед его главарями. По оценке Ивана, лидер младороссов — князь Александр Казем-Бек^[57] ещё в самом начале своего «партийного строительства» стал заискивать перед коммунистическим режимом. В 1928 году, выступая на съезде Союза младороссов, он пусть с оговорками и оглядкой, но пропел

панегирик тем, кто захватил Кремль:

«У нас привыкли осуждать людей, возглавлявших большевизм в России... Ненависть к ним понятна и человечна. Но за уничтожающей критикой, за отрицанием безоговорочным и злобным мало кто сумел найти в себе крупицу объективности... Оставим в покое большевиков. Мало кто имеет право корить их. Преступление было совершено до них, и всем хорошо известны имена людей, на которых лежит бремя чудовищной ответственности»^[58]...

Младороссы проявили незаурядную политическую смелость, объявив себя «второй советской партией» и выдвинув лозунг «Царь и Советы». Ведь, по их логике, большевизм — это итог российской истории, и его так легко не переступить. Младороссы выступали за сохранение достижений советской системы в социальной сфере, за планово-рыночное ведение хозяйства — по схеме «снизу вверх» и «сверху вниз». Координировать эти «встречные планы», по замыслу Казем-Бека, должен был «Всеимперский совет народного хозяйства», который, по заключению Ивана, был ещё одним «реверансом» — на этот раз в сторону «передового опыта советского хозяйствования».

Визит младороссов к Солоневичам завершился ничем. Их не заинтересовали амбициозные планы Казем-Бека по перестройке России с позиций ожидания её «эволюционной трансформации». Не слишком ли долго придётся ждать? Очевидным было и другое: бежать из СССР и попасть в объятия «второй советской партии» — было бы политическим нонсенсом!

Каждый из Солоневичей имел, как говорят сейчас, свой «проект» на жизнь в эмиграции. Иван собирался издавать газету, чтобы поведать Русскому Зарубежью правду о Советском Союзе. Борис мечтал об активном участии в эмигрантской политической жизни и борцовских турнирах (для заработка). Идею налаживания газеты он воспринял с энтузиазмом. Наконец-то их имена зазвучат во всю мощь! Юрий хотел поступить в художественную академию. Отец поддерживал его: «Нашей газете потребуется хороший художник»...

Борис (по собственной инициативе) стал «министром внешних сношений» семьи Солоневичей. Он писал письма, заводил контакты, «зондировал почву». Иван погрузился в работу над «Россией в концлагере», почти не отвлекаясь на побочные дела, считая, что его будущая книга о «лагерной жизни» в СССР поможет им преодолеть недоверие Русского Зарубежья. Настороженность, а порой и

недоброжелательность «русской белой колонии» в Финляндии Солоневичи воспринимали без особых переживаний. У них были свои планы, заискивать перед эмиграцией они не собирались. Резидентура НКВД в Гельсингфорсе сообщила в Москву, что в тройке беглецов только Борис «проявляет повышенную инициативность», налаживая «рабочие контакты» и с НСНП^[59], и с РОВСом, и с другими организациями, а Иван Солоневич «связей с активной эмиграцией не ищет и не поддерживает».

Информации о «спортсменах» на Лубянку поступало всё больше, и потому в середине октября 1934 года в ИНО было заведено дело «по освещению преступной деятельности „спортсменов“ за рубежом». Инициатива исходила от начальника ЭКО ГУГБ^[60] Миронова и начальника 6-го отдела ЭКО Ильицкого^[61]. Они направили служебную записку руководителю ИНО Слуцкому, в которой просили активизировать разработку Солоневичей и установить местонахождение бывшей жены Солоневича — Тамары Прцевоцни — с целью налаживания за ней агентурного наблюдения.

О побеге Солоневичей замначальника ИНО Борис Берман^[62] узнал задолго до поступления первых сводок из резидентур. Родной брат Матвей Берман^[63], который с 1932 года возглавлял Главное управление лагерей НКВД, сообщил о «пропаже» братьев по «ВЧ» и предупредил, что они могут принести «много неприятностей», оказавшись за границей. В том, что они там окажутся, Матвей почти не сомневался: это бывшие скауты, спортсмены и, без всякого сомнения, к побегу подготовились лучшим образом. Брат просил принять необходимые меры по линии ИНО, чтобы Солоневичи не стали новыми героями белой эмиграции: «Придумай что-нибудь, ГУЛАГу лишняя шумиха не нужна». Борис Берман обещал придумать и лично запросил дела, по которым проходили Солоневичи.

Уже в первые недели пребывания в Гельсингфорсе Иван понял, что в Финляндии заработать на жизнь «пером» будет нелегко, вернее — невозможно. Финны не хотели «откровенной» антисоветской работы на своей территории, о чём Иван был предупреждён в мягкой, почти извиняющейся манере.

В октябре Иван Солоневич встретился с Татьяной Васильевной Чернавиной. Она вместе с мужем и сыном-подростком бежала в Финляндию несколькими годами раньше. Солоневичу было интересно обменяться с ней опытом и посоветоваться насчёт рукописи. Чернавина к тому времени написала и издала несколько книг, совершила лекционное

турне по Европе и могла поделиться впечатлениями. Она дала Ивану ряд полезных советов и предупредила о сложностях, возникающих при «налаживании взаимоотношений» с эмиграцией. Сама Чернавина держалась в стороне от эмигрантской среды, предпочитала издаваться на иностранных языках:

— Вы, Иван Лукьянович, человек талантливый, вы умеете и наблюдать, и писать. Бросьте всякие мечты об эмиграции. Это — болото. Оно вас засосёт и загадит. Работайте для иностранцев. Это тоже будет антибольшевистская работа — и более спокойная, и более нужная, чем работа среди эмиграции. Поверьте мне: я объехала почти всю Европу, и я знаю эту публику — безнадёжное дело.

Солоневич не прислушался к совету и сделал всё, чтобы понять эмиграцию, поработать с ней и повлиять на неё...

В парижских русских кругах эпопея побега Солоневичей вызвала в основном восторженную реакцию. В числе первых, кто проявил инициативу и поздравил их с «обретением свободы», был Александр Иванович Гучков^[64]. Через Чернавину он направил Солоневичам письмо^[65].

Иван серьёзно отнёсся к подготовке ответа, понимая, что от его содержания и убедительности будет многое зависеть. Ответ был направлен в Париж 25 октября:

«Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Татьяна Васильевна Чернавина переслала мне Ваше письмо от 23 сентября, которое через Лондон и Берлин я получил только вчера. Я очень тронут тем, что после стольких лет и событий есть люди, которые не забыли нашу фамилию. Вы, Александр Иванович, вероятно, помните моего отца, Лукьяна Михайловича, издателя „Северо-Западной жизни“, одного из деятелей „стольпинского блока“ на Северо-Западе в предвоенные годы. Я — его старший сын, бывший сотрудник „Нового времени“ и „Вечерних огней“ (Киев, в эпоху Добровольческой армии). Мой младший брат Борис провёл добровольческую эпопею на Кубани, работал там в „Единой Руси“ и „Свободной речи“ и, возможно, что Вы его помните по этой работе.

В своей заметке о нас Татьяна Васильевна несколько „смягчила краски“ в смысле нашей аполитичности: брат провёл много лет в тюрьмах, Соловках и ссылке, да и все мы трое были

арестованы и попали в концлагерь за попытку бегства за границу. Следовательно, о „советской лояльности“ нечего и говорить. Сейчас мы находимся в Гельсингфорсе с несколько туманными перспективами на будущее...

В настоящее время я заканчиваю серию очерков: попытка бегства, арест ГПУ, концентрационный лагерь и бегство (готово около 7 печатных листов). Мой подход к описанию концлагеря несколько иной, чем у Т. В. Чернавиной. Меня концлагерь интересует не как место моих собственных переживаний — каковы бы они ни были, а как отражение советской жизни и советского быта вообще, судьбы крестьянства, интеллигенции, рабочих, их политические настроения (они, впрочем, однотипны: дай Бог войну)... Я ещё не знаю, куда именно пошлю эти очерки. Есть несколько предложений от русской и иностранной прессы (швейцарской), и я был бы очень благодарен Вам за совет на эту тему: в существующих группировках эмигрантской общественности и печати мы ещё не очень разбираемся. Я знаю языки — французский, немецкий и английский, и на первых двух могу выступать с публичными докладами. С английским — труднее. Кстати, доклад можно было бы иллюстрировать диапозитивами...

Здесь, в Гельсингфорсе, нас держат, так сказать, „в ватке“. До сих пор не разрешили ни одного публичного выступления, опасаясь трений с „могущественным соседом на Востоке“... Если бы была хоть какая-нибудь возможность вырваться отсюда из-под трогательно-заботливого крылышка финской полиции, — я мог бы дать картину Советской России так, как она есть, — в целом и в таких масштабах, в каких, я имею основания полагать, никто до сих пор не давал и дать не мог...

Я не очень ясно представляю себе, какое содействие Вы могли бы нам оказать. Наше материальное положение, конечно, отчаянное, но возможность выбраться на свет Божий, на литературную и политическую работу всё же важнее всего. Я пока что хлопочу о визах в Германию, где у меня есть кое-какие связи, и этот вопрос должен выясниться в ближайшие дни. Но о положении русской эмиграции в Германии я имею лишь очень туманное представление.

Вместе со мной бежал мой сын Юрий. Сейчас ему 19 лет. Он в совершенстве владеет немецким языком, слабее — английским

и французским, работал последний год „на воле“ помощником кинорежиссёра Роома и хочет специализироваться в этой области, но боюсь, — без всяких объективных возможностей.

С большим нетерпением будем ждать Вашего ответа.

Искренне преданный Вам, *Ив. Солоневич*».

Гучков был рад появлению «свежих людей» из Советского Союза и, несмотря на прогрессирующую болезнь, принял самое живое участие в их судьбе. Много усилий он затратил на получение виз для Солоневичей во Францию.

Зампредседателя ИНО Слуцкий так оценил сложившуюся ситуацию:

«Судя по письму Ивана, направленному Гучкову, братья не хотят прозябать в Финляндии. Гучков, несомненно, приложит все усилия, чтобы заполучить их в Париж и использовать в своих целях, точно так, как он это проделал со многими. Солоневичи, приехав во Францию и ознакомившись на месте с действительным положением вещей, очень скоро увидят, что РОВС (не значит) ничего, а Гучков — величина, после чего, мягко выражаясь, братья наплюют на РОВС и уйдут из-под его контроля. Это вполне реальная перспектива, и к тому же более неприятная, чем с Чернавиной, Трениным и другими. Если судить по материалам, прошедшим через нас, Солоневичи будут поумнее их. Нельзя ли как-нибудь в порядке медового месяца нашей дружбы с французами помешать приезду Солоневичей в Париж?»

Материальное положение Солоневичей налаживалось с большим трудом, и чтобы выжить в холодную зиму 1934/35 года, они вынуждены были «пойти в грузчики». Работу им устроил, не без некоторых колебаний, старый эмигрант, капитан 2-го ранга Никонов, который руководил бригадой на причале Гельсингфорсского порта. Солоневичи показались Никонову слишком «интеллигентными» для такой работы.

Для погрузо-разгрузочных работ троица экипирована была не лучшим образом: в продуваемых ветром пальто, шляпах, без перчаток, и все трое — в очках. По воспоминаниям Ивана: «Наше появление вызвало молчаливые и недоумённые взгляды: это что ещё за цирк?» Тем не менее финские «коллеги» приняли новичков доброжелательно, снабдили рукавицами и шапками, угостили шоколадом и сигаретами, помогли освоить местную «технику процесса» погрузки и разгрузки. Во время перекуров финны с интересом слушали рассказы Ивана и Бориса о жизни в Советском Союзе, о причинах, побудивших их к побегу, и многом другом. «Не знаю, о чём

говорили и вспоминали они, — отметил Иван Солоневич в книге „Диктатура слоя“. — Но среди этих людей, чужих нам по всем социальным, экономическим и национальным признакам, мы проработали почти всю зиму. Я рассказывал о том, что вот я пишу воспоминания о моей советской жизни, и если они появятся в печати, мы, наконец, бросим работу. Финны сочувственно, но скептически кивали головами. Работать в порту и одновременно писать книгу — было, конечно, очень трудно».

В написании книги очень помогали советы Бориса. Лагерные университеты были у него более солидными. Он сумел уцелеть в Соловках, пережил ссылку в Сибирь. И всё же Борис безоговорочно уступил «право на книгу» старшему брату, понимая, что предложенная тем концепция рукописи, новые страницы которой они почти ежедневно обсуждали, была куда более глубокой и компрометирующей для правителей СССР, чем просто драматизированный рассказ очередного свидетеля-страдальца о лагерных муках. Многие сюжеты, которые Иван использовал в своём труде «Россия в концлагере», возникли во время их бесконечных ночных дискуссий на лагерные темы.

Иван считал, что должен быть пристрастным в своём повествовании и, вместе с этим, не делать акцента на лагерных ужасах, муках и страданиях. Об этом уже не раз писалось. В предисловии к книге Иван подчеркнул: «Факт моего бегства из СССР в некоторой степени предопределяет тон и моих „свидетельских показаний“». Но если читатель примет во внимание то обстоятельство, что и в концлагерь-то я попал именно за попытку бегства из СССР, то этот тон получит несколько иное, не слишком банальное объяснение: не лагерные, а общероссийские переживания толкнули меня за границу».

Общероссийские переживания! Широкий фон повествования и богатый автобиографический материал книги стали наглядной демонстрацией того, что лагерная жизнь являлась концентрированным отражением процессов, характерных для Советского Союза.

Борис в это время тоже писал — аналитические справки об СССР для штаб-квартиры РОВСа в Париже. Их содержание он обсуждал с братом, понимая, что читатели в РОВСе будут искать нестыковки, неточности, умолчания и мало ли что ещё, когда книга Ивана будет опубликована. Братья не сомневались, что у РОВСа есть подозрения в их адрес. Поэтому элементарная предосторожность — не противоречить друг другу! — не помешает.

Над справкой «Концентрационные лагеря ОГПУ и использование их

как плацдарма для восстания» Борис работал особенно тщательно. Вступительную часть к этому материалу — «Что такое концлагерь?» — написал по его просьбе Иван. Эта главка по сути является квинтэссенцией содержания его книги «Россия в концлагере»:

«В лагере, в сущности, всё почти, как на воле. Если расстреливают в лагере, то ведь расстреливают и на воле. Если в лагере мрут с голода, то едва ли больше, чем на воле. Энтузиазм строителей ББК, о котором в прошлом году так много писалось в советской печати, имеет то же происхождение, те же корни и те же формы, что и на воле. Основные социальные группы нынешнего российского населения — крестьянство, пролетариат и интеллигенция — становятся в лагере на то же место и в такие же условия и взаимоотношения, что и на воле. Разница заключается почти только в том, что вся основная структура советской действительности на воле запутана целой массой всякого рода „идеологических надстроек“, декораций и фиговых листков. В лагере же она, структура, выступает в чём мать родила. Лагерь, таким образом, является наглядным, упрощённым, так сказать, разборным пособием для изучения всей внешней кажущейся путаницы советской власти вообще.

Нужно иметь в виду, что концлагерь давно перестал быть местом заключения и истребления нескольких десятков тысяч контрреволюционеров, какими были, а в некоторой степени остаются и теперь Соловки. Лагерь стал хозяйственным предприятием по эксплуатации даровой рабочей силы и эксплуатации её в тех местах, куда эта рабочая сила если бы и пошла добровольно, то разве уже за очень большие деньги. Эти хозяйственные соображения сыграли большую роль в росте „лагерного населения“ (официальный термин). Они, во-первых, политику истребления заменили политикой эксплуатации, правда, совершенно беспощадной эксплуатации, но всё же не просто истребления. И во-вторых, они „на базе коллективизации“ довели количество „лагерного населения“ до неслыханной величины».

Юра жаждал общения со сверстниками и вскоре после приезда в Гельсингфорс вступил в Союз русской молодёжи. Программные установки союза («не хотим упадничества и денационализации») полностью одобрил отец: «Мы являемся той, до известной степени парадоксальной молодёжью, которая, выросши за границей, смутно помня Россию, настолько крепко связана с ней какими-то незримыми нитями, настолько полна тем, что теперь принято называть „русскостью“, что для нас является органически невозможным раствориться ни в какой иноземной культуре.

Нам труднее жить, чем людям, забывшим, что они были русскими, легче быть обывателем, но у нас есть то, чего нет у них. У нас есть вера в Россию, вера в её грядущее воскрешение»^[66].

Солоневичи не переставали удивляться изобилию советского в Финляндии и терпимости властей к этому. Везде свободно продавались советские книги, газеты, журналы и грампластинки, ставились спектакли по пьесам советских писателей. В сезоне 1935 года популярностью у эмигрантов пользовалась постановка по пьесе Валентина Катаева «Дорога цветов». В кинотеатрах шли советские фильмы (их периодически повторяли, по просьбам зрителей) — в том числе «Гроза», «Весёлые ребята», «Рейд „Челюскина“».

— Такое ощущение, что мы по-прежнему находимся в Советском Союзе, — заявил Юра, вернувшись с «культпохода» членов Союза русской молодёжи в кинотеатр «Руайль». — Сплошной апофеоз!

И тут же, прочитав вслух рецензию на этот фильм в «Журнале содружества», признал, что преувеличивает. Написать *такое* в СССР было бы невозможно: «Если бы не гнусавый голос советского толмача, объясняющего зрителю, что челюскинцы достигли того, что достигли, лишь благодаря „большевицким темпам“, „большевицкому руководству“, если бы не изредка мелькающая богомерзкая физиономия Куйбышева, председателя комиссии по спасению челюскинцев, — фильм этот оставил бы цельное, радостное впечатление. Жив русский дух, несмотря на все ухищрения кремлёвских заправил»^[67].

В рамках просветительской деятельности Союза Юра выступил с «персональным» докладом^[68]. Тему выступления он, не без помощи отца, сформулировал так: «Анализ содержания повести Бабеля „Конармия“ в свете реальных событий Гражданской войны». Вывод докладчика был таков: «Правда о Гражданской войне в современной России никому не нужна. Поэтому автор и его произведение — обречены».

Чтобы не повторять того, что было уже ранее написано беглецами из Советского Союза, Иван усиленно знакомился с трудами предшественников. В Гельсингфорсе в университетской библиотеке можно было достать почти всё о России и СССР. Предшествовавшая литература об СССР Солоневича не удовлетворила: вроде бы всё правильно — о страшном режиме Соловков, о пытках и казнях, о голоде, о терроре, — но недостаточно. Почему террор нарастает? Это может означать только одно: усиливаются факторы, вынуждающие власть к террору. На эти факторы он

и должен обратить внимание в своей книге.

В эмигрантской литературе Ивана заинтересовали материалы, в которых рассказывалось о деятельности НКВД за рубежом. Чекисты с размахом работали по антисоветским организациям, особенно тем, которые проводили (или пытались проводить) боевую работу (террор и акции саботажа) на советской территории. Многочисленные публикации, посвящённые истории «Треста», «Синдиката», похищения генерала Кутепова, стали для Солоневича тревожным доказательством того, что эмиграция, в первую очередь военная её часть, уязвима для провокаций ГПУ — НКВД. Ещё со времён Дзержинского Лубянка сумела пронизать эмиграцию агентурой и имела достоверную картину её внутренних слабостей, противоречий и конфликтов.

Некогда боевые офицеры под влиянием ностальгии, патриотических обращений родственников («надо помочь новой России!»), тяжёлых условий жизни, моральной деградации и по многим другим причинам шли на сотрудничество с чекистами. Солоневич считал бесполезным и даже вредным для долгосрочных интересов эмиграции организацию публичных кампаний по выявлению в её рядах провокаторов и агентов ГПУ — НКВД. Уже в Финляндии, опираясь на свой небольшой заграничный опыт, Иван понял, что шпиономания, подозрительность, наветы — это страшные пороки эмиграции, нередко ставящей клеймо предателя на случайные жертвы оговоров и провокаций.

Показательным для Солоневича было дело о похищении председателя РОВСа генерала А. П. Кутепова^[69]. Столько публикаций, столько версий, столько имён подозреваемых, бездоказательно названных, и в итоге ничего определённого, могущего разрешить тайну похищения, если не считать названия улицы, на которой генерала в последний раз видели живым. Иван внимательно проштудировал статью В. Бурцева «Кутепова убили большевики. К пятилетию со дня похищения», опубликованную в пятом номере журнала «Иллюстрированная Россия» за 1935 год. По мнению Бурцева, причиной ликвидации Кутепова были его планы по масштабной реорганизации борьбы с большевиками, налаживанию внутри эмиграции «антибольшевицкого сыска». Всё это крайне «встревожило большевиков и их агентов».

Из всего прочитанного Иван заключил, что в РОВСе окопались «двойные агенты», идентификацию которых затрудняло то, что руководство Союза использовало их в своих собственных целях. По мнению Солоневича, «двойные агенты» и чекистские провокации в рядах РОВСа были настолько взаимосвязаны, что каких-либо гарантий того, что

они не повторятся — не было. Своими выводами Иван поделился с Борисом, и тот, согласившись с тем, что чекисты в РОВСе есть, сказал с самонадеянной уверенностью: «На нас они сломают зубы»...

В деле Кутепова фигурировал генерал Б. А. Штейфон^[70], которого впоследствии винили в распространении слухов о связях Ивана Солоневича с НКВД. Некоторые зарубежные авторы и самого Штейфона упоминают в «сомнительном контексте», словно давая понять, что точной информации о его связях с НКВД нет, но косвенной — предостаточно. В этом отношении судьбы Солоневича и Штейфона в чём-то перекликаются...

Иван изучил все доступные материалы по делу Кутепова, но так и не докопался до сути. Не помог и «советский опыт». После исчезновения Кутепова в рядах эмиграции началась истерия, связанная с поисками «агентов ГПУ», обвинениями, контробвинениями, анонимными доносами, склоками и громогласными заявлениями типа «я совершенно точно знаю, кто это сделал». Редактор парижской газеты «Возрождение» Семёнов включился в кампанию разоблачений, он завёл специальное досье, в которое стал собирать сведения на «потенциальных» агентов-provокаторов ГПУ — НКВД. В это «досье» со временем попали и братья Солоневичи.

О деле Кутепова и двойных агентах Иван Солоневич не раз вспомнит, когда по просьбе одного из руководителей РОВСа опубликует статью в «защиту чести» генерала Николая Владимировича Скоблина, имя которого упоминалось в связи с другим скандальным похищением — генерала Е. К. Миллера^[71]. На фоне общеэмигрантского осуждения Скоблина позиция Солоневича выглядела подозрительно диссонирующей. Создавалось впечатление, что он «прикрывает» генерала, которого эмиграция обвинила в сотрудничестве с НКВД. Иван надеялся, что в РОВСе поймут сложность ситуации, в которой он оказался, и выступят с соответствующим разъяснением. Но этого не произошло.

Глава тринадцатая

ПОД КОЛПАКОМ НКВД И РОВСА

Пока недремлющая система НКВД набирала обороты — переписка, согласования, организация слежки и т. д., — Солоневичи осваивались в Гельсингфорсе, привыкая к «свободе и демократии», изучая условия жизни эмигрантской среды и обрстая в ней связями.

Руководящей фигурой русской колонии в Финляндии был генерал Северин Цезаревич Добровольский, возглавлявший финский отдел РОВСа. В годы Гражданской войны Добровольский был военным прокурором Северной области, тогда и сблизился с генералом Миллером. Миллер высоко ценил организаторские способности Добровольского как руководителя РОВСа, всецело доверял ему, часто советовался с ним по деликатным проблемам Союза.

Жил генерал в Выборге, в Гельсингфорсе бывал наездами. Добровольский считал своим долгом проведение политико-пропагандистской работы среди эмигрантов и потому едва ли не ежемесячно выступал с лекциями. Генерал увлекался фашистской идеологией и в силу этого при любой возможности приглашал русских эмигрантов на лекции по «актуальным проблемам» фашизма и национал-социализма.

Иван вместе с Юрой побывал на двух лекциях, организованных Добровольским в Гельсингфорсе. Одна прошла под названием «Восхищение и возмущение режимом наци», другая — «Фашизация России». Докладчиком по последней теме был некий Лившиц, который, опираясь на цитаты из Сталина и других советских вождей, доказал, что надежды некоторых политических эмигрантских группировок на «эволюцию» коммунистической партии в сторону фашизма не имеют оснований. Такой эволюции нет, нет и признаков, что она может произойти в будущем...

К появлению в Финляндии «группы Солоневича» Добровольский отнёсся настороженно. Его подозрения возросли после встречи с подполковником Мальмбергом из 2-го отдела финского Генштаба, который назвал легенду братьев очень сомнительной. По этой причине Добровольский воздерживался от знакомства с братьями, регулярно осведомляясь через сотрудников обо всех аспектах их жизни. Солоневичи

заметили подчеркнутое дистанцирование начальника РОВСа, но истолковали его как чрезмерную осторожность. В принципе Добровольского они оправдывали: мало ли кто бежит из Советского Союза. Пусть присматривается...

Тем временем братья занимались своими делами. Иван работал над книгой, «нашей книгой», как он говорил Борису и Юре, или пропадал в Русской библиотеке, жадно поглощая эмигрантские газеты и журналы за послереволюционные годы. Борис активно общался с руководителями местного отделения Национально-трудового союза нового поколения, начал сотрудничать с газетой «За Родину». Он списался с Прагой и получил от руководителя организации «Сокол» разрешение на создание в Финляндии её филиала. Местные скауты быстро попали под влияние Бориса, покорённые его энергией и общительностью. Заводить связи с РОВСом Солоневичи не спешили...

Ждать представителя РОВСа, однако, пришлось недолго. Вскоре на Бориса вышел некий Владимир Бастамов. Чтобы продемонстрировать свою «полезность», он первым делом помог братьям наладить переписку с парижским центром РОВСа. Солоневичи навели справки о Бастамове и узнали, что в прошлом он имел отношение к кутеповской организации боевиков, а после её разгона финскими властями занялся проверкой беженцев из СССР, — во-первых, с точки зрения пригодности по линии РОВСа, во-вторых, на предмет тайных связей с НКВД. В стремлении Бастамова «разоблачать чекистов» было нечто болезненное, даже параноидальное. В своё время он попал «на крючок» первого чекистского «Треста» и потому с подозрением относился ко всем, кто прибывал «из-за чертополоха». Бастамов считал, что НКВД попытается повторить успешный опыт с «Трестом», и мечтал взять реванш за прошлое, — «постыдное», с его точки зрения, — поражение в поединке с ВЧК.

Бастамов ходил за Солоневичами буквально по пятам. Демонстрируя внешнюю лояльность к братьям, он проверял каждое их слово, каждый контакт, каждый тезис из подготовленных ими для штаб-квартиры РОВСа материалов.

В Париж руководителю «внутренней линии»^[72] РОВСа генералу Н. В. Скоблину Бастамов, в частности, сообщал: «Борис ищет возможности сблизиться с активными элементами эмиграции, главным образом представителями РОВСа. Ввиду неблагоприятных отзывов местных властей, в частности, военных авторитетов, а главное, — восстанавливая в памяти несчастье с А. П. Кутеповым, — мы решили изучить их досконально, не допуская к нашим официальным представителям. Поэтому

мы выдали себя за лиц, связанных с Центром.

От Бориса была получена информация, прилагаемая под номерами 1–4. В связи с тем, что она не представляет особой важности, мы поставили перед ним вопрос о явках в СССР, разъяснив, что они будут использованы Центром».

Бастамов не нашёл ничего «принципиально важного» в информационно-аналитических материалах Бориса, но генерал Миллер отозвался о них с похвалой. Даже названия материалов звучали солидно — «О советском шпионаже за границей», «О стрелковой подготовке в СССР», «О политических настроениях комсостава РККА», «Концентрационные лагеря ОГПУ и использование их как плацдарма для восстания». По мнению генерала, сведения, сообщённые в справках, опровергали слухи о «провокационном появлении Солоневичей»^[73]. Генерал считал, что братьев необходимо поскорее привлечь к делам РОВСа. Без свежих людей «оттуда» сложно активизировать террористическую работу. Без привычной волокиты в центре подготовили письмо Бастамову для показа Солоневичам, а генерал Скоблин получил приказ подключить Бориса к работе.

В своих отчётах в Париж Бастамов сетовал на «изворотливость и хитрость» Бориса, который, как казалось «опекуну», вёл собственную, не слишком понятную по своим конечным целям игру. Передавая материалы для РОВСа, Борис упорно настаивал на письменном подтверждении парижского центра о том, что Бастамов — действительно официальный представитель, а подготовленные документы поступают по назначению — в штаб-квартиру РОВСа. Чтобы успокоить Бориса, Бастамов просил Скоблина подготовить такое письмо от имени генерала Миллера, отметив: «Будьте спокойны, несмотря на пронырливость и вёрткость Бориса, на руки ему ничего не дадим».

Инструкции Скоблина не заставили себя ждать:

«Войдите в тесную связь с Солоневичем и постарайтесь получить от него всё то, что он должен передать нам: информацию совнастроений, о Красной армии, о политическом положении в СССР, а главное — передать нам свои явки, особенно в кругах Красной армии, со своими паролями. Прошу Вас держать связь всё время со мной, по моему старому адресу, так как этот адрес проверен.

Можно ли выдержки из прежних документов поместить в нашем „Галлиполийском вестнике“, особенно о стрелковой подготовке в СССР и политических настроениях комсостава РККА?

При сем прилагаю письмо Е. К. М[иллера], которое Вы должны показать Солоневичу, попросить его расписаться на нём в том, что с содержанием он ознакомился. Письмо следует вернуть для передачи Е. К. М.

Прошу Вас отнестись с исключительной осторожностью к возлагаемому на Вас поручению, дабы НИКТО не знал о нашей связи с Вами. Я твёрдо уверен, что Вы полностью оправдаете мою рекомендацию о Вас в глазах Е. К. М.».

Письмо Миллера на имя Бастамова (а не Бориса!) было составлено в предельно «нейтральном стиле» и разочаровало Бориса (а Ивана ещё больше) как формой, так и содержанием:

«Многоуважаемый Владимир Владимирович!

Не откажите уведомить г-на Б. Солоневича, что я его письмо получил. Проект его ныне рассматривается.

О дальнейшем Вас уведомлю.

Предложите Борису Лукьяновичу держать связь с Вами впредь по всем вопросам.

Уважающий Вас *Е. К. Миллер*.

Париж, 29, рю де Колизе, 23 ноября 1934 г.».

Материалы, полученные от Бориса, генерал Миллер распределил «поштучно»: французам по военной линии и Зайцеву из внутренней контрразведки РОВСа. Справку «О политических настроениях комсостава РККА» Миллер оставил у себя, чтобы выбрать из неё основные тезисы и переправить маршалу Петену и генералу Нисселю. С маршалом у Миллера сложились особенно хорошие отношения. Лично они встречались редко, но дружественными письмами обменивались регулярно. Миллер считал, что послать эту информацию необходимо: французы должны знать, что РОВС ведёт успешную работу в СССР, имеет там солидные позиции и получает серьёзные документы. Авторство материалов французам раскрыто не будет с учётом планов по дальнейшему использованию Солоневичей.

Аналитический материал Бориса о «настроениях комсостава» вдохновил Миллера на подготовку «Обращения к Красной армии». В нём генерал сделал акцент на том, что белые не рассматривают красных офицеров как врагов, а наоборот, рассчитывают на них как будущих союзников в борьбе с большевиками: «В Красной армии не должны думать, что „белые“ намерены её уничтожить».

В конце 1934 года Бастамов направил с курьером в Париж новые материалы, подготовленные Борисом. Среди них — перечень лиц, которые могли подтвердить точность сообщаемых им о себе сведений и о его верности Белому делу. В примечании к этому перечню Борис подчеркнул: «Пишу Вам обо всём подробно и откровенно, ибо считаю себя участником гражданской войны, морально подчинённым РОВСу. Я собираюсь принять деятельное участие в общественно-политической работе эмиграции».

С этим же курьером Бастамов направил генералу Скоблину информацию о том, что Солоневичи работают над статьями о советской жизни, «интересно и беспощадно» показывающими её с повседневной бытовой стороны. Подчеркнув, что диапазон наблюдений Солоневичей и острота изложения материала заслуживают внимания РОВСа, Бастамов рекомендовал использовать их труды в газете «Возрождение», поскольку братья, не встретив понимания, могут обратиться в «Последние новости». «Помощь Солоневичам в этом деле, — писал он, — поможет налаживанию контакта с ними, поможет им заработать известный гонорар. Если же они окажутся людьми, недостойными нашего внимания, то всё равно надо держать их подальше от „Последних новостей“».

Опасения Бастамова были понятны. Газета «Последние новости» выходила под редакцией П. Н. Милюкова^[74], который в «либеральном ключе» отражал события международной жизни, в том числе касающиеся Советского Союза. При всей критичности выступлений, обличении большевистских эксцессов, Милюков, как правило, не умалчивал о позитивных моментах во внутренней и внешней политике советской власти. В отличие от многих других эмигрантских изданий «Последние новости» освещали, в частности, шаги советского руководства по предотвращению войны, улучшению условий жизни граждан, развитию науки и культуры. Милюков был чем-то вроде жупела для консервативной части эмиграции, одним из «главных виновников» гибели империи и торжества «антинациональных сил». Его газету часто называли жидомасонской и просоветской, враждебной делу реставрации монархии в России. Несмотря на очевидный либерализм и тематическую «всеядность» «Последних новостей», эмигранты оказывали этой газете явное предпочтение. Тиражи газеты достигали 20–25 тысяч экземпляров. Это обеспечивало финансовую независимость издания, давая Милюкову возможность хорошо оплачивать авторов.

По своей инициативе Борис в октябре-ноябре 1934 года подготовил, консультируясь с братом и с Юрием, проект «военно-спортивного комплекса» для эмигрантской молодёжи. Были подробно расписаны

требования, нормативы. Солоневичи считали, что нет никакого смысла отвергать положительный опыт советской власти в спортивно-патриотическом воспитании, приводя в пример успехи всесоюзного комплекса ГТО.

Документ под названием «Значок „Готов за Россию“» был отправлен на «экспертное рассмотрение» «первому скауту России» О. И. Пантюхову. В сопроводительном письме Борис так разъяснял неотложную необходимость принятия «комплекса»:

«По своей идее получение значка должно стать одной из ступенек подготовки нашей молодёжи к служению России. Подготовка и сдача испытаний на значок поможет предотвратить её денационализацию, будет способствовать объединению молодёжи около общих практических задач. Вопрос о формах служения России остаётся дискуссионным, но при всей трудности договориться об общей платформе нужно искать такие пункты подготовки молодёжи, которые не были бы зависимы от ограничительных рамок различных политических течений в эмиграции...

Чем больше организаций согласится на введение в план своей работы подготовки к сдаче испытаний на значок, тем выше будет его авторитет. Практические пункты программы проверены на большом практическом опыте. Он был приобретён мною за последние 20 лет в России. Пункты подобраны с таким расчётом, чтобы технически не представить особых затруднений ни в подготовке, ни в испытаниях. Издание небольшой брошюры об организации, методике, технике и деталях сдачи испытаний на значок могло бы заметно облегчить его проникновение во все уголки мира, где имеется национально-мыслящая русская молодёжь».

В положении о значке было отмечено, что внешне он состоит из традиционных символов — меча и двуглавого орла (стандартного образца). По мнению автора проекта значка «Готов за Россию», учёт выданных значков должен был осуществляться редакцией газеты «Возрождение».

Тщательно изучив проект, Пантюхов в конце декабря 1934 года переслал его генералу Миллеру с положительным отзывом. Генералу предложение Бориса Солоневича о «комплексе ГТО» тоже понравилось. Материал Бориса с резолюцией Миллера — «Заслуживает внимания для изучения и проведения в жизнь» — был передан канцелярией РОВСа авторитетным фигурам Союза — Кедрову, Эрдели, Кусонскому, Стогову. Они должны были подготовить план по практической реализации проекта.

Вновь тема значка «всплыла» в штаб-квартире РОВСа только через полгода! К неудовольствию Миллера выяснилось, что его поручение фактически не выполнили, ограничившись рассылкой экземпляров

проекта. Генерал был возмущён отношением к делу этих лиц, которые занимали большие должности в РОВСе.

Через четыре года после предложения Бориса о значке «Готов за Россию» Иван Солоневич писал, что ни одна организация этого проекта не поддержала. После целого ряда издевательских откликов («подумаешь, какие умники выискались») только софийские галлиполийцы попытались что-то провести... А «Сокол» и вообще увильнул.

«Сокол» упомянут Иваном не напрасно. По его мнению, положительный исторический опыт этой организации устарел и соотносится со спортивно-национальным проектом Бориса как «кремнёвка с пулемётом». При этом Иван не пытается представить своего брата как первооткрывателя: «По таким же принципам работают и германские, и итальянские, и советские, и всякие другие молодёжные организации. Это просто современная техника массовой политически-спортивной организации среди молодёжи...» В РОВСе, однако, несмотря на поддержку Миллера, охотников «проталкивать» проект Солоневичей не нашлось. «Дело было сорвано начисто» — такую итоговую линию подвёл Иван под историей значка «Готов за Россию».

В начале января 1935 года Бастамов сообщил в штаб РОВСа, что Борис «оказался чрезвычайно несговорчивым: даже послание генерала Миллера не оказало на него никакого действия. Солоневич был разочарован тем, что письмо не было вручено ему на руки». Он же со всей своей прямолинейностью заявил Бастамову, что веры в возможности РОВСа у него нет, так как он «не видит конкретных результатов работы организации». В отношении явок Борис заявил Бастамову, что твёрдо не знает, сможет ли дать требуемое, поскольку «это тяжёлая ответственность за жизнь друзей». Он вновь потребовал гарантий от лиц, являющихся для него авторитетами: генерала Шатилова, генерала Драгомирова и, в особенности, полковника Пантюхова.

Чтобы вконец не испортить отношений с Бастамовым. Борис составил для него список с именами пятнадцати бывших сослуживцев по Черноморскому флоту. При этом он заявил, что полностью за надёжность этих людей не ручается, но считает их «перспективными при умелой обработке». В числе московских связей, которых при необходимости можно использовать, Борис назвал (для количества) чиновника из германского посольства Вирта и литовского посла Балтрушайтиса.

Из «тактических соображений» Борис также сообщил Бастамову «надёжный адрес» в Москве для использования в качестве явки.

Докладывая об этом Миллеру, генерал Скоблин заметил, что «полностью принять адрес за явку нельзя, хотя, при некоторых обстоятельствах, использовать его можно». При этом Скоблин поспешил заверить Миллера, что «верные явки» в Ленинграде и Москве у него есть, явно давая понять генералу, что адрес Солоневича может подождать до лучших времён.

Борис с его советским опытом лавирования и выживания оказался Бастамову не по зубам, хотя тот в своих письмах в Париж давал понять, что «если Солоневич будет и дальше увёртываться, то будет просто зажат с помощью местных авторитетов». Отношения Бастамова с Борисом осложнились ещё больше, когда последний узнал, что подлинным представителем РОВСа в Финляндии был генерал Владимир Алексеевич Альфтан, который по официальной должности являлся уполномоченным по делам русских инвалидов в стране. Альфтан пригласил к себе Бориса и без долгих преамбул спросил: переписывается ли он со штаб-квартирой РОВСа в Париже? Борис ответил утвердительно, назвав в качестве посредника Бастамова. Альфтан в тот же день разыскал Бастамова и попытался выяснить правду. Следуя инструкциям Скоблина, Бастамов категорически отрицал, что является таким посредником.

Скоблин сообщил об инциденте генералу Миллеру, заметив, что Бастамов солгал, но, мол, иначе поступить не мог: нарушение принципа иерархии в РОВСе в этом случае было бы серьёзным. Скоблин просил генерала поддержать «версию» Бастамова. После долгого обсуждения решили, что Миллер лично напишет Альфтану и подтвердит, что центр ни прямо, ни косвенно с Солоневичами не связан. Миллер как бы оставил за скобками, что одно письмо от него Борису всё-таки было.

Информируя генерала Скоблина обо всех подозрительных на «советское проникновение» фактах в Финляндии, Бастамов и в самом кошмарном сне не мог себе представить, что его начальник по «внутренней линии» является агентом ИНО НКВД с 1930 года. Свои донесения Скоблин подписывал псевдонимом «Фермер». После череды измен в советских учреждениях во Франции в целях безопасности он получил другой псевдоним — «№ 13».

По распоряжению генерала Миллера Скоблин в 1933 году вёл в Гельсингфорсе «секретную работу РОВСа на Россию» и хорошо знал «финский театр действий». Однако постоянные неудачи с заброской боевиков вызвали подозрения финских коллег, и они отказались вести дела со Скоблиным, конфиденциально сообщив Миллеру, что считают его

эmissара агентом НКВД. Миллер с возмущением отверг «эти наветы», истолковал их как попытку очернить и оклеветать боевого генерала. О подозрениях в отношении Скоблина 2-й отдел Генштаба Финляндии сообщил РОВСу через Добровольского. Как и Миллер, Добровольский им не поверил^[75].

По распоряжению Миллера Скоблин был назначен начальником «внутренней линии», что, кстати, и было главной разведывательной задачей, поставленной Лубянкой перед «№ 13». В 1931–1935 годах по его сообщениям на территории СССР были арестовано не менее двадцати диверсантов РОВСа, были взяты под контроль десятки явочных квартир. Имена и фотографии боевиков РОВСа еще на стадии их подготовки передавались Скоблиным в ИНО НКВД.

Именно от генерала Скоблина на Лубянку поступала наиболее полная информация о Солоневичах. Конкретное задание по ним он получил из резидентуры НКВД в Париже: «Самым плотным образом взяться за их изучение, контролировать их попытки проникнуть в РОВС, обратить особое внимание на их знакомства, причины, по которым они сходятся с эмигрантами. Всячески препятствовать их переезду в Париж». Ивану Солоневичу ещё предстояло исписать горы бумаги, чтобы завершить работу над «Россией в концлагере», но о «направленности и содержании» этой работы уже знали в Москве.

Сведения о враждебных планах Солоневичей были восприняты в Москве с полной серьёзностью. Успешное вхождение Солоневичей в политически активную эмигрантскую среду означало бы заметное усиление её практических возможностей. Солоневичи досконально знали советские реалии и могли оказывать помощь РОВСу не только в подготовке боевиков, но и — при определённых условиях — в «возглавлении» террористической работы. Отсюда неизбежно возникла главная задача: предпринять действенные меры к компрометации братьев, вбить клин между ними и политической верхушкой Русского Зарубежья.

В операции по компрометации Солоневичей особое рвение проявлял заместитель начальника ИНО Борис Берман. Он был хорошо осведомлён об обстоятельствах их побега и понимал, что необходимо «обезвредить» братьев до того, как они начнут публиковать свои «мемуары» «об империи ГУЛАГ». Брат Матвей, всесильный властитель этой империи, настойчиво требовал — по официальным каналам и неофициально — «поставить точку» на потенциально опасной для «авторитета СССР» деятельности Солоневичей.

К операции подключили Управление НКВД по Ленинградской

области, которое, среди прочих задач, вело разведывательную работу в Финляндии. Один из сотрудников Управления совершал ежемесячные поездки в Гельсингфорс для проведения встреч с агентурой. Агентурный народ был разномастный: кто работал «за идею», кто за деньги, а кто и двурушничал. К числу явных «двурушников» относился агент «Ф-62» из русских эмигрантов: о своих контактах с работниками ИНО он сообщал в тайную полицию Финляндии. Его-то и решили «подключить» к операции, заведомо зная, что компромат на братьев будет доложен «куда надо».

Встреча с «Ф-62» прошла в начале января 1935 года в одном из парков Гельсингфорса.

Из отчёта оперативного работника:

«Агент пришел в весёлом, даже приподнятом настроении. Был контактен, разговорчив. Объяснил, что считал несвоевременным беспокоить нас. По его мнению, мы — в ГПУ — были заняты событиями, связанными с убийством товарища Кирова.

На вопрос о Солоневичах сообщил, что не знаком с ними лично, но имеет о них разрозненную информацию со слов эмигрантов. Пока что они обвыкаются в новой для них среде. Это люди с характером, но от помощи не отказываются. Любопытный факт. После одного из докладов к Ивану Солоневичу подошла дама и сочувственно спросила, не холодно ли ему так, в неважном полушубке, подпоясанном ремнём? На это он деловито ответил: „Ничего, скоро разбогатеет“. „Ф-62“ считает, что разбогатеть Солоневичи надеются изданием своих трудов о Советской России.

Далее я перешёл к главной теме беседы, сообщив агенту, что я уполномочен передать, что руководство ОГПУ решило связать „Ф-62“ с частью нашей проверенной заграничной агентуры. Я назвал имена Бориса и Ивана и объяснил, что текущая антисоветская деятельность братьев среди белой колонии необходима для создания им авторитета. Мы намерены перебросить Солоневичей, в первую очередь Бориса, в Париж. Я особо подчеркнул, что туда же для связи с ним будет переброшен и „Ф-62“.

Я просил агента пока воздержаться от выхода на Солоневичей. Это, мол, необходимо, чтобы усыпить подозрение на их счёт в некоторых кругах белой эмиграции. К сожалению, добавил я, имеются конкретные моменты, которые не были учтены товарищами, слишком спешившими с переброской. Я назвал их: „Первое. Успешный побег троих Солоневичей из разных лагерей в одно и то же время. Фантастическое везение, трудно в это поверить. Второе. То, что Борис являлся сотрудником ‘Динамо’, то есть фактически был служащим ОГПУ. Третье. Их семьи в Советской России не репрессированы, хотя закон о наказании родственников за побеги был

принят до их вывода за кордон“.

„Ф-62“, было рекомендовано отслеживать обстановку вокруг братьев. Мол, как только всё нормализуется и разговоры о них затихнут, начнётся операция по переброске в Париж. Агент выслушал историю о Солоневичах с огромным интересом, заметив однажды: „Все-таки у Бунакова^[76] известный нюх есть, не зря он намекал о своих подозрениях в отношении братьев“».

На следующую встречу с оперативным работником из Ленинграда «Ф-62» принёс письменное сообщение о том, что говорят о Солоневичах в среде эмиграции. Судя по всему, слух о том, что Солоневичи — явные агенты НКВД, исходил из финской тайной полиции. Борис Берман, державший дело «спортсменов» под личным контролем, поспешил сообщить брату в ГУЛАГ о первом крупном успехе: «Дело сделано. Теперь эмиграция не успокоится».

С 20 января 1935 года в газете Милюкова «Последние новости» стали печататься очерки Ивана под общим названием «Россия в концлагере». Получив номер газеты с первой публикацией, Солоневичи, приодевшись, насколько это было возможно, отправились в ресторан «Микадо», где под аккомпанемент ансамбля балалаек отпраздновали эпохальное для них событие. Общее мнение было оптимистичным: теперь будет легче!

Для эмигрантских читателей откровения беглецов из Советского Союза были делом привычным, но статьи Ивана не прошли незамеченными. Дважды в неделю они появлялись на страницах этой либеральной газеты, вызывая ажиотаж читающей публики. Всего было опубликовано 118 очерков, которые материализовались как в гонорары, так и во всеэмигрантскую популярность автора. После первых публикаций имя Солоневича вошло в обиход постоянно цитируемых, упоминаемых, одобряемых и восхваляемых писателей. Мало кто на первых порах его эмигрантской литературной деятельности осмеливался подвергать критике самобытного народного публициста, не скрывавшего своих мужицких корней, пристрастий и образа мышления.

Бастамов направил огорчённое письмо Скоблину, посетовав на «недееспособность» РОВСа в Париже, который не сумел пристроить очерки Ивана в газету «Возрождение». По мнению Бастамова, в этом деле проиграли и РОВС, и — особенно — газета, потерявшая бесприкрытый шанс улучшить своё финансовое положение. «Семёнов часто жалуется на масонские и еврейские элементы, которые тайно субсидируют „Последние новости“, — отметил Бастамов, — но как редактор он не проявил

дальновидности, отмахнувшись от мемуаров Солоневича».

После публикации первых очерков «России в концлагере» Иван стал получать письма, в которых некоторые «бдительные читатели» ставили под сомнение кое-какие факты из описанного им концлагерного быта. На эти письма он ответил позже, когда в Софии готовил первое книжное издание «России в концлагере»:

«Во всей этой эпопее нет ни одного выдуманного лица и ни одного выдуманного положения, фамилии действующих лиц, за особо оговоренными, — настоящие фамилии. Из моих лагерных встреч я вынужден был выкинуть некоторые весьма небезыңтересные эпизоды, как, например, всю свирьлаговскую интеллигенцию, чтобы никого не подвести; по следам моего пребывания в лагере ГПУ не так уж трудно было бы установить, кто скрывается за любой вымышленной фамилией».

Об угрозе, которую представляют Солоневичи, несколько раз предупреждали действующие за границей агенты НКВД. Один из них — агент «Лидер» — писал, что несомненное и чрезвычайно вредное влияние имеют воспоминания «невозвращенцев» и беглецов из СССР: Чернавиных, Тренина, Солоневичей и других. Некоторых эмигрантов, уже сдвинувшихся с обычных позиций неприятия дел в СССР и обратившихся лицом к своей родине, писания этих беглецов сильно поколебали.

«Лидер» сообщил также, что Иван Солоневич рассчитывает на успех своего труда «Россия в концлагере»: это «создаст рекламу» автору и выдвинет его на «авторитетную политическую позицию» в эмигрантских кругах.

Агент не преувеличивал. Он пользовался доверием Солоневичей, и они не таили от него своих планов. Ещё бы, человек, скрывавшийся под кличкой «Лидер», Степан Петриченко, был для них одной из самых авторитетных фигур эмиграции: ведь это он возглавил Кронштадтское восстание в 1921 году!

После провала восстания Петриченко бежал в Финляндию, где белогвардейские организации пытались привлечь его к диверсионно-террористической работе. Степан отбивался, как мог, от этих предложений, потому что после долгих размышлений пришёл к выводу, что он исчерпал свой лимит на бунтарство и что новые конфликты с большевиками могут окончиться для него плачевно. Петриченко мучила ностальгия, тянуло в Питер. В 1927 году он пришёл в советское посольство в Риге, чтобы «покаяться» в контрреволюционных грехах, попросить прощения и получить разрешение на возвращение в Россию.

О его просьбе председатель ОГПУ Ягода доложил Сталину, и тот, усмехнувшись («ещё один раскаявшийся!»), написал на «сопроводилровке» к заявлению Петриченко: «Положительно рассмотреть с условием, чтобы он заслужил право на прощение». Так, с подачи самого Сталина «главарь Кронштадтского мятежа», доставивший столько тревожных дней и ночей большевистскому руководству, стал агентом «Лидер»^[77].

Другой агент сообщал, что некоторая часть эмиграции в восторге от братьев Солоневичей: умные, деятельные, энергичные люди, место которых, безусловно, в Париже, центре белой эмиграции. В Финляндии из-за отсутствия у местных белых широкого поля деятельности и малочисленности активных кадров Солоневичи проявить себя в полную силу не могут. Во Франции они сумеют внести свежую струю в ряды мертвющей эмиграции, способствуя борьбе с большевизмом и укреплению фронта русских фашистов. Он же сообщил о том, что в гостях у Солоневичей побывали Степан Петриченко и Романов, формальный редактор и издатель белогвардейского журнала «Клич» (фактическим его издателем являлся РОВС, а редактором — генерал Добровольский). Братья были рады гостям, охотно дискутировали с ними. В ходе беседы Солоневичи заявили, что выступают за террор против вождей компартии. Поэтому, мол, необходимо создание соответствующей организации, которая занялась бы подготовкой таких акций. Братья выразили свои симпатии журналу «Клич», но критиковали отдельные его недостатки (основной — «незнание действительности в России, подлинных настроений народа»).

Информация о «террористических высказываниях» братьев была доложена Ягоде, а также другим руководителям советских спецслужб, в том числе — Яковлеву, начальнику 6-го сектора ИНО. Через год Яковлев будет направлен резидентом НКВД в Софию и станет главным преследователем Солоневичей.

На фоне странных «телодвижений» РОВСа в Гельсингфорсе оптимизмом и новыми надеждами повеяло от письма, пришедшего на имя Бориса из Болгарии. Написано оно было в Софии 6 февраля 1935 года:

«Дорогой Бобка!

Из газет узнал, что ты с братом и племянником благополучно удрал из Совдепии. Надеюсь, конечно, что ты меня не забыл. На случай, если ты меня не помнишь, воспроизвожу в твоей памяти некоторые подробности нашей жизни. Я учился вместе с тобой в Вильненской 2-й гимназии. Одно время ты жил под нами, на

Большой Погулянке, 18, против глазной лечебницы Водзянского.

Затем вы перебрались на Зверинец, куда я приходил бегать на лыжах и играть в футбол. Наверное, ты помнишь и моих старших братьев Всеволода и Олега. Последний раз мы встретились с тобой мельком зимой 1918 года в Екатеринодаре и, кажется, если мне не изменяет память, я был у тебя на квартире.

Думаю, что этих подробностей довольно, чтобы ты поверил, что я тот Клавдий Фосс, который с тобой учился. Буду очень рад, если ты мне что-либо напишешь. Буду также крайне признателен, если ты отнесёшься с полным доверием к подателю сего письма и не откажешь ему в твоём ценном и столь нужном нам содействии. О себе напишу дополнительно, когда получу от тебя ответ.

Жду твоих писем и крепко тебя обнимаю, твой
Клавдий Фосс».

Содержание ответа Фоссу Борис обсудил с Иваном, и тот прозорливо заметил:

— Вряд ли он тебе написал бы, если бы не рассчитывал на твоё содействие в каких-то важных вещах. Поэтому не отказывай человеку, узнай, что ему конкретно нужно. Париж пока остаётся для нас таким же недостижимым, как и в первые дни в Гельсингфорсе, может, больше повезёт с Софией?

Борис последовал совету брата, ответил подробно:

«Дорогой Клавдий!

Был очень обрадован твоему письму, спасибо за память — ведь столько лет прошло и каких лет!

За эти годы я пережил форменный „мир приключений“ и рад, что этот роман закончился сравнительно благополучно. Только Соловки ударили меня по глазам: оставили 1,5 процента нормального зрения. Сейчас пишу в „Клич“ о скаутах и молодёжи Сов. России, так как врачебное дело из-за незнания финского языка для меня недостижимо. Собираюсь претендовать на звание „чемпиона мира и его окрестностей“, — „заделаться“, как говорят в СССР, — профессиональным борцом. Чем чёрт не шутит, когда Бог спит. Во мне 93 килограмма чистого веса и другие таланты. По линии содействия нашему общему делу я безоговорочно сразу же дал все сведения, которые мог. Пока ещё не даю имён и адресов моих друзей, ибо для меня непонятна форма

использования этих сведений, а моральных и официальных полномочий рисковать чужими жизнями я не имею.

С большим интересом работаю у скаутов с молодёжью. Втянулся в политику, уже не раз ругался на докладах с младороссами. Живу благодушно, отдыхаю, набираюсь перспектив и пороку.

Меня интересуют два вопроса, на которые буду ждать твоего ответа:

Странная политика ген. Деникина, в чём тут дело? Отчего у него такое отрицательное отношение к возможному нашему (эмиграции) участию в войне против СССР? Почему против него никто не выступает прямо и резко?

Отчего РОВС не ответил ничего по существу на мой проект значка „Готов за Россию“? Прочти его, я послал его лично ген. М.

Очень рад буду твоим письмам, искренне жму твою руку —

Борис.

27.04.35».

От посланца Фосса, привёзшего письмо, Солоневичи узнали, что школьный приятель Бориса теперь занимает видный пост в 3-м отделе РОВСа в Софии, и решили, что с его помощью, может быть, удастся выбраться, наконец, на «европейский простор». С самого начала в этой переписке наметилась тенденция взаимного прощупывания, выяснения степени информированности друг друга, «полезности» в будущих предприятиях — политических, пропагандистских, «боевых» и издательских.

Впрочем, на вопрос о Деникине Фосс ответил прямо:

«Деникина съели его либерализм и честолюбие. Прибавь сюда и свойственную ему мягкотелость, которая нас погубила, и отсутствие широкого ума — и картина должна быть тебе ясна. Не думаю, что здесь могли сыграть роль иудейские деньги. Его линия поведения для нас совершенно непонятна. РОВС не даёт отпора Деникину, ибо щадит имя бывшего главнокомандующего. Нет смысла выступать против него ещё и нам, бывшим его соратникам. Каждое его слово есть самооплёвывание, ибо он бичует отчасти созданное им и солидаризируется с разрушителями этого созданного».

В ответном письме Борис поблагодарил друга детства за честное объяснение и, на время отставив политику, «прощупал» его возможности по организации ему борцовского ангажемента.

«Если узнаешь, что где-либо в славянских странах идут чемпионаты французской борьбы, — писал он Фоссу, — сообщи, если сможешь, с адресами антрепренёров. В Ригу я не смог выехать из-за повреждения плеча, а Германия никак не даёт визы, несмотря на то, что меня туда приглашали для определения квалификации. Если не удастся поехать по белу свету протирать лопатками цирковые ковры, придётся, может быть, заняться массажем, ибо врачебная практика невозможна из-за финского языка и его шестнадцати падежей, каковых я, конечно, не знаю. Положение, в общем, шибко неясное... Но бывало и похуже, и немало раз».

Надо отметить, что в Гельсингфорсе мощная мускулатура пригодилась Борису не только для работы грузчиком. Одно время он подрабатывал, позируя финским мэтрам скульптуры в Академии искусств «Атенеум», в которой начал заниматься Юрий, готовясь стать профессиональным художником.

Фосс навёл справки о борцовских ристалищах в Болгарии, сообщил в Гельсингфорс фамилии и адреса антрепренёров и известных болгарских борцов, понимая, что помощь Борису повышает его шансы на получение важных для РОВСа сведений о Совдепии. Однако с «борцовской перспективой» у Бориса получилось не очень: все названные Фоссом антрепренёры были не у дел, а ведущие борцы находились в разъезде, кто в США, кто в Южной Америке.

Следуя примеру Ивана, Борис тоже взялся за литературную работу. Он решил сосредоточиться на серии очерков о трагической судьбе скаутов в Советской России, чтобы в драматизированной форме показать всю остроту противостояния между «здоровыми силами молодёжи» в России и «безжалостными чекистами», чтобы рассказать об «эпопее жизни и разгрома скаутских организаций в Советской России». Первоначально рукопись имела название «Русские скауты в пожаре революции», затем — «ГПУ и советская молодёжь».

В июле — августе 1935 года Борис регулярно сообщал Фоссу о том, как идёт работа над очерками. «Если книгу издадут, — предрекал Борис, — она будет иметь громадное значение как внешне аполитичное, но по существу антисоветское (авантюрное) чтение для иностранной молодёжи. Книга ставит целью показать, почему честному юноше-скауту нет места в стране „строящегося социализма“».

Через полковника Пантюхова Борис намеревался получить предисловие «нашего главка, патриарха скаутизма» генерала Баден-Пауля. «Боюсь только, — писал Солоневич, — что Пантюхов, несколько

медлительный старик, не поймёт политического значения этой книги и не поддержит её с должным напором. Есть ли рычаг на него? Он, кстати, до сих пор ничем не помог мне, хотя я был его помощником и достаточно много сделал для русского скаутизма».

К разочарованию Бориса, Фосс не имел связей в издательском мире. Его рекомендации были расплывчаты и не давали братьям уверенности в возможности успешного обращения к названным им издательствам — «Мирополис» и «Стрела» в Берлине, «Мир» в Риге и т. д. «Если тебя это не удовлетворит, — писал Фосс, — постараюсь отыскать в Варшаве своего приятеля по Вильненской гимназии, который имеет издательство. В Софии попытайся обратиться к Николаю Николаевичу Алексееву, между прочим, большому жуку»...

Ни к «жуку», ни к другим «рекомендациям» Борис обратиться не рискнул, опасаясь за судьбу рукописи. Его вера во всемогущество РОВСа получила ещё одну, пусть и малозаметную трещину.

В 1935 году в Финляндию из СССР был направлен новый резидент. В задании на командировку ему среди прочих задач предписывалась разработка враждебных слоёв эмиграции. Семья Солоневичей была обозначена как «крайне опасная антисоветская группа, подлежащая усиленному контролю». Агентура ИНО в Гельсингфорсе успешно обеспечивала этот контроль, попутно выявив, что финские власти занимались тем же самым: следили за каждым шагом «семейки». Второй отдел Генштаба завёл на них «наблюдательное дело», и сводки «о поведении и характере контактов» Солоневичей докладывались начальнику отдела полковнику Свенсону или его заместителю подполковнику Мальмбергу. Полученные на Солоневичей компрометирующие материалы финская контрразведка передавала Добровольскому.

Солоневичи были представлены Добровольскому 11 апреля 1935 года после одной из его лекций в Русском клубе. Генерал был предельно осторожен в словах, явно сохраняя дистанцию. Братья ничего другого не ожидали: «Генерал не раз „обжигался на молоке“ чекистских провокаций и потому дует на воду, чтобы не влезть в какой-нибудь „новый Трест“».

В начале мая 1935 года в Гельсингфорс приехала «в гости» (только в гости!) Тамара. К этому времени Солоневичи, чтобы чувствовать себя свободнее, переехали за город и жили в вилле «Кульстрем» в районе Альберч по Абовской дороге. После двухлетней разлуки «экс-супругам» было что обсудить. О содержании их долгих бесед наедине можно только

догадываться. Тамара не скрыла от Ивана, что её фиктивный брак с Прцевоцни стал фактическим.

В Гельсингфорсе Тамара пробыла недолго. В Берлине у неё была постоянная работа, неплохой заработок, пренебрегать которыми с учётом неопределённого положения беглецов было нельзя.

По мнению одного из биографов Солоневича, в основе семейных проблем Ивана было его недостаточное мужское внимание к Тамаре: «Как ни обожал он... Тамочку, даже ей ни разу не преподнёс цветов. Отсутствие у него всякой романтичности, быть может, предопределило его супружескую драму: периодические отлучки этой некрасивой, но обаятельной женщины к млеющему совратителю Бруно... На обороте одной своей улыбчивой фотографии Тамочка написала мужу по-английски: „Я не буду торговаться с тобой, зная, сколь напрасны были усилия втиснуть меня — скептика, бродягу, непокорную и неверную — в роль безупречной возлюбленной“»^[78].

Тамара ещё несколько раз приезжала в Гельсингфорс, но не соглашалась остаться там. Иван за рюмкой водки сетовал, что Тамара окончательно бросила его. Он рвался за границу для налаживания совместной жизни, а она фальшивый брак сделала настоящим.

О своих переживаниях Иван не удержался, намекнул в письме, которое направил в августе 1935 года в Москву для передачи Зиновию Эпштейну. Посредница, Ирина Д., ответила ему через месяц, обращаясь к Ивану как к «Генриху»:

«Дорогой Генрих!

Ваше письмо (второе) я получила с большим опозданием, т. к. на это время уезжала на гастроли в Харьков. Признаться, Ваше сообщение о Тамаре Владимировне меня сильно поразило. Вот уж никак не ожидала такого афронта с её стороны, да ещё при таких обстоятельствах».

По поводу поручений «Ивана-Генриха» Ирина сообщала:

«Мне очень жаль, что мы с Зеном так далеко от Вас, а в письмах, ведь я это понимаю, трудно сказать всё. Вашу просьбу об адресе старика пока выполнить не могу. Если узнаю точный адрес (кстати, детишки совсем перекочевали к нему в Тверь), сообщу отдельно. Во всяком случае, я не уверена в том, что присылка денег придётся дедушке по душе. Известия от тёзки доходят очень скудно. Думаю, что виною этому не почта, а её собственное настроение в духе известного романа Чернышевского. Она сильно нервничает, видимо, потому, что не имеет весточки от мужа. Адрес её я знаю, не сообщаю его Вам, чтобы не причинять ей лишнего беспокойства, тем более что почтовые марки она не коллекционирует.

Рада за Вас, что собираетесь вновь в странствия, хотя то, что Вы едете, по Вашим словам, с неохотой, звучит для нас с Зеном действительно парадоксом. Пишите, что поделявает Юрочка, где учиться? Пишите по старому адресу, буду рада получить от Вас весточку. Зен не пишет от природной лени, но просит передать горячий привет коллегам по перу».

Вряд ли куратор дела «Спортсмены» в НКВД затруднился с расшифровкой иносказаний: «старик», «дедушка» — это отец Ирины Пеллингер; «детишки» — дети Бориса; «тёзка» — жена Бориса; упоминание о том, что она «не коллекционирует почтовые марки» — совет не писать из-за границы на лагерь, в котором она содержится; «странствия» — ожидаемый переезд Солоневичей в одну из европейских стран; «природная лень» Зена — скорее всего, проблемы с органами.

Следствием душевных переживаний Ивана стало возникновение романа с 35-летней Людмилой Н., его восторженной поклонницей, не пропустившей ни одной его лекции в Гельсингфорсе и Выборге. Познакомились они ещё в феврале на выставке «Общества русских художников в Финляндии» в галерее Тайдехалли, куда Ивана едва ли не силой затащил брат. Его повышенный интерес к изобразительному искусству объяснялся тем, что среди участников выставки была Ольга Курпатова-Хольстрем, интерес Бориса к которой в последнее время стал явно преобладать над всеми другими его делами. Была даже отложена рукопись о героизме скаутов в советское время. В выставочном зале у графических работ, автором которых была Ольга, Иван и познакомился с её подругой Людмилой.

Некоторое представление о характере их отношений даёт письмо, которое Людмила отправила Ивану через полтора месяца после отъезда Солоневичей в Болгарию:

«Милый Ванюша,

чем объяснить твоё упорное молчание? Я отправила одно письмо 5-го июня, другое — 17-го июня. От тебя же имела последнюю весточку 26 мая. Я, может быть, подло думаю, но уверена, что мои письма пришли, но не попали в твои руки. Это ещё подлее! Тебя слишком оберегают и слишком взяли под надзор. Прошу тебя проверить относительно моих писем^[79].

Неужели у тебя нет своего чувства долга? Не думаю, что не было времени написать пару слов. Если ушло всё, если чувство было только временное, ведь мы же ни в чём не клялись. Так

почему нет мужества честно и правдиво об этом сказать, а не заставлять меня, дурашку, бегать на почту и что-то ждать и на что-то надеяться?

Напиши обо всём, не жалея меня. Для меня чувство жалости слишком мелкое и унижительное. Себя же я подготовила к весьма грустному концу. Скажу одно, жаль... Но то, что было, было хорошо — не жалею»...

Аналогичную драму, но только в связи с Борисом, переживала в Гельсингфорсе Ольга Курпатова-Хольстрем. Ей не оставалось ничего иного, как жаловаться Ивану. В мае 1936 года она писала:

«Я только по марке и по почтовому штемпелю догадалась, что вы прибыли на место назначения, и ещё по тому, что в письмо был вложен трамвайный билет. После „того“ первого письма я отправила ему ещё 6 писем, которые, по моему мнению, могли бы тронуть и камни... Но ответа до сих пор не получила. Не то чтобы рассчитывала, что он „по-мужски“ окажется сильным и поддержит меня хотя бы словом, а на великодушие, что ли, человеческую теплоту. А я сама привыкла всю жизнь рассчитывать только на себя.

Ах, дядя Ваня, можете ли Вы представить, что я перетерпела, как волновалась за всех вас, пока вы ехали, считала дни, беспокоилась? Конечно, Борис давно отучил меня „интересоваться“ вашей жизнью, хотя праздным любопытством я отроду не страдала. Он не выносит никаких вопросов: „Я не привык давать кому-либо отчёт“... Но не вправе ли всё-таки я ожидать хотя бы самых элементарных сведений о вас, вроде: живы, здоровы, доехали, ни себя, ни багажа в дороге не растеряли и т. д.

Ведь знает же он, как и Вы, что за 7 месяцев почти ежедневного общения с вами я, может быть, помимо вашего желания и вопреки моей воле привыкла, привязалась, приросла к вам, и оставить меня так, в полной неизвестности, — жестоко».

В этом же письме Ольга упоминает о своей подруге Людмиле Н., давая понять Ивану, что она переживает такие же чувства:

«Третьего дня мы ходили с Милочкой на пляж и, проходя

мимо одного, известного вам места, вспомнили, как мы пришли сюда за два дня до вашего отъезда греться на солнышке. Было, кажется, условлено, что и вы оба туда придёте. Мы вас не застали... Вдруг прибежал Борис, стащил рубашку, плюхнулся и заявил: „В субботу мы уезжаем пароходом в Болгарию“. Точка. Мы обе промолчали: что тут было сказать? Но три недели спустя, вспомнив, мы заплакали...

Напишите мне, дорогой дядя Ваня, о вашей жизни (чуть было не написала „друг“, да вовремя вспомнила, как вы от моей дружбы всеми вашими четырьмя медвежьими лапами отпихивались). Ах, как болит у меня сердце за вас, *шершавых!*»

По разным каналам Солоневичи ещё в Гельсингфорсе пытались узнать о судьбе своих близких, оставшихся в России, наладить связь с ними. Ивану удалось установить контакт с Зеном Эпштейном, Борис, в свою очередь, с помощью Ольги Хольстрем наладил переписку с Валентиной Водяницкой, своей приятельницей в Курске. Валентина по его просьбе переслала на адрес лагерной санчасти его записку Ирине Пеллингер. Несколько раз посетила она брата Ирины — «дядю Лёву» Пеллингера, хотя тот прямо сказал, что подобного рода визиты ему не нравятся. Понятное дело, он боялся.

В середине ноября 1935 года Валентина отправила в Гельсингфорс на имя одной из подруг Ольги — Эльзы Вилькен — бандероль со справочником по медицине. Чекисты решили, что справочник может быть использован для установления «кодированной связи», и бандероль пропустили.

Для выяснения характера отношений Водяницкой с Борисом в Курск был командирован сотрудник госбезопасности Бирстейн. Он поселился у агента «Вольта», соседа Водяницкой по коммунальной квартире, выдав себя за инженера, приехавшего в город по производственным делам. Когда Валентина ушла на работу, её комнату обыскали и обнаружили письма из Финляндии. В них Борис предлагал различные варианты налаживания связи со своей женой.

В одном из конвертов Бирстейн нашёл «заграничную» фотографию Бориса и черновик ответа Валентины с комментарием на неё: «Скажу по совести, ни галстук, ни смокинг тебе не идут. Носи лучше рубашки с отложным воротничком, в них ты прежний и очень неплохой Волк, а в этом костюме ты похож... (скажу потом когда-нибудь тебе на ухо). Жду от тебя более приличного физкультурного фото. Тебе посылаю мой

„официальный“ снимок, сфотографироваться по-домашнему пока нет ни возможности, ни желания».

В последних своих посланиях Борис просил Валентину приехать в Москву в назначенное время, чтобы он мог из Гельсингфорса позвонить ей на телефонную станцию. Водяницкая дважды ездила в Москву, но её попытки дождаться звонка от Бориса закончились ничем. Он опоздал на эти, им же самим назначенные сеансы связи.

Известно, что наладить переписку с женой Борис надеялся с помощью РОВСа, однако открытки, переданные Фоссу для отправки его людьми «за чертополохом», до Ирины не дошли:

«Ириночка, любимая моя!

Когда я получу от тебя хотя бы несколько строчек? Хоть бы ты приехала в большой город, хоть по телефону повидались бы пока что! Крепко верю, что ты не забыла меня, и расстояния, годы и преграды не помешают нам опять быть вместе. Ласково, нежно и крепко целую тебя, Снегурочка, Лада. Всегда любящий и ждущий тебя

Кай».

«Милая Снегурочка,

получила ли ты мои письма? Неужели ты не можешь откликнуться? Я только изредка узнаю, что ты жива и здорова, но мне так хочется знать, чем ты живёшь и что думаешь делать дальше? Пожалуйста, найди время и возможность ответить мне через Толю, Валю или Фр. Ив. Очень буду ждать твоих строчек. Крепко целую и люблю, всегда твой

Кай»^[80].

Всё было напрасно. Борис упорно писал «в никуда». В книге «ГПУ и молодёжь» есть щемящие и провидческие строки: «Острая боль пронизывает моё сердце при мысли о том, что где-то далеко, в 12 000 километрах отсюда, в глубине Сибири, моя Снегурочка-Лада коротает свои одинокие дни в суровом советском концентрационном лагере. Водоворот мировой бури разметал нас в стороны, и Бог знает, когда мне опять доведётся увидеть „роковые белые носочки“, длинные русые косы и ясные глаза своего друга — жены... И доведётся ли увидеть вообще?»

Через десять месяцев после получения первого письма от Гучкова Солоневичи по-прежнему прозябали в Гельсингфорсе, а планы по

совместному «разоблачению коммунизма» так и оставались планами. Тем не менее Иван всё еще надеялся на его помощь:

«Гельсингфорс, 24 августа 1935 года
Глубокоуважаемый Александр Иванович!

А. И. Ксюнин сообщил мне о Вашем проекте лондонского „показательного процесса“ и прислал текст анкеты для лиц, желающих выступить на нём свидетелями. К этому проекту я не могу отнестись иначе, как с энтузиазмом, и не только в силу личного моего участия, но и как первой за очень многие годы широкой политической акции со стороны противобольшевистских сил. Силы эти распылены и пассивны, я же знаю очень хорошо постановку заграничной работы большевиков (работал переводчиком с делегациями и интуристами) и совершенно уверен в том, что кремлёвский зверь только выжидает подходящего времени для очередного прыжка в сторону мировой революции. Я иногда представляю себе кукольно-чистенькую и спокойную Финляндию, наводнённую толпами т. Ворошилова и т. Ягоды, — и тогда пробирает жуть.

Наши анкеты я прилагаю при этом письме. Кроме нас здесь в Гельсингфорсе и вообще в Финляндии есть разные беженцы более или менее недавнего времени. Два матроса, крестьянский парень, бывший советский студент, красноармеец, два якута и т. д. Часть из них опустились на дно... Но здесь можно подобрать человек пять людей вполне надёжных во всех смыслах. Я знаком с техникой большевистских дел, и для меня нет никакого сомнения в том, что и до, и во время процесса скамья обвиняемых постарается одних перекупить, других дискредитировать, третьих, может быть, просто спойть. Малейший же прорыв на свидетельском фронте сильно ослабит всё впечатление от процесса. Если я получу от Вас санкцию, я потихоньку займусь подбором этих людей...

У нас есть десятка три фотографий из жизни рабочих и крестьянских низов, и эти фотографии могли бы быть использованы для иллюстрации моей основной мысли: в лагере по существу нет ничего особенного, это только более законченная модель советского рая. „Пропаганда ужасов“ и лагерей ГПУ должна быть использована как повод для показа того, что делается в России вообще, а я, объехав губерний тридцать, могу

Вас уверить (конечно, никак не стараясь пропагандировать Вас), что в среднем в деревне хуже, чем в лагере. Меня за мои очерки и так упрекают в „чрезмерном сгущении красок“. Если бы я описывал всё как есть, просто не поверили бы.

От Лиги Хоурда мы получили опросной лист об условиях быта заключённых и ответили на него. Из Англии я также получил анкеты для процесса от лиц, приписывающих себе инициативу (его проведения). Я запросил по этому поводу Т. Чернавину и на эти анкеты пока не ответил: советская жизнь и привычка к конспирации меня приучили.

Вопрос о моих лекциях в Европе стоит, конечно, особняком от предполагаемого процесса. Я получил из Парижа два не очень лестных предложения и на довольно тяжёлых для меня материальных условиях и был бы весьма признателен, если бы Вы легализовали для меня поездку или хотя бы помогли её организовать»...

В это время парижская резидентура НКВД сообщала в Москву: «Гучков находится в безнадёжном положении. Помимо рака у него обнаружена водянка. На днях из него выкачали 9 литров воды. Сейчас все его заботы направлены по двум руслам: первое — заработать деньги (он носится с различными коммерческими предприятиями), второе — добыть визы Солоневичам. Последнее, несмотря на обращение Гучкова к французским единомышленникам, пока не увенчивается успехом».

Так оно и было. По просьбе Гучкова хлопотать за Солоневичей взялся В. А. Маклаков^[81]. Он обошёл все французские коридоры власти, но галльская бюрократия была непробиваема.

«Из-за кулис» за событиями, связанными с организацией приезда Солоневичей во Францию, пристально следили генерал Скоблин и предприниматель С. Н. Третьяков^[82]. Последний из своей квартиры над кабинетом генерала Миллера по поручению НКВД осуществлял повседневный «слуховой контроль» над частными и служебными беседами начальника РОВСа и его подчинённых^[83].

На Лубянке в отношении Солоневичей имелось твёрдое мнение: во Франции им не место, они взбаламутят своей энергией эмиграцию, будут способствовать росту антисоветизма, что крайне нежелательно на фоне наметившихся признаков советско-французского сближения. Поэтому в

беседах с Миллером Скоблин весьма скептически говорил о приезде Солоневичей в Париж и контроле над ними «новопоколенцев», на которое рассчитывал генерал. Стоит ли отдавать братьев «новопоколенцам», показывая тем самым, что РОВС весьма ограничен в силах и средствах?

Во время вечерних прогулок Третьяков оставлял в тайниках записи бесед в кабинете Миллера. В сентябре 1935 года имена Ивана и Бориса появлялись в них ежедневно.

Запись от 13 сентября:

«Пришёл [генерал] Кусонский. Говорит с Миллером о желании Гучкова выписать из Финляндии Солоневичей. Миллер не хотел бы давать на этот вояж денег. Выписать людей нетрудно, но кто гарантирует, что они будут себя вести в Париже прилично. Ведь Гучков хочет выписать всех троих, один окажется приличным человеком, а двое — прохвостами... Кусонский с мнением начальства полностью согласился».

Запись от 14 сентября:

«Поремский и Рождественский пришли к Миллеру для обсуждения вопроса о возможности переезда Солоневичей в Париж. Поремский вёл переговоры с Гучковым, тот даст на это некоторую сумму денег... Гучков считает, что приезд Солоневичей можно считать свершившимся фактом. Неясно, правда, кто же будет руководить деятельностью визитёров... Для Миллера весь вопрос заключается именно в том, кто будет руководить ими во Франции... В самом деле, давать деньги человеку, который по приезде в Париж попадёт в руки Милюкова и начнёт громить РОВС, — более чем неосмотрительно. Поремский вполне согласен с Миллером. Ивану Солоневичу будут поставлены жёсткие условия. Он заранее должен их принять, и уже после этого можно будет говорить о его приезде во Францию».

Один из членов руководства РОВСа — Д. А. Левицкий — в беседах с Миллером тоже затронул тему Солоневичей, причём в довольно циничной форме: «Братьев надо использовать лишь коммерчески. Имей я деньги, выписал бы их из Финляндии на правах импресарио и хорошо бы на них заработал».

Генерал Миллер такой «коммерции» и такого «заработка» не одобрил. По его мнению, подобный подход неприемлем и морально, и этически.

В РОВСе, наконец, пришли к соглашению помочь Солоневичам с лекциями во Франции, но, несмотря на обещания французских «контактов» в правительстве и спецслужбах, визы для братьев генералу Миллеру пробить не удалось^[84].

За месяцы жизни в финской столице Солоневичи утвердились в своём первом впечатлении: эмиграция погружена в апатию и внутренние склоки. И на верхах, и в низах доминирует ощущение безнадёжности, большинство занято выживанием и маниловскими мечтами о том, как однажды, благодаря вмешательству некоей несокрушимой «внешней силы», двери в Россию будут распахнуты настежь. И тогда они, не шевельнув пальцем, смогут вернуться домой, чтобы восстановить свои права на всё утраченное в 1917 году — на имущество, сословные привилегии, чины и должности.

Убедились Солоневичи и в том, что выбраться из сонной Финляндии «куда-нибудь поближе к центрам антибольшевистской борьбы» крайне трудно. Западноевропейские страны давали визы русским эмигрантам крайне неохотно, избегая ссор с Советским Союзом. Лидеры эмиграции тоже не спешили с поддержкой, хорошо зная, что Солоневичи не собираются сидеть сложа руки. А всё это было чревато последствиями. Статус-кво, достигнутый в отношениях с властями стран пребывания, в результате острых заявлений Солоневичей мог быть нарушен с негативными последствиями для всех без исключения эмигрантов...

После отказов Франции, Германии и Бельгии у Солоневичей оставалась только одна возможность для «проникновения» в Европу. Болгарский отдел РОВСа в лице Фосса усиленно зазывал их, обещая помощь в организации переезда, устройства на месте, издании газеты. Фосс надеялся, что «в обмен на помощь» Солоневичи дадут надёжные явки в СССР, сообщат о лицах, на которых можно будет опереться для проникновения в «стратегически важные» советские учреждения.

В начале ноября 1935 года Фосс, хорошо знавший ситуацию с Солоневичами, написал Скоблину:

«Думаю, что с визами для Ивана и других Солоневичей в Париж ничего не получится. Делу этому сильно „помогли“ „новопоколенцы“, которые в целях саморекламы раструбили об их приезде и дали возможность *нашим врагам* заблаговременно принять соответствующие меры».

Что ж, «№ 13» хорошо знал, что в данном случае капитан Фосс был полностью прав.

Глава четырнадцатая

ПОДМЁТНЫЕ ПИСЬМА В ГЕСТАПО

Филиал РОВСа в Берлине и антикоммунистическая «Лига Обера» тоже хлопотали о визах для Солоневичей и тоже без просветов. «Насчёт визы в Германию мне было обещано содействие по всем линиям РОВСа, — с недоумением писал Борис Фоссу, — вплоть до использования авторитета фон Лампе^[85]. И до сих пор ничего! Либо авторитета нет, либо — реального желания помочь». Германия особенно привлекала Бориса: ассоциация профессиональных борцов пригласила его на квалификационные испытания, чтобы включить в один «из кочующих по стране чемпионатов»^[86].

Сложности с получением визы побудили Бориса обратиться с письмом о помощи к самому Альфреду Розенбергу, нацистскому эксперту по «восточным делам». Борис подробно изложил обстоятельства своей жизни в Советской России и побега из неё. Он высказал недоумение, что ему отказывают в праве на въезд в Германию, хотя он представил все необходимые документы.

«Несмотря на то что у меня есть приглашение, нансеновский паспорт и обратная виза в Финляндию, — писал Борис, — германское консульство в Гельсингфорсе без разъяснения причин отказало мне. После долгих ходатайств со стороны Нансеновского ведомства в середине мая с. г. поступил второй отказ, причём господин Брандт, секретарь консульства, сказал мне, что главными причинами являются материальные соображения».

Самые сильные аргументы Борис приберёг для концовки письма:

«Я думаю, что ведомства германского правительства, которые отказали мне в разрешении на въезд, не учли, очевидно, политической стороны Моего побега из СССР. Я бежал не для того, чтобы спасти жизнь, а для того, чтобы рассказать всему культурному миру о жизни в Советской стране. Мои статьи, а также моего брата печатаются в парижской эмигрантской прессе, „Морнинг-пост“, „Нойе Бернер Цайтунг“, „Хельсингин Саномат“ и других. Отдел иностранной печати при Министерстве иностранных дел ознакомился с нашими материалами. Он считает их достойными внимания. В настоящее время я заканчиваю книгу о преследовании скаутов в Советском Союзе и надеюсь в будущем стать

полезным антибольшевистскому движению. Отказ в разрешении на въезд в Германию, которая является мировым центром по борьбе с коммунизмом, меня сильно удивил. Понимая, что низшие инстанции германского правительства могли не учесть вышеуказанных условий, я прошу Вас помочь мне в пересмотре этого вопроса»^[87].

В Москве «пересмотра», разумеется, не хотели. Поэтому в конце августа того же года резидент НКВД в Риге после продолжительной проверки (нет ли «хвоста»?) бросил в почтовый ящик на окраинной улочке письмо следующего содержания:

«Глубокоуважаемый господин Генеральный консул!

Несмотря на то что мне тяжело разоблачать мужчину, которого я люблю, вынуждена сделать это, так как считаю интересы новой Германии превыше всего. Речь идёт о деятельности русского доктора Бориса Солоневича, проживающего сейчас по адресу: Каупиаскату, 11/1, Гельсингфорс. Этот авантюрист и шпион, находясь в тайной связи с Советами и работая по их заданию, предпринимал ранее шаги к поездке в Ригу. Здесь, однако, полиция была осведомлена о его шпионской работе и отказала во въездной визе. По указанию русских он намерен перебраться в Германию. Солоневич уже связался с советской разведкой в Берлине, и одна из тёмных личностей намерена послать ему визу из германской столицы.

Этот „доктор“ Солоневич (который таковым никогда не был), являющийся, собственно, борцом по профессии, обладает колоссальной силой и поэтому представляет опасность. Он имел беседу относительно визы и с неким господином Брандтом. К счастью, тот был достаточно осторожным, чтобы помочь ему. Этот доктор Солоневич, который в компании со своим братом и его сыном „сбежал“ из России, является очень опасным человеком, в особенности для Германии, где он имеет ещё и жену, проживающую в Берлине и поддерживающую тёмные отношения с русскими и евреями! Да будет спасена наша новая Германия от таких людей!

С немецким приветом, Эльза».

Ещё одно письмо — на этот раз без подписи — было направлено из Гельсингфорса в Берлин на Принц-Альбрехт-штрассе — в гестапо.

«Некий доктор Борис Солоневич, владелец нансеновского паспорта № 8/3381 или 8133, который живёт в Гельсингфорсе, намеревается в ближайшее время поехать в Берлин. Он принадлежал в Советской России к известной организации „Динамо“, являющейся филиалом ГПУ. Свою нелегальную работу в Германии он готовил в течение долгого времени. В этом деле ему помогала жена, проживающая в Берлине. Она работала в русском торгпредстве и выполняла обязанности курьера для центра шпионажа.

Некоторое время тому назад она ездила в Финляндию и дала Солоневичу информацию о положении в Германии. Он выработал план, направленный против нашего вождя господина Альфреда Розенберга и спортивного вождя господина фон Остена. Чтобы осуществить его, Солоневич написал письмо господину А. Розенбергу, надеясь этим добиться у него аудиенции. Так как Солоневич бывший борец и обладает большой силой, то при встрече с ним необходимо принять особые меры предосторожности. Солоневича в преступных планах поддерживает один русский генерал, связанный с Францией. В последнее время Солоневич выдаёт себя за врача и как таковой собирается открыть салон для массажа. Этот случай надо очень тщательно проверить. Эта пара поддерживает сношения с некоторыми вождями СА, которые, не имея понятия об их преступной деятельности, являются в ней помощниками.

Хайль Гитлер!»

В конце августа 1935 года ещё одно анонимное письмо получил генеральный консул Германии в Гельсингфорсе. В письме «намекалось», что Тамара Прцевоцни со своим немецким мужем занимается «шпионской работой» в пользу Сталина.

В гестапо не оставили без внимания анонимки с нарочито запутанным содержанием. Завели дело, и на все пограничные пункты рейха направили «контрольку» на фамилию Solonewitsch, в которой, в частности, было указано, что этот человек подозревается в подготовке покушений на «ведущих членов НСДАП». Гестаповцы приступили к поискам «жены Бориса» и вскоре выяснили, что «ревнивая» Эльза приписала «возлюбленному» жену его брата Ивана. Впрочем, это не меняло дела. Тамара «по всем параметрам» была подозрительной дамой, потому что «при странных обстоятельствах» (уловки НКВД?) стала женой немца-

коммуниста, а в прошлом работала в советском торгпредстве, которое использовалось для прикрытия разведчиков из Москвы.

В сентябре центр запросил резидента в Берлине о результатах акции, отметив, что, по некоторым данным, Тамара Прцевоцни была арестована по своему местожительству на Альбрехтштрассе, 22. В запросе подчёркивалось: «Этому делу уделяется исключительное внимание, а посему дайте задание „А/201“, чтобы он, соблюдая сугубую осторожность, попытался установить результат мероприятия».

«А/201», Брайтенбах, получил информацию о «последствиях» компрометирующего мероприятия, но с задержкой: в гестапо ввели строгие правила внутренней безопасности. Удалось выяснить, что письма в гестапо поступили и вызвали ожидаемую на Лубянке реакцию: Тамару пригласили на Принц-Альбрехтштрассе «на собеседование». Она рассказала всё, что знала, о семействе Солоневичей, концлагере и побеге. Твёрдо подтвердила, что они — антикоммунисты. О своём браке с Прцевоцни сказала — «по любви!». Что ещё она могла сказать? Гестаповец всё записал, потом молча перечитал записанное и, сделав отметку в пропуске Тамары, отпустил её восвояси. Больше гестапо Тамару не беспокоило, но запрещающая «контролька» на въезд братьев Солоневичей в Германию так и не была отозвана.

Глава пятнадцатая

КУРС НА БОЛГАРИЮ

Стремление Фосса «использовать» Солоневичей и не слишком торопиться с помощью вызывало раздражение Бориса. Со свойственной ему прямоотой он расставил акценты в письме от 17 октября 1935 года:

«Я человек дисциплинированный, встал в ряды РОВСа сразу же после приезда. Должен прямо сказать, что без директивы людей, которых я знаю и которым подчинён, твои просьбы по линии политических высказываний выполнить не могу. Ты как-то не представляешь себе, что ты для меня только товарищ по гимназии, а кто ты теперь и какое отношение имеешь к РОВСу, — я ведь совсем не знаю. Местный представитель РОВСа тебя тоже не знает. А ты просишь критики, соображений, статей и пр. и пр.

Надеюсь, что ты всё поймёшь и не обидишься. Если я много и долго проверял подлинность местного представителя РОВСа, то тем более это мне нужно в отношении тебя. Я очень благодарен за присылку всяких материалов и ценю это доверие, но это не значит, что этим вопрос исчерпан. Продвинь его посерьёзней, если хочешь вместе поработать над чем-нибудь. Материалов и точек зрения у меня найдётся много, но я должен знать, кому я их даю, и доходит ли это до Центра?»

Фосс признал весомость аргументов Бориса:

«Твоё письмо получил и нисколько ему не удивился, а тем более не обиделся. Дело в том, что мне казалось, что для тебя должно быть достаточным то, что как и через кого ты получил моё первое письмо. А затем в моих посланиях всегда сквозило то, откуда я и каких убеждений. О себе же не говорил по той простой причине, что этого не люблю, но раз ты требуешь — изволь.

Ты, наверное, знаешь, что в РОВСе есть отделы по странам. У нас в Болгарии — 3-й отдел. Начальником его является генерал Фёдор Фёдорович Абрамов^[88], у которого твой покорный слуга состоит адъютантом уже двенадцать лет. От тебя прошу справок и материалов не из простого любопытства, а исключительно потому, что это нужно для работы. Для большей уверенности добудь русский военный календарь-памятку за 1929 год, где на 121-й странице найдёшь мою фамилию. Кроме того, если ты знаком с редактором „Клича“, попроси его навести обо мне справки в Болгарии у генерала Зинкевича^[89], с которым он состоит в

переписке. Когда во всём убедишься, — отвечай мне на все мои вопросы, ибо это мне очень важно».

Редактор газеты «Клич» Романов подлинность «принадлежности» Фосса подтвердил. Но одновременно в 3-й отдел РОВСа Софии пришло указание парижского центра: «Занимайтесь работой в своём округе. Все секретные материалы, которые поступают от Солоневичей, Фосс может получить через Париж, если это будет сочтено необходимым».

Фосс несколько ослабил хватку, но надежды на получение от Бориса явок в России не потерял. Волей-неволей Фосс стал ходатаем по делам Солоневичей в Болгарии. Он понял: если братьям не помочь с переездом, ждать от них нечего. Более того, в перспективе Фосс рассчитывал, что Бориса можно будет использовать для нелегальной заброски на территорию Советов. Ведь «за чертополох» предпочтительнее посылать людей, адаптированных к тамошней жизни. Многочисленные провалы боевиков, которым удалось пересечь советскую границу, — убедительное тому подтверждение. По мнению Фосса, работа с Борисом должна быть удачной: он — убеждённый враг советской власти, по-настоящему — до экстремизма — непримирим, настроен на террор. Возможно, это реакция на пережитое, невероятные лишения в Соловках, боль за оставленных в России отца, жену и детей...

Такие выводы Фосс делал на основании писем Бориса:

«На интересующий тебя вопрос скажу без углубления в доказательства: советско-партийный аппарат очень крепок. Восемнадцать лет идёт непрерывная внутренняя борьба против власти с неизменным преимуществом на её стороне. Без внешнего толчка — войны, крупного террористического акта, какого-либо удачно сложившегося восстания, поддержанного извне, — вряд ли есть шансы на свержение этой власти. Отсюда колоссальный размах пораженческих настроений в стране, ибо эта власть никак не может рассматриваться как русская. И кто бы ни пришел ей на смену, будет встречен радостно, ибо это, несомненно, обозначит перелом в сторону нормализации жизни. А ждать, что „Бог даст, всё образуется само собой“ и без внешней помощи удастся переболеть и ожить, — устали! В эволюцию этой власти давно уже никто не верит, кроме, кажется, младороссов. Но эта вера оплачивается»^[90]...

Фосс попытался выяснить отношение Бориса Солоневича к фашизму. Вызывая его на откровенность, Фосс писал:

«Большевики считают сейчас главным врагом фашизм, но, конечно, не в тех уродливо-подражательских формах, что он принял в русской эмиграции. Учитывая эти страхи большевиков, мне кажется, что нам

следовало бы хорошенько изучить теорию фашизма и гитлеризма, взять из неё всё полезное и пересадить на нашу русскую почву. Какого ты мнения на этот счёт?»^[91]

Борис, словно предвидя этот вопрос, написал Фоссу о своей позиции в отношении «моды на фашизм» с опережением: «Из русских фашистских журналов я читал только „Клич“ и „Фашист“. Последний (Вонсяцкого) производит совсем несерьёзное, если не сказать больше, впечатление. Советский читатель скажет: „Вот халтура!“ „Клич“ много серьёзней, но его программа (или программа его „фашизма“) чрезвычайно расплывчата и, разумеется, очень мало применима для современной России. Создавать политические теории абстрактно — неблагоприятная задача. Без проекции на новую жизнь в России — они обречены на судьбу бумажек»^[92].

Конкретное предложение о переезде Солоневичей в Болгарию Фосс сделал в письме от 21 сентября: «Визу тебе и твоим в Софию я устрою. Для этого пришли мне ваши фамилии, имена, отчества, даты рождения, профессии, все паспортные данные, кем выданы документы. Имей в виду, что с интеллигентным трудом дело у нас обстоит из рук вон плохо. С лекциями тоже не дадут особенно развернуться, ибо имеется (советское. — К. С.) полпредство и [власти] не хотят неприятностей. Жизнь дешёва. Ты всё это взвесь, обсуди и реши».

В августе 1935 года Центр написал резиденту Яковлеву^[93] в Софию о том, что ни в коем случае нельзя допустить переезда Солоневичей в Германию, где из-за жёсткого контрразведывательного режима, введённого Гитлером, контроль над ними будет затруднён. Москва дала указание предпринять через агентурные возможности необходимые шаги для переезда Солоневичей из Гельсингфорса в Софию. Там, по мнению Центра, они будут находиться под надёжным наблюдением. Такие «возможности» в правительственных кругах Болгарии у Яковлева были, и он постепенно начал приводить их в движение.

В конце 1935 года болгарское отделение РОВСа заметно активизировалось «в пользу» Солоневичей. Генерал Миллер по совету Скоблина выступил за «болгарский вариант» жизнеустройства Солоневичей. По указанию парижского Центра сам генерал Абрамов готов был оказать им содействие.

В декабре 1935 года Солоневичи сделали окончательный (вынужденный!) выбор. Повсюду, кроме Болгарии, им неизменно

отказывали в визах. «Активки» НКВД в данном случае сыграли решающую роль. Сказывалось и нежелание «региональных» руководителей РОВСа иметь у себя под боком «беспокойных и подозрительных» братьев, рискуя более или менее отлаженными отношениями с местными властями.

Борис считал, что шансы на «прорыв» в Западную Европу у них ещё есть, но решил оставить «доработку вопроса» на потом, а пока воспользоваться предложением Фосса. После «согласования» ответа с братом Борис написал:

«Насчёт Болгарии — с удовольствием принимаю твоё предложение. Бог даст, хуже, чем здесь, не будет, а лучше — может быть. Здесь голодать не приходится, но во всём остальном сквозит „соседство“ некоей дружественной державы».

Руководство РОВСа выделило 500 франков из скудного Фонда спасения Родины на оплату проезда Солоневичей в Софию.

Накануне отъезда из Финляндии (в марте — апреле 1936 года) Иван организовал в Гельсингфорсе цикл лекций о жизни в Советском Союзе, которые братья проводили в острой, дискуссионной манере, побуждающей публику живо реагировать на затрагиваемые темы: «Советский быт»; «Эволюция советской власти»; «Военизация страны»; «ОГПУ»; «Чем держится советская власть?»; «День врача в советском концлагере»; «Стахановщина»; «Советские железные дороги»; «Наш побег»; «Беспризорники»; «Советская семья и женщина»; «История непокорной молодёжи»; «На советских стройках»; «Красная армия»; «Судьбы русской интеллигенции в СССР» и т. п.

На лекциях обычно присутствовали 150–180 слушателей, что для Гельсингфорса было высоким показателем посещаемости подобных мероприятий. Публику прежде всего привлекало имя входящего в моду нового эмигрантского публициста Ивана Солоневича, автора статей в «Последних новостях», «Современных записках», «Иллюстрированной России». По общему мнению, бежавшие ранее из СССР Немцов, Татьяна и Владимир Чернавины в своих докладах не смогли дать столь полных и критических обзоров советской действительности. К тому же выступления Солоневичей были проникнуты сильным зарядом оптимизма: падение большевистского режима — вопрос времени, следовательно, надежда на возвращение на родину не является химерой.

Лекционный курс был прерван только раз, 23 марта: Солоневичи уступили трибуну С. М. Петриченко, который выступил с докладом «Кронштадтское восстание и Балтийский флот» по случаю 15-летия этого исторического события. Петриченко воспользовался случаем, чтобы

расспросить Ивана о планах на будущее. Слухи об отъезде Солоневичей давно распространялись по Гельсингфорсу. «Мы так часто уезжали отсюда, — посетовал Иван, — что говорить о каких-то датах и сроках нет смысла. Ясно одно: как только вырвемся и устроимся на новом месте, возьмёмся за издание газеты».

Докладывая оперативному работнику об этом разговоре, агент «Лидер» отметил, что эти слова Солоневич произнёс с «явным воодушевлением».

Солоневичи покидали Гельсингфорс без сожалений. Первый опыт знакомства с русским эмигрантским бытом показал им, что слово «болото», которое они впервые слышали от Чернавиной, соответствует действительности. Иван Солоневич не удержался от язвительных оценок, вспоминая в статье «Четыре года» о житье-бытье в Финляндии:

«Тот же Гельсингфорс — город „нарочито невеличкий“. Русская колония и того меньше. Процентов 20 её состоит из председателей, процентов 40 — из товарищей председателей, секретарей, казначеев и прочих почётных лиц. Даже театральные кружки — и тех имеется два. Какие бездны политической мудрости разверзлись перед изумлёнными очами подсоветских простаков! Какие Меттернихи, Талейраны и даже Бисмарки в юбках и без юбок объявились в трёх десятках организаций, населяющих русский Гельсингфорс! Какие тонко рассчитанные и дальновидные политические комбинации пускались в ход для того, чтобы на посту первого секретаря второго русского драматического Гельсингфорсского кружка оказался бы господин Х. вместо г-жи У., или наоборот! Бездна ума!»

По мнению Ивана, в Гельсингфорсе делалось всё, что может прийти в голову, кроме одного — конкретной антисоветской работы:

«Устраиваются и банкеты, и балы, и выставки. Заседают комитеты, управления и секретариаты. Устраиваются дни русской культуры. Говорится об очень многих хороших вещах. А рядом — русские дети не только денационализируются, но и большевизируются. Собирают деньги на памятник Леониду Андрееву, а денег на спортивную площадку для русской молодёжи так и не нашлось. Произносятся миллионы высокаторжественных и высокопарных фраз, а за этими фразами нет решительно никакого желания шевельнуть хоть пальцем для какого-то реального дела, не связанного с наличием председательского или, по меньшей мере, секретарского поста. Да и эти посты ни с каким делом не связаны. Болото? Да, болото».

Отъезд Солоневичей в руководящих кругах русской эмиграции в

Финляндии был воспринят с облегчением: уехали, и слава богу! Слишком неуживчивы, беспокойны и непредсказуемы. И слишком много о себе понимают!

С облегчением вздохнули и младороссы: их интерес к Солоневичам обернулся безжалостной критикой со всех сторон и обвинениями в «двурушнической» работе на Советский Союз. К обвинениям не привыкать, но Солоневичи своими выступлениями и публикациями разрушали стройную концепцию главы партии Казем-Бека о постепенной эволюции советской власти. Не выполняют ли они заданий Москвы?

Глава шестнадцатая

НАКОНЕЦ-ТО СВОЯ ГАЗЕТА!

Старания Фосса добиться виз для Солоневичей увенчались успехом. МИД Болгарии направил соответствующее разрешение консулу в Финляндии. В тот же вечер агент «Ворон» сообщил резиденту Яковлеву об этом событии, отметив, что Фосс дал ему поручение подыскать квартиру для Солоневичей. Яковлев полистал свою записную книжку и подсказал несколько подходящих адресов.

Несмотря на молодость, «Ворон» числился среди лучших агентов резидентуры НКВД в Болгарии^[94]. Появился он в Софии в ноябре 1931 года в результате комбинации, ювелирно проведённой чекистами.

«Ворон» — это Николай Абрамов, сын руководителя болгарского отделения РОВСа генерала Фёдора Фёдоровича Абрамова. Казачий генерал Абрамов покинул Россию в 1920 году, «на время» оставив сына с родственниками. По мере взросления Николай всё больше проникался «советским духом» и даже вступил комсомол. Генерал Абрамов, который обосновался после Гражданской войны в Болгарии, предпринимал шаги для вызволения сына из Совдепии, но без успеха. Тому нравилось быть «в буче, боевой, кипучей». Николай отслужил в Черноморском флоте, стал работать водолазом в Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ. В 1930 году чекисты обратились к Николаю за помощью: перед ними стояла задача по проникновению в 3-й (балканский) отдел РОВСа, который возглавлял отец Николая. Лубянке нелегко далось это решение: использовать сына против отца! — по всем понятиям — это проигрышная схема.

Агент «Ворон» совершил побег с торгового судна ленинградской приписки в Гамбурге, пробрался в Берлин, где был арестован за нелегальное проникновение в страну. Генерал фон Лампе, возглавлявший германский отдел РОВСа, вызволил его и незамедлительно отправил к отцу в Софию. Так началась разведывательная карьера «Ворона». Для прикрытия этой работы он открыл в болгарской столице магазин филателии и нумизматики, который стал приносить неплохой доход. Успешно шло выполнение задания по «освещению» РОВСа. Авторитет отца помог Николаю приобщиться к штабной работе отдела, получить доступ к его секретной переписке. Полезную для НКВД информацию он получал о

боевой группе РОВСа, её работе по подготовке боевиков для заброски в Советскую Россию.

Член РОВСа капитан В. Н. Бутков вспоминал, что молодой Абрамов «много помогал улучшению методики преподавания на военно-училищных и унтер-офицерских курсах. По его наглядным пособиям курсанты обучались разборке и сборке 3-линейной винтовки, револьвера „Наган“, пулемётов и других видов оружия. Работали эти пособия так: когда прикладывали электрические контакты к кружкам с указанием частей стрелкового оружия, на картонной лицевой стороне зажигалась лампочка. Если зажигался зелёный свет — ответ правильный, если красный — ошибка. Кроме того, Николай Абрамов знал джиу-джитсу и бокс, которые преподавал на уроках военной гимнастики». По мнению Буткова, слушатели курсов его очень любили и дружили с ним^[95].

С точки зрения кураторов из НКВД, «Ворон» удачно женился: Наталья разделяла его идейные убеждения, внутренне презирала «крысиную» антисоветскую возню белой эмиграции. И жена, и тёща — Александра Семеновна Кончинова — стали помощниками Николая в разведывательной работе. Тёща была преуспевающим зубным врачом, что позволяло ей в «интимной обстановке» клиники получать полезную информацию не только от пациентов-эмигрантов, но и тех, кто относился к сливкам болгарского общества. Первое время «Ворон» передавал полученные им сведения связникам, а с 1935 года, когда в болгарской столице появилось советское полпредство, стал вручать их непосредственно резиденту. Благодаря «Ворону» был, в частности, раскрыт план покушения на посла Фёдора Раскольниковца. Полпредство, правда, поторопилось выступить с нотой протеста. Теракт был сорван, но Николай Абрамов попал под перекрёстное подозрение РОВСа и политической полиции Болгарии.

Солоневичи прибыли в Болгарию 8 мая 1936 года. В Софии их встречали Клавдий Фосс и Николай Абрамов. РОВС выполнил своё обещание, оплатив их переезд. Для «внутренней линии» РОВСа в Болгарии братья были ценным приобретением — нестандартные идеи развёртывания борьбы с большевизмом, свежий взгляд на жизнь «за чертополохом», плюс к этому надежда на получение «полезных адресов» в России. Фосс знал, что его коллеги в Гельсингфорсе не добились от Солоневичей явок в Совдепии, но был уверен, что в благодарность «за избавление от Финляндии» братья всё-таки «раскошелятся».

На следующий день Солоневичей принял в своём кабинете (в штаб-квартире Болгарского отделения РОВСа на улице Оборище, 17) генерал Ф.

Ф. Абрамов. Он советовал братьям устраиваться в стране надолго, пожелал «успешно влиться» в местную эмигрантскую среду и с первых же дней пребывания в стране попытаться завоевать доверие болгарских властей. Для этого генерал рекомендовал им выступить в Военном министерстве с докладами о состоянии, и боеспособности Красной армии. В полиции, по мнению Абрамова, следовало бы организовать лекцию разоблачительного характера о жизни в Советском Союзе. От публичных докладов генерал просил воздержаться: мол, непременно последуют протесты и прочие пакости со стороны полпреда Раскольников, снова болгары начнут требовать от руководителей эмиграции не «ссорить» их с Москвой.

По инициативе Фосса Солоневичи познакомились с его соратником по «внутренней линии» А. А. Браунером, капитаном Дроздовского полка в годы Гражданской войны. Фосс и Браунер были в стране, пожалуй, самыми влиятельными людьми из русской колонии. Фосс поддерживал рабочий контакт с разведывательным отделом Генерального штаба Болгарии, Браунер — работал начальником русского отдела тайной полиции. По своим политическим взглядам он был ближе к «новопоколенцам», сотрудничал в их газете «За Россию», публикуя разоблачительные статьи о советском образе жизни. Факты он черпал из советских периодических изданий, подписка на которые оформлялась на родственников активистов РОВСа.

В числе первых, кто пришёл знакомиться к Солоневичам в гостиницу, был протопресвитер Георгий (Шавельский). Он преподавал в Софийской духовной семинарии и был директором Русской гимназии. Его книги о пастырском служении имели несомненное влияние на юношество и кандидатов в священники. Отец Георгий пользовался авторитетом в болгарских церковных кругах. Местный Синод часто обращался к нему за помощью в спорных делах, иногда в качестве третейского судьи, когда возникали разногласия между митрополитами. Для Ивана он стал полезным источником сведений о положении дел в Русской зарубежной церкви и вообще в эмиграции. Шавельский охотно принимал приглашения на трапезы в тесной компании Солоневичей и в качестве рассказчика был достойным партнёром Ивана. В 1915–1917 годы, будучи протопресвитером военного и морского духовенства, Шавельский имел возможность видаться с Николаем II в ставке. К царю и царице он относился, как сейчас говорят, «неоднозначно» и в своих воспоминаниях часто опирался на оценки и мнения других. Особенно это было заметно, когда Шавельский рассказывал о нездоровом моральном климате в царской семье по вине «грязного мужика» Распутина. Клеветнические рассказы о царице Иван всегда

оспаривал. Не сделал послаблений и для Шавельского, назвав его однажды «лжесвидетелем». Тот сдержанно возразил, но по существу обвинения спорить не стал, памятуя о приблизительности и вторичности своих воспоминаний в той части, которая касалась жизни царской семьи.

Резидент Яковлев планировал поселить «спортсменов» на подконтрольной резидентуре квартире. С этой целью «Ворон» пригласил Солоневичей на экскурсию по болгарской столице. Город им понравился, может быть, потому, что многие улицы носили русские имена: генералов Тотлебена, Гурко, Черняева, Скобелева и др. Не были забыты писатели — Достоевский, Аксаков, Толстой. Московская улица порадовала их вывесками русских трактиров и запахом ржаного хлеба из пекарен. Постояли экскурсанты у Русского памятника, установленного в честь офицеров и солдат, защищавших православие и славянство на болгарской земле, и у памятника Царю-освободителю. Потом долго созерцали величественный собор Святого благоверного великого князя Александра Невского, который был воздвигнут в память побед русского оружия на Балканах.

Во время прогулки Николай показал Солоневичам несколько приличных по эмигрантским понятиям квартир. Несмотря на старания «Ворона», братья к его предложениям отнеслись без энтузиазма и предпочли обосноваться на вилле «Спокойствие», принадлежавшей болгарину Доревскому. Она находилась в дачной местности Овча Купель, в пяти километрах от Софии, на улице Кирилла и Мефодия, 12. На эту виллу Солоневичи наткнулись случайно во время прогулки по окрестностям столицы. Не торгуясь, договорились с хозяином об аренде второго этажа за 1200 левов в месяц.

Ивану Николай Абрамов понравился: он говорил о своём советском прошлом без критического надрыва, признавал, что научился в Советском Союзе многим полезным вещам, в том числе искусству выживания в «трудных бытовых условиях, а иногда голода». Особенно тронули Солоневича эмоциональные слова Абрамова о том, что он не намерен отсиживаться за спиной отца: рано или поздно вернётся в СССР, чтобы работать во имя восстановления «Национальной России»!

В августе 1938 года, работая в Берлине над брошюрой «Четыре года», Иван вспоминал о «настоящем патриоте», симпатичном и энергичном Коле Абрамове. Для Ивана Солоневича он был одним из образцовых молодых русских, которые будут определять будущее России:

«Я очень внимательно всматривался в те немногие стальные ростки

нашей молодёжи, которые пробрались сюда из Советской России, — мой сын, Андрюша Чернавин, Коля Абрамов — сын генерала Ф. Ф. Абрамова, и некоторые другие. Есть немецкий школьный анекдот: преподаватель говорит о словах Наполеона, обращённых к его египетской армии: „Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид“. Из класса, из тех мест, которые по-русски называются „Камчаткой“, раздаётся пренебрежительная реплика: „Ну, немцев на пирамиду не поймаете“... Так вот, и эту молодёжь тоже не поймаете ни на пирамиды, ни нашивки. Даже Коля Абрамов к генеральскому титулу своего отца относится весьма скептически. Андрюша с этими титулами, вероятно, и вовсе не сталкивался. Для Юры они не значат ровно ничего. Нужно считаться с фактами. Этих ребят в Советской России миллионов тридцать. Они, эти ребята, будут спрашивать в упор. Они будут очень суровыми экзаменаторами».

Впрочем, «стальные ростки» не нашли между собой общего языка. Николай Абрамов попытался сдружиться с Юрием. Тот не выразил желания к «товарищескому» сближению, заявив отцу, что «советский душок из Николая не выветрился». «Ворон» в долгу не остался. В агентурном отчёте о встрече с младшим Солоневичем он был категоричен в его оценке: «Юра производит на меня очень нехорошее впечатление, слишком похож на „хулигана-болтуна“»...

По болгарским законам лицензии на новые печатные органы выдавало Министерство внутренних дел. Фосс и Браунер обещали Солоневичу ускорить процедуру получения разрешения и нажать для этого на все «кнопки влияния». Стараться стоило: РОВС без больших усилий мог обзавестись ещё одной газетой для ведения антибольшевистской работы. Однако ведущие сотрудники «внутренней линии» в Софии переоценили свои силы: отказ следовал за отказом. Болгарские власти считали, что в стране и без того «переизбыток» русских эмигрантских изданий.

Поэтому Фосс предложил Солоневичу два варианта выхода из ситуации: выпускать его газету «приложением» к органу НТСНП «Голос труда» или использовать «Галлиполийский вестник», на что имелось согласие его издателя — генерала Зинкевича. Иван отказался и от того и от другого. Он хотел полной самостоятельности, собственной — полностью независимой — газеты. Делать её он собирался в основном «семейными силами», повторяя опыт отца с «Северо-Западной жизнью».

Ещё до прояснения вопроса со своей газетой Солоневич знал, где будет её печатать. Помог ему в этом деле давний знакомый Борис Калинин. Иван познакомился и сдружился с ним в Петербургском

университете на рубеже 1912–1913 годов. В 1919 году Солоневичи вместе с семьёй Калининников перебрались в Киев. И вот — новая встреча — в Болгарии!

Именно к Калининкову направил свои стопы Иван. Старый друг, в общем-то, неплохо устроился. Он владел книжарницей — книжно-писчебумажным магазином «Зарница» на углу улиц Раковского и Гурко, куда эмигранты забегали поговорить, посплетничать, обменяться новостями, из-за чего «Зарницу» называли в быту «центробрёхом». Отчасти и сам хозяин книжарницы способствовал этому: его иронические реплики и меткие характеристики отдельных персонажей из эмиграции передавались из уст в уста.

Калинников уже слышал о приезде друга в Софию. После объятий и радостных восклицаний первое, о чём спросил его Иван, — о типографии: не мог бы Борис рекомендовать какую-либо из них, подходящую по местонахождению и тарифам, чтобы печатать газету на русском языке. Калининков словно ожидал этого вопроса. Он подошёл к телефону, набрал номер и произнёс вполголоса несколько слов. Вскоре, как по мановению волшебной палочки, на пороге «Зарницы» появился Всеволод Константинович Левашов^[96], работавший метранпажем в типографии «Древне Болгария». Выяснилось, что он налаживал самостоятельное дело, взяв в аренду дышавшую на ладан типографию «Рахвира», которая располагалась на улице Цеслау (Веселец), 8. Что ж, повезло! Первого клиента искать не пришлось, пришёл сам...

Левашов понравился Солоневичу: в нём чувствовались серьёзность, ответственность, внутренняя основательность. Биография его по тем временам была стандартной: белый офицер, участник Гражданской войны. В Ленинграде во время «чисток» после убийства Кирова были репрессированы его родные. Куда-то в Сибирь были высланы мать и брат. Судьба их была покрыта мраком. Для Левашова эта неизвестность была источником глубоких душевных мук и страданий!

В начале знакомства Солоневич не мог предвидеть, что эта встреча свяжет его с Левашовым на всю жизнь. По натуре эти двое были диаметрально разными людьми. Но, как говорится, противоположности сходятся. Как писала впоследствии Т. Дубровская (жена Левашова), «благодаря высоким умственным качествам обоих различие их характеров отходило на десятый план. Их объединяла горячая любовь к родине и одинаково жертвенное служение ей»^[97]. Левашов стал надёжным помощником Солоневича. Вспоминая о постановке газеты в Софии, Иван

писал: «Только один человек, Всеволод Константинович Левашов, был совершенно уверен в успехе — гораздо больше, чем был уверен я сам. Он организовал типографскую часть, добыл кое-какие кредиты на бумагу, устроил дело с разрешением и вообще связал свою судьбу с судьбой нашего общего дела... без него газета не смогла бы начаться и не смогла бы существовать».

С лёгкой руки Левашова Ивану удалось получить в полное распоряжение газету Русского общетрудового союза в Болгарии — «Голос труда», которая издавалась с 1932 года и влачила жалкое существование, принося хозяину — поручику Николаю Ивановичу Плавинскому — одни убытки.

Несмотря на сотрудничество РОВСа с «новопоколенцами», определённая ревность друг к другу у них сохранялась, поэтому они так соперничали за влияние на Солоневичей. Энергичные руководители Союза нового поколения представляли молодую поросль эмиграции, были преисполнены новых идей, энтузиазма, уверенности в конечном успехе своей исторической миссии в России. Не напрасно в РОВСе опасались, что радикализм НТСНП будет симпатичен Солоневичам. Так получилось, что в Болгарии именно «новопоколенцы» дали средства на первое издание книги «Россия в концлагере». Солоневичи приехали в Софию без копейки, и потому пришлось согласиться на выход книги под «эгидой» НТСНП, что наполовину урезало предполагаемый доход от неё. Первый тираж в две тысячи экземпляров разошёлся быстро, был выпущен второй — таким же тиражом. Третье издание — три тысячи экземпляров — печаталось на средства автора.

От нескончаемых хлопот по подготовке первого номера газеты Солоневичам приходилось отрываться на лекционную деятельность. Так, 23 мая в помещении Софийского сводного университета состоялось закрытое выступление братьев на тему о советском быте. В зале присутствовали не менее пятисот человек. Среди них — бывший премьер-министр генерал Златев, начальник болгарской разведки подполковник Маринов, видный деятель болгарской националистической организации «Родна защита» Русевич-Бориков. Спонсором мероприятия был «Союз русских писателей».

Борис выступил с лекцией о подпольной работе скаутов в Советском Союзе. Первыми его слушателями в Софии стали ученики Русской гимназии. Фосс был недоволен этой импровизацией Бориса, считая, что тот

должен был сосредоточиться на работе с подконтрольной РОВСу Национальной организацией русских разведчиков.

Следуя совету генерала Абрамова, братья искали выходы на дворцовые и правительственные круги Болгарии, обращались к военному министру, пытались организовать через него издание своих книг. В софийском отделе РОВСа эта активность Солоневичей казалась чрезмерной, с претензиями «не по рангу», и по этой причине — подозрительной. Солоневичи так спешили решить главное для них дело — поставить свою газету! — что пренебрегали всякой конспирацией. Это настораживало Фосса: они так уверены в своей безопасности, что создаётся впечатление о наличии у них в Совдепии каких-то гарантий. Эпитет «подозрительные» всё чаще «прилагался» к братьям, хотя объективных причин для этого не было. Разве не сам генерал Абрамов советовал им «завоёвывать доверие болгарских властей»?

Первый номер газеты Иван Солоневич готовил особенно тщательно. Обсуждал его содержание с людьми, которым доверял, понимая, что если «первый блин выйдет комом», то авторитет издания будет подорван с самого начала. В. М. Левитский, назначенный Иваном представителем во Франции, прислал свои рекомендации^[98]. По его мнению, первый номер «должен быть исключительно интересным и тщательно подобранным. Самое трудное: сделать его популярным и живым, ведь публика в массе своей весьма примитивна».

Для того чтобы ввести Ивана в курс текущих эмигрантских дискуссий, Левитский направил ему свою свеженаписанную статью о поражёчестве, отметив, что «сейчас — это самый модный вопрос в Париже». Обстановку в эмигрантской среде он описал как крайне сложную, во многом из-за активности Советов:

«Здесь страшный напор Москвы. Основная линия нападения — ... вообще германофильство и фашизм всех белых, их якобы очевидная готовность бороться вместе с немцами против СССР, союзника Франции и т. д. Будьте особенно осторожны со всеми вопросами международной политики. Но, конечно, сохраняйте резкость и твёрдость в защите интересов национальной эмиграции и целей антикоммунистической борьбы».

По просьбе Солоневича Левитский прислал тезисы к программной редакционной статье первого номера:

«Среди эмиграции усиливаются настроения близкие к злобному отчаянию. Но к таким настроениям основания нет: современная

международная обстановка меняется с поразительной быстротой. Национальная эмиграция должна быть готова к принятию быстрых и ответственных решений.

Эмиграция не знает подлинной антикоммунистической России, она часто судит о родине сквозь „сталинские очки“, ловко подсунутые ей агентами красных. „Голос России“ зовёт всех людей за рубежом помочь ей говорить правду, всю правду и только правду о положении нашей Родной Земли. Страшная русская правда — это могучее средство против мелких разногласий и яд для соглашателей, для подлипал.

Каждый враг коммунизма может быть нашим союзником, но никогда пути национальной эмиграции не смогут слиться с воровскими тропами 3-го Интернационала. Объявление Сталина защитником русской земли — позор и самопредательство. Вчерашние дезертиры и пораженцы учат сейчас „патриотизму“. Россия, „кто смеет учить меня любви к ней“ (Бунин).

Русские люди: читайте газету „Голос России“, помогайте ей, пишите. У нас нет средств на рекламу, нет покровителей, нет „финансовых баз“. „Голос России“ будет существовать, если вы поможете словом и делом. Правда о России нужна эмиграции как воздух, как хлеб. „Голос России“ независим от всяких групп, явных и тайных».

Первый номер еженедельной общественно-национальной газеты «Голос России» вышел в свет 18 июня 1936 года. Объявление от редакции гласило:

«С этого номера газета „Голос труда“ переименовывается в „Голос России“. Редакцией приглашён в качестве ближайшего руководящего сотрудника Иван Лукьянович Солоневич, который принял на себя редактирование целого ряда отделов газеты. В газете будут принимать участие: Б. Л. Солоневич, В. В. Шульгин, В. А. Ларионов, В. М. Левитский, А. И. Ксюнин, С. Л. Войцеховский и др. Издательство газеты взял на себя И. Л. Солоневич».

Так началась двухлетняя эпопея «Голоса России»...

Прежний хозяин газеты Плавинский продолжал подписывать её как редактор, фактически исполняя обязанности корректора, за что получал две тысячи левов. Эта зарплата его вполне устраивала. Нужно отметить, что Плавинский был негласным помощником Фосса по информационной части. «Внутренняя линия» РОВСа поручила Плавинскому вести наблюдение за газетно-издательской деятельностью Солоневичей, её соответствия интересам союза. Впрочем, собирать компромат на братьев он не спешил,

хотя заверял Фосса, что закроет газету, если заметит в поведении братьев что-либостораживающее. О тайных взаимоотношениях Фосса и Плавинского Солоневич не догадывался, но «редактора-корректора» единомышленником не считал и потому держал от себя на дистанции.

Наибольшей симпатией Ивана в «Голосе России» пользовался курьер Анатолий Максимов. Юный Толян неумоимо и ответственно выполнял поручения Ивана. Солоневич, вспоминая своё собственное «редакционное детство», щедро оплачивал его труд, не забывая дополнительно вручать два-три лева на покупку конфет. Толяна издатель «Голоса России» именовал то «самым непосредственным сотрудником», то «начальником путей сообщения».

В редакционной статье «Происхождение и цель „Голоса России“» Иван Солоневич использовал тезисы Левитского, существенно развив и переработав их, в том числе о «финансовых базах» и читательской поддержке. «Сейчас по эмигрантскому миру ходит весьма большое количество весьма тёмных денег, — писал он, — и рейхсмарок, и совзнаков, и иен, и франков, и чего хотите. Поэтому — первое и самое важное, что читатель должен знать о газете, это: а на какие деньги она существует. Многие из ныне здравствующих изданий прекратили бы бытие своё, если бы читатели этим вопросом заинтересовались всерьёз».

Солоневич прямо заявил, что никогда и ни при каких условиях не будет опираться на материальную поддержку «со стороны», брать деньги от каких-либо, «организаций», подчиняясь их партийному заказу или программным установкам. Иван счёл своим долгом сообщить об источнике финансирования первых номеров «Голоса России»:

«Деньги на газету — исключительно наши личные деньги, преимущественно от гонораров иностранной печати, от чешского издания моей книги и от шведского издания книги брата, от лекций и, наконец, от гонораров брата, полученных им на поприще профессиональной борьбы... Денег этих немного»...

«Газета будет жить, если она нужна *читателю*, и не будет жить, если *читателю* она окажется ненужной» — такова позиция Ивана. И это даёт ему основание обратиться к потенциальным читателям «Голоса России» с просьбой о помощи и материальной поддержке, — для него это прежде всего проведение массовой подписки на «Голос России». Солоневич без обиняков говорит, что «и для газеты, и для читателя выгоднее подписка на возможно более долгий срок: скажем, на 10 номеров. Выход пяти номеров мы гарантируем. Но остальных пяти читатель рискует не получить. Тогда пять его франков пропадут. Переведём эти пять франков на честную

мужскую валюту по парижскому курсу: это стоимость трёх рюмок водки. Не такой уж великий риск. Ежели у читателей хватит духу отказаться ещё и от четвёртой или пятой и прислать несколько лишних франков, думаю, что они помогут неплохому русскому делу».

В программной статье Солоневич писал:

«В эмиграции есть масса людей, которым до смерти надоело партийное сквернословие, но которые любят Россию живой любовью, не ставят никакой партии выше родины и никаких вождей в гении не зачисляют. К ним-то и будет обращаться газета. Она не собирается организовывать никаких новых партий. Её издатели не собираются лезть ни в какие вожди. Единственная цель газеты — это хоть как-нибудь сгладить ненужные и часто бессмысленные раздоры в национальном лагере эмиграции. Именно в национальном. Те люди и те течения, которые активно делали революцию и которые до сего времени не нашли вне себя повода, а внутри себя мужества в этом честно раскаяться, — нам не по пути и разговаривать с ними не о чем».

Что имел в виду Солоневич под тезисом о «национальном лагере»? «Чистокровных» русских? Отнюдь нет. По его мнению, «еврей доктор Пасманик, который сразу пошёл к Добровольческой армии, является единомышленником. П. Н. Милюков, человек безукоризненно русский, в патриотизме которого сомневаться было бы просто нелепостью, — не „национальный лагерь“. И не потому, что в своё время он бросил свою знаменитую фразу „глупость или измена“, а только потому, что он ни в этой глупости, ни в этой (конечно, невольной) измене не нашёл времени покаяться».

Выход новой русской газеты в Софии, как считал Солоневич, обеспечил ей заметное преимущество перед другими изданиями Русского Зарубежья: «Здесь, оценивая международные перспективы России и международные опасности, грозящие нашей стране, мы можем допустить роскошь полной независимости. Рижская „Сегодня“ принуждена восхвалять Ульманиса, варшавский „Меч“ — наследников Пилсудского, берлинское „Новое слово“ — Гитлера... На чьём возу едешь, тому и песенку пой. Мы же стараемся петь только русскую песенку и только для России».

Независимый, подчеркнуто авторитарный характер первых номеров газеты пришёлся по нраву рядовым читателям, хотя «эмигрантские вожди» восприняли появление «Голоса России» с заметным недоверием. Солоневич явно не собирался делать «ручную, почтительную и елейную» газету. Наличие «Трибуны читателя» — прямого канала связи читающей

публики с газетой — придало ей ещё больше популярности. Конечно, появилась и критика новой газеты. Солоневич, с его борцовско-боксёрским опытом, умел «держать удар» враждебной критики, «играющей не по правилам и бьющей ниже пояса». Он писал: «Мы достаточно сильны нашей правдой, чтобы смотреть в глаза всякой критике». Он страстно полемизировал со своими оппонентами, не задумываясь «предавал гласности» самые недружественные письма, в том числе с грубыми личными нападками. Из подобных поединков Солоневич выходил с честью, полемического мастерства ему было не занимать.

Чтобы привлечь подписчиков, Иван использовал различные методы, в том числе бесплатное распространение: «Если Вы ещё не читали „Голоса России“ — выпишите открыткой пробный номер. Это Вам ничего не будет стоить и ни к чему не обязывает. Чрезвычайно маловероятно, чтобы после первого номера Вы от этой газеты отказались. Ещё одно замечание: „Голос России“ — газета правая и, безусловно, „контрреволюционная“. Людям, обладающим революционными симпатиями, выписывать её не стоит».

В рекламных вкладышах Солоневич настойчиво просвещал эмигрантов о направленности и задачах своего издания: «„Голос России“ — газета несколько необычного для эмиграции типа. Она говорит *только о России* и больше решительно ни о чём. Она исходит из того предположения, что сотням тысяч, а может быть, и миллионам рассеянных по белу свету русских „штабс-капитанов“^[99] придётся дернуться на свою родину и снова взвалить на свои плечи очень тяжёлую роль культурного отбора русского народа. Поэтому нашим „штабс-капитанам и штабс-капитаншам“ необходимо с возможной точностью знать всё то, что произошло и происходит за кровавым советским рубежом. „Голос России“ стоит на точке зрения абсолютной непримиримости к большевизму. Он не связан ни с какой из существующих в зарубежье организаций и партий. Это даёт возможность говорить правду так, как понимаем её мы, так недавно ещё бывшими подсоветскими».

Иван обещал Фоссу, что будет советоваться с РОВСом в отношении содержания и курса газеты, и обещания не выполнил. Солоневичи делали всю работу по газете «в своём кругу», не позволяя каких-либо подсказок и рекомендаций со стороны о том, как вести газету, какие темы поднимать и какие игнорировать. Первое время газета ориентировалась на эмигрантского читателя вообще, затем постепенно нацелилась на «штабс-капитанов», «рядовую эмигрантскую массу».

Главного адресата среди потенциальных читателей газеты впервые, по

утверждению Ивана Солоневича, назвал Юрий. Во время очередной семейной дискуссии он, в пылу полемики, заявил, что есть «масса людей, сидящих по углам», людей, которым до смерти надоела постоянная межпартийная перебранка, претензии политических лидеров на титул вождя и прочие эмигрантские конфликты и «бури в стакане воды». К ним-то, к этим людям, на которых активные политики перестали обращать внимание, и нужно обращаться.

Ориентация «Голоса России» именно на эту аудиторию нравилась далеко не всем. На заре существования газеты эмигрантский авторитет профессор П. Б. Струве пришёл к мнению, что Солоневичи слишком заняты саморекламой среди рядовой массы Русского Зарубежья, «много врут», «выпячивают себя», и потому «ответственная» эмиграция может больше не заниматься братьями. Они сами сумеют выжить в любых обстоятельствах.

За первые месяцы существования авторитет газеты укрепился, вырос и тираж её — с двух до десяти тысяч экземпляров. Иван Солоневич ревниво оберегал «суверенность и независимость» своего детища. Так, на предложение К. В. Родзаевского^[100], вождя Всероссийской фашистской партии (ВФП), действовавшей в основном в эмигрантских кругах в Маньчжурии о создании «единого фронта» русских газет за рубежом, Иван ответил мягким, но однозначным отказом: «Мы среди эмигрантской печати занимаем несколько особое положение: мы не связаны ни с какой организацией, и газета по существу носит характер „дневника писателя“»^[101]. Здесь любопытна «жанровая» характеристика «Голоса России». В какой-то мере это отсылка к «дневнику писателя», который регулярно вёл в газете-журнале «Гражданин» Ф. М. Достоевский, отзываясь на острые проблемы современной ему жизни.

Отрицательный ответ Родзаевскому Солоневич дал и по другой причине. Из публикаций в эмигрантской печати он уже знал, чем завершились усилия Родзаевского по объединению русских фашистских организаций за рубежом. Он выдвинул эту идею в конце 1933 года и был поддержан А. А. Вонсяцким, русским эмигрантом «с американским паспортом», который возглавлял Всероссийскую фашистскую организацию в США. Они встретились в конце февраля — начале марта 1934 года в Японии и пришли к соглашению о создании объединённой фашистской партии со штаб-квартирой в Харбине. Были распределены руководящие посты: Вонсяцкий — председатель, Родзаевский — генеральный секретарь

ЦИКа партии.

В апреле на очередном съезде было торжественно объявлено о создании Всероссийской фашистской партии. Однако идиллия «совместной борьбы» продолжалась только до конца года. Камнем преткновения стало «чрезмерное юдофобство» Родзаевского и его соратников. Для Вонсяцкого акцентирование этого вопроса в условиях Соединённых Штатов не сулило ничего хорошего: проблем с властями и конфликтов с влиятельной еврейской колонией он не хотел. Родзаевский, игнорируя точку зрения Вонсяцкого, продолжал давить на него, требуя боевитости в реализации программы ВФП. В итоге Вонсяцкий пришёл к мнению, что Родзаевский сознательно раздувает еврейский вопрос, чтобы поставить его в невыгодное положение и тем самым укрепить своё лидерство в партии. В декабре 1934 года отношения между ними были полностью и окончательно прерваны.

Чтобы избежать неприятностей подобного рода, Солоневич решил воздержаться от сближения с Родзаевским. Идея создания единого фронта эмигрантских газет была явной химерой.

Иван твёрдо выдерживал курс на сохранение «семейно-авторского контроля» над «Голосом России». Газета всё больше оправдывала себя в финансовом плане. Строгий режим экономии ушёл в прошлое, сотрудники, — от Левашова до Толяна, «начальника путей сообщения», — без задержек получали зарплату и премии к праздникам.

Долгожданным и радостным событием для Ивана стал приезд в Софию Тамочки в начале лета 1936 года. Она приехала в гости, опять только в гости, но, поддавшись на его уговоры, всё-таки решила остаться. Отправила в «Крафт дурх Фрейде» письмо об уходе с работы и ещё одно письмо на свой прежний берлинский адрес, содержание которого осталось для Ивана неизвестным.

Прошрое, с молчаливого обоюдного согласия, было оставлено «за скобками». Вся «весёлая семейка» снова была вместе, так, как мечталось в Москве четыре года назад. Тема «берлинского мужа» возникла только один раз, когда в мае 1937 года Тамара съездила в Берлин, чтобы оформить развод с Прцевоцни.

Вскоре Тамара стала полноправным членом редакции. Для начала Иван поручил ей ведение финансовых дел, которые отнимали у него много времени. Соблюдение бухгалтерской дисциплины было не самой сильной стороной представителей газеты. Тамара сумела навести порядок, и денег в кассе прибавилось. У неё пробудился интерес к литературной работе. В

редакции творили все. Иван не отходил от стола. Много писал Борис, — импульсивно, жёстко, без оглядки на авторитеты. Не отставал от «ведущих сотрудников» Юрий: его «Повесть о 22-х несчастьях» с жадным любопытством читала эмигрантская молодёжь: как-никак — свидетельство из первых рук о жизни сверстников в далёкой Совдепии. Тамара взялась за мемуары из советского прошлого. Она так увлеклась, что, начав с нуля (без записных книжек и архивов), завершила за несколько недель «Записки советской переводчицы».

Разумеется, газета не могла существовать без авторов «со стороны». Наиболее авторитетным пером «Голоса России» был монархист В. В. Шульгин. Иван напечатал серию его статей, в том числе «Государство рабочих и крестьян», «Помещики и капиталисты», «Советы трудящихся (ст. 3-я Сталинской конституции)». Шульгин обещал материалы на другие не менее актуальные темы — о еврействе, гитлеризме, младороссах... В письмах к нему Солоневич сетовал на недоброжелательное отношение части эмигрантов. Шульгин поделился собственным опытом:

«Многие [из них] неспособны к сантиментам, зато любят лягать по криво понятому лозунгу Ницше — „падающего подтолкни“. Среди нас — русских — всегда было невероятно много злости одного к другому. Памятуя это, я сам стараюсь не обращать никакого внимания на всю эту кампанию, которая ведётся, — стоит мне только пошевелиться. Будут рвать и Вас, и тем более что полупомешанный от злости элемент очень легко подчиняется [бессознательно] внушениям тех, кому Вы объявили войну»^[102].

К корреспондентам газеты Иван относил Бориса Суворина. В одном из писем (сентябрь 1936 года) Солоневич отметил, что «Суворин уже появился на страницах „Голоса России“... Живёт в Париже и сильно бедствует, единственный, так сказать, платный сотрудник: надо помочь старику».

Свои услуги предлагали Солоневичу бедствующие журналисты-эмигранты. Иосиф Иосифович Колышко был до революции скандально известным фельетонистом. Он писал под псевдонимом «Баян» в либеральной газете «Русское слово». Писал и в другие газеты, под другими псевдонимами, и нередко «полемизировал» сам с собой, используя различные «маски». Находясь в апогее славы, он соперничал с королем фельетона Дорошевичем, получая максимальные по тем временам гонорары.

Славился «Баян» любовными похождениями, причём одно из них

могло завершиться смертным приговором. В годы Первой мировой войны Колышко влюбился в немку, для встреч с которой тайно ездил в Стокгольм, давая себе отчёт, что подобная связь в военную пору чревата обвинением в шпионаже. Немка действительно была креатурой ведомства Вильгельма Николаи, главы германской разведки. Популярный журналист заинтересовал немцев неспроста. Они хотели привлечь Колышко для организации издания газеты, которая должна была проводить в России идею сепаратного мира.

Колышко, авантюрист по натуре, решил заработать на немцах, но проявил неосторожность и попал в поле зрения русской агентуры в Швеции. От расстрела его спасла Октябрьская революция. У новой власти претензий к Колышко не было, и он оказался на свободе. С большевиками фельетонист, однако, не «сработался». Он уехал в эмиграцию, сумев вывезти солидный капитал, с которым можно было начать новую жизнь. Но деньги были растрачены на несерьёзные коммерческие афёры, и в итоге Колышко оказался у разбитого корыта, на содержании женщины, последней поклонницы его таланта^[103].

За несколько недель до смерти Колышко направил Ивану Солоневичу письмо с предложением услуг^[104]. Этот документ целесообразно привести целиком, потому что он отражает первую реакцию Русского Зарубежья на начало публицистической деятельности Ивана и Бориса Солоневичей, даёт профессиональную оценку содержанию «Голоса России»:

«Глубокоуважаемые господа Солоневичи, жил я с Вами в концлагерях, живу с Вами и сейчас в Вашем подвиге не менее тяжком, чем бегство. И вместе с Вами перенёс тяжёлую обиду губителя нашей Родины, подлеца из подлецов, политического Смердякова и литературного хама — Милюкова (меня он оклеветал и омерзил раньше, чем Вас, ибо я раскрыл его суть и с ним боролся ещё в Царской России, обок с Дорошевичем).

Ваш корреспондент — один из старейших публицистов и драматургов, ближайший сотрудник „Русского слова“ (Баян), „Нового времени“, „Петербургских ведомостей“, „Белорусских ведомостей“, „Гражданина“ — под другими псевдонимами, автор пьесы „Большой человек“, ближайший сотрудник Витте по его реформе 17-го октября и пр. и пр., как пишут про знатных особ. Сейчас эта „особа“ старая рухлядь, облаянная, больная, нищая, доживающая свои дни на Лазуревом берегу — подлеишем из уголков подлой, хотя и прекрасной Франции.

Плоть моя гаснет, но дух ещё жив и, уверяют, не притупилось ещё перо (не мне судить). Я много пишу (для корзины), ибо — не могу молчать. Мой шкаф полон статей и мемуаров, о которых многие отзываются ласково (например, Бунин), но которые, очевидно, никому сейчас не нужны (впрочем, их охотно печатают в Америке и Азии, само собой разумеется, не платя). Моя главная (и единственная почти) тема — большевики. И если Вы исчерпали их плоть, то я думаю, что исчерпал их дух. И они меня знают, убили двух моих сыновей. Если бы случилось чудо и мне Бог послал бы средства для издания всего того, что написано о большевиках за эти 15 лет, думаю, более сильного обличения, ИДЕЙНОГО, их дел — не было бы.

Но чудес уже нет, чудо уже то, что Вы и я живы, копошимся. Что-то изрекаем вне достижения Сталиных и Милюковых. Кто-то прислал мне Вашу газету, и я с радостью её прочёл. Очевидно, это не газета, как я понимаю газету (после 40 лет газетного сотрудничества), а вопль души, крик сердца. Здоровая затрещина Сталиным и Милюковым — затрещина достаточной физической силы и моральной чистоты господ Солоневичей. В России [были] „господа Головлевы“, но были и господа Солоневичи. Это был мой тип, и крупницы его я находил во Владе Дорошевиче, что меня с ним и связало. Будучи сам хворым, я всегда любил здоровых. В Ваших очерках меня больше всего привлекала Ваша здравость [антиневрастения], ибо сам я — неврастеник...

Прочтя Вашу газету, я порылся в шкафу и нашёл одну из бесчисленных статей на Вашу тему и шлю её Вам. Делайте с ней, что хотите. Я лишь как Добчинский норовлю запечатлеть, что первым изрёк „А“ не Вы, господа Солоневичи, а хворый, старый, облаянный Рославлев — Баян — Серенький и проч.

Вот и всё. Бывайте здоровы и жарьте. Как все бывшие люди, я люблю мечтать и вспоминать. Вспоминаю о гонорарах у Суворина и Сытина (до 4-х тысяч золотых рублей в месяц), о пышном особняке в Питере, о вечерах у Витте и прочем. А мечтаю я, что господа Солоневичи печатают свою газету не в переулке Софии, а на большаке Ниццы, что к физической силе Солоневичей приложит остатки своей литературной силы Рославлев — Баян, а какая-то фея посыплет на них хоть и подлыми, но полноценными франками, и весть о делах и словах Солоневичей и Колышко пройдёт по всей иудо-масонской Европе

и Америке, и не зарастёт к ним народная тропа.

На сих мечтаниях позвольте пожать 3 пары здоровых и честных рук и остаться Вашим читателем.

Иосиф Иосифович Кольшико».

Несмотря на косые взгляды завистников («не успел приехать, а уже гребёт деньги!»), анонимные телефонные звонки и подмётные письма с угрозами (работа чекистов?), Иван Солоневич выдерживал политическую линию газеты, заявленную в редакционной статье первого номера. Поток писем, которые приходили из самых далёких мест русского рассеяния, вдохновляли его, подтверждали, что ориентация на рядового читателя, а не «командиров» и «осколки прошлого», себя оправдывает.

В период становления газеты Солоневич довольно часто сам отвечал на письма читателей, предлагая «наиболее толковым» из них стать распространителями «Голоса России». В Китае эту работу взялся выполнять Александр Валерианович Зайцев. Солоневич писал ему:

«И радостно, и лестно знать, что работаешь не впустую и что на всех пяти шестых земной суши раскидано так много хороших настоящих русских людей, которые, думаю, себя ещё покажут. Думаю также, что время для этого „показа“ приближается: кремлёвская сволочь собирается, кажется, окончательно перегрызть глотки друг другу. Что же касается эмиграции, то, что я писал, относилось, собственно, не к русским людям вообще, а к их партийному „возглавлению“. Средняя же эмиграция, по моему, никакого равнодушия к России не проявляет. Наоборот, те тысячи подписчиков, которых мы уже имеем, и те десятки писем, которые получают каждый день, — показывают, что порох в пороховницах ещё есть... Мы же изворачиваемся, как можем, и как будто неплохо изворачиваемся»^[105].

Через газету на Ивана Солоневича вышли некоторые друзья детства и юности. Больше всего он был рад весточке от Д. М. Михайлова, который помогал Зайцеву распространять «Голос России» в Тяньцзине. Солоневич незамедлительно ответил ему:

«Моё [первое] письмо, по-видимому, до тебя не дошло. Я там очень сильно ругался за то, что у тебя хватило духу ещё напоминать о себе: помню ли я, дескать, такого-то Михайлова? Не только я помню, но даже и Юра решительно всё о тебе знает, и когда мы получили твоё письмо, то Юра сплясал индийский танец от радости. Я был совершенно уверен, что ты совсем

пропал-погиб на войне. Все мы сейчас в Софии — я, Борис, Юра и жена. Вадя погиб в армии Врангеля. Отец остался в России, и о нём я давно не имею решительно никаких сведений. Мы все каторжно работаем над газетой, но спорта не забрасываем. Как-нибудь снимемся, и я пошлю тебе наши спортивные фотографии. Борис выступает на поприще профессиональной борьбы, вес у него 92 кг, и тренирован он зверски. Я сильно поддался, но пудов пять с половиной, а то и все шесть ещё толкну. Юра тоже крепкий парень, спец по плаванию и лыжам. Так что все мы находимся в бодром виде, спортивный дух из нас не выветрился...

Теперь насчёт „Голоса России“. Я знаю, что ты никогда не был газетным представителем, но моя газета базируется на просто русских людях, а не жидовских агентствах, которые и сейчас пытаются её задушить. Не задушат! А самое „представительство“ очень простое: нужно ознакомить с газетой возможно больше русской публики, собрать с них подписную плату из расчёта 1 франк за номер (через банк или вложить в заказное письмо) — за 10–20 номеров вперёд и эти деньги высылать мне. Вот и всё. Хорошо бы поместить объявление о газете в тех местах, где околачиваются русские эмигранты. Я думаю, что в Тянь-Тзине можно набрать сотню подписчиков. Мы регулярно шлём на твой адрес 20 экземпляров, послали уже 11 номеров. Постарайся собрать и за эти номера, у нас с деньгами пока ещё туго.

Борис ездит по Болгарии с борьбой и выколачивает монету для газеты. Кажется, есть перспективы, что ему удастся перебраться во Францию. Все мы здесь записались в русский „Сокол“, но пока ещё не работаем там, т. к. на лето он прекращает работу. Книгу („Россия в концлагере“. — К. С.) я тебе тоже вышлю в 2-х экземплярах. Ты её продай, когда прочтёшь. Но с ней получилось кисло: выпустил слишком мало и теперь не хватает. Все мы коллективно целуем тебя и жмём лапу. Напиши, как устроилось у тебя со службой, — хотя наш брат спортсмен не пропадёт.

Твой Ваня Солоневич».

Переписка с читателями газеты помогала Солоневичу лучше ориентироваться в настроениях русских эмигрантов, оценивать степень влияния «Голоса России» на Русское Зарубежье, выявлять те проблемные

вопросы, которые чаще всего обсуждались в эмигрантской среде.

На первом этапе издания «Голоса России» Иван Солоневич добился того, чего хотел: и в главных центрах, и в «глухих углах» Русского Зарубежья с жадностью прочитали, обсудили и по достоинству оценили их «коллективный семейный рапорт» о том, что на самом деле происходит в Советской России. Рапорту и аналитическим обзорам советской жизни поверили, что способствовало росту уважения к «коллективному» имени Солоневичей. По словам Бориса, «русские люди увидели и, так сказать, проверили „чувство локтя“ с теми, кто вырвался „с того света“, и этот личный контакт закрепил, казалось, навсегда сердечную и политическую связь эмиграции с Солоневичами».

В конце июля 1936 года Иван обратился к начальнику Отдела пропаганды РНСД^[106] барону Александру Меллер-Закомельскому (Мельскому)^[107] с идеей сотрудничества в распространении газеты «Голос России» и изданий РНСД. Но самым главным в письме было предложение о создании антибольшевистской коалиции.

Имя Мельского было «на слуху» в эмиграции, книги его, посвящённые главным образом «еврейскому вопросу», имели широкое хождение. Особо популярными были его труды «Евангелист, ненависти. Жизнь Карла Маркса» и «Политическая критика марксизма». Пользовались успехом лекции Мельского: «Православие и политика», «Масонство в свете испанских событий», «Эмиграция в Германии и Европе в борьбе с тёмными силами».

Перу Мельского принадлежали многие ключевые тезисы идеологии русских национал-социалистов. Он писал, в частности:

«Мы одинаково отрицаем как основанный на борьбе классов марксо-коммунизм, так и построенный на эксплуататорских началах хищнический капитализм. Для нас Маркс и Ротшильд являются полюсами одного и того же бездушного миромышления, вышедшего из недр извечно поклоняющегося идолу материальной потребности иудейского духа... Как национал-социалисты, мы мыслим духовное и государственно-политическое возрождение России лишь на почве симфонического сотрудничества всех классов и слоёв народа на подлинных основах вечной христианской правды... Мы проникнуты убеждением, что культурно-государственное возрождение России возможно лишь как результат тесного и дружного сотрудничества отдельных этнических элементов, входящих в состав Российского государства, свободного самораскрытия отдельных

народных культур, объединённых в рамках единого государства по принципу соборности. Исключение представляют собою евреи... Еврейство, являющееся издревле ферментом национального разложения в странах, его приютивших, сыграло и в разложении русской государственности передовую и зловредную роль»^[108].

В ответном послании Солоневичу барон дал согласие на распространение «Голоса России» по всем отделам его партии, не преминув подчеркнуть, что газета, издаваемая в Софии, «ему весьма нравится». Мельский знал о том, что в эмигрантских кругах распространялись сплетни о «подозрительном поведении» Солоневичей, их возможной работе на НКВД. Однако содержание «Голоса России» было, по его словам, «слишком искренним, слишком честным, слишком разоблачительным для Советов, чтобы быть чекистской игрой».

Мельский объяснил Солоневичу, что РНСД ни в коем случае не следует считать «русским филиалом» немецкой национал-социалистической партии: «Это большая ошибка, так как немцы ни в какие дела организации не вмешиваются и ни копейкой денег не помогают. Положительное отношение РНСД к Гитлеру объясняется только тем, что этот политик активно борется с большевизмом». Барон дал согласие на установление «плодотворного сотрудничества» с Солоневичем. Вместе с тем он выразил сомнение в осуществимости проекта «антибольшевистской коалиции», который предложил издатель «Голоса России»: «Время для таких коалиций не наступило».

Идея Ивана о создании реально действующей организации в 10–20 тысяч человек, которая в переломный момент российской истории знала бы, что надлежит делать, вернувшись в Россию, живо обсуждалась в эмиграции. Постоянный читатель газеты «Голос России» К. Кочетков, бывший капитан корниловского арtdивизиона, написал Солоневичу:

«Для того чтобы знать, нужно что-то желать. Ведь нельзя же на одном негативном признаке „долой коммунистов!“ что-либо сделать. Мы — беспечные „штабс-капитаны“ — о коих вы так хорошо пишете, убеждены, что Добровольческая армия была разбита именно потому, что не знала, чего именно мы хотели. Вот почему я совершенно убеждён, что рано или поздно и вам придётся сказать: ради чего вы зовёте нас? Я вам искренне желаю успеха и потому усиленно предостерегаю от связи с „зубрами“. Господа Суворин, Шульгин и прочие — очень порядочные и прекрасные люди, но для нас — масс эмиграции — это отыгранные пешки истории, которых она выбросила за борт. Для нас они стали одиозны, как и Милюков. Недаром и

здесь в эмиграции разваливались их предприятия, как погибла их Старая Россия».

Капитан Кочетков сообщил о зреющих конфликтах в среде русской эмиграции в Париже. Там состоялось собрание Национального союза комбатантов (НСК), организованное генералом Туркулом^[109]. На этом собрании Туркул заявил, что с гибелью Кутепова ушёл последний национальный вождь и что комбатантам, пора самим братья за освобождение России. Миллеру не понравилась идея, и он предложил Туркулу распустить НСК или оставить ряды РОВСа. Генерал предпочёл второе. Капитан Кочетков (туркуловец) спросил по этому поводу Солоневича: «А вы с кем? Неужели с генералом Миллером, допустившим полный развал РОВСа из-за своего неумелого и беспомощного возглавления?»^[110]

Письмо Кочеткова было одним из многих, побуждавших Ивана задумываться о корректировке курса «Голоса России» в изменяющихся международных условиях. Нельзя было игнорировать и процессы размежевания в эмигрантской среде. Первый этап газеты можно считать исчерпанным: их, Солоневичей, рапорт для эмиграции о «подсоветской» России в основном завершён. Но сколько можно жить разоблачениями большевистской диктатуры и злодеяний Сталина? Стократно прав капитан Кочетков, задавая свой вопрос: «Ради чего вы зовёте нас?» Нужда в программных установках для «штабс-капитанского» движения становилась всё более очевидной. Кочетков, этот типичный представитель основной массы русской эмиграции, хотел действовать «во имя» значимых, вдохновляющих идеалов на благо «Национальной России», но без надоевшего набора эмигрантских вождей, партий и окаменевших политических формулировок, которые столько раз обманывали самые лучшие надежды «среднего эмигранта».

Читая почту, Иван не мог не заметить, что всё больше людей в Русском Зарубежье стало обращать взоры на него, видя в нем потенциального лидера, способного разорвать порочный круг обыденного, недееспособного, обречённого на историческое прозябание. И эту дилемму надлежало решить как можно скорее. Разве не он заявил в первом номере «Голоса России» — «я не рвусь в вожди»? Однако любой программный призыв, с которым он обратится к этим массам, будет означать — желает он этого или нет — поворот к политической карьере, вторжение в тесный мирок эмигрантских лидеров, неизбежную конкуренцию и беспощадную борьбу с ними. Готов ли он к этому? Разве ему мало трибуны «Голоса

России»?

Диалог с читателями потребовал от Ивана конкретизации «идеологии штабс-капитанского движения». В 1939 году он подвёл итог проделанной работе, так охарактеризовав «штабс-капитанское» движение.

«Движение имперское, национальное, православное и глубочайшим образом народно-демократическое. Движение монархическое, ибо в монархии мы видим скрещение и закрепление Империи, Нации, Православия и народных интересов. Движение антисемитское по существу, а не по истерике, ибо еврейство было и будет врагом и Империи, и Нации, и Православия, и народа. Движение органическое, ибо мы ищем в нашей истории наших корней и ни за какими европейскими шпаргалками не гонимся. Движение массовое, ибо оно и сейчас обращается не к старым верхам, а к новым массам, и ещё потому, что оно обратится со своим словом к полуторастам миллионам русского народа. Наш расчёт на эти полтораста миллионов»^[111].

Первыми организационными ячейками «штабс-капитанского» движения стали кружки друзей «Голоса России», возникшие в ответ на призыв Солоневича к солидарности с газетой. Мощным импульсом послужили также опубликованные в ней 15 декабря 1936 года положения спортивного комплекса «За Россию», которые были составлены Борисом, Иваном и Юрием в их бытность в Гельсингфорсе. Комплекс фактически стал программой военно-спортивной и политической унификации «штабс-капитанского» движения, подготовки его к «часу икс» возвращения в Россию. Иван был уверен, что его последователи вернутся туда не на рядовые роли:

«Штабс-капитанская масса нужна будет России как правящий слой. Если это выражение вам не нравится — возьмите более скромное: как административный аппарат... Но при всякой мыслимой комбинации обстоятельств штабс-капитанская масса станет *служилым слоем будущей России*».

«Штабс-капитанские» организации создавались в разных странах и под различными названиями: «Русское общество спортсменов», «Общество друзей „Голоса России“», «Общество изучения России», «Российская национальная группа» и т. д. Солоневич писал по этому поводу, что формирование «штабс-капитанских» ячеек шло по инициативе рядовых членов эмиграции:

«Безо всякого нашего участия появились кружки „Голоса России“ — в Брюсселе и Тянь-Тзине, в Лионе и в Холливуде, в Лозанне и в Харбине. Я этим кружкам не написал ни одного письма и не дал ни одной инструкции.

Это, как говорят в Советской России, — самотёк. Это выражение назревшей и наболевшей необходимости, это — результат тупика, в который попало Русское Зарубежье — элита и цвет русского народа».

Но были и предостерегающие голоса в отношении «качественного состава» этих кружков и ячеек и их политического использования. По свидетельству Бориса Солоневича, генерал Абрамов, выражая позицию РОВСа, оценил «движение», инициированное Иваном, следующим образом:

«Вы ошибаетесь, братья Солоневичи, делая ставку на своих „штабс-капитанов“. И эта ошибка может перерасти во вред русскому делу... Вы в эмиграции недавно, а мы варимся здесь уже много лет. В нашей среде есть всякие люди: и кадровые офицеры, и случайные солдаты времён Гражданской войны, и штатские. Но верьте мне, — только те ценны для русского дела, кто не спрятался в углы, а стал в какой-то русский строй. Вовсе не обязательно в строй РОВС. Пусть выбрал бы любую русскую организацию: Сокол, нацмальчиков. Красный Крест, группы работы с молодёжью, школу или даже театр. Но в каком-то русском строю он быть *обязан*.

И если эмигрант за эти 15–17 лет не нашёл или не захотел найти себе места в строю — грош ему цена... Это — дезертиры или полудезертиры русского дела. Не переоценивайте их ценности. Но люди, находящиеся рядом с вами, будут вам совсем иначе объяснять свой отход от активной русской работы: неудовлетворённостью настоящим, недовольством руководства, ошибками вождей и пр. Может быть, это будет получаться даже правдоподобно... Но присматривайтесь к этим людям, ибо ваша политическая ставка на них может быть не только ошибочна, но и вредна! Своим авторитетом „людей оттуда“ вы должны в первую очередь поддержать нас, русских людей, стоящих в строю»^[112].

Всего к январю-февралю 1940 года действовало не менее семидесяти ячеек движения, которые по инициативе Ивана получили название «берлог». Солоневич не раз подчёркивал, что не претендует на роль партийного лидера, автора политических программ, которые в таком изобилии распространяются в Русском Зарубежье. Тем не менее развитие кризисной ситуации в Европе и в мире заставило его отказаться от первоначально выбранной позиции критического наблюдателя и комментатора событий. Чувство ответственности за судьбы «штабс-капитанов», стремление, как говорят сейчас, занять «свою нишу» в борьбе с коммунистическим режимом в России, пугающая недееспособность подавляющего большинства эмигрантских организаций — всё это

побуждало Солоневича к оформлению «штабс-капитанского» движения в самостоятельную политическую организацию.

Именно в этот период Иван приступил к разработке устава единой «штабс-капитанской» организации, а также доктринального труда «Идея Белой Империи», которая стала известна под названием «Белая Империя»...

«Ворон» сообщал резиденту Яковлеву о всех действиях Солоневичей по налаживанию «Голоса России». На Лубянке к появлению новой эмигрантской газеты отнеслись с профессиональным интересом. Помощник начальника ЭКО ГУГБ майор госбезопасности Фельдман в июле 1936 года направил на имя начальника ИНО Слуцкого служебную записку следующего содержания: «Отдел просит присылать газету „Голос России“, издаваемую Солоневичем в Болгарии, в связи с наличием в их мемуарах указаний на ряд советских связей».

Надо сказать, что внимательной читке подвергались все произведения Ивана и его «семейной редакции». С особой тщательностью были проработаны главы «России в концлагере». НКВД работал дотошно, и литературно-беллетристические ухищрения Солоневича по сокрытию прототипов не всегда достигали цели.

Глава семнадцатая

БРАТЯ В ПЕРЕКРЕСТЬЕ ПРОВОКАЦИЙ

В первые недели пребывания в Софии братья, погружённые в многочисленные дела и заботы, не замечали вокруг себя ничего подозрительного: ни косых взглядов, ни настороженности «отдельно взятых» эмигрантов. Чтобы отвязаться от Фосса, Борис вручил ему список со сведениями на некоторых друзей и знакомых в Советском Союзе, среди которых, в частности, значились:

«Николай Злочевский — бывший участник Белого движения, в 27–28 годах был арестован, при обыске у него нашли офицерские погоны, наган и другие компрометирующие вещи. В момент ареста он работал на кожевенном заводе. З. плохо разбирается в политике, но является очень решительным, волевым и жёстким человеком. В 22–23 годах он служил в АРА, американской организации продовольственной помощи. К З. нужно подходить осторожно, человек он пуганный. Может быть полезен нашему делу по своим личным качествам. В прошлом З. был известным футболистом, поэтому не исключено, что он до сих пор играет в одной из команд Одессы. Контакт с ним можно установить на почве выпивки.

Николай Александрович Букреев — бывший скаутмейстер, из белых, дипломат и политик. В 1923 году судился за взяточничество. На суде заявил, что он воровал и брал взятки, чтобы помочь голодающим и больным. Был приговорён к расстрелу, но, по требованию рабочих слободки Романовка (Одесса), где Б. пользовался большим авторитетом, смертная казнь была заменена ему 10-ю годами. Б. был капитаном местной футбольной команды. После 3 лет тюремного заключения выпущен и вновь поселился в Романовке. Очень осторожен, гостям из-за кордона сразу рассчитывать на его „сердечный“ прием нельзя.

Сергей Леонидович Капнист, граф, один из бывших директоров Русско-французского банка. На советской службе не состоит. Зарабатывает на жизнь частным рисованием плакатов и диаграмм. В 1933 году был арестован ОГПУ. После 6-месячного заключения его освободили по причине заболевания туберкулёзом. Капнист жил в Одессе на ул. Маразлиевской. При встрече с ним *ваш человек* должен сослаться на И. Солоневича, упомянув о том, как Капнист вместе с И. С. и Сергеем

Львовичем Войцеховским собирали почтовые марки, как Капнист читал Ивану свой философский труд и демонстрировал иллюстрированное от руки издание „Луки Мудищева“».

Несмотря на все проявления доброй воли со стороны Солоневичей, их «медовый месяц» с болгарским отделом РОВСа продолжался недолго. Генерал Добровольский продолжал слать из Гельсингфорса тревожные предупреждения, неустанно призывая: «Будьте с братьями осторожней, они не те, за кого себя выдают».

Для «внутренней линии» РОВСа выявление тайных связей Солоневичей с НКВД стало своего рода наваждением. Для начала стали перлюстрировать почтовую корреспонденцию братьев. Контролю подвергались даже письма, приходившие из газет Швеции, Дании, Соединённых Штатов и других стран с просьбами о предоставлении статей для публикации. Часть корреспонденции Солоневичей поступала на Центральную почту «до востребования», часть — на адрес штаб-квартиры РОВСа в Софии, — Оборище, 17. На почте письма вскрывали и копировали люди Браунера, в РОВСе эта задача была поручена «Ворону». К нему же, для приобщения к «наблюдательному делу», попадали материалы перлюстрации от Браунера.

Общими усилиями фиксировались все подозрительные аспекты поведения Солоневичей. Составлялись также «контрольные карточки» на лиц, с которыми они переписывались. Среди корреспондентов были чех А. Рудольф, бывший референт Комиссии внешних сношений в Праге (знакомый Тамары Солоневич); журналист Ксюнин; Ольга Курпатова-Хольстрем, подруга Бориса по Гельсингфорсу; Войцеховский из Варшавы и многие другие.

Насторожил «внутреннюю линию» РОВСа и переезд в Софию Тамары. Фосс предположил, что она привезла братьям «директивы НКВД». Подозрения были подкреплены тем, что во время прогулки по Софии Солоневичи фотографировались неподалёку от полпредства: вначале на фоне царского дворца Бориса III, потом — на ступенях собора Александра Невского. Браунер высказал мнение, что таким образом «семейка» подавала некие условные сигналы. В мании подозрительности он ни в чём не уступал Фоссу. Всё, что делали или только собирались делать Иван и Борис, вызывало у Браунера смутную тревогу. По малейшему поводу он писал на Солоневичей донесения, адресуя их на имя начальника военной контрразведки. Вот типичный документ подобного рода:

«Имеются сведения, что некоторые общественные деятели собираются обратиться к генералу Лукову с просьбой о субсидировании и моральной

поддержке издания на болгарском языке книги Ивана Солоневича, бежавшего из СССР. Рекомендуются воздержаться от подобного рода поддержки во избежание компрометации имени господина Военного Министра, т. к. Иван Солоневич и его брат Борис являются лицами сомнительными в смысле большевизма. Имеются также предварительные данные о том, что они собираются направить Его Величеству доклад с предложением организовать антибольшевистскую работу в области пропаганды».

Вскоре после переезда Солоневичей в Болгарию по настоянию Бермана в Одесском ОГПУ приступили к проработке операции по захвату и вывозу «кого-либо» из Солоневичей. Капитаном торгового парохода «Керчь» был агент «Бажов», в прошлом — помощник Бориса в одесской скаутской организации. Выполняя задание органов, «Бажов» в начале лета 1936 года во время очередного рейса отправил из румынского порта Констанца письмо на редакцию «Голоса России». Борис тут же написал ответ на обусловленный адрес в Антверпене. Он задал вопросы о «ситуации» некоторых общих знакомых по Одессе, просил бывшего соратника-скаута разыскать живущего в Ялте отца, расспросить его о житье-бытье и помочь в налаживании переписки с ним.

Осенью 1936 года в Софию пришло ещё одно письмо от «Бажова». На этот раз ему ответила Тамара, пояснив, что братья этого сделать не могут, так как «уехали в Европу». Иван и Борис в октябре выехали на две недели в Югославию для чтения лекций, а Юрий отправился в Вену, чтобы приступить к учёбе в Художественной академии, той самой, которая в своё время дважды отвергла Гитлера. Очередные номера газеты в отсутствие мужчин готовили к выпуску Тамара и Ольга Курпатова-Хольстрем^[113], приехавшая из Финляндии «в гости» к Борису. Им помогал секретарь редакции Николай Михайлов^[114].

В письме Тамара интересовалась у «Бажова», можно ли через него организовать переброску «Голоса России» в СССР, и предложила сделать переписку более регулярной. Ещё она, нарушив табу братьев на упоминание имени младшей сестры, попросила навести справки о судьбе Любови Лукьяновны Солоневич^[115].

Письмо Тамары давало украинским чекистам хорошие зацепки для продолжения оперативной игры: Солоневичей можно было заинтересовать перспективой налаживания связи с родными. Тем не менее на Лубянке приняли решение о приостановлении одесской операции. Резидент Яковлев

в Софии успешно вёл игру против Солоневичей, и в Москве не хотели рисковать, вводя в дело «Спортсмены» новую агентуру. «Бажов» исчез так же внезапно, как и появился. Писем от него Солоневичи больше не получали...

На Лубянке, как видим, были в курсе попыток Солоневичей связаться с близкими. Телефонные звонки на «нейтральных» людей, письма с иносказаниями, телеграммы — все они фиксировались 3-м отделом всемогущего аппарата ГУГБ НКВД. Параллельно чекисты изучали материалы прежних разработок, выискивая в них родственные и прочие связи «спортсменов».

В Крыму была установлена родная сестра братьев (по первому браку Лукьяна Михайловича) — Любовь: по учётам адресного стола, она работала художницей-оформительницей. Там же были выявлены: приятель Бориса — капитан парохода «Кубань» Черноморского торгового флота Георгий Иванович Вислобоков, 35 лет, и хороший знакомый Ивана по Одессе — граф Сергей Леонидович Капнист.

Отец Лукьян Михайлович и его старший сын во втором браке Евгений были арестованы весной 1935 года «за антисоветскую агитацию». Полгода их держали в тюрьме в Симферополе, затем по решению тройки отправили в ссылку в Красноярский край.

Когда финансовые дела братьев Солоневичей наладились, они захотели поддержать родственников, особенно детей Бориса, материально. Эмигрант Верганский предложил такую схему: мать Верганского, живущая в Москве, будет передавать родственникам Солоневичей в столице или пересылать им в провинцию обусловленную сумму в рублях; после получения подтверждающих расписок или почтовых квитанций братья будут выплачивать «организатору» сделки по 12 левов за каждый советский рубль. Этот же способ предприимчивый Верганский предлагал и другим эмигрантам в Болгарии, но его попытки заработать провалились: «деловые» письма Верганского перехватывались в «чёрных кабинетах» СССР.

В начале июня 1936 года в ИНО НКВД решили провести завершающую оперативную комбинацию по компрометации Солоневичей. У «головки» РОВСа необходимо было создать впечатление, что Борис связан с чекистами и регулярно получает от них инструкции. В советских журналах, которые братья выписывали на Софию через Гельсингфорс, специалисты НКВД в Москве сделали «наколки» в духе того «книжного шифра», к которому прибег Борис в своё время в Одессе, сообщая Ивану о

своём аресте чекистами.

Резидент Яковлев запланировал также инсценировку «конспиративной» встречи сотрудника полпредства с Борисом. Для этой роли был подготовлен курьер охраны М., хорошо известный эмигрантам. Резидент дал ему «боевое задание»: приблизиться к «объекту» (М. и Борис знакомы не были) и обменяться с ним несколькими «импровизированными» словами. После этого имитировать «вручение» пакета Солоневичу и «с предосторожностями» вернуться в полпредство. Самым сложным в этой комбинации было сведение в «одной точке» курьера М. и Бориса под контролем «наружки» РОВСа.

Фосс уже давно просил генерала Абрамова дать разрешение на установление наружного наблюдения за Борисом, но тот тянул, ссылаясь на финансовые трудности 3-го отдела. Дело в том, что привлекаемые к слежке офицеры должны были оставить на время работу. У всех были семьи, и неоплачиваемый отпуск отразился бы на их благополучии. По меньшей мере надо было возместить офицерам их обычную зарплату. Под впечатлением предостерегающих писем из Гельсингфорса и Парижа Абрамов всё-таки сдался и Скрепя сердце согласился выделить средства. Фосс был доволен.

Не менее доволен был Яковлев, который сообщил в Москву:

«С 10 июля за Борисом установлено РОВСовское наблюдение. Наша комбинация против него будет проведена 14–15 числа. Для подкрепления мероприятия можно было бы подбросить в квартиру Солоневичей письмо со скрытым текстом. К примеру, с оценкой секретности полученного от них сообщения, с извещением о направлении денег или изложением конкретного задания, скажем, по получению информации о военных заказах в Варне. При обыске у братьев шифровки, несомненно, найдут и примут меры к разгадке. По признакам „книжного характера“ шифра все книги братьев изымут и обнаружат среди них „декодификатор“. Ваше мнение по этому предложению просим сообщить телеграфом».

Все сводки по слежке за Борисом докладывались генералу Абрамову:
«Наблюдение за Б. С., 12.07.1936.

Доношу, что 11 числа с. г. вышли из дома И. и Б. На трамвае доехали до Св. Недели. Оттуда пешком прошли до Центральной почты. Как выяснилось, они были вызваны каким-то чиновником в связи с задолженностью по оплате за почтовый ящик. При выходе из здания И. и Б. расстались.

Б. пошел в „Зарницы“. Там он находился с 10.40. до 10.50. Потом

пошёл на ул. Солунь, № 9. Оттуда вышел с генералом Зинкевичем. Прошли вместе до городского садика, где находились около 10 минут. Первым оттуда вышел Зинкевич и направился в сторону почты. Через некоторое время появился Б. и вошёл в здание Чековой службы. После этого он зашёл в Кудминскую школу, а ещё позже — на Оборище, 17. Затем трамваем № 3 проехал до мечети, зашёл в безистен „Бали“ около кинотеатра „Капитоль“. Немного погодя из „Бали“ вышел Шатерник. Следом появился Б., сел на трамвай № 6. Проехал до станции. Там встретился с каким-то болгаринном лет 30-ти: чуть выше среднего роста, блондином с вьющимися волосами, в сером костюме и в светло-серых ботинках. Вместе они обедали в станционном буфете.

В 14 часов Б. и болгарин сели в поезд и поехали в г. Перник. Приехали туда в 15 часов. Прошли до улицы Кресна и вошли в дом с вывеской доктора Доброхотова (старосты „Сокола“) и зубного врача Радки Данчева. Там находились до 15.30. Затем Б. и болгарин пересекли детский парк. Болгарин показал Б. дорогу в Хумин Дол и вернулся в город. Б. отправился в Хумин Дол, разыскал там казарму № 435, где и пребывал с 15.55. до 16.25. Вышел он оттуда с братом-просветителем пернишского „Сокола“ — Лавришиным. Пошли опять в город к Доброхотову на улице Кресна. До 17.10. были у него дома, а после 18.30. сидели в ресторане.

К 19.20. Б. и доктор Доброхотов с супругой пришли на Хумин Дол, где в собрании наспех объявили доклад Б. на тему „Положение в СССР“. Начался он в 20.00. закончился в 23.00. Присутствовало сорок человек.

После доклада в город отправились Б., доктор Доброхотов с супругой, фотограф Балтаджиев, какая-то дама и два неизвестных господина (было темно). В 23.30. Б. был нами потерян.

По сведениям, полученным от Лавришина в церкви (панихида по генералу Врангелю), борьба, назначенная на другой день, не состоялась (заболел противник), и Б. вернулся в Софию (в воскресенье в 6.30.)».

В этот раз ничего компрометирующего «наружка» РОВСа не засекала, но 13-го числа цель была достигнута. В отчёте офицеры из «наружки» так описали состоявшуюся встречу Бориса с представителем советского посольства:

«Борис соскочил на ходу с трамвая и пошёл быстрыми шагами к трамвайной будке с часами на крыше. Он остановился рядом и, повернувшись лицом в сторону улицы Ц. Иоанна, стал рыться в своём портфеле. В это время был замечен посольский служащий Алексей Кузьмин. Не доходя 5–6 шагов до Бориса, он вынул из кармана белый

платок, вытер им лицо. Солоневич приветствовал его поднятием руки. Они поздоровались и, близко подойдя друг к другу, стали разговаривать. В это время Х. подбежал как можно ближе к ним и сфотографировал тот момент, когда они начали расходиться.

Вследствие того, что Борис и Кузьмин стояли к нам спиной, установить, передавалось что-то во время встречи или нет, не удалось. Встреча продолжалась не менее 2 минут. Расстались они в 9 часов 41 минуту. Борис пошёл вниз по Дондукову по правой стороне, Кузьмин перешёл к рекламе кино, остановился на мгновение и пошёл дальше по левой стороне. В пролёте по Торговой улице он два раза пересёк улицу, вероятно, для проверки, поднялся по мосту, задержался на секунду у магазина, пересёк Московскую улицу около военного музея и вошёл в калитку полпредства, открыв её своим ключом».

К радости Фосса и Браунера — наконец-то! — была зафиксирована и сфотографирована встреча связника чекистов с Борисом. Связника проследили до полпредства, его советская принадлежность не вызывала никакого сомнения. Итак, подозрения оправдались: Солоневичи — враги! А с врагами разговор простой — ликвидация!

Генерал Абрамов сообщил Миллеру о встрече Бориса с человеком из советского посольства. Миллер тут же направил предупреждающее письмо Скоблину, который находился в служебной поездке по странам Европы. Тревожный характер вестей из Софии генерал несколько смягчил:

«Фёдор Фёдорович мне передал, что слухи о братьях стали ползти и у них. Он полагает, во всяком случае, что ежели они дали какие-либо адреса, то ими пользоваться не следовало бы... Хотя для меня всё это маловероятно, если судить по направлению газеты и по тому, что им не дают к нам визы. Но бережёного — Бог бережёт. Что же касается газеты, то я очень ею доволен и считаю, что её распространение в эмиграции заслуживает самого энергичного поощрения: много материала для понимания жизни, как она сложилась в СССР, а потому и для разговоров с иностранцами, для антисоветской пропаганды, к которой я не устану призывать нашу эмиграцию, желающую активности».

Резидент Яковлев воспринял возникшую ситуацию спокойно. Всякое случается в разведке! Кузьмин, сам того не подозревая, удачно подменил М. в комбинации по Борису.

Из сообщения в Москву 26 августа 1936 года:

«Вопрос о ликвидации братьев не снимается. Фосс досадует, что он затянулся, и старается скорее осуществить его. По указанию полиции от

РОВСа приставлены к Солоневичам в качестве негласной „охраны“ три человека, на которых возложена задача ликвидации. Фосс дал этим людям указание ликвидировать в первую очередь Бориса, а затем остальных. Решение это твёрдое».

Резидент отметил также, что РОВС установил за Кузьминым недельную слежку, конечно, без результата. За Борисом наблюдение было прекращено: кто-то из «тройки Солоневичей» обнаружил наличие преследователей. Борис навестил Фосса и сообщил ему, что за семьёй идёт слежка. Фосс изобразил недоумение, а Солоневич заявил, «что чувствует нависшую над ним опасность, и предупредил: пусть те, кто замышляет недоброе, подумают о последствиях. Затянуть его куда-нибудь на расправу не удастся. Если же с ним что-то случится, найдутся люди, которые за него отомстят».

Яковлев подчеркнул, что это заявление Бориса не повлияло на планы Фосса и полиции, которые сделают всё возможное, чтобы Солоневичам не удалось удрать из Болгарии.

В сентябре 1936 года в Софии побывал генерал Скоблин. Позже, докладывая об итогах поездки руководству РОВСа в Париже, он сделал упор на «провокационную сущность Солоневичей». При этом Скоблин ссылаясь на «надёжные данные» капитана Фосса, у которого «связь братьев с НКВД не вызывает никаких сомнений». В качестве ещё одного доказательства он напомнил, что Солоневичи предложили свои услуги по организации террористических акций не только в СССР, но и в Европе, указав на Блюма^[116] как на наиболее подходящую «цель»! Для Советов, подчёркивал Скоблин, Солоневичи «проповедуют самый жесточайший террор», и при этом к одному из братьев приезжает в Софию жена, которая работает в советском торгпредстве в Берлине, а жена другого брата, по его словам, в это же время сидит в концентрационном лагере. Как это совместить!? Ведь это явное враньё!

Скоблин призвал к соблюдению «величайшей осторожности» во всех делах с братьями. Трубецкой, начальник канцелярии РОВСа, однако, высказал сомнение в «провокаторстве» Солоневичей: слишком много вреда они принесли большевикам, чтобы находиться у них на службе. Миллер с ним согласился, вновь напомнив, что большевики делали всё, чтобы не допустить приезда братьев в Париж. Скоблин остался при своём мнении и предупредил собеседников, что Солоневичи при всех их пробивных талантах и юркости способны докопаться до самых сокровенных секретов РОВСа. С этим Миллер спорить не стал.

На Лубянке с удовлетворением подытожили выводы «внутренней

линии» РОВСа о братьях:

«Солоневичи являются большевистскими агентами большого калибра. Руководство в семье осуществляет Борис, играющий при ней роль комиссара. В задачу группы входит провокационная работа в Болгарии, Югославии и Франции. Солоневичи очень ловко подбираются к работе активного отдела РОВСа. Они сообщили имена многих лиц на территории СССР, рекомендуя их с лучшей стороны. Однако предложили выяснить места их проживания через адресные столы.

В отношении большевиков братья советуют применять только террор. Всякую другую работу считают нереальной. Они предложили совершить террористический акт в Москве против Шверника и рекомендовали привлечь к этому своего лучшего друга, бывшего офицера Александра Корнилова. По словам братьев, он согласится на проведение этого теракта. Солоневичи предложили также совершить террористический акт в отношении премьера французского правительства Блюма.

Капитан Фосс видит в этом хитроумную уловку. Видимо, ГПУ переменяло тактику своей работы и пошло по линии создания новой легенды, „нового Треста“. Если раньше все прибывавшие из Советского Союза провокаторы под разными предложениями отклоняли террор, то сейчас все беглецы следуют иной тактике — выступают только за него. Подозрительным признаком Фосс считает также поведение Бориса. Как он может активно выступать против большевиков, если его жена и двое детей находятся в концлагере»^[117].

Для Фосса задача устранения Солоневича стала делом чести: он способствовал их приезду в Болгарию, внедрению в среду эмигрантов. Солоневичи не подозревали, какая опасность нависла над ними. Боевики РОВСа Александров, Марков и Тренько, получив «неопровержимые доказательства работы братьев на чекистов», несколько раз пытались ликвидировать Бориса, считая его ключевой фигурой в очередном «Тресте».

Вместе с тем генерал Абрамов проявлял нерешительность, прикидывал степень негативной реакции на теракт болгарских властей. Благоразумие возобладало. Генерал распорядился прекратить подготовку физической ликвидации Солоневичей, считая, что «чисто» провести операцию не удастся. Полиция обнаружит, куда ведут следы, с помощью того же Браунера. После этого РОВСу в Болгарии не поздоровится. Разгонят без всякого!

Однако Александров приказ Абрамова проигнорировал и с согласия

Фосса продолжил подготовку к акции. В начале октября Марков и Тренько, вооружившись револьверами, отправились в Овча Купель к дому Солоневичей, чтобы покончить с ними. Они не знали, что несколько дней назад неподалёку от виллы «Спокойствие» произошёл вооружённый грабёж, в результате которого погиб случайный прохожий и был ранен полицейский. Уголовная полиция стала присматривать за этим районом, ежевечерне направляя сотрудников на патрулирование. Конечно, боевики РОВСа показались полицейским агентам подозрительными. Их задержали и обыскали. Обнаружили револьверы, а у Маркина удостоверение, в котором подтверждалось, что он негласный сотрудник Браунера. Боевиков передали в департамент политической полиции, откуда после продолжительного допроса освободили.

Генерал Абрамов был в ярости, когда узнал о самоуправстве и, что ещё хуже, провале:

— Если не можете организовать дело как следует, то прекратите танцы вокруг Солоневичей. Они выкрутятся, а РОВС в Болгарии вы погубите!

Расправу с братьями «внутренняя линия» отложила «до лучших времён», хотя у Фосса и Браунера возникали самые чудовищные планы расправы с Солоневичами. Например, похищение и «исчезновение» их в топке специальной печи, находившейся в подвалах Управления полиции. Той самой печи, в которой жгли тела «красных» в напряжённые дни «зачистки Болгарии от коммунистов» после провалившегося Сентябрьского восстания 1923 года. «Головка» РОВСа заметно дистанцировалась от братьев. Солоневичи почувствовали это и без особых сожалений стали углублять отношения с «новопоколенцами».

О колебаниях в стане РОВСа по поводу физической расправы с братьями Яковлев информировал Москву в ноябре 1936 года:

«Фосс с запрещением Абрамова не согласен и продолжает подготовку ликвидации. Александров заявил, что будет лично искать удобного случая, чтобы „закончить дело“. „Ворон“ старается подыгрывать Фоссу, одновременно упрекая его в нерешительности.

Борис и Иван 10 октября уехали в Югославию для чтения докладов. Абрамов и, отчасти, Браунер полагали, что мешать не надо, чтобы не давать братьям повода для неприязненного отношения к РОВСу. Визы из Югославии им были присланы при прямом содействии В. М. Байдалакова.

Направленная Вами простой бандеролью книга с „наколками“ в руки Фосса не попала, вероятно, проскочила перлюстрацию. Придётся выслать ещё одну. Чтобы заинтересовать полицию и побудить её к решительным

действиям, желательно наколоть фразы, из которых было бы видно, что братья занимаются не только эмиграцией, но и чисто болгарскими вопросами — собирают политическую и военную информацию».

Перед поездкой в Югославию Борис направил «новопоколенцам» в Париж письмо с просьбой помочь в получении трёхмесячных виз для себя и брата — для чтения лекций и оформления борцовского ангажемента. «В августе 1935 года я с братом хлопотал об этом, — сетовал Борис, — но, несмотря на поддержку влиятельных людей, нам отказали. Весьма вероятно, что какое-то „досье“ содержит о нас политически неблагоприятные отзывы». Пытаясь заинтересовать парижское руководство НСНП, Борис представил свои физические кондиции с наилучшей стороны:

«Прилагаю пару фотографий — не для публики, а для понимающих людей. Если нужно, могу прислать рекламные фотографии. Сейчас во мне 92 кило при сухой мускулатуре и хорошем рельефе. Моя 3-месячная практика в кэч ещё, правда, не дала мне хорошего с ним знакомства, но, во всяком случае, тренировки с Даном Коловым, Гарри Стоевым, Броновичем, Дмитрием Стойчевым были полезными. Видел работу Пасмана. Разумеется, у него лучшая работа из всех, кого я видел [из кэчменов]. У него редкое сочетание стиля французской [борьбы] и кэча, как раз то, что уже выработалось у меня, причём если суплессы Пасмана, может быть, более гибкие, то мои — более стремительные. Два дня тому назад я боролся со Стойчевым в Варне (ничья). И при его весе в 106 кило я провёл 21 суплесс (конечно, разных стилей).

По старому опыту я знаю, что публика относится ко мне очень тепло, и в отношении популярности бояться не приходится. Моменты более широкого рекламного характера сообщу по первому требованию (врач, журналист, заместитель Старшего скаута России, — если нужно, то и Соловки, побег и всё прочее, что может овеять мое имя ореолом романтики и создать „характерность“).

Лекционное турне братьев по Югославии прошло успешно, чему в немалой степени помогли местные «новопоколенцы». В целях экономии братья остановились в доме Николая Григорьевича Иванова, бывшего соученика Бориса по Виленской гимназии и его товарища по русскому «Соколу». О том, что Солоневичи живут в «соседней» Болгарии, Иванов узнал из «Голоса России» и тут же послал Борису письмо:

«К большой моей радости я узнал из случайно попавшего мне второго

номера газеты, что известные всему свету Солоневичи не однофамильцы! Рад возможности приветствовать тебя и твоего брата Ивана Лукьяновича и выразить Вам искреннее удовольствие в том, что Вас Бог сохранил и привёл сюда, и мой восторг перед Вашими неожиданными способностями, энергией и неустрашимостью в борьбе за нашу русскую правду и Родину. Если глянешь на помещённую в газете фотографию группы Виваго (рядом с Людой Корховой), то увидишь над твоей головой в верхнем ряду справа Николая Иванова, пишущего эти строки».

Николай уже более десяти лет жил в Белграде, принял югославское подданство, был владельцем мыловаренного завода и в сравнении со многими другими эмигрантами мог считать себя человеком с удачно сложившейся судьбой. С ним братья говорили обо всём, но в первую очередь — об умонастроении русских эмигрантов в Югославии. Иванов рассказал, что многие уверены в дальнейшем углублении кризиса в Европе, приближении войны и участии в ней Советского Союза. Непростая ситуация в Русском Зарубежье, в котором всё более ожесточённо соперничали различные политические группировки, была зеркально отражена в Югославии. С середины 1930-х годов русская колония разделилась на «пораженцев» и «оборонцев», и дискуссия между представителями этих тенденций не прекращалась ни на день.

При внешней простоте проблемы: на чьей стороне выступать в ходе грядущей войны — Советского Союза или его потенциального врага (под которым прежде всего подразумевалась Германия), аргументы «оппонирующих» сторон — этические, моральные, исторические и патриотические — были настолько несовместимы, что эмигрантские раздоры по этому поводу приобрели откровенно враждебный характер. Иван с особым недоверием следил за деятельностью «Союза оборонцев», однозначно заявляющего, что против Родины воевать нельзя. Иван считал, что «Союз оборонцев» финансируется НКВД, и потому при каждом удобном случае полемизировал с «Голосом Отечества», печатным органом «оборонцев». Себя Солоневич относил к «пораженцам», считая, что первостепенная задача — это разгром большевистской власти, разгром любой ценой и любыми средствами: поражение Советов должно стать победой всех антикоммунистических сил.

В Белграде Иван и Борис ежедневно встречались с руководителями «новопоколенцев», которые доверительно поделились информацией о «внутренней линии» РОВСа и о её «засоренности» чекистской агентурой. По свидетельству Бориса Прянишникова, активного «новопоколенца», Иван Солоневич «отнёсся равнодушно» к этому сообщению^[118].

Объяснялось это просто: о «внутренней линии» он был порядком наслышан, считал результаты её работы провальными и бесперспективными как раз в силу «проникновения» агентов НКВД.

В редакцию «Голоса России» поступали письма, авторы которых спрашивали Ивана Солоневича о причинах его «умалчивания», «нежелания» затрагивать еврейский вопрос, обсуждать его в рамках «ответственности евреев за гибель России». Подобные вопросы неизменно звучали во время лекционного турне Солоневичей в Югославии. С открытым письмом по этому поводу к Ивану обратился читатель «Голоса России» Павел Спиридонов:

«В Вашей ругани антисемитов уже видна косвенная защита еврейства. Ваш же доклад 20 октября в Русском доме в Белграде окончательно вскрывает Вашу позицию. Ваше выступление было не докладом по освещению еврейского вопроса, а защитительной речью. Но Вы недооценили эмиграцию. Вы рассчитывали, как сами говорили, на наш эмоциональный антисемитизм. Это в России, под постоянным и непосредственным ощущением еврейского гнёта разрастается и ширится эмоциональный антисемитизм. Здесь же, вдали от этого еврейского террора, мы имели возможность стать на иную базу. Как определила „Еврейская трибуна“, мы используем основу научного антисемитизма. И вот на основании наших знаний мы требуем от Вас ответа: на каком основании и как смели Вы защищать перед нами народ, который задумал и провёл всю нашу революцию и который продолжает по сей час свою преступную работу? Вы утверждаете, что еврейство только использовало революцию. Но даже если это так, русскому было бы естественнее и достойнее обвинять их и за случайное участие, нежели защищать».

Спиридонов отметил, что «Солоневич хорошо натаскан на обработке масс», ведь публика почти единодушно хлопала, когда он заявил, что не евреи, а русская интеллигенция привела к революции. «Вот это игра! Вы показали себя достойным Ваших учителей. Не даром Вы хвастались, что, дескать, „мы, подсоветские, любого жида обставим“».

Свое «разоблачительное» послание Спиридонов завершил так:

«Не разрешив еврейского вопроса, Вы никогда не разрешите национального, то есть не обеспечите суверенитета русской нации. Мы имеем тому пример в Германии».

На подобные обращения Солоневич отвечал не раз на страницах газеты. В одном из своих личных писем он объяснял свою позицию следующим образом:

«Что касается антисемитизма, то я намеренно поставил вопрос так, как он поставлен в моих статьях: нельзя всё сваливать на жидов. И нельзя пускать по эмиграции фальшивые списки, „сионские протоколы“ и прочие филькины грамоты. А сами-то мы где? А почему тот же РОВС разлезается? А почему создалось такое положение, что вот, например, в здешнем софийском интернате пришлось рассовывать по разным комнатам скаутов, витязей и разведчиков: они, видите ли, не желают дышать одним воздухом друг с другом. И что с того, что Иванов Седьмой — жидоед, жидам на это наплевать. А вот тот факт, что на практике этот жидоед не ест жидов, а разъедает русские организации — имеет весьма большое практическое значение»^[119].

Распространённую в эмиграции идею «жидомасонского заговора» против России Солоневич считал вредной и тенденциозной. По его мнению, тезис о том, что евреи подготовили Октябрьскую революцию, был глупым и ошибочным. Они получили полное равенство и все необходимые свободы после Февральской революции 1917 года. Чего же больше желать? Коммунистический режим — это продукт «заговора большевиков», гипертрофированной жажды власти Ленина и его подручных, а не целенаправленной деятельности так называемых «жидомасонов», от которой якобы идут почти все исторические беды и катастрофы в России. Американский исследователь Уолтер Лакер отметил, что «Солоневич высмеивал и другие аргументы идеологов-антисемитов, но без заметного успеха. Преступления евреев были важной частью идеологии правой, и Солоневичу ставили в вину, что он плохо знает классику антисемитской литературы»^[120]. Обвинение это Солоневич отвергал, демонстрируя в своих трудах глубокое знание еврейского вопроса в России. Позиция Ивана была неизменной: этот вопрос не самый важный в списке задач по переустройству России, которые надлежит решать русской эмиграции после возвращения на родину.

О реакции белоэмигрантов на лекции Солоневичей в НКВД нередко узнавали из перехваченных писем. Каждое из них, как в капле воды, отражало разноречивые взгляды и надежды эмиграции.

Переписка бывших дипломатов Е. В. Саблина^[121] и В. А. Маклакова свидетельствует о росте интереса эмигрантской массы к Солоневичам. Саблин с подчёркнутым неодобрением писал: «За последнее время у нас здесь [в Лондоне] стали очень увлекаться братьями Солоневичами, и многие умы как-то притупились. В особенности превозносят Солоневичей,

конечно, правые круги».

Маклаков не соглашался, пытался объяснить феномен Солоневичей объективными причинами: «Вот вы мельком отрицательно отозвались об [Иване] Солоневиче... Я очень жалею, что Солоневич грозит свалиться к уродам непримиренчества. Однако Вы и лично в нём, и в судьбе его писаний можете видеть, насколько эти настроения живы».

По мнению Маклакова, феномен Солоневичей вызван тем, что они твёрдо стоят на распространённой в кругах эмиграции (особенно среди военных) позиции неприятия соглашательства с большевиками. Братья отражают эти настроения, напоминают о том, какой вред нанесли большевики России, и о том, что примирение с ними как победителями станет фактически осуждением всех тех, кто с ними боролся. Маклаков склонялся к мнению, что с этим взглядом надо считаться: в эмиграции есть два фланга и два мировоззрения. Оба имеют право на существование.

Мнения Саблина и Маклакова о Солоневичах отражало различие подходов к братьям наиболее подготовленных политически и интеллектуально представителей эмиграции. Своё отношение к Солоневичам выражали и рядовые эмигранты. Вот типичная точка зрения, высказанная бывшим «нижним чином» белой армии:

«Здесь [в Югославии] недавно были братья Солоневичи, издающие „Голос России“. В своих лекциях описывали жизнь русских за чертополохом, свидетелями которой они были до 1934 года, когда бежали. Впечатление у меня от всего ими рассказанного таково: там все ненавидят властвующих партийцев и убеждать уничтожать их — нет необходимости. Народу нужен только случай захватить оружие. О дальнейшем самоуправлении даже и не думают, партийные дрязги им незнакомы. Они благоговеют перед смертью Императора Николая II и его семьи, которые отказались от заграницы и хотели разделить русскую судьбу. Белое движение в памяти народа свято, и порыв освободить Россию в нём не угасает, нужна лишь маленькая шаткость власти.

Желаю бодрости духа, чтобы и дальше переносить изгнание. Солоневичи нас вдохновили. Может быть, и в самом деле ждать осталось недолго. Мировые события складываются так, что коммунисты серьёзно забили тревогу. Их активизм в Испании — предсмертная агония. Каков будет их конец, трудно предугадать, но то, что он близится, — несомненно. И мы, Сибиряки-Александровцы в Крагуевце, кричим вам, однокашникам, близко стоящим к русской границе на Дальнем Востоке, — „слушай!“, и надеемся, что следующее эхо будет раздаваться с русских земель»^[122].

В Югославии Солоневичи ещё раз убедились в том, что недоверие к

ним широко распространено в эмигрантской среде. Доходило до полного абсурда! Так, в Белграде у Бориса «на трактирной почве» случился довольно острый разговор с группой белых офицеров, которые заявили ему, что им «точно известно», что капитан Фосс — провокатор, а он, Солоневич, является для него «связующим звеном с НКВД»!^[123]

Вернувшись в Софию, Борис не удержался от желания разыграть Фосса и тут же отправился к Браунеру и сообщил ему об этих «разоблачениях»: мол, Фосс имеет двойное дно! Браунер, разумеется, поставил Фосса в известность о «странных откровениях» Солоневича. Фосс возмутился, усмотрев в этих «наговорах» признаки подготовки против него «одной из типичных провокаций в духе НКВД». Ещё больше встревожился Фосс, когда на следующий день Борис отыскал его и как ни в чём не бывало начал рассказывать ему о том, что организация «новопоколенцев» состоит из очень активной и способной молодёжи, которую можно легко подчинить РОВСу для более эффективного использования. Но для этого, мол, из их организации надо «устранить» руководителя Георгиевского. Борис признал, что это нелёгкая задача и что выход только в «уничтожении» Георгиевского. Фосс онемел, услышав это, и поспешил ответить, что «новопоколенцы» интереса для РОВСа не представляют и что он не намерен поддерживать разговор на столь провокационную тему. После этого «захода» Бориса Фосс окончательно убедился, что против него готовят провокацию, и чтобы предупредить события, в тот же день изложил в письменном виде подробности разговора с Солоневичем и лично отвёз это заявление-донос в полицию.

Розыгрыш Бориса Иван осудил. Вокруг них и так много излишней полицейской суеты, которая мешает их налаженной газетной работе. Борис с ним не согласился: после всех известных им случаев со слежкой, вскрытием писем, распространением слухов и наветов почему бы не отплатить «другу детства» той же монетой?

Выходки Бориса, конечно, не способствовали поиску взаимопонимания с РОВСом. Отношения поддерживались, но без всякой доверительности.

Наиболее последовательными в «ведении боевых действий» против братьев были младороссы. Орган младоросской партии «Бодрость» едва ли не в каждом номере и под любым предлогом обрушивался на «провокаторов Солоневичей». На Лубянке обратили на это внимание. В декабре 1936 года резидентура НКВД в Праге получила указание «всячески способствовать инициативе младороссов по дискредитации Солоневичей».

Для придания этим усилиям ещё большего размаха предписывалось «задействовать возможности» агента «А/1» и через него подключить к делу Б. Чернавина (однофамильца Владимира Чернавина, бежавшего с женой и сыном из СССР в 1932 году).

Вскоре в Праге вышла в свет брошюра Б. Чернавина «В союзе с Троцким. Правда о братьях Солоневичах». Брошюра была напечатана тиражом в тысячу экземпляров издательским отделом пропаганды младоросской партии в Чехословакии (этим подчёркивался «партийный характер» акции). Формально брошюра стала своего рода ответом на 31-й номер «Голоса России», в котором появилась очередная антимладоросская статья Бориса.

Чернавин, в частности, писал, что в выступлениях братьев отчётливо просматриваются троцкистские тенденции: «По Солоневичам, чем хуже в России, тем лучше, старая песенка... Но это — аналогично Троцкому... Всё это можно читать, можно слышать от Троцкого и его матёрых сподвижников. Но разница есть. Троцкий морально, при всей своей аморальности, выше Солоневича. Троцкий интернационалист и ему, согласно его мировоззрению, наплевать на Россию, на её народы. Солоневич же, защищая троцкистские взгляды, цинично прикрывается плащом национализма. Троцкий — враг России. Солоневич — предатель России».

Брошюра, обвиняющая Солоневичей в идеологической близости к Троцкому, злейшему врагу Сталина, должна была бы насторожить их. Ведь шёл 1937 год, в Советском Союзе калёным железом выжигали троцкизм и троцкистов. Но братья «сигнала» не поняли, истолковав обвинение в троцкизме как один из «эксцессов» политической борьбы в эмигрантских кругах. А ведь это было прямое предупреждение «из-за чертополоха».

Следующая «разоблачительная» брошюра младороссов будет опубликована в 1939 году, за месяц до нападения Германии на Польшу и начала Второй мировой войны...

Сначала приезд Тамары, потом отъезд Юры на учёбу в Вену изменили порядок жизни в «семейной» редакции. По настоянию Тамары переехали на новую квартиру в центр Софии. Иван был доволен переменами в своей жизни. После гельсингфорсской борьбы за существование, унижительной благотворительности эмигрантских дам и того, что ему казалось тогда непоправимой личной катастрофой, он добился всего, чего хотел. Теперь можно зажить по-настоящему: у него есть своё любимое дело, о котором не приходилось даже мечтать в Советской России, удалось, наконец,

восстановить семью. Тамара наладила их совместную жизнь, стала незаменимой сотрудницей в редакции, вызывая этим, кажется, скрытую ревность Бориса. Впрочем, все преходящие нюансы отношений отходили в сторону, когда на каникулы приезжал Юра. Он с гордостью демонстрировал родителям свои рисунки и акварели, блокноты с зарисовками, сделанными на улицах Вены. Успехи его были несомненны.

Не изменяло ему и чувство юмора. Анекдоты, которые Юра привозил из Вены, пересказывали в Софии и русские, и болгары. Они помогали понимать суть текущих событий, с иронией относиться к «вождям современности», имена которых произносились с патетическим придыханием. Успехом пользовался анекдот о плавании в стиле «блюм»:

«У самолёта заглох мотор, и он рухнул в озеро. Летевшие в нём пассажиры — немец, итальянец и француз — свалились в воду. Немец рванул к берегу сажёнками: „Хайль Гитлер! Хайль Гитлер!“ и успешно выплыл. Итальянец замахал руками по-собачьи: „Дуче! Дуче! Дуче!“ и тоже добрался до берега. А француз сделал „блюм!“ и пошёл камнем ко дну»...

В последних числах декабря 1936 года начальник столичного почтамта пригласил Ивана для контрольного вскрытия нескольких адресованных ему писем. Перед процедурой вскрытия начальник с явной недоброжелательностью сказал: «У нас есть подозрение, что в них есть вложения валюты». На этот раз издателю «Голоса России» повезло только в одном из конвертов оказались франки, да и то на небольшую сумму. Однако протокол был составлен, а Солоневич строго предупреждён: если деньги будут пересылаться подобным образом, то его привлекут к ответственности «за финансовую контрабанду». Эта история с контрольным вскрытием произвела на Солоневичей неприятное впечатление. Они решили, что кто-то близкий к семье из-за элементарной зависти написал на них донос...

ИНО подготовил для руководства НКВД очередную сводку о «ситуации» вокруг братьев, подписанную Шпигельгласом и Клесметом^[124]:

«В кругах РОВС и болгарской полиции растёт недоверие к Солоневичам. Этим кругам известно о „бесспорной работе“ братьев с большевиками. Подтверждается это якобы такими фактами: Солоневичи получают значительные деньги из неизвестного источника. Они переехали из пригорода в центральную часть Софии, арендовали большую и дорогую квартиру. Стали регулярно выпускать газету в увеличенном размере, несмотря на слабое поступление денег за неё. Советское полпредство упорно молчит по поводу „Голоса России“, одновременно протестуя

против издания эмигрантских газет „За Россию“, „Русь“ и других. Приезд Ольги Хольстрем из Гельсингфорса к Борису расценивается в РОВС и полиции как стремление братьев к расширению поля деятельности.

Несмотря на все подозрения, полиция и РОВС конкретных мер к изоляции или ликвидации Солоневичей не предпринимают. Несколько дней назад Браунер пригласил Ивана Солоневича отдохнуть за город в надежде что-нибудь выведать у него. В результате оба напились и с большим трудом вернулись домой».

Глава восемнадцатая

«НЕ ПОРА ЛИ ОБЕЗВРЕДИТЬ?»

К началу 1937 года внимание НКВД окончательно переместился с Бориса на Ивана. Негативный для СССР резонанс его публицистической работы агентура НКВД фиксировала во всех странах русского рассеяния. На Лубянке всё чаще прикидывали варианты радикальной «нейтрализации» издателя «Голоса России». В первой половине января резидент Яковлев получил новые, предельно лаконичные указания по «спортсменам»: «Продолжайте их освещать. Вопрос обсуждается сейчас руководством под углом „ликвидации этого дела“».

С копиями писем Солоневича знакомились всё руководство НКВД — Ежов, Агранов, Слуцкий, Миронов. Одно из писем — Е. П. Березовскому в Харбин (от 19 января 1937 года) привлекло особое внимание. В нём Иван благодарил своего помощника за усилия по изданию «России в концлагере» в Японии:

«Теперь мы читаем ежедневно, что Ниппон хочет вести серьёзную борьбу с Коминтерном, а издание таких книг, как моя и брата, может много помочь для просвещения мозгов левизанствующих японцев... Пока книга появилась только на чешском языке. На французский — переводится. Думаю, что раньше всего выйдет немецкое издание — приблизительно в мае... В Америке и Англии книга выйдет, вероятно, не раньше лета. Книга брата „Молодёжь и ГПУ“ будет опубликована на русском языке только в марте. Просим Вас развить на неё подписку, шлём рекламу. Не поговорите ли Вы в китайском посольстве о переводе её на китайский? Мы Вам с удовольствием дадим известный процент за комиссию»...

В письме Солоневич жаловался на плохую «проходимость» писем и посылок на Дальний Восток через Сибирь, их частую пропажу: «Очевидно, товарищи бодрствуют»^[125].

Размах действий братьев — от Софии до Токио — вызвал раздражение Шпигельгласа. На копии письма он оставил размашистую резолюцию:

«Тов. Клесмету. Не пора ли обезвредить?
24.01.37».

Судя по всему, именно с этой резолюции началась техническая проработка «ликвидации Ивана Солоневича». Конструирование адской

машины Клесмет поручил украинским коллегам, поскольку в Киеве действовала специальная лаборатория НКВД, которая занималась экспериментами с новейшими взрывчатыми веществами.

В первые месяцы 1937 года полпред Раскольников стал регулярно просматривать «Голос России», готовя аргументацию для ноты протеста по поводу «провокационной работы братьев Солоневич». По оценке Раскольникова, ни одна другая газета эмиграции не нанесла столь большого ущерба авторитету СССР, как «Голос России».

Раскольников посетил Министерство иностранных дел и сделал устное «представление» по поводу враждебной деятельности Солоневичей в Болгарии. Полпред предупредил, что дальнейшие провокации «Голоса России» могут негативно сказаться на будущем советско-болгарских отношений. В МИДе обещали выяснить «ситуацию с газетой» и принять надлежащие меры. Браунер узнал о демарше, но Ивана об опасности, нависшей над «Голосом России», не предупредил.

Вскоре после визита Раскольникова в МИД братьев пригласили в здание политической полиции, где вручили им подробные вопросники «для уточнения некоторых неясностей в биографиях». Солоневичи не сомневались, что вопросы были составлены Фоссом, но скандала устраивать не стали, понимая, что на фоне неблагоприятных слухов о них болгарская охранка не может оставаться пассивной. В полиции не догадывались, что черновые варианты вопросника были подготовлены Николаем Абрамовым на основании «шпаргалки», полученной от резидента. Фосс, облегчая себе работу, просто извлёк вопросник из «наблюдательного дела» на Оборище, 17.

Список полицейских вопросов, присланный Яковлевым в Москву, не без профессионального интереса проанализировали замначальника ИНО майор Берман и начальник VI сектора капитан Партин^[126]. На что клюнули болгары? На чём заострили внимание? Что выбросили, признав несущественным? Оказалось, что они использовали «заготовку» Лубянки почти без изменений.

Вот часть вопросов болгарской полиции для Ивана:

«Много неясностей в отношении перемен в вашем служебном положении. Составьте хронологию.

В прежней биографии вы указали, что были арестованы 11 раз. Когда и где произошли указанные аресты (назовите точные даты)?

Страдала ли при этом ваша семья? Как при этих обстоятельствах вам удалось устроить жену на загранслужбу в торгпредство, да ещё добиться

выезда сына в Берлин?

С какого времени вы руководили спортивной и туристической работой в профсоюзе? Как вы смогли туда попасть, если находились под оком ГПУ?

Как, несмотря на контроль ГПУ, вам удавалось разъезжать по Советскому Союзу?

Вы сообщили, что в 1932 году развелись с женой, и она вышла замуж за немецкого подданного Бруно Пшевозного, чтобы легально выехать за границу. В другой раз вы сообщили, что вам „удалось полулегально переправить жену за границу“. Что из этого соответствует действительности?

Как-то вы заявили, что один из ваших побегов не осуществился из-за ареста Бориса. Если бы вы решились на побег, это означало бы для него смертную казнь. Почему никто из вас не озаботился тем, что ваш второй побег угрожал смертной казнью жене Бориса, находящейся в ссылке?

Ваш сын Юрий работал в Москве помощником кинорежиссера М. Роома. После первого неудачного побега в 1932 году он продолжил работу, хотя ему еще не исполнилось 17 лет. Как это было возможно?»

Анкета, предназначенная для Бориса, содержала втрое больше вопросов. «Доктор Боб» был настолько неточен и небрежен в книгах, статьях и интервью, рассказывая о перипетиях своей советской жизни, что вольные или невольные противоречия бросались в глаза даже не слишком внимательному читателю. Теперь Борису аукнулась его склонность к «красивой фразе» и «эффектным ситуациям» автобиографического характера:

«Дайте более точное описание вашего пребывания в „Офицерской роте Спасения Кубани“. Восстановите даты участия в операциях против большевиков. Укажите фамилии лиц начальствующего состава роты.

Как вы эвакуировались в Крым? Как случилось, что после боевых действий на Кубани вы попали в тыловое учреждение? Почему не эвакуировались из Крыма с Белой армией?

Чем объясняется неувязка в датах? Вы сообщали, что в 21–23 годах работали в Одессе в „АРА“, что примерно в это же время были осуждены за скаутскую работу на 2 года тюрьмы и что в 1923 году стали инструктором физкультуры на Черноморском флоте. Уточните даты: приезд в Одессу, поступление в „АРА“, арест ВЧК, время пребывания в тюрьме, дата выхода из неё.

Каким образом вы, будучи осуждённым ВЧК за контрреволюционную деятельность, попали на Черноморский флот (от Одессы до Севастополя не так уж далеко, чтобы замести следы)? Как вы получили пост инспектора по

физической подготовке ВМФ в Москве (должность, которая, по вашим словам, соответствовала генеральской)? Проходили ли вы при этом тщательную проверку личности?»...

Вопросов было много: «Как получили профессию врача всего лишь за два года учёбы в Московском университете? Почему были дважды осуждены за одно и то же „преступление“ — скаутскую работу? Каким путём после высылки в Орёл удалось получить должность фотокорреспондента?» И так далее и тому подобное...

Иван решил воздержаться от «бодания» с болгарскими властями по поводу этой подчёркнутой демонстрации недоверия. Если конфликт будет разрастаться, скандалом воспользуются полпредство и просоветская агентура в болгарском правительстве. В такой переделке «Голос России» вряд ли уцелеет. Иван подготовил ответы в тот же день, но с их вручением не торопился. Ждал, когда Борис подготовит свои.

Брат сочинял ответы несколько дней. На телефонные — напоминающие — звонки из полицейского управления он реагировал хладнокровно: ссылаясь на занятость, обещал ускорить работу, говорил, что не имеет под рукой архивов, короче, валял дурака. Ответы Борис, наконец, кое-как подготовил и, приобщив к ним бумаги Ивана, отвёз всё это в полицию. О какой-либо полицейской реакции на содержание своих ответов Солоневичи так никогда и не узнали...

Глава девятнадцатая

БУДНИ «ПРОЦВЕТАЮЩЕГО» ИЗДАТЕЛЯ

Круг постоянных корреспондентов «Голоса России» расширялся. Из Ирана пришло письмо, на конверте которого было незнакомое Ивану имя — Михаил Гротт. Он прислал статью, в которой произнёс панегирик патриотизму Солоневича и националистическому духу издаваемой им газеты. И в конце — приписка: «Если это письмо вы решите напечатать, то убедительно прошу не указывать места, откуда оно послано. Псевдоним мой — М. Гротт — прошу сохранить»^[127].

О себе он сообщил следующее: «Моя настоящая фамилия — Михаил Михайлович Спасовский. Живу я в Персии (ныне Иран) с марта 1926 года. Эмигрант. Со мною мать, жена, сын и дочь. Родился я в Санкт-Петербурге в марте 1890 года. За плечами имею юридический факультет Санкт-Петербургского университета и архитектурный факультет СПб-й академии художеств. В Персии состою архитектором высочайшего двора и сейчас занят капитальной перестройкой для его величества шаха Реза Пехлеви знаменитого Софиабадского дворца (эпохи Сефевидов, XVI век), расположенного в Мазандеране, около города Ашрефа, на берегу Каспийского моря. Из этого дворца Стенька Разин по преданию выкрал персидскую княжну».

Иван не сразу ответил Спасовскому: конверт с его обратным адресом затерялся. Тамара вложила ответ мужа в письмо распространителю «Голоса России» в Иране — бывшему полковнику Николаю Супротивному, который жил в Тегеране и был одним из руководителей тамошней организации фашистов. Супротивный ждать не заставил: «Что касается Спасовского, с которым я лично знаком (он берёт у меня газеты), то письмо я ему передам. Адрес его простой: „Тегеран, архитектору М. С.“. Его на почте хорошо знают, а квартира его находится напротив английской миссии. Он часто бывает в отъезде по делам в Мазандеране»^[128].

Солоневич помнил Спасовского по работе в «Новом времени» и по литературно-художественным вечерам журнала «Вешние воды». На них часто бывали А. М. Ренников, М. О. Меньшиков, В. В. Розанов, А. А. Бурнакин, В. В. Андреев, организатор Великорусских оркестров.

Воспоминания «о прекрасном прошлом» способствовали «эпистолярному» сближению Солоневича и Спасовского, который строил планы по переезду в Европу, «ближе к эпицентру событий, чтобы заняться общественно-политической и литературной деятельностью».

Надо пояснить, что Спасовский в 1930-х годах претендовал на роль идеолога русского фашистского движения, перевёл на русский язык «Майн кампф» Гитлера. Он искал в рядах эмиграции авторитетных людей, способных объединить фашистские организации и возглавить движение. По мнению Спасовского, Вонсяцкий, Родзаевский, Мельский и Солоневич должны понять, что «этот путь, путь сговора, является единственным, который может привести русскую эмиграцию к широким и положительным результатам в борьбе за новую Россию».

На зондирующее письмо Спасовского Солоневич ответил 23 ноября 1937 года сдержанным посланием, в котором изложил свою позицию в отношении объединения фашистских группировок. Солоневич хорошо помнил, как безрезультатно завершились попытки Родзаевского вместе с Вонсяцким объединить русские фашистские организации. Заключать союз с таким эгоцентриком, как Вонсяцкий, — значит ничего не понимать в политике.

Чтобы добиться взаимопонимания с болгарским правительством, укрепить положение газеты и нейтрализовать недоверие эмиграции, Солоневичи направили 22 июня 1937 года докладную записку на имя премьер-министра. В ней братья предлагали помощь «родственной славянской стране Болгарии» в организации «противобольшевистской работы в сфере пропаганды». В документе было особо подчёркнуто: «Хотим сделать это безвозмездно. Материальная сторона нас не интересует».

В записке, в частности, говорилось:

«По всему миру ведётся напряжённая борьба между разрушительными идеями коммунизма и здоровой государственностью. Мы, недавние беглецы из СССР, внимательно следим за формами этой борьбы и не можем не заметить весьма слабое ведение антикоммунистической пропаганды во всём мире. Из Москвы идут сейчас громадные средства на поддержание большевистской пропаганды среди населения Европы, души молодёжи и народных масс развращаются хитроумными способами, выработанными советской практикой.

Прекрасно организованная деятельность (болгарской) политической полиции весьма затрудняет большевистскую пропаганду, но всё же

раскрытие коммунистических организаций и типографий свидетельствует о необходимости усиления борьбы на этом направлении.

Нужда в строгих репрессивных мерах очевидна, но одновременно с этим важно обратить большее внимание на идеологическую сторону. В этих целях может быть создан специальный печатный орган, могут использоваться письменные и устные показания возвращающихся из СССР болгар, употребляться методы наглядной агитации, перерабатываться для болгарских условий материалы таких организаций, как „Антикоминтерн“, „Силлак“, „Лига Обера“»...

Ответа на это обращение Солоневичи не дождались. Браунер рекомендовал болгарским властям не оставлять «письменных свидетельств» о контактах правительства с «сомнительными элементами из Совдепии».

В июне 1937 года Иван завершил повесть «Памир». Она была включена в книгу с одноимённым названием, в которую вошли другие его работы: «Открыватели новых земель», «Роман во Дворце труда», «В деревне». В этих произведениях, документальный характер которых писатель постоянно подчёркивал, были показаны в концентрированном виде негативные стороны советского бытия. Общая идея всех повестей более чем очевидна: «...люди из различных социальных слоёв населения, никогда не думавшие о политике, чувствуют фальшь, жестокость, антигуманность повседневной советской жизни и потому становятся на путь борьбы с ненавистным режимом». Многими темами, образами и выводами сборник повестей «Памир» перекликается с «Россией в концлагере».

В Болгарии Солоневич начал вынашивать план создания «Подлинной биографии Сталина», делился мыслями об этом с Тамарой и Борисом. При всей заманчивости от этой идеи пришлось отказаться. Публикация такой книги неизбежно привела бы к демаршу советского полпредства, последствия которого были предсказуемы: закрытие газеты, высылка, новые скитания. В Европе им вряд ли удастся зацепиться. Переселение на периферию русского рассеяния привело бы к маргинализации издательско-политической работы, ослаблению связей с подписчиками и «штабс-капитанами».

Тема Сталина постоянно присутствовала на страницах «Голоса России», поднималась в ходе лекционных турне, затрагивалась в творчестве Ивана Солоневича и членов его команды. Делалось это дозированно, в общем контексте их разоблачительно-публицистической

деятельности. Иван шутил, что даже «гомеопатические средства» временами помогают излечиться от серьёзных недугов.

Солоневичи были единомышленны в том, что Сталин и Гитлер, соперничая в международных делах, ревниво копируют стиль поведения и приёмы друг друга для завоевания симпатий масс. Правда, первой обратила на это внимание Тамара в своих «Записках советской переводчицы»:

«В 1926 году Гитлер ещё не был у власти и никто не вызывал у Сталина чёрной зависти по линии популярности у народа. Тогда Сталина было невероятно трудно увидеть. Кроме майского и ноябрьского парадов и пары съездов в году он нигде не показывался. Его портретов нигде не печатали. Нужно было, чтобы Гитлер пришёл к власти, чтобы появились его портреты в кино и в театрах, где он был изображён разговаривающим с детьми, окружённым молодёжью, произносящим речь на предприятиях, чтобы Сталин решился показать и себя „своим народам“. Когда я вижу известный снимок, изображающий зловещую физиономию „обожяемого“ Иосифа Виссарионовича рядом с головкой чернокудрой маленькой девочки, мне становится тошно. Так не вяжется это бездушное жестокое лицо с лицом невинного ребенка. Это просто профанация».

Ситуация в Европе менялась, советский и германский вожди были вынуждены искать сближения, преследуя диаметрально разные цели. Сталин стремился к созданию благоприятных условий для перевооружения армии и ускоренной подготовки её для отражения агрессии с Запада. Гитлер пытался развязать себе руки для «активных действий» в Центральной Европе и против Польши. Советский Союз значился в числе стратегически важных целей, но на более отдалённую перспективу. Поэтому германский фюрер прикидывал различные варианты действий по нейтрализации Сталина в Европе, искал пути к завязыванию «мирного диалога» с Россией.

Семья Солоневичей выписывала основные советские газеты и по их заметно потеплевшему тону в отношении Германии уловила главное: «флирт между диктаторами» успешно развивается. Особенно странно смотрелись на страницах газет с девизом «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» обширные фрагменты речей Гитлера, из которых, правда, цензурой вычёркивались выпады фюрера в адрес жидомасонов и коммунистов...

Летом 1937 года братья Солоневичи возбудили ходатайство о разрешении им въезда во Францию — на международную выставку. И желанные визы они получили! Их первые впечатления о стране были

неблагоприятными: рост социальной напряжённости, наличие «предреволюционной» ситуации, дух конфронтации, овладевший французами, — всё это было видно невооружённым глазом. Французы жаждали перемен.

Иван так вспоминал об этой поездке: «Ровно двадцать лет спустя после нашей революции, в 1937 году, я попал в Париж, во время парижской всемирной выставки. Я не был на положении туриста. Мне приходилось вести поистине чудовищную работу, и не было никакого времени следить за французским общественным мнением, и не было даже времени посетить выставку. Были основания опасаться коммунистического покушения, и мои друзья держали меня в положении, так сказать, „усиленной охраны“. Я видел очень мало. Но то, что я видел, было жутко. На улицах Парижа появились те же зловещие люди, как и на улицах Петербурга 1917 года. Было ясно: французские недоноски собираются следовать примеру русских недоносков... Были времена „народного фронта“, и „пролетариат“ шатался по митингам... Воздух Парижа пах Керенским. И Лениным — тоже. Только в отличие от русского примера соответствующий Ленин пришёл из Германии. Сейчас принято ругать Гитлера — не хочу хвалить его и я. Но всё-таки думаю, что победа Гитлера обошлась Франции дешевле, чем обошлась бы победа Тореза».

Приёмом «эмигрантской массы» в Париже Иван остался доволен: его знают, его работу ценят, у него есть последователи:

«Переполненные залы, в них сливки всей национальной эмиграции. Банкеты в нашу честь — галлиполийцев, моряков, РОВСа, казаков, „Возрождения“ и других. Штабс-капитаны таксисты, установившие для нас дежурства своих такси. Русские семьи, зазывавшие на русский борщ. Две случайные поездки на случайных такси, и — бывает же так — оба раза попались русские шофёры. При попытках платить: „Нет уж, И. Л., мы вас знаем — с вас ещё деньги брать!..“ Вместо франков просто крепкое рукопожатие».

Чекисты не спускали с «гастролёров» глаз. В информационной сводке ИНО НКВД о европейском турне Солоневичей было отмечено, что братья не добились тех результатов, на которые рассчитывали:

«Небезызвестные Солоневичи — проездом из Парижа — уже несколько дней находятся в Брюсселе. Выступили с тремя лекциями-докладами 8, 10 и 13 августа, которые не представили никакого интереса и построены главным образом на воспоминаниях прошлого. Братья стремятся объединить вокруг себя русскую эмиграцию, за исключением младороссов, евразийцев и других левых организаций, и войти в контакт с

троцкистами (Солоневичи говорили о необыкновенной храбрости и гении Троцкого). Будучи в Париже, они вели переговоры с руководителями всевозможных национальных партий, пытаясь пролезть в их вожди. Переговоры с НТСНП не привели к каким-либо результатам, хотя братьям была обещана поддержка (на самом деле парижское отделение НТСНП резко настроено против Солоневичей). Приблизительно такой же ответ братья получили от Российского национального объединения (Гукасов и К^о).

В Брюсселе братья организовали боевую дружину, дав ей название — РОС. В неё вошла воинственно настроенная молодёжь... Этот отряд в настоящее время занят охраной Солоневичей».

После лекционного турне Иван возвращался в Софию без Бориса, который задержался в Брюсселе лечить глаза. Зрение его снова стало сдавать. Ещё год назад — при их постоянном безденежье — это вызвало бы серьёзные проблемы. Но сейчас было проще: газетных доходов вполне хватало, чтобы оплатить услуги лучших специалистов. Тамара торопила мужа с приездом: для очередного номера не хватало материалов. На этот раз Иван не забыл о подарках: купил французские духи и журналы мод, которые попались на глаза. На обратном пути под стук вагонных колёс стал набрасывать карандашом фрагменты статей для «Голоса России». Газета не должна выдыхаться: без актуальных, полемически поданных тем, безжалостных оценок и логически безошибочных выводов, к чему он уже приучил своих читателей, газета обречена на прозябание и упадок. Сколько их было — таких провалившихся попыток! Достаточно побывать в эмигрантских библиотеках: невостребованные, с неразрезанными страницами журналы и тощие подшивки газет, которые бесполезно пылятся на полках. Нет, надо писать так, чтобы глагол жёг сердца людей и сейчас, и через десятилетия.

В дни пребывания Солоневичей во Франции русскую колонию сотрясал очередной скандал. В газете «Возрождение» (от 6 августа 1937 года) была опубликована заметка о подозрительной встрече лидера младороссов Казем-Бека с «советским» графом Алексеем Алексеевичем Игнатьевым в кафе «Коаяль». Если до этого контакты младоросской партии с представителями СССР были под вопросом, то «секретное свидание» в кафе, на котором присутствовал ещё один «советский, явный чекист», продемонстрировало эмиграции, что прежние смутные подозрения имели реальную основу. Движение младороссов находится под контролем

сотрудников ГПУ-НКВД! Нет, не напрасно они объявили себя «второй советской партией»!

Скандал нарушил гармонию отношений великого князя Кирилла Владимировича с младороссами. До происшествия в «Коаяле» он симпатизировал программе партии и поддерживал контакт с её руководством через своего представителя, великого князя Дмитрия Павловича. Казем-Бек был вхож в близкое окружение Кирилла, являясь при нём своего рода официальным «политическим обозревателем». Вождь младороссов очень осторожно, без нажима пользовался доступом к Кириллу для разъяснения партийных целей, задач и идеологии партии. Для великого князя они не могли не быть притягательными. Младороссы считали идеальным государственным устройством самодержавную монархию, но не ту, что была предательски разрушена в феврале 1917 года, а обновлённую — надклассовую, трудовую и социальную. Весьма привлекательной казалась Кириллу Владимировичу магическая формула младороссов — «Царь и Советы». Освобождённые от контроля большевиков, Советы вполне могли стать самостоятельными органами самоуправления, успешно взаимодействовать с представителями монаршей власти на местах и в центре. Но теперь, когда Казем-Бека подстерегли в «советской компании», рассчитывать на его политический проект стало невозможно. Эмиграция расценила бы это как вызов.

Казем-Беку пришлось подать в отставку, которая великим князем была принята не без сожаления. Для него, без всякого сомнения, это было грустное прощание с манящей иллюзией возвращения на трон, созданной в воображении талантливого, лично преданного ему человека, умевшего увлечь магнетизмом своих слов любого слушателя...

После поездки «в Европу» Иван долго не мог избавиться от ощущения бессилия и безвыходности. Нашумевший скандал с младоросской партией ещё раз показал, что чекисты мастерски разрушают эмиграцию изнутри. Взаимное недоверие и перекрёстные подозрения — с этим феноменом эмигрантской жизни они с Борисом столкнулись в Париже в очередной раз. В разных группах эмигрантской массы были свои «подозреваемые». Это утешало Солоневичей: обвинения в их адрес не были чем-то исключительным. Тема «чекизма» вызывала у эмиграции нервный холодок, была привычной и даже необходимой для поднятия тонуса, как посещения фильмов ужасов.

После Парижа постоянно возникали беспокойные мысли и по другому поводу, куда более важному. Приятно было вспоминать о тёплом приеме

«эмигрантской массы», доверяющих ему «штабс-капитанов». И тревожно думалось о руководящих верхах, внешне — милейших людях, представлявших в большинстве своём бывший правящий слой России. Они встречали Солоневичей роскошными банкетами, «блеском оперной декорации», многословными речами солидарности. В этих речах Иван вновь и вновь ощущал холодную волю «милейших людей» к реваншу, возвращению любой ценой всего, что было утрачено ими в России после революций и Гражданской войны: имений и земель, фабрик и нефтепромыслов, губернаторских и министерских постов. Поэтому, задавая риторический вопрос — «Что скрывается под оперой банкетов, знамён, традиций и высоких слов: Россия или аппетиты?» — Солоневич был стопроцентно уверен в ответе: «Аппетиты! Бесчестные и глупые претензии!»

Рассчитывать на этих бездарных и жадных людей из «потонувшего мира» в предстоящей работе по перестройке России, по мнению Ивана, было невозможно: «Утопленники со ржавыми ядрами, привязанными к ногам. Кажется, что они стоят, — они не стоят, а только плавают. Кажется, что они двигаются. Но это просто их пошевеливает течение. Мёртвые люди, мёртвые слова и мёртвый мир. Полная и абсолютная безнадёжность». И, по оценке Солоневича, — полное отсутствие на их стороне объединяющей идеи и реальной силы для освобождения и отстройки России.

22 сентября 1937 года русскую эмиграцию в Европе потрясло похищение генерала Е. К. Миллера. Он пошёл на деловую встречу с немецкими дипломатами и пропал. По заведённому обычаю Миллер перед уходом из дома оставлял записку: куда идёт и когда вернётся. Встречу организовал генерал Скоблин, который и сам исчез после этого происшествия.

Во всех центрах русского рассеяния вновь заговорили о многочисленных провокаторах, особенно в РОВСе. Безжалостным нападкам подверглась «внутренняя линия», а объявленного в розыск генерала Скоблина мировая и эмигрантская пресса единодушно назвала агентом ГПУ, заманившим генерала на свидание с «германскими офицерами», которые на самом деле были чекистами из Совдепии. Тем не менее конкретных доказательств против Скоблина не было.

Иван вмешался в «общеэмигрантскую дискуссию», поддавшись на уговоры генерала Абрамова, который настойчиво просил «защитить честь боевого корниловского генерала Скоблина». В принципе, на этой теме и сосредоточился Солоневич, анализируя в своей статье обстоятельства

похищения Миллера. Иван напомнил читателям своей газеты, что Скоблина и прежде обвиняли в сношениях с большевиками. Тогда генерал потребовал суда чести, и суд его оправдал. Повторение нападок на Скоблина, «обвинения командира Корниловского полка в провокации» Иван истолковал как действия большевиков по нанесению «морального удара» по Белому движению.

Солоневич писал:

«В наше время возможны всякие варианты азефовщины. Однако ген. Скоблин, главным образом благодаря его жене Н. В. Плевицкой, был вполне обеспеченным человеком и имел возможность разъезжать по Европе на собственном автомобиле. Плевицкая не так давно получила весьма основательную премию по поводу её автомобильной катастрофы. Я не склонен предполагать ген. Скоблина таким идиотом, который, имея на глазах целый ряд примеров, начиная от Слащева и кончая Тухачевским, стал бы продавать свою душу за чёртовы черепки. За ним — немалый боевой стаж, а Надежда Васильевна — глубоко и искренне верующая женщина, и предположение, что она могла участвовать в предательстве, мне кажется чрезвычайно маловероятным».

Иван отметил также, что для похищения 73-летнего генерала не нужно было организовывать «таинственных свиданий». Он не имел охраны и вёл себя настолько неосторожно, что хватило бы автомобиля и двух крепких молодцов, чтобы похитить его. Солоневич подчеркнул, что убедился в этом, когда два месяца назад вместе с В. М. Левицким посетил Миллера в Бианкуре и обнаружил, что тот живёт в огромном замке, расположенном в лесу, причём без какой-либо охраны!

Голос писателя в защиту Скоблина прозвучал диссонансом. Вновь поползли слухи: с Солоневичами нечисто, они прикрывают предателя и, возможно, сами являлись подготовительной частью этой операции НКВД, для чего и выезжали во Францию и Бельгию под предлогом чтения лекций. «Разоблачитель провокаторов» Бурцев сообщил прессе, что об этом «сомнительном турне братьев Солоневичей» ему с тревогой говорили в сентябре 1937 года представители Национального союза нового поколения. Фактов у них не было, но они считали своим долгом поделиться подозрениями, что братья разлагают эмиграцию «по заданию Москвы». Мол, внешне их работа носит антибольшевистский характер, но подспудно всё делается «в интересах Совдепии».

К чести Бурцева надо сказать, что поспешных выводов в отношении братьев он делать не стал: «Я к ним присматриваюсь и определённого мнения пока не составил».

В Софии, враждебные выпады в адрес Солоневичей тщательно фиксировались советской агентурой. Они были своеобразной лакмусовой бумажкой: сохраняет ли эффективность долгосрочная программа по компрометаций братьев?

Агент «Старик» сообщил в октябре 1937 года:

«В группе офицеров-дроздовцев (в торговой конторе полковника Конькова) был поднят вопрос о Солоневичах. Все в один голос заявили, что „это — советская сволочь, которой верить никак нельзя“. Они из той породы, которая под пение ‘Боже, Царя храни’ способна на какую угодно гнусность. Они страшнее явно большевизантствующих активистов».

Друг Солоневичей — актёр Е. Ф. Ждановский^[129], который недавно приехал из Праги, доверительно сообщил мне:

«Боюсь, что они тоже советские кадры. Думаю, что Борис засел в Бельгии потому, что он участник ‘саблинского дела’. Вот будет скандал! Подозрительно, что они в последнее время никуда не показываются. Говорят, что Иван болен, хотя он постоянно пишет и печатает свои статьи, а Борис, вроде бы в Брюсселе, но, может быть, и не там. Разве разберёшь их, они всё скрывают».

Протопресвитер Шавельский и его сестра слышать не могут о Солоневичах. Не только не бывают у них, но даже о каком-то хозяйственном недоразумении переписывались по почте, избегая личных встреч. Сегодня Шавельский с жаром назвал их «необыкновенными нахалами, бессовестными людьми, потерявшими всякий стыд». Он сказал: «Мне теперь было бы неприятно съездить у них и кусок хлеба, думая, как бесстыдно они обдирают несчастных штабс-капитанов».

Генерал Зинкевич пришёл к окончательному выводу, что Солоневичи — большевистские агенты. Он как будто кается, что первое время был доверчив к ним, помогал их водворению в Болгарию. Говорит, что с братьями надо быть предельно осторожными, чёрт их знает кто они такие: «Если станет известно, что Борис с его атлетической силой втаскивал генерала Миллера в советский автомобиль, то мы ни на минуту не усомнимся в достоверности такого факта»...

В ноябре 1937 года на имя Ивана пришло письмо из японского города Кобе. В последнее время он всё чаще передоверял редакционную переписку Тамаре, но Фёдору Дмитриевичу Морозову ответил без её помощи:

«Я был чрезвычайно рад получить письмо от такого, как я сам, ибо мой отец в детстве ещё пас свиней. Поражаюсь Вашему здравому смыслу и

тем умным мыслям, которые Вы высказываете. Очень рад с Вами познакомиться. Ваше письмо шло всего 19 дней, полагаю — через Сибирь. К сожалению, к моим посланиям и посылкам газет большевики относятся крайне подозрительно и их не пропускают. Так, они перехватили мои заказные бандероли на Дальний Восток, раскрыли их, напихали в них всякой дряни и потом снова запечатали. Наши представители не догадались вскрыть пакеты на почтамте, а увезли домой, обнаружили подлог, но составить протокол уже не смогли. Теперь приходится всё слать через Суэц, но зато очень долго идёт.

Очень порадовался, смотря на Ваш магазин и на самовар. Это хорошо, что наш русский человек не забывает своей родины, духа и языка. Вы глубоко правы, когда пишете, что наш брат — мужики везде делают честь нашей родине, а аристократия — повыврождалась. Это суцкая правда... Не напишете ли Вы нам о жизни русских в Кобе и вообще в Японии? Вы написали в этот раз больше о своих личных политических взглядах, а теперь напишите, пожалуйста, об условиях жизни вообще. Да, Япония — великая страна, — это бесспорно, и от неё, да от Германии придётся нам ждать спасения нашей многострадальной родины от большевиков».

В конце 1937 года в резидентуру в Софии было направлено оперативное письмо, в котором пункт за пунктом перечислялись «уязвимые», с точки зрения Лубянки, моменты в поведении Солоневичей, в первую очередь Ивана. Рекомендаций по их использованию не давалось. Разберётесь, мол, на месте. Яковлев довёл часть этих тезисов до Фосса и Браунера через свою агентуру, не прибегая к помощи «Ворона». Резидент уже точно знал, что Николай Абрамов находится под негласным надзором «внутренней линии».

Вот некоторые из этих тезисов:

«Приезд Ольги Курпатовой (Хольстрем) в Софию. Уехала — 24.11.37. Подозрительная миссия.

Разговор Бориса об устранении Георгиевского после возвращения из Югославии.

Разговоры о том, что Солоневичи создают фонд с целью подкупа болгарской цензуры и властей.

Приёмы и вечеринки на квартире Солоневичей, главным образом — молодёжи. Политически обрабатывают?

А. Мещерский получил письмо от друга, бежавшего из концлагеря, который написал, что Ивану верить нельзя, т. к. всё описываемое в его книге — неверно.

Жена служила в Торгпредстве в Берлине в то время, когда Иван

находился в лагере.

Получил из Германии 150 тыс. за книги, что является подозрительным.

Фашисты считают Ивана большевиком. Тамара состоит в „Соколе“, скаутах и НСНП, пытается вступить в ВФП, но ей отказали. Приходила, вынюхивала, по какой причине.

Солоневичи говорят, что были арестованы 11 раз, но сильно не пострадали, несмотря на то, что, по их словам, были активными контрреволюционерами.

Всегда и всюду в ссылках, концлагерях в строгой изоляции не находились, как все политические заключённые, а наоборот, им всегда „везло“, они получали свободу передвижения, занимали какие-нибудь служебные посты.

Водили знакомство с видными работниками „Динамо“ — чисто чекистской организацией. Посещали ГПУ, знали ответственных лиц из ГПУ.

Полиция установила несовпадение рассказов братьев с данными их биографий.

По закону об измене родственники Солоневичей должны были быть репрессированы, однако отец жены и дети Бориса благополучно живут в Москве.

Посылка Юрия в Вену на учёбу, частые приезды его на каникулы.

Странные отношения отца и сына. На докладах Ивана Юрий говорил, что „батька всё врёт“. Око!

Широкий образ жизни: Иван и его семья — единственные русские эмигранты, живущие на улице Царя Освободителя.

Пишут в статьях и книгах о своих знакомых, в частности в Орле, совершенно не заботясь о том, что те могут пострадать».

Игнорировать компрометирующие слухи, которые лавинообразно распространялись в падкой на сплетни эмигрантской среде, Солоневичам становилось всё сложнее. Клевета повторялась с удручающим однообразием и постоянством, била в одну точку и была направлена на всех членов семьи, включая Юру. Даже в близком их окружении появились дезертиры: трудно было противостоять «общему мнению».

Ждановский перестал присылать контрамарки на свои концерты. Растворился в неизвестности доктор Сокольский, который еженедельно навещал их с визитами. Протопресвитер Шавельский не мог простить себе первоначальной «доверчивости» и старался компенсировать свой промах, вызывая к «бдительности» по отношению к Солоневичам. Священнику

верили.

Отбиваясь от напора клеветы, Иван и сам допустил промах. Историю со своим «письмом в защиту Скоблина», которое он написал, поддавшись на уговоры генерала Абрамова, Солоневич переживал болезненно. Он оказался «защитником чести» агента НКВД! То же самое в отношении Плевицкой. Французская полиция арестовала её за соучастие в похищении Миллера, а он, Солоневич, старался доказать, что певица не имеет к делу никакого отношения.

Через день после объявления об аресте Плевицкой Тамара подошла к столику с патефоном и, присев, стала выбирать из общей стопки пластинки с песнями в её исполнении.

— Что ты собираешься с ними делать? — спросил Иван.

— Разобью и выброшу, — сказала Тамара.

— Стоит ли? — возразил он. — Плевицкая в тюрьме и вряд ли скоро выйдет. Французы примерно накажут её, чтобы другим было неповадно совершать преступления на их территории. Скоблин где-то скрывается, но слишком много знает, а потому опасен для своих хозяев. Я и ломаной полушки за его жизнь не дам. Но при чём здесь русские песни? В чём виноват её голос? Лучше Плевицкой сейчас в эмиграции певицы нет, так что пусть поёт в нашем тесном кругу.

Он завёл патефон, и, выбрав наугад одну из пластинок, аккуратно опустил иглу. «Замело тебя снегом, Россия», — запел чарующий голос...

Года через два после скоблинской истории в статье «Пути, ошибки, итоги» Иван вернулся к этой неприятной для него теме. Он напомнил гельсингфорсские эпизоды, когда только что прибывшие в Финляндию беглецы из Советской России попали «в объятья» «неофициального» представителя РОВСа «некого офицера Корниловского полка», а через него «влезли в Скоблина». В статье Иван по понятным соображениям не стал называть имя Бастамова, но подчеркнул, что именно через него Борис передал в РОВС (то есть Скоблину) «кое-какие сведения разведывательного характера». РОВС требовал явок в России, и по этому вопросу братья никак не могли договориться. Сомнений в надёжности представителя Союза ещё не было, но Солоневичи беспокоились за судьбу тех в Совдепии, кого они могли подвергнуть опасности.

«Ругались мы сильно и долго, — признался Иван. — Был найден так называемый гнилой компромисс. Борис сообщил два весьма второстепенных адреса: один — своей квартирной хозяйки в Орле, другой

— своего приятеля-офицера. Этих людей нынче нужно считать погибшими, так что никакого тут секрета нет. Я всё-таки помнил свои одесские опыты и ни одного адреса не дал ни раньше — из Гельсингфорса, ни позже — из Софии».

Пытаясь решить для себя и для других: имеет ли активная часть эмиграции реальную возможность работы «на Россию», Солоневич сделал категорический вывод: по линии РОВСа этого делать нельзя! Скоблинское наследие в Союзе, по мнению Солоневича, не было расчищено, чекистская сеть осталась нераскрытой, во многом из-за нежелания руководства РОВСа навести порядок в своей организации.

Об обстоятельствах исчезновения и смерти генерала Скоблина достоверной информации нет. Официальной и самой распространённой стала версия о гибели «№ 13» во время бомбёжки Барселоны авиацией Франко. По другой версии, Скоблин был убит сотрудниками ИНО в воздухе на борту самолёта, а его тело сброшено в воды Средиземного моря.

Нет сомнения, что 11 ноября 1937 года Скоблин был ещё жив. Этим числом датировано его письмо, адресованное «товарищу Стаху». В тексте письма есть строчка: «От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомлённость о моей Васеньке не даёт мне целиком отдаться этому делу». Васенькой он звал свою жену. Она в это время находилась в парижской тюрьме под следствием. Французская полиция, не имея серьёзных улик, всё-таки посадила певицу за решётку — как «соучастницу похищения генерала Миллера», — чтобы провести «показательный процесс» и продемонстрировать свою готовность к борьбе с иностранным шпионажем и терроризмом.

Скоблин очень переживал за Васеньку. Он просил Стаха, который приезжал к нему каждые две недели (из Франции?), найти возможность «ободрить, а главное, успокоить» жену. «Как Вы полагаете, — написал он своему оперативному „куратору“, — не следует ли Георгию Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно Васеньки?» «Некоторые меры» — это, без всякого сомнения, планы вызволения жены из тюрьмы. Скоблин ощущал вину перед ней: он — на свободе, а Васенька в руках тюремщиков^[130].

Видимо, опасался Скоблин и за свою собственную судьбу. Вот фрагмент из его письма: «Недавно мне здесь пришлось пересматривать старые журналы и познакомиться с № 1 журнала „Большевик“ этого года. С большим интересом прочитал его весь, а статья „Большевики на северном полюсе“ произвела на меня большое впечатление. В конце этой статьи

приводятся слова Героя Советского Союза Водопьянова, когда ему перед полётом на полюс задали вопрос: „Как ты полетишь на полюс, и как ты там будешь садиться? А вдруг сломаешься — пешком-то далеко идти?“

„Если поломаю, — сказал Водопьянов, — пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: Товарищ Сталин не бросит человека!“

Эта спокойно сказанная фраза, но с непреклонной волей, подействовала и на меня. Сейчас я твёрд, силен и спокоен и тихо верю, что Товарищ Сталин не бросит человека!»

Бренные останки Скоблина, блестящего агента НКВД «№ 13» (вот уж действительно роковая цифра!), не были обнаружены и через десятилетия после его «исчезновения». Приказ был выполнен точно: «Операция не должна иметь следов».

В апогей скандала с похищением генерала Миллера в редакцию «Голоса России» пришло очередное письмо от Спасовского (Гротта), подписанное неизменным титулом — «личный архитектор Высочайшего двора шаха Реза Пехлеви». Гротт сообщил, что получил «полномочия» Анастасия Вонсяцкого на ведение переговоров с Иваном Солоневичем об «установлении деловой связи в вопросе ведения активной борьбы с большевизмом». Полномочия оговаривались некоторыми условиями: во-первых, соблюдением тайны предстоящих переговоров; во-вторых, отсутствием на страницах «Голоса России» и «Фашиста» статей и заметок, которые могли нанести ущерб авторитету обеих сторон своим содержанием. В постскриптуме Спасовский отметил:

«Я глубоко счастлив, что Анастасий Андреевич после своих тяжёлых разочарований в людях и попытках совместной работы с ними ещё раз решил завязать большое русское дело. Дай Бог довести его до радостного, столь желанного для всех конца. Слава России!»

Пытался наладить политическое взаимодействие с Солоневичем другой фашистский лидер эмиграции — К. В. Родзаевский. Их переписка то и дело прерывалась. Солоневич сетовал:

«Вы, по-видимому, вовсе не получаете моих писем. Вероятно, Вы не получили и моей статьи о будущности русского фашизма. Вообще наша корреспонденция на Дальний Восток идёт как в пропасть: письма, газеты, книги».

Главная тема их переписки: объединение антибольшевистских сил эмиграции. Солоневич одобрял усилия Родзаевского, хотя и полагал, что для этого, особенно в Европе, — потребуется упорная предварительная работа.

«Если Вы примете во внимание, что только в одной софийской дыре издаётся шесть русских газет, — писал Солоневич в Харбин, — то, вероятно, представите себе трудности предпринятого дела. Однако — трудности останавливать не должны. Основное политическое задание на сегодняшний и завтрашний день — это создание национального центра — не в тех масштабах, о которых пишет „Новое слово“ в № 38, — ибо эти масштабы совершенно утопичны, а хотя бы в составе представителей Династии, РОВСа, фашистов, НТСНП и церкви: пять человек. Моя недавняя поездка по Европе заронила весьма серьёзные сомнения в исполнимости и этой программы. Но если фашистам удастся склеиться хотя бы с РОВСом и НТСНП, — то и это будет огромным шагом вперёд»^[131].

Солоневич отозвался согласием на предложение Родзаевского о «создании единого газетного фронта» национальных русских изданий.

«Я принимаю его целиком не потому, что согласен с ним на все сто процентов, — писал он, — а потому, что если мы начнём дебатировать детали, то решение вопроса затянется ещё на несколько лет. Принимаю Ваш проект таким, каким Вы его прислали. Но, как мне кажется, совершенно необходимо вставить в него отдельный пункт о, так сказать, — взаимонападении. Мне, например, очень трудно работать, скажем, с „Мечом“, ежели он время от времени брыкается по моему адресу. В последнем номере он свалил меня в одну кучу с Вонсяцким и Казем-Беком. Нужно усвоить медицинский принцип: прежде всего не вредить».

Иван обещал помочь газете Родзаевского «Наш путь» «в силу местных софийских возможностей»:

«Перепечатки — пожалуйста. Могу взять на себя освещение балканских вопросов, от которых я в „Голосе России“ воздерживаюсь самым тщательным образом, — а есть кое-что интересное. Можно подтянуть рекламу „Нашего пути“ в „Голосе России“ — и наоборот. Что касается сбора подписки и объявлений, то здесь решительно ничего не могу сделать. У нас, по существу, редакционного помещения нет. Есть квартира и четыре человека семьи, заваленных работой по горло».

«Четыре человека семьи» — так написал Солоневич. Однако в редакции из членов семьи фактически осталось только двое: Юра учился в Вене, а Борис в декабре 1937 года сообщил, что не собирается возвращаться в Болгарию, остаётся в Брюсселе, поскольку нашёл хорошо оплачиваемую работу в издательстве «Силлак»^[132]. Он прислал свою

фотографию: в кепи, кожаном пальто, армейских шнурованных ботинках (особый мужской шик!). Иван воспринял известие о решении брата с нескрываемым огорчением, как «ослабление семейного фронта», почти — измену.

Борис обещал присылать статьи в «Голос Родины», но это было слабым утешением. Конечно, в беседах с «любопытствующими» эмигрантами Иван о причинах такого решения брата не говорил, делая упор на том, что оно «никакой политической подкладки и последствий не имеет и иметь не может». Но эмигрантские «психологи-аналитики» комментировали на разные лады столь сенсационное событие. В Софии в «Зарнице» пришли к мнению: «Иван явно убит этим сообщением. Здесь кроется что-то серьёзное, может быть, НКВД решил укрепить свои позиции в Бельгии?»

Причин для «разъезда» братьев было много. Безусловно, Борис не мог не завидовать счастью воссоединённой семьи брата, в то время как его семья осталась в России. Жена Ирина на БАМе отбывала наказание за неудавшийся побег, а двое детей были брошены на произвол судьбы, поскольку заботиться о них было некому. Отец Ирины, царский генерал, после концлагеря вынужден был жить на птичьих правах в Твери. Из Москвы дошло разгневанное письмо брата Ирины, в котором во всех обрушившихся на них бедах он винил Бориса: если бы Борис не бежал, то отец был бы уже в Москве, он сам не числился бы на подозрении и работал бы спокойно, Ирина тоже была бы освобождена. Ещё он подчеркнул, что поддерживать и воспитывать детей Бориса в таких обстоятельствах он не может...

У Бориса не складывались отношения с Тамарой, которая вела финансы газеты. Ему казалось, что жена брата держит его на «голодном пайке», и считал, что «в самостоятельном плавании» сможет зарабатывать больше. Появились тревожные признаки неблагополучия со здоровьем: на некоторое время у Бориса отнялись ноги (от перегрузок на тренировках) [133]. Это был ясный сигнал: пришло время отказаться от профессиональной борьбы. Устал он и от слезки РОВСа. Борис не хотел ссориться с офицерами, которые из-за «нетерпимости» брата стали враждебно относиться ко всей семье Солоневичей.

Первым сообщил Яковлеву о том, что братья Солоневичи «разъехались», агент «Седат»: «Подкладка конфликта, видимо, в том, что младший брат намерен освободиться от влияния Ивана и работать самостоятельно. В настоящее время Иван сильно пьёт, и жена собирается отправить его в санаторий для лечения. Проблем у них всё больше. Даже

Юрка Солоневич получил в Вене два анонимных письма: в одном угроза похищения, в другом — убийства».

Из сообщения «Седата» от 24 декабря 1937 года: «Иван Солоневич жив-здоров и в последнее время почти всегда в хорошем настроении. Сегодня в полдень даже показался в „Зарничной компании“ и кутил. На нём новая поярковая шляпа цвета воронёной стали с синеватым отливом. Очки в чёрной металлической оправе, голубая рубаша и синий со светлыми квадратами галстук. Он был в поношенном пальто коричневого цвета в клетку, неуклюже подшитом ниже колен. Кожаные перчатки тёмно-вишневого цвета. Много курил, охотно угощал всех папиросами.

Живёт он по ненормальному расписанию, работает на износ. Утром поднимается часов в восемь-девять, а иногда позже, завтракает и приступает к работе: пишет, знакомится с письмами, отвечает на них и т. д. Напряжённо трудится до обеда, потом около одного-двух часов спит и вновь за работу — до вечера. Ужин — между 8-ю и 10-ю часами, и вновь за рабочий стол до поздней ночи.

Он бывает относительно свободен на 2–3 дня после выпуска очередного номера газеты. Его часто беспокоят „желающие поговорить со знаменитостью“, обычно это русские из провинции (Бургаса, Русе, Видина и др.). Им обыкновенно говорят, что Иван Лукьянович отдыхает или работает. Иногда вместо него очень коротко беседует мадам (Тамара), раньше это делал Борис.

В редких случаях принимает он сам. Это зависит от положения посетителя, например, высокие шансы на аудиенцию имеют генералы, инженеры, представители какой-нибудь организованной группы. Как правило, не отказывает Солоневич приезжающим из Югославии, хотя в большем почёте у него гости из более далёких стран. Наиболее ценимые посетители — это визитёры из Скандинавии, Америки, Дальнего Востока».

Распространение газеты «Голос России» через не слишком тщательно подобранных представителей приводило иногда к болезненным финансовым скандалам. Один из них навредил отношениям Ивана с НТСНП. Член исполбюро «новопоколенцев» П. Воропанов в январе 1938 года сообщал по этому поводу в партийные отделения:

«С Солоневичами у нас „разрыв дипломатических отношений“. Причины ясны из „Голоса России“. Вы, вероятно, сами видите и чувствуете, что их газета всё больше и больше становится коммерческим предприятием со спекуляцией на „штабс-капитанах“. У Вас, почти наверняка, много разговоров об истории „с растратой“ Федина в

Югославии. Вот в чём суть: цифра задолженности сильно преувеличена, так как масса газет осталась непроданной. Много задолжала провинция. Федин своевременно не сдал отчётности, так как летом его не было в Белграде. Солоневичи, не договорившись с ним до конца, бухнули „дело“ в печать. Безусловно, есть желание Солоневичей „зацепить“ наш Союз. Со стороны Фебина, конечно, будут предприняты и уже предпринимаются соответствующие шаги. Как жаль, что „Голос России“ не умер после первых 10–15 номеров, которые действительно давали ценный материал».

Тем не менее история с Фебиным не была столь очевидной, как старался доказать Воропанов. Тамара поспешила разъяснить её представителям «Голоса России». Одно из таких писем было направлено 24 января 1938 года в Китай:

«Наш представитель в Югославии Федин, рекомендованный нам Союзом, прокутил штабс-капитанские гроши и задолжал нам 35 000 динар, т. е. 700 долларов. Этим выход нашей газеты был поставлен под угрозу, и не будь у нас гонорара за немецкое издание „России в концлагере“, которым мы немедленно заткнули дыру, всё было бы очень плохо... Ланкин в Австралии... тоже остался должен 150 долларов и тоже денег не шлёт. Беда, да и только».

В этом же письме Тамара предупредила Вязьмитинова, адресата в Китае, что направление посылок через Сибирь — безнадёжное дело:

«Пропали 15 пакетов по 100 штук в адрес Березовского, — писала она, — а также номера с 1-го по 16-й нашей газеты. Потом, когда мы, устав слать наши материалы через Суэц, попробовали послать номера с 42-го по 48-й через Сибирь, снова всё пропало. Очень большие убытки. Дело заключается в том, что из Европы и, в частности, из Германии почта на Китай и в Маньчжурию идёт сразу в закрытых мешках. А Болгария — страна незначительная, — переписка с Дальним Востоком слабая, и потому пакеты отсюда идут просто в раскрытом виде. Ну, тут товарищи и стараются вовсю. Вот Вы, например, жалуетесь на то, что не получили ни одной нашей книги. А дело в том, что наш издатель Левашов (он издает наши книги за свой счёт, а потом мы с него получаем 15 %) послал Вам 20 штук „Молодёжь и ГПУ“ и 40 штук Соколову в Шанхай. Однако ни Вы, ни он, по-видимому, этих книг не получили, хотя это были заказные бандероли. Очень прошу Вас ответить, — дошли ли до Вас эти книги? Полагаю, что нет, так как иначе Вы давно бы о них написали. Значит — перехвачены! На днях вышлем Вам через Канаду и Японию несколько книг „Памира“, а если будет возможность у Березовского, он перешлёт Вам несколько экземпляров моих „Записок советской переводчицы“. Шлю

рекламу английского издания „России в концлагере“. Прошу помочь в распространении».

Напряжённая изматывающая работа и конфликты с эмигрантскими вождями негативно сказывались на здоровье и нервах Ивана. Отсюда — попытки снимать стрессы с помощью алкоголя. Тамара всё более настойчиво советовала ему отдохнуть где-нибудь в Австрии. По её просьбе Юра навёл справки и подыскал несколько подходящих санаториев, в которых «опытные врачи и психологи приводили в норму расшатанную нервную систему». Воспользовавшись предложением, Юра вновь приехал «на каникулы» в Софию, чтобы обсудить с родителями, в каком именно санатории зарезервировать место.

Глава двадцатая

ПОКУШЕНИЕ. ГИБЕЛЬ ТАМАРЫ

Из указания замначальника 7-го отдела ГУГБ НКВД майора госбезопасности Шпигельгласа заместителю народного комиссара внутренних дел госбезопасности 3-го ранга товарищу Иванову от 9 мая 1937 года:

«Прошу санкционировать оперуполномоченному 3-го отдела УГБ НКВД УССР тов. Малюченко изыскания и изготовление спецснаряда. О типе необходимого снаряда тов. Малюченко получил указание в бытность в Москве».

Ответ из Киева 16 мая 1937 года:

«Уважаемый тов. Шпигельглас. Несомненно, хочется выполнить Ваше задание как можно удачнее. В свете этого считаю необходимым доложить Вам одну деталь: в богатых изданиях один том в футляре вообще встречается. Такие случаи можно наблюдать в изданиях нашей Академии. Но всё же это бывает редко. Поэтому, не найдёте ли более правильным поместить в футляре 2 тома, безусловно, однотипных и имеющих на корешке отметки „I“ и „II“. В этом случае наличие футляра будет оправдываться определённой целесообразностью. В технике это затруднений не вызовет. Работу проведу с учётом, что могут делаться попытки вынуть оба тома сразу либо каждый в отдельности.

С чекистским приветом *Малюченко*».

После всех согласований было решено, что бомба будет вмонтирована в муляж двухтомника издательства «ACADEMIA» в подарочном варианте, то есть в крепком картонном футляре, тиснённом золотом. При вскрытии пакета специальное устройство, реагирующее на свет, активизирует взрыватель. Разработчики теракта рассчитывали на библиофильские интересы Ивана, на то, что он сам вскроет посылку.

Изготовление бомбы заняло около десяти месяцев. Трудно судить, почему так затянули с исполнением резолюции Шпигельгласа. Не исключено, что массовые чистки в органах затронули и лабораторию,

потребовалось время для нормализации её работы.

В дверь квартиры Солоневичей, которая находилась на первом этаже дома 38 на бульваре Царь Иван Асен II, 3 февраля 1938 года в 9.30 утра позвонил посетитель в коричневом пальто и шляпе, надвинутой на глаза. Пожилая экономка немка Иоганна Грайс^[134] приняла визитёра, который вручил ей пакет и, сказав, что «это книги для Ивана Солоневича», тут же ушёл. Экономка оставила пакет на большом столе в гостиной комнате, которая использовалась в качестве редакционного помещения и столовой. В 11 часов пришёл секретарь Николай Михайлов и по заведённому порядку взялся за разборку почты. Тамара помогала ему.

Взрыв в редакции «Голоса России» раздался в 11 часов 30 минут. Он был такой силы, что здание содрогнулось, словно от мощного землетрясения. Открывавший ножницами «пакет с книгами» Михайлов погиб мгновенно. Ножницы, которые он держал, вонзились в стену. Тамара была смертельно ранена. Она прожила ещё два часа и всё спрашивала, где Юра и где её глаза (один глаз был у неё вырван взрывом). Иван и Юрий в момент взрыва находились в других комнатах и не пострадали.

Оглушительный грохот, огненная вспышка, выбившая оконные рамы, клубы дыма, повалившие из квартиры, — всё это вызвало панику у жителей близлежащих домов. Многие стали звонить в полицию. Полицейский наряд прибыл на место происшествия через 5–6 минут. В разрушенной комнате громоздились обломки мебели, обвалившаяся со стен штукатурка, куски кирпичей. Двери были выбиты из косяков и искорёжены. Иван и Юрий застыли над руинами, забрызганными кровью, в состоянии шока. Тамара агонизировала. На скорой помощи её повезли в Александровскую больницу, но по дороге она скончалась. Останки тела Михайлова полицейские агенты собирали в ящик письменного стола.

На место взрыва прибыли все, кому было положено по службе: пожарная команда, полицейский комендант, начальник уголовной полиции, начальник политического отдела Дирекции полиции и его подчинённые, включая Браунера. Начальником пожарной команды оказался русский эмигрант Г. П. Захарчук, подписчик «Голоса России» с самого первого номера. Услышав фамилию хозяина квартиры, он только и сумел сказать: «Удивительно, что бомбу не подбросили раньше».

На следующий день болгарские газеты опубликовали сообщение о том, что для определения вида взрывчатого вещества власти создали специальную комиссию, которой были переданы для анализа куски бумаги,

картона и целлулоида, извлечённые из тел погибших и подобранные на месте происшествия. В комиссию вошли инженер-химик полковник Костов, пиротехник Гочев и инженер-химик Дирекции полиции Станю Ненов. По их мнению, взрывчатка находилась в картонной коробке коричневого цвета, найденные фрагменты целлулоида являлись частью абажура электрической лампы. Механизм бомбы сработал, когда Михайлов стал снимать с посылки картонную упаковку. Эксперты так и не смогли установить, каким именно взрывчатым веществом была снаряжена бомба, отметив, что по силе поражения оно превышало самый эффективный из существующих материалов этого рода — тротил. На обрывках розовой обёрточной бумаги обнаружили несколько болгарских слов, из чего сделали заключение, что упаковка адской машины была произведена в Софии.

Предположение о том, что бомба поступила по почтовому каналу, было категорически опровергнуто полицией. Никаких посылок с книгами в адрес Солоневича и его домашних за последние дни почта не регистрировала. Следователи обратили внимание на то, что организаторы взрыва хорошо знали рабочий распорядок членов семьи Солоневичей, вручив бомбу в 9.30 утра. В это время Иван Лукьянович обычно находился за письменным столом. «Но судьба захотела спасти жизнь Ивана Солоневича, — отметил автор криминальной хроники газеты „Утро“. — В день покушения он и после 10 часов утра был в кровати, потому что накануне вечером у его сына была гостя. В разговоре с нею Солоневичи провели время до полуночи. Семейство легло спать после часа ночи. Поэтому никто не встал в обычное время, то есть в 8–9 часов».

Много позже Юрий вспоминал:

«Когда эта штука [бомба] бахнула, то выворотила всё, все внутренние перегородки, выбила все двери, окна. У нас была одна большая комната, вокруг неё 4 или 5 мелких, и был коридор длиной метров в 20, который вёл к батькиной спальне. Бомбу принесли рано утром. Немка-кухарка открыла дверь и приняла этот пакет, мол, книги для господина Солоневича. Она поставила пакет на большой стол, стоявший посередине главной комнаты... Я спал в соседней комнате. Большая стеклянная дверь вся вылетела на меня. Как раз перед взрывом я проснулся и натянул одеяло на себя. Когда всё это уже прошло, я пошёл посмотреть на свою кровать и увидел, что вокруг моей подушки всё было утыкано разбитым стеклом. Повезло... Батька был в своей спальне, далеко, так что до него ничего не дошло. Кольку Михайлова разорвало на такие клочки, что и хоронить нечего было»^[135].

В превентивных целях полиция арестовала несколько

«подозрительных» лиц на предмет выяснения участия в подготовке взрыва, среди них — членов РОВСа Барабанова, Маркова, Тренко и других, которые ранее уже пытались убить издателя «Голоса России». От жителей района была получена информация о неизвестном мужчине в пальто тёмно-серого или коричневого цвета, который в течение недели до взрыва регулярно «прогуливался» по бульвару в утренние и послеобеденные часы. Многие решили, что этот «молодой человек имеет „симпатию“ в каком-либо из ближайших домов».

Человека, принёсшего бомбу и говорившего по-болгарски с еле заметным русским акцентом, так и не нашли. «Приватно» болгарская полиция утверждала, что взрывное устройство «послали» из советского полпредства, но представить убедительных доказательств этого так и не смогла.

Газета «Новая камбана», проанализировав «по горячим следам» обстоятельства взрыва на квартире Солоневичей, предположила, что бомба была «направленного действия», поскольку разбросала осколки в горизонтальном направлении, в радиусе трёх-четырёх метров. Цель такого взрыва — уничтожение всех находящихся поблизости. Объектом покушения был, без всякого сомнения, Иван Солоневич, который во время допроса показал, что ему не раз угрожали убийством, если он не откажется от своей деятельности. В газете «Новая камбана» подчёркивалось, что доктор Солоневич не смог «указать на конкретных подозреваемых лиц».

Газета «Зора» (от 5 февраля 1938 года) воспроизвела показания свидетеля Мефодия Фотева, который проходил рядом с домом Солоневичей утром 3 февраля. Сразу же после взрыва он увидел неизвестного мужчину в серо-коричневой шубе, который крикнул ему на болгарском языке «беги!» и исчез в одном из соседних переулков. Фотев не обратил тогда особого внимания на этого человека, так как спешил оказать помощь раненым. Показания Грайс и Фотева в отношении неизвестного во многом совпали, хотя полиция не смогла определить, имел ли «человек в шубе» какое-либо отношение к «атентату». Возможно, он хотел побудить Фотева бежать с места покушения, чтобы отвлечь внимание от себя.

Газета сообщила также о том, что Николай Михайлов предчувствовал свою гибель. Накануне покушения Николай и Юрий обедали в ресторане. Хозяин и официанты обратили внимание на плохое настроение Михайлова. Он отказался от еды. Когда его спросили о причине, Николай ответил неопределённо: «Меня что-то мучит». По мнению автора статьи, Михайлов допускал, что угрозы против доктора Солоневича могут быть опасны и для него.

Полиция обыскивала квартиру-редакцию несколько раз. Были изъяты архивы и переписка. При осмотрах обнаружили крупные суммы в иностранной валюте — от долларов до немецких марок. По сообщениям газет «Новая камбана» и «Утро», Иван Солоневич получал деньги со всего света: абонемент за газету, от продажи книг, добровольных пожертвований. Ссылаясь на «друзей семьи», газеты утверждали, что часть денег была «припрятана» Тamarой на чёрный день. Она якобы часто говорила мужу: «Тебя могут убить, а я должна обеспечить какими-либо средствами будущее нашего Юры». Изъятая валюта была передана Болгарскому народному банку.

С филателистической коллекцией Солоневичей (некоторые подписчики «Голоса России» расплачивались почтовыми марками) полиция поступила проще, без формальностей. Альбомы с марками, многие из которых представляли значительную ценность, просто «пропали».

Борис дозвонился до брата из Брюсселя 4 февраля, чтобы убедиться в достоверности сообщений о террористическом акте. В тот же день он направил Ивану и Юрию телеграмму с соболезнованиями. На похороны не приехал.

Газета «Зора» от 5 февраля со ссылкой на источники в полиции отметила, что агенты не заметили никакого внешнего проявления скорби, никаких слёз у Ивана Солоневича. Даже больше: через некоторое время после взрыва Солоневич бродил по комнатам и тихо насвистывал, увлечённый своими мыслями. Подобное не соответствующее тяжести момента поведение Ивана позже интерпретировалось его врагами как косвенное доказательство самопокушения. Поэтому, мол, и насвистывал, — всё удалось! То, что Иван переживал тяжелейший шок от гибели жены, что она стала жертвой бомбы, предназначенной для него, журналистами почему-то не принималось во внимание.

Другая газета — «Утро» — в тот же день опубликовала пространное интервью с Иваном, в котором он рассказал о практических результатах семейной антисоветской работы, давая понять, что именно это привело к бомбовой атаке со стороны Советов:

«Прочитанные доклады: в Финляндии — 9, Болгарии — 12, Югославии — 10, Швейцарии — 6, Франции — 15, Бельгии — 11, Австрии — 4.

Нами опубликованы следующие книги:

Мои: „Россия в концлагере“ — в двух русских изданиях, 4 — немецких, 1 — польском, 1 — хорватском, американском, английском, 3 —

чешских, 1 — голландском. Эта книга переводится на сербский, испанский, французский, итальянский, шведский, норвежский, датский и японский языки; „Памир“ — два русских издания. Переводится на немецкий, английский, польский, шведский и французский языки.

Борис Солоневич: „Молодёжь и ГПУ“ — два русских издания. Переводится на немецкий, французский и английский языки. Тамара Солоневич: „Записки советской переводчицы“ — два русских издания, 2 — немецких, 1 — польское. Переводится на французский и английский языки.

Мы издали с пропагандистской целью на болгарском языке 4 брошюры: „В колхозе“, „День врача в концлагере“, „Товарищ Ягода“, „Тайна Соловецкого монастыря“.

С 20 июня 1936 года мы издаём газету „Голос России“, которая имеет 7–8 тысяч экземпляров тиража. Газета распространяется в 52-х государствах, главным образом во Франции и Америке.

Мы будем до конца продолжать нашу борьбу против большевизма, так как считаем, что большевизм — громадное зло и величайшая опасность для человеческой культуры и человеческой жизни».

Отпевание погибших прошло в соборе Святой Софии. Почти вся русская колония и немало сочувствующих болгар проводили в последний путь Тамару Солоневич и Николая Михайлова. Впереди траурной процессии несли венки, перевитые лентами национального русского триколора, и вслед за ними над многотысячной толпой — в сильных руках студентов-спортсменов — плыли гробы. Вдоль маршрута бесконечного человеческого потока были расставлены усиленные наряды полиции. Власти опасались новых покушений «бомбистов».

После того как гроб Тамары был опущен в могилу, Иван обнял сына и в наступившей пронзительной тишине произнёс вполголоса:

— Юрий, теперь борьба до конца...

Слова предназначались только сыну, но были услышаны многими.

Никаких речей не произносилось. В отчётах о похоронах столичные газеты единодушно отметили: «Общее мнение эмиграции и болгарской общественности: покушение — дело рук здешней легации Советов».

Трагедия в Софии вызвала поток солидарных писем-посланий со всего Русского Зарубежья. В числе первых откликнулся Михаил Спасовский (Гротт). Он узнал о гибели Тамары из 6-го номера «Нового слова». Спасовский писал, обращаясь к Ивану Солоневичу: «На Ваши плечи легла холодная рука смертельных испытаний во имя счастья той Белой, той

нашей царственной России, которой Вы так преданно и жертвенно служите... Несомненно, покушения на Вас будут продолжаться, поэтому необходимо создать вокруг Вас крепкую организацию бдительной охраны из верных и смелых людей. Пора нам всем перейти на военное положение, — ведь лучших из нашей семьи уничтожают, как куропаток, — по выбору и безнаказанно!»

Соболезнования прислали многочисленные русские организации, эмигрантские деятели культуры и искусства. Среди них — И. А. Бунин, который написал:

«Дорогие Солоневичи!

Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свои чувства, но надеюсь, что Вы поймёте их и без слов. Да сохранит Вас Бог.

Ваш *Ив. Бунин*»...

Первый обзор откликов на взрыв в Софии поступил на Лубянку из резидентуры НКВД в Финляндии. Агент «Лидер» (Петриченко) передал своему оперативному куратору письмо в Софию генерала Добровольского, в котором тот просил обсудить вопрос о взрыве на собрании активной части белой эмиграции и сообщить ему мнение этой группы. Добровольский поделился своими версиями покушения:

«По делу взрыва здесь существует 4 оценки:

Солоневичи — действительные и опасные враги СССР. За их активную работу против СССР ГПУ решило покончить с ними при помощи болгарских коммунистов. Эту версию поддерживают генерал Альфтан, его помощник Киселев и группа НСНП во главе с Веригиным.

Солоневичи прибыли сюда как агенты ГПУ для разложения белой эмиграции, но, увлечшись антибольшевистской работой, изменили ГПУ и начали вести действительную антибольшевистскую работу. Таким образом — адская машина — это месть со стороны большевиков. Эту версию поддерживают генералы Добровольский и его группа (Петриченко, Щепанские, Бастамовы, Батуев и другие).

Адская машина — это дело рук русских фашистов, считающих братьев Солоневич агентами ГПУ, разлагающими движение белой эмиграции. Эта версия имеет здесь мало сторонников.

Солоневичи были и до сих пор являются агентами ГПУ. А так как в последнее время они пользуются меньшим доверием, ГПУ решило поднять их авторитет среди эмиграции путем взрыва, сделав их „мучениками большевистской мести“. Сторонники её рассуждают так: решили

пожертвовать Тамарой, которая вовсе не является женой Солоневича. Отсутствие Солоневича с сыном в комнате во время взрыва — не случайное дело, а специально рассчитанное.

Сторонники этой версии подкрепляют свои доводы ещё и тем, что у Ивана Солоневича не чувствуется серьёзных переживаний в связи со смертью Тамары. Наоборот, он артистически бравирует этим делом, стараясь нажить капитал. Кроме того, некоторые удивлены молчанием со стороны Бориса Солоневича, проживающего в Бельгии. Эта версия также имеет мало сторонников».

Резидентура в Гельсингфорсе считала, что «неудавшийся взрыв адской машины в квартире Солоневичей внёс ещё большую путаницу в оценку деятельности семьи Солоневичей». Клесмет завизировал сообщение 8 февраля 1938 года без каких-либо пометок. Операция-то, по большому счёту, провалилась. Иван Солоневич остался жив...

На Лубянке о проведённой в Софии «специальной операции» знал ограниченный круг сотрудников: руководство и прямые исполнители. На текущие запросы в 7-й отдел ГУГБ по факту покушения составлялись предельно «нейтральные» ответы такого характера:

«Помощнику начальника 3 отдела ГУГБ НКВД майору госбезопасности тов. Чопяк:

На Ваш № от 9.03.38

По имеющимся у нас данным, 3-го февраля с. г. в 11 часов 30 минут на квартире Ивана Солоневича произошёл сильный взрыв. Убита Тамара Солоневич и его секретарь — Михайлов, Юрий Солоневич контужен. Иван Солоневич, находившийся во время взрыва в другой комнате, не пострадал. Произведённым болгарской полицией следствием причина взрыва не установлена.

Зам. начальника 7-го отдела майор Шпигельглас.

Начальник VI сектора *Клесмет*».

Как справедливо замечает И. П. Воронин, «главным образом бомба в редакции „Голоса России“ ударила по оставшимся в СССР родственникам Солоневича». Вскоре после взрыва в Софии в Красноярском крае были вновь арестованы и приговорены к расстрелу ссыльнопоселенцы Лукьян Михайлович и Евгений Солоневичи. В мае 1938 года приговор был приведён в исполнение. Такая же участь ожидала и жену Бориса Ирину — её расстреляли в сентябре 1938 года ^[136].

Известный в эмиграции генерал Михаил Фёдорович Скородумов, будущий создатель первого Русского корпуса в годы Второй мировой войны, после взрыва в редакции «Голоса России» опубликовал в газете «Партизан» (орган «Народного ополчения») письмо, пронизанное чувством недоверия к Ивану Солоневичу:

«Лично я никому из приехавших от большевиков до их тщательной проверки не верю и не считаю их своими. Кто может доказать, что Солоневич в продолжение 20 лет не служил большевикам не за страх, а за совесть? Кто может доказать, что он бежал из Совдепии, а не командирован с особым секретным назначением за границу? Кто может доказать, что Солоневич родился в сорочке и что из одиннадцати миллионов заключённых на Соловках только он оказался сверхсчастливым и бежал, да ещё с целой семьёй? Кто может доказать, что Солоневич наш, а не их, и наконец, кто может доказать, что Солоневичам бросили бомбу большевики? А что, если в 1941 году откроется, что никакой бомбы большевики Солоневичам не присылали?.. Может быть, отвлекли внимание толпы травлей большевиков из редакции, — в подвале их же редакции выполняли возложенную на них секретную задачу? И что принесённая из подвала в редакцию бомба — не вовремя взорвалась?.. Кто может доказать, что такой случай невозможен?.. Кто может доказать, что в редакции распаковывали, а не запаковывали эту бомбу? Кто может доказать, что это не Божий перст возмездия?»

Письмо Скородумова вызвало немедленную реакцию полковника П. Д. Михайлова, отца Николая, погибшего секретаря редакции «Голоса России»:

«Прежде чем писать о ком-нибудь и что-нибудь, надо подумать и знать, про кого и что пишете. Вы позволили себе написать следующее в статье „Бомба Солоневичей“: „Кто может доказать, что в редакции распаковывали, а не запаковывали эту бомбу?“ Но вы не знаете, что пакет с бомбой распаковывали, а не „запаковывали“, как вы мерзко и преступно высказали предположение. Мой сын, мой единственный, любимый сын, воспитанный мной в беспредельной и неподкупной любви к России, любивший Её со всем пылом юношеской натуры, — не чета вам всем, погрязшим в суетностях властолюбия... Вы дерзнули оскорбить память того, кто всей душой был предан России и, не зная Её, любил во много раз сильнее и бескорыстнее, чем многие из вас, мнящие себя вождями и вершителями судеб возрождающейся Родины»^[137].

Генерал Добровольский подвёл «итоги» взрыва бомбы в Софии, связав

его с внешне-и внутривполитической ситуацией в Совдепии:

«Мне кажется, что приближаются решительные сроки. Сталин явно потерял голову... Ещё хуже для большевиков — последний процесс в Москве (Бухарин, Рыков, Крестинский и др.). Чего стоит обвинение Бухарина в желании уничтожить Ленина, Сталина и Свердлова за Брестский мир? Ведь после этого Бухарин был официальным идеологом партии, по его „Азбуке коммунизма“ обучали... Рыков в течение 10 лет был главой Совнаркома, т. е. премьер-министром.

Сейчас их и других министров и посланников обвинительный акт рисует как изменников, агентов немцев и одновременно англичан... Разве это не настоящее безумие и сумасшедший дом? Из этого дома бегут полпреды, улетают лётчики, от этого дома шарахается в сторону Европа, сговариваясь между собой. Для нас, для России всё это может закончиться грандиозной катастрофой, если внутри или вне её не найдутся силы, способные предотвратить этот распад... ГПУ решило перейти в наступление, и результаты Вам известны. Похищением генерала Миллера в связи со Скоблиным скомпрометировали РОВС. Натравили РОВС и НТСНП друг на друга. Следующий эпизод — бомба в редакции Солоневичей. Тут двойной и ловкий удар.

Солоневичи за что-то уничтожаются... Взятая ими политическая линия укрепляется. РОВС и НТСНП посрамлены, а Солоневичи возвеличены. Теперь это герои, и правильность их штабс-капитанской программы и тактики подкреплена большой бомбой. Мог погибнуть Иван, но тут дело не так в „вожде“ (какие они там „водители“, вы знаете), а в этом вредном для нас и полезном для врага движении вспять, к прошлому, с претензией на власть, против чего так правильно протестовал генерал Деникин в своём выступлении: „Не править идём, а служить России“. За это Иван Солоневич облаял его в „Голосе России“, внушая штабс-капитанам, что именно они идут править...

Нет, ГПУ — положительно талантливо — и ведёт свою работу на „ять“. Ведь подумайте только, какой теперь прилив чувств к Солоневичам... „Вождь“ [Иван] к тому же уцелел, да в резерве ещё остался „доктор Боб“. Тамару Владимировну Солоневич мне очень жаль: она была симпатичнее их всех...

В № 86 редакция заявила, что после разгрома осталась без средств, в чём мать родила. О 70 тысяч франков, найденных после взрыва, ни слова, и все об этом сразу забыли. Там же довольно хитро проводится мысль: мы взорваны не за книги, а за газеты (поддерживай!). И замечателен финал: „Нас подозревали, не агенты ли, и правильно делали, но вот теперь после бомбы ясно, кто мы“»^[138].

В частных беседах враждебные выпады в адрес «семейки Солоневичей» допускал И. А. Ильин, которого уже в те времена нередко называли «честью и совестью» русской эмиграции. Он не раз собирался подвергнуть критике деятельность Солоневичей в эмигрантской среде, но после взрыва в редакции «Голоса России» отложил это намерение. В архиве Ильина сохранился набросок^[139], по которому можно составить мнение о том, в каком именно ключе планировалось это критическое выступление:

«Безбожные, а потому глубоко пошлые люди. Пролганные, циничные, советские ловчилы. Ni foi, ni loi^[140]. Пустые души, в которых есть только личная злоба и жажда мести по отношению] к коммунистам. И эту личную злобу они театрально разыгрывают как пламенный патриотизм, делая себе на этом эмигрантскую карьеру среди демагогирующих штабс-капитанов. Приехали демократами-республиканцами — и к Милюкову; не пристроились — объявили себя, держа нос по ветру, монархистами, чтобы писать о Вел. кн. Кирилле такие вещи и таким тоном, от которого порядочному немонархисту стыдно становится.

Если бы коммунисты не посадили их в концлагерь — то они все и сейчас ловчились бы там, предавая Россию ради собственного устройства, разыгрывая свою советскую карьеру по „спортивным“ организациям и по „интуристам“.

Это люди, растлившие себя в советской службе...

Убийство госпожи Сол[оневич] производит впечатление ужасной и грязной истории, случившейся с отвратными людьми: сатана чёрта растерзал, злодеи живого лемура переехали, волка поезд раздавил. И всё, что они делают, — насыщенно самовлюблённостью, пьяною рисовкою, каким-то нескрываемым бесстыдством, эксгибиционизмом.

В наше слепое время люди думают: всё, что против коммунистов, — всё хорошо. Но вот поднимается чёрное на красное, растление справа на растление слева — и мы опять будем задыхаться».

Несмотря на предельную безжалостность этой оценки (ни одного слова «в пользу» братьев!), Ильин завершил свой набросок неожиданным выводом: «А говорить об этом сейчас публично — не следует — Солоневичи пока „полезны“». И в этом «прагматизме» Ильин, хотелось бы отметить, мало чем отличался от различных «фракций» Русского Зарубежья — от НТСНП до «внутренней линии» РОВСа, — которые в разное время хотели «использовать» Солоневичей. Но упрямые ловчилы шли своим собственным путём, не подчиняясь и не подпевая никому (отсюда и ярлык — «себе на уме»). Подчёркнутая самостоятельность братьев вызывала широкую гамму негативных чувств у верхушки эмиграции: от раздражения и слепой подозрительности до ненависти и откровенной вражды.

Вот ещё одно подобное свидетельство. Кандауров, руководитель фашистов в Болгарии, так написал об Иване в штаб-квартиру своей партии в Харбин (13 февраля):

«Относительно Солоневичей. Хочу предупредить вас, что надо быть с этими типами очень осторожными. Если до вас дошли все номера их газеты, то вы могли прочесть в одном из них сообщение о том, что „в Софии существуют две группы фашистов, и одна собирается бить другую“. Это было явно провокационное сообщение, я говорил с Иваном, и он был вынужден признаться в своей неправоте и неосмотрительности. Но обещания поместить опровержение не исполнил, стараясь вывернуться.

Я их очень хорошо узнал и близко с ними познакомился. Сейчас я вполне убеждён, что они талантливые и умные провокаторы. В чью они работают пользу, — на большевиков или на собственный карман, — я не могу сказать, т. к. первое обвинение довольно сильно. Но одно верно, — они используют все возможности для того, чтобы развернуть своё газетное дело, не интересуясь особенно правдивостью своих сообщений, несколько не беспокоясь о том, может ли их сообщение нанести вред национальному делу. В Париже здоровые национальные круги кроют их последними словами за политическое

жонглёрство.

Всё это я пишу вам с просьбой передать Константину Владимировичу, что надо быть очень осторожными в переписке с ними, если таковая вообще нужна. С ними всё равно каши не сваришь, они никогда не воспримут нашу линию работы. Их дело — национальное словоблудие, — т. к. до сих пор ни одного своего слова, даже в самой маленькой своей части, они не претворили в дело. Кроме того, никогда нельзя быть уверенным, что ваше письмо не будет опубликовано. Я бы посоветовал К. В. не переписываться с ними лично, а поручить это кому-либо из секретариата по поручению главы. Не стоит имени К. В. попадать в какую-либо грязную комбинацию. Никто не знает, что могут выкинуть Солоневичи».

«Пожелание» это было передано Родзаевскому, которое вместе с другими отзывами подобного рода охлаждало стремление главы русских фашистов к сотрудничеству с издателем «Голоса России»...

После покушения на Солоневича полпред Раскольников и его жена решили стать невозвращенцами. Известия о политических репрессиях в Советском Союзе, серия террористических актов, прокатившихся по странам Европы в отношении изменников и «врагов Сталина», и, конечно, ощущение нависшей над ними опасности (люди Яковлева следили за каждым их шагом) побудили их к побегу. Раскольников направил в Наркоминдел телеграмму об отъезде в Москву. Он и его жена простились на вокзале с провожавшим их коллективом полпредства и «отбыли» на родину. До границы они не доехали. На одной из станций Раскольниковы покинули поезд и отправились в прямо противоположном направлении, намереваясь просить убежище во Франции.

После взрыва в редакции «Голоса России» «внутренняя линия» в Софии стала распространять слухи о том, что в советском полпредстве действует «балканский центр» по изготовлению бомб. Цель была очевидной: спровоцировать разрыв дипломатических отношений между Болгарией и СССР.

Чтобы раскрыть «сеть советских агентов», привлечённых к организации взрыва, контрразведка РОВСа и Русский отдел общественной безопасности Болгарии усилили наблюдение за полпредством. В число подозреваемых попал издатель литературно-исторического журнала

«Вольный Дон» Павел Назарьевич Кудинов. Его имя тогда знали многие. В марте 1919 года Кудинов возглавил Верхнедонское восстание, потом воевал в Добровольческой армии, в 1920 году был вынужден эмигрировать и осел в Болгарии. Из-за хлопот по отправке имущества умершего казака семье на Дон Кудинову пришлось общаться с советским «дипломатом» Яковлевым.

Агенты Фосса зафиксировали визиты Кудинова в полпредство в ноябре 1937 года. За ним организовали слежку и выяснили, что издатель «Вольного Дона» несколько раз встретился с Яковлевым в «неофициальной трактирной обстановке», что было истолковано Фоссом как «явный признак предательской работы на Советы». К тому же в своём журнале Кудинов стал резче осуждать западные державы за подготовку «вооружённой экспансии» против России, называл Белое движение «панской чумой, напастью на людей», выступал «вразрез» антисоветским установкам РОВСа. Летом 1938 года Кудинов был арестован. Допрашивал его начальник Русского отдела тайной полиции Браунер:

— Павел Назарьевич, вы не отрицаете того, что встречались с секретарём советской делегации?

— А я думаю, что она же и русская...

— Вот уж в этом я с вами не согласен, не русская она, а подлая, всем миром презренная, большевицкая...

— Партии всякий раз могут срывать друг другу головы, менять роли, но Россия остаётся Россией...

Ответы Кудинова Браунер назвал дерзкими и неубедительными. По его представлению в августе 1938 года «просоветски настроенного казака» выслали вначале в ссылку в провинцию, а в 1939 году выдворили в Румынию, обвинив в деятельности по разложению русской эмиграции и в шпионаже в пользу СССР^[141].

У «контрразведки» РОВСа первые подозрения о «чекизме» Николая Абрамова появились в начале 1937 года. Под различными предложениями его постепенно отстранили от «настоящей работы». За ним было установлено наблюдение и «внутренней линии», и болгарской полиции. Подозрений становилось всё больше, но поймать его с поличным не удалось.

Абрамов-старший догадывался, что сын каким-то образом причастен к взрыву в квартире Солоневичей. Генерал сомнениями не делился ни с кем, свои переживания держал втайне.

«Внутренняя линия» доложила генералу материалы по делу Николая летом 1938 года. Состоялся серьёзный разговор отца и сына. Фёдор Фёдорович пытался добиться признания, но Николай на все уговоры и

требования отвечал категорически: «Я ни в чём не виноват!» Тем не менее генерал, памятуя о категорических выводах «внутренней линии», — предательство! — был вынужден принять волевое решение. Он приказал сыну покинуть пределы Болгарии.

Об этом факте «проникновения НКВД» в ряды РОВСа было сообщено, «циркулярно и доверительно», в региональные отделы. Правда, сделано это было с большой задержкой — только в середине февраля 1939 года. Новый председатель РОВСа генерал А. П. Архангельский^[142], направивший письмо в региональные отделы, объяснил задержку требованиями полиции, которая вела расследование дела. Генерал сообщал: «Николай Абрамов уехал в начале прошлого года уже по настоянию полиции и как нежелательный иностранец. В настоящее время он вместе с женой находится в Париже. Генерал Абрамов, собрав 7 февраля старших начальников, находящихся в Софии, „отбросил личное и, руководствуясь пользой дела“, рассказал всё, что он знает по этому тяжёлому для него делу.

К особо секретным делам РОВСоюза Николай А. никогда не имел доступа, отец с ним этими делами не делился, а со времени женитьбы сына и жил с ним на разных квартирах. Отношения отца с сыном были холодные, что наблюдалось всеми. Привлечение Николая А. к разведывательной работе сопровождалось колебаниями отца, который уступил сыну, боясь упреков в том, что „оберегает сына от опасной работы, на которую идут другие“. Несомненно, что Николай А. узнал технику работы в известной ограниченной области».

«Дело Николая Абрамова» стало достоянием широкого круга эмигрантов, узнал о нём и Солоневич. Его мнение о «покровительстве» высших чинов РОВСа агентам Лубянки получило очередное подтверждение, о чём он заявил на страницах своей газеты.

В мае 1950 года Иван Солоневич, будучи уже в Аргентине, писал: «После взрыва в редакции „Голоса России“ был ещё один скандал: сын и помощник генерала Абрамова, кандидата на пост главы РОВСа и командира „второго корпуса“, Николай Абрамов оказался советским провокатором. И когда он был разоблачён полицией, то ген. Абрамов устроил то, что немцы называют Affentheater — обезьяний театр, — в присутствии „чинов РОВСа“ предложил Николаю Абрамову восстановить „честь офицерского мундира“ путём самоубийства и даже любезно предложил провокатору свой револьвер. К револьверу, к чести и к офицерскому мундиру Николай Абрамов, естественно, не проявил решительно никакого интереса. И поэтому вместо револьвера ему в два дня

был устроен заграничный паспорт и виза в Париж, а также были приняты все меры к тому, чтобы в Париже Николай Абрамов появился в совершенно незапятнанном виде».

После покушения Иван оказался словно в вакууме. Ему и сыну выражали соболезнования, высказывали сочувственные слова, но потом соблюдали дистанцию, как будто общение с ними грозило новыми взрывами, кровью и увечьями. Вновь помог Борис Калинин, узнавший, что после «атентата» Солоневичи остались под открытым небом: квартира их была полностью разрушена, и никто не осмеливался дать им приют. Калинин пригласил их к себе на улицу Венелин, 11. К ним был приставлен полицейский, который не оставлял Солоневичей без присмотра.

Через несколько дней после взрыва у Калиникова побывал агент «Старик». Он написал в отчёте о визите:

«За ужином были: Солоневичи, Калинин, его жена Екатерина Александровна, сестра Екатерины — Анна и сын её Александр (Фелицыны), жена доктора Сметанина (приятеля Ивана) с дочерью Ольгой, гимназисткой лет 17-ти, печатники „Голоса России“ — Левашов и Михаил Михайлович Карпов.

Дверь квартиры отворила Анна Александровна Фелицына. Все названные ужинали, запивая водкой. Стол был накрыт в комнате Калиникова. Порция от всех яств уносилась в комнату Ивана Солоневича для угощения приставленного к нему охранника.

Иван Лукьянович сидел, как мрачный демон, и производил впечатление ненормального или страшно пьяного. По его словам, он абсолютно лишился аппетита. Ел он только по принуждению хозяйки.

Очень много говорили о положении в Советском Союзе, судебных процессах над партийными руководителями. На чей-то вопрос: ‘Неужели Бухарин и компания действительно признаются в таких преступлениях?’ — Иван Солоневич ответил: „Я не сомневаюсь, что их пытали, а больше всего, что их отравляли ослабляющими силу воли ядами. Я сам с братом Борисом и Юрой испытал действие это яда в ГПУ, когда нам паяли связь с немцами и шпионаж в их пользу. Физиологические признаки этого неизвестного нам яда таковы: апатия, невероятная потеря силы воли, полная физическая слабость, даже ‘недержание’, которое при скудном питании меня гоняло 8–10 раз в ночь в уборную. Но процесс Бухарина — начало конца советчины“.

По словам Левашова, после взрыва тираж „Голоса России“ вырос с 8 до 10 тысяч экземпляров. Болгарский синод (по предложению митрополита

Стефана) собирается издать книгу „Россия в концлагере“».

Дальнейшее пребывание в Болгарии грозило Солоневичам новыми бедами. Полиция не исключала повторения покушений. Висело на волоске издание «Голоса России» — постоянного источника неприятностей для болгарских властей. В кризисных условиях очень помог Левашов, взявший все заботы по газете на себя.

Единственной страной, проявившей интерес к судьбе Солоневичей, была Германия. Консульство с готовностью отозвалось на обращение к ним по поводу виз. Гибель Тамары словно сняла с них все прежние подозрения в связях с НКВД. Иван и Юрий решили, что лучшего варианта им не найти: в рейхе положен конец коммунистическому разгулу и безнаказанности. Оттуда можно будет руководить газетой. Левашов доказал, что человек он ответственный и надёжный, не подведёт. Там можно будет продолжить — решительно и бескомпромиссно — борьбу с большевизмом, как они обещали над телом Тамары...

Отец и сын Солоневичи вылетели в Германию 19 марта 1938 года. Их отъезд был обставлен повышенными мерами безопасности, о нём знали только два-три лица из близкого окружения. Для резидента «Максима» их бегство из Болгарии не осталось незамеченным. В тот же день он сообщил в Москву о содействии немецкого посольства «эвакуации „спортсменов“». Лишь некоторое время спустя в 91-м номере «Голоса России» появилось короткое сообщение о том, что Солоневичи находятся в немецком санатории. Конкретное место, разумеется, указано не было.

После тщательного обследования врачи предупредили Ивана: «Вы на грани нервного срыва». В соответствии с диагнозом заставили его пунктуально выполнять лечебно-профилактические процедуры: приём лекарств, ежедневные спортивно-физические нагрузки, массаж, моционы по живописным дорожкам.

Вместо нансеновских документов отец и сын получили, по выражению Ивана, «фальшивые немецкие паспорта». Сотрудники службы безопасности рейха настаивали на сохранении Солоневичами полной анонимности их нахождения в санатории, требовали ведения переписки только через специально прикреплённого агента-охранника. Немцы, как и болгары, считали, что покушение на Солоневичей может повториться.

Глава двадцать первая

ПОД «КРЫШУ» ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Первые недели в Германии, проведённые в санатории в окрестностях баварского города Обинга, прошли для Ивана как в тумане. Психологическая травма рокового 3 февраля заживала с трудом. Вспоминал он о тогдашних своих ощущениях с неизменной болью:

«В Германию весной 1938 года я приехал не при совсем обычных обстоятельствах: зловещие люди убили мою жену, сын был слегка ранен, я не находился в полном равновесии. И сейчас, восемь лет спустя, в памяти встаёт разорванное тело любимой жены и её раздробленные пальчики, вечно работавшие — всю её жизнь. Болгарская полиция откровенно сказала мне, что бомба пришла из советского полпредства, что она, полиция, ничего не может сделать ни против виновников этого убийства, ни против организаторов будущего покушения... Нас обоих охраняли наши друзья, да и полиция тоже приняла меры охраны. Против уголовной техники зловещих людей, против их дипломатической неприкосновенности — эта охрана не стоила ни копейки. И вот — виза в Германию, виза в безопасность, виза в убежище от убийц. Нетрудно понять, что никаких предубеждений против антикоммунистической Германии у меня не было».

По русской эмиграции в это время усиленно гуляли слухи, что Солоневич после покушения сошёл с ума. Постаралась вездесущая советская агентура. Цель была очевидна — скомпрометировать дальнейшую публицистическую деятельность писателя. Иван, понимая злонамеренность этих слухов, будучи уже в Берлине, подготовил «опровержение» (31 марта 1938 года) и отправил его в Брюссель редактору журнала «Часовой» В. Орехову. Тот не замедлил с ответом:

«Совершенно доверительно, 3.04.38.

Глубокоуважаемый Иван Лукьянович!

Получил Ваше письмо и благодарю за память. Прежде всего позвольте мне выразить Вам моё глубокое удовлетворение тем, что Вы находитесь „в здравом уме и твёрдой памяти“. Клеветники усердно распускают слухи, идущие из известного мне центра, о том, что Солоневич „сошёл с ума“, что газета прекратила своё существование, что Вы решили „передать газету

младороссам“, и прочие небылицы. К сожалению, часть эмиграции, подверженная панике и сплетням, этому верит и бессознательно, иногда с видом благожелательным, повторяет всю эту гнусную стряпню.

Желаю Вам полного выздоровления и, сколько это возможно, оправиться от настигшего Вас тяжёлого удара.

Вы правы, что „связь“ наша как-то прервалась. Только отчасти, потому что мне известно, что Вы поддерживаете постоянную переписку с Юрием Львовичем Войцеховским, который не только является моим личным другом, но и крайне ценным сотрудником по общей работе. Я могу подчеркнуть здесь, что и с Сергеем Львовичем Войцеховским меня связывают годы совместных усилий и полное взаимное понимание. Во время нашего последнего свидания с ним мы много говорили о Вас и решили, что С. Л. В. постарается Вас навестить для того, чтобы условиться именно о том, о чём Вы сейчас пишете (об „Общем фронте“). Если Вы пробудете в Германии некоторое время, спишитесь срочно с С. Л. В. Поездка его в Берлин несравненно легче и удобнее, чем в Софию. Наконец, не исключается возможность и моего приезда, хотя это не так важно. Ибо всё, что Вам скажет С. Л. В., то думаю и я...

Охотно отвечаю Вам на Ваши вопросы. Сейчас надо кончать всякую полемику на тему о РОВСе. Руководство им досталось глубоко честному и порядочному человеку, далёкому от всяких интриг и мерзостей, которыми была полна история РОВСа. Он принял это назначение как тяжкий крест. Вы верно пишете, что он очень немолод. Но если он даст РОВСу хорошее направление, то организацию можно будет спасти. В данное время Архангельский в Париже и попал в хорошие руки. Ближайшее время покажет его направление. Или действительно честные люди, желающие добро РОВСУ, или... „внутренняя линия“, которая, как Вы верно заметили в Вашей передовой, кончена пока только на бумаге. (Вы были правы, говоря, что вся травля, которая в военных кругах велась против Вас, исходила „оттуда“. То же сейчас происходит и со мной. На меня выливают ушаты грязи, поместили гнусный выпад в журнале „Армия и флот“, готовят, кажется, атаку в „Галлиполийском вестнике“.)

Мой Вам искренний и дружеский совет: пока ничего не писать о РОВСе и подождать ближайшего времени. Я лично

заявил Архангельскому сразу же, что предоставляю себя в полное его распоряжение и готов с ним совершенно лояльно работать. Отношения мои с ним были превосходными.

Не откажитесь сообщить, сколько времени Вы пробудете в Берлине, чтобы я мог сообразоваться с этим. Тогда напишу подробнее.

Еще раз желаю Вам всякого добра и благополучия.

Искренне уважающий Вас *В. Орехов*».

Внешне искренняя тональность письма Орехова имела «подтексты». О них можно судить по посланию редактора «Часового» к С. Л. Войцеховскому, отправленному в тот же день 3 апреля в Варшаву:

«Я получил два дня тому назад письмо от Ивана Солоневича, живущего в Берлине. Все слухи о его „помешательстве“ — клевета. Письмо его написано в самом дружеском тоне и желании полного сотрудничества и контакта. Несмотря на то что я с очень многим из его работы не согласен, и учитывая всё, что нам о нём говорили, я всё же не считаю возможным прекращать с ним отношения. Если он даже и приносит вред, то только личным общением с ним можно этот вред парализовать.

Поэтому я ответил ему письмом, копия коего при сем прилагается. Письмо это ни к чему не обязывает ни Вас, ни меня. Но при известных обстоятельствах такую встречу я лично признал бы желательной. Если Вы со мной не согласны, то всегда можно сослаться на невозможность приехать и „затормозить на ходу“.

Адрес Солоневича, который он сообщил для моего личного сведения: N. Paramonoff, Haberland Str. 11, Schoneberg Berlin».

Рекомендации Орехова в отношении «перемирия», в крайнем случае «временного нейтралитета», с РОВСом Солоневич не принял. Реакция союза не заставила себя ждать.

Из агентурного сообщения «Беркута» (София, вторая половина 1938 года):

«Раздражение руководства РОВСа в отношении Ивана Солоневича достигло апогея. Примирение невозможно». Редактор журнала «Часовой» В. В. Орехов написал по этому поводу Сергею Войцеховскому:

«Сейчас Солоневич занял совершенно невозможную позицию... Возмущение им повсеместное. Хочется думать, что это — последствия его тяжёлого несчастья. В общем, скажу Вам, что в смысле работы по оздоровлению РОВСа Солоневич талантливо сорвал все мои усилия, а мне

пришлось от него отбояриваться, ибо стали думать, что я заодно с ним.

В Софии организовано „Общество друзей „Голоса России““. Инициатором называется Н. И. Плавинский, в числе его помощников упоминают Лохматова, Михайлова, Ковалевского. Они уверяют, что газета вскоре вновь выйдет в свет, но это более чем сомнительно. Газета разрешена не будет. В этом направлении сильно старается РОВС через свои связи у болгар»^[143].

Покидая Софию, Иван передал издательские и финансовые дела надёжному и честному до щепетильности Всеволоду Константиновичу Левашову. В тот сложный для Солоневича период газетой «Голос России» заинтересовались японцы. Они были очень активны в Европе, налаживая связи с эмигрантскими деятелями и организациями антисоветского толка, рассчитывая использовать их в своих интересах в будущей войне. Особенно плотно японские эмиссары работали с «новопоколенцами».

Для проведения зондажа о перспективах привлечения к аналогичной работе «Голоса России» в Софию в июле 1938 года прибыл секретарь дипломатической миссии Японии в Бухаресте Такао^[144]. Назойливое любопытство дипломата раздражало Левашова, но он, следуя телефонным инструкциям Солоневича, ответил на все вопросы японца, делая акцент на том, что финансовые дела газеты процветают и она «не нуждается в субсидиях со стороны».

Советская разведка раздобыла запись бесед Такао с Левашовым. Дотошный японец оказал большую услугу Лубянке, описав до мельчайших подробностей обстоятельства визита и состояние дел в редакции. Судя по всему, «техническая база» газеты впечатления на японца не произвела:

«Издательство „Голоса России“ помещается в плохонькой комнатке в 4 квадратных метра на заднем дворе дома № 8 по улице Веслецы. Никакой вывески нет, и всё выглядит как подпольная типография».

Левашов сообщил дипломату, что газета издаётся тиражом пять тысяч экземпляров и что наибольшее количество подписчиков находится в Соединённых Штатах:

«Среди русских эмигрантов в Америке есть много интеллигентов, и взгляды, высказываемые Солоневичем, выражают как раз то, что они хотели бы, но не могут высказать. На восток — в Шанхай — отправляется обычно 500 экземпляров, в Японию — 15. В Румынию уходит до 200 экземпляров. Латвия является единственной страной, категорически запрещающей ввоз „Голоса России“».

По словам Левашова, в Советский Союз с каждого тиража тайно ввозится 150 экземпляров, которые оказывают необходимый эффект на подневольных граждан:

«Если верить письмам моряков с советских судов и европейцам, побывавшим в России, газета там передаётся из рук в руки и с нею знакомится большое количество людей».

В ходе бесед Левашов подчеркнул, что «Солоневич своей газетой вносит организующее начало в антисоветское движение белоэмигрантов всего мира. В последнее время, в связи с напряжённой обстановкой в Советском Союзе, его влияние на эмиграцию заметно выросло. Число лиц, которых можно считать его единомышленниками, достигает 10–15 тысяч. Призывы Солоневича затрагивают чувства людей, изгнанных с родины, не сумевших найти себе спокойного убежища. К ним не остаётся равнодушной и та мыслящая часть белоэмигрантов, которая за 20 лет, прошедших после революции, остепенилась и, казалось бы, почти забыла о существовании родины».

Японец записал слова Левашова о том, что Солоневич считает своей основной задачей — объединительную. Среди тех, кто ему намерен содействовать в этом деле, были названы Русская фашистская партия на Дальнем Востоке и фашистские группы в Европе — генерала Туркула, которая вышла из РОВСа, и Меллер-Закомельского в Германии. Русский национальный союз участников мировой войны, созданный Туркулом, в наибольшей степени разделяет чаяния Солоневича, который как вождь завоёвывает всё большее доверие к себе^[145].

Беседуя с японцем, Левашов не скрывал, что растущее влияние «Голоса России» может привести к репрессивным действиям со стороны болгарской полиции, «причём не по собственной инициативе». Он как в воду глядел. В начале августа 1938 года советское полпредство заявило протест по поводу «гнусных» статей «Голоса России», направленных против Советского Союза. Болгарский премьер-министр обещал «принять меры» и строго предупредить газету. Если её враждебный курс будет продолжен, издание газеты прекратят. Свою угрозу премьер-министр выполнил. Последний номер «Голоса России» вышел 9 августа 1938 года.

На её «руинах» возникла «Наша газета». Вместо Плавинского её формальным издателем стал Левашов. Конечно, большая часть материалов для публикации поступала от Ивана. Но и эта газета после советской ноты протеста была прикрыта. Солоневич не сдавался. Следуя его инструкциям, Левашов организовал издание журнала «Родина», который после придинок и «выволочек» Отдела по контролю печати при Совете министров Болгарии

прекратил существование на 6-м номере. В марте — апреле 1941 года Левашов по настоянию Солоневича пытался наладить выход ещё одного журнала. Но Отдел по контролю печати был начеку и наложил на этот проект «вето». Голос публициста Солоневича был намертво заглушён на все четыре года войны и три года оккупации...

Иван называл книгу «Россия в концлагере» своим «вторым паспортом в Германию». Вышла она в мае 1937 года в эссенском издательстве в двух томах под названием «Потерянные: Хроника неизвестных страданий». Текст немецкого издания был «скорректирован» только в одном месте. По просьбе редактора были опущены нелестные слова о фюрере германской нации, которые произнёс чекист Чекалин в известной сцене ночного исповедального разговора с писателем: «Этот (то есть Гитлер. — К. С.) — ерунда, этот глубокий провинциал».

В конце июня 1937 года «Хроника неизвестных страданий» попала в руки рейхсминистра пропаганды доктора Йозефа Геббельса. Книгу прислал ему директор эссенского издательства. В сопроводительном письме говорилось: «Это — квинтэссенция правды о большевистском режиме, рассказанная одним из тех, кто мог стать его жертвой». Геббельс, считавший себя экспертом по советским делам, книгу прочёл с интересом и в дневнике, в котором фиксировал «для истории» своё видение значимых событий современности, сделал следующую запись:

«Читаю ужасающую книгу о России. „Потерянные“ Солоневича. Фюрер тоже заинтересовался ею. Следующий день в жизни [национал-социалистической] партии будет опять посвящён борьбе с большевизмом».

За второй том («Бегство из советского рая») Геббельс взялся в середине октября и не удержался от очередного негодующего комментария:

«Запоем читаю вторую часть „Потерянных“ Солоневича. Просто ад на земле творится в России. Стереть его с лица земли. Долой!»

Ведущий специалист по творчеству Ивана Солоневича Игорь Воронин обращает внимание на запись в дневниках Геббельса от 1 мая 1938 года: «Рейхсминистр отметил, что выделяет 30 тысяч марок Солоневичу „на его антибольшевистскую газету“». Получил ли Солоневич эту субсидию, зачем она была ему нужна при его-то гонорах и, главное, зачем нацистскому Министерству народного просвещения и пропаганды понадобилось финансово поддерживать русскую газету русских эмигрантов — на эти вопросы мы ответить не можем. Но можем констатировать, что благосклонность одного из лидеров Третьего рейха спасла Солоневича от многих неприятностей, от преследований гестапо и Розенберга,

например»^[146].

Нацистские бонзы часто упоминали и цитировали книгу Солоневича, характеризуя её как «поучительное чтение» об ужасах большевизма. Познакомиться с книгой Солоневича рекомендовал каждому немцу Герман Геринг, выступая в Спорт-паласе летом 1937 года. Там же в ноябре с аналогичным призывом выступил Геббельс. В нацистских газетах печатались рецензии, которые единодушно говорили о книге как «о сильнейшем ударе по большевизму». После таких откликов спрос на «Россию в концлагере» у читающей немецкой публики резко возрос: книга переиздавалась в Германии пять раз.

Для Солоневича это было предметом особой гордости, он, в частности, отметил: «Известный немецкий мыслитель граф Кайзерлинг вычитал в моей книге то самое важное, что не вычитали наши растяпы: „русские, которые переживут сегодняшний ад, будут в сто раз сильнее и в сто раз интеллигентнее, чем их довоенные компатриоты“».

Нет сомнения, что авторство этой книги стало для Солоневича не только «вторым паспортом в Германию», но и своего рода палочкой-выручалочкой в самый сложный период его отношений с нацистами, когда в 1941 году Иван подверг критике планы и цели германского «натиска на Восток». Наказать автора «России в концлагере» концлагерем германским даже с точки зрения нацистских заправил было «контрпродуктивно»: это негативно сказалось бы на имидже рейха. Поэтому для Солоневича избрали более «мягкое наказание» — ссылку и принудительное молчание...

Воодушевлённое похвалами иерархов рейха, эссенское издательство пригласило Солоневича прочитать цикл лекций «по мотивам» книги «Россия в концлагере» в крупных городах Германии. Иван согласился и взялся за работу. Очень кстати Левашов переправил в Берлин библиотеку Солоневича (около трёх тысяч томов) и, самое главное, архив. Эти материалыгодились при подготовке выступлений. Все тексты пришлось предъявлять на предварительную цензуру. Немецкие власти не хотели импровизаций и в этом, казалось, следовали порядкам, заведённым в Советском Союзе.

Несмотря на сохранявшуюся угрозу покушений, Иван Солоневич отправился в лекционное турне. Он называл свои лекции «встречами с германской общественностью» и позже не без иронии писал:

«Я был принят как нечто среднее между Шаляпиным сегодняшнего дня и Квислингом — завтрашнего, но тогда ещё никто не знал, что такое Квислинг. Обоюдное разочарование наступило довольно скоро, через

несколько месяцев. Но пока что всё было очень мило».

В свободное время Иван писал статьи для «Нашей газеты», которая стала выходить вместо закрытого болгарскими властями «Голоса России». При всяком удобном случае Солоневич заявлял, что «занимается разработкой основных положений Белой идеи в применении к условиям послесоветской России (!), конечно, с учётом итальянского и германского опыта».

У эмигрантов из России, живших в Германии, лекции Ивана Солоневича пользовались успехом. Тайная государственная полиция контролировала их содержание, изучала реакцию слушателей. Так, в сводке гестапо в Дрездене, озаглавленной «Месячное сообщение о русской, украинской и грузинской эмиграции», отмечалось:

«Русское национальное и социальное движение (РНСД) в городе проявило себя для широкой общественности устройством лекции русского эмигранта И. Л. Солоневича. Была налажена реклама: на столбах расклеены листовки и плакаты, в газетах — помещены объявления. Особо указывалось на то, что жена докладчика стала жертвой покушения, осуществлённого ГПУ в Софии. Писатель выступил 9 июня на открытом собрании в большом городском выставочном зале перед многочисленной аудиторией в 1300 слушателей с докладом на тему „Агония советской власти“. Солоневич читал лекцию на немецком языке, и так как он им владеет недостаточно хорошо, его порой было трудно понять.

Инцидентов на собрании не произошло. Против содержания доклада ничего нельзя возразить, это действенная антибольшевистская пропаганда. Местные газеты опубликовали положительную информацию о собрании.

Другой доклад (на этот раз закрытого характера) прошёл на следующий день в 20.00. в малом зале коммерческого объединения для 160 представителей местной русской колонии, соответственно на русском языке. Ничего предосудительного отмечено не было».

Ещё один отчёт гестапо:

«Франкфурт-на-Майне, 15 июня 1938 года:

На ипподроме состоялось открытое собрание, организованное местной группой РНСД, на котором выступил И. Солоневич из Софии с лекцией на тему „Агония советской власти“. Начальник пропаганды РНСД А. Мельский произнёс вступительную и заключительную речи. Слушатели, число которых достигало 4500–5000 человек, встретили указанные выступления с большим одобрением. Из-за нехватки мест более 1000 человек осталось за пределами ипподрома. Особых происшествий отмечено не было».

В сводке содержались другие данные, показывавшие на всеохватный характер интереса гестапо к славянской колонии:

«Изменений в её составе во Франкфурте-на-Майне не произошло. По статистике русских эмигрантов — 232 (из них 39 — украинцев). Членов РНСД — 63 (34 — русских, 12 — украинцев, 2 — поляка, 15 — немцев). Немцы-возвращенцы из России — 34 (из них арестован полицией 1). В июне в колонии состоялось 5 членских собраний, 3 вечеринки, 7 занятий на курсах языка, которые посещаются главным образом немцами для усовершенствования знания русского. Мер государственного-полицейского характера в отношении русских эмигрантов в отчётном месяце не предпринималось».

Об этом периоде своей жизни Солоневич не раз говорил, что это было время «утраченных надежд»:

«Содержание моих лекций нашим читателям известно. В этих лекциях не было никакого лизоблудства, никакой подделки под местный стиль, никаких самостийностей и никакого неуважения к русскому народу вообще. Та прорусская линия Германии, которая очень сильна и сейчас, попыталась за меня, так сказать, ухватиться. Была намечена лекция в Спорт-паласе с предполагаемой аудиторией в 25 000 человек и с передачей по радио всей Германии. Были намечены и некоторые другие возможности. И вот тогда, словно по команде, была мобилизована наша собственная сволочь. Почти одновременно — в „Галлиполийском вестнике“, в варшавском „Мече“ и в польской печати, в „Царском вестнике“ и я не помню, где ещё, стали изливаться ниагары помоев: и разлагатель, и агент ГПУ, и алкоголик, и истерик, и что хотите. Избранные места этих помоев переводились на немецкий язык и рассылались по всем немецким инстанциям. Вонь поднялась неопишуемая. Какой-то белградский генерал получил от какого-то своего приятеля из Москвы какое-то письмо, в котором оный приятель, лично меня знавший по Москве, утверждал, что я был инспектором ОГПУ Московского округа... Что ОГПУ переправило нас всех с определённым заданием морального разложения генералов — словом, чёрт знает что такое... За большевицкую агентуру в Германии по голове не гладили — ещё менее гладят сейчас».

В Германии, против ожидания, Иван не чувствовал себя в полной безопасности. В письме Юрию Войцеховскому в Варшаву он делился своими опасениями:

«Со встречей в Данциге — дело обстоит очень слабо. Я едва ли смогу туда поехать. За мной и здесь идёт слежка, в Гамбурге готовилось какое-то

новое покушение. По распоряжению из Берлина власти взяли меня в такой оборот, что — извините за выражение — и в уборную одного не пускали. Поставили охрану и внутри, и снаружи дома, а в Берлин отправили на самолёте, предварительно проверив документы всех пассажиров. В чём там было дело — я в точности не знаю, но весьма сомневаюсь в том, чтобы немцы так за здорово живёшь стали бы предпринимать такие мероприятия. Данциг — порт. Ехать туда без соответствующего предупреждения неудобно. Предупредить — значит вызвать такую же примерно „мобилизацию“, какая была в Гамбурге»^[147].

Власти восточноевропейских стран с подозрением относились к «Голосу России», а потом и к «Нашей газете», считая «сомнительным» их направление. Распространителям газет нередко приходилось доказывать, что они не ведут подрывной работы против «стран пребывания» и что единственным врагом газеты является Советская Россия. Больше всего проблем было в Польше: представителя «Голоса России» С. Л. Войцеховского без видимых причин по несколько раз в месяц вызывали «для бесед» в полицию. В письме Юрию Войцеховскому Солоневич разъяснил ситуацию: «Нужно иметь в виду, что фамилия наша вообще одиозна в Польше. Ещё с довоенных времён, в связи с той газетой, которую мы с отцом издавали раньше в Вильне, а потом в Минске».

В этом же письме Солоневич признал, что его отношения с недругами из эмиграции заметно обострились:

«Как Вы, вероятно, знаете — „Меч“ тоже включился в травлю, которая начинает принимать, так сказать, всеобщий характер... Для меня наступают весьма страдные дни: травля подымается со всех сторон... А я просто *очень устал*... Мне бы хоть недели две отдыха... Да вот — и некогда, и льёт дождь, и некуда деваться для отдыха... Большое спасибо за Вашу оценку и за Ваши пожелания. Думаю, мы вступаем в период, когда драться придётся очень всерьёз — и чуть ли не во все стороны».

Агентура НКВД по-прежнему контролировала обстановку вокруг Ивана Солоневича и редактируемой им из Берлина газеты. Тщательно отслеживался «рост напряжённости» между Солоневичем и РОВСом. Сильнейшую бурю в Союзе вызвали номера «Голоса России» от 12 и 19 июля 1938 года, в которых Солоневич уничижительно-беспощадно критиковал командиров РОВСа генералов Витковского, Зинкевича и Скородумова. Верхи РОВСа сочли себя кровно оскорблёнными и в очередной раз назвали Солоневича «советским агентом», продолжающим выполнять «чекистское» задание по внесению раскола в РОВС и

компрометации его руководства. В верхах решили: это оскорбление не должно сойти с рук. Мнение низов РОВСа, однако, разделилось. «Штабс-капитаны» в большинстве своём поддержали Солоневича.

Надо ли говорить, что Левашов разделял критическую позицию Солоневича. Возглавители РОВСа, по его мнению, устали от борьбы с большевизмом, подменили её демагогической фразой, имитацией «конспиративных акций», скучными совещаниями «об очередных задачах» по свержению «кремлёвских узурпаторов». Однажды в знак протеста Левашов послал фотографа на очередной банкет РОВСа и затем поместил на первой странице газеты снимок с текстовкой: «Вот так мы спасаем Россию!»

Эта капля переполнила чашу терпения экстремистского крыла в РОВСе. Левашова навестил «некий молодой мужчина с военной выправкой» и, воспользовавшись доверчивостью хозяина квартиры, нанёс ему сильнейший удар кастетом в лицо, после чего трусливо скрылся. Борис Солоневич, узнав об инциденте, сказал своим брюссельским друзьям, что это — оправданная месть офицеров «Нашей газете» за ведение «клеветнической» кампании против РОВСа. Из-за отсутствия Ивана Лукьяновича удар кастетом достался его ближайшему помощнику.

Но даже в период всеобщей травли раздавались голоса в поддержку Солоневича, причём — с самой неожиданной стороны.

В защиту Ивана Солоневича на закрытом заседании правления Российского национального объединения (РНО) в середине сентября 1938 года выступил Ю. Ф. Семёнов, редактор газеты «Возрождение». Раньше он не был столь терпимым к «коллеге», помещая в газете назидательно-укоризненные заметки о крайностях в поведении Солоневича и его нападках на руководителей РОВСа. И вот — разительная перемена: Семёнов стал вдруг подчёркивать, что Иван Лукьянович действительно единственный кандидат в «фюреры» белой эмиграции в предстоящей «последней борьбе», что он ему верит совершенно и всякие подозрения по поводу того, что Солоневич «подослан», считает «большевистской провокацией».

Более того, Семёнов начал утверждать, что слухи о «чекизме» Солоневичей идут от генерала Бориса Штейфона. По сведениям, которые поступили к Семёнову из Румынии по неким «секретным каналам», следовало, что Штейфон — давний советский агент. По заданию ГПУ он якобы поступил на службу в румынскую сигуранцу, чтобы шпионить в пользу СССР. На собрании РНО Семёнов во всеуслышание заявил, что

вскоре с советской стороны будут переправлены свидетели с «документальными доказательствами чекизма Штейфона».

Свидетели с документами «из-за чертополоха» так никогда и не появились. Семёнов к вопросу о «предательстве» Штейфона больше не возвращался, понимая, что может нарваться на неприятности, если генерал узнает о его обвинениях. Однако активки о «ненадёжности» Штейфона по чекистским каналам настойчиво внедрялись в «коллективное подсознание» эмиграции. Крест на этой операции чекистов поставила Вторая мировая война, Штейфон возглавил Русский корпус, который совместно с частями вермахта сражался с партизанами Тито, следуя ставшему широко известным лозунгу, выдвинутому генералом: «Хоть с чёртом, но против большевиков!»

Одним из первых германских адресов Солоневичей стало местечко Клейн-Махнов в окрестностях Берлина^[148]. Отец и сын поселились на вилле, окружённой яблоневым садом, который создавал ощущение покоя и оторванности от внешнего мира. В местечко перебрались по совету куратора из гестапо. По данным службы безопасности, советской разведке стал известен адрес берлинской квартиры Солоневичей. Куратор не удержался от воспитательных комментариев: по его мнению, Солоневичи слишком неразборчиво приглашали в гости друзей-эмигрантов, среди которых наверняка были агенты НКВД.

Вилла в Клейн-Махнове стала первым семейным пристанищем для Юрия и его жены Инги после брачной церемонии в здании магистратуры.

Ещё со времён Гельсингфорса Иван Солоневич знал об увлечении сына, шутливо называл Ингу «чухонкой» и не вмешивался в личные дела Юры, считая, что «время покажет».

То, чему было суждено случиться, случилось.

— Ватик, я женюсь, — сказал Юра, появившись в дверях кабинета, — Инга согласна, её близкие родственники тоже, препятствий нет. Теперь слово за тобой. Благословляешь?

Иван Лукьянович оторвал глаза от пишущей машинки, развернулся в кресле и, поправив очки, с нарочитой серьёзностью посмотрел на сына:

— Если гарантируешь внука, благословляю.

— Конечно, гарантирую, — улыбнулся Юра и добавил: — Хотя, технически говоря, не сразу, не завтра и даже не послезавтра...

Они дружно рассмеялись: слово «технический» Ватик часто использовал в своих писаниях, когда говорил о чём-то неизбежном и предрешённом.

С юной шведкой Ингой Доннер (финской подданной) Юра познакомился три года назад в Гельсингфорсе. Совместные занятия в Академии искусств «Атенеум», походы на пленэр, вначале с сокурсниками, затем вдвоём, помогли быстрому сближению. Отъезд Солоневичей в Софию, а после взрыва в редакции — в Берлин не прервали этих отношений, Юрий и Инга переписывались, строили планы на будущее. Агенты НКВД не раз фиксировали в своих отчётах попытки эмигрантских девушек увлечь молодого Солоневича (на этот счёт в «русской Софии» заключались даже пари!). Но Юра держался стойко и чувству своему не изменил.

В конце лета 1938 года Инга приехала в Берлин в сопровождении тётушки и кузин. Формальным поводом для приезда было, как написала Инга в своих мемуарах^[149], «ознакомление с художественными сокровищами Европы и обогащение моего духа». Но главным было другое: повидаться с Юрой после многомесячной разлуки и «решить самые неотложные вопросы». Юра встретил Ингу и её спутниц на железнодорожном вокзале, очаровал тётушку Верну и кузин, показал себя с наилучшей стороны в качестве гида по музейным залам Берлина. «Нам не потребовалось много времени, чтобы принять решение о женитьбе», — вспоминала Инга.

Но препятствия для брака возникли, причём с самой неожиданной стороны. По нацистским законам всем «брачующимся» в рейхе необходимо было документально доказывать, что они не являются лицами с «еврейской кровью». Задача оказалась сложной, потому что, по замечанию Инги, «было легко доказать, кем ты являешься на самом деле, но как доказать, что ты кем-то не являешься?». Пришлось заниматься поисками приемлемых для нацистов документов. Юрий заплатил несколько марок некоему эстонцу за нотариально оформленные показания о том, что он «присутствовал» при процедуре крещения «малыша Солоневича» в православной ортодоксальной церкви. Такую же липовую справку получила Инга из Финляндии. Справка была подписана юристом, другом семьи, и констатировала, что в церковных записях о семье Доннеров, тщательно изученных «на глубину пяти поколений», евреев не обнаружено.

Медовый месяц молодожёны провели в горах. Иван Солоневич поехал вместе с ними. Целыми днями он сидел на залитой солнцем террасе, наблюдая за молодыми, которые катались на лыжах, оглушая окрестности весёлыми криками. Иван понимал и оправдывал сына. Нельзя страдать вечно: боль от катастрофы в Софии должна затихнуть, не мешать жить. Сам Солоневич страдал после гибели Тамочки глубоко и безутешно, считая

себя виновником её смерти. Если бы Тамочка осталась в Берлине, если бы он не настаивал на её возвращении к нему, с ней *этого* не случилось бы никогда...

Иван внимательно прислушивался к тому, что говорили о Германии эмигранты. Некоторые, таких было немного, считали, что жить в Третьем рейхе тяжело, что политические, социальные и расовые противоречия загнаны вглубь, постепенно размывая изнутри режим Гитлера. Внешние признаки его прочности: многотысячные марши, факельные шествия, всеобщая истерия при виде фюрера, — всё это «критики» называли «отражением коллективного лицемерия». Мол, другого выхода у немцев пока нет: надо приспособливаться, мимикрировать, пережить эпоху «нацистских крикунов». На самом же деле среднестатистическая германская душа тайно протестует. Носителями этого протеста являются католики, протестанты, коммунисты и часть офицерского корпуса.

Убедился Солоневич и в том, что победная эйфория гитлеровского национал-социализма усилила германофильские настроения в значительной части русских эмигрантов. В случае войны многие из них были готовы примкнуть к боевым колоннам фюрера, чтобы разгромить большевизм и сбросить Сталина. Своих симпатий к Гитлеру германофилы не скрывали, восхваляя в фюрере врага большевиков, решительного вождя, способного нанести поражение СССР.

Но были и другие точки зрения. «Критики нацистов» предупреждали «фанатиков фюрера», что такая откровенно прогерманская позиция вредит интересам «Национальной России», морально компрометирует лидеров эмиграции накануне решающих событий в Европе, порождает недоверие к белым русским у западных демократий. Впрочем, германофилы отмахивались от этих здравых суждений: мощь стальных легионов Третьего рейха такова, что ни одно государство на континенте не в состоянии им противостоять.

Первый тревожный сигнал для русских поклонников Гитлера прозвучал во Франции. Власти выслали из страны нескольких белых генералов, не скрывавших симпатии к Германии, в числе двухсот с лишним «нежелательных иностранцев», полагая, что они могут принадлежать к предательской «пятой колонне». Эмигрантская пресса, в особенности газета «Возрождение», играла подстрекательскую роль, подзадоривая «штабс-капитанскую» массу, провоцируя её на выступления против СССР, пропагандируя «активизм», который здравомыслящим людям в русском рассеянии казался неумным, неуместным и опасным.

В этих обстоятельствах требовалось чётко оценить «пределы» сближения с немцами, взаимодействия с ними, если такое было возможно, ни на минуту не забывая об интересах России, русского народа, условиях независимого, суверенного, свободного от большевиков и нацистов будущего...

Жизнь в местечке Клейн-Махнов недолго оставалась спокойной. Однажды, когда Солоневичи садились в автомашину, чтобы отправиться в Берлин, Юрий по привычке заглянул под неё (согласно инструкции по безопасности!) и увидел подозрительную коробку, прикреплённую к днищу. Пришлось вызывать сапёров, которые со всеми предосторожностями извлекли подозрительный предмет. Оказалось, что это и в самом деле бомба. Через неделю после этого происшествия Солоневичи обнаружили, что во время их отсутствия кто-то побывал в их доме и перевернул в нём всё сверху донизу. Это была акция по запугиванию: ни деньги, ни ценные вещи не пропали.

Солоневичи были уверены — это работа НКВД. Пришлось снова переезжать. Просторную квартиру в Берлине рекомендовал им куратор службы безопасности, не забыв отметить, что в этом же доме — весьма фешенебельном — живёт известная киноактриса Лиль Даговер.

Иван дал согласие на переезд, даже не посмотрев предварительно квартиру. Подыскать подходящее жильё в Берлине было нелегко...

Инга оставила описание этой квартиры:

«Когда я впервые оказалась в моём новом доме, у меня возникло такое ощущение, что обои табачно-коричневого цвета в столовой комнате словно пытаются сообщить мне о каком-то прошлом несчастье, которому они были свидетелями. Моя вера в то, что каждое жилище имеет свою ауру, всегда являлась причиной для шуток и недоверия в моей семье. Мебель, которая имелась в квартире, была чёрной, полированной и элегантной, но вызвала ощущение депрессии. Позднее мы узнали, что всё это принадлежало еврейской семье, которую изгнали из квартиры, не дав им возможности вывезти свои вещи».

Эта неприятная ситуация была впоследствии использована недругами для компрометации Солоневича: он, дескать, подыскал квартиру и «организовал» всё так, чтобы прежние жильцы больше «не появлялись».

Для Инги вживание в «русский быт» было нелёгким. Главной причиной трудностей её адаптации был Иван Лукьянович, который так «узурпировал» сына, подчинив его своей воле, планам и проектам, что молодая жена оказалась как бы «на обочине» интересов собственного

мужа!

Много лет спустя Инга рассказывала:

— Я думала, что выхожу замуж за одного Солоневича, а вышла за двоих. Юра даже взял отца с нами на медовый месяц: он был вне себя после гибели Тамочки, чудовищно пил, и Юра боялся оставить его одного... Я вообще их обоих очень мало видела. Юра был очень хорошим сыном, они жили душа в душу, да и у дедушки был чрезвычайно сильный характер, он всегда являлся средоточием всех окружающих. А меня не подпускал к их политической жизни, да ещё нас разделяла и его широкая натура^[150]...

О «широкой натуре» свёкра она вспомнила не без оснований:

— Когда мы жили в Берлине, к нему валом валили русские эмигранты. И абсолютно каждого он уговаривал остаться поужинать, остаться переночевать. И это в пору продовольственных карточек! Ему было решительно невдомёк, что я простаивала по несколько часов в очереди ради пяти-шести картошек. Однажды какая-то засидевшаяся в гостях русская поэтесса обронила, что ей нечем укрываться по ночам. Так дедушка прошёл в мою комнату, взял моё красивое финское одеяло, дар моей матери, и вручил этой даме! А когда я запротестовала, рассердился!^[151]

Было бы неправильным говорить о равнодушии и чёрством отношении Ивана к невестке. Он ценил её художественный талант, искренне восхищался её анималистскими работами, о которых, в частности, писал: «Собачьи портреты выходили у Инги замечательно: каждый пёсик имел свою собственную, неповторимую в истории мироздания индивидуальность».

Обиды Инги на Ивана Лукьяновича сохранялись долгие годы после его смерти. В какой-то мере она была права, концентрация на политической борьбе, ежедневная публицистическая страда, обдумывание и подготовка масштабных трудов о монархии и судьбах России ограничивали его контакты с близкими людьми, часто лишали их эмоциональных ноток. Он слишком поздно получил возможность обращаться к русским читателям в полный голос и потому торопился, жертвовал всем...

Переезды Солоневичей с квартиры на квартиру помогали Ивану осваивать «географию» Берлина. Он обзавёлся схемой транспортной сети города и, сверяясь с нею, выстраивал свои маршруты, не переставая удивляться пунктуальности «прибытия-отбытия» поездов городской

железной дороги, линий метро, автобусов и трамваев. Автомобильные потоки захлёстывали столичные улицы, капоты новеньких «опелей» и «хорьхов» блистали лаком. Люди на улицах выглядели довольными и счастливыми. Всё свидетельствовало об экономическом подъёме рейха. Позорный Веймарский мир ушёл в прошлое благодаря решительным волевым действиям фюрера.

Иногда Солоневич углублялся под зелёный шатёр Тиргартена и, прогуливаясь по аллеям, обдумывал очередную статью для отправки в Софию или баловал орешками общительных белок. Симпатичные зверьки сопровождали его до ближайшей скамьи и с любопытством заглядывали через плечо в немецкие газеты, которые он по обыкновению просматривал. Чаще всего это были «Фёлькишер Беобахтер» и «Ангрифф». С карандашом в руках читал Солоневич еженедельник «Дас Рейх», посвящённый вопросам политики, который редактировал Геббельс. Солоневич называл «Дас Рейх» лучшим политическим изданием не только в Германии, но и в англосаксонских странах. При этом делал вывод, что после прочтения «Дас Рейха» его содержание надо воспринимать «наоборот»: исходить из того, что всё хорошее для рейха никак не подходит для России.

Берлин постоянно напоминал Ивану о погибшей жене. На Линденштрассе, 21–25, находилось здание советского торгпредства, тайны которого с чисто женской проницательностью вскрыла Тамочка. В универсальных магазинах Тица и Вертгейма она покупала одежду, чтобы «приобрести мало-мальски европейский вид». Из дверей пансионата фрау Бетц по Доротеенштрассе Тамочка выходила каждое утро, провожая Юру на уроки в Кернер-Оберреальшуле, а потом спешила в «Крафт дурх Фрейде», где преподавала служащим французский язык. Именно из этих учительских 150 марок заработка она выкраивала средства, чтобы через друзей в Москве и Ленинграде «организовать» продовольственные посылки в концлагерь, которые помогли им продержаться во время побега...

В сентябре — октябре 1938 года несколько одиноких вечеров Иван посвятил написанию статьи «Большевизм и женщина», своего рода лирико-политической эпитафии, посвящённой Тамочке. Только через восемь месяцев после её гибели Солоневич смог обратиться к болезненной для него теме: к истории их знакомства и отношений, сложным перипетиям совместной жизни на фоне драматических событий русской истории. Возможно, он никогда бы не взялся за эту статью, если бы не настойчивые просьбы эссенского издательства о подготовке послесловия к изданию незаконченной книги Тамары «Три года в Берлинском торгпредстве».

В предисловии к русскому изданию Солоневич так объяснил свои переживания: «Мне ещё и до сих пор очень трудно взяться за эту тему: с нею связано слишком много тяжёлого и трагичного. Самое трагичное — это, может быть, сомнение: а не зря ли я подставлял всю нашу семью под большевицкий террор, и не зря ли погибла Тамочка». Это сомнение навсегда поселилось в душе Солоневича, преследуя его до последнего дня жизни.

С первых же дней пребывания под крышей рейха Солоневич почувствовал, что немцы с методичной дотошностью «изучают» его возможности, чтобы наилучшим образом использовать его для борьбы против Советов. Чаще всего к нему обращались «за консультациями» эксперты из институтов и центров по изучению России. Не обходили его вниманием немецкие журналисты. Брали интервью, приходили «обменяться мнениями» перед посещением Советского Союза, просили советов. Иван помогал, чем мог, и в беседах с немцами неизменно подчёркивал, что ошибочно идентифицировать весь русский народ с коммунистическим режимом, что «большевизм» — это навязанная силой чуждая русским идеология, что в России зреют силы сопротивления, которые рано или поздно добьются успеха, несмотря на концлагеря и террор НКВД.

Было заметно, что нацистское руководство относилось к правому лагерю русской эмиграции весьма сдержанно, чтобы не сказать враждебно. Решающее слово в определении «государственной политики» в отношении этой категории русских, проявлявшей полную лояльность гитлеровскому режиму, принадлежало, конечно, самому Гитлеру. Он был прагматичен, «русским азиатам» не доверял, допускал их временное «использование» в интересах Германии, но не в качестве консолидированной, объединённой силы под русским же руководством. По мнению фюрера, эта сила могла — в перспективе — стать куда большей угрозой для рейха, чем Советский Союз.

Интерпретатором идей и установок Гитлера по стратегии освоения восточных территорий был Альфред Розенберг. Ключевой характер носили тезисы об «обезлюдении» значительной части исконно русских земель и их заселении «расой господ» — переселенцами из рейха. При таком нацистском раскладе для России доверять русским, в том числе из правого и ультраправого лагеря, было бы со всех точек зрения неразумно. Поэтому деятельность русских организаций в Германии постепенно ограничивалась, подвергалась всё более жёсткому контролю, с задачей полного сведения на

нет.

В рамках этого курса все русские организации, имевшие командные центры за пределами рейха, в Германии в 1938 году были запрещены. Руководству РОВСа пришлось согласиться на преобразование 2-го отдела в самостоятельную организацию, возглавляемую генерал-майором фон Лампе. «Самостоятельность» эта была внешней, потому что фон Лампе должен был согласовывать работу вновь созданного «Объединения русских воинских союзов» с генералом Бискупским^[152], который тоже не имел полномочий на принятие самостоятельных решений. По всем проблемам — большим и маленьким — он обращался в немецкие инстанции.

С Василием Викторовичем Бискупским Солоневичу пришлось часто встречаться для решения различных вопросов своего пребывания в Германии. Бискупский был одной из ключевых фигур, через которые в 1920–1930-х годах шло «общение» между русской эмиграцией и германскими властями.

Немцы заметили Бискупского, бывшего конногвардейца, «человека шляхетских кровей», как о нём нередко пишут исследователи, ещё в 1918 году, когда он командовал войсками гетмана Павла Скоропадского на Украине. В июле — сентябре 1919 года Бискупский был главой пронемецкого западно-русского правительства, созданного в Берлине. Правительство бесславно кануло в Лету, не получив реальных «властных полномочий». В 1920 году, находясь в Германии, Бискупский участвовал в Капповском путче, содействовал подготовке Пивного путча, после провала которого Гитлер прятался у него на квартире. Впоследствии фюрер скрывал этот факт: он не хотел в своей биографии эпизодов, указывавших на какие-либо прошлые связи с русскими.

Бискупский был близок к Альфреду Розенбергу, поддерживал доверительные отношения с генералом Эрихом Людендорфом. Благодаря этому Бискупский стал одним из руководителей общества «Ауфбау», которое Людендорф создал в Мюнхене для налаживания «деловых связей» между немецкими националистами и русскими правыми. Бискупский входил в окружение великого князя Кирилла Владимировича и (ссылаясь на его «личную заинтересованность») безуспешно пытался получить со счетов Николая II деньги, которые хранились в немецких банках. В 1936 году нацисты назначили Бискупского руководителем Управления делами русской эмиграции, которое сами эмигранты часто называли «консульством».

В первое посещение Иван легко отыскал пятиэтажное здание и остановился под блестящей медной табличкой Управления на русском и

немецких языках. Входная дверь была заперта, но после нажатия кнопки она автоматически открылась. Солоневич вошёл внутрь и, преодолев несколько ступенек, увидел ещё одну дверь внушительных размеров, обитую чёрной кожей. В первой и второй приёмных терпеливо сидели посетители, и Солоневич, проходя мимо, в их приглушённом говоре услышал-почувствовал, как называли его имя. Из канцелярии с табличкой «Посторонним вход воспрещён» доносился стук двух или трёх пишущих машинок. По-видимому, работы в Управлении было много.

Бискупский встретил Солоневича в дверях кабинета. Крепко пожал руку. Провёл к столу, усадил напротив, благожелательно улыбнулся. Генерал — высокого роста, дородный, на вид ему — около 65 лет. Внешность представительная, полная собственного достоинства. Усы стриженные. Высокий большой лоб. Седые, причёсанные наверх волосы. Бискупский был одет в добротный костюм тёмно-синего цвета. На пальцах обеих рук поблескивали золотые массивные кольца. Надушен. Словом, буржуа.

Кабинет Бискупского — это громадное помещение с паркетным полом. Направо — около стены — стол для заседаний. У другой стены — два больших чёрных, наглухо запертых шкафа. Посредине кабинета — круглый большой стол с самоваром для чаепитий «в русском стиле». В глубине — ещё один стол, рабочий, покрытый зелёным плюшем. На нём — лампа с абажуром, расписной поднос со штампами и печатями, карандашница в форме черепа, стопки русских и немецких газет. Помещение украшено портретами русских царей, в углу — икона и рядом с нею — фотография Николая II. Над столом Бискупского — ещё один фотопортрет — Адольфа Гитлера.

Солоневич был наслышан о личной драме Бискупского. Долгое время он находился в тайной связи с певицей Анастасией Вяльцевой, «королевой граммофона», «чайкой русской эстрады», как называли её поклонники. Связь была тайной, потому что офицерам запрещалось заключать браки с артистками. Во время Русско-японской войны Вяльцева узнала, что её любимый тяжело ранен. Бросив всё, она отправилась в Маньчжурию, чтобы быть рядом с ним. Так вся Россия узнала о их отношениях. Бискупскому пришлось оставить военную службу. Они обвенчались. Но счастье длилось недолго. Вяльцева заболела белокровием. Бискупский в отчаянной попытке спасти её дал согласие на прямое переливание крови, но это только ухудшило состояние жены. Тогда учёные ещё не знали о том, что существуют разные группы крови. В феврале 1913 года Вяльцева скончалась. Эта печальная история не могла не вызывать сочувствия у

Солоневича. Он пережил похожую драму, хотя причины её были совсем другие...

Бискупский познакомил Солоневича с сотрудниками. Его секретарь — Пётр Николаевич Шабельский-Борк, участник Гражданской войны, литератор, писавший под псевдонимом Старый Кирибей. Пётр Николаевич немцев похвалил, сказал, что такого отеческого отношения к русским, как в Германии — нет нигде в Европе. На работу бюро дают 10 тысяч марок в месяц. Оклады — хорошие... Заместитель Бискупского — Сергей Владимирович Таборицкий, сын статского советника, высокий, худощавый. От него пахло вином, видимо, «образовался подходящий повод». По его отрывистой импульсивной речи и резким движениям чувствовалось, что он — человек быстрых решений, не слишком озабочивающийся последствиями. Таборицкий жил в Германии с 1919 года. В эмиграции впервые услышали о нём после его неудавшегося покушения на Гучкова на одной из берлинских улиц. В марте 1922 года Таборицкий вновь стрелял — в Милюкова. Пуля прошла мимо, был убит другой — Владимир Дмитриевич Набоков. Убийцу осудили на 12 лет каторги, но уже через пять лет он оказался на свободе. Идеи Гитлера Таборицкий безоговорочно разделял и потому вступил в НСДАП [\[153\]](#).

Прощаясь с Солоневичем, Бискупский по собственной инициативе затронул тему получения немецких «дотаций» на ведение антисоветской работы. Генерал был категоричен:

— В этом плане шансов у вас нет никаких. Попытайтесь обратиться в «Антикоминтерн». Если нужно будет, я вас порекомендую. Но в успехе я сомневаюсь. Мы здесь столько лет живём, но ни одного пфеннига на эти цели от немцев не получили...

Следующим, кого Иван посетил в Берлине, был барон Меллер-Закомельский. Два года назад он доброжелательно отнёсся к предложению Солоневича о сотрудничестве в распространении «Голоса России» через ячейки РНСД.

Солоневич хорошо знал публицистику Мельского, считал его ведущим журналистом Русского Зарубежья, искренне озабоченным темой будущего России и её политического устройства. Ещё в 1920-е годы он зарекомендовал себя как знаток «еврейского вопроса», поэтому либеральная эмигрантская пресса неизменно клеймила его как черносотенца и погромщика. В Берлин Мельский переехал из Парижа после прихода к власти нацистов. Иван знал, что барон возглавлял также Кружок российских культурно-политических изысканий, организационно

связанный с РНСД, и на скудные немецкие дотации издавал «Осведомительный вестник Отдела пропаганды РНСД», в котором позитивно оценивалась «историческая миссия Гитлера по преобразованию Европы».

Несмотря на комплименты в адрес фюрера и национал-социализма, политически безобидный для нацистов «Вестник», делавший упор на антикоммунистическую и еврейскую проблематику, был закрыт в начале 1939 года, что для Солоневича стало очередным доказательством «высокомерия и неблагодарности нацистов».

Мельский, седеющий брюнет лет пятидесяти, среднего роста, встретил Ивана любезно. Он заметно прихрамывал и при ходьбе опирался на трость. Из зала партийного штаба доносились звуки рояля, невидимый исполнитель пел арию из «Демона».

— Это Смирнов, один из наших членов, — с улыбкой пояснил Мельский. — Репетировать ему негде, вот и приходит к нам — распеваться.

У Солоневича сложилось впечатление, что Мельский был откровенен, рассказывая о работе РНСД «на советском направлении». Так, он сообщил, что поддерживает связь через немецкие посольства с партийными ячейками в странах-лимитрофах, направляя им для распространения и заброски в СССР литературу, брошюры и газеты, «близкие по духу» его собственному «Вестнику». Пояснил, что старается вести пропагандистскую работу без лишнего шума. С 1935 года, рассказывал Мельский, он проводит семинары закрытого типа, на которых готовятся кадры для будущей России. В качестве преподавателей приглашаются профессора из Немецкого института политических наук Геббельса. В июле 1937 года Мельский подписал от имени штаба своей организации соглашение о «пакте» РНСД с Российским фашистским союзом (РФС) Родзаевского, сделав, таким образом, первый шаг к оформлению будущего Российского национального фронта (РНФ).

Мельский признался, что испытывает огромные трудности в своей работе, часто из-за отсутствия денежных средств («немцы — скупая нация!»), нередко по вине фанатиков-нацистов, которые в каждом русском видят врага.

— Как видишь, мы ведём упорную, конкретную работу «на перспективу», веря, что час возвращения в Россию рано или поздно настанет, — подытожил он свой рассказ.

Слухи о том, что Мельский является платным агентом гестапо, Солоневич называл «типичными побрехушками эмиграции». Он даже нашёл возможность опровергнуть их в «Нашей газете». Про «деньги

гестапо» писать открытым текстом было сложно, поэтому Иван несколько смягчил тему:

«Интеллигенты пришли ко мне с сенсационной новостью: вы знаете, Мельский снова получил немецкие деньги и выпускает свой „Вестник“. Немецкие деньги Мельский действительно получил — из ломбарда. Приезжаю в Берлин и захожу в заваленную бумагами комнатуху — канцелярию РНСД, кабинет Мельского. Нужно перестукать на немецкой машинке двадцать страниц некоего документа. Машинки нет. Где она? Пошла в ломбард вместе с часами и костюмом. На полученные немецкие деньги выпущен очередной номер „Вестника“. Когда номер разойдётся, машинка и часы будут выкуплены».

Отношения с Мельским не прерывались до осени 1941 года, то есть до ссылки Солоневича в Померанию. Всё это время «доброхоты» из эмиграции, отнюдь не агентура НКВД, пытались рассорить их. В июле 1939 года Солоневич писал об этих попытках:

«Я живу в Германии полтора года. Полтора года подряд мне упорно и настойчиво, с видом самого дружеского расположения и желанием „позаботиться“, говорят самую несусветную дрянь о моих соратниках по фронту, А. В. Туркуле и А. В. Мельском. Я это пишу, в частности, для того, чтобы под всякими дальнейшими разговорами, по крайней мере со мной, поставить, наконец, точку...»

В июне 1939 года в газете «Штюрмер»^[154] появилась статья «Жидовский наймит», направленная против Солоневича. «Штюрмер» выходил тиражом в миллион экземпляров, ему покровительствовало национал-социалистическое партийное руководство. Чтение «Штюрмера» для многих нацистов, озабоченных карьерным ростом, было чем-то вроде демонстрации идеологической зрелости.

Русским эмигрантам вновь было о чём поговорить и злорадно посплетничать: самая антисемитская газета рейха обвинила крайне правого деятеля эмиграции, националиста, монархиста и вождя «штабс-капитанов», в том, что он своей подозрительной деятельностью «льёт воду» на мельницу евреев.

Кое-кто захотел воспользоваться этой статьёй, чтобы окончательно рассорить Солоневича с Мельским. Иван так рассказал об этом:

— Вот приходят ко мне трое представителей интеллигенции... по поводу статьи в «Штюрмере».

— Вы знаете, кто статью написал? — Это Мельский!

О том, что Мельский написал эту статью, уже получены сообщения из Праги, Белграда и Парижа — значит, действует какая-то всеэмигрантская

организация клеветы. Симпатичным интеллигентам я говорю:

— Послушайте, Мельский пишет в «Нашей газете», Мельский шлёт ей свои приветствия, Мельский работает для «Белой Библиотеки». И вот тот же Мельский будет публично расписываться в том, что он работает в газете врага Германии и еврейского наймита?

Иван сумел выяснить, кто же на самом деле является автором статьи. Оказалось, что сочинил её директор газеты Карл Гольц, ближайший сотрудник Ю. Штрайхера, владельца газеты, влиятельного деятеля нацистской партии во Франконии, близкого соратника Гитлера. Солоневич направил в «Штюрмер» протестующее письмо, в котором подчеркнул, что вся его публицистическая работа носит антисоветский, антисталинский, антикоминтерновский характер и не имеет каких-либо других скрытых целей и тенденций. «Штюрмер» это письмо не опубликовал, потому что Штрайхера не интересовали эмоции какого-то там русского с «очень подозрительной фамилией».

Настаивать на публикации опровержения Солоневич не стал, понимая, что шансов на успех не имеет. Штрайхер был известен как нацистский фанатик, садист, не расстававшийся с хлыстом, которым не раз «поучал» чем-то ему не угодивших сотрудников. От Мельского Иван узнал, что Геббельс однажды ходатайствовал перед Гитлером о закрытии «порнографического» издания Штрайхера, мотивируя это тем, что газета наносит громадный ущерб «положительному образу» Германии за рубежом. Гитлер с Геббельсом не согласился, полагая, что, несмотря на все идеологические недостатки «Штюрмера», газета выполняет позитивную роль, разоблачая «деструктивную роль евреев» в истории Германии.

Мельский советовал Ивану проигнорировать фальшивку Гольца, который даже среди немецких журналистов был чем-то вроде изгоя. Многие не подавали ему руки из чувства брезгливости, считая его сексуальным извращенцем, выплёскивающим свои тайные пороки на страницы «Штюрмера». Однако совсем забыть об истории с «Жидовским наймитом» Солоневич не смог. Камень, брошенный в него Гольцем, не означал ли, что пора убираться из рейха? Своими сомнениями Иван поделился с сыном. Юра сказал, что уезжать, видимо, придётся, но куда именно — это ещё вопрос. Кто примет? Какая страна? После долгой дискуссии остановились на Соединённых Штатах, где действовала организация «штабс-капитанов» и где издаваемая Иваном газета пользовалась большим успехом. Инга с их решением согласилась, сказав, что уезжать надо скорее, пока не разразилась война. В американском консульстве выяснилось, что процедура получения виз на постоянное

проживание в стране потребует многих усилий, полна бюрократических препон и не столь быстрая, как хотелось бы Солоневичам.

Не откладывая дела в долгий ящик, Иван написал статью «Пути, ошибки, итоги», которая явилась не только фактическим ответом на грязную публикацию в «Штюрмере», но и контрударом по клеветнической кампании, развязанной против него в 1938–1939 годах. Достаточно упомянуть откровенно враждебную брошюру Н. А. Цурикова^[155] «Господин Солоневич и его „работа“ в эмиграции», в которой был старательно собран и «любовно» обобщён весь псевдоразоблачительный материал, который появился в эмигрантской прессе с 1935 года.

Солоневич не стал прибегать к лобовой, сокрушающей всё и вся полемике, в которой в эмиграции ему не было равных. Для «подведения итогов» он предпочёл исповедальную тональность, причём заявленное им желание «объективно поделиться опытом» трёх лет «мучительной и трагической работы с газетой» тут же нарушается: Иван начал рассказ о себе с самого начала — с истоков своей мужицко-поповской биографии, навсегда определившей его общественно-политическую траекторию:

«Я и по социальному, и географическому и по политическому рождению принадлежу к первым росткам новой национальной и глубочайшим образом демократической России. Демократической не в смысле западноевропейского либерализма, а в смысле живой, кровной, нутряной связи с народной массой. Я не граф и даже не дворянин. Я мужик. Политически в наше время это совершенно чудовищное преимущество... Это не сословная гордость, взятая наоборот, а это простой и ясный политический расчёт. Это кровная связь с массами, которые одни, только они одни, будут решать судьбы России».

Иван подытожил свою работу с эмиграцией за период от Гельсингфорса до Берлина, подчеркнув, что от её верхов так и не получил той помощи, на которую первоначально рассчитывал. Весь зарубежный опыт Солоневича показал, что эти верхи настроены реваншистски (получить назад привилегии и собственность, которые были утрачены после Гражданской войны, и «наказать всех виновных»), не знают «нынешней психологии русского (подсоветского) народа», неспособны предложить многомиллионной массе, живущей в России, пути для совместной работы во имя её блага и процветания. С таким эмигрантским начальством, писал Солоневич, «ни на какие компромиссы идти нельзя».

Он назвал своей главной ошибкой то, что пытался наладить совместную работу с этими верхами, и предупредил, что со своего пути не сойдёт, потому что это означало бы пойти на предательство «штабс-

капитанов» в зарубежье и народных масс в России, в особенности тех, кто находится в концлагерях: «Я до конца буду гнуть свою линию. Меня можно убить, но заставить меня свернуть с дороги — это утопия».

Изложив своё кредо, Солоневич ясно дал понять: примирения с верхами не будет. От полемических «резкостей» он не только не откажется, но и усилит степень их «оскорбительности», чтобы навсегда отбить охоту у эмигрантской реакции («шушеры»!) «примазываться к штабс-капитанскому движению»...

Помня совет Бискупского, Солоневич заглянул в штаб-квартиру «Антикоминтерна». Сотрудники были рады визиту известного антикоммуниста. Кое-какие полезные советы Иван сумел получить и в этой организации. Ему намекнули, что «не следует слишком рассчитывать» на нацистов-филантропов: «Русские эмигранты раньше не раз пользовались германскими деньгами и злоупотребляли этим. Давали обещания и не выполняли их. Итог очевиден — немцы разочарованы в эмигрантах, отзываются о них с недоверием».

Иван на «филантропов» не рассчитывал принципиально, но отметил для себя, насколько часто в разговоре с ним затрагивался вопрос о немецких субсидиях. Практически все лидеры русской эмиграции по собственной инициативе поднимали эту тему. Видимо, поток «даровых» рейхсмарок действительно иссякал.

Солоневича пригласили («если будет желание») «приобщиться» к работе «Всеобщего объединения антикоммунистических союзов». По словам сотрудников, «Объединение» является негласным отделом по работе на Восток ведомства Розенберга (Внешнеполитического отдела руководства германской НСДАП). Иван обещал подумать и в завершение визита, сопровождаемый сотрудницей «Антикоминтерна» — Марианной Грейфе, посетил тематическую выставку «Объединения», развёрнутую в трёх залах. Марианна, хорошо говорившая по-русски, старательно выполняла обязанности гида, «посвящая» Солоневича в страшные тайны сталинской России: антисоветские плакаты, разоблачительные брошюры на русском и других языках, карта СССР с многочисленными чёрными флажками, обозначающими расположение концентрационных лагерей, фотографии измученных людей в телогрейках за колючей проволокой. Была на выставке и его, Солоневича, «именная» витрина: под стеклом — издания книги «Россия в концлагере» на разных языках и рядом с ними — фотография Тамары, та самая, которую распространили информационные агентства после её гибели.

Марианна рассказала, что родилась в Москве в 1908 году, и если бы не революция, никогда бы не покинула «этой огромной, сказочной страны». С гордостью заявила, что является членом национал-социалистической партии (вступила ещё до прихода Гитлера к власти!) и что её брат Герман считается ведущим специалистом по русским делам в Германии. Договорились, что Марианна организует их встречу...

Довольно прочное знакомство завязалось у Солоневича с редактором русскоязычной газеты «Новое слово» Владимиром Михайловичем Деспотули. Газета выпускалась «на паях» Внешнеполитическим департаментом НСДАП и Министерством пропаганды. Редакция находилась в восточной части города — на Александерплац. Солоневич долго ходил вдоль мрачного здания, пока не догадался пройти во двор. Искомая дверь находилась там. Он поднялся на третий этаж, постучал и, услышав громкое «херейн!», вошёл. В приёмной Солоневича встретил пожилой секретарь, который провёл гостя в кабинет редактора.

Деспотули — маленького роста, черноволосый, — принял Солоневича с откровенным любопытством и в ходе разговора заметно потеплел, возможно, потому, что гость хорошо отозвался о «Новом слове» и его «организующем влиянии» на умонастроения эмигрантов. Поговорили о цензорских ограничениях в газетно-издательском деле, проблемах с бумагой и завышенных тарифах типографий, хотя Деспотули было в этом плане значительно легче: его газета печаталась в государственной типографии, подотчётной министерству Геббельса.

Новый знакомый сказал, что никогда не верил слухам о «провокационной миссии» Солоневичей в эмиграции, исходя из содержания их публицистики и общественной деятельности. Их «вредоносность» для Советского Союза не вызывала сомнений и, по мнению Деспотули, считать всю эту огромную работу «прикрытием связи с ГПУ» было очевидной глупостью. О деятелях белой эмиграции Деспотули отозвался без пиетета. Особенно досталось Бискупскому. Его главный редактор назвал сибаритом за «чужой счёт» (не пояснив характеристики) и «аристократическим ретроградом». Деспотули намекнул, что Розенберг не переваривает Бискупского, но поделаться с ним ничего не может, потому что в высшем руководстве рейха у генерала есть влиятельные покровители.

О своей газете Деспотули говорил без особого энтузиазма («устал тянуть лямку»), упомянул, что они имеют около семи тысяч подписчиков, но печатают на тысячу экземпляров больше для распространения в местах «кучного» проживания русских. Деспотули показал Солоневичу кабинеты,

которые были добротнo мебелированы и снабжены всем необходимым для журналистской работы: новенькие пишущие машинки, телефоны, стеллажи до потолка с досье на актуальные темы и даже кофеварки. Деспотули завёл его в помещение, где стояла мощная радиостанция, с помощью которой сотрудники вели запись текущих передач советского радио, чтобы, по словам главного редактора, быть в курсе событий на той стороне.

В первые месяцы жизни в Германии Иван, пожалуй, ближе всего сошёлся с основателем и руководителем Русского национального союза участников войны (РНСУВ) генерал-майором Антоном Васильевичем Туркулом. Союз Туркула действовал под девизом «Бог — Нация — Социальная справедливость». За два с лишним года существования союза его отделы помимо Франции были созданы в Бельгии, Чехословакии, Югославии, Греции, Албании, Болгарии, Аргентине и Уругвае. В РНСУВ входили ветераны сражений Первой мировой и Гражданской войн, стоявшие на активных антисоветских позициях.

РНСУВ возник как противовес РОВСу, который, по убеждению Туркула, был пассивной, неспособной к реальному действию организацией, проявлявшей непонятную слабость в выработке чёткого политического курса. Значительную часть вины за это он возлагал на старших командиров РОВСа, которых подвергал критике со страниц официального органа своего союза — газеты «Сигнал»^[156].

В Берлине Туркул оказался не по своему желанию: в числе других белых генералов он был выслан из Франции за «пронемецкую ориентацию». Туркул не скрывал прогитлеровских симпатий. Ему нравилась «эффективность» нового германского режима, сумевшего за считанные месяцы расправиться с «красной угрозой» и предложить привлекательную для большинства немцев программу модернизации страны и защиты её жизненных интересов.

К Солоневичу, несмотря на его нелёгкий характер, Туркул отнёсся вполне лояльно. Он ценил его публицистический и литературный дар.

Надо ли говорить, что критику Туркула в адрес РОВСа Солоневич разделял полностью. Не было разногласий и в оценке текущего момента: мировая ситуация стремительно меняется, эти изменения надо встретить во всеоружии. Самые неотложные задачи для здоровых сил эмиграции были очевидны: как можно скорее объединить идеологически близкие политические движения и партии, сформировать боевые силы для неизбежной «военно-политической акции». И, наконец, определиться с фигурой лидера, который должен возглавить эмигрантский национальный

центр и его боевую организацию. Избрать главнокомандующего...

По мнению Туркула, дожидаться «внутреннего переворота» в СССР не имело смысла. Он считал, что ещё до начала войны в Европе надо было ослаблять власть Сталина путём развёртывания на территории СССР Гражданской войны, используя для этого боевые отряды из числа эмигрантов и «национальные силы на русской земле». Туркул полагал, что нападение Гитлера на СССР неизбежно и что с немцами, хочешь не хочешь, до определённого момента придётся сотрудничать. Но потом, по замыслу генерала, русские национально-патриотические силы должны будут дать отпор германизации и колонизации России. Главной стратегической задачей в будущем Туркул считал превращение Красной армии в Российскую Императорскую армию.

Оба, и Солоневич, и Туркул, с воодушевлением приняли идею создания Российского национального фронта, призванного, наконец, объединить эмигрантские организации. Солоневич почти ежедневно встречался с Туркулом. В «неформальной обстановке» пивной, на берегу озера или за садовым столом виллы Солоневича в Клейн-Махнове они обсуждали принципиальные программные вопросы.

Когда в начале 1939 года нацисты наложили запрет на деятельность РНФ, Солоневич отдалился от Туркула: слишком велико было разочарование. Но дружеского расположения к генералу-дроздовцу Иван не изменил. Во время пребывания в темпельбургской ссылке до него доходили разрозненные известия о Туркуле, который так и не получил шанса на реализацию своих стратегических планов. Одно время генерал командовал казачьей бригадой во власовской армии РОА вдали от советских границ...

Глава двадцать вторая

«Я НЕ ЛЕЗУ В ВОЖДИ!»

Создание Российского национального фронта (РНФ) было провозглашено на торжественном собрании в Берлине 18 мая 1938 года. Это была последняя предвоенная попытка объединения правого крыла российской политической эмиграции. Инициатором создания РНФ был Российский фашистский союз на Дальнем Востоке. Идея такого объединения многим показалась своевременной, прижилась и, редкий для эмиграции случай, была реализована! Во Фронт помимо РФС вошли РНСУВ, РНСД, кружки друзей «Голоса России», Русский национальный союз в Америке (руководитель Н. А. Мельников). К Фронту также примкнули ячейки «новопоколенцев», парижский кружок В. А. Ларионова «Белая идея», некоторые казачьи организации и редакция «Возрождения».

Солоневич надеялся на быструю консолидацию Фронта и работал над приемлемой для всех политической программой и платформой действий. Появилось мнение, что он должен встать во главе Фронта: за его спиной стояла разветвлённая «штабс-капитанская» организация (в 1938 году насчитывалось не менее 40 «берлог» в Европе, Азии и Северной Америке).

Свою точку зрения на РНФ Солоневич разъяснил в статье «Передовые позиции»:

«Наш Национальный фронт построен, так сказать, на принципе разделения труда: Российское национальное и социальное движение (РНСД) работает по преимуществу в Германии. Российский фашистский союз работает главным образом на Дальнем Востоке. Российский национальный союз участников войны (РНСУВ) охватывает по преимуществу военных и ставит своей целью — опять-таки по преимуществу — подготовку военной мысли. „Наша газета“ свою основную задачу видит в постройке идейного и психологического моста между зарубежной и подсоветской Россией.

Наш Национальный фронт уже в настоящее время является... наиболее мощной организацией Зарубежья. Ежели мы и не устраиваем по этому поводу никаких торжеств, то уж во всяком случае мы достигли одного: мирной совместной работы. Даже и это очень скромное достижение — в истории эмиграции беспримерно».

Тут же отозвался Михаил Спасовский (Гротт), корреспондент

Солоневича в Тегеране:

«Мы наконец-то получили реальную опору и для собирания действенных русских сил... Нет сомнения, к этому фронту примкнут все волевые наши, действительно русские организации и газеты. Вот когда произойдёт отсеивание подлинных сынов грядущей национальной России от её явных и скрытых врагов, — вот когда качественный отбор воочию покажет, кто среди нас готов идти и идёт спасать Россию, и кто именно занят только самолюбованием и словоблудием!.. Вы правы, дорогой Иван Лукьянович, будущее, конечно, за фашизмом. За этой удивительной чудесной силой, творческую мощь которой мы ещё не скоро сможем представить себе во всем её цветении...»

Гротт приложил к своему письму не менее восторженное послание ещё одного русского эмигранта в Иране (Персии):

«От лица здешних „штабс-капитанов“, которые считают „Голос России“ своим руководящим органом, а И. Л. Солоневича своим руководителем, обращаюсь к Вам, как нашему единомышленнику, с просьбой передать ему наше искреннее согласие на вхождение „Голоса России“ со всеми её „штабс-капитанами“ в Национальный фронт. Это и есть та среда, которая выдвинет и поддержит русского Гитлера и русского Геринга. Так будет, — так должно быть. Ура Национальному фронту! Ура главному штабу этого фронта в лице генерала Туркула, Меллер-Закомельского, Солоневича, Деспотули, Тедли, Рыбакова! Да здравствует Россия, да сгинет СССР!»

М. Самсонов в письме В. Маклакову из Будапешта (от 12 ноября 1938 года) подтвердил всеобщее оживление русской эмиграции в связи с Национальным фронтом:

«Хотя пропаганда Солоневича большого впечатления не производит, вопрос о создании „центра“ русской эмиграции очень всех интересует. Прошу Вас не отказать высказать Ваше мнение по этому вопросу, ибо возможно, что он будет поставлен на очередь дня. Самого Солоневича здесь считают очень ценным эмигрантом, хотя другие — провокатором или просто политическим авантюристом».

В. Маклаков отозвался на призыв М. Самсонова «высказаться» по поводу идеи создания Фронта (от 16 ноября 1938 года):

«Моё личное мнение по этому вопросу совершенно определённое. Как она ни симпатична, по существу абсолютно неосуществима. Я не буду говорить о чисто русских партийных разногласиях, которые продолжают быть очень большой реальностью, если даже церкви не сумели объединиться. Но сейчас русскую эмиграцию разделил вопрос

международный. Я могу себе представить, что все русские, живущие в Германии, объявят себя гитлеровцами; это их дело, но рассчитывать на этом объединить всю европейскую эмиграцию — уже безумие. Я продолжаю оставаться вне партии и с этой позиции не сойду, а кроме того, надежд на Гитлера совершенно не разделяю и по существу».

Личность Солоневича как лидера Фронта обсуждали и русские эмигранты-масоны. Так, в ходе очередного заседания парижской ложи «Лицом к России» 24 июня 1938 года имя Солоневича не раз упоминалось. Масоны считали, что немцы хотят выдвинуть Туркула или Солоневича на амплуа генерала Франко для России и устроить там то, что они сделали в Испании. В связи с этим было предложено «принять меры борьбы против растлевающего влияния национал-социализма на тех, среди которых Солоневич ведёт свою пропаганду».

Оптимизм Солоневича в отношении перспектив Национального фронта был преждевременным. Несколько заявлений «на злобу дня», не имевших последствий, череда бесполезных собраний, игра в «перетягивание каната» за лидерство — всё это быстро стало напоминать привычную возню в эмигрантском болоте, что всегда вызывало у Солоневича отвращение. К тому же в Германии Фронт не имел объективных возможностей для развёртывания работы. «Закрытие» Фронта немцами Солоневич встретил без особых переживаний. Этого следовало ожидать после запрета деятельности партии Мельского. Если даже он не смог поладить с нацистами, что говорить о Российском национальном фронте?

Своё отношение к Национальному фронту и роли в нём Ивана Солоневича высказал Борис. Он знал, что брат был кандидатом на лидерство в РНФ, завидовал чёрной завистью (амбиций ему было не занимать) и, не удержавшись, в очередной раз «лягнул» брата. В брошюре «Не могу молчать! „Наша газета“, эмиграция, РОВС и И. Л. Солоневич» Борис развил тезис «ненужности» присутствия Ивана в руководстве Фронта, когда там есть такие опытные политики, как Туркул, с его взвешенным, разумным, конструктивным подходом к делам. По словам Бориса, Туркулу, а также Родзаевскому и Мельскому только и приходилось, что сдерживать и поправлять Ивана. Борис высказал точку зрения и на причины «провала»:

«„Российский национальный фронт“ — построение очень туманное. Судя даже по тому, что организации, входящие в него, действуют совершенно по-разному... Иногда чудится, что „Российский национальный

фронт“ это — Иван Лукьянович. А орган его — „Наша газета“. Но разница в тоне „Нашей газеты“, „Сигнала“, „Р.Н.С.Д.“ и „Нации“ настолько разительная и стремление И. Л. к самостоятельной политике настолько выпирает всюду, что слово „фронт“ кажется несколько искусственным».

Иван Солоневич, анализируя причины провала Фронта, особенно критиковал Родзаевского, его стремление любой ценой выдвинуться на роль «национального вождя российского фашизма». Скорее всего, по этой причине Родзаевский поторопился издать свой 90-страничный теоретический труд о русском фашизме и его программных установках, — эдакий доморощенный вариант «Майн кампф». Возмутило Солоневича полное отсутствие в этом труде (конечно, сознательное!) какого-либо упоминания о монархии, монархической реставрации и Державном вожде. Значит, в будущей России без этого можно обойтись? Особенно Родзаевский налегал на необходимость замены коммунистической диктатуры диктатурой фашистской, называя её для пропагандистской удобоваримости «национальной». Полномочия будущего диктатора России Родзаевский, без всякого сомнения, примерял только и исключительно на себя.

В статье «Русский путь» Солоневич камня на камне не оставил от «теоретических установок» Родзаевского и его претензий на диктаторство:

«Диктаторов русская революция знала вполне достаточное количество, — иронизировал Солоневич. — Был тот же Керенский — душка и прочее. Был Ленин, есть Сталин. Была диктатура Деникина, была диктатура Колчака, были диктатуры Миллера, Юденича, Петлюры. Была даже и диктатура Махно. Ну и что? Где в результате всех этих Вождей и Героев с самых больших букв типографского набора, — где мы с вами нынче? Так что же, ещё раз попробовать такую же схему?» Солоневич вновь подчеркнул, что высшим и исторически проверенным гарантом стабильности в России может быть только российская монархия. Только ей поверит русский человек. Монархия «никогда никаких хороших слов не говорила, никогда никаких турусов на колёсах не обещала», но на протяжении тысячелетия упорно и последовательно делала своё дело, строя империю, в которой было бы удобно и защищённо всем её жителям.

Солоневич отверг попытки Родзаевского трактовать российский фашизм с позиций теории и практики итальянского и германского фашизма:

«„Мировой фашизм“ для нас ни при чём. Не нужно строить никаких интернационалов — хотя бы интернационалов наоборот».

В этой же Статье «Русский путь» в качестве альтернативы «фашистской диктатуре» Родзаевского Иван Солоневич предложил три ключевых пункта программы «штабс-капитанского» движения для будущей России:

восстановление монархического правления как политической необходимости;

возвращение к православию как источнику духовного и национального бытия, защищая его, если потребуются, даже вооружённым путём («Никакого „равенства религий перед законом“!»);

обращение к народно-демократическим истокам российской истории, «которые были изуродованы „дворянскими вольностями“».

«Мы — за восстановление общенародного и общенационального единства, — подчеркнул Иван, — за общую для всех „государеву службу“ и за оценку людей не по „разрядным книгам“, а только и исключительно по службе».

Родзаевский критическое выступление Солоневича по поводу политической программы Фашистского союза воспринял в штыки и ответил традиционным набором обвинений-оскорблений: первое — Солоневич действует по директивам ОГПУ, второе — он психически ненормален. Ответил Иван только через полгода в журнале «Родина», используя не менее сильные выражения, чем его политический оппонент:

«Для идейной критики Родзаевский безоружен абсолютно. Аки младенец. Его программа — это просто убогое и малограмотное либретто к комбинации из трёх чужих опер».

Читателям Солоневич объяснил, что свою статью «Русский путь» рассматривает как часть идейной борьбы и защиты монархических взглядов. По его мнению, сторонники Родзаевского и других политических партий должны знать, какие именно конечные цели ставит перед собой движение «штабс-капитанов».

Отстаивая свои монархические позиции, Иван Солоневич не оставлял попыток добиться приёма у главы Российского Императорского дома великого князя Владимира Кирилловича, к которому он обратился с тщательно продуманным и одновременно эмоциональным письмом^[157]. «Я надеюсь, — писал он, — что в качестве русского монархиста — монархиста от рождения своего и человека, прошедшего сквозь все мытарства советской жизни, я смогу быть полезным Вашему Высочеству,

делу возрождения Монархии и делу возрождения России».

Солоневич пытался заинтересовать Владимира Кирилловича теми вопросами, которые он намеревался затронуть в ходе аудиенции:

«Моя просьба вызвана прежде всего тем обстоятельством, что о целом ряде вещей, о которых я писать не мог, я могу доложить только Вам. Вам и *больше никому*. С другой стороны, я имею основание предполагать, что едва ли ещё кто-нибудь располагает такими данными об опорных линиях монархического движения в России, какие накопились у меня». И ещё одна многозначительная фраза, являющаяся, без всякого сомнения, ключевой в письме: «Я абсолютно убеждён (это убеждение только закалилось в советское время), что Россия *неизбежно* вернётся к монархии».

Солоневич был уверен, что Владимир Кириллович отзовётся на его послание, заинтересуется «опорными линиями монархического движения» в Советской России. Но ответа не последовало.

Во второй половине января 1939 года великий князь посетил Берлин. В воскресенье, 22-го, он присутствовал на торжественном богослужении в соборе. Иван отстоял весь молебен, погружённый в свои не слишком весёлые мысли. Владимир Кириллович рядом, редкая возможность, но удастся ли обратиться к нему, попросить об аудиенции? Служил архиепископ Берлинский и Германский Серафим (Ляде), немец по рождению, человек недюжинного ума и энергии, который, несмотря на свой немецкий акцент, воспринимался паствою как истинно русский. После богослужения Солоневич даже не пытался приблизиться к великому князю, который был окружён, как стеной, представителями эмигрантских организаций. Несмотря на сильную простуду Владимира Кирилловича, о которой из «беспроволочного телефона» узнали все присутствующие, он не сразу покинул собор, удостоив беседы тех из лидеров эмиграции, которые находились рядом с ним.

Через два дня Солоневич, получивший приглашение на большой приём в честь главы династии, всё-таки сумел обменяться с Владимиром Кирилловичем несколькими словами, носившими протокольный характер, и выслушать от него высокую оценку его литературной и публицистической деятельности, направленной на защиту интересов России, православия, монархии. Великий князь подчеркнул, что очень ценит его верноподданнические чувства, искреннее отношение к династии, пожелал Солоневичу такого же упорства в деле служения высшим интересам России и в будущем, которое, по мнению Владимира Кирилловича, было многообещающим для всех русских.

На приёме было около четырёхсот приглашённых, и главный

распорядитель его, генерал Бискупский, старался, чтобы вниманием главы Императорского дома не был обделён ни один из влиятельных членов берлинской колонии. Помогавший Бискупскому генерал фон Лампе (обычно они избегали друг друга) подал Солоневичу знак, что время, отпущенное на беседу, истекло. Опять торопливые протокольные слова, прощальный поклон Солоневича, и к великому князю подвели очередного собеседника. Всё строго по списку, который контролировал представитель Императорского дома Николай Фабрициус-де-Фабрис. Надо ли говорить, что Иван Солоневич покинул приём разочарованным. Несколько минут протокольной беседы — далеко не то, на что он рассчитывал. Неужели все эти благородные дамы в придворных нарядах (несть им числа!) так важны для судеб Императорского дома? А ведь он, единственный русский мужик на приёме, должен был, наверное, рассчитывать на какое-то исключение из правил, на особое отношение...

Вспоминая об этом приёме, Солоневич писал: «С Великим Князем я разговаривал в моей жизни всего один раз. Этот разговор длился минут пять».

То, что не удалось сказать великому князю, Солоневич изложил в статье «Монархия и штабс-капитаны», опубликованной в двух номерах «Нашей газеты» 19 апреля и 17 мая 1939 года. Внешним поводом к публикации статьи явилось «Обращение Главы Императорского дома к верноподданным по случаю Пасхи», в котором содержались такие слова: «Теперь, когда все русские люди, мыслящие восстановление Империи Российской на её исторических началах, объединились вокруг Меня, Я вновь призываю: будем едины, ибо только в единении сила! Пусть старшие принесут на алтарь Отечества свой жизненный опыт, а молодые — присущие им пыл и энергию. Да поможет нам Бог!»

В «Обращении» в жёстких формулировках осуждался коммунистический режим в России:

«Нынешняя власть за двадцать два года страданий народных залила потоками крови Родину нашу, довела Её до небывалого обнищания и продолжает предавать интересы страны на пользу III интернационала. Бессмысленно верить в её перерождение во власть национальную, и нельзя её признать хранительницей государственных рубежей и защитницей интересов России. Эта антирусская власть, учитывая опасность нарастающего из недр народных спасительного национализма, силится направить здоровые устремления народа в русло своих отравляющих душу идей. Те, кто верит в достижения нынешней власти и готовы усматривать в ней как бы преемницу создателей русского величия, — в своём

заблуждении не встретят сочувствия Моего. Интернациональная коммунистическая власть останется до конца своего врагом России и её народов. Не может быть примирения и соглашения с богоборческой лженародной властью».

По мнению Солоневича, «Обращение» великого князя полностью разбило надежды просоветских элементов в эмиграции, прежде всего младороссов, морально связать династию с большевизмом и вести от имени династии пропаганду советских достижений. Нейтрализация младоросской партии как политического течения, спекулировавшего близостью к династии, по мнению Солоневича, выдвинула на первый план вопрос о подлинно монархических кадрах, которые могут стать инструментом реставрации монархии в России.

В Русском Зарубежье, считал Солоневич, таких кадров практически нет. По его мнению, весь ход развития событий указывал на то, что лозунг восстановления монархии в России вот-вот будет затребован. Кто реально может претендовать на выполнение такой задачи? Солоневич назвал кандидатов и тут же дал отрицательную оценку их возможностям. Высший монархический совет, который время от времени заседал в Париже, состоял в большинстве из крупных помещиков и нередко подменял интересы монархии интересами реванша, «помещичьих вождельний». Фашистские и профашистские организации, «новопоколенцы» и другие не спешили включать в свои программы конкретные положения о восстановлении монархического правления в России, довольствуясь в лучшем случае «туманными и уклончивыми формулировками».

Газета «Царский вестник» никакой организационной и пропагандистской роли сыграть также не смогла бы: её материалы, по характеристике Солоневича, — это «сплошное кликушество, позорное для лиц мужского пола», «умильная манная кашка», «захолустно провинциальный стиль царево-кокшайского церковного старосты», полное отсутствие способности к анализу и выработке программы действий. «Средний русский зарубежный офицер» тоже не способен ни к вооружённой (за годы эмиграции его техническая отсталость в этой области стала непреодолимой), ни к идейной защите монархии. Оказавшись в России, он будет не в состоянии доходчивым и современным языком изложить «подсоветским» соотечественникам суть своих монархистских взглядов, аргументировать необходимость восстановления монархии в стране, раскрыть концепцию монархического мироустройства после десятилетий большевизма.

Не менее строго оценил Солоневич перспективы движения «штабс-

капитанов» «на фронте возрождения монархии», указывая, что оно всё ещё находится в процессе организации, создания «идеи и костяка будущего служилого слоя Императорской России». Конечный вывод неутешителен: «Ни одной действительно активной, действительно монархической организации у нас нет». Правда, Иван намекнул на то, что его движение решает задачи, о которых не время рассказывать в печати:

«Не будем связывать Главу Императорского дома нашими организационными претензиями. Мы живём в такое путаное время, в котором буквально каждый день скрывает всяческие неожиданности и сюрпризы. Мы можем рисковать неожиданностями. Глава Императорского дома рисковать не может. Ежели лидер штабс-капитанов сорвётся на каком-нибудь неудачном политическом зигзаге — это полбеда. Если сорвётся Глава Императорского дома, — это может быть уже катастрофой».

Этот фрагмент из завершающей части статьи «Монархия и штабс-капитаны» можно истолковать как завуалированный комментарий по поводу явного нежелания великого князя ответить на январское письмо Солоневича. Великий князь воздержался от встречи с писателем и, соответственно, знакомства с его соображениями о проблемах монархии и «опорных линиях монархического движения в России». Иван дал понять, что ему ясен ход рассуждений главы Императорского дома:

«Мое имя постоянно склоняется недругами, разобраться в том, какой я на самом деле, — нелегко, и поэтому я понимаю вашу позицию, — вы хотите избежать политического риска общения со мной, как личного, так и через переписку».

Что же касается «опорных линий монархизма» непосредственно в России, то Солоневич категорически утверждал: это в первую очередь 120 миллионов крестьян. Насильственная коллективизация не выбила из них монархических убеждений. По словам писателя, «для всего российского крестьянства царское время — это есть потерянный по неразумию рай. Иногда идея монархии облекается в религиозно-мистические формы, и призрак царя-мученика как-то сливается с великой тенью Христа. Иногда идея монархии формулируется чрезвычайно ясно и чётко как экономическая и политическая необходимость для крестьянства». Латентный монархизм не чужд и тем восемнадцати миллионам рабочих, выходцам из деревни, которые по своему реальному «социальному происхождению» были кулаками, подкулачниками и середняками. Они вынужденно мимикрировали, но сохраняют в себе огромный потенциал сопротивления и ненависти к большевикам. По мнению Солоневича, «это основные кадры грядущей всероссийской резни: эти будут резать без

никаких».

При наличии столь мощной крестьянско-пролетарской поддержки, считает Солоневич, не возникнет серьёзных препятствий по приобщению к делу восстановления монархии «технократически настроенной интеллигенции» (при хорошо поставленной пропаганде). Не останется в стороне и большая часть командного состава армии, для которой установление монархического образа правления станет надёжной защитой от бонапартистских эксцессов, кровавых чисток и борьбы за власть в армии.

Из сообщения агента НКВД «Муля» от 8 февраля 1939 года: «Белая эмиграция в Берлине имеет двух „высоких покровителей“ — Геринга, опекающего „имперское русское движение“ и настаивающего на большом походе, и Розенберга — особенно сочувствующего сепаратистским стремлениям, в частности — украинцев.

В последнее время общим замыслом Гитлера больше всего отвечает, конечно, Розенберг. В Германии идёт повальная регистрация белоэмигрантов с настойчивым пожеланием каждому „отыскать в своём роду какие-либо украинские корни“.

Недавним любимцам „имперского“ полка было предложено помалкивать и вести себя тише. Туркула вызывали в Гестапо и пристрасно допрашивали о его отношении к украинцам и вообще к украинскому вопросу. В связи с этим Туркул якобы писал письма в Париж, жаловался на усталость и выражал надежду вырваться за границу. В тех же кругах утверждают, что разрыв между Солоневичем и Туркулом близок, хотя совсем недавно они воспевали друг друга. Признаки этого охлаждения уже имеются в газетах Туркула „Сигнал“ и „Нашей газете“ Солоневича.

Небезызвестный белоэмигрантский журналист Рышков (Евгений Тарусский) в последнем номере газеты „Часовой“ поместил ответ на письмо какого-то полковника, опубликованное в № 14 „Нашей газеты“. Он предлагал Архангельскому немедленно сдать должность „подлинному вождю“ Солоневичу. Тарусский именует Солоневича — „Иван Лукьянович Гитлер“».

Сообщение агента «Одессит» от 3 марта 1939 года: «Начинается заметный отход от „Главы династии“, причём в сторону Солоневича. Последняя история с „предательством“ Николая Абрамова повлияла на многих людей из РОВСа и усилила приток новых сторонников в лагерь Солоневича. С другой стороны замечается также тяга „штабс-капитанов“

на сближение с НТСНП (новопоколенцами). На одном из собраний „штабс-капитанов“ в Париже председатель местной группы полковник Значковский обратился к членам кружка с призывом оказывать помощь НТСНП во всех случаях жизни, т. к. это единственно серьёзная организация, идеология которой родственна „штабс-капитанам“».

Под массовые чистки 1937–1938 годов в центральном аппарате и резидентурах НКВД попали многие чекисты, которые работали по делу братьев Солоневичей. Большая часть этих оперативных работников была расстреляна. Неосведомлённость новых московских руководителей НКВД и «повторение пройденного» откровенно проступали в тех запросах и указаниях, которые они рассылали в обезлюженные резидентуры. Так, в начале апреля 1939 года в берлинскую резидентуру было направлено инструктивное письмо по налаживанию работы по «спортсменам». В документе указывались давно известные и ранее обсуждавшиеся в переписке факты: что Солоневич работает в тесном контакте с генералом Бискупским (Русский эмигрантский комитет), бароном Меллер-Закомельским и полковником Скалоном (РНСД), а также генералом Антоном Васильевичем Туркулом^[158] (РНСУВ). Но появилось и нечто новое: по сведениям Москвы, «Солоневич, Туркул и другие, являясь агентами немецкой разведки, ведут по её заданию работу по объединению активной части белой эмиграции в так называемый „Российский национальный фронт (РНФ)“. Фронт всецело находится в руках немцев, которые планируют его использование в борьбе против Советского Союза». В отношении Ивана Солоневича Москву интересовало всё: от распорядка и образа жизни до адреса местожительства.

Выполнить это задание было сложно. Деятельность советской разведки в Германии в конце 1930-х годов была практически заморожена. В 1937 году был вызван в Москву и репрессирован легальный резидент Борис Моисеевич Гордон. А. И. Агаянц, назначенный центром на «замену» Гордону, так и не получил возможности наладить её должным образом. В декабре 1938 года молодой резидент попал на операционный стол по поводу прободения язвы желудка. Но хирургическая помощь запоздала, Агаянц скончался прямо в госпитале. Почти год резидентура не имела полномочного руководителя.

С сентября 1939-го по июль 1941 года легальным резидентом советской разведки в Берлине был Амаяк Захарович Кобулов (псевдоним «Захар»). Карьера его началась после возвышения Берии, ставшего главой НКВД. В российской «шпионологической» литературе не раз отмечалось,

что «Захар» не обладал не то что данными для разведывательной работы, но и элементарной грамотностью. Он был дилетантом, но с чрезвычайно развитым самомнением и амбициями и потому с первых дней пребывания в Берлине попал в поле зрения гестапо. Среди приобретённых Кобуловым «ценных источников» был латышский журналист Орест Берлинкс, 26 лет, корреспондент рижской газеты «Бриве земе», который передавал «Захару» дезинформацию о мирных намерениях Гитлера в отношении СССР, используя якобы имеющиеся у него источники в германском МИДе. «Дезу» составлял сам министр Риббентроп, а агентурной работой Берлинкса руководил штандартенфюрер Ликус, начальник отделения 4-D гестапо.

Через 60 лет после жизни в нацистской Германии Юрий Солоневич вспоминал, что покушения на них не прекращались даже там:

«В одной только Германии было шесть покушений. Одна бомба взорвалась в Гамбурге. К счастью, никого не убила, но могла. Это было в большом зале, где 6 тысяч людей должны были собраться через четверть часа. И она бабахнула из-под кафедры, где батька должен был говорить»^[159].

Указать на конкретное авторство этих покушений сейчас практически невозможно. В условиях «жёсткого контрразведывательного режима» в нацистской Германии советская разведка не предпринимала острых акций на её территории, тем более по физической ликвидации врагов Советского Союза. Такой подход ещё более укрепился после подписания советско-германского пакта о ненападении. Сталин не хотел осложнений с Гитлером. Поэтому покушения на Солоневича вряд ли имели советскую подоплёку. Впрочем, можно допустить, что кто-то из антифашистского сопротивления, а именно — подпольные ячейки компартии Германии на свой страх и риск пытались ликвидировать Ивана Солоневича, который вёл в то время масштабную пропагандистскую работу против СССР и Сталина.

Не менее Ивана опасался покушений Борис. Русское общество спортсменов в Брюсселе выделило ему охранника, и Борис, покидая утром квартиру, по примеру генерала Миллера, всегда оставлял на столе записку: куда идёт, с кем должен встретиться, когда вернётся.

Первая половина 1939 года была спокойным периодом в жизни Солоневича. «Я сейчас в первый раз лет за двадцать пять имею, наконец, возможность перевести дух, — писал он на страницах своей газеты. — Возможность, правда, довольно скромная. Газета выходит, и книга пишется. Но всё-таки я сижу на берегу горного озера и даже ужу рыбу. С

ужением не ладится: моя старая рыболовная бездарность. Но удочка чрезвычайно способствует спокойствию души и ясности в мозгах».

Солоневич дожидался развязки той ситуации, которая сложилась в верхах Третьего рейха. Несмотря на явное нежелание гитлеровского руководства «сотрудничать» с антибольшевистской русской эмиграцией, всё ещё сохранялась надежда на здравый смысл «прорусского крыла германского генералитета», его способность повлиять на Гитлера.

В нацистских кругах Солоневич по-прежнему считался одним из ведущих экспертов «по русским делам», поэтому его периодически приглашали «для консультаций» в научно-исследовательские институты Розенберга. Многие от него скрывались, но то, что он смог «расшифровать» там, его потрясло: в академии Розенберга на Кроссинг-Зее были собраны «сливки партии» для подготовки полного уничтожения русского народа! Разумеется, на основах «самой современной и самой научной философии». Имя одного из таких партийных «академиков» Солоневич назвал — Грейфе. Именно он пытался получить у русского писателя «консультацию» «по поводу возможности уничтожения 60 миллионов русских на европейской территории».

В июле 1939 года Иван Солоневич с сыном совершил автомобильное путешествие по рейху. Юрий увлекался автовождением, выглядел как заправский шофёр, даже приобрёл специальные перчатки. Поначалу он злоупотреблял скоростью, но потом пришёл с отцом к компромиссу — не больше шестидесяти километров в час, чтобы спокойно любоваться идиллическими немецкими пейзажами!

По поводу этой поездки Солоневич написал: «Мы с сыном вырвались на несколько дней в поездку по Германии... „Соответствующее учреждение“ наемкнуло мне на нежелательность моих поездок в трамвае, в метро, в автобусах: раз мы вас к себе пустили, мы отвечаем за вашу безопасность. Берите такси и записывайте номер. Поездки же вне Берлина без сопровождения соответствующих лиц из соответствующего учреждения не рекомендуются совсем, — всегда кто-нибудь сопровождает. Это очень трогательно, но очень неудобно. Какое-то вечное *memento mori*. Знаю, что рано или поздно помру — зачем напоминать об этом на каждом шагу?»

Сохранившееся описание поездки по немецкой провинции — своего рода «дневниковая зарисовка» Солоневича, каких немало встречается в его литературно-публицистических трудах:

«Несколько сот километров по великолепной цементной скатерти автобана, потом в сторону — на шоссе, потом ещё раз в сторону — на

просёлок, тоже, впрочем, асфальтированный, и — никакой слежки. Мы вынырнули в какой-то харчевне „Пестрого козла“, в местах, куда ещё не ступала нога белого человека, вооружённого нансеновским паспортом. Благодать. Документов никаких не спрашивают. Юра со своим немецким языком вполне сходит за чистокровного немца-шофёра, возящего некоего знатного иностранца по германским достопримечательностям. Мне с моим акцентом за немца никак не сойти».

Юра — главный помощник и, если можно так выразиться, консультант отца по «интуитивным» оценкам «текущего исторического момента», новых лиц из круга общения, планов на будущее. Иван с нескрываемой гордостью отзывался о сыне:

«Юра неизменно культурнее среднего — и даже не очень среднего — зарубежного генерала (из русской эмиграции). Этот мальчишка говорит свободно на двух языках — немецком и шведском, кое-как ещё на двух — французском и английском. За эти годы он — „мальчишка и щенок“ грузил бочки, напихивал трухой игрушечных медведей, ставил экспедицию „Нашей газеты“, вёл и ведёт большую незаметную черновую работу по газете и по организации, написал совсем неплохую книгу, в которой я не поправил ни одной запятой (от каждой поправки Юра на стенку лезет — да и некоторые друзья писали мне, что он пишет лучше меня), а это время Юра помимо всего прочего учился своей живописи и нынче зарабатывает свой хлеб своей графикой».

После того как Борис в конце 1937 года неожиданно отказался вернуться в Болгарию, между братьями начало расти отчуждение. Правда, в июле — августе 1938 года их отношения ненадолго «потептели» по причине подготовки сценария для берлинской киностудии «UFA». В основу совместного проекта были положены повесть Бориса «Тайна Соловецкого монастыря» и книга Ивана «Россия в концлагере». Но из Министерства пропаганды им сообщили, что постановка фильмов «из русской жизни» запрещена. Запрет был якобы вызван не политическими причинами, а опасениями превращения фильма в очередную «развесистую клюкву» из советской жизни. После провала на кинематографическом поприще братья больше не встречались.

В Бельгии Борис наладил отношения с руководством РОВСа: его «отход» от брата оценили по достоинству. Бориса приглашали на многие мероприятия организации, в том числе на банкеты по торжественным случаям, которые едко высмеивал Иван. Генералы Архангельский и Гартман, возглавлявший Бельгийское отделение РОВСа, считали полезным

«подключение» Бориса к их работе. Но личная жизнь Бориса вызывала нарекания в колонии. Агент «Одессит» сообщал: «Борис ведёт себя в своей обычной манере — на вечеринках выступает с песенками и куплетами, иногда непринуждённо дебоширит, ухаживает за молоденькими барышнями, родители которых пишут письма в Союз с протестами, а он без всяких церемоний отвечает — „не ваше дело“. Многие от него отшатнулись».

Окончательной точкой в отношениях братьев стала уже упоминавшаяся выше брошюра Бориса «Не могу молчать!..». В качестве эпитафии к ней Борис поставил несколько цитат из переписки с братом. Вот они:

«Как ты уже давно знаешь, я считаю твою тактику в отношении эмиграции за последний год — вредной русскому делу... Это — не стройка, а разложение и разрушение»... (Из моего письма брату от 18 марта 39.)

«Если ты не прекратишь недостойной русского журналиста оскорбительной и клеветнической травли верхов нашей белой эмиграции, в частности РОВС, я буду вынужден немедленно опубликовать резкую брошюру о твоей тактике и постараюсь возглавить движение протеста против твоей разлагающей работы в эмиграции»... (Из моего письма брату от 4 мая 39.)

«Твой нынешний ультиматум и по форме, и по существу глуп уже до степени сумасшествия». (Самая корректная и спокойная фраза ответного письма брата от 5 мая 39.)

Борис посвятил брошюру проблеме падения престижа «Нашей газеты». Он разделил историю «Нашей газеты» («Голоса России») на три этапа: рапорт зарубежной России о «подсоветской»; вмешательство в жизнь эмиграции; попытки организационно-политического творчества в эмиграции.

Наиболее успешным, по его оценке, был первый этап: «Этот коллективный рапорт как бы приоткрыл завесу, опущенную над тем, что творится на нашей Родине. Проверенные на опыте четырёх [Солоневичей], выстраданные в лагерях и в советской жизни анализы и прогнозы „Голоса России“ разметали многие иллюзии и туманы, покрывавшие настоящие пружины и корни советской жизни. Именно этот период — рапорта и анализов советской жизни — привлек к газете и нашему „коллективному“ имени такую любовь и такое уважение русской эмиграции».

Второй и третий этапы, по оценке Бориса, были полностью провалены. В частности, по его мнению, Иван Солоневич взял ошибочный

курс на возвеличивание политического потенциала тех «штабс-капитанов», тех «одиночек», которые «сидели по углам». Борис дал им такую характеристику: «Они были или очень милыми, гостеприимными и вместе с тем слабыми людьми, начинавшими уже забывать свой долг перед Родиной и не сумевшими найти себе места в русском строю, или — наоборот: обозлёнными, самолюбивыми, с большим самомнением. Эти последние в недостатках эмигрантской работы винили всех, кроме себя»...

По версии Бориса, апеллируя именно к этой категории эмигрантов, Иван Солоневич начал наносить «удары по своим». «Это ощущение, — пишет Борис, — окрепло после того, как блестящий полемический талант Ивана Лукьяновича стал больно и, главное, оскорбительно бить во все стороны, перейдя с врагов на тех, кто, казалось бы, должен был считаться друзьями».

Борис подчеркнул, что трансформация Ивана из «публициста в полемиста» стала отталкивать от него эмигрантов, прежде лояльно относившихся к нему: «Шутливый тон стал всё больше превращаться в язвительный, а потом и прямо в оскорбительный... Никто, даже близкие друзья и брат не были гарантированы от того, что в каком-то очередном номере в случае несогласия с мнением И. Л. на него не обрушится со всем уничтожающим блеском град насмешек и издевательств». Борис привёл небольшую сводку таких издевательских оценок:

«Деникин — вопиющая бездарность, Абрамов — трус, Архангельский — вывеска, Витковский — болван, Зинкевич — идиот, Фосс — чекист», Семёнов — «убожество высказываний», Байдалаков — говорит «вредный вздор», Георгиевский — «микроорганический кандидат в Ленины», члены РОВСа — «генеральские денщики», командование РОВСа — «горькая сволочь» и «большевицкая агентура»...

Борис особо отметил в брошюре, что написал её не с целью защиты РОВСа, мол, союз обладает таким авторитетом, что не нуждается в чьей-либо защите. Тем не менее по своему содержанию этот труд Бориса — яркий политический документ в поддержку РОВСа, «нашего белого лагеря» и — попутно — публичная демонстрация осуждения брата, неприятия его позиции, разрыва с ним.

Иван считал действия брата интригами. Борис развалил в Бельгии РОС, ведущую организацию в структуре «штабс-капитанского» движения. Во Франции роковую роль по компрометации «штабс-капитанского» движения сыграл редактор газеты «Возрождение» Ю. Семёнов, который охотно публиковал выпады Бориса и прочие клеветнические вымыслы.

Иван с нескрываемой горечью откликался на эти выдумки, устрашающе звучащие для обывателя-эмигранта: «Иван Солоневич — агент гестапо, а следовательно, и ГПУ, немецкий ставленник и прочее. Пишет он под диктовку германского Министерства пропаганды, и нужно-де спасти бедных штабс-капитанов от всяких полицейских неприятностей. Бедным штабс-капитанам действительно пришлось спастись и самораспуститься: время военное — докажи потом, что ты не верблюд. Наш центральный кружок был зарезан».

Разрыв между братьями оживлённо комментировался в кругах эмиграции. В газете «Сегодня» (№ 181 от 3 июля 1939 года) был помещён отклик на брошюру «Не могу молчать!..» под названием «Политическая ссора двух братьев». Опираясь на содержание этой брошюры, автор, укрывшийся под псевдонимом Р. В-й, камня на камне не оставил от журналистской и публицистической работы Ивана Солоневича:

«Неприятен тон статей, где вопрос касался эмиграции. Впрочем, надо сказать, что вообще тон и стиль „Нашей газеты“ был слишком бравурный, решительный и самонадеянный. Теперь братья разошлись. Это не ссора родственников, а принципиальное размирение политического характера... Борис объясняет промахи и грубости брата тем, что он — больной человек и, значит, безответственный. Так или иначе, брошюра вполне справедливо отмечает, что вера в „Нашу газету“ и в работу Ивана Солоневича погасала и погасла. На страницах даже благожелательных к Ивану Солоневичу органов печати всё реже и реже, всё равнодушной и холодней становились отклики и упоминания: интерес исчез... Но бесспорно одно: брошюра Бориса Солоневича проникнута искренностью, написана с болью в сердце. Это голос глубокого и безнадежного разочарования, горьких сожалений в том, что задуманное не удалось».

Иван вычеркнул Бориса из своей жизни. А тот, войдя в раж, изо всех сил подрывал авторитет брата, продолжая «вразумлять» его со страниц эмигрантской печати. Став европейским корреспондентом журнала «Нация», который издавался в Харбине Родзаевским, Борис посвятил его в обстоятельства семейной жизни Ивана. Лидер дальневосточных фашистов, не обладавший интеллектуальным потенциалом для публичной полемики с Солоневичем, опубликовал в журнале «Нация» (от 24 декабря 1939 года) очередную статью Бориса против брата, из содержания которой Иван понял, что на него льют очередной ушат помоев.

Иван ответил на эти недостойные выпады статьёй «На ту же тему». Он резонно указал на то, что, будучи монархическим публицистом, обязан

отстаивать идею монархии в борьбе с другими конкурирующими течениями, включая фашистскую, которую представляет Родзаевский. Иван набросал даже примерную схему, по которой Родзаевский мог бы «вдребезги разбить» его монархическую аргументацию, попытавшись доказать, в частности, что «идея Русской Монархии давным-давно устарела или, по крайней мере, что для данного момента она потому-то и потому-то несвоевременна: нужно-де подождать. Может быть, всё это было бы спорно (бесспорных вещей в мире очень мало), но тут ещё можно было бы разговаривать».

Надежды Ивана на цивилизованную полемику не сбылись. Родзаевский и его «Нация» предпочли самый экономичный с точки зрения умственных усилий способ: тот самый, помойный. Иван привёл небольшую цитату из статьи Бориса, чтобы проиллюстрировать предложенный уровень дискуссии о фашизме и монархизме: «Аппетит власти диктатора эмигрантской мысли (то есть И. Солоневича. — К. С.) рос не по дням, а по часам... Имена Тамочки, Юрочки, Боречки вперегонки забегали по „Голосу России“. Скоро вся эмиграция знала, когда мы встаём, чаепитничаем и чавкаем за обедом, храним ли во сне».

Отвечая Родзаевскому, Иван в первую очередь обращался к брату, напоминая ему об этике, элементарной морали, бдительности, наконец, когда каждое неосторожно сказанное слово может быть использовано врагом:

«Нельзя же так, голубчики-соратники. И нельзя пользоваться письмами Бориса Лукьяновича. Как ни низко стоит уровень нашей эмигрантской порядочности, но до этого не доходила ещё ни одна эмигрантская газета — даром, что Б. Л. такого рода информацию рассылает по всему белу свету. Иногда она попадает и к красному свету... Часто попадает и ко мне. О ней я ничего не писал, ибо был почти уверен, что ни одна русская газета не станет лазить под семейными кроватями. „Нация“ опустилась или собирается опуститься и до этого».

Попытки Бориса выставить на всеобщее обозрение личную жизнь брата были бесчестными, как удары ниже пояса. Гипотетически братья могли бы примириться, если бы конфликт ограничивался только защитой пострадавших ими политических взглядов: ведь время идёт, политические взгляды постоянно меняются, оценки тех или иных деятелей эмиграции тоже (кумиры не вечны!). Однако слухи об оскорбительной болтовне Бориса постоянно доходили до Ивана. Из Бельгии приезжали «штабс-капитаны», сохранившие ему верность, и предлагали «хорошенько проучить» Бориса, чтобы не распускал язык. Однако Иван в корне пресёк

идею «воспитательной взбучки»: «Жизнь покажет, кто прав, кто виноват».

Глава двадцать третья

ПОСЛЕДНЯЯ АТАКА МЛАДОРОССКОЙ ПАРТИИ

В августе 1939 года член младоросской партии Василий Дюкин^[160] подготовил для Антисоветского центра в Италии «Аналитический доклад» по братьям Солоневичам.

Это была очередная акция по их компрометации, причём не только перед эмиграцией, но и германскими властями. Основной тезис оригинальностью не отличался: «Они не те, за кого себя выдают». Дюкин полностью проигнорировал статью-кредо Солоневича «Пути, ошибки, итоги», опубликованную месяцем раньше. Раз оправдывается, значит, есть за что!

Младороссов не устраивала перспектива превращения Солоневича в «русского фюрера», в «объединителя» всех национально мыслящих эмигрантов, поддерживаемого к тому же (слухи об этом ходили настойчивые) нацистской верхушкой и генералами вермахта. Доклад был фактически поэтапным обзором жизни братьев до августа 1939 года и ставил под сомнение всё, что Солоневичи писали, говорили, сообщали о себе публично и в частном порядке.

Если проанализировать пункты «доклада», можно убедиться в том, что дезинформация, которую настойчиво распространяли спецслужбы НКВД, прочно угнездилась в сознании и подсознании эмиграции. Младороссы повторяли (с вариациями, конечно) основные тезисы из аналогичных обвинительных документов РОВСа. Реальные факты жизни Солоневичей часто искажались в них до неузнаваемости.

Определённая вина лежала на самих братьях, которые излишне «беллетризировали и героизировали» свои поступки и деяния в советский период жизни. Заметные «разночтения» в их историях свидетельствовали, по мнению «аналитиков» эмиграции, о том, что ГПУ не сумело по-настоящему отработать их легенды, как это было в 1920-е годы, когда успешная операция «Трест» потрясла основы эмигрантской жизни. Основные положения «доклада» Дюкина: братья не воевали в рядах Белой армии. В Гражданскую войну находились в тылу Добровольческой армии... При эвакуации Крыма войсками генерала Врангеля остались в Севастополе

и ПЕРЕШЛИ НА СТОРОНУ КРАСНЫХ;

братья были близки к советским верхам. Дальнейшая их деятельность после перехода к «красным» узнаётся из их книги «Россия в концлагере», где они откровенно и цинично описывают... свою близость к правительству и личную дружбу с Ягодой, с которым «выпили не одну бутылку водки», как выражаются сами Солоневичи;

братья не подвергались реальным репрессиям. Солоневичи были сосланы в «концлагеря», но не как простые арестованные, а на известные должности;

побег братьев был фальшивым. Все подробности бегства очень красноречиво описаны в «России в концлагере», но для людей, хорошо знакомых с обстановкой и условиями концлагерей, такое бегство кажется почти невозможным, подозрительным и маловероятным;

братья прошли школу советской журналистики и пропаганды. Знали, какими темами статей можно привлечь внимание, учитывали окружающую обстановку, великолепно изучили психологию толпы, угадывая её желания и подчиняя её себе;

братья ищут подходящее поле для своей деятельности. При помощи Фосса и генерала Абрамова Солоневичам удаётся переехать в Болгарию и там обосноваться;

братья издают газету для саморекламы и вербовки сторонников. Особенностью новой газеты, отличающей её от прочих эмигрантских, был своеобразный стиль (блатной жаргон), довольно смелые вульгарные выражения и ругательства, которыми Солоневичи пересыпали свои статьи. Снова сказывались способности Солоневича влиять на массу. Вокруг них появляется группа поклонников, которая всё увеличивается и увеличивается. Этих поклонников Солоневичи нарицательно называли «штабс-капитанами», так как большинство из них было из среды военных. Тираж газеты стал быстро расти, появились её представители в других государствах.

В 1937 году Солоневичи, продолжает Дюкин, достигли высоты своей славы, их называли вторыми «Мининым и Пожарским»... После подобного триумфа Солоневичи ещё больше стали подумывать о том, чтобы объединить несколько организаций в Российский национальный фронт под своим водительством.

Естественно, по версии Дюкина, братья получили отпор от младороссов, которые выяснили их «действительное лицо».

Апофеозом «доклада» стало заключение, что братья изменили ГПУ и перешли на службу в гестапо. Тайнственное покушение в Софии стоило

жизни Тамаре Владимировне Солоневич. Подавляющим большинством эмиграции было решено, что это дело рук ГПУ, которое отомстило Солоневичам за измену.

Братья поссорились и потерпели полный крах. Заканчивается «доклад» категорическим выводом: если не считать генерала Туркула, то «Иван Солоневич остался один, и вся его деятельность свелась к полнейшему нулю. Даже его верные „штабс-капитаны“ покинули его, поняв весь вред, принесённый Солоневичами эмиграции в целях её разложения. Ходят слухи, что Иван Солоневич находится на услужении гестапо, но вряд ли оно может серьёзно интересоваться прогоревшим политическим деятелем с довольно тёмным и грязным прошлым... Так заканчивает свою деятельность семейство Солоневичей, в течение многих лет мутивших больные мозги эмиграции».

К «докладу» Дюкина был приложен вопросник явной обвинительной тональности по всем этапам жизни братьев Солоневичей. Как видим, «Аналитический доклад» Дюкина в эффектной форме обобщил практически все вброшенные в эмигрантскую среду «активки» НКВД.

«Доклад» был передан младороссами в Антисоветский центр в Риме, стал достоянием итальянской тайной полиции ОВРА и через неё — в рамках отлаженного сотрудничества — гестапо. В Берлине доклад был подшит в досье на Солоневичей, страницы его пронумерованы, внесены в опись. В будущем — может пригодиться.

По иронии судьбы, именно в 1939 году Иван несколько смягчил своё отношение к партии младороссов, признал за нею определённые заслуги: «Нужно отдать справедливость, это единственная из монархических группировок, которая говорила современным языком, оперировала понятиями современности и не была исполнена плотоядными вождельниками реставрации».

Атака на Солоневичей была, без преувеличения, одной из последних политических акций младороссов. Через месяц началась Вторая мировая война, которая положила конец относительно спокойному существованию этой партии во Франции. Для французского правительства подписание советско-германского мирного договора стало предлогом для «принятия мер» в отношении «просоветских» организаций в стране. После подписания французами акта капитуляции по русской колонии поползли слухи об угрозе выдачи Казем-Бека немцам в числе других «просоветских элементов» как одного из главных агентов большевиков в стране. Он был вынужден бежать в Соединённые Штаты, где официально объявил о

ропуске своей партии.

На рубеже тридцатых-сороковых годов материальное положение семьи Солоневичей ухудшилось. В Болгарии правительство царя Бориса приняло решение о закрытии «Нашей газеты». После трёхмесячной паузы в Софии стал выходить журнал «Родина», фактический преемник «Голоса России» и «Нашей газеты». Удалось выпустить только шесть номеров журнала. Германское правительство, по словам писателя, «после некоторых обоюдных разочарований» запретило продажу его книг. «Попытки сбежать в Америку не удались. Иностранные гонорары оказались отрезанными войной. Мне и моей семье глядел в глаза наш старый социалистический знакомый: голод. Кроме того, над моим сыном — художником — висела угроза мобилизации на военные заводы. Вообще было плохо» — так Иван охарактеризовал сложившуюся ситуацию.

Попытки Инги заработать на жизнь безбидными и вполне аполитичными «картинками» из мира животных привели к возникновению серьёзной проблемы: вместе с первыми заказчиками появился дядя, предъявивший удостоверение какой-то полиции и поставивший свирепый вопрос: а имеет ли фрау Солоневич право рисовать собачьи портреты? Состоит ли она членом национал-социалистической камеры изобразительных искусств — и прочее в этом же роде.

На семейном вече было решено, что Иван поможет житейски неопытной Инге получить разрешение камеры изобразительных искусств на продажу её работ. Как отметил писатель, «расчёт был на то, что я с моим отечественным социалистическим опытом сумею как-то оставить в дураках и немецких социалистов».

Опыт пригодился! На ключевой позиции в национал-социалистической «культурной камере» находился партайгеноссе Лесник, недоучившийся студент художественной школы. Он-то и определял «соответствие» работ художников идеологическим постулатам Третьего рейха, зорким взглядом подмечал наличие в их творениях элементов «вырождения» и скрытого диссидентства. Иван Солоневич с задачей справился. По его словам, «техническая часть всего этого предприятия была урегулирована быстро и безболезненно». Взятка помогла решить «возникшую проблему». А общение с партайгеноссе Лесником Солоневичу очень пригодилось. Работая над страницами «Диктатуры слоя», посвящёнными искусству тоталитарных обществ, он не раз вспоминал Лесника и его «идеологически выдержанные» высказывания, которые явственно перекликались с тем, что Солоневич под другим «политическим

соусом» не раз слышал в Москве.

В этот сложный период в «общине» Солоневичей появилось маленькое существо, которое объединяло, радовало и согревало их. Иван Лукьянович писал:

«У меня сейчас имеется внук, размеров от роду шести месяцев — хороший внук, оптимистический, как масленый блин. Я с великим удовольствием отвлекаюсь от работы, чтобы поговорить с ним на интеллигентные темы. На мои интеллигентные разговоры потомство отвечает с неизменной экспансивностью: начинает размахивать тремя лапками, четвертую засовывает в рот, ухмыляется во всю свою масленичную рожицу и отвечает что-то, вероятно, тоже очень интеллигентное, но совсем непонятное».

Щекастый упитанный малыш и в самом деле производил впечатление серьёзного основательного существа. И улыбка была у него очаровательная. Иван Солоневич по-разному обращался к внуку, ориентируясь на его «текущее миронастроение»: то Михаил Юрьевич, то Михайло или Мишутка, но чаще всего — Мишка.

Он родился 30 ноября 1939 года, в тот же самый день, когда началась советско-финляндская война. Войска Ленинградского военного округа получили приказ перейти границу и разгромить противника. Все были уверены в быстрой капитуляции Финляндии. Но в начале декабря стало очевидным, что финны сдаваться не намерены. Упорное сопротивление финской армии стало неожиданностью для советского руководства: подвижные группы лыжников атаковали со всех направлений, в том числе с тыла. Снайперы-«кукушки» выбивали командный состав. Бутылки с зажигательной смесью, прославившиеся в годы Великой Отечественной войны как «коктейли Молотова», впервые были использованы финнами для уничтожения советских танков. Военнослужащие Красной армии не были готовы к войне в зимних условиях и нередко большими группами сдавались в плен.

Один из историков «зимней войны» писал:

«Без тёплых рукавиц и перчаток, обутые в сапоги, в ботинки с обмотками, тысячи солдат обмораживали руки и ноги. Укомплектованные (хотя официально воевал лишь Ленинградский ВО) жителями южных республик, не знакомыми с суровыми зимами, ночёвками на снегу, воинские части с трудом пробивались сквозь заваленные сугробами леса, а выйдя без маскхалатов на ледяные просторы озёр, в тёмных шинелях, попадали под финские пули, изображая из себя, как тогда говорили бойцы, „мишень № 14“ (фигурная мишень „силуэт в полный рост“)^[161].

В конце 1939 года финское правительство пригласило Ивана Солоневича «для постановки», по его словам, антисоветской пропаганды. «Мне пришлось приложить очень большие усилия, — вспоминал он, — чтобы прекратить тот стиль радиопередач и листовок, который действовал как раз наоборот: стиль антирусский». Зарисовки Гельсингфорса в месяцы «зимней войны» можно найти у Солоневича в ряде предвоенных и послевоенных публикаций. Особенно его поразило, что в самый разгар войны у подножия памятника Царю-освободителю лежали свежие цветы.

Для финских властей, однако, «главным советником» от русской эмиграции стал «бывший секретарь Сталина» Борис Бажанов. Он сумел добиться поддержки ведущих организаций — от РОВСа до Монархического совета. В адрес маршала Маннергейма было направлено коллективное письмо лидеров эмиграции, и он без задержки прореагировал на него, предложив Бажанову приехать в Гельсингфорс. Их беседа длилась весь день 15 января, в конце которой Маннергейм дал согласие на формирование из пленных красноармейцев Русской народной армии (РНА), чтобы двинуть её на «освобождение России от коммунизма». В этом Бажанову помогали офицеры финляндского отдела РОВСа. Как полагал Бажанов, первый отряд «добровольцев» должен был вызвать «эффект снежного шара». Пленные в массовом порядке решились бы на вступление в РНА, и в итоге не менее пятидесяти дивизий РНА после «успешной наступательной кампании» ринулись бы вглубь России.

Подготовка первых отрядов из 450 военнопленных затянулась на два месяца, и когда в марте они отправились на фронт, поступило сообщение об окончании войны. Финские власти попросили Бажанова срочно покинуть Финляндию, чтобы избежать включения в списки лиц, подлежащих выдаче советской стороне. В своих воспоминаниях он писал: «Всё это совершенно резонно и правильно. Я сажусь в автомобиль, еду в Турку и в тот же день прибываю в Швецию». Вполне вероятно, что Иван Солоневич 15–16 марта получил те же самые рекомендации и уезжал тем же самым маршрутом. Любопытно, что Бажанов ни слова не упомянул о деятельности Солоневича в Финляндии. Видел в нём конкурента? Или испытывал к нему недоверие под влиянием местных активистов РОВСа? Скорее всего, и то и другое.

Глава двадцать четвёртая

ЗАЩИТА РУССКОЙ ЛИНИИ

В самом начале Второй мировой войны у Ивана ещё сохранялась надежда на «здравомыслие» нацистского руководства, возможность «компромисса» с ним с целью использования военного потенциала Германии для свержения власти большевиков и реализации проекта установления в России народно-монархической формы правления. Иван не видел себя в стороне от этого процесса. В тот период Солоневич часто начинал свои публичные выступления словами: «Если в грядущей России что-то будет зависеть от меня...» Он верил в то, что всей своей судьбой, радикальным неприятием советской власти и бескомпромиссной политической траекторией предназначен для выполнения громадной исторической миссии — восстановления России из пепла большевистской революции...

Критических ноток в отношении гитлеровского режима в статьях Ивана Солоневича 1939–1940 годов почти нет, что, впрочем, вряд ли было возможно в условиях жесточайшей цензуры, введённой Геббельсом. Сдержанность писателя-публициста была не только отражением благодарности стране, которая предоставила ему убежище. В какой-то мере он был околдован внешними достижениями Германии, «торжеством её воли и силы». Солоневич старался разобраться в причинах стремительного укрепления экономической и военной мощи Германии, её политической консолидации на основе национал-социалистической идеологии. В его статье «По путям иловайским» то и дело встречаются высказывания апофеозного характера:

«Мир переживает период омоложения — иногда мучительного. На современных стадионах возрождаются эллинские „гимназии“ и „лицей“. В современной Италии возрождается Древний Рим. В современной Германии возрождается Священная римская империя германской нации».

«Два года самым внимательным образом всматриваюсь в совершенно грандиозное строительство современной Германии».

«Я никак не отрицаю ни „личности“, ни „героя“. Но они благодетельны *только тогда*, когда идут по линии исторического пути народа, не против течения и не в хвосте, а *во главе течения* — как идёт Адольф Гитлер».

«Наши доморощенные фашисты, вопя о русском Гитлере, совершенно забывают то простое обстоятельство, что можно *мечтать*, но *рассчитывать* на это никак нельзя. У нас человек калибра Гитлера — Пётр I — появился за всю нашу историю только один раз, — люди такого калибра появляются раз в столетие».

«Политическую теорию можно строить только на сущности народа, которая выражена в его прошлом и которая ставит его цели в будущем. Именно так построил и свою теорию, и свою практику Адольф Гитлер: он доводит до апогея ту линию исторического развития, которая была заложена во всём прошлом германского народа и наиболее яркими выразителями которой явились Фридрих Великий и Бисмарк. Очень нетрудно заметить, что все элементы национал-социализма в, так сказать, недоделанном виде заключаются и в деятельности Бисмарка».

Внешняя лояльность этих утверждений не означала, что Солоневич был готов отказаться от всего, что он проповедовал раньше, и пойти на службу к «эффективному режиму», который сумел навести порядок в стране, объединить народ понятной идеологией, правда, густо пропитанной доктриной расовой исключительности. С этой доктриной, отодвигающей многие другие народы, включая славянские, на роли «неполноценных», Солоневич начал знакомиться по вполне конкретному поводу. К нему обратился за помощью «добрый приятель, бывший есаул лейб-гвардии Казачьего полка, инженер И.», который до прихода Гитлера к власти успешно занимался производством рекламных фильмов. Оказалось, что в национал-социалистической Германии к киноделу допускались только «расово чистые лица», лишённые еврейской крови. По этой причине к инженеру И. зачастили нацистские бюрократы, требуя предъявить так называемое «арийское удостоверение».

Приятель Ивана в силу своей горячности отмахнулся от назойливых визитёров, но когда почувствовал, что существование его фирмы находится под угрозой, всполошился. Ещё бы: многие клиенты стали его избегать. С Советской Россией все связи он давно прервал и никоим образом не мог затребовать оттуда соответствующие справки. Солоневич обещал инженеру помочь и вскоре выяснил, что из «расовой ловушки» можно выбраться двумя основными путями. Первый вариант: нанять за определённую сумму марок и бутылку шнапса трёх свидетелей, которые могли подтвердить в суде под клятвой «арийскую безупречность бабушек и дедушек». Второй вариант: прибегнуть к услугам некоего русского профессора генеалогии, работавшего в Кенигсбергском университете. Он вывез из России тома родословных книг дворянства и за плату выдавал липовые справки,

которые (тоже за плату) принимались службами, контролирующими «расовую состоятельность».

Инженеру И., чтобы не потерять кинофирму, пришлось «откупаться» от бюрократов, боровшихся с «излишками» еврейской крови в арийских телах. Во всей этой расовой параферналии Солоневич выявил для себя две стороны монеты: «Арийское законодательство отдавало немецких евреев на полное растерзание немецким партийцам. Но и немецкое [население] было обложено тяжкой данью — моральной и материальной». Путём нехитрых подсчётов писатель определил, что «раса господ» должна была получить в общей сложности около 100 миллионов арийских удостоверений, получивших в русских эмигрантских кругах название «жидомеров». Получение справок открывало безграничное поле деятельности для вымогательства, шантажа и издевательств, на которые столь падки профессиональные бюрократы.

Для Солоневича советские и нацистские бюрократы — близнецы-братья. Они работают по одним и тем же схемам, только один, скажем, «удостоверяет» пролетарские корни «подателя сего документа», а другой — принадлежность к высшей расе. И в Германии, и в СССР узурпаторы власти (нацисты и большевики) апеллируют к своим народам как к «мессиям», призванным спасти человечество, и они же через всемогущий бюрократический аппарат «превращают их в бессловесное и бесправное быдло».

После согласования с Солоневичем 12 апреля 1940 года Левашов разослал по «берлогам» циркуляр-разъяснение о причинах «приостановления» выхода «Нашей газеты». «С первых же номеров газеты — отмечалось в циркуляре — приходилось бороться за её существование и парировать, часто в самый последний момент, удары, готовые её поразить. Ни один из 65 номеров не вышел в нормальных условиях».

Левашов отметил, что с началом войны противники «Нашей газеты» заметно активизировались. В полицейские инстанции различных стран Европы посыпалась новая серия доносов, в которых Ивана Солоневича называли двойным шпионом: и ГПУ, и гестапо. В Болгарии доносы были приняты во внимание. Там Солоневичу поставили в вину не «шпионаж», а излишне «антисоветский тон» издания, который якобы мог поссорить болгарское правительство с Москвой на фоне «прогрессирующей дружбы с Советами».

В циркуляре Левашова подчёркивалось, что если возобновления газеты добиться не удастся, то софийская редакция попытается наладить

издание журнала. В качестве промежуточной альтернативы планировалось издание серии брошюр на острые темы современности и отдельных глав «Белой Империи».

Левашов призвал «штабс-капитанов» проявить терпение, верить, что «будут восстановлены те оборвавшиеся сейчас ниточки, по которым в души истинно русских людей шла энергия и воля Ивана Лукьяновича к борьбе за возрождение России и создание понятной идеи, которая может быть противопоставлена идее коммунизма».

На время вынужденного молчания Ивана Солоневича циркуляр предлагал «штабс-капитанам» заняться приведением в порядок «умственного багажа» и изучать работы Солоневича. Задача предельно ясная: при первой возможности всё это будет применено на практике. В документе рекомендовалось использовать опыт изучения «Белой Империи» одной из «берлог». Например, рекомендовалось начать изучение с тщательной проработки главы «Дух народа» по темам: формы нового мира, обусловленные великим и славным прошлым России; динамика нашего развития; внутренняя ценность русского народа; самобытный русский государственный инстинкт; литературное кривое зеркало; «теория» о русской лени; территориальное расширение России и т. д. ^[162]

И ещё один тезис персонального характера:

«Иван Лукьянович не в силах сам со всем справиться — мы должны ему помочь. Он должен знать, что имеет в своём распоряжении совершенно определённый и готовый кадр помощников и проводников его идеи».

Циркуляр как бы уведомлял «штабс-капитанов»: приближается час, когда их патриотизм и готовность к жертвенному служению родине будут востребованы.

В июне 1940 года в журнале «Родина» была опубликована статья «Будущая русская дипломатия». Автор подписал её псевдонимом «Средний беженец». Под ним скрывался сам Иван Солоневич: статья была нужна в качестве затравки для большого разговора на самую актуальную тему момента: о судьбе России в преддверии войны на Востоке. По мнению «Беженца», эмиграция должна быть благодарна Гитлеру, что он «вовлёл Сталина „в драку“ и тем самым поставил на очередь русский вопрос». Автор, однако, пояснил, что эта благодарность — отрицательная, поскольку гитлеризм в положительном смысле неприемлем, поскольку германизм и славизм несовместимы. Исторические основания для этого вывода есть, так как германизм всегда рассматривал славизм как «удобрение» для расцвета своей высшей культуры.

Солоневич ответил «Среднему беженцу», явно пытаясь разобраться в

том, на какие перспективы возрождения России можно рассчитывать после гипотетического падения Советского Союза. В отношении военной слабости СССР у Солоневича сомнений не было. Он проанализировал соотношение силы и вооружения у Финляндии и СССР и пришёл к заключению, что финская война показала «невероятную эволюцию вниз» Советской России, то есть её слабость, неготовность к ведению серьёзных боевых действий.

Статья была написана в мае 1940 года, советско-германский пакт о ненападении соблюдался Москвой по всем параметрам, и Солоневич воздерживался от прогнозов о неизбежности военного столкновения между двумя государствами. Но он подчеркнул, что эмиграция должна быть благодарна Адольфу Гитлеру за то, что он «вывел СССР из состояния гнилого равновесия».

В ответе на письмо «Среднего беженца» Солоневич затронул такие темы, как изучение немецкого опыта восстановления страны, повышение продуктивности сельского хозяйства, судьба советской армии, советского кадрового аппарата, формирование нового дипломатического корпуса. Солоневич считал, что с последней задачей проблем не будет:

«Те люди, которые нынче представляют интересы русского беженства, как Штрэндман в Белграде, ген. Бискупский в Берлине, Маклаков в Париже, Саблин в Лондоне, Бахметьев в Вашингтоне, — все они находятся очень в курсе местной политики. Весьма сомнительно, чтобы этих людей следовало заменять новыми, и ещё более сомнительно, чтобы на дипломатических постах следовало бы оставлять прежних полпредчиков».

Для понимания позиции Солоневича в тот период немаловажное значение имеет заметка «От редакции», которая появилась в 3-м номере журнала «Родина» (от 5 июня 1940 года):

«Читатели, наверное, заметили, что наш журнал почти не затрагивает тем о войне, с невиданным ожесточением бушующей сейчас в Европе. Да, мы избегаем этих тем до некоторой степени умышленно. Причин к тому несколько:

Первая: при стремительных темпах современных событий и при военной неурядице почтовых сообщений — угнаться за событиями дело безнадежное. Каждый день несёт что-нибудь новое, и это новое заглушает интерес вчерашнего дня. Три недели нашего опоздания для иных наших подписчиков несут изменения не только политические, но и географические. О прошлом же приятно читать в спокойные времена.

Вторая причина: война неминуемо вызывает болезненное следствие —

шпиономанию. „Родине“ приходится учитывать и эту болезнь. При наличии сомкнутых рядов наших профессиональных клеветников-доносчиков — не исключены любые сюрпризы и неприятности. А мы стремимся, чтобы журнал доходил по мере возможности до всех штабс-капитанов Зарубежья.

Третья причина: Россия в войне ещё не участвует, — а мы пишем только о России.

И четвёртая причина: всегда, во всех условиях и в любых передрыгах мы должны мыслить, чувствовать и говорить только по-русски. И без того достаточно русских газет, которые говорят по-французски, по-немецки, по-еврейски и пр. Наш журнал — журнал русский и только русский. Его задача — давать духовную пищу для русского сознания и русской мысли. Эту задачу мы будем проводить неуклонно, пока будут хоть малейшие технические и политические возможности. Заговорить на чужом языке не может заставить нас никакая сила в мире».

В последних словах Солоневича содержится намёк на то, что его пытаются заставить «говорить по-немецки». Министерство пропаганды было не прочь привлечь русского публициста к воспеванию побед на Западе. Но Иван на это не откликнулся.

Летом 1940 года журнал «Родина» перестал выходить «по обстоятельствам военного времени». Отсутствие печатной трибуны катастрофическим образом сказалось на связях Солоневича со «штабс-капитанскими» организациями. Как вспоминал позднее Левашов, «война нанесла серьёзный удар всему „штабс-капитанскому“ движению в целом. Многие группы его членов (после войны) попали за железный занавес, не успев покинуть захваченные Советами страны. Другие — прекратили свою деятельность, продолжение которой стало невозможным в условиях военного времени. По злой иронии судьбы, немало „штабс-капитанов“ попало в тюрьмы и концлагеря союзников по клеветническим доносам, обвинявшим их в сотрудничестве с Иваном Лукьяновичем, которого клеветники изображали как немецкого агента, в то время как он сам находился в ссылке как „ненадёжный иностранец“»^[163].

В предвоенное время в Русском Зарубежье многие умы занимались разработкой планов будущей «реорганизации» России. Иван Солоневич не без иронии вспоминал об этом:

«В Берлине у меня был такой знакомый — тоже писатель проектов, А-р. Самое скверное заключалось в том, что был он замечательно милым человеком. У него был проект переустройства России на началах графизма. Поэтому его письменные проекты изобиловали схемами: круги, кривые

эллипсы, параболы и гиперболы. Круги должны были как-то вращаться, — и если они будут вращаться правильно, так, как требуется истинными принципами графизма, то это ему, графизму, принадлежит „грядущая эра“. Отделаться от автора, графизма и эры не было никакой возможности. Генерал А. Туркул тоже было чуть не пал жертвой в борьбе роковой. Но он закрывал глаза — чтобы внимательно выслушать истины графизма и часа два-три спал совершенно спокойно, не тревожимый ни параболками, ни эрами: у генерала А. Туркула был большой боевой опыт... У меня его не было. Господина А-ра мне пришлось просто выставить вон».

Но и сам Солоневич хотел сконструировать модель будущей «Национальной России». Идею государственного устройства будущей России он первоначально изложил в форме «Политических тезисов Российского народно-имперского движения»^[164]. Базовая глава этого солидного труда — «Русский национализм». Всё остальное идёт как бы в развитие: «Монархия», «Православие», «Правящий слой», «Служилый слой», «Право собственности», «Хозяйство и планы», «Армия», «Крестьянство», «Рабочий вопрос», «Самоуправление» и т. д.

По мнению автора, «идея всякого национализма есть идея, объединяющая и воспитывающая нацию к исполнению её исторической миссии на земле. С этой точки зрения — шовинизм есть дурное воспитание нации. Космополитизм — отсутствие всякого воспитания. Интернационал — каторжная работа нации для чуждых ей целей». Для Солоневича русский национализм неразрывно связан с православием, его христианским и православным мироощущением. Он подчёркивает: «Вне религиозной основы не может быть обоснован никакой национализм, как не может быть обоснована и никакая этика. Русский национализм без православия есть логическая нелепица».

Единоличная наследственная монархическая власть — не менее важная составляющая часть русского национализма. Она оформляет нацию «государственно».

Один из ключевых моментов «Политических тезисов» — недопустимость эксплуатации человека человеком в новой России. Сословия, классы и касты должны быть ликвидированы: «Никаких „пролетариев“ и „буржуев“, никакого деления на „белую“ и „чёрную“ кость». Вместо этих понятий Солоневич выдвигает понятие государственной службы, «подчинения частного интереса интересу общенациональному». Фактически он предложил замену сословно-классового строения государства на корпоративное. При таком строе, пояснил Солоневич, «каждый русский занимает в нации то или иное положение только и в

зависимости от своих личных качеств и своей личной работы — безо всякой оглядки на родословные и капитал».

Полемично звучит вывод Солоневича о том, что не стоит во всех несчастьях России искать результат внутренних и внешних заговоров. Слова Солоневича о реальных виновниках этих несчастий актуально звучат и в наше время:

«Русский национализм обладает достаточной долей мужества, чтобы все собственные ошибки отнести на свой собственный счёт — и не взваливать их ни на чьи чужие плечи — масонские, немецкие, еврейские, английские, японские и какие угодно. Там, где мы терпели поражения, мы терпели их только и исключительно по своей собственной вине. Слабость есть величайший грех, который может постигнуть нацию или национальную идею. И расплата за грех слабости является неотвратимой расплатой, где бы эта слабость ни проявлялась. Большевицкая революция есть расплата за наши человеческие грехи, накопившиеся в течение двух веков».

Исследователи называют «Тезисы» первым конспективным изложением «Народной Монархии», главного концептуального труда Ивана Солоневича.

Агент НКВД «Экис», сентябрь 1940 года:

«В Берлине распространяется брошюра Владимира Карловича Аргенландера, активиста белоэмигрантского движения. По содержанию этот труд — точная копия взглядов Солоневича и К°, разница лишь в том, что автор озабочен созданием Соборной народной монархии, а Солоневич сам хочет быть диктатором. Аргенландер считает, что после войны с Германией Россию ожидает анархия. Этим хаосом автор брошюры и его друзья надеются воспользоваться, чтобы восстановить монархию во главе с сыном покойного великого кн. Кирилла Владимировича. По оценкам Аргенландера, „эмиграция разгромлена: у неё нет территории, нет платформы, все перегрызли и перессорились, живут прошлым“.

У эмиграции есть сейчас один вождь — Иван Солоневич. В момент анархии в России за ним пойдут все, как один человек. В Советском Союзе он намерен опираться на многотысячную армию, сидящую в лагерях. Рядом с ним — генерал Бискупский и Мельский. Вокруг этого центра никто не группируется в данный момент, но он пользуется огромной популярностью среди всех белоэмигрантов. Правда, есть опасения, что большевики могут покончить с Солоневичем, как они покончили с Миллером. Этим и объясняется скрытность его существования. Напрямую

в России сейчас ничего нельзя сделать, ни через посольства, ни через эмиссаров. Все моментально попадают, контрразведка НКВД работает блестяще.

Бискупский и Меллер (люди очень нестойкие, продажные) поставлены Гитлером как бы руководителями всей эмиграции. У них широкие полномочия. Им, в общем-то, немцы доверяют. Например, по рекомендации Бискупского был взят на работу в Гестапо Павел Петрович Жемчужин. Аргенландеру — этому полному ничтожеству — дали место на военном заводе. Он занимается кадрами — кого оставить, кого отправить на фронт и т. п. Сейчас эмиграция, даже её верхушка в лице Солоневича, который считается практиком, не думает предпринимать чего-либо решительного. Надо ждать действий Гитлера, окончания войны, развала Сов. Союза. Но армия из бывших кадровых офицеров есть, есть вожди, Царь. Немцы расчищают дорогу, за ней хлынет Русское Зарубежье. Вот она — чёткая концепция современной эмиграции.

В русских церквях в Германии молятся о здравии Гитлера и о ниспослании всем его врагам бед земных и небесных. Вообще, церковь — это единственное место, где эмиграция приобретает брошюры и газеты, нелегально читает лекции, содержание которых не просмотрено предварительно немецкими властями. Брошюры и журнал Солоневича распространяются во время церковных служб. Вся эмиграция ударилась в религиозность, церкви всегда переполнены, и вести всяческую агитацию весьма легко».

Изредка через общих знакомых до Ивана доходили сведения о жизни брата. Борис работал в Антверпене представителем «Нового слова», имел официальную немецкую карточку журналиста, которая открывала ему много дверей, обычно закрытых для русских. В предвидении «грандиозных мировых событий» Борис выучил немецкий язык. Он считал, что весной 1941-го «мордобой» между русскими и немцами будет почти неизбежным. По его оценкам, одна из причин — экономическая: Германия получила только 10 процентов того, что Советский Союз обещал поставить, и это стало источником серьёзных трений. Борис полагал, что Германия стоит перед двумя возможностями накануне войны на Востоке: воевать, завоёвывать, грабить и — поддерживать свою власть штыками. Или же — воевать, вызвать и поддержать национальную революцию и войти в союз с национальной Россией. Борис мечтал, что немцы склонятся ко второму варианту действий.

Он жаловался знакомым, что русские в эмиграции боятся заниматься

самой невинной политической работой, хотя время требовало активной подготовки к любым неожиданностям.

В материальном плане жизнь Бориса из-за его бытовой безалаберности так и не наладилась: он «выкручивался», не более того. Кое-какие гонорары он получал из «Нового слова». Но книги его в Германии продавались с трудом. Впрочем, в 1940 году Борис писал мало, поскольку, как он сам говорил, его захлёстывали мировые события, не давая сосредоточиться. Как рассказал Ивану один из ездивших в Антверпен друзей, бытовые условия Бориса были не лучше «собачьих»: в его комнате царили холод, грязь, беспорядок. В одном углу — куча бумажного мусора, в другом — над газовой плитой — протянута верёвка и сушатся носки. Сам он ободраный, заштопанный, ноги обёрнуты в бумагу для сохранения тепла. Жаловался на отсутствие картошки и подходящих ботинок. Собеседник Ивана признался, что подарил Борису свои — несколько поношенные, но всё ещё крепкие. Борис был очень доволен этим «презентом».

В середине декабря 1940 года Ивана Солоневича посетил на квартире «в порядке надзора» (Stierstrasse, 16, 3-й этаж, дверь направо^[165]) очередной курирующий сотрудник гестапо. Он должен был выяснить, чем занимается один из лидеров русских эмигрантов в Германии, доволен ли своей жизнью, какие строит планы на будущее, имеет ли претензии к национал-социалистическому режиму.

Иван встретил визитёра в дверях, окинул его взглядом: немец был в штатском, выше среднего роста, плотный, с крупной головой, словно втянутой в плечи. Особой его приметой был приплюснутый, как у боксёра, нос. Солоневич не удержался, спросил: не был ли тот боксёром. «Нет, не был», — прозвучало в ответ.

Как написал позднее гость в своём служебном отчёте, Иван был в раздражённом состоянии духа, говорил, что настало время покинуть Германию, хотя он ещё не решил, — куда именно податься. Вероятнее всего, — в Финляндию, — заметил он, — где у него появились родственники. Солоневич с возмущением рассказал о том, как он был арестован его, визитёра, коллегами. Это произошло за три дня до приезда в Берлин советского министра иностранных дел Молотова^[166]. К Солоневичу приехали на квартиру, «взяли под локотки» и отвезли в тюремную камеру. В гестапо ему «объяснили», что это делается в его же интересах: мол, если что случится с Молотовым, то первое подозрение падёт именно на него, Солоневича. Он не раз выступал с угрозами в адрес советских

политических деятелей. Поэтому, мол, в его же, Солоневича, интересах посидеть «в изоляции». Если с Молотовым что-то случится, то претензий к нему, Солоневичу, не будет. Сразу станет ясно, что покушение совершили другие.

Вместе с Солоневичем превентивно сидело несколько десятков украинцев из националистических организаций, главным образом студентов.

Следующая беседа с куратором состоялась 31 января 1941 года в здании гестапо. Вспомнили о софийском покушении и гибели Тамары. Иван сказал, что после долгих раздумий пришёл к выводу, что бомбу ему всё-таки подбросили не большевики, а «внутренняя линия» РОВСа. Гестаповец с этим не согласился. Сказал, что его учреждение (в порядке оказания помощи болгарам) занималось этим вопросом, чтобы в будущем застраховать своих людей от подобных акций со стороны Советов.

— Бомба была снаряжена в Советском Союзе, — категорично заявил немец.

Иван спорить не стал, сменил тему, сказал, что при всех условиях в случае приближающейся войны с СССР надеется встать в ряды политических руководителей Русской национальной армии.

Гестаповец не обратил внимания на слова о «приближающейся войне». Его заинтересовало другое. Он спросил со скептической улыбкой:

— О какой русской армии вы говорите? О той, которая будет создана на основе Красной армии? С нашей точки зрения, вряд ли это осуществимо.

Немец взял одну из папок, положил перед собой:

— Это перевод вашего труда о будущей России, «Политические тезисы Российского народно-имперского движения». Мне они показались демонстративно полемическими. Прямо скажу, что по своей направленности они ни в чём не совпадают с германскими интересами.

Немец перелистал перевод, нашёл нужное место и стал читать вслух:

— Основной добродетелью нации является сила. Основной добродетелью национальной идеи является тоже сила. Там, где нет силы в нации, — бывает Уругвай...

Немец прервал чтение, спросил:

— Почему именно Уругвай? Можно было бы назвать страну поближе, Чехословакию или Польшу...

Он вновь опустил глаза:

— Сила, основная и величайшая доблесть нации, в нашем русском случае может быть только православной силой, то есть силой,

направленной не к господству, а к служению, не к подавлению, а к помощи, не к эксплуатации, а к дружбе. Русская сила — не сила разбойника и бандита, а сила работника и отца... Вне этой концепции — русской силы не может быть. Россия сильна только в том случае, если она следует законам своего — а не чьего-нибудь чужого — национального бытия...

Гестаповец изучающе посмотрел на Солоневича:

— Не думаю, что в интересах Германии иметь в близком соседстве конкурирующую силу. Тем более Красную армию, которую вы надеетесь идеологически перевоспитать, снабдить самым передовым вооружением и превратить, как вы пишете, «в орудие защиты от внешних врагов». Европа сейчас — это Германия! Ваши тезисы не назовёшь многообещающими для наших будущих европейских отношений...

Немец попытался выяснить у Солоневича, кого он имел в виду, когда написал «гений в политике — это хуже чумы»:

— Поступило анонимное сообщение, что вы, герр Солоневич, имели в виду фюрера...

При этом гестаповец неодобрительно покачал головой...

В статье «Миф о Николае Втором» Солоневич так рассказал об этом эпизоде своей жизни:

«В своё время я изрёк некую истину: „Гений в политике — это хуже чумы“. В те времена эта истина была сообщена почти без доказательств. Несколько позже по поводу неё меня свирепо допрашивали в Гестапо: кого это я, собственно, имел в виду? Я отвечал невинно: конечно, Сталина. Ещё позже я пытался обосновать эту истину так: гений — это человек, выдумывающий нечто принципиально новое. Нечто принципиально новое, естественно, входит в конфликт со всем, что называется „старым“. Но так как жизнь человеческого общества базируется на целой сумме старых навыков, верований, традиций и чего хотите ещё, то гению остаётся одно: попробовать сломать „косность среды“ методами вооружённых доказательств. Из этого никогда ничего путного не выходило».

Вот, для сравнения, ещё одна версия этого эпизода в интерпретации Солоневича в работе «Диктатура слоя»:

«В одной из своих статей я обронил фразу, которая мне впоследствии, в Германии, дорого обошлась: „Гений в политике — это хуже чумы“.

Гитлер, говорят, принял это на свой счёт, и мне пришлось объяснять в гестапо, что я имел в виду только гениев марксизма. И что вообще — нельзя же придирается к парадоксу! Но это всё-таки не парадокс. Гений в политике — это человек, насильственно нарушающий органический ход развития страны во имя своих идеалов, своих теорий или своих вождельний

— не идеалов массы — иначе масса реализовала бы эти идеалы и без гениев, время для этого у массы есть. Несколько гиперболически можно сказать, что „гений“ врывается в жизнь массы, как слон в посудную лавочку. Потом слона сажают на цепь, а владелец лавочки подбирает черепки. Если вообще остаётся что подбирать. Потом приходят средние люди, „масса“, и чинят дыры, оставшиеся после слоновьей организации Европы или мира».

В начале июня 1941 года куратор вновь встретился с Солоневичем, который не отказался от планов переезда в Финляндию или Соединённые Штаты. С видимым оживлением Иван упомянул о том, что долгое время безнадежно пытался добыть средства на публикацию рукописи «Возрождение империи» и вот, кажется, лёд двинулся: в секретариате Геббельса Солоневичу сообщили, что министр дал указание выделить необходимые средства на издание книги (война с Советским Союзом стремительно приближалась, обещать можно было всё, что угодно).

Гестаповец выразил сомнение в том, что подобная книга может быть напечатана в условиях рейха:

— Ваша идея утопического монархизма — это всего лишь красивая сказка, беспочвенная фантазия эмигранта. Возможности для её реализации не будет, тем более после этой войны.

В изложении Ивана последнее слово в этом споре всё-таки осталось за ним:

— Вы, герр Солоневич, как культурный человек должны понять, что мы, немцы, ни в каком случае не можем допустить восстановления монархии в России — вы и сами понимаете почему.

Я (скромно и застенчиво):

— Мы, видите ли, тысячу лет обходились без немецкого согласия — вероятно, обойдёмся и дальше!

Недругами Солоневича (при его жизни) и «идеологически ориентированными» исследователями-биографами (после смерти) упорно поддерживалась версия о его тайных и явных связях с заправками Третьего рейха, добровольных «советнических услугах» и прочих неблаговидных деяниях, несовместимых со сложившимся обликом национально мыслящего публициста, защитника русской монархии. Можно с уверенностью сказать, что Солоневич не изменял России и всегда в силу возможностей пытался воздействовать на «германцев», предупреждая их, что агрессивные планы в отношении СССР потерпят крах, потому что направлены на уничтожение «Национальной России» и превращение

русских в германских рабов.

Нужно отметить, что Солоневич, подводя итоги своего германского периода, считал свой переезд в Третий рейх «огромной ошибкой». Правда, иного выбора у него не было, западноевропейские демократии не хотели принимать у себя человека, вызывавшего очевидную ярость Сталина. Свою роль в переезде отца и сына Солоневичей в Германию сыграла кампания против них, начатая агентами НКВД в Финляндии и продолженная «широким веером» в странах Западной Европы, а также в местах русского рассеяния. Компрометирующие Солоневичей фальшивки были подхвачены в эмиграции теми силами, которые видели в братьях угрозу своему прежде безраздельному влиянию на Русское Зарубежье. Концентрические круги от этой провокации до самого последнего дня преследовали Ивана Лукьяновича. Он с горечью писал в статье «Восемь лет», опубликованной в первом номере «Нашей страны» (БуэносАйрес, 1948 год):

«„Социалистический вестник“ называл меня „кандидатом в русские Геббельсы“, мечтающим о никогда не существовавших временах царя-Гороха. Орган упомянутого царя — белградский „Царский вестник“ с редкой изысканностью писал: „Солоневич, может быть, и не агент ОГПУ, но он хам и подлец“. Основатель сегодняшней солидаристской партии проф. Георгиевский называл меня поочерёдно то агентом ГПУ, то агентом гестапо. И всё обещал „представить документы“... Польская пресса скромно и деловито заявила, что я агент ГПУ и, кроме того, заядлый враг независимой Польши. Немецкая партийная пресса посвящала мне целые полосы, обзывая меня врагом Германии и „Judenfeund“... А наши социал-демократы уже во время войны объявили меня правой рукой Геббельса. Так создаётся слава мира».

Что действительно было, так это то, что Иван Солоневич пытался «образумить», направить на «путь истинный» нацистских бонз.

Вот как вспоминал об этом Юрий:

«В 38-м году, когда мы туда попали, батя написал меморандум Гитлеру — 36 страниц, в котором он предсказал будущее до такой степени точно, что жутко становится. В нём он сказал: много было таких, которые пытались Россию завоевать, — ничего у них не вышло. И не вышло потому, что они совершали всегда одну и ту же ошибку: они были против русского народа. Если бы они поставили на сторону русского народа, то и тогда было бы трудно, но хоть бы был шанс. А воевать против русского народа это значит, что вы будете идти до Владивостока, и на пути каждый куст будет стрелять. И на каждом мосту придётся оставлять часовых. А конец будет — наполеоновский.

Мы даже не знаем толком, читал ли его (меморандум. — К. С.) Гитлер или нет. Однако Гиммлер, например, понимал, что немцев просто не хватит, чтобы завоевать всю Россию. Батяка считал, что если уже ничего в немецкой политике изменить невозможно, то нужно хотя бы постараться розенберговскую линию как-то подавить. Поэтому он старался немцам объяснить, что антирусское направление приведёт к поражению».

Если следовать подсказке младшего Солоневича, меморандум отца был написан и направлен Гитлеру в первые месяцы их пребывания на немецкой земле, вероятнее всего, в июне — июле 1938 года. В сентябре Иван Солоневич опубликовал брошюру «Россия и гитлеризм». Содержание её может пролить определённый свет на то, что думал Солоневич о «совместимости» этих двух понятий и пригодности гитлеризма как идеологии для применения на русской почве. Его брошюра так и начинается:

«Обе России — и подсоветская, и зарубежная — бьются в поисках новой творческой идеи. Той идеи, которая должна прийти на смену уже выродившемуся коммунизму и которая должна лечь краеугольным камнем в будущее здание нашей родины».

Какова же, по мнению Солоневича, эта новая проверенная творческая идея? Он отвечает без оговорок:

«Для большинства русской эмиграции эта проверка уже сделана. И это большинство, при всех его колебаниях относительно Германии как внешнеполитической силы, всё-таки склоняется к фашизму как внутритворческой силе. Делается оговорка о том, что предпосылки итальянского и германского фашизма должны быть изменены в зависимости от наших чисто русских особенностей и приноровлены к нашему неповторимому в истории национальному бытию».

И далее: «Национал-социализм — это не угроза культуре, а это защита этой культуры от большевицкого варварства. Это передовой; участок общемирового антикоммунистического фронта... Гитлер спасает Европу от коммунизма... Это просто передовой окоп»...

Необходимо отметить, что в таком взгляде на фашизм Солоневич не был оригинален. В русской эмиграции многие считали, что фашизм не только стал бастионом против наступления «левого тоталитаризма», но и по-своему «искал справедливых социально-политических реформ», по выражению русского философа Ивана Ильина.

Каковы же отстаиваемые Солоневичем предпочтительные пути и образцы для развития будущей России?

Солоневич, не без оговорок, высказывается за подобие гитлеровского режима, который, по его оценке, «является наиболее демократическим». Он мотивирует этот тезис так: «Этот режим ведь не ставит своей ставки ни на аристократию, ни на наследственное дворянство, ни на финансовый капитал и не на буржуазию вообще. Он ставит свою ставку на народные массы Германии, иначе говоря, на её демократию... Нет классов, нет сословий, есть только немцы, работающие каждый на своём участке и заслуживающие уважения только в зависимости от своей работы».

Должно ли тревожить русскую эмиграцию военно-политическое усиление гитлеровской Германии? Солоневич согласен, что должно: «В известной степени усиление Германии опасно и для нас». Если всё-таки германо-советская война будет развязана, то, по прогнозу писателя, послебольшевистская Россия «за воссоздание своего единства и своей мощи будет драться, если нужно, десятилетиями, а если придётся, то и веками. Это очень невесёлая перспектива. Но она невесела для обеих сторон».

Имеются ли у эмиграции шансы для предотвращения столь нежелательной перспективы? Солоневич весьма осторожен в ответе:

«Очень плохую услугу обеим сторонам оказывают те люди, которые толкают Германию к этой перспективе. В числе этих людей есть много русских. Эти русские, сами того не ведая (а может быть, и ведая) кладут очень увесистые гири на антирусскую чашу весов. По существу, „русский вопрос“ в Германии ещё не решён. Есть разные высказывания, и есть разные точки зрения, но окончательной линии ещё нет. И в каком именно виде она сложится — неизвестно»...

Какие силы из русской эмиграции, по мнению Солоневича, наносят вред интересам России и каким образом?

«Товарищи младороссы из второй советской и, рассудку вопреки, монархической партии, вероятно, думают, что делают большое русское дело, когда на всех перекрёстках обливают грязью Германию и с бесстыдством, находящимся в полном соответствии с моральным уровнем первой советской партии, пропагандируют красу и мощь „нашей доблестной красной армии“...

Другие дяди, ошарашенные большевизмом, метнулись совсем в другую сторону. Один из наших бывших столпов отечества, ныне подвизающийся в той же Германии, несёт публично такую ахинею, что даже немцам, и тем слушать, хоть, может быть, и лестно, но неудобно. По его концепции, Россию построили немцы. И так как русские сами по себе править не могут, то вот на смену немцам пришли жидаы. Жидаы оставили

от России пустое место. Религии нет, морали нет, работать никто не хочет, всё разложилось и выродилось. Вместо России — пустое место. Но если пустое место, то совершенно ясно — почему бы им не владеть. Природа не терпит пустоты, а политика и тем паче. И вот целый ряд русских людей снабжает немцев заведомо неверной информацией, заваливает немецкие учреждения заведомо подлыми доносами»...

Каков, по мнению Солоневича, его собственный вклад в дело недопущения военного столкновения Германии и России?

«Я же думаю, что я делаю гораздо большее русское дело, когда устно — десяткам тысяч и письменно — миллионам немцев напоминаю, например, о завете Бисмарка вечной дружбы с Россией и о том, что за нашей спиной имеется тысяча лет нашей истории и двести лет нашей империи, и что мы совсем не сапогом сморкаемся, что мы вовсе не такие плохие организаторы, как это можно думать, и что, например, организовать пути сообщения через горы, степи, тайгу и болота, заносы и половодья на пространстве одной шестой части земной суши — это совсем не так просто, как пустить поезд-молнию из Гамбурга в Берлин»...

Самобытность России, её истории и пути в будущее — вот о чём должны помнить все её граждане:

«Наши протесты против попыток напялить на русскую спину пиджак с чужого плеча имеют глубочайший религиозно-национальный смысл: они не продиктованы „полемикой“. Мы считаем, что даже и те методы национально-государственного строительства, которые в других моральных условиях и по-иному одарённых народов дают современные успехи, — будучи применимы к нашим моральным условиям и к по-русски одарённому русскому народу — дадут результаты катастрофические. Мы считаем, что всякие попытки навязать русской истории нерусские государственные системы, вызванные к жизни задачами внешней торговли и задачами внешней политики (на противоположных полюсах — Англия и Германия), являются новыми попытками замутировать и отравить истоки русского религиозно-национального и государственно-творческого инстинкта и сознания. С этими попытками мы боролись, боремся и будем бороться, откуда бы они ни исходили. Россия — сама по себе. Ничего доброго от заграничных идейных импортёров мы до сих пор не видали — и не увидим».

Несмотря ни на что, прогноз Солоневича для России оптимистичен:

«...Необходимо во всём, что мы говорим, и во всём, что мы делаем, помнить о тысяче лет нашей истории, о тех дырах, в которых мы сидели и из которых мы всё-таки выбрались, помнить о страшной мощи нашего

народа, великого и в несчастий, — и всеми делами, всеми помыслами нашими утверждать нашу великую и ничем непоколебимую волю к жизни и творчеству... Российская Империя будет отстроена именно потому, что эта воля осталась непоколебленной».

Когда стало ясно, что война Германии с СССР неизбежна, русская эмиграция раскололась на два лагеря спорами об исходе грядущего столкновения. Та часть, которая прогнозировала победу нацистов, была значительно большей. «Кто из живших в Германии в 1939 году верил в то, что немцам „набьют морду“? — писал Юрий Солоневич. — Помню его (отца. — К. С.) споры — иногда ожесточённые — с ген. Бискупским, с Меллером-Закомельским, с „ручными немцами“, со мной. В начале Советской войны я сам чуть не влез в форму „зондерфюрера“. Помню, я к тому времени в окончательную победу немцев тоже уже не верил, но я считал, как считали миллионы других, что не могут же немцы быть уж совсем окончательными дураками! Что они поставят русскую армию, „мы“ разобьём Советы, а там уж будем посмотреть... „Дураки, — говорил батька, — окончательные!“ Доказательств у него не было. Или были, но не выдерживавшие зондерфюреровской критики. Он туманно ссылаясь на Моммзена, на „дранг нах остен“^[167]. Прижатый к стенке, говорил: „Я так чувствую“. В июле первые сомнения стали заползать в мою мятущуюся душу. Я решил повременить. В августе стало ясно мне, а в сентябре и октябре последнему остовцу: дураки, и притом — сволочь»^[168].

Подоплёку не слишком благозвучного слова «сволочь» раскрывает один из эпизодов берлинской жизни Ивана Солоневича. Связан он с двенадцатилетней соседкой по дому, немецкой школьницей, которую писатель назвал «белокурой Валькирией». Она нередко приходила в гости к Солоневичам, причём всегда с определённой «потребительской» целью. У Ивана — для подкрепления сил во время литературной работы — на столе всегда была плитка шоколада. Валькирия приходила полакомиться и попутно рассказывала о своих школьных делах. Была она членом гитлерюгенда и получала азы подготовки в нацистском духе.

Она-то и рассказала Солоневичу, что учит английский язык, потому что «мы будем управлять Англией». Тема заинтересовала писателя, и он спросил:

— А Россией вы тоже будете управлять?

— И Россией тоже, но в Россию Минна поедет; только там русского языка не будет, так что Минне хорошо, не нужно его учить.

Солоневич поговорил с отцом Валькирии о странных идеях в голове его дочери, но отец, почтенный директор школы, понял его превратно и заверил, что причин для беспокойства нет:

— Таких *приличных* русских... мы, немцы, обижать не собираемся, тем более что вы уже живёте в Германии и можете рассматриваться как лицо, заслуживающее германского доверия.

В книге «Диктатура слоя» Солоневич написал в 1946 году, «по горячим следам событий»: «Если бы Гитлер проявил хоть чуть-чуть больше догадливости, — Красная армия перестала бы существовать уже в 1942 году. Она перебежала бы (перешла бы) на сторону любого русского, но антибольшевистского правительства».

Призывы Солоневича к благоразумию никакого воздействия на гитлеровское руководство не оказали. По мнению писателя-публициста, расовая философия, культ арийца-сверхчеловека, а также стремление к захвату территорий на Востоке стали *idée fixe* не только военно-политического и чиновничьего аппарата Германии, но и немецкого обывателя. Восприимчивости к предостережениям Солоневича не проявил никто.

Критическая позиция, занятая Солоневичем в отношении германского похода на Восток, поставила точку на попытках нацистских функционеров различного калибра использовать его в качестве «знакового» пропагандиста «из русских», оправдывающего германскую войну против Советского Союза. Иван после многих безуспешных попыток «вразумления» нацистов отказался от этого, понимая, что их терпение на исходе. Об этой ситуации он написал в статье «Философия политики»:

«Вот пошёл бы я, допустим, к Гиммлеру... и сказал бы ему:

„Хайль Хитлер, майн хальбфюрер; я преодолел свои монархические националистические русские убеждения и, вот, готов стать под ваше начало“, — то Гиммлер, конечно, ни на копейку мне не поверил бы... Ни одного живого слова мне не дали бы сказать. Ибо всякое живое слово, всякое слово, которое могло бы нести жизнь России, — было петлёй для Германии и для Гитлера».

В мае 1947 года, подытоживая свою эпопею в Третьем рейхе, Иван Солоневич писал: «В Германии же дела сложились так: разгром её был для меня вне всякого сомнения. Но точно так же была, вне всякого сомнения, полная невозможность какого бы то ни было приятия коммунизма. Оставалось следовать Блоку:

Не сдвинуться, когда коварный гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города и в церкви гнать табун,
И мясо белых братьев жарить.

Ах, — вы этого хотели, — попробуйте и на своей шкуре! Мне оставалось одно: не лезть никуда и советовать эмиграции делать то же самое: по меньшей мере не помогать немцам, ибо они всё равно будут разбиты. Это было, конечно, „пораженческой пропагандой“, да ещё и во время войны. Уже в 1939 году мои книги были запрещены. Потом меня посадили, потом выслали в ссылку в Померанию, под надзор полиции».

Накануне нападения Германии на Советский Союз немцы в лице Альфреда Розенберга и его референта по русским делам Георга Лейббрандта прикидывали, кого можно сделать главой антибольшевистского русского правительства. Наиболее подходящей кандидатурой после Солоневича им казался Борис Бажанов, который зарекомендовал себя в период советско-финляндской войны как последовательный враг большевизма и сталинского режима. Не исключено, что положительную оценку его «организационным способностям» дал нацистам сам маршал Маннергейм. По «запросу» Розенберга в середине июня 1941 года Бажанов был разыскан в оккупированном Париже и доставлен в Берлин. Немцы хотели присмотреться к нему, понять, подойдёт ли он на столь ответственную роль. Будет ли управляемым?

Разговор Бажанова с Розенбергом и его помощником Лейббрандтом шёл на русском языке, «эксперты» по России владели им почти в совершенстве. Интерес их сосредоточился на специфическом вопросе: как поведут себя советское правительство и партийная верхушка, если завтра начнётся война. Как вспоминал Бажанов, после нескольких подобных вопросов он ясно понял, что война с Советами — вопрос дней. Свою догадку он высказал собеседникам и спросил:

— Каков ваш политический план войны? Собираетесь ли вы вести войну против коммунизма или против русского народа?

Розенберг попросил разъяснить суть вопроса.

Бажанов разъяснил:

— Если вы будете вести войну против коммунизма, то есть чтобы освободить от коммунизма русский народ, то он будет на вашей стороне, и вы войну выиграете; если же вы будете вести войну против России, а не

против коммунизма, русский народ будет против вас, и вы войну проиграете.

Розенберг ответа о «политическом плане войны» не дал, сославшись на то, что это решение может принять только фюрер. Бажанов ему не поверил, считая, что это не более чем отговорка, нежелание раскрыть перед русским истинные цели войны. Правда, через два месяца он услышал от Лейббрандта версию, казалось бы, подтверждавшую слова Розенберга. В первые дни войны только что назначенный министр оккупированных восточных территорий пришёл к Гитлеру и предложил такие варианты освоения приобретённых земель:

— Мой фюрер, есть два способа управлять областями, занимаемыми на Востоке, первый — при помощи немецкой администрации, гауляйтеров; второй — создать русское антибольшевистское правительство, которое было бы и центром притяжения антибольшевистских сил в России.

Ответ Гитлера был безапелляционен:

— Ни о каком русском правительстве не может быть и речи. Россия будет немецкой колонией и будет управляться немцами.

После месяца «почётного плена» в Берлине и споров с Лейббрандтом о ходе и конечных результатах войны (Бажанов предсказывал поражение Германии, несмотря на начальные успехи немцев) личному секретарю Сталина разрешили вернуться во Францию с условием, что он не будет заниматься политикой. На роль подставного руководителя Бажанов явно не годился: его позиция для нацистов была неприемлема. До конца войны Бажанов «спокойно жил в Париже, занимаясь физикой и техникой». В какой-то мере это подконтрольное «парижское сидение» Бажанова было аналогично «ссылке» Солоневича в Померании, куда он был отправлен нацистами в том же 1941 году.

Перед тем как покинуть Берлин, Бажанов встретился на квартире известного «бомбиста» Ларионова с руководителями «новопоколенцев» Поремским, Рождественским и другими, которые «просочились в Берлин, желая проникнуть в Россию вслед за немецкой армией». Бажанов пытался отговорить их от этой затеи, назвав её безнадёжной, обречённой на провал, потому что сопротивление на оккупированных территориях будет расти, возникнет партизанское движение, и в итоге советская власть вновь подчинит себе население. «Ничего сделать нельзя!» — таким был вывод Бажанова. «Новопоколенцы» к его совету не прислушались, решив идти с немецкой армией в Россию.

К тому, что «новопоколенцы» оказались в Берлине, приложил руку редактор «Нового слова» Владимир Деспотули. В мае 1941 года он (по

инициативе Лейббрандта!) посетил Белград, где встретился с членами Исполнительного бюро НТСНП и передал им предложение «несогласных с Гитлером кругов в Германии» об установлении «негласного сотрудничества в деле решения русского вопроса». Деспотули заявил, что эти круги считают «новопоколенцев» единственной политической организацией русской эмиграции, с которой можно иметь дело. Ходатайство Деспотули в НТСНП обсудили и после всех «за» и «против» приняли. В июле — августе 1941 года в Берлин выехала первая группа руководства партии.

Лейббрандт встречался с ними на полуконспиративной основе, пытаясь составить исчерпывающе полную картину подходов различных политических течений русской эмиграции к будущему политическому устройству России, их отношения к «германскому фактору». «Новопоколенец» Борис Прянишников вспоминал, что после переезда в Берлин исполнительного бюро НТСНП Лейббрандт с помощью Деспотули установил личный контакт с В. М. Байдалаковым. Его прогноз в отношении войны на Востоке был также неутешительным для Германии: «Третий рейх потерпит поражение, если не использует против Сталина антикоммунистические настроения подсоветского населения».

Вслед за руководителями партии в Германию потянулись и рядовые «новопоколенцы». Лейббрандт и его сторонники, пытавшиеся нащупать более гибкий курс германской политики на Востоке, исподтишка проводили свою собственную «восточную политику» и потому «попустительствовали» «новопоколенцам» в беспрепятственной переброске кадров на оккупированную территорию Советского Союза. Всего на Восток было переправлено около 250–300 «новопоколенцев», которые получили возможность на деле проверить свои программы по внедрению партийных доктрин в «подсоветскую» среду.

С ведома Лейббрандта при редакции «Нового слова» было создано своего рода «редакционное совещание», которое выступало как негласный русский центр по координации и взаимной информации. Членами его стали В. Деспотули, его помощник И. Перов, В. Байдалаков, В. Поремский, К. Вергун, С. Рождественский, А. Казанцев и Д. Брунст. Вспоминая о тех днях, Борис Прянишников отметил, что на одном из первых заседаний «совещания» обсуждались вести, привезённые Розенбергом из ставки Гитлера. Их рассказал Деспотули «под строжайшим секретом» сам Лейббрандт, но редактор «Нового слова» не выдержал, поделился услышанным с членами «совещания»:

«Безумный фюрер требовал разгрома всего русского. Его „рихтлиниен“ предписывали такие меры, как закрытие всех высших и

средних учебных заведений, уничтожение библиотек, отбор из советских пленных здоровых белокурых парней для оплодотворения немецких вдов с последующим их уничтожением после начавшейся беременности и передачей родившихся детей в государственные детские ясли».

По словам Деспотули, «Лейббрандт и многие чины Остминистериум пришли в ужас от этих диких затей Гитлера».

Не менее сильные эмоции эта информация вызвала у членов «совещания». Но решения «идти на Восток» они не изменили. Надо было «сосуществовать» с нацистами, проводить свою политическую линию среди советского населения, «доказывать» и тем и другим, что НТСНП является единственной силой, способной действовать в условиях постбольшевистской России.

В «Записках бывшего эмигранта» Дмитрий Брунст честно рассказал о результатах деятельности «новопоколенцев» в России. «Партийная работа» так и не приобрела массового характера, постепенно деградировала и утратила «идейный стержень», чем деморализовала даже проверенные кадры. Сотрудничество с немцами приобретало всё более неприглядный характер. Не напрасно одна из наиболее впечатляющих глав «Записок» Брунста названа «Обслуживание немецкой разведки». Подытоживая наблюдения о походе «новопоколенцев» в Россию, Брунст был предельно лаконичен: «Всё очевиднее становилось, что НТС в долгожданный час встречи с народом, который он мечтал „освободить“, потерпел полную неудачу».

Глава двадцать пятая

ССЫЛКА В ТЕМПЕЛЬБУРГ

Весной-летом 1941 года Иван Солоневич довольно часто посещал мрачное здание неподалеку от Александерплац, где находилась редакция «Нового слова». После закрытия нацистами русских общественно-политических организаций и печатных органов только эта газета оставалась «на плаву».

Главный редактор Владимир Деспотули своей издательской линии не проводил, послушно исполнял указания Министерства пропаганды, пел «осанну» Гитлеру и другим «выдающимся» вождям национал-социализма и очень опасался случайных опечаток, которые могли извратить смысл той или иной публикации и быть интерпретированы цензурой как «сознательный трюк», скрытая форма протеста.

Деспотули не претендовал на роль «русского оракула», отражающего позицию национальных кругов эмиграции. Однако, по наблюдениям Солоневича, контакты с представителями различных политических групп он поддерживал тесные, особенно с «новопоколенцами».

Солоневич догадывался, что немцы имели какое-то отношение к дружбе Деспотули с «новопоколенцами», но в беседах с ним этой темы не затрагивал. Визитами в редакцию Иван пользовался в основном для того, чтобы ознакомиться с последними сводками о боях на Восточном фронте. Внимательно вчитывался он и в публикации Министерства пропаганды, в которых всё откровеннее рассказывалось о грандиозных планах фюрера по установлению «нового порядка на восточных территориях». Солоневич жадно поглощал эти материалы: его мыслительная «топка» нуждалась в постоянном поступлении «горючего».

Слушая Деспотули, который говорил с ним как бы вскользь, *a proposito*, всегда без свидетелей, Солоневич со всё большим разочарованием убеждался в том, что германское руководство остаётся глухим к тем многочисленным проектам, с которыми выступали различные группы русской эмиграции. О содержании этих предложений много позже написал Николай Февр, тогдашний сотрудник «Нового слова»:

«Различаясь между собой в деталях, все проекты в общем сводились к одному и тому же. А именно: образование национального российского правительства в одном из крупных городов, занятых германскими

войсками; признание этого правительства Германией и её союзниками и заключение с ними союза против большевиков; военная и техническая помощь Германии и её союзников национальному российскому правительству. Последнее же, согласно этим проектам, должно было: организовать Российскую национальную армию для борьбы с советской властью; взять в свои руки административное управление областями, очищенными от большевиков, и подписать с Германией экономический договор, который являлся бы для неё компенсацией за помощь в антибольшевистской борьбе»^[169]...

Бронетанковые клинья вермахта рвались на оперативный простор вглубь советской территории. Соппротивление частей Красной армии подавлялось немцами безжалостно, с высокомерным профессионализмом, приобретённым в ходе победоносных «блицкригов» против Польши и западных стран. Военно-пропагандистские органы вермахта вели круглосуточное радиовещание на русском языке, сбрасывали тысячи листовок на отступающие подразделения Красной армии. Листовками были засыпаны прифронтовые города и посёлки. Советских солдат призывали бороться с большевистской властью, уничтожать жидов-комиссаров, сдаваться в плен. В некоторых листовках подчёркивалось, что немецкая армия воюет не против русского народа, а «против коммунизма и его бесчеловечного режима». Первоначально этому верили.

Солоневичи ходили в кинотеатр, расположенный неподалёку от их дома, чтобы посмотреть «Вохеншау» — очередные выпуски кинохроники о боевых действиях «героических солдат фюрера» на Востоке. Сюжеты неизменно повторялись: многокилометровые колонны понурых пленных, сожжённые и исковерканные танки, аэродромы с бесконечными рядами самолётов со звёздами на крыльях, которые так и не вступили в бой, сцены с крестьянскими делегациями, вручающими хлеб-соль немецким солдатам. Отец и сын анализировали содержание официозных газет, репортажи с фронта, надменные интервью немецких генералов с уничижительными оценками «неполноценного славянского противника». Как отметил Юрий, «шапкозакидательские» настроения преобладали.

При всей ненависти отца и сына к советскому режиму кажущаяся лёгкость, с которой части вермахта продвигались к Москве, радостных эмоций у них не вызывала. А ведь Иван Солоневич не раз в своих предвоенных статьях указывал на низкую боеспособность Красной армии, доказывал, что её рядовой и командный состав с готовностью повернёт штыки против «ненавистного» Сталина и его режима, «если завтра война,

если завтра — в поход». Казалось бы, прогнозы Солоневича сбываются, теперь самое время искать путей в Россию, чтобы взяться за установление в ней порядка по тем организационно-политическим проектам, которые неоднократно обсуждались на заседаниях Русского национального фронта. Но нет, такого стремления у Солоневичей не было. Сопровождать крестоносцев рейха в деле «германизации и колонизации» России: что же тогда называть предательством?..

В первые недели «Дранг нах Остен» русская эмиграция в Германии окончательно убедилась в том, что нацистское руководство самым категорическим образом выступает против формирования боевых частей Русской освободительной армии. Впрочем, из «беспроволочного телеграфа» стало известно, что в некоторых звеньях немецкого командования на восточном фронте эти распоряжения зачастую игнорировались: хотя создавать боевые подразделения из советских военнопленных никто из генералов вермахта не решался, но во вспомогательные прифронтовые части пленных рекрутировали тысячами. Может быть, это был первый признак смягчения «вето» Гитлера? Или немецкие военные, демонстративно игнорируя указания фюрера, решили *de facto* вступить в союз с теми русскими, которые ненавидят Сталина и его режим?

Иван вновь встретился с Владимиром Деспотули. Издатель «Нового слова» ничем не порадовал. Он сообщил, что дорога на Восток для эмигрантов прочно закрыта стараниями Розенберга. Даже переводчиками в воинские части и оккупационную администрацию берут только немцев с опытом жизни в России и прибалтов, выходцев из стран-лимитрофов. Деспотули не переваривал «сибарита» Бискупского, но не без сочувствия упомянул о том, как в июле — августе генерал обивал пороги влиятельных кабинетов рейха, чтобы доказать их самодовольным хозяевам, что Германия выбрала ошибочную стратегию в отношении России и русского народа. От него отмахивались. Даже «русофил» Лейббрандт поверил в то, что Гитлер не ошибся и добьётся своего в очередной раз: ещё несколько недель, и Россия прекратит своё существование как независимое государство.

Деспотули был пессимистичен: изменения курса в отношении «недопущения» русских эмигрантов в Россию не предвидится. Антисоветские «заслуги», какими бы они ни были, немцами игнорируются.

— Значит, никаких шансов на прозрение немцев?

Деспотули доверительно придвинулся к Солоневичу:

— Никаких! Поэтому «новопоколенцы» решили пробираться в Россию поодиночке, устраиваться в органы управления и местные газеты, постепенно налаживать национальную работу. Все другие наши пытаются что-то изображать, копошатся, но не более того: и РОВС, и люди генерала Туркула, и...

Продолжать Деспотули не стал, но Солоневич понял, что он хотел сказать «и монархисты»...

В сентябре один из чиновников Министерства оккупированных восточных территорий предложил Солоневичу работу в оккупационной администрации в Белоруссии. Чем-то вроде «главного пропагандиста», «белорусского Геббельса». Иван отказался. В интерпретации Всеволода Левашова это решительное «нет» Солоневича, произнесённое в самый пик успехов вермахта на Востоке, вызвало у немцев крайнюю степень раздражения: они не могли понять, как может герр Солоневич отказываться от предложенного ему крупного поста в правительстве его родной Белоруссии. А эти его заявления, что он «предпочитает должность швейцара у министра пропаганды Всероссийского правительства — посту министра пропаганды в правительстве Белоруссии»? Немцы «не могли понять и той дерзости, с которой Иван Лукьянович, со свойственной ему прямоотой, предупреждал фюрера, что война против России и против русского народа приведёт к разгрому и гибели Германии»!^[170]

Вскоре стало известно, что предлагавшийся Солоневичу пост в Минске занял Фабиан Акинчиц^[171], один из создателей микроскопической партии белорусских национал-социалистов, сотрудник отдела пропаганды в ведомстве Розенберга. Доверие немцев Акинчиц заработал тем, что призывал к борьбе со сталинским режимом в Белоруссии и называл большевиков и евреев главными врагами белорусов. Розенберг выделял Акинчица из числа своих сотрудников-«инородцев», говорил, что готов подписаться под каждым словом его статьи «Жида в Белоруссии».

Иван не раз сталкивался с Акинчицем в Берлине в 1938–1941 годах и при встречах, глядя в его неустойчивые глаза, удивлялся его внешней схожести с Бабенко, тем самым Бабенко, которому Солоневичи доверились при подготовке побега из СССР. Акинчиц действовал по той же схеме: задавал внешне невинные вопросы, в «доверительной» форме критиковал правящую верхушку рейха, жаловался на «нечестность» нацистов в отношении истинных патриотов Белоруссии. Он всюду клеймил «болванов со свастикой вместо мозгов», не понимающих, что Германии, чтобы

победить, «нужны надёжные союзники на Востоке». Иван в полемику не вступал, разводил руками, словно давая понять, что сочувствует переживаниям собеседника.

Именно от Акинчица Солоневич узнал, что в июне 1941 года был создан Белорусский национальный центр (БНЦ) и его руководство направило на имя Гитлера меморандум, в котором выражалась надежда на то, что Германия благожелательно отнесётся к стремлению белорусов жить в собственном независимом государстве. По словам Акинчица, с меморандумом ознакомился Розенберг, доложил о его содержании фюреру, но конкретного ответа руководителя БНЦ так и не получили.

Партийная головка БНЦ, в которую помимо Акинчица входили Козловский, Степович, Альбин, Арцишевский, Юшневич, Пецукевич и другие, пыталась завоевать доверие нацистов, содействуя, в частности, абверу в подготовке диверсионных отрядов из белорусов, которые находились в лагерях военнопленных после разгрома Польши (около 70 тысяч человек).

Это была идея Акинчица. В ноябре 1940 года он направил в Восточный отдел НСДАП рапорт, в котором предложил использовать военнопленных белорусов в интересах рейха. Надо было внедрить в их головы национал-социалистические идеалы, провести их переподготовку в военных и разведывательных школах и затем наиболее подготовленные кадры перебросить на территорию Советского Союза. Немцы воспользовались предложениями Акинчица. Диверсионные отряды белорусских «наци» приступили к действиям в советской приграничной зоне за несколько дней до начала войны.

Из всех мимолётных бесед с Акинчицем Солоневич сделал ещё один неопровержимый вывод: Гитлер и его окружение намерены использовать сепаратистов для ослабления и расчленения России.

О том, что тучи над ним сгущаются, Солоневич знал ещё с апреля — мая 1941 года. Во-первых, независимый характер и демонстративно патриотические, «прорусские высказывания» писателя давно раздражали нацистов. В 1938–1939 годах он «в частном порядке» прочитал группе немецких офицеров вермахта курс лекций о положении в Советском Союзе. Некоторые из них служили в пропагандистском отделе ОКВ, неплохо говорили по-русски, бывали в России. Они были противниками войны на Востоке, считая, что агрессия приведёт к разгрому Германии. В 1940-м — начале 1941 года Солоневич читал лекции уже полуконспиративно. Аргументы, которые он использовал в своих лекциях, были теми же

самыми, что в меморандуме, направленном нацистскому руководству. Но в гестапо сочли, что он ведёт среди офицеров непозволительную «разлагающую работу», подрывает моральный дух военных. Иван не преувеличивал, когда писал: «В Германии я, рискуя виселицей, не сошёл с позиций самодержавия и прочего, что с самодержавием связано».

Во-вторых, до Ивана дошла новость об аресте брата в Бельгии. За ним пришли 22 июня, в день нападения Германии на Советский Союз. Бориса посадили в лагерь «Брейндонк», режим в котором был настолько жёстким, что известия о судьбе заключённых редко просачивались на волю. Брату опять не повезло. Теперь за него взялись немцы, а у них в концентрационных лагерях обходятся без спортивной работы. Послаблений не будет. Видимо, кочующую по эмиграции клевету о тайных связях братьев с ГПУ — НКВД немцы всё-таки «заглотили». Странно, что гестапо не пришло за ним, Иваном, в тот же самый день 22 июня.

К октябрю вермахт захватил значительную часть европейской территории России, вышел на подступы к Москве. В немецком плену оказалось не менее трёх миллионов красноармейцев. Казалось, коммунистический противник был навсегда повержен. Гитлер и его окружение были настолько уверены в победе, что уже не маскировали своих истинных целей в России: уничтожение «родины большевизма» как самостоятельного государства, а русских — как нации. Всё отчетливее проявлялся принципиальный подход устроителей «нового порядка»: разделяй и властвуй! Украинцам, прибалтам, кавказским и другим «нерусским» народам предоставлялись определённые привилегии. Это была своего рода «подачка туземцам», которых планировалось использовать для «сдерживания» русских в послевоенное время.

Оккупационная администрация была в основном сформирована. Нацистская верхушка нуждалась в быстром подтверждении «рентабельности» войны на Востоке. Гиммлер и Розенберг слали своим представителям грозные циркуляры, требуя скорейшего выполнения стратегических установок фюрера по генеральному плану «Ост».

Всё чаще эмигранты в Берлине узнавали о том, что советских военнопленных помещали в загоны за колючую проволоку, не давали им ни воды, ни пищи. Смертность в таких импровизированных «полевых лагерях уничтожения» была чудовищно высокой. Среди пленных можно было найти тех, кто в той или иной форме верил в «освободительную миссию» немцев. У них были свои счёты с советской властью, и они могли стать союзниками немцев в деле ликвидации коммунизма. Однако и к ним была

применена голодная удавка. Немцы явно и высокомерно «не нуждались» в русских, и те, довоенные, слухи о нацистских планах массового уничтожения «унтерменшей» не были, как оказалось, «академическим преувеличением» Розенберга и его сотрудников.

Поздней осенью 1941 года, несмотря на ежедневно звучащие по радио победные марши, Иван Солоневич знал твёрдо: Германия обречена на поражение. Он понимал и то, что война не будет «молниеносной». Известное дело: русские долго запрягают, но быстро ездят. Но что делать ему? Что посоветовать Юре? Как всем им уцелеть в это опасное, непредсказуемое по последствиям военное время? Очевидно одно: он не может врать, кривить душой, подпевать нацистам в дни их кровавого похода против России.

Остаётся единственно возможный вариант поведения: молчание! Если хочешь сохранить свой скальп, нельзя допускать ни одного публично сказанного критического слова в адрес рейха, его лидеров и их самоубийственной политики! Сейчас, в разгар войны, самую невинную критику истолкуют в гестапо как «пораженческие настроения» с соответствующими последствиями. А выжить надо, хотя бы для того, чтобы увидеть крах этой германской авантюры с приобретением «жизненного пространства» на Востоке.

Молчанием встретила русская эмиграция в Германии заявления нацистских лидеров о целях войны против Советского Союза. Розенберг исходил из расовых установок: «Германия не может допустить того, чтобы у неё под боком неорганизованно плодился и размножался народ, стоящий на низшей степени развития и вечно угрожающий поглотить высшую германскую расу». Геббельс был более конкретен в своей передовице в еженедельнике «Дас Рейх», не без вождения подчёркивая, что война «на тучных нивах востока ведётся германским народом за тот хорошо накрытый стол, который после окончания войны будет в каждой германской семье».

Об умонастроениях русской эмиграции в тот переломный период войны написал Николай Февр:

«Таким образом, „идеологическая борьба с советской властью“, ведомая якобы Германией, очень быстро выродилась в самый прозаический „дранг нах остен“, начатый ради того, чтобы после (разумеется, победного) окончания его каждый немец мог бы сесть у „хорошо накрытого стола“ и, наконец, как следует — нажраться. А пресловутый „крестовый поход против большевизма“, вызвавший столь естественный подъём в душе каждого антибольшевика, превратился... в какой-то своеобразный

„крестовый поход за салом“. Если после этого у кого-либо из наиболее оптимистически настроенных врагов большевизма и оставались ещё какие-либо сомнения, то они были быстро рассеяны самой жизнью»^[172].

В октябре тревожные ожидания Солоневича оправдались. Его вызвали в знакомое здание на Принц-Альбрехтштрассе, 8. Гестаповский чин перелистал увесистое дело, лежавшее перед ним на столе, и голосом, не допускающим возражений, приказал ему в трёхдневный срок покинуть Берлин и поселиться в каком-нибудь городке Померании. Разъяснений о причинах «недружественной» меры Иван требовать не стал. В принципе, всё понятно. Хорошо, что не концлагерь! Хотя «для биографии», может быть, не помешало бы познакомиться с нацистскими нарами...

После консультаций у берлинских друзей и знакомых писатель остановил свой выбор на Темпельбурге^[173]. Самый конкретный совет дал Владимир Деспотули. Он однажды отдыхал в Померании и с восторгом, в общем-то, несвойственным для него, отзывался о крае как о «климатическом курорте» для поправки нервов, а также месте, излюбленном рыболовами и охотниками. По всему было видно, что Деспотули с радостью бросил бы свои заботы по газете и отправился туда. Но это было невозможно. Надо было день за днём воспевать подвиги вермахта на Востоке в единственной уцелевшей на то время в Европе русскоязычной газете. Дал Деспотули ещё один совет: обращаться по житейско-бытовым вопросам к тамошнему зубному врачу Карку. Он был в городке авторитетной фигурой и любил помогать «в порядке взаимопомощи».

Во второй половине октября Иван в сопровождении агента гестапо выехал к месту ссылки^[174]. Разговорить немца, чтобы выяснить «виды» организации Гимmlера на его, Солоневича, дальнейшую судьбу, не удалось. Гестаповец всю дорогу читал, на остановках иногда выходил на перрон, чтобы размять ноги. Во время его отлучки Солоневич утолил любопытство, посмотрел, что за книгу с таким непроницаемо-мрачным выражением лица читает «сопровождающий». Это был «фундаментальный» труд Розенберга «Миф XX века». Солоневич усмехнулся: он не смог преодолеть и двух десятков страниц этой убийственно скучной схоластики. Но немцы — народ упорный. Этот тип точно вызубрит книгу до конца...

В Темпельбурге Солоневич первым делом нанёс визит дантисту Карку. В книге «Диктатура слоя» Солоневич описал немца как бывшего социал-демократа, допустившего в прошлом «ошибочный» брак на еврейке, «страдавшего недержанием убеждений», а также как неисправимого

болтуна, который осмеливался говорить плохо о национал-социалистической партии и даже Гитлере. По меркам того времени этого было вполне достаточно, чтобы упечь дантиста в тюрьму, но местная нацистская верхушка подобной глупости не совершила: Карк был единственным и очень приличным зубным врачом в городе и его окрестностях. Поэтому ему позволяли многое: он не только получал гонорар в регламентируемые пять марок, но и принимал различные «добровольные» подношения от клиентов, что нацисты категорически запрещали. Карк эти запреты игнорировал, у крестьян он брал мясо, яйца, масло и прочий натуральный продукт, а в случае необходимости требовал дрова и уголь.

Благодаря протекции Карка Иван вскоре переехал из гостиницы в прочный, построенный на века фахверковый дом, где немногословные хозяева сдали ему комнату. Находился дом в шести километрах от городка, в деревне Альт-Драгайм, к которой подступали вплотную бесконечные, унылые поля. Основательных померанских мужиков Солоневич окрестил «гренадёрами». Их предков прусские правители рекрутировали в свои боевые полки как наиболее стойких солдат. «Гренадёры» эпохи Гитлера недели две-три присматривались к «учёному» русскому, о котором было известно, что он находится под присмотром полиции. Потом стали наведываться в гости.

«Гренадёры» предпочитали для общения вечерние часы, чтобы не слишком компрометировать себя визитами к ссыльному. Как вспоминал Солоневич, «приходили мужики и сапожники, батраки и торговцы» и «после всяких вводных предложений о погоде и об урожае, о том о сём, неукоснительно заворачивали беседу к тому одному, что их интересовало: к войне». Из этих неторопливых разговоров Солоневич сделал вывод, что простые немцы войны с Россией не хотели по вполне понятной причине: они уже имели опыт Первой мировой. В книге «Диктатура слоя» писатель называл своих собеседников в Альт-Драгайме общим именем «Иоганн Мюллер». И пытался представить себе ход размышлений такого типичного Мюллера о войне в России:

«Он воевал против русского солдата, который почти без оружия бился с истинно звериным упорством. Те тысячи вёрст, которые штаб мерил циркулем, а профессора — цитатами, он, Иоганн Мюллер, месил собственными пудовыми сапогами. Скудость русской железнодорожной сети... он, Иоганн Мюллер, познал с точки зрения собственных подошв: значит, нужно будет месить собственными сапогами тысячи вёрст русского бездорожья, оставаться без хлеба и без подвоза. В годы оккупации Украины

он, Иоганн Мюллер, познал первые зачатки страшной народной войны — далёкого отголоска 1812 года и слабого намёка на народную войну 1941–1944 годов. Это в него, Иоганна Мюллера, стрелял каждый куст и каждый угол. Это он, Иоганн Мюллер, сжигал по приказу начальства целые деревни, и целые деревни уходили в леса, и из лесов полыхало новое пламя партизанской войны... Потом он, Мюллер, разбитый и окровавленный, возвращался домой — в доме было разорение, инфляция и чёрт его знает что ещё».

Через доктора Карка Солоневич стал подыскивать местного учителя, чтобы договориться с ним об уроках немецкого языка. Несмотря на проведённые в Германии годы и десятки прочитанных для «местной аудитории» лекций, Иван чувствовал, что его знание немецкого оставляет желать лучшего. Карк порекомендовал в качестве учительницы Рут Беттнер, молодую вдову обер-лейтенанта, командира подразделения парашютистов, погибшего в ходе операции по захвату Кипра в мае 1941 года. В ту эпоху нравы в померанской провинции были мещанскими, Рут боялась сплетен и потому решила, что уроки лучше всего давать «на виду у всех» на открытом воздухе. Так и повелось, они прогуливались вдоль озера («в духе» философов-перипатетиков) и вели нескончаемые «учебные беседы». Как позднее вспоминала Рут, «худшего решения быть не могло: о её связи с русским писателем сплетничали все»^[175].

Первая же прогулка показала, что работа по «шлифовке» немецкого языка Солоневича предстоит немалая. Словарный запас у Ивана был богатый, но произношение сильно страдало. Поэтому возникали смешные, а нередко и пикантные ситуации. Так, в день знакомства Иван поднялся на площадку, с которого была видна панорама Темпельбурга, и произнёс весьма двусмысленные слова: «Huebsche Hoeschen» («хорошенькие панталоны»). Рут была весьма удивлена такой репликой русского и дома, вытирая тарелки после ужина, размышляла о том, почему русский проявил такую неделикатность, заговорив о нижнем белье с женщиной, с которой только что познакомился. Только тогда до неё дошло, что Солоневич хотел сказать совсем иное: «Huebsche Hauschen» («хорошенькие домики»). В другой раз в ресторане Солоневич заказал официанту «Ein Gebiss», что означало «зубные протезы». Официант улыбнулся и переспросил: не имеет ли клиент в виду «Imbiss», то есть «лёгкую закуску»?^[176]

Иван «в порядке взаимности» давал Рут уроки русского языка, знание которого, по его мнению, могло пригодиться ей в будущем. Первое занятие она запомнила навсегда. Иван положил перед ней русскую газету, на полях

которой написал алфавит кириллицы. Потом под каждой буквой поставил эквивалентную ей по звучанию — немецкую. Сразу же после этого он сказал: «А теперь прочти этот заголовок»...

«Мне стоило громадных усилий произнести первые в моей жизни русские слова, — вспоминала Рут. — Но я помню их до сих пор — „Рабочий труд“»...

В ходе такого «пешеходного» изучения языка Солоневич хорошо узнал город и его окрестности. Здесь было всё, в чём нуждалась стандартная, привыкшая к комфорту немецкая душа: железнодорожная станция, два газетных киоска, универсальный магазин «Густав Росенов и сын», популярное кафе «Эрих Хюбнер» неподалёку от Рыночной площади, лодочный вокзал, от которого можно было совершать поездки по местным озёрам на моторном катере «Ролхер», любясь идиллическими пейзажами «Померанской Швейцарии».

После двух месяцев знакомства Солоневич сделал Рут предложение. По её словам, это было неожиданностью для неё. «Я была, мягко говоря, изумлена и вежливо отказалась, — так вспоминала она об этом событии через 60 лет. — На следующий день я объяснила Ивану, что подобный брак невозможен. Во-первых, у нас было 25 лет разницы в возрасте; во-вторых, мы недостаточно хорошо знали друг друга; в-третьих, различались наши религиозные убеждения, хотя это не имело большого значения, поскольку мы не были фанатиками; в-четвёртых, наши страны воевали друг с другом. Герр Солоневич ответил: „Если это вас волнует, мы не будем больше об этом говорить, но мы поженимся“. Мы, действительно, об этом больше не говорили и в конечном счёте поженились».

Это был прочный, по-своему счастливый брак. Иван Лукьянович не раз говорил, что «он совершенно изменил психологию Рут и обратил её во врага и нацизма, и коммунизма». Рут считала своим долгом выучить русский язык, стать примерной «русской женой» и сподвижницей писателя и политического деятеля из России, конечно, настолько, насколько это было в её силах. Ей удалось многое. Она стала говорить и писать по-русски, научилась готовить русские блюда, помогать мужу в его повседневной литературной и политической работе. Однако проникнуть в сущность идеи народной монархии и почти непрерывных дискуссий Ивана Солоневича с политическими оппонентами Рутика, как её звал муж, была не способна, поскольку, по мнению солоневичеда Николая Казанцева, ко всему подходила «с немецкими мерками, с немецкими мозгами и немецкой душой»^[177].

В отличие от преуспевающего доктора Карка забота о пропитании

была для Солоневича изматывающе неблагоприятным делом. «Отоваривать» продовольственные карточки с каждым днём становилось всё сложнее: «эрзац-маргарин», «эрзац-хлеб», «эрзац-кофе» и другие эрзацы всё больше преобладали в рационе. Приходилось исхитряться, в том числе браконьерничать в лесу и на озёрах. Иногда, чтобы получить несколько килограммов картошки, свёклы или кочанов капусты, Иван нанимался на работу к прижимистым крестьянам, считавшим, что русский должен быть довольным любым «вознаграждением».

Как вспоминает Рут, её муж использовал ещё один «запрещённый» способ приобретения продуктов. При содействии Левашова поклонница литературного творчества Солоневича в Швейцарии отправляла ему посылки с бразильским и колумбийским кофе, используя (по доверенности) его денежный счёт в этой стране. По словам Рут, «за настоящий кофе можно было купить половину Германии, и потому обмен его на продукты помогал нам хотя бы на время улучшить питание. Но надо было быть очень осторожными, чтобы не донесли»...

Из разговоров немцев между собой Иван впервые услышал слово «вербауэр». На прямые вопросы знакомым немцам о том, что оно означает, Солоневич внятных ответов не получил. Даже доктор Карк, несколько смутившись, ответил невразумительно: хозяин на земле, переселенец на новые территории и т. д. Несмотря на странную немецкую «конспирацию», до сути вопроса всё-таки удалось докопаться. Вербауэр, в расшифровке Ивана, — это вот что: в оккупированных немцами областях часть населения — после войны (во время войны нужны рабочие руки) должна быть истреблена, и часть отдана в распоряжение вербауэров. Вербауэр — это вооружённый немецкий крестьянин — надсмотрщик, который должен был играть роль среднюю между нашим казачеством и ямайским плантатором. Проект был оставлен после неудачи под Москвой, но всё-таки Остминистериум успел перебросить на Украину каких-то вербауэров из Голландии и Мекленбурга.

Зимой 1941/42 года в Померанию стали прибывать первые советские пленные. По крестьянским домам разнесли «гебраухан-вайзунг» (*написание* Солоневича), в которых давались рекомендации о том, как обращаться с *унтерменшами* с Востока. Авторы «инструкции» уведомляли, что эта «рабочая сила» останется в Германии на весьма долгий срок и после войны. По оценке Солоневича, померанские мужики относились к «остовцам» в основном хорошо. Но размышляя над словечком «унтерменш», Иван Лукьянович пришёл к выводу, что использование его немецкой пропагандой принесёт Советам больше пользы для организации

разгрома Германии, чем все союзные поставки по ленд-лизу.

Из бесед с пленными Солоневич выяснял, как складывается ситуация на восточном фронте, какой грозной силой становятся партизанские отряды. Не без злорадных реплик в адрес «Розенберга и его команды идиотов» узнавал он о том, что пропагандистские службы СССР сместили «советскую идеологию» на второй план, выдвинув на первый славные военные традиции прошлого, подвиги Александра Невского, Дмитрия Донского, Кутузова, Суворова и других патриотов-героев. Были введены ордена их имени, гвардейские полки и дивизии, восстановлены погоны, выпущены из лагерей уцелевшие православные священники. Великая Отечественная война набирала силу, и именно в этом качестве она стала принимать грозные очертания для гитлеровской Германии...

Годы жизни в Темпельбурге снабдили Солоневича бесценным материалом для понимания германской истории, специфических сторон германской жизни, германского характера. Надо отметить, что в период написания своей статьи «Россия и гитлеризм» (сентябрь 1938 года) он был более «снисходителен» к особенностям национального характера немцев и к их коллективной «обеспокоенности» поисками жизненного пространства:

«Немцы в самом деле являются народом без пространства — Volk ohne Raum. На их бренбургских песках даже картошка не растёт без искусственных удобрений. Нет железа, нет нефти, нет цветных металлов, нет марганца, нет наших аршинных чернозёмов. Есть только железное трудолюбие. Можно как угодно смеяться над немецкой расчётливостью и над этими бесконечными „Verboten“, но нужно войти в положение немцев, хотя бы уже для того, чтобы в тот момент, когда мы будем иметь возможность договариваться (сейчас мы этой возможности не имеем вовсе), учесть некоторые основные факты немецкой истории, немецкой психологии и немецкой географии».

Темпельбургская ссылка избавила Солоневича от иллюзий в отношении «германского образа жизни». Ссылка в провинцию дала ему возможность заглянуть за кулисы немецкой жизни. «Я не хочу ничего идеализировать и ничего очернять, — писал он, — немецкий быт, исконный и кондовый немецкий быт, сложившийся веками и освящённый традицией — есть вещь истинно отвратительная: такого отвратительного быта, злобного, завистливого, грязного — я никогда и нигде не видал. Этот именно быт объяснил мне исторические судьбы Германии — от завоевания Рима до потери Берлина».

В первые месяцы пребывания в Померании Солоневич еженедельно

наносил визиты в темпельбургский отдел полиции, чтобы «отметиться в наличии». Подобный контроль сохранялся до начала 1942 года. Потом у полицейских чинов работы прибавилось: появились тысячи оstarбайтеров, военнопленных, всё чаще приходилось организовывать облавы на бежавших из концлагерей «врагов режима». Солоневичу разрешили отмечаться ежемесячно, что позволило ему совершить несколько самовольных отлучек, достаточно рискованных, — в Берлин. Юрий в то время работал в немецких изданиях художником-иллюстратором и карикатуристом. Если для Кукрыниксов главным объектом для сатирических насмешек был Гитлер, то для Юрия — Сталин. После войны, будучи уже в США, младший Солоневич всегда указывал в своих биографических справках: «В Германии являлся антикоммунистическим иллюстратором».

Первую после высылки поездку в Берлин Иван предпринял для того, чтобы предупредить сына и невестку: объявленная Гитлером война Соединённым Штатам — начало катастрофы! От Берлина не останется ни пуха ни пера! Удирайте из столицы! Чем быстрее это будет, тем лучше. Прогноз оказался точным. Бомбёжки союзной авиации с 1942 года становились всё более разрушительными, а с 1943-го откровенно беспощадными, направленными на подавление «боевого духа» населения. Молодые Солоневичи послушались совета. Они пробыли неделю в Темпельбурге, а затем поселились в гостинице деревни Альт-Драгайм.

Два-три упоминания о поездках Ивана в Берлин, эскизных, без подробностей, можно обнаружить в его статьях послевоенной поры. Во втором (от 2 сентября 1948 года) и третьем (от 16 сентября 1948 года) номерах газеты «Наша страна» он, в частности, упоминал о своей встрече с Власовым, о ночной дискуссии с ним «под водочку». «Собеседникам» ни о чём договориться не удалось. Солоневич упорно не верил в конечный успех планов «военного сотрудничества» с Гитлером с целью освобождения России.

В июне 1942 года Отто Бройтигам, советник Альфреда Розенберга по делам русских эмигрантов, созвал конференцию пронацистски настроенных подопечных. Они должны были продемонстрировать поддержку военным действиям рейха на Востоке, выступить с призывами к Красной армии и русскому населению «отказаться от бесполезного кровопролития» перед лицом подавляющего превосходства вермахта. Иван Солоневич даже не рассматривался в числе кандидатов на конференцию: Бройтигам знал, что тот по-прежнему придерживается «неприемлемой» для рейха позиции.

Тем не менее с конца 1941 года на оккупированной территории Советского Союза стали появляться книги Ивана Солоневича, в первую очередь «Россия в концлагере» и повесть «Памир». В газетах, которые издавали немцы, публиковались перепечатки «идеологически подходящих» фрагментов из его произведений. Делалось это без ведома и разрешения автора.

Оккупационная пресса по разным каналам доставлялась в советские «компетентные органы» и тщательно анализировалась на предмет выявления пособников гитлеровского рейха. Постоянное появление имени Солоневича в «фашистских газетёнках» побудило Лубянку «поднять» архивные дела, заведённые на него ^[178].

После войны Иван постарался внести ясность в вопрос о публикациях его произведений немцами в годы войны, не желая выглядеть в глазах своих последователей, почитателей и будущих биографов коллаборантом нацистов. «Я тут решительно ни при чём, — написал он в статье „Два лагеря“ (от 30 ноября 1948 года), — и никаких геройских подвигов с моей стороны не потребовалось. Какой-то оборотистый немец, промышлявший в Риге в отделе Пропаганда-Норд, издал три моих книги общим тиражом в 600 000 томов на русском языке и для „востока“. Я потом письменно разыскал этого немца — не для того, чтобы получить с него мой гонорар, а для того, что я в том издании решительно ни при чём».

Солоневич считал, что «популяризацией» своего творчества в России он обязан также НТС: «Партия солидаристов захватила в свои руки все русские газеты в оккупированных зонах... Я до сих пор не знаю, из каких соображений это было сделано: из чисто литературных или из политических»...

В Темпельбурге писатель снова встретил «белокурую Валькирию», ту самую, которая в Берлине приходила к нему полакомиться шоколадом и с детской наивностью рассказывала о том, как их, школьников, готовят «управлять Россией». Солоневича поразило тогда, с какой безапелляционностью двенадцатилетняя девчушка говорила о том, что немцам не нужно изучать русский язык, что он им в России не понадобится.

Повзрослевшая Валькирия шагала под звуки духового оркестра среди двух-трёх сотен беременных женщин, эвакуированных из Берлина по причине частых бомбёжек. Горожане сбежались посмотреть на женщин, с восторгом повторяя: «Это настоящее солдатское братство». «Беременный батальон» направлялся в лагерь для беженцев, чтобы переждать там

трудные времена.

Солоневич не смог удержаться от иронии: «Действительно золдатентум! Здесь ничего не скажешь! И ребят-то сколько?! Приказ есть приказ: приказано было рожать. В других странах идёт пропаганда рождаемости, дают премии — и ничего не выходит. Здесь достаточно было приказа. Мы — народ без пространства — Фольк оне Раум. Нам нужны новые территории. А для того чтобы заселять эти новые территории, — нам нужны новые солдаты. Логика немного, — но есть приказ».

Писатель подошёл к матери Валькирии (она тоже ожидала ребенка «для фюрера»), чтобы перекинуться словом-другим. Ничего радостного она не рассказала: её муж, директор школы, погиб на Восточном фронте, дом на Штирштрассе, 16, в Берлине, в котором все они жили до войны, сгорел после бомбёжки. Вместе с ним превратилась в золу библиотека писателя. Несмотря на все свои утраты и потери, обе «Валькирии» продолжали твердить:

— А мы всё-таки победим...

В начале февраля 1943 года Иван зашёл к доктору Карку и понял, что происходит что-то чрезвычайно важное. Тот сидел в кресле у столика, вперив глаза в чёрный рупор динамика, и с окаменевшим лицом слушал речь министра пропаганды Геббельса, который выступал в берлинском Спорт-паласе. Карк мрачно взглянул на гостя и сказал:

— Объявлена тотальная война. Капитуляция исключена. Ради победы Гитлера народ должен пойти на любые жертвы. Это означает конец Германии...

Солоневич просидел до конца выступления Геббельса, выслушал клятву присутствовавших в зале: «Приказывай, фюрер, мы повинемся тебе!» — и вышел, не сказав Карку ни слова.

В «годы Темпельбурга» Солоневич ни на день не прекращал творческой работы. Он вспоминал:

«В ссылке было совсем неплохо, хотя и голодно-холодно: деревня, лес, озеро. Это были самые плодотворные годы моей жизни... Ссылка моя была тем „университетом“, какой в старое время проходили старые наши революционеры, — только, конечно, наоборот. Я массу читал, думал, писал. Нашёл ответы, каких раньше у меня не было. Написал два тома о нас самих: кто мы и как дошли до жизни такой, а также, как нам из этой жизни выбираться. Один том — о победе философии над религией, теории над традицией, революции над Европой: вот и впли во всеевропейскую

питекантропию. Один том о российской прогрессивно-параличной интеллигенции — вот о многотомном и многоликом Бердяеве, который завёл нас в нашу дыру».

Солоневич обдумывал новые главы «Белой Империи», записывая на четвертушках бумаги ключевые фразы, по которым в будущем можно будет восстановить весь текст. В эти же годы он настойчиво работал над рукописью, посвящённой «сравнительному анализу» гитлеровской и советской тоталитарных систем. Здесь тоже приходилось шифровать содержание страниц, посвящённых рейху, откладывать доработку и шлифовку труда до благоприятных времён.

В первой «после разгрома рейха» статье Солоневич изложил суть своих размышлений, своей «переоценки ценностей»:

«Очень скоро для меня выяснилось, что той Германии, какую нам преподносили в наших университетах, — Германии Гегелей, Гёте и всякого такого в природе не существует, как никогда не существовало в природе России Лебядкиных, Обломовых, Каратаевых и всяких таких бывших босых и лишних людей. Но страна Гёте принимала лишних людей совершенно всерьёз. Розенберг списывал целые страницы не только с Достоевского, Чехова, но и из Горького. Словом, на основании всей суммы самой современной науки, философии и стратегии и прочего — немцы готовили войну за более или менее полную ликвидацию всех лишних людей, проживающих на нелишнем для немцев пространстве».

Солоневич в силу особенностей своего характера не любил признавать ошибок, особенно в области прогнозов. Но о своих просчётах в отношении оценки германских проектов для России он сказал без каких-либо оговорок:

«Я не знаю, что Вы читали по поводу немецких планов и немецких зверств на востоке и чему именно Вы верили и чему не поверили. В первое время я не поверил даже своим собственным глазам: нет, не может быть. Оказалось: может быть. Оказалось и ещё хуже»...

Если бы нацистам стало известно о его нелегальной «исследовательско-аналитической работе», то, без всякого сомнения, репрессии последовали бы незамедлительно. Чтобы замаскировать главный труд и предъявить по первому требованию полиции «образец литературного творчества» на просмотр, Солоневич стал писать приключенческий роман «из подсоветской жизни». Работа над романом была не только творческим, но и ностальгическим процессом. Иван Лукьянович как бы возвращался в Россию, к её пейзажам, сильным страстям и характерам. В дальнейшем эта незаконченная рукопись (три с

половиной главы) ему очень пригодится: в переработанном и тематически «модернизированном» виде роман «Две силы» будет печататься отдельными «фельетонами» в газете «Наша страна»...

В годы войны Иван Лукьянович лишь однажды предпринял попытку «пробиться» в эмигрантскую печать, предложив в 1944 году через надёжного посредника брошюру «Большевизм и крестьянство» русскому издательству в Праге. Попытка Солоневича спрятаться под псевдонимом провалилась. Острые неповторимые повороты мысли, своеобразный задиристый язык выдавали единственно возможного автора этого произведения. Не обошлось без очередного доноса. Кто-то из редакторов издательства сообщил «власовскому начальству» о попытке Солоневича «пробиться» к русской читательской аудитории, и на печатание брошюры был наложен запрет. В какой-то степени это была месть: Иван отказался от сотрудничества с генералом Власовым и пропагандистскими органами РОА^[179].

Дважды за период интернирования Солоневича в Темпельбург приезжал Всеволод Левашов, которого Иван Лукьянович в 1938 году оставил своим представителем в Софии. С началом войны против Советского Союза Левашов оказался не у дел. Болгарские власти закрыли газеты и журнал, которые он издавал, запретили его деятельность в качестве болгарского руководителя «штабс-капитанского» движения. Не желая оставаться в стороне от политической борьбы, Левашов включился в антикоммунистическую работу в болгарской печати. Как многие другие русские эмигранты, Левашов верил, что германо-советский конфликт может принести России освобождение от власти коммунистов. Он начал печататься в болгарских изданиях под псевдонимом «Волк», написал и издал книгу «Большевизм» (на болгарском языке). В Германии на его работы обратили внимание. Ему предложили стать представителем «Антикоминтерна», и Левашов согласился. Работа его состояла в том, что ему присылали из Берлина антисоветские брошюры и журналы, которые он распространял в Болгарии.

В поисках заработка Левашов поступил на службу в Дирекцию национальной пропаганды. В 1944 году он открыл своё «пропагандистское бюро». У него был «незапечатанный» властями радиоприёмник. Левашов слушал и записывал передачи из Москвы и Лондона. Сводки он предоставлял в Дирекцию национальной пропаганды и Дирекцию печати. Для дополнительного заработка писал аналитические статьи, тиражировал их на *циклостиле* и через Дирекцию пропаганды рассылал в столичные и

провинциальные газеты.

Письменную связь с другом Левашов поддерживал до полного коллапса рейха. Это было отдушиной для Ивана Лукьяновича, возможностью пусть в «подцензурном режиме», но всё-таки обмениваться мыслями «по текущему моменту». Последнее письмо от Левашова Солоневич получил в Темпельбурге в первых числах января 1945 года. К тому времени Всеволод находился в Австрии, откуда не без тревоги следил за событиями в Болгарии, в которую пришла Советская армия. Новая власть приняла декрет о роспуске фашистских организаций и конфискации имущества «коллаборантов». Находясь в Вене, Левашов слышал по радио, что «красное» правительство Болгарии приговорило его к смертной казни за антикоммунистическую деятельность ^[180].

В стране начались суды над лицами, причастными к злодеяниям и репрессиям военных лет. Одновременно шла «чистка» государственного аппарата от «враждебных элементов». Сотрудники НКВД и Смерша вели розыск активистов эмиграции, сотрудничавших с немцами. Был задержан и допрошен Борис Калинин. Левашов сообщил об этом в Темпельбург, отметив, что чекисты пытались выяснить у Калиникова, где укрыт архив Солоневича.

Первой осенью 1944 года — покинула Темпельбург Рут, узнав от друзей, что её включили в списки мобилизованных для рытья окопов на Восточном фронте. Без долгих раздумий Рут позвонила подруге, бывшей однокласснице, муж которой был главным врачом туберкулёзного санатория, и попросила о помощи. Она отправилась в нелёгкое по тем временам путешествие на велосипеде в Рейнландию, где устроилась санитаркой. Иван Солоневич и другие члены семьи «продержались» в Темпельбурге до середины января 1945 года. О том, что ситуация в Померании и Восточной Пруссии осложняется, Иван Лукьянович понял ещё в августе 1944 года, когда английские бомбардировщики нанесли удары по портовым городам на побережье Балтики. Беженцы из Кёнигсберга рассказывали, что исторический центр города был сметён ураганом осколков и пожарами. Сильным разрушениям подверглись Данциг и Штеттин ^[181]. Вокруг Темпельбурга силами военнопленных стали возводить укрепления, устанавливать бетонные надолбы против танков, а на улицах появились баррикады из булыжников и мешков с песком. В административных и школьных зданиях оборудовали пулемётные гнёзда. Пожилые фольксштурмисты маршировали по беговой дорожке городского

стадиона. Город готовился к обороне.

По дрожанию оконных стёкол, чутко реагирующих на грохот далёкой канонады, можно было догадаться, что на востоке идут ожесточённые бои. Из отдельных реплик ополченцев, которых вооружили не деревянными (учебными), а настоящими винтовками и фаустпатронами, Иван узнал, что группировка армий «Висла» ведёт бои с частями 2-го Белорусского фронта, которые пытаются прорваться к Балтийскому морю.

Беженцы из Восточной Пруссии непрерывным потоком шли на запад, такой же роковой час настал для жителей Померании. В начале января 1945 года Юрий узнал «из надёжных источников», что местные власти начали выдавать *маршбефели*, то есть путевые эвакуационные документы, жителям Темпельбурга и окрестностей.

Угроза пленения для Солоневичей была более чем вероятной, причём со всеми негативными последствиями военного времени. Рассчитывать на получение маршбефеля не приходилось. Изнемогающие от круглосуточной работы писари злобно отмахивались от Солоневичей: в первую очередь немецкие жители! Не мешайте! Оставалось одно: пренебречь формальностями и уходить без разрешительных документов.

Несколько дней ушло на подготовку, по выражению Ивана, «очередного побега». Больше всего им повезло с приобретением «гужевого транспорта» — лошадки-трёхлетки, которой было присвоено имя Сонька. По стечению обстоятельств, дочь знакомого немецкого фермера собралась замуж, срочно потребовалось приданое. Им стало имущество Солоневичей. Чтобы приобрести лошадку, немцу вручили всю мебель, посуду, постельное бельё и т. д. и т. п. из квартиры Рут, которая, уезжая в Рейнландию, дала Ивану разрешение распоряжаться имуществом по своему усмотрению. Всё равно пришлось бы всё бросить: Советская армия наступала...

Поздно ночью Юрий отправился к фермеру, у которого все эти предотъездные дни находилась Сонька, дожидаясь старта в неизвестность. В телегу были заранее сложены необходимые вещи и драгоценные запасы продовольствия: ржаной хлеб, овсянка, сухое молоко, кофе, рыбные консервы. На самое дно были помещены архив и пишущие машинки: Ивана с русским шрифтом, Юрия — с немецким. Те немногие книги, которые у них были, пришлось, к великому горю Ивана, бросить. Юра привёл Соньку с телегой в условленное место и вручил вожжи Инге. Отныне ей предстояло управлять лошадкой и присматривать за Мишкой, который, несмотря на мороз, сладко дремал в телеге, закутанный в толстый плед.

Ночь была снежной, непроницаемые облака висели низко над головами беглецов, и Темпельбург, через который им пришлось выбираться, казался вымершим. Ни патрулей, ни фольксштурмистов, ни заградотрядов. Словно именно в эту ночь 15 января все обитатели города решили в последний раз основательно выспаться. Поэтому Солоневичи миновали улочки Темпельбурга без происшествий. На рассвете они примкнули к потоку беженцев, которые сомнамбулически двигались вперёд, в непроницаемо-туманную мглу. Солоневичи с облегчением растворились в многокилометровой «колонне спасения». До конечного пункта — Гамбурга — предстоял путь в 600 километров.

В первые дни «драпежа» был определён круг обязанностей каждого. Иван отвечал за сохранность имущества и продовольствия. Во время остановок на ночёвку он сгружал узлы и пакеты, укладывал их один к одному и устраивался на них спать. Юра исполнял роль квартирмейстера и «организатора» сена для Соньки. При наличии сотен лошадей в «колонне спасения» это было крайне трудно: дело часто доходило до потасовок, синяков и разбитых носов. Инга присматривала за Мишкой и Сонькой, чтобы они были накормлены, напоены и не болели.

Солоневичи покинули Темпельбург вовремя. Январское наступление потрясло до основания оборону немцев в Восточной Пруссии и Померании. В феврале после перегруппировки сил советские фронты — 1-й и 2-й Белорусские, 2-й Прибалтийский продолжили наступление. Были взяты штурмом город-крепость Кольберг на балтийском побережье и многие другие города. По заведённому в Москве торжественному ритуалу победы советских воинов отмечались салютами, и в одной из сводок Информбюро в числе освобождённых от нацистов городов упоминался Темпельбург (взят 4 марта)...

Иван вспоминал:

«В феврале 1945 года мы, — то есть сын с семьёй и я, — бежали из Померании на запад. Мы оба — на вело, жена сына с внуком на возике. Вообще: в сравнении с этим побегом наш пресловутый побег из концлагеря ББК в Финляндию был только увеселительной прогулкой. Красная армия шла в верстах тридцати сзади нас, дороги были занесены сугробами, — а там, где не было сугробов, шоссе обледелено как каток. Наш конь выдохся окончательно, и вот греемся мы в каком-то придорожном трактире и слышим истерический крик:

— Казаки, казаки!

Я бросился в дверь. Мимо по деревенской улице с визгом, улюлюканьем и прочим в этом роде скакала орда. Раскосые всадники гнали

табуны лошадей. У меня душа медленно сползла в пятки: всё-таки попались!»

Но беглецам в очередной раз повезло. Эта «орда» оказалась одним из эскадронов генерала Краснова, и Солоневич отправился в казачий штаб, чтобы просить помощи и раздобыть там ещё одну сивку, на подмогу Соньке. За такую лошадку в дни эвакуации платили огромные деньги: она могла выдержать сильнейший мороз, любое питание и исправно тащить огромный груз. Иван разыскал командира части, представился и даже показал ему удостоверяющий «документ» — подлинное письмо генерала Краснова. Командир, в общем-то, согласился помочь, но только в том случае, если у Солоневича есть золото, чтобы заплатить за услугу. Иван сказал, не подумав толком, что золото есть, и сразу же пожалел. Ожидать от этой «орды» можно было всего.

После встречи с казаками Солоневич предпочёл, по его признанию, застрять в деревне на несколько «лишних» часов, «чтобы только не попадаться на глаза ни орде, ни её командиру». Иван был смелым человеком, но хорошо знал, с какими именно соотечественниками столкнула его судьба: это был казачий карательный отряд. По словам Солоневича, немцы называли подобные орды «Schreckensregiment» и почти до самого конца войны предпочитали их власовским формированиям, в которых «было очень патриотическое и вовсе не пронемецкое настроение». По поводу казаков писатель как бы мимоходом обронил: «Сейчас не следует талдычить о том, что эти отряды делали, но не следует также и думать, что этого не знает никто. Не следует также думать, что даже и в иных условиях такие орды будут действовать иначе».

В колонне беженцев были всякие люди. В условиях всеобщей нужды процветало воровство. Так, из-под самого носа Ивана («был слишком погружён в свои мысли») украли керосиновую лампу, которая в бесконечной череде случайных пристанищ и бивуаков освещала своим неровным, но надёжным светом беженский быт Солоневичей. Особенно нужен был этот свет Инге, которая готовила еду, чинила прохудившиеся вещи, врачевала мозоли и ушибы членов «команды». «Я была готова задушить этого вора своими собственными пальцами, лишёнными ногтей, — писала Инга, — четвертовать и посадить его на кол, а потом позвать волков и стервятников, чтобы они завершили дело. Но единственное, что я могла сделать, так это высказать бедному Ва, что я думаю по поводу его провала в качестве сторожа, хотя он и без того чувствовал себя достаточно плохо».

Уже в первые дни пути Сонька стала сдавать. Стоило больших усилий

заставить её тащить перегруженную телегу. После нескольких неудачных попыток Юре удалось добыть за килограммовый пакет кофе ещё одну конягу по кличке Кофф: она была «в возрасте» и с дурным характером — так и норовила куснуть своими крупными жёлтыми зубами любого, кто оказывался поблизости. Несмотря на эти недостатки, Кофф обладала примечательным «тягловым потенциалом» и выносливостью. Инга, с её врождённым знанием душ «братьев наших меньших», сумела найти общий язык с лошадкой, и вскоре Кофф, запряжённая в дрожки (ещё одна «добыча» Юрия), энергично бежала следом за Сонькой.

Постепенно, сопротивляясь этому изо всех сил, разболелся Иван. Переживания последних дней сказались на желудке, боли были невыносимыми. Каждый шаг давался ему с трудом, лёд нарастал на подошвы ботинок, и удержаться в вертикальном положении на скользкой дороге было невероятно сложно. Ивана спасало самолюбие. Ему, привыкшему считать себя сильным, выносливым, по-мужички семижилым, казалось недостойным проявлять слабость. И всё-таки, если бы не спасительные дрожки, на которые Иван время от времени забирался, кто знает, как бы завершилось для него это зимнее путешествие по дорогам Германии.

Очередную остановку Солоневичи сделали в городке Альтдамм-на-Одере. Мост через реку усиленно охранялся — опасались диверсантов, и потому в тёмное время суток через него пропускали только военных. На отдых темпельбургские беженцы пристроились в одной из гостиниц неподалеку от Одера, чтобы не прозевать часа, когда можно будет перебраться на тот берег, в Штеттин. Ночью Ивану стало совсем плохо: он сполз с деревянного топчана на пол, застонал и на мгновение потерял сознание. Положение было отчаянным, все понимали это, и особенно Иван. Он даже прошептал что-то вроде: «Оставьте мне пистолет и уходите!»

Юрий бросился на поиски доктора. Тот готовился к эвакуации, паковал вещи и категорически отказался идти к больному. Он, однако, уделил несколько минут Юре, расспросил о симптомах болезни и сказал без лишних церемоний, что на 99 процентов уверен в том, что у Ивана прободение язвы и что «в данных условиях» это означает летальный исход. По его словам, Ивану осталось шесть-семь часов жизни. Чтобы смягчить страдания умирающего, добрый доктор не пожалел дефицитного морфия из своих запасов. Всю ночь Юрий и Инга провели у ложа Ивана. Он недвижно лежал, закутанный в ставшие грязными за время пути одеяла, и только по еле слышному дыханию можно было догадаться, что он ещё жив.

Память об этой трагической ночи сопровождала Юрия всю жизнь. По

странному совпадению, кульминация болезни Ивана прилась на 3 февраля, на тот день, когда в Софии семь лет назад погибла от взрыва бомбы Тамара. И в эту бесконечно-изматывающую ночь Юра не переставал шептать, повторять до изнеможения, как молитву, одни и те же слова: «Тамочка не даст ему умереть, не даст умереть»...

На следующий день Солоневичам удалось перебраться на другой берег Одера. Если бы не помощь многодетного немца Розе, с которым они познакомились незадолго до прихода в Альтдамм, «переправа» не была бы такой успешной. Но эта помощь полностью соответствовала поговорке «долг платежом красен». Юрий предложил Розе довести до Штеттина солидный «излишек» его вещей, а немец — доставить туда же, вопреки всем контрольно-пропускным проверкам, семейство Солоневичей. Так и получилось. Инга изображала плодовитую «супругу» Розе, Юрий — сопровождающего Розе помощника, а Иван в полубеспамятстве лежал среди чемоданов и рюкзаков, прикрытый брезентом. Лишь однажды при пересечении моста по «вине» Ивана возникла критическая ситуация: из-под брезента как раз над проверяющим документы офицером появилась нога в калоше. Офицер устало взглянул на Розе и сделал вид, что не заметил «контрабанду»...

Трудно сказать, что в конечном счете спасло Ивана: доза морфия, несколько спокойных дней в качестве пассажира на телеге или небесное покровительство Тамочки. После переправы через Одер его здоровье стало восстанавливаться.

В начале марта Солоневичи сделали недельную остановку в городке Зехлин провинции Мекленбург. Нужно было дать Ивану время для полного выздоровления, подкормить его и подкормиться всем, благо старые друзья-немцы из гостиницы, в которой Солоневичи останавливались до войны, встретили их с распростёртыми объятиями. Друзья хотели узнать правду о том, что всё-таки происходит на востоке. Правду они узнали, и она их не обрадовала. Между тем Юра отправился в Берлин, чтобы выяснить судьбу чемодана, который был спрятан в одном из подвалов перед отъездом в Темпельбург. Каждый вечер в сторону столицы пролетали бесчисленные флотилии «летающих крепостей», поездка была рискованной, но необходимой: в чемодане были консервы и чистая одежда.

К общей радости Юрий вернулся из Берлина живым и здоровым, в обнимку с чемоданом, который чудом уцелел, несмотря на мародёров и ежедневные налёты бомбардировщиков.

После войны Иван часто вспоминал о пути из Померании под Гамбург, с бесконечными вереницами подвод, январской и февральскими вьюгами,

дорогами, заваленными брошенными повозками, сломанными автомобилями и обледеневшими трупам. Он писал:

«Мы ночевали в десятках крестьянских дворов. Нам ни разу не отказали в пристанище потому, что мы — русские». «Это был самый страшный побег моей жизни, — подытожил историю эвакуации из Померании Иван Лукьянович. — Спаслись мы истинным чудом»...

Юрий пользовался любой возможностью, чтобы запечатлеть картины бегства для истории: сделал серию карандашных набросков. Подходящую бумагу в то время добыть было невозможно, и он создавал свои рисунки на оборотной стороне разных регистрационных бланков. Быстрый, уверенный штрих, точно подмеченные детали и тёплое сочувственное отношение к героям зарисовок, среди которых есть и сами Солоневичи. Можно только удивляться тем проявлениям юмора, которые сопровождали Юрия в те смертельно опасные дни.

Много лет спустя Инга Солоневич использовала рисунки мужа, сделанные в дни исхода из Померании, в качестве иллюстраций своей книги воспоминаний «Долог путь до Солола».

Из собственных рисунков военной поры Инга взяла только один — для обложки. На фоне снежной пустыни — бесконечный извивающийся поток повозок, телег, возков и прочего, в основном гужевого, транспорта. На переднем плане — усталые клячи, обречённо волокущие автомашину, в которой давно нет топлива. Карандашный штрих неровен, нечёток, иногда как бы неуверен, и это создаёт ощущение пронизывающего холода, страха и отчаяния...

Глава двадцать шестая В ЗОНЕ АНГЛИЙСКОЙ ОККУПАЦИИ

Первую длительную остановку после бегства из Померании Солоневичи сделали в имении Ниендорф, которое располагалось неподалёку от города Ратцебург. Юра бывал в Ниендорфе раньше: гостил у своего друга, тоже эмигранта, по фамилии Редлих, который работал в имении агрономом. Хозяин Ниендорфа в мирные времена занимался выращиванием породистых рысаков, но война всё изменила: коней почти не осталось, а в стойлах обитали военнопленные — англичане и южноафриканцы.

Беженцы устроились на жительство в двух комнатных «дома для слуг», в котором уже обитали рабочие, привезённые из Польши и Франции. Условия жизни были примитивными, но иллюзия «устроенности», надёжной крыши над головой придавала беглецам оптимизма.

Это были закатные недели Третьего рейха, который из последних сил старался выстоять, разбить в последнем решающем бою армии союзников, наступавшие со всех сторон. Боевой дух подразделений вермахта улетучивался на глазах. По лесам бродили группы дезертиров, их ловили эсэсовцы и показательно вешали на придорожных деревьях. Правда, фольксштурмисты и члены гитлерюгенда всё ещё проявляли боевитость: они рыли бункеры в окрестных лесах, устраивали засады на перекрёстках просёлочных дорог и автострад.

Информацию о событиях в мире Солоневичи тайком черпали из сообщений Би-би-си, используя для этого небольшой радиоприёмник, который везли из Темпельбурга. Его подарил Ивану на прощание доктор Карк: оказывается, он слушал не только «позволенные» нацистами официальные передачи.

Прогнозы Би-би-си предвещали скорый конец войны: рейх близок к капитуляции, его главари разбегаются, сопротивление немецких частей не имеет смысла. Один Геббельс не сдавался, призывал вермахт и германский народ к продолжению героической борьбы: ещё немного, и «чудо-оружие» радикальным образом изменит обстановку на фронтах.

В эти дни в Ниендорфе появилась Рутика. Её лёгкий характер, позитивная энергия, умение разрядить спорную ситуацию шуткой — ещё больше сплотили Солоневичей в обстановке всеобщего хаоса и

предчувствия надвигающейся катастрофы. Иван старался не показывать своих эмоций, но по всему было видно, что вместе ему стало спокойнее, хотя дезертирство Рут с оборонительных работ было серьёзным преступлением. Приезду Рут искренне радовалась Инга. Ей было очень нелегко в беспокойной мужской компании Солоневичей. Теперь рядом с ней была подруга, которая помогала «нейтрализовывать» всех парней, готовить еду (в том числе «деликатесы» из овса и крапивы), обстирывать и, несмотря на постоянно возникающие трудности, не терять женского обаяния.

Серьёзных боёв по соседству с Ниендорфом не было. Главные события происходили где-то вдалеке. Некоторое представление о событиях тех дней может дать фрагмент из книги Солоневича «Диктатура импотентов»:

«Маленький городок покинут немецкими частями, и его обстреливает союзная артиллерия — на всякий случай. Отступившая немецкая артиллерия обстреливает тот же городок, предполагая, что союзники уже там. Городок горит. Снаряды рвутся. Крестьяне и крестьянки на велосипедах и тележках везут подлежащее сдаче молоко в местную маслобойню. Власти, которая издала этот приказ, — уже нет. Но порядок всё-таки должен быть».

В первый день мая Иван, как обычно, включил, но теперь без опаски быть схваченным приёмник и услышал голос немецкого диктора, обычно читавшего репортажи с фронта. На этот раз голос его был преисполнен боли и драматизма:

— Наш фюрер, Адольф Гитлер, сражаясь до последнего вздоха против большевизма, пал за Германию сегодня после полудня в оперативном штабе имперской канцелярии...

Объявление о капитуляции Иван Лукьянович воспринял с видом профессионального пророка, который с самого начала знал, что будет именно так. Возможно, именно в эти дни у него родилась фраза-эпитафия, подводящая итоговую черту под нацистским правлением: «Над всей гитлеровской эпопеей веет мрачный дух Нибелунгов, и заключительный аккорд Второй мировой войны с потрясающей степенью точности повторяет последнюю песнь героев, пьющих кровь своих друзей»...

Инга вспоминала о тех майских днях в Ниендорфе с сарказмом и горечью: «Когда большой день прекращения огня, о котором все мечтали шесть долгих лет, наконец, наступил, всё произошло без драм, фанфар и барабанов. Это произошло... в полной тиши. Вначале прикатили на танках и джипах, пробившись через лесные чащи, американские военные. Они застрелили одного парнишку буквально на наших глазах. Это был

подросток, который не смог дождаться формального разрешения на передвижение и побежал к дому, к своей маме, не услышав приказа „стой“, когда ему сказали „стой“. Они подобрали его и его внутренности и швырнули их на джип вместе с другими военными трофеями».

В те дни Солоневичей больше всего интересовали сведения о размежевании западных и советской оккупационных зон. По понятным причинам, советская часть Германии никак не подходила для жизнеустройства семьи Солоневичей. Иван и Юрий побывали в штабе местного гарнизона, чтобы выяснить, нет ли планов передачи района Ниендорфа под советский контроль. Ответ был категоричен: «Таких планов нет».

Части Советской армии базировались на другом берегу озера на солидном отдалении от парка Ниендорфа. К тому времени американцев сменили английские военные, и с «Томми», как их называл Иван, отношения сложились дружеские. Казалось, можно было жить спокойно. Однако на противоположной стороне думали иначе. Ранним утром солдаты с красными звёздочками на пилотках направились в сторону имения. Невольным свидетелем этого манёвра стал фанатик рыбалки седобородый папаша Редлих, русский эмигрант, враг советской власти. Когда из густого тумана раздалось русское «стой!» и по воде заплясали фонтанчики автоматных очередей, старик, недолго думая, бросился из лодки в воду и поплыл к берегу. Первыми, кого оповестил Редлих о происшествии, были Солоневичи.

Днём удалось выяснить, что кто-то из местных немцев сообщил о Солоневиче «на ту сторону». Сотрудники Смерша отнеслись к сигналу о «важном русском», который скрывался от выдачи советским властям, с полной серьёзностью. Смершевцы решили похитить Солоневича, благо он был рядом: через озеро. По свидетельству Рут, «советским солдатам, которым приказали захватить Ивана Лукьяновича, не повезло, они наткнулись на патруль английской военной полиции и были задержаны».

Сомнений не было: пора уходить дальше на запад. Иван получил пропуск на право передвижения семейства в пределах английской зоны оккупации и документ, разрешающий ему как главе семьи «реквизировать» в случае необходимости жилплощадь любой немецкой семьи. Этим документом Солоневичи не воспользовались. Выгонять несчастных, униженных, попираемых победителями немцев на улицу? Нет, это было невозможно по всем человеческим и христианским законам.

Ниендорф Солоневичи покинули с сожалением. Они успели обжиться в этом имении, и вот — снова дорога, снова неизвестность. Иван развернул

карту и ткнул пальцем в некую точку, которая находилась в нескольких километрах от границы с Данией. Путь предстоял немалый — в город Фленсбург, где, по мнению Ивана, можно было переждать тяготы послевоенного времени. В довоенные времена провинция Шлезвиг-Гольштейн славилась гостеприимством, тишиной своих курортных мест и мясомолочным изобилием. Для этого путешествия семья подготовилась лучше, чем в Темпельбурге. Лошадки, любимцы семьи Сонька и Кофф, дружно цокали копытами по брусчатке и асфальту, и за ними, подпрыгивая на выбоинах, катил крытый фургон на резиновом ходу. Иван и Юрий сопровождали его на велосипедах, и по очереди — на раме — везли Мишку. Рут нездоровилось, лицо её было тронутو заметной желтизной. Она несколько раз теряла сознание, и тогда караван останавливался, и Иван старался привести её в чувство, прикладывая к губам фляжку с кофейным напитком.

«Английский пропуск» помогал преодолевать многочисленные пункты контроля на дорогах. Из массы беженцев и перемещённых лиц «отсевались» для дальнейшей проверки подозрительные лица. В этот бесконечный перечень входили видные функционеры рейха, сотрудники гестапо и абвера, военные преступники, участники карательных акций, служащие концлагерей, коллаборанты нацистов. В Ратцебурге Солоневичи сделали короткую остановку на отдых и стали свидетелями одного из «парадов победы», которые торжествующие союзники проводили в полуразрушенных городах поверженной Германии. Разрозненные кучки немцев молча наблюдали за марширующими подразделениями шотландской пехоты, их клетчатыми юбочками, аккуратными гетрами, тщательно вычищенными башмаками, вслушивались в пронзительно-торжествующие звуки волюнок, и в их некогда по-арийски волевых, а ныне трагически потухших глазах угадывалось изумление. Как могли эти смешные пришельцы в юбочках, которые смешно задирали весенний ветер, разбить, повергнуть в пыль железные легионы фюрера?

Уцелевшие мосты и понтонные переправы на Эльбе были закрыты для гражданских лиц, и Солоневичам, чтобы не терять времени, пришлось двигаться в сторону Гамбурга. В конце 1930-х годов Иван несколько раз выступал в этом городе с лекциями. Сейчас Гамбург был неузнаваем. От центральной части города остались только руины. Бесконечные лабиринты развалин пугали зияющими провалами окон, а зловоние разлагающихся под каменными завалами тел вызывало тошноту.

Рут становилось всё хуже, и её пришлось оставить в одном из полевых госпиталей, развёрнутых англичанами для гражданского населения.

Немецкому врачу хватило мимолётного взгляда, чтобы определить у неё гепатит. Иван обещал Рут вернуться за ней при первой возможности, но она была настолько плоха, что вряд ли понимала смысл его слов.

Караван двинулся дальше. Временами у Солоневичей появлялось ощущение, что они возвращаются во времена Третьего рейха: Шлезвиг-Гольштейн был наводнён вооружёнными частями вермахта, в основном из группировки «Висла». Английские патрули и дорожные заставы не предпринимали никаких действий для интернирования немцев. Более того, на контрольно-пропускных пунктах хозяйничали немецкие военные. По мнению Ивана, немецкая армия оставалась «под ружьём» по приказу из Лондона. Черчилль не доверял Сталину, опасался внезапного рывка Советской армии в сторону Ла-Манша и потому сохранял резерв из испытанных бойцов немецкой армии, имевших опыт борьбы с русскими.

На значительной части Шлезвиг-Гольштейна делами заправляло так называемое правительство гросс-адмирала Дёница, официального преемника Гитлера. Оно просуществовало до 23 мая и только после решительного протеста советской стороны было признано незаконным, а члены его арестованы.

Помимо немецких солдат в провинции сосредоточилось несколько сотен тысяч беженцев из Померании и Восточной Пруссии. Иван понял, что для них, Солоневичей, «жизненного пространства» в Шлезвиг-Гольштейне не было. Не было его и на датской территории. Датчане опасались, что под видом перемещённых лиц их страну заполонят «перекрасившиеся» нацисты и военные преступники, и усилили охрану границы.

Солоневичам пришлось возвращаться. По дороге заглянули к Рут, и она уговорила их забрать её из больницы.

Июнь застал беженцев в Винзене, близ Гамбурга. Юра в ходе своих разведывательно-ознакомительных «вылазок» обнаружил в этом городке импровизированный госпиталь, в котором главным врачом работал балтийский немец Эрнст Кюглер, поклонник публицистики Ивана с довоенных времён. С его помощью в госпиталь были помещены Рут и Инга, которая героически, бок о бок с мужчинами переносила все тяготы жизни на колёсах, пока и её не свалил прилипчивый гепатит. Кюглер буквально вытащил своих пациенток «с того света». Достаточно сказать, что после работы он сам объезжал на велосипеде сельскохозяйственные фермы по соседству с Винзеном, добывая дефицитный по тем временам молочный сыр, чтобы дополнить им скудное больничное меню.

Чтобы жёны не чувствовали себя брошенными, Иван и Юрий

обретались по соседству с Винзеном и тоже занимались поисками пропитания. Мужья немецких фермерш сидели в лагерях — фильтрационных, концентрационных и прочих. Нужда в рабочих руках была большая. Поэтому Солоневичи с их трудолюбивыми лошадками устраивались подёнщиками. Так они обеспечивали себе горячую похлёбку на обед и по булке хлеба на вечер. Это было трудное время для семьи: болезни, жизнь врозь, полное отсутствие перспектив. Не напрасно Инга назвала одну из глав своей книги, посвящённой «парням», — «Сироты».

Между тем приближалась осень, с Балтики непрерывной чередой накатывали нудные морозящие дожди. Дальше откладывать вопрос о поисках постоянной крыши над головой было невозможно. Эта миссия по общему согласию была поручена Юрию, который хорошо разбирался в немецкой психологии, был по-носорожьи терпелив в общении с бюрократами различных рангов и темпераментов и, главное, понимал, что провал «миссии» означал одно: поселение в лагерь для «ди-пи»^[182]. А это — учётные карточки со всеми данными, повседневный контроль со стороны лагерных властей и постоянная угроза выдачи...

Летом и осенью 1945 года по зонам, находившимся под западным контролем, прокатилась волна насильственной репатриации в СССР бывших советских граждан, которые по тем или иным причинам оказались на территории рейха и оккупированных европейских стран. Некоторые акции «по высылке» приобретали характер карательных операций: по периметру лагерей, где были сконцентрированы военнопленные РОА, казачьих частей, 1-го Русского корпуса, а иногда и их семьи, располагались танки, пулемёты, боевые подразделения американской и английской армий. Под угрозой применения силы «русских пособников наци» загоняли в грузовики, отвозили на железнодорожные станции, где под парами стояли составы, которые набивали живым грузом и потом безостановочно гнали на Восток. Попытки сопротивления жестоко пресекались. Счёт шёл на сотни погибших и покончивших с собой.

С особым тщанием сотрудники Смерша и НКВД охотились за теми «главарями» Русского Зарубежья, которые с оружием в руках боролись с Советской армией. Первым и самым крупным успехом был захват генерала Власова, а также некоторых членов его штаба. Ходили также слухи о том, что в ловушку чекистов попал генерал Краснов, автор романов из казачьей жизни. Противоречивые сведения ходили о генерале Бискупском. Кто-то утверждал, что он не сумел вовремя скрыться из Берлина и был вывезен в Москву на расправу, кто-то доказывал, что Бискупский принял участие в

провалившемся заговоре Штауффенберга против Гитлера в 1944 году и был казнён вместе с другими немецкими офицерами. Бесследно пропал Мельский. То ли погиб при обстрелах Берлина, то ли сумел «раствориться» среди миллионов беженцев. Был арестован смершевцами и переправлен в Советский Союз Владимир Деспотули.

Оккупационные власти англичан и американцев не менее настойчиво, чем Смерш и НКВД, проводили денацификацию — по розыскным спискам арестовывались тысячи сотрудников гестапо и других карательных служб, НСДАП, административного аппарата нацистов, органов пропаганды. Те, кто успешно преодолевал чистку, получали сертификат «благонадёжности». Немцы называли подобную справку «перзильшайн», намекая на стиральный порошок «Persil». К лету 1946 года в западных зонах оккупации массовая денацификация уступила место методу «персонального расследования».

Несмотря на противоречивость слухов о позиции западных властей в отношении русско-советских «ди-пи», Солоневич считал, что «теоретически» политический климат был предпочтительнее в английской зоне оккупации. «По отношению к Советам Черчилль всегда придерживался враждебной позиции, — аргументировал Иван свою точку зрения. — После войны у Англии и Советского Союза дорожки неизбежно пойдут врозь». Несмотря на «эксцессы» англичан по отношению к русским перемещённым лицам в Австрии, в Германии они особенного рвения не проявляли и нередко саботировали деятельность советской репатриационной комиссии. Один из её руководителей не преувеличивал, когда отметил в своем ежемесячном докладе: «Прожжённые английские политики, видимо, ещё до окончания войны смекнули, что перемещённые лица им пригодятся, и с самого начала взяли курс на срыв репатриации».

По регистрационным спискам «ди-пи» Солоневичи были «приписаны» к лагерю в Хайденау, где, по выражению Ивана, «в идиотских условиях», в тесноте и обиде, обреталось около трёх тысяч человек. Ивану пришлось пробыть в лагере около недели, и с первых дней он ощутил атмосферу взаимных доносов, недоброжелательства, откровенной конкуренции за место «под лагерным солнцем». Он был слишком замечен в эмигрантской среде и не сомневался, что его идейные и личные враги постараются скомпрометировать его в глазах англичан, представят «другом Геббельса, Гимmlера и самого Гитлера». Любое доносительное письмо определялось в личное дело «ди-пи», и по нему велось расследование. В первую очередь обращалось внимание на наличие у подозреваемого преступного

нацистского прошлого. Малейшее тёмное пятно в биографии (реальное или фальшивое) затрудняло процедуру оформления выезда, задерживало его на месяцы и годы.

В первые осенние дни 1945 года Юрию удалось найти идеальное место для размещения семейства. С уверенной улыбкой человека, знающего, что все права на его стороне, он вошёл в кабинет бургомистра в Холленштедте и положил на его рабочий стол документ, выданный Солоневичам начальником штаба англичан в Ниендорфе. Бургомистр ознакомился с содержанием оформленного по всем правилам документа (печати, регистрационный номер, чёткая подпись) и обречённо взглянул на посетителя, прикидывая, на чей конкретно дом нацелился этот самоуверенный тип, которому покровительствуют англичане. Чтобы продемонстрировать готовность к компромиссу, Юрий доброжелательно сказал, что понимает трудности бургомистра, не желающего конфликтовать со своими, что он, Юрий, тоже не хотел бы доставлять беспокойство жителям подопечной бургомистру территории. Поэтому лучше всего полюбовно договориться: его, Юрия, семья должна получить на зиму жильё, всего-навсего две-три комнаты, причём необязательно, чтобы там была роскошная мебель.

Немец с решением вопроса не тянул и на следующий день вручил Юрию бумажку с адресом: имение Аппельбек Холленштедтского района Ротенбургского округа. Местное военное управление англичан не возражало против проживания Солоневичей в имении, которое находилось в 15 километрах от Хайденау. Писательский статус Солоневича, подтверждённый оригиналами переписки с английским издательством о публикации его книг, стал для британцев решающим аргументом.

Аппельбек был замечательным местом! Красивый просторный дом, красная черепичная крыша которого простиралась на хозяйственные постройки: конюшню, коровник, свинарник, сеновал и небольшую лесопилку. Был небольшой пруд, в котором дремали золотистые карпы. Хозяину, герру Шютте, крупно не повезло. Он воевал в России, попал в плен и теперь вынужден провести пять долгих лет в страшной холодной Сибири. Пока же всеми делами в имении «ворочали» женщины — бабушка Шютте, её дочь Гертруда и юное поколение семьи Шютте — Карин и Карл-Хейнц. Солоневичи собирались прожить в Аппельбеке не более года, но застряли там на все три.

Хозяйки и «подселенцы» поладили, и впоследствии все члены семьи Солоневичей, по свидетельству Рут, вспоминали об Аппельбеке как спокойном местечке, как о «доме». «Мы должны были чем-то питаться, и

мужчинам позволили рубить деревья и колоть дрова (для себя и на продажу). Другими словами, всегда было тепло. Мы не зависели от угля, достать который было практически невозможно. Кроме того, наши хозяева имели своё электричество благодаря маленькому водопаду между озёрами. И ещё у нас был телефон! Чего ещё мы могли желать?»

Там, в Аппельбеке, Иван Лукьянович и Рут заключили в 1947 году официальный брак.

Снова появились в продаже газеты, тиражи которых из-за нехватки бумаги были ограниченными. Иван за соответствующую плату договорился с киоскёром в Хайденау, и тот оставлял для него «Люнебургер Ландесцейтунг». Ссылки на неё довольно часто появляются в книге Солоневича «Диктатура слоя». По этой газете Солоневич следил за ходом судебного процесса над Крамером, комендантом Бельзенского концлагеря, и его подручными. Преступники использовали многочисленные уловки, фальшивых свидетелей, любую демагогию, чтобы оправдаться, скрыть правду, избежать сурового наказания. По мнению Солоневича, этот суд, начавшийся 17 сентября 1945 года, стал своего рода репетицией Нюрнбергского процесса, своеобразной школой для судей, которым предстояло поставить последнюю точку в кровавой истории Третьего рейха.

По «беспроволочному телефону» до Ивана доходили новости о судьбе Бориса. По слухам, после концлагеря «Брейндонк» нацисты перевели брата в другой лагерь — с более мягким режимом. Там Борис получил возможность писать статьи. Некоторые из них он пытался опубликовать во французской и немецкой прессе. Потом немцы выпустили из лагеря всех «националистов-антибольшевиков», в том числе Бориса. Говорили, что почти все освобождённые «платили» немцам за это согласием быть доносчиками.

С приходом англичан Борис обратился к своему «концлагерному опыту» и написал разоблачительную книгу об ужасах нацистских застенков. Книгу заметили члены Союза бывших заключённых «Брейндонка». Они обвинили Бориса в коллаборационизме. В июне 1945 года Борис был арестован агентами Сюрте^[183]. Иван не верил слухам о пособничестве брата, считая, что их распускают агенты НКВД, чтобы добиться его выдачи Советскому Союзу^[184].

И в самом деле, с подачи резидентуры советское посольство в Бельгии принимало меры, чтобы «заполучить» Бориса Солоневича^[185]. Но

бельгийские власти не спешили, мотивируя задержку «отсутствием закона о военных преступниках». Советскому послу было заявлено, что только после принятия парламентом такого закона вопрос о выдаче Солоневича будет рассмотрен. А вскоре Борис был освобождён из тюрьмы и «по состоянию здоровья» (болезнь глаз) направлен «под домашний арест». Летом 1946 года суд всё-таки состоялся, и Борис был приговорён к двухлетнему заключению. Через считанные недели он был освобождён по ходатайству бывшего царского консула Буткевича, который являлся одним из руководителей так называемого Нансеновского комитета.

В 1948 году Борису удалось получить визу и выехать в США. Он некоторое время жил в Чикаго, сотрудничал в газете «Новая жизнь» и писал романы приключенческого или антисоветского содержания.

После настойчивых поисков Иван связался с Всеволодом Левашовым. Они возобновили переписку. Оказалось, что друг находится в американской зоне оккупации, в лагере «Парш» в Зальцбурге. Там он в начале 1947 года женился на Татьяне Владимировне, урождённой Киреевой. В «дипийском» лагере они работали рядом. Особенно сблизила их «тайная деятельность» по изготовлению фальшивых документов для тех обитателей лагеря, которым, как и Левашову, грозила выдача Советам. Из воспоминаний Татьяны Владимировны:

«Спешная работа по изготовлению таких документов началась ещё до того, как я вышла замуж за Всеволода Константиновича, но продолжалась и долго после того, как мы поженились и получили от лагерной администрации отдельную маленькую комнату, в которой и образовалась штаб-квартира новой индустрии. Индустрии спасения человеческих жизней. В этой маленькой комнатке работали два энергичных русских антикоммуниста: Всеволод Константинович и скромный талантливейший художник-график из новой эмиграции... Надо было видеть, с каким удовлетворением, граничащим с восторгом, они после проделанных сложных операций вручали нуждающемуся потрепанную метрику или какое-нибудь удостоверение личности!»^[186] Так у Левашова появился паспорт на новую фамилию — Дубровский (фамилия его родного дяди), и он мог отныне чувствовать себя увереннее.

Переписка Солоневича и Левашова была в основном посвящена проектам возобновления издательской деятельности. Как вспоминала Т. В. Дубровская, «имея за спиной опыт издания печатных органов „Голоса России“, „Нашей газеты“ и „Родины“, совершенно естественно было мечтать об их продолжении и, конечно, как и в Софии, — обоюдными

усилиями. В Германии, где находился И. Л. Солоневич, и в Австрии, где в беженском лагере жил Всеволод Константинович, царил полный развал, и казалось, что эти мечты не превратятся в действительность»^[187].

Для перемещённых лиц были установлены жёсткие правила, существенно ограничивающие их права. Уже счастьем было то, что семейство Солоневичей могло жить не в самом лагере, а за его пределами! В книге «Диктатура импотентов» Солоневич подробно рассказал о том периоде.

«В 1946 году, находясь в культурной Германии и состоя под попечением культурных оккупационных властей, мы *всё-таки* развели огород... Нам, „Ди-Пи“, по существующим законоположениям огородов разводить не полагалось. Мы нашли полянку в лесу, выкорчевали десятка три пней и посадили огурцы — семена были, конечно, куплены на чёрном рынке. Огурцы предполагалось засолить на зиму и обеспечить себя витаминами. Бочек для засола не было. В местном магазине... продавались какие-то полубочонки — неудобные и нелепые. Но можно было приноровить и их. Это, оказалось, были *параши*. Я купил одну. В магазине г-на Кюка в городе Холленштедте, округ Харбург, я дал официальную подписку в том, что эту парашу я буду употреблять только по её официальному назначению. Она всё-таки пошла под огурцы. Так нарушил закон не один я».

С нарушителями закона оккупационные власти боролись теми же способами, что и предыдущая — нацистская: запугиванием, угрозами, поощрением доносительства, облавами. Попадал в облавы и Солоневич, которому по писательским и отъездным делам приходилось много ездить за пределы района его приписки в качестве «ди-пи» (с начала 1946 года он хлопотал о выезде в какую-либо из стран, «безопасных» в плане выдачи Советскому Союзу).

Чтобы не рисковать лишний раз, Солоневичи старались перейти на самообеспечение, развивали «натуральное хозяйство». Например, отсутствие хозяйственного мыла в продаже было возмещено изготовлением мыла самопального. Как-то Иван поделился в кругу семьи воспоминаниями о том, что точно такую же «мыльную нужду» он, Тамара и Юра испытывали в годы военного коммунизма, но — голь на выдумки хитра: варили своё собственное мыло да ещё приторговывали излишками на рынке. Иван перечислил необходимые ингредиенты для кустарного изготовления мыла, описал процедуру варки.

Так получилось, что домашняя технология «мыловарения» в

изложении Ивана довольно скоро пригодилась. Инга и Рут узнали, что в хозяйстве Шютте по естественным причинам сдохла одна из хрюшек. Она была погребена на окраине леса. Узнав об этом, жёны Солоневичей стремглав бросились к месту её захоронения с лопатами и кухонными ножами. Хрюшка была извлечена на свет и подвергнута аутопсии, но не для определения причин смерти, а с целью извлечения жира.

Проверенная жизнью технология мыловарения не подвела. Свиное сало, щёлок, вода из пруда, — из этой комбинации исходных элементов удалось изготовить вполне терпимое по качеству мыло, тошнотворный аромат которого разносился по всей округе в дни постирушек и помывок.

В середине 1946 года агенты МГБ установили место жительства Солоневичей — село Аппельбек, Холленштедтский район, неподалеку от Гамбурга. Сотрудники ведомства были настолько загружены работой, что розыскное дело № 973 на Ивана Солоневича завели с большим запозданием — 6 февраля 1948 года! Оно находилось «в производстве» 4-го Управления МГБ. Фамилия Ивана Солоневича значилась также на 736-й странице алфавитного розыскного списка № 1 МГБ СССР. В годы войны Солоневич, отбывая ссылку в Померании, ни разу не попал «в поле зрения» НКВД и Смерша. Поэтому в постановлении на заведение дела ему вменялись «старые грехи»: организация «штабс-капитанского» движения, издание газеты «Голос России», участие в «созданном немцами» «Русском национальном фронте».

В июле 1946 года Ивану Солоневичу пришлось лечь в больницу в городе Бухгольц-ин-дер-Нордхайде. «У меня появилось нечто вроде ревматизма», — писал он, явно преуменьшая серьёзность своей болезни. Больше, чем ревматизм, его беспокоили острые желудочные боли. Выбор больницы был определён тем, что туда перебрался из Винзена Эрнст Кюглер, тот самый, который излечил год назад Рут и Ингу. Кюглер хорошо знал русский язык, был знаком с основными произведениями своего пациента и, самое главное, был монархистом. Иван Солоневич получил в качестве «почётного гостя» отдельную палату и, по его словам, был подвергнут «самым современным методам лечения». Главной темой для общения была, конечно, монархическая. Кюглер ностальгически вспоминал о годах своей жизни в Российской империи, о великодушном «стиле правления русского самодержавия».

В больнице Солоневич имел возможность пообщаться с «бывшими советскими», в том числе дезертирами. В своей статье «Вопрос о династии» он рассказал о том, как помогал им сочинять «новые

биографии», чтобы избежать выдачи в СССР, и давал практические советы о том, как преодолеть трудности жизни на чужбине.

Эрнст Кюглер поддержал своего русского друга и в другом: «организовал» ему операцию на глазах, чтобы спасти от окончательной слепоты. Но подходящих очков долгое время достать не удавалось: послевоенная разруха!

Осенью 1946 года Иван ездил в Мюнхен для налаживания связи с Высшим монархическим советом. Город в то время был центральным пунктом сбора эмигрантов и местом предпочтительного базирования различного рода международных организаций, работающих с «ди-пи».

Солоневич встретился с председателем совета П. В. Скаржинским, который пообещал выделить средства на издание книги о том, «что именно свершалось в Германии — точнее, в германской „восточной политике“ за 1938–1945 годы». Книга «страниц в 250» должна была выйти в свет к моменту отъезда Солоневичей из Германии. «Выпустить её раньше, — объяснял Иван Лукьянович, уже находясь в Аргентине, — было нельзя. Английские оккупационные власти, которые в ряде случаев оказали мне весьма существенную помощь, настойчиво предупреждали, чтобы я не писал решительно ничего: „иначе нам было бы трудно отказать Советам в вашей выдаче“. Валютная реформа (в западных оккупационных зонах) сорвала издательские планы Высшего монархического совета. В обозримое время эта книга никак не может выйти в свет».

Что имел в виду Солоневич? Как понять это выражение «в обозримое время»? Многие «мотивы» этой неизданной работы Иван Солоневич использовал в первых номерах газеты «Наша страна», но при жизни автора она так и не была полностью опубликована. Лишь в 1956 году рукопись была издана Дубровским отдельной книгой под названием «Диктатура слоя». Судя по всему, Солоневич, а позднее и Дубровский понимали, что издание подобной книги в Аргентине при правлении Хуана Перона было бы воспринято как прямой вызов. Хустисиализм Перона был аргентинской интерпретацией социализма, — а о «социализме» и в советском, и в нацистском варианте в «Диктатуре слоя» было сказано столько разяще-критического, что при желании многое из этого можно было бы приложить к хустисиализму.

В сентябре 1955 года Хуан Перон был свергнут, а вместе с ним и его хустисиалистский строй. Главное препятствие к изданию «Диктатуры слоя» исчезло...

Солоневич внимательно присматривался к послевоенной деятельности Партии солидаристов (экс-«новопоколенцев», энтээсовцев), её политической линии в отношении других организаций эмиграции. Из испытания войной солидаристы, казалось, вышли, окрепшими, умудрёнными опытом «практической работы» на оккупированной территории СССР. Они сумели наладить деловые отношения с представителями западных властей, контролировали несколько лагерей с «дипийцами», что позволяло им ускоренными темпами пополнять свои ряды.

В лагерях солидаристов царили порядок и дисциплина. Солоневич писал: «Осенью 1946 года я ехал из Мюнхена в Гамбург. В Мюнхене мои друзья снабдили меня такими сокровищами, как папиросы, шоколад, кофе, консервы и прочее, — время было очень голодное. По дороге я дня на три остановился в лагере Менхенгоф, находившемся под управлением солидаристов. Мои друзья из числа солидаристов дали мне комнату. Я попросил ключ, — в лагере было около трёх тысяч всякой публики, и было бы рискованно оставлять мои сокровища не под замком. На мою просьбу о ключах мне ответили, что здесь — русский лагерь, и что здесь не воруют. Три дня мои сокровища лежали открытыми всяким вожделениям, и за три дня не пропало ни одной папиросы».

Писатель постоянно подчёркивал в своих статьях, что никакого личного мотива для вражды с солидаристами не имеет, напоминал о том, что в их рядах у него есть друзья. В частности, Солоневич писал: «В Гамбурге у меня был добрый приятель, — В. Д. Самарин^[188], новый эмигрант, солидарист и редактор партийного (солидаристов) еженедельника „Путь“. Милейшей души человек, глава настоящей русской семьи, радушной и гостеприимной — и вообще хороший человек. В смысле „русскости“ и радушия — намного лучше многих самых старых эмигрантов».

И всё-таки довольно скоро Иван пришёл к выводу, что энтээсовцы действуют «предательски» по отношению к другим эмигрантским организациям, стараясь проникнуть в них, разложить изнутри, перетянуть к себе самых активных членов. Солоневич подкреплял свои выводы тем, что 15-й пункт довоенного устава «новопоколенцев» — «принцип разложения» — так и не был отменён на съезде солидаристов, который прошёл весной 1948 года под Франкфуртом.

Под административным и политическим контролем НТС находились десятки тысяч русских людей, ожидавших решения своей судьбы. Солидаристы, по словам писателя, объявили себя «всей эмиграцией» и

терроризировали «дипийцев» угрозами сорвать их выезд за границу. «Мне известен факт, — писал Солоневич, — когда в управляемом солидаристами лагере Фишбек в 25 километрах от Гамбурга человек, предлагавший новым „Ди-Пи“ монархическую литературу, — кустарную и бедную — был арестован и передан немецкой полиции по обвинению в коммунистической пропаганде».

Весной 1947 года Солоневичи стали готовиться к отъезду из Германии. Во время странствий по дорогам Германии планы переезда в Америку обсуждались не раз. Первую попытку оформления эмиграционных документов они предприняли ещё в начале 1940 года. Но война смешала все карты. От тех документов вряд ли что сохранилось: сгорели вместе с американским консульством после бомбёжки. Теперь — вторая попытка, и Иван надеялся, что все необходимые процедуры будут пройдены быстро. Надо было только восстановить связь с друзьями в Соединённых Штатах.

Иван ещё не знал своего «конечного адреса», но заранее побеспокоился о вывозе рукописей. Это дело он поручил энтээсовцу А. Тенсону, приятелю Юрия. Как впоследствии констатировал Солоневич, рукописи «пропали, так и не были переброшены никуда... Они пропали бесследно, — что было бы очень большой неприятностью, если бы у меня не остались их копии».

Первая послевоенная публикация, в которой сообщалось о судьбе бывшего вождя «штабс-капитанов», появилась 20 мая 1947 года в издававшейся в США газете «Русская жизнь». Статья была напечатана под заголовком «Писатель Иван Солоневич спасся (из его письма друзьям в Калифорнию)». Конечно, это был пробный сигнал, попытка «всплыть на поверхность», проверка реакции «своих и чужих»:

«После перерыва в несколько лет я, наконец, имею возможность сообщить о своём существовании. Это я делаю несколько на авось: сквозь мытарства последних лет я спас, кроме оптимизма, — сына, его жену и моего внучонка, „престарелую и многострадальную“ пишущую машинку, — мои новые рукописи и ряд адресов моих бывших друзей. Возможно, что в эти адреса вкралась ошибка. Возможно также, что за эти страшные годы Ваши интересы и симпатии подверглись некоторому пересмотру. Очень много людей ухитрились „бердязезироваться“, сменить свои вехи, сжечь старых богов и отправиться на поклон всяким новым. Это старое традиционное и привычное занятие, всосанное российской интеллигенцией с млеком всех философских ослиц истории. Если такого сорта превращение произошло и с Вами — прошу считать моё письмо недействительным».

Судя по тональности письма, Солоневич не слишком верил, что его встретят литаврами и фанфарами:

«Около года тому назад, после разрешения переписки с границей, я обратился к некоторым людям в Нью-Йорке, имена которых я пока не хочу называть. Я получил восторженный ответ и кучу обещаний: посылки, одежда, визы. Я никому больше не писал. Прошёл год. Мы также наги, голодны и „безвизны“, как и раньше. Полагаю, что я здесь столкнулся просто с хлестаковщиной. Но не исключается и худшее. Приходится начинать всё сначала».

В этом письме несколько раз упоминается о голодной «дипийской» жизни: «Вот я, писатель с почти мировой известностью — мои книги как-никак появились на 17 языках, — не так давно атаковал в поле ястреба, отбил у него остатки недоеденного кролика, мы их сварили и съели: ну чем не Питекантропия?!»

Этот «сюжет с ястребом» в развёрнутой форме Солоневич использовал позднее в книге «Диктатура импотентов». С шокирующей откровенностью он коснётся темы лишений и голода, с которой «дипийцы» повседневно сталкивались в оккупированной Германии. Вот фрагмент из книги:

«Совсем недавно, в марте 1947 (сорок седьмого!) года я очень хотел есть. Не в первый раз и не я один: также хотели есть мой сын, его жена и мой внук. И есть было нечего: очередная посылка от наследников Нэтти Бумпо нам, наследникам Гегеля, где-то застряла по дороге... Мои репортёрские глаза заметили огромную хищную птицу, что-то доедающую, а мои футбольные ноги понесли меня к ней. Это было что-то вроде морского орла, и доедал он — без карточек — какого-то кролика. Орел был огромен. Он расправил свои самолётные крылья и встретил меня угрожающим клёкотом. Я сгрёб основательный сук: дело шло о struggle for life — о *пище*. Так мы стояли оба: писатель и птица. Я сделал несколько шагов вперёд. Птица ещё выше подняла свою орлиную голову. Я снял пальто, обернул его вокруг левой руки, как плащ тореадора, и стал наступать. Птица заклекотала ещё раз — потом, видимо, признав моё культурное превосходство — взмахнула крыльями и улетела. На земле оказались задние ноги кролика, остальное птица уже успела съесть. Я эти остатки поднял. Мы их сжарили и съели. Ну — чем не Питекантропия?»

Статья «Иван Солоневич спасся» заканчивается драматическим прогнозом:

«А пока что — отвратительно до предела. И не только потому, что есть нечего, а ещё и потому, что остатки т. н. христианской морали в Европе (если она здесь когда-либо вообще существовала) ещё более гнусны, чем

останки кролика. Если сегодня Сэми и Томми отсюда уйдёт, то сегодня же вечером начнётся всеобщая резня — все будут резать всех. Но и все будут резать нас: как классовых, расовых и проч. чужаков».

Нужно ли говорить, что статья «Иван Солоневич спасся» была «замечена» сотрудниками советской резидентуры, действовавшей в тот период в Сан-Франциско. Информация об «откровениях» «известного антисоветчика» в дипломатической вализе ушла в Москву на Лубянку.

Летом 1947 года лагерь Хайденау возглавил новый начальник — мистер Левин, «свеже импортированный из Англии». У Солоневича отношения с ним не сложились. В книге «Диктатура импотентов» есть пассажи, которые прямо указывают на то, что у писателя не раз чесались руки, чтобы «дать м-ру Левину по физиономии». Останавливало Ивана только то, что в качестве «ди-пи» он был очень уязвим. Конфликт в конечном счёте мог привести к его «показательной» высылке в Советский Союз, чтобы другим бунтарям неповадно было оспаривать решения начальства. Особенно раздражало Солоневича то, что Левин, «бывший невзрачный писец на задворках какой-нибудь конторы», с бюрократическим упрямством пытался «вернуть» его в барак: мол, отныне никаких послаблений в режиме для всех приписанных к лагерю не будет!

Борьба завязалась нешуточная, но все бюрократические крючки Левина Солоневич преодолевал с помощью кучи документов, справок и решений военного управления оккупационной зоны.

Тем временем семейный «клан Солоневичей» пополнился ещё одним членом — малышкой Улитой. Для подтверждения права на паёк девочку нужно было еженедельно показывать лагерному начальству: жива или нет, не получают ли эти хитрые «ди-пи» питание на «мёртвую душу». Для Солоневичей с их опытом преодоления бюрократических сетей проблем с этим не было:

«От нас до лагеря 15 километров просёлочной дороги. Авто, понятно, у нас нет. Возить новорожденного ребенка на вело или на чём попадая никакой возможности нет. Сын арендует на час-полтора соответствующего ребёнка в одном из немецких семейств в Хайденау и демонстрирует его любвеобильной администрации: вот, видите, жива».

Были просветы и «на фронте» борьбы с голодом. Из Соединённых Штатов стали поступать продовольственные посылки от Марины Сергеевны Кингстон и Александра Фёдоровича Ключкина. Они же взяли на своё «обеспечение» семейство Левашовых-Дубровских. И Солоневичи, и Дубровские считали, что именно эти посылки спасли их от

полуголодного существования в первые послевоенные годы.

Через Международную организацию помощи беженцам — *IRO* — Иван Солоневич после долгих, временами унижительных хлопот получил на всю семью визы в Аргентину. Рутка из-за замужества за «владельцем нансеновского паспорта» утратила своё немецкое подданство и была вынуждена переоформлять документы. Это задержало её выезд из Германии на несколько месяцев.

И вот Солоневичи снова собираются в дорогу. Они щедро заплатили водителю грузовика, чтобы без проблем добраться до Фаллингсбостеля, откуда отправлялись за океан «дипийцы», которым повезло с поисками принимающей страны. Фаллингсбостель оказался жутким местом: при нацистах вокруг городка действовали концентрационные лагеря для советских военнопленных. Неухоженные кладбища, заросшие лебедой и крапивой, с тысячами безымянных могил, были страшным напоминанием о недавней войне.

Тягостные дни мая 1948 года Солоневичи провели в «дипийском» лагере Фаллингсбостеля: нескончаемые ряды огромных солдатских казарм, переполненных измученными людьми. Было сыро, голодно и по ночам холодно. Сырость увлажняла табак, и это особенно злило Ивана. Без курения он нервничал больше обычного. А тут снова анкеты, бесконечные комиссии и — полная неизвестность о том, что «готовит грядущий день». Юра сутками бился в неимоверно длинных очередях, чтобы добыть билеты на поезд до французского города Канны. Именно оттуда им предстояло отправиться в далёкую Аргентину. Но конкурентов было много, казалось, что все жители Европы спешили покинуть свой континент, словно предчувствуя новые беды, войны и катастрофы. Среди тех, кто ожидал отправки, было несколько еврейских семейств. Несмотря на новые времена и особую предупредительность оккупационных властей, они боялись оставаться в Европе. Особенно много говорили о советской угрозе и агрессивных планах Сталина. Наконец Юра с помощью всё той же *IRO* получил билеты на поезд. И Солоневичей не огорчило, что все билеты были «стоячие»: только бы скорее выбраться из Питекантропии!

Канны стали их последней остановкой в Европе перед отбытием в Южную Америку. С вокзала семейство напрямик направилось в отель на берегу моря. После мучительной ночи в забитом до предела поезде, в антисанитарных условиях, среди десятков таких же несчастных «клиентов» *IRO*, отстаивавших своё право на лишние сантиметры пространства в

тесном вагоне, Солоневичи выглядели не лучшим образом. Они с честью выдержали это последнее перед броском за океан испытание, гордо продефилировав мимо курортников: растрёпанные, помятые, увешанные детьми и пожитками, источая «запах странствий», который ничем не напоминал аромата «Шанели». Приведя себя в порядок, в предвечерний час Солоневичи все вместе вышли на берег. Покой, мягкий средиземноморский ветерок, неторопливый шорох прибоя. Сонное мерцание городских огней успокаивало, возвращало надежды на счастливое будущее «подальше» от разрушенной враждебной Европы, в которой у Солоневичей не было ни крыши над головой, ни перспектив, ни гарантий безопасности.

И вот Европа позади! Они на пароходе, а вокруг — бескрайние воды океана. Существует два описания этого рейса через Атлантику. Одно принадлежит перу Инги, второе — Ивана Солоневича.

Для Инги путешествие было полно поэзии и отдохновения: «Как необычна эта ленивая жизнь, это сидение в шезлонге, как приятно смотреть через сверкающий, наполненный солнцем океан в сторону горизонта, который таит секреты нашего будущего... Пища была сытной и хорошей, несмотря на то, что состояла она в основном из французского хлеба, красного вина и макарон, то есть того, что любил Юра... Один ленивый день следовал за другим, словно волны в безбрежном море. Наконец я почувствовала запах земли, — учуяла новый мир прежде, чем увидела его, — странный экзотический аромат орхидей, пряностей и вулканической пемзы. А вот и знаменитая „Сахарная голова“ Рио в отблесках солнечного заката!»

По мнению Ивана, рейс выдался на редкость тяжёлым. Солоневич описал его без каких-либо намёков на романтику дальних путешествий: «Мы ехали на итальянском пароходе. Перманентные макароны на гнилом жиру привели наше пищеварение в такое состояние, от которого мы не можем отделаться до сих пор. Десятка четыре писем, отправленных с парохода воздушной почтой, не пришли никуда. Денег у нас не было ни копейки».

Во время плавания у Ивана было достаточно времени для размышлений о жизни. Трагическое прошлое отрезано Атлантикой, будет ли счастливее новый этап? О своих нерадостных выводах Иван Солоневич написал в книге «Диктатура импотентов»:

«За революционные тридцать лет (в СССР и Германии. — К. С.) я перепробовал профессии: кооператора, инструктора спорта, профессионального грузчика, профессионального рыбака, циркового

атлета, фоторепортёра, варил мыло издохлого скота и питался морскими улитками. Раза два-три пробовал заниматься так называемой спекуляцией, но из этого ничего не вышло. Сидел в советском концентрационном лагере и попал в германскую ссылку. Голодал много и сильно. Опытом тридцати лет революционной жизни в социалистическом СССР и в национал-социалистическом Третьем Рейхе может похвастаться не всякий. Если бы меня сейчас спросили, что есть самого характерного во всём этом опыте, я бы ответил: чувство унижения».

Удастся ли ему прожить без этого чувства в Аргентине?

Глава двадцать седьмая

УБЕЖИЩЕ В АРГЕНТИНЕ

На землю Аргентины семья Солоневичей сошла по гулкому металлическому трапу парохода «Brazil» 29 июля 1948 года. Их пожитки — несколько потрёпанных чемоданов и картонных коробок — затерялись в глубоких трюмах (позже Юра отыскал их, потратив на это несколько дней). Вместе с другими «европейцами», мечтающими обрести, наконец, надёжное жизненное пристанище, Солоневичи поехали на неповоротливых тёмно-зелёных автобусах в Дом иммигрантов. Довоенный представитель «Голоса России» в Буэнос-Айресе — Киселевский, на поддержку которого так рассчитывал Иван, в порту не появился. Глядя из окон автобуса на бесконечные причалы и корпуса пароходов с экзотическими названиями, отец и сын озабоченно обсуждали неприятную ситуацию. В первые дни пребывания в незнакомой стране очень не помешали бы дружеские совет и помощь, в том числе в виде крыши над головой.

Ощущение неопределённости длилось недолго. У входа в иммиграционное управление их ждали двое приземистых загорелых мужчин. По их скромному внешнему виду и мозолистым рукам было заметно, что зарабатывают они на жизнь физическим трудом. Оказалось, что в прошлом они были членами «штабс-капитанского» движения. Узнав о прибытии своего идейного вождя, решили поприветствовать его и предложить помощь. Надо ли говорить, что их предложение было с благодарностью принято.

Вот как написала об этом Инга:

«Бедные, но добросердечные старожилы предоставили нам одну из двух своих комнатух в Буэнос-Айресе, а также кухоньку во дворе, котёл и два мешка, набитых шерстью, которые, брошенные на ледяной кирпичный пол, служили нам матрасами. В том многострадальном котле я вначале кипятила пелёнки, затем варила суп и в заключение грела воду для чая. Иногда, когда начинал дуть ветер из Патагонии, нам было холоднее, чем в Финляндии... Наш багаж ещё не был найден. И мы ходили в летней одежде, той самой, в которой в июле стартовали [из Европы]. Но дело в том, что в Аргентине это — зимний месяц».

«Старожилы» поддержали Ивана в главном — в его издательской деятельности. Он вспоминал: «За четыре месяца наши штабс-капитаны, до

сих пор мне вовсе неизвестные, набрали денег для газеты, окружили нас всех истинно трогательными заботами».

В течение трёх дней Иван с помощью вновь приобретённых друзей оформил все необходимые бумаги для легализации пребывания семьи в стране. По их же совету побывал на калье Брасиль, где находился Свято-Троицкий храм, чтобы познакомиться с его настоятелем отцом Константином (Изразцовым)^[189]. Солоневич знал, что благодаря хлопотам отца Константина Изразцова правительство Аргентины широко распахнуло двери страны для русских «дипийцев». Президент Перон подписал указ о допуске в Аргентину десяти тысяч бывших советских граждан.

Получасовая беседа с престарелым священником (сморщенное лицо, седая борода, заметно дрожащие руки) оставила у Солоневича двойственное впечатление. С одной стороны — неторопливые расспросы о планах жизнеустройства в стране и печатании газеты (Изразцова уже оповестили об издательских планах Ивана), с другой — подчёркнутое отсутствие эмоций и соблюдение дистанции. Лишь иногда, когда Солоневич упоминал о сложных эпизодах своей жизни в Советском Союзе и «трениях» с нацистским режимом по поводу будущего России, в глазах батюшки возникал отблеск живого интереса. Из реплик Изразцова было понятно, что священник не примирился с «победой Сталина» в войне, которая, по его словам, только продлит страдания русского народа под «гнётом коммунистов».

Ивану довелось услышать об Изразцове разные мнения. Кто-то превозносил его («он спас меня и семью»), кто-то напомнил о фактах категорического отказа батюшки ходатайствовать за тех «дипийцев», которые были «сомнительны» по своим связям с Советами. Изразцов не доверял «религиозным послаблениям» военных лет в СССР, называл их «фикцией», временной уступкой чувствам верующих, чтобы «организовать» их на общенародную борьбу с Гитлером. Юра, учивший испанский язык по затрёпанному учебнику начала века и подшивкам газет, обнаружил в них несколько интервью Изразцова, в которых священник не скрывал надежд на победу Третьего рейха. В принципе, он был сторонником той позиции, которую занимала значительная часть русской эмиграции: пусть немцы побьют большевиков, а «разобраться» с немцами потом мы как-нибудь сумеем.

Едва освоившись в Буэнос-Айресе, Иван взялся за налаживание газеты. Он пробивал лицензию, писал впрок статьи для первого номера, изучал «рынок» русскоязычных газет, которых в стране было шесть! Нанёс

ещё один «принципиально важный» визит — к «ветерану» русской прессы в Аргентине Сергею Ивановичу Стапрану, который приехал в страну в 1929 году из Латвии. К деятельности этого «ведущего издателя» «русского Буэнос-Айреса» присматривалось советское посольство. В справке о нём, составленной дипломатами в 1949 году, в частности, отмечалось:

«С. И. Стапран был добровольцем во время Первой мировой войны, дослужился до чина прапорщика. Во время революции состоял в эсеровской организации Бориса Савинкова, принимал участие в Ярославском мятеже. Был арестован, но во время пересылки бежал из-под конвоя. После этого Стапран скрывался в Латвии, недолгое время был даже членом правительства, но из-за „раздора“ с президентом Ульманисом от полномочий отказался. В Риге издал книгу воспоминаний „От мрака России к солнцу Латвии“. После приезда в Буэнос-Айрес основал газету „Русский в Аргентине“. Первоначально она была резко антисоветской, ориентированной на РОВС (филиал его был создан в Буэнос-Айресе в 1931 году). С 1941 года она заняла просоветскую позицию.

Самым близким его сотрудником является белоэмигрант Григорьев^[190], автор большинства передовых статей. По прежней профессии он — адвокат. Некоторое время Григорьев работал штатным сотрудником „Сексьон эспесиаль“, департамента полиции по борьбе с коммунизмом.

Основной доход Стапрану приносит не газета, а клиника „Суипачи“, совладельцем и администратором которой он является».

О Солоневиче Стапран был наслышан, имел в своей библиотеке книги «Россия в концлагере» и «Памир», о которых отозвался с похвалой:

— Написано кровью сердца, веришь каждому слову.

Стапран угостил Ивана местным «чайком» — йерба-мате, заварив его в серебряном сосуде «для почётных гостей», и дал дельные советы по процедуре оформления лицензии на издание газеты. Он обещал позвонить «кому надо» для облегчения дела (действительно, позвонил!), дал адрес поставщика «относительно недорогой» газетной бумаги (дефицитной в то время), предупредил о «повышенном градусе патриотизма» аргентинских властей и посему рекомендовал воздержаться от какой-либо критики на «местные темы».

Пожимая при прощании руку Солоневича, Стапран сказал:

— Новую газету в Буэнос-Айресе, да ещё русскую, можно поставить только большой кровью. Здоровья вам, кажется, не занимать, справитесь. Но рынок платных объявлений здесь очень ограничен, тут мы будем весьма

и весьма конкурировать, предупреждаю заранее.

Иван о рынке платных объявлений не думал совсем. «Наша страна» будет политическим, а не коммерческим изданием...

Солоневича беспокоило, что за время, прошедшее с 1941 года, он как бы пропал для эмиграции, оказавшись вначале в ссылке, а затем в оккупационной зоне. Все эти годы сказать то, что он считал правдой, — было нельзя, а говорить то, что он не считал правдой, — он не хотел. Семь лет вынужденного молчания — это большой срок. Не забыли ли его? Перспектива возвращения в эмигрантскую публицистику вдохновляла Солоневича. Инга вспоминала: «Наконец-то Ва [Иван] смог заниматься газетой, и знакомый стрекот его пишущей машинки, который неизменно сопровождал нас во всех наших приключениях, заполнил пустоту долгого молчания».

Юрий помогал отцу в его каторжной работе всем, чем мог. Чтобы лучше освоиться в Аргентине, он в ускоренном темпе выучил испанский язык, седьмой по счёту в его лингвистическом багаже. В поисках заработка Юра делал всё: красил стены домов, расписывал вместе с Ингой кафельные плитки «местными сюжетами» с конными гаучо для продажи туристам, не гнушался работой грузчика. Он обивал пороги изданий, которые находились под финансовым и политическим контролем Эвиты — обворожительной жены президента Перона, предлагая карикатуры «политического содержания», как правило, со Сталиным в качестве главного героя. Одну из этих карикатур широко воспроизвела не только аргентинская, но и мировая пресса: голова Сталина высовывается из танкового люка, вот-вот начнётся марш-бросок в сторону Ла-Манша. За спиной генералиссимуса — зловещая тень Гитлера, протягивающая ему пузырь с цианистым калием: «Возьми, пригодится!»

Настойчивость Юры принесла плоды: его пригласили художником в официальный (и потому денежный) журнал «Аргентина», который начали издавать по инициативе Эвиты в рекламно-пропагандистских целях.

Первый номер «Нашей страны» дался Ивану действительно большой кровью. Газета вышла в свет 18 сентября 1948 года, через полтора месяца после прибытия Солоневичей в Аргентину. В числе первых поздравил Ивана с «премьерой газеты» Стапран:

— Спасибо за присланный номер. Прочёл на одном дыхании. А корректора своего гоните прочь! Никуда не годен!

Иван усмехнулся. Корректурой в страшной спешке занимались они с

Юрой. До каких-то статей просто не дошли руки.

Вспоминая о каторге первых месяцев издания «Нашей страны», Иван писал:

«Так, как мы работали эти месяцы, — мы не работали даже и в концлагере ББК... Наша „организация“ оказалась форменным скандалом: люди, на поддержку которых мы — „по организационной схеме“ — могли бы рассчитывать, начисто умыли руки... Люди, которые ни в какие „организационные схемы“ не входили, нас кормят, поят и даже снабдили меня шляпой. Они же дали деньги на издание по крайней мере первых номеров».

Чтобы газета выходила регулярно, Солоневич забывал обо всём, просиживая дни и ночи за письменным столом. Сложности встречались на каждом шагу. Больше всего он был недоволен технической стороной издания газеты. В типографии не слишком старались, видимо, считая «Нашу страну» провальным делом, типичной эмигрантской газетой-однодневкой. В редакции не было минимально необходимой справочной литературы, в том числе орфографического словаря. Не было ни одного экземпляра собственных книг Солоневича! Перед тем как покинуть Германию, он пытался «разжиться» хоть чем-то из своего «литературного наследия», но без успеха:

«В американском, английском и французском издательствах был, оказывается, распродан весь тираж („России в концлагере“. — К. С.). Немецкое издание было запрещено гитлеровским правительством, и очередные сто тысяч в продажу допущены не были — и попали в Лейпциге советчикам, а союзники конфисковали все книги И. Л. С. даже из немецких библиотек — как „вызывающие вражду между союзниками“ — САСШ и др., с одной стороны, и СССР — с другой».

За воссоздание «справочной полки», библиотеки и архива взялся предприимчивый Юра. Он выпрашивал книги, брал их «взаймы», покупал и охотно принимал в дар довоенные издания трудов отца, «Белой библиотеки», подшивки «Голоса России», «Нашей газеты», «Родины» и другие материалы.

В первом номере газеты Иван подвёл итоги «европейского этапа» своей литературно-публицистической деятельности. Ему хотелось поделиться с читателями своим опытом и переживаниями, рассказать о тех испытаниях, через которые ему, как и другим «дипийцам», пришлось пройти. Но не это было главным. Вдохнуть надежду в деморализованные души «дипийцев», прибывших и продолжающих прибывать в Аргентину и другие страны Латинской Америки, США и Канады, — вот что он считал

своей первоочередной задачей.

Иван понимал, что «штабс-капитанское» движение осталось в прошлом. Перспектива, которую Солоневич прежде рисовал для него, — провалилась. «Служилый слой» не дождался своего часа «икс». Он не был востребован Россией и русским народом. Надежд на это оставалось всё меньше. После Второй мировой войны Советский Союз распространил своё влияние на Восточную Европу. Многие члены «берлог» и более половины подписчиков «Голоса России» оказались за железным занавесом. Следовательно, надо было искать другую перспективу и создавать несколько другое движение, сохраняющее всё ценное, что было в его идеологических установках, разработанных для «штабс-капитанов». Солоневич был уверен в одном: народно-монархическая идея не потеряла значимости для русской эмиграции первой волны и обязательно приобретёт сторонников среди второй...

Из пепла и руин недавних потерь, катастроф и поражений возникла концепция новой газеты для новой эпохи, были обозначены её ориентация и соответствующая ей редакционная политика. Среди задач, поставленных Иваном перед «Нашей страной», была одна неизменная для всей его издательско-публицистической деятельности: борьба за возрождение и развитие национально-государственной традиции, за внедрение в эмигрантскую массу идеалов народной монархии.

Чёткое определение целей, считал Солоневич, поможет реальному объединению сознательной части эмиграции, эффективности её совместной политической работы. Враг оставался прежним: коммунистический режим в России. Главными проблемами современности, по мнению писателя, были следующие: противостояние капиталистического и народно-демократического лагерей, возрастающая угроза атомной войны, экспансионизм сталинской империи и неоправданная беззубость Соединённых Штатов перед лицом коммунистической угрозы.

Иван начинал дело без авторского коллектива, большая часть материалов в первых номерах принадлежала его перу. Но это не было ему в тягость, он истосковался по общению с читателями: и со «штабс-капитанами», и с недавними подсоветскими гражданами, заброшенными на чужбину. Опытный журналист понимал, что ему предстоит нелёгкая задача завоевания душ и сердец второй волны эмиграции, но не собирался играть с ней в поддавки, отказываться хотя бы от малой части своих выстраданных убеждений. Иван был уверен, что идея народной монархии будет с сочувствием и пониманием воспринята этими дезориентированными,

обездоленными, отторгнутыми Советским Союзом людьми.

Для тех, кто после многолетнего перерыва раскрыл «газету Солоневича», встреча стала настоящим праздником. Их властитель дум остался прежним: за годы вынужденного молчания его темперамент бойца-публициста не выдохся, не обеззубел, не утратил эмоциональности и той запредельной искренности, которая помогала Солоневичу приобретать друзей даже при самых неблагоприятных обстоятельствах. Его публицистический талант приобрёл высшую зрелость, отточенность, внутреннюю завершённость.

В первых номерах «Нашей страны» Солоневич обещал читателям рассказать о своих встречах и беседах с генералом Власовым. Кроме того, Иван уведомлял: «Газета планирует начать серию публикаций-свидетельств о трагическом пути Русской освободительной армии под командой ген. А. А. Власова — изучение истории власовского движения имеет для нас совершенно реальное практическое значение».

По мнению Солоневича, «всю власовскую акцию» после попадания Власова в немецкий плен можно оценивать с трёх точек зрения: первая — генерал является предателем; вторая — генерал есть герой; третья — он жертва катастрофически сложившихся обстоятельств. Последняя оценка представлялась Ивану наиболее верной. Иван считал первопричиной трагических провалов планов Власова по организации борьбы с коммунистическим режимом его незнание реалий нацистской Германии («ген. Власов не имел о ней решительно никакого представления»). Отсюда провальные результаты его деятельности в 1942–1945 годах. Его расчёты на немцев, на массовый переход красных частей, на поддержку западных союзников и эмиграции не оправдались.

Анализируя в статье «Акция генерала Власова» иллюзорность планов бывшего советского военачальника, Солоневич дал понять, что в личных беседах с генералом он пытался доказать ему, что его политическая и военная «роль была заранее и заведомо *безнадёжной*» в условиях столкновения «чудовищных мировых сил» — Германии и России, национал-социализма и коммунизма, непримиримости мировых appetитов германской бюрократии и таких же appetитов советской, могучего инстинкта защиты родины. По заключению Солоневича, «в этом чудовищном переплёте инстинктов, традиций, интересов и вожделений — о которых он, Власов, кроме того и понятия не имел», случилось то, что случилось: «Генерал Власов пал жертвой собственных *иллюзий*».

Обещания о публикации записей бесед с Власовым Солоневич, однако,

не выполнил. Лишь однажды, через десять месяцев после «заявки», он вновь упомянул в газете о встрече с командующим РОА и разговоре с ним на тему распространённости монархических взглядов среди граждан Советского Союза. Писатель настаивал на том, что тяга к монархизму огромная. Власов был настроен скептически:

— Поверьте мне, Иван Лукьянович, в СССР я встретил только одного монархиста — это был мой отец.

На это Солоневич ответил:

— А не потому ли, что только ваш отец рискнул вам в этом признаться?

Можно только догадываться о причинах, побудивших Солоневича отказаться от публикации записей бесед с Власовым. Воспоминаний о генерале появлялось всё больше, в них самым подробным образом, день за днём, раскрывалась история его отношений с немцами. Не исключено, что на этом изобильном фоне литературы, посвящённой Власову, собственные воспоминания казались Солоневичу не столь захватывающими и оригинальными. Вполне возможно, что сдерживающую роль сыграло прибытие в Аргентину высокопоставленного «дипийца» — генерала Бориса Алексеевича Смысловского. В годы войны он встречался с Власовым по вопросам организации русских частей в Германии, знал досконально его предысторию, обстоятельства пленения немцами, мог с исчерпывающей полнотой поведать о трансформации бывшего советского генерала в командующего Русской освободительной армией.

Впрочем, Смысловский вскоре так и сделал, опубликовав в газете «Суворовец» серию статей «Личные воспоминания о генерале Власове»^[191].

Постепенно отлаживалась сеть распространения «Нашей страны». Рассылкой газеты занимался Юрий. Большим подспорьем в этом деле явились чудом спасённые адреса трёх тысяч подписчиков «Голоса России». Три года назад отгремели последние выстрелы Второй мировой войны, и конечно, судьба большинства подписчиков была покрыта мраком и туманом. Поэтому несколько месяцев газета рассылалась буквально на авось. Запечатанные в пакеты номера уходили с почтамта в неизвестность: на адреса в Аргентине, Бразилии, других странах Южной Америки, в Соединённых Штатах и Западной Европе.

Рентабельность газеты была почти никакой. Как говорили Солоневичи, «издание „Нашей страны“ не предназначено для хорошей жизни». Тем не менее решили рискнуть. Что ни говори, редакции нужны условия для

работы, а детям — свежий воздух. Поэтому вскоре вся команда, — включая Юрия, Ингу, малышей Михаила и Улиту, — переехала в местечко Дель-Висо в 40 километрах от столицы. Кинта «Эль Мистерио» — одноэтажный дом в испанском стиле с белыми стенами и черепичной крышей — была окружена небольшим парком, в котором росли сосны и пальмы, но преобладали эвкалиптовые деревья, терпкий аромат которых распространялся на всю округу. Вокруг этого зелёного оазиса простиралась бескрайняя, плоская, как письменный стол, аргентинская степь — пампа. От кинты до железнодорожной станции можно было добраться пешком минут за пятнадцать, что позволяло поддерживать оперативное сообщение с Буэнос-Айресом. По словам Юрия, на кинте «Эль Мистерио» царили блаженная тишина и «полный семейный суверенитет».

После европейских испытаний Солоневичи удивлялись тому, что в Аргентине не было воровства. Участок, который они арендовали в Дель-Висо, имел три двери на две улицы и ни одного надёжного замка. Хозяин кинты, американец, обитавший по соседству, успокоил их, сказав, что за долгие годы жизни в местечке ни разу не слышал о том, «чтобы кто-то что-то украл: такого здесь не бывает». Непривычными для Солоневичей были проявления соседской солидарности «по собственной инициативе». Один из жителей Дель-Висо помог Юрию подвезти на подводе баллон с газом и «чрезвычайно обиделся», когда тот предложил ему несколько песо за услугу. Многодетная соседка, у которой были куры, регулярно одаривала Солоневичей яйцами для малышей, но от денег отказывалась:

— Яйца — бесплатные, я их не покупала.

В Дель-Висо семья Солоневичей обрела все условия для продуктивной работы. «Патриархальная, добродушная и примитивная» жизнь провинции особенно пришлась по сердцу Ивану Солоневичу. «После Европы как-то особенно приятно встретить просто человеческие отношения, — писал он, — в Европе мы от них слегка отвыкли. Люди не смотрят на вас, как на ходячий источник прибавочной стоимости. Или как на человека, на эту прибавочную стоимость покушающегося. Словом, „телец златой“ слопал ещё не всё».

В конце октября 1948 года до Буэнос-Айреса добрались Всеволод Левашов-Дубровский и его жена Татьяна.

Они попали в мощные объятия Солоневича, который отыскал их в переполненном Доме иммигрантов. Если Татьяне после долгих странствий как-то удавалось сохранять презентабельный (по «дипийским» понятиям) внешний вид, то Левашов выглядел более чем экзотично в дамских брюках жены. Но иного выхода не было: в Буэнос-Айрес супруги прибыли

совершенно обнищавшими.

Дубровские имели визовое разрешение на въезд в Соединённые Штаты, но без долгих раздумий решили последовать за Солоневичами.

— Теперь работа пойдёт на лад, — повторял Иван, вглядываясь в исхудалое лицо друга. — Первые номера «Страны» были форменным безобразием, без тебя — полный провал. Спасай газету!

Татьяна Владимировна вспоминала о той первой встрече со смешанными эмоциями: «Все утверждали, что И. Л. был очень приятным, весёлым и общительным человеком. Каково же было моё смущение, когда с первого же момента почувствовала холод и сухость в его обращении со мной. Первым делом он спросил: „А вы умеете печатать на машинке, вы вообще что-нибудь умеете делать, чтобы участвовать в нашей работе?“ Оказалось, что он был озадачен моей молодостью (30 лет тому назад я была очень молода, а выглядела как 17-летняя). Я ответила, что три года работала секретаршей В. К., и очень скоро его опасения рассеялись»^[192].

После завершения формальностей с Иммиграционным управлением Дубровские переехали в Дель-Висо. В «главном» доме с тремя комнатами обитали Солоневичи. Дубровских разместили в бывшем курятнике, приспособленном под жильё. Так на какое-то время кинта «Эль Мистерио» стала пристанищем для всего состава редакции. Жена Ивана — Рутика — приехала в Аргентину через несколько месяцев после Дубровских.

Тенистый парк служил «писательской лабораторией» для Солоневича. Он как бы «выхаживал» свои статьи, прогуливаясь по дорожкам, и в эти минуты творческого уединения домочадцы старались ему не мешать. Потом садился за машинку и «выстреливал» очередной публицистический шедевр, как всегда острый, нелицеприятный, не оставляющий читателя равнодушным. Иногда Иван Лукьянович предпочитал диктовку, и тогда по клавишам стучала Дубровская. Она имела возможность хорошо изучить своего шефа, знала его сильные и слабые стороны и впоследствии давала ему объективные оценки, характеризуя его как человека, далёкого от педантизма, разнообразного в эмоциях, подверженного частой смене настроений. Дубровская писала о Солоневиче:

«И. Л. был человеком весьма разносторонним и „неодинаковым“. В нём сочеталась сугубая серьёзность историка с задором первоклассного хлёсткого публициста; такая же серьёзность политического мыслителя с большим чувством юмора, проявлявшегося не только в его писаниях, но и повседневной жизни. Именно эта „неодинаковость“ и влекла к нему тысячи русских политических эмигрантов»^[193].

Дубровская вспоминала, что Солоневич очень не любил, когда кто-то, особенно «из своих», подвергал сомнению его концепцию русской истории, его оценки исторических деятелей России. Не позволялось делать этого даже во время неформальных бесед за чайным столом. Как-то она, поддавшись дружеской атмосфере, осмелела и восстала против нелестного эпитета Екатерины Второй, который Солоневич использовал в статье. Он весьма категорично возразил:

— Таня, уж ведение газеты оставьте мне!

Работы было много, и Солоневич не жалел ни себя, ни других, стараясь сделать газету самой полемичной и читаемой. Дубровский взвалил на себя всю техническую часть: от метранпажирования до экспедиции. Как отметил Николай Казанцев, «поначалу дела газеты шли плохо: не было никаких денег. Дубровский стал налаживать самую важную часть дела — распространение, ибо получалось так, что газета шла неизвестно куда — по устаревшим, довоенным адресам подписчиков — и не давала никакого притока средств. Каждый номер висел на волоске. А если только один номер не вышел бы к сроку, сразу могло пропасть доверие публики к тому, что она действительно будет выходить регулярно. Поэтому приходилось мириться со всеми материальными трудностями и жертвовать решительно всем, вплоть до покупки брюк»^[194].

Только по воскресеньям Иван позволял себе расслабиться. Это был день визитов. «По воскресеньям начались паломничества — почитателей и политических последователей Ивана Лукьяновича — „штабс-капитанов“, — писала Дубровская. — Кто только не бывал в Дель-Висо! Старые (по „Голосу России“) и новые почитатели таланта И. Л. сразу превращались в его друзей. Очень многие из них помогли „Нашей стране“ стать на ноги, кто материально, а кто хлопотами или предоставлением своей квартиры в городе для экспедиции газеты. Не будь этой двойной помощи буэносайресских русских друзей, — куда труднее было бы поставить издание „Нашей страны“ на твёрдые ноги»^[195].

Постоянным гостем у Ивана Лукьяновича был священник Георгий (Романов). В прошлом он был офицером корниловского полка. В эмиграции его любили: именно он чаще всего взваливал на себя хлопоты о получении виз для тех эмигрантов, которые попадали в Аргентину нелегально. По просьбе Романова в газете регулярно печатались его «позывные», чтобы «незаконные русские» могли установить с ним связь. На всякий случай к тексту добавлялось пояснение: «Мы (в редакции) не можем рекомендовать незнакомых людей. Нет времени выяснять сведения и наводить справки».

Но рекомендации, конечно, давались и справки наводились. Как не помочь своим!

Иван и отец Георгий могли часами беседовать, обмениваться идеями, планами на будущее, иногда спорить до хрипоты. По словам Дубровской, «оба блистали своим умом, образованием, культурой и высоким полётом мысли»^[196]. В памяти её сохранились трогательно-комичные эпизоды, связанные с друзьями. Однажды Иван попросил её на время удалиться из той части сада, где его и Юры усилиями было устроено что-то вроде спортивной площадки. Оказалось, что Иван Лукьянович и отец Георгий (не снимая ряс!) делали стойки на руках, состязаясь в том, кто дольше выстоит.

Конечно же, для крещения Улиты был приглашён отец Георгий. Раньше из-за всех передрыг, связанных с отъездом Солоневичей из Германии и устройством в Аргентине, до этого важного таинства не доходили руки. Священник прибыл вечером, был накормлен и устроен на ночь во дворе дома, чтобы утром приступить к обряду. Свой наперсный крест отец Георгий повесил на невысокую балюстраду в изголовье. На его несчастье пригретый Солоневичами щенок по кличке Налле решил развлечься на сон грядущий. Лучшего партнёра, чем отец Георгий, он не нашёл. Щенок подкрался к ложу священника, схватил блестящую цепочку с крестом и, оглядываясь, побежал прочь, словно приглашая поиграть в догонялки. Отец Георгий не мог позволить такого осквернения креста! Он вскочил и в ночной рубашке помчался за щенком, перескакивая через клумбы. Немногие свидетели этого кросса с препятствиями вспоминали потом, что за свою жизнь ничего более забавного не видели. Отец Георгий сумел завладеть религиозным символом, но крещение Улиты отложил на неделю...

В начале 1949 года Дубровские покинули кинту «Эль Мистерио» и переехали в БуэносАйрес, чтобы быть поближе к типографии и контролировать её работу.

Солоневич понимал, что без талантливо пишущих единомышленников невозможно наладить выпуск тематически разнообразной, острополемической газеты, дающей пусть небольшой, но стабильный доход. Первые номера «Нашей страны» стали как бы сигналом боевой трубы, созывающей друзей-писателей и журналистов. Они прибывали в БуэносАйрес после нелёгких военных лет, с грузом трагического опыта, разочарований и личных утрат. От своих авторов Солоневич требовал элементарного: писать и действовать «на путях *нормальной* человеческой логики».

Из новой эмиграции сотрудниками и авторами газеты стали философ А. Филиппов и журналист В. Рудинский. Издатель «Нашей страны» был искренне рад появлению в «пишущем активе» газеты Сергея Войцеховского. Он был представлен читателям как «старый товарищ по подпольной работе в России — в начале двадцатых годов». Солоневич подчеркнул, что Войцеховский сумел пробраться из Совдепии в Польшу, где перед войной и в военные годы «был начальником над русской эмиграцией». По мнению Солоневича, Сергей Войцеховский «принадлежит именно к числу тех „зубров“ эмиграции, которые спасли многие русские жизни: перед занятием Советами Варшавы Войцеховский „ухитрился снарядить путём взятки соответствующим властям два поезда, на которых выехала почти вся русская эмиграция польской столицы“».

Плодотворно сотрудничал с газетой писатель Борис Башилов. В числе многих русских «дипийцев», спасаясь от репатриации в Советский Союз, он нашёл убежище в Аргентине. В биографической справке для читателей Солоневич написал, что произведения Башилова пользовались большой популярностью среди «дипийцев», особенно научно-приключенческие романы: «В моря и земли неведомые», «Юность Колумба российского», «Необычайная жизнь и приключения Аристарха Орлова». Солоневич не преминул отметить, что «в отличие от Ж. Верна Б. Башилов сам исходил и изъездил все места, о которых он пишет. Будем надеяться, что, попав из концентрационно-оккупационной Германии в свободную и спокойную Аргентину, он будет в состоянии творить».

Несмотря на сложный характер нового автора, Иван нашёл с ним общий язык. Первые произведения Башилова (настоящее имя которого — Борис Платонович Юркевич), посвящённые эпопее завоевания Арктики («17 миллионов собачьих шагов», «Флейта бодрости»), публиковались ещё в Советской России. Ненависть Башилова к сталинскому режиму была столь велика, что, попав в окружение, он добровольно сдался немцам. Когда стала формироваться Российская освободительная армия генерала Власова, он в числе первых откликнулся на её призыв. Войну Башилов закончил в должности офицера штаба генерала Трухина в Хойберге.

По свидетельству Николая Казанцева, писатель некоторое время сотрудничал с «солидаристами», но «угасание» у них национального чувства, их зависимость от иностранных разведок побудили писателя порвать с ними. Только среди монархистов Башилов нашёл то, что было созвучно его душе и идейным исканиям. Под именем Михаила Тamarцева он стал печататься в «Нашей стране» и даже стал автором девиза газеты — «После падения большевизма только Царь спасёт Россию от нового

партийного рабства!». Большую часть своих произведений Башилов опубликовал в газете Солоневича. Их гранки использовались затем для формирования книжечек-брошюр, которые раскупались значительно быстрее, чем солидно переплетённые книги. Когда Башилов финансово окреп, он завёл небольшой книжный магазин и библиотеку, из которой давал книги «напрокат» за небольшую плату. Особым спросом у читателей пользовался его фундаментальный труд «История русского масонства». Через неофициальный «русский культурный центр» Башилова прошла, можно сказать, вся русская колония.

Башилов много работал, писал страстно, с жаром сердца и в жертвенности своей любви к России ни в чём не уступал Солоневичу, который сказал о своём друге: «Будем надеяться, что в истории русской литературы Борис Башилов будет, так сказать, переломным моментом от оплевательства нашей родины к объективному и художественному описанию её тернистого исторического пути».

Первое время по прибытии в Аргентину регулярно писал в «Нашу страну» Дмитрий Константинов, настолько своеобразная личность, что на него обратила внимание аргентинская журналистка, написавшая о нём в популярный журнал «Эль Огар». Со статьёй «Все дороги ведут в БуэносАйрес»^[197] ознакомились вся читающая эмиграция.

«Шесть дней недели с понедельника до субботы Дмитрий Константинов работает. В воскресенье он... надевает рясу священника и служит обедню для своих соотечественников в красивой православной церкви на улице Брасиль...»

Журналистка подробно описала, как офицер Красной армии стал священником: «Дмитрию Константинову сейчас 41 год. Он рано поседел. Он худой и небольшого роста. Острая бородка и усы придают ему вид типичного представителя русской дореволюционной интеллигенции. Даже 25 лет жизни под коммунистическим режимом не смогли уничтожить в нём глубоко укоренившихся семейных традиций... Он страстно интересовался религией, видел в ней единственное спасение от ужасного материализма советского режима. Но этим занимался тайно, чтобы его не схватили агенты политической полиции. Только в Германии, куда он был перевезён как пленный, он посвятил себя своему признанию и был рукоположен в священники. Он был священником в армии генерала Власова, созданной из бывших советских военнопленных. В 1949 году он прибыл в Аргентину. Константинов опубликовал здесь воспоминания: „Я сражался в Красной Армии“, повествование о месяцах, прожитых им в мундире советского офицера».

Когда в 1949 году Константинов обзавёлся наборным станком и стал налаживать издание собственной газеты, Солоневич отнёсся к этому с пониманием: самостоятельность — великое дело! Ещё одна русская газета в Аргентине? Ничего. Без конкуренции — честной конкуренции! — в газетном деле нельзя...

Перелистав подшивку «Нашей страны» «эпохи Солоневича», можно убедиться в том, что подавляющая часть материалов посвящена России и российским проблемам. Аргентинская тема возникала спорадически и носила лояльный характер. Иван был благодарен стране, приютившей его, и потому не допускал и намёка на критику Аргентины, хустисиализма, президента Перона, его внешней и внутренней политики. В самом первом номере газеты была помещена «Ода Аргентине» на испанском языке, подписанная инициалами J. B.: «Рыцарственная Аргентина сумела сохранить в трудной борьбе уважение к человеку и под умелым водительством смогла уклониться от сумасшедшего урагана, который обрушился на современный мир. Аргентина следовала своему собственному пути, благородная, она позволила тысячам и тысячам обездоленных людей прибыть сюда и возродиться в честном труде, наслаждаясь жизнью, в которой нет места ни страху, ни голоду. Наша газета обосновалась на дружественной этой земле потому, что знала и понимала: в Аргентине есть место для проповеди истины и пробуждения вечно благородных христианских чувств. Да здравствует Аргентина!»

Это были времена правления Хуана и Эвы Перон. Харизматическая чета умело апеллировала к народным массам и использовала притягательную «социалистическую лексику». Марширующие отряды «безрубашечников», готовых на всё по первому требованию Эвиты, вызывали у Солоневичей вполне понятные ассоциации: «Третий рейх» с «аргентинским лицом»! Но «рейх» на берегах Рио-де-ла-Платы им не казался опасным, скорее — опереточным.

Иван Солоневич обратил внимание на то, что США пытались бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела Аргентины, нащупывавшей так называемый «третий путь», равноудалённый от капитализма и коммунизма. Аргентинский нейтралитет в годы Второй мировой войны был заклеимён союзниками, в первую очередь американцами, как вариант пособничества странам «оси». Оппозиционные партии, подстрекаемые агентурой США, взяли курс на дестабилизацию режима Перона. Так что в 1948 году в Аргентине не всё было так мирно и спокойно, как казалось поначалу.

Свои первые впечатления о стране Солоневич изложил в статье «Об Аргентине». Предлогом для написания статьи были письма читателей из Европы, которым предстоял отъезд в Аргентину. Иван, эмигрант со стажем, хорошо знал, что может интересовать бесправного, изголодавшегося, неприкаянного «дипийца», стремящегося выбраться из разгромленной войной Европы. Это — отношение местных жителей к пришельцам, наличие работы, сносного жилья и питания. Рекомендации Солоневича складывались в обнадёживающую картину:

«Два наиболее крупных преимущества Аргентины сводятся к следующему: первое — никто не смотрит на вас как на нежелательного иностранца, съедающего туземный хлеб. Второе — никто не остаётся без работы. Особенно легко и быстро устраивается новая эмиграция, которая почти сплошь имеет техническое образование и, кроме того, располагает тем, чего так не хватает нашему „интеллигентному“ поколению: практичностью... Всякий эмигрант, имеющий хоть какие бы то ни было практические навыки, устраивается быстро и во всяком случае сносно... Как и во всех странах мира, „служба“ оплачивается слабо. Но я думаю, что „предприимчивость“ имеет здесь больший простор, чем где бы то ни было: в стране нехватка технических сил, а страна индустриализируется. Так, например, девицы, располагающие только одним-единственным капиталом — умением делать абажуры — уже имеют своё предприятие. Традиционная русско-эмигрантская промышленность — трактир — не имеет, кажется, никаких шансов на успех... Разговоры о жилищном кризисе чрезвычайно преувеличены. Квартыры находят все. Цены довольно разные — как попадётся. Мой нынешний сосед по пригороду и бывший сосед по транзитному лагерю инженер Г. нашёл три комнаты со всеми удобствами за 200 пезо в месяц... Жалованье среднего служащего — пезо около 500».

Солоневич не пожалел газетного пространства на бытовые советы, рекомендуя, к примеру, всегда иметь в виду, что «в столице — население столичное. То есть там пальца в рот класть не полагается». В отношении еды Солоневич весьма категоричен, что, возможно, отражает диетические ограничения, которые были наложены на него врачами из-за нажитой в годы войны язвы: «Людей, любящих поесть, ждёт некоторое разочарование: нельзя есть много мяса, свинины есть и вовсе не полагается, водки пить нельзя, надо налегать на фрукты. Фрукты дешёвы, — но не европейские. В общем, фунт картошки равен примерно фунту бананов. И кило дров — около фунта бананов. Всё наоборот: антиподы. Капусты не достать».

По мнению Солоневича, самое неприятное, что ожидает эмигранта, —

«это период акклиматизации. Климат в самом Буэнос-Айресе довольно тяжёлый: сырость. Летом — духота, как в бане, простуды, сквозняки, ветры с моря. В 40 километрах [от Буэнос-Айреса] — сухо, приятно и легко».

Иван Лукьянович советовал другим, но для себя на вопрос «стоило ли приезжать в Аргентину?» однозначно ответить не мог. Перспективно ли для его газетно-публицистической работы «сидение в Аргентине»? Не слишком ли это «тупиковая страна», чтобы находиться в авангарде борьбы с коммунизмом?

Из сообщения эмигрантской печати Солоневич узнал о том, что в Мюнхене «восстал из праха» капитан Клавдий Фосс. Оставаясь в тени, он установил контроль над жизнью тамошней русской колонии с помощью соратников по РОВСу и по службе в Абвере. Иван был уверен в том, что в РОВСе именно Фосс во «внутренней линии» работал на НКВД, а никак не генерал Скоблин. Это капитан Фосс, полагал Солоневич, был организатором взрыва в редакции «Голоса России», а потом — в Анкаре в 1942 году, когда целью было убийство немецкого посла фон Папена. Его помощником, по мнению писателя, выступал «ежовский активист» Павлов. В подтверждение своей версии Солоневич ссылался на расследование берлинского гестапо, которое отметило схожесть этих двух покушений.

Солоневич припомнил рассказы военного пилота Владимира Унишевского, который дезертировал на самолёте из СССР в Эстонию, а затем перебрался в Германию. Иван, печатавший в газете его «Записки советского лётчика», часто встречался с Унишевским в Софии и однажды услышал от него о планах возвращения в Россию:

— Что ты там будешь делать? — изумился Солоневич.

— Проводить антибольшевистскую агитацию и пропаганду, — не без гордости ответил бывший лётчик.

Оказалось, что Унишевский стал сотрудничать с капитаном Фоссом. Тот обещал перебросить его на моторной лодке в Одессу для ведения «специальной работы». Из этой затеи ничего не вышло. Накануне отправки за «чертополох» Унишевский решил съездить в Берлин, чтобы проконсультироваться с генералом Бискупским. Имя Фосса насторожило генерала. Он порылся в своём архиве и показал Унишевскому фотографию, на которой, по словам Бискупского, была снята группа советских агентов в Юго-Восточной Европе. На снимке среди «товарищей» Унишевский увидел Фосса. В достоверности этой истории Солоневич не сомневался^[198].

Сюжеты о «внутренней линии» постоянно возникали в его статьях аргентинского периода. Он называл её «самой страшной опасностью для

всей антисоветской эмиграции». Вместе с тем Солоневич считал разрушительную работу «внутренней линии» по РОВСу исторически исчерпанной. Поставленная перед нею Лубянкой задача по ликвидации РОВСа как политической силы была практически выполнена. Тем опаснее, по мнению писателя, могли быть новые «направления» использования капитана Фосса и ему подобных для реализации новых поручений ОГПУ — НКВД — МВД по расколу эмиграции, компрометации её перед демократиями и даже подчинению «руководству советских сановников». Писатель до конца дней своих называл капитана Фосса агентом НКВД.

Солоневич ошибался, называя Фосса чекистом. Начальник «внутренней линии» РОВСа в Софии, бывший капитан Дроздовского полка Клавдий Александрович Фосс в первые же дни гитлеровской агрессии против Советского Союза предложил свои услуги немцам. Оккупационные власти назначили его помощником коменданта города Николаева на Украине. Фосс использовал эту должность для заброски агентов в тыл Красной армии. Позже, в период обороны Одессы, он засылал в город провокаторов и диверсантов. После эвакуации советских частей из Одессы Фосс проводил зачистку города. Не исключено, что именно он стал виновником гибели Николая Абрамова, который по линии НКВД был оставлен в одесском подполье для ведения разведывательной работы среди оккупантов. За заслуги перед рейхом Фосс был награждён Железным крестом.

После войны непотопляемый Фосс удачно «пристроился» в английской зоне оккупации. Умер своей смертью и был похоронен на одном из кладбищ в Германии. Николай Казанцев прислал автору этих строк фотографию могилы Фосса: солидный красновато-коричневый мрамор надгробия, дикий виноград, вьющийся на ограде. Можно сказать, ещё одна судьба с вполне благополучным финалом...

Солоневич, до предела занятый газетой, не уклонялся от общественной деятельности. Так, он принял участие в многолюдном собрании представителей старой и новой эмиграции, которое состоялось 5 сентября 1948 года по инициативе и под председательством генерала Б. А. Хольмстона-Смысловского. От имени РОВСа выступили священник Георгий (Романов) и полковник Трошин. От национальной организации русских разведчиков говорили капитан Бутков и доктор Петров. Иван Солоневич, профессор Загарский, Месснер, Шереметев и делегаты РОА выступали как представители новой эмиграции. Собрание заявило о готовности «бороться за освобождение многострадального русского народа

от кремлёвской власти» и постановило учредить с этой целью Союз русских людей имени генерал-фельдмаршала А. В. Суворова.

Руководителем избрали генерала Смысловского-Хольмстона, секретарём — поручика Георгия Неронова. Единодушно проголосовали за организацию курсов унтер-офицеров для кадров РОА и за выпуск для них учебников из Парижа. Было решено издавать газету «Суворовец». Единогласно высказались за открытие русской библиотеки. Новый союз направил президенту Перону телеграмму с выражением лояльности и подтверждением «верности Аргентине, приютившей русских изгнанников».

Попал Солоневич и на отчётное собрание «Государева служилого земства»^[199] 17 апреля 1949 года и был введён в состав его правления. Председателем «земства» переизбрали Н. И. Сахновского. Через несколько лет он станет непримиримым врагом Солоневича. Главной задачей «земства» стало проведение среди эмигрантов лекций, «имеющих целью отмыть ту грязь, которой так щедро замазано прошлое нашей Великой Родины». Как правило, члены «земства» заседали в Клубе белых русских эмигрантов. Собрания неизменно завершались пением русского гимна «Боже, Царя храни!». В знак непоколебимой лояльности властям принимались приветственные послания президенту Перону. Солоневичу казалось, что у «земства» больше возможностей сблизить все имеющиеся в Буэнос-Айресе организации «консервативного толка»: «Если это удастся, то мы окажемся более едиными, чем какая-либо иная человеческая группировка в этом перепутанном мире».

Если с «суворовцами» и «земством» отношения Солоневича складывались вполне мирно, то с преемниками «новопоколенцев» — «солидаристами» из НТС — в «новых исторических условиях» Иван даже не пытался найти какой-либо компромисс. В самых беспощадных выражениях Солоневич опровергал утверждения «солидаристов» о том, что они в годы войны вели свою прорусскую, антинацистскую и антисоветскую линию, неся значительные кадровые потери на этом самостоятельном третьем пути.

В апреле 1949 года разногласия Солоневича с одним из руководителей «солидаристов», Е. Мамуковым, выплеснулись на страницы печати. В 16-м номере «Нашей страны» (от 16 апреля 1949 года) Солоневич выдвинул, по оценке Мамукова, «тягчайшие обвинения» в адрес НТС, а именно:

НТС — третья советская партия — компартия за рубежом;

программа партии «солидаристов» является только одним из вариантов многочисленных фракций ВКП(б);

психологически тип якобинца 1789 года, коммуниста 1918 года, нациста 1938 года и «солидариста» 1948 года — *одинаковые* человеческие типы;

основное внимание «солидаристов» обращено на борьбу с монархизмом.

Мамуков ответил в журнале «Вехи» (от 25 апреля 1949 года) и посетовал на «неблагодарность» Солоневича, которому в Болгарии «солидаристы» помогли издать книгу «Россия в концлагере», организовать турне по Югославии и вывезти его рукописи из Германии после Второй мировой войны. Мамуков потребовал провести суд российской общественности в Аргентине, «чтобы решить обоснованность и правдивость выдвинутых Иваном Солоневичем обвинений».

Для Солоневича «солидаризм» и коммунизм схожи и по сути, и по содержанию. По его мнению, именно эту тему необходимо поставить на судебное рассмотрение: «Имеем же мы право знать, как это нас всех будут функционализировать и солидаризировать, какой размер „приусадебного участка“ будет определён для Микулы Селяниновича и какой именно вариант ВЧК — ОГПУ — МВД будет стоять на страже весёлой солидаристской стройки».

Конфликт с Мамуковым начал подрывать устои относительно спокойной жизни Ивана Солоневича в Аргентине. «Солидаристы» себя в обиду не давали...

Ещё одной организацией, вызывавшей резкую неприязнь Ивана Солоневича, был Славянский союз, который в Аргентине со страниц местных газет всё чаще обвинялся в «коммунизме и советизме». В странах Латинской Америки эта антиславянская кампания направлялась Соединёнными Штатами, вернее, резидентурами Центрального разведывательного управления, созданного в 1947 году. Аргентина не избежала этой участи.

С коммунизмом и его «подопечными организациями» у Ивана — старые счёты, поэтому он тоже включился в кампанию по обличению деятельности Славянского союза в Южной Америке. По мнению писателя, коммунистическая подоплёка этой организации была особенно заметна по его печатному органу — газете «Наш голос», которая регулярно публиковала хвалебные статьи о деятелях большевистской революции. Со страниц «Нашей страны» раздавались призывы оказывать противодействие коммунистическим активистам Славянского союза, «живущим на деньги и по инструкциям Москвы». Другим его членам, малоискушённым в

политике «попутчикам», «очарованным» марксистской утопией, надо было, по мнению Солоневича, открыть глаза на правду.

В Аргентине Славянский союз возглавлял Павел Петрович Шостаковский, старый русский эмигрант, живущий в стране с 1928 года. Он написал две антисоветские книги — «Русская голгофа» и «Потонувший мир». Во время Великой Отечественной войны активно участвовал в эмигрантских организациях помощи родине. Шостаковский являлся неофициальным уполномоченным митрополита Вениамина — представителя русской патриаршей церкви в США, и потому вокруг Шостаковского группировались православные, находящиеся в конфликте с протоиереем Константином (Изразцовым).

В 1946 году Шостаковский опубликовал «Историю русской литературы» на испанском языке. Для латиноамериканской прессы он писал статьи о русской и советской культуре, участвовал в переводе и редактировании ряда советских изданий на испанском языке, в том числе сочинений Ленина. Вот и вся «подрывная деятельность» Славянского союза и его «главаря» Шостаковского. Тем не менее в результате «антиславянской» кампании 25 апреля 1949 года по указанию президента Перона деятельность союза была запрещена, многие его члены арестованы. Активную роль в выявлении активистов («подрывных элементов») и дискредитации работы «славян» сыграли «суворовцы» Смысловского-Хольмстона. Репрессивные меры Перона Солоневич приветствовал, особенно по запрещению изданий Славянского союза.

Юрий долго уговаривал отца, и тот, наконец, согласился позировать. Но предупредил, что не сможет сидеть абсолютно неподвижной статуей. Чтобы не терять времени, он будет писать одну из глав «Диктатуры импотентов». На этом и договорились. По мнению Юрия, портрет этот стал визуальным отражением ненависти, которую испытывал Иван Лукьянович к понятию и содержанию термина «социализм». Юрий вспоминал позднее, что после смерти отца представительница «Нашей страны» в Нью-Йорке М. С. Кингстон просила этот портрет, чтобы повесить на сцене в день проведения памятного вечера.

«Я хотел было ей его послать, но не рискнул, — признался Юрий. — Вся его ненависть, всё его дикое отвращение к социализму — в этом портрете. Для него социализм был не так, как для нас — врагом, но отвлечённым каким-то, недоступным простому удару в зубы. Для него — он был совершенно вещественным, лично знакомым спрутом, обвившим полмира, которому он, батя, благодаря данному ему Богом таланту обязан

обрубить щупальцы. Сознание этих талантов и сознание отсутствия их у других возлагало на него долг забыть про всё остальное, культивировать эти таланты, это отвращение и ненависть и бороться, бороться, бороться... Зло, причинённое миру и нашей Родине социализмом, он видел, как мы видим зло, причинённое укусом змеи: физически... И то, что люди его не видят так, как он, то, что они вообще занимаются чем-то другим, второстепенным, из года в год лило желчь на его, в сущности мягкую, человеческую душу, обозлило её, заострило её до одного только острия: политики»^[200].

Описание этого же портрета Солоневича, «с неслыханной художественной мощью исполненного его сыном», дал Николай Казанцев: «Наружность писателя, преображённая, вдохновенная; он имеет вид пророка. Кисть Юры сумела передать необыкновенную силу человека, который своей манерой писания, искренностью, экспрессией был способен как электрическим током сотрясать своих читателей. Его взгляд пронзителен; его глаза горят огнём, вероятно, того же блеска, который некогда горел в глазах Достоевского»^[201].

В 1949 году Иван Солоневич завершил книгу «Диктатура импотентов», посвящённую теории и практике «научного социализма», который он называл «наукой о несуществующем в природе явлении». Книга, по замыслу писателя, должна была стать осиновым колом для различных модификаций «кровожадной», по его мнению, системы, «высшим достижением которой стали НКВД и гестапо».

Пользуясь редкими часами, которые оставались ему после дневной страды по подготовке очередного номера газеты, Солоневич продолжал работу над текстом «Белой Империи», в котором последовательно, взвешенно, исторически документировано и образно излагал свой взгляд на идеальное государственное устройство будущей России. Этим трудом Иван хотел «вооружить» эмиграцию, которая, как он надеялся, рано или поздно вернётся на родину. Он писал в «Нашей стране»:

«С 1917 года и по сей день мы (эмигранты. — К. С.), кроме поражений, не переживаем ничего. Если бы в мелькании наших беженских судеб у нас было бы время взять в руки самый элементарный курс русской истории и была бы возможность о нём подумать, то мы увидели бы, что без Монархии у нас никогда ничего не получалось — кроме поражений. Если бы мы вдумались в историю нашей антисоветской борьбы, то и тут мы увидели бы решительно всё то, что сейчас видим своими глазами: десятки

вождей, из которых каждый норовит „спасти Россию“ и на этом славном пути норовит подставить подножку каждому соседнему кандидату в спасители. С того момента, когда в феврале 1917 года монархию и династию продал и предал весь или почти весь правящий слой страны, — до сегодняшнего дня, когда этот правящий слой служит панихиды, но не хочет служить Монархии, — мы вот и кувыркаемся от Волги до Ла-Платы. Ни в 1917-м, ни в 1949 году мы не догадались сделать самого простого: стать стеной у Трона. В 1949 году это гораздо труднее, чем это было в 1917-м».

В этот южноамериканский период жизни Солоневич обозначил пределы своих политических притязаний: «Я никак не лезу в вожди. По двум причинам: я — монархист и признаю одного только „вождя“ — Державного. Я не организатор. Требовать с меня организации было бы так же безнадежно, как пытаться доить божью коровку... Но то, что я могу — *имею право* сказать Русскому Зарубежью — в Русском Зарубежье не может сказать никто иной».

Глава двадцать восьмая

«ЗАГОВОР» В БУЭНОС-АЙРЕСЕ

К середине 1950 года только в Буэнос-Айресе было не менее пяти тысяч русских эмигрантов, и это радовало Солоневича: ведь все они — потенциальные читатели «Нашей страны»! Однако вновь прибывшие эмигранты почти целиком воспроизводили ту жизнь, которая велась ими прежде в Европе: с многочисленными организациями, обществами, землячествами, бесчисленными политическими направлениями, взаимной враждой и соперничеством, склоками и сплетнями. В Буэнос-Айресе в русской эмиграции издавалось семь малотиражных газет и действовали полтора десятка общественно-политических организаций!

О «разноцветии» эмигрантских организаций в Аргентине и их соперничестве не без издёвки написал Михаил Бойков, эмигрант второй волны, о творчестве которого Солоневич отзывался с уважением и которого печатал в своей газете. Фельетон, который очень понравился Солоневичу, был опубликован в литературно-художественном сборнике «Южный крест» под названием «Приключения беспартийного эмигранта». По сюжету, некий эмигрант срочно пытается вступить в какую-либо организацию, потому что ему сказали, что после скорого свержения большевизма беспартийных в Россию не пустят.

И вот «не шибко грамотный в политических смыслах» эмигрант попытался найти своё место в «антибольшевистских рядах». Вначале он попал в «Русский культурно-просветительный клуб имени Максима Железняка» и напоролся на явно «просоветскую организацию», которая занималась вопросами репатриации в СССР. Эмигранту пришлось прыгать из окна второго этажа, чтобы избежать отправки на родину «в закрытом автомобиле с конвоем». Не повезло ему и во второй попытке. Наткнулся на «товарища», очень похожего на Троцкого, который говорил лозунгами и цитатами из революционных песен. На видном месте его конторы возвышалось красное знамя со словами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Эмигрант снова еле унёс ноги.

Чтобы больше не рисковать, он обратился к крайне правым, «зубрам», то есть к «бывшей российской знати, высшему дворянству». Во время собеседования эмигранта с князем, имевшим на груди «целую коллекцию орденов и регалий», стало ясно, что эмигрант никак не подходит для

объединения «зубров»: он был всего-навсего сыном старшего дворника, то есть неподходящего социального происхождения. Не нашёл эмигрант понимания в «воинском союзе», где не обнаружилось никакой «борьбы с большевизмом, кроме командных выкриков, солдафонства и беспорядочного махания саблями».

«Солидаристы» отнеслись к эмигранту с большим пониманием. Но предупредили, что в будущем российском правительстве все главные портфели уже заранее распределены «между активистами». Самое большое, что могли пообещать «солидаристы», — это должность «государственного уполномоченного артельно-маслодельно-сыроваренной, молочно-творожно-сливочной, винегретно-сметанно-блинной промышленности». Но перед назначением на пост эмигрант должен был отправиться на подпольную работу за железный занавес, чтобы подтвердить свою пригодность для дела «солидаристов». После ряда наводящих вопросов эмигрант понял, что опять едва не совершил роковую ошибку: «солидаристы» намеревались ввести в России что-то вроде «исправленного коммунизма» со «слегка ограниченной» свободой личности.

Поиски подходящей политической организации эмигрант завершил на украинских самостийниках. Вошёл в их штаб-квартиру и остановился с разинутым от удивления ртом: «Никак не пойму, куда я попал. Вроде в картинную галерею. По всем стенкам висят усатые дяди и очами на меня грозятся. Присмотрелся я поближе, а это всё портреты украинских гетманов. С древнейших времён и до наших дней: от Адама и Евы до пана Жилы, что в одном „дипийском“ лагере был гетманом украинского барака». Выдать себя за «чистокровного украинца» эмигранту не удалось. В очередной раз ему пришлось спасаться бегством под выкрики в спину: «Москальский прихвостень! Московський лаполиз!»

Здесь кстати отметить, что тема сепаратизма, мельком затронутая в фельетоне, всегда волновала Солоневича. Он видел, как в годы Второй мировой войны националисты-сепаратисты получили, не без помощи германских нацистов, второе дыхание. Он не мог не замечать попыток стран западного блока также использовать самостийников для раскола и развала России. В статье «О сепаратных виселицах» Солоневич писал:

«Я — стопроцентный белорус... наших собственных белорусских самостийников я знаю как облупленных. Вся эта самостийность не есть ни убеждения, ни любовь к родному краю — это есть несколько особый комплекс неполноценности: довольно большие вождения и весьма малая потенция: на рубль амбиции и на грош амуниции».

Решение национального вопроса в России Солоневич видел в тех же теоретических рамках, что и до войны. Оно было изложено в «Тезисах народно-имперского движения»:

«Российская империя есть наш общий дом, имеющий нашу общую крышу и общие внешние стены. Но в пределах этого дома — каждая народность имеет свою собственную квартиру, в которой она может устраиваться, как ей будет угодно — с некоторыми, однако, условиями: не поджигать общего дома и не устраивать в своей собственной квартире складов взрывчатых веществ, воровских притонов или нарушения общественной тишины и спокойствия.

Каждый человек Империи может говорить, писать, учиться и самоуправляться на каком ему угодно языке. Может знать общегосударственный язык, но имеет полное право и не знать. Может вводить в свою школу этот язык — но имеет право и не вводить. Однако: язык правительства, армии, транспорта, связи, полиции и пр. — должен быть языком общегосударственным. Словом — никто никого не заставляет любить русский язык. Не любишь — не надо, — тебе же будет хуже. Никакого нового изобретения тут нет. За некоторыми исключениями на Руси так и было».

Среди массы эмигрантских лиц Иван Солоневич выделял генерала Бориса Алексеевича Хольмстона-Смысловского, руководителя Суворовского союза. Смысловский писал статьи на военные темы и претендовал на роль ведущего аналитика Русского Зарубежья в этой области. Солоневич без сокращений и правки напечатал в 3-м номере газеты (16.10.1948) его статью «Третья мировая. Законы геополитики и государственной стратегии» и просил писать ещё.

В недавнем прошлом Смысловский служил в вермахте. Под его руководством в самом конце войны созданная им Первая русская национальная армия (ПРНА) пробилась к швейцарской границе и была интернирована в княжестве Лихтенштейн. Советская репатриационная комиссия добивалась выдачи Смысловского и его подчинённых, но безуспешно. С помощью *IRO*, международной организации, занимавшейся делами беженцев и «ди-пи», и благодаря хлопотам отца Константина (Изразцова) Смысловский и его армия в четыреста человек благополучно перебрались в Аргентину. Их отправка в Советский Союз стала бы смертным приговором для многих, поскольку в ПРНА преимущественно служили бывшие сотрудники так называемого «зондерштаба Р[усланд]». Этот контрразведывательный орган вермахта вёл работу по сбору

информации в тылах Советской армии, занимался разложением партизанских отрядов и формированием лжепартизанских групп, задачей которых была провокаторская деятельность.

Под псевдонимом фон Регенау, а затем как полковник Хольмстон Смысловский руководил операциями «зондерштаба Р» и по ходатайству адмирала Канариса, шефа абвера, не раз был отмечен наградами рейха. Эту насыщенную событиями главу своей жизни Смысловский пытался скрыть и потому выразил Солоневичу неудовольствие, когда в «Нашей стране» было упомянуто о его контрразведывательном прошлом. Иван поспешил опубликовать в газете следующую поправку: «Во втором номере „Нашей страны“ в статье о власовском движении было по ошибке указано, что ген. Б. А. Хольмстон работал в немецкой контрразведке. — Мы хотим исправить эту неприятную ошибку: ген. Б. А. Хольмстон работал в штабе северной группы на восточном фронте».

Хольмстон-Смысловский был популярной фигурой в Аргентине, Бразилии и Парагвае, где обосновались бывшие военнослужащие ПРНА.

Прагматик по натуре, он обладал мощным инстинктом выживания: был многоликим, красноречивым и решительным в тех «чреватых последствиями» нестандартных обстоятельствах, на которые был щедр XX век. Он умел выбрать наиболее подходящую линию поведения в экстремальных условиях и достоверно играть её. Достаточно привести фрагменты из его интервью бернской газете «Фрайе вельт»^[202] в период «сидения» в Лихтенштейне. Если верить Смысловскому, в годы войны он делал всё возможное, чтобы навредить нацистам:

«Военное движение, которое я организовал в Германии, никогда не было националистическим. Мы не хотели воевать против русского народа или Советов, а только за демократическое государство. Мы никакие не реакционеры! Мы считаем царизм таким же ложным строем, как и русский коммунизм... Но поскольку англичане и американцы заключили союз с Советами, мне ничего не оставалось другого, как пойти на службу Германии. По договорённости со штабом Верховного командования вермахта я был обязан создать Первую русскую национальную армию. Однако я постоянно подчёркивал, что эта армия ни при каких условиях не будет воевать против англичан или французов. За это меня посадили в тюрьму на 8 месяцев.

Несмотря на неоднократные требования нацистов, я всегда отказывался поставить свою подпись под Пражским обращением^[203], в котором военнопленные и рабочие с восточных территорий призывались к

борьбе против союзников на стороне Германии. Различие между мной и Власовым состоит в том, что генерал заключил пакт с СС и Гиммлером и поставил свою подпись под Обращением. Я знал, что в Германии было 14 миллионов рабочих с Востока и военнопленных. Я пришёл к выводу, что мы должны в первую очередь вооружать себя [русских] с помощью Германии. Если бы эта идея осуществилась, тогда мы знали бы, против кого направить это оружие... Немцы никогда не испытывали ко мне полного доверия».

В этом же интервью Хольмстон-Смысловский рассказал о том, как пытался установить контакт с Лондоном через «польских друзей» из Сопротивления, выдавая себя за члена масонской ложи, как помогал спастись своим «протеже» полякам, евреям и англичанам. Смысловский уверял также, что он поддерживал контакты с заговорщиками, планировавшими убийство Гитлера 20 июля 1944 года.

— Вы являетесь приверженцем Керенского? — спросила журналистка.

— Так точно, — охотно ответил Смысловский. — Керенский как раз то, что надо. Правда, я не был связан с Керенским, но его идеи считаю правильными. Я стою на позициях Милюкова...

Стоит ли говорить, что к Солоневичу Хольмстон-Смысловский повернулся самой привлекательной стороной своего «полифонического имиджа». Если бы он писал статьи для «Нашей страны» в духе того «гибкого» интервью, вряд ли Солоневич согласился бы их печатать. Однако в 1948 году Хольмстон-Смысловский о Керенском и Милюкове даже не упоминал, подчёркивая при каждом удобном случае, что как истинно русский человек всегда придерживался монархистских убеждений и идеалов исторической России. Нет ничего странного в том, что «очарованный» генералом Солоневич, оценивая вклад русских эмигрантов в послевоенную антисоветскую работу, писал: «Единственным исключением является ген. Б. А. Хольмстон, книга и статьи которого оставят какой-то след в истории *реальной*, а не выпивочной антикоммунистической борьбы». Солоневич называл генерала «наиболее выдающимся военным специалистом русской белой эмиграции», охотно печатал его аналитические статьи по проблемам войны и мира.

Хольмстон-Смысловский всячески демонстрировал Солоневичу своё расположение, и тот, в свою очередь, при любой возможности заглядывал к генералу «на рюмку чая» — в штаб Суворовского союза или на «квартиру» генерала, который занимал два этажа небольшой гостиницы в районе Бельграно.

В его кабинете, увешанном картами регионов мира, обсуждались

последние международные события и вытекающие из них возможные угрозы для будущего России. Как вспоминал Хольмстон, они «вели долгие беседы. Иногда спорили. Часто рылись в своей исторической памяти и набрасывали планы на ближайшее будущее. Увлекаясь, шли за полётом фантазии. Мы оба были тогда сравнительно молоды. Иван Солоневич как журналист предпочитал чертить политические планы, а я как генштабист носился в сфере стратегии»^[204].

В Аргентине Хольмстон-Смысловский, по его словам, полностью разуверился в «образцовости» «культурного Запада»: Запад слишком «... кичится превосходством своей цивилизации над нашей русской, византийско-восточной... считая всю нашу тысячелетнюю историю проявлением одного только варварства, от великих князей, царей, императора до последнего революционного периода». По мнению Хольмстона, завышенная самооценка Запада не соответствует реалиям, потому что демократические свободы, права человека, гуманность, священное право убежища и прочее, прочее были перечёркнуты выдачей Советскому Союзу генерала Власова и десятков тысяч его офицеров и солдат^[205].

Хольмстон-Смысловский взялся за нелёгкую задачу объединения русской эмиграции в Аргентине, чтобы затем использовать этот опыт на всём пространстве русского рассеяния. Солоневич, потерпевший в своё время фиаско с Российским национальным фронтом, приветствовал инициативу генерала. Может быть, у Хольмстона получится? Базовой организацией объединения должен был стать Суворовский союз.

Былая близость Хольмстона к командованию вермахта также интриговала Солоневича. Особенно его занимала тема закулисных отношений политического и военного руководства рейха с русскими военными формированиями, прежде всего — с армией генерала Власова. Эти вопросы Иван постоянно затрагивал во время бесед с генералом. Оценивая прошлое, собеседники были единодушны в том, что Гитлер подписал себе смертный приговор, когда запретил использовать русские подразделения на Восточном фронте и начал осуществлять свою доктрину планомерного сокращения «популяции» расово «неполноценного» русского народа.

Солоневич и Хольмстон-Смысловский в один голос критиковали не только Гитлера, но и Соединённые Штаты, которые абсолютно не «понимают Россию» и при этом ещё осмеливаются готовить нападение на неё. Генерал Хольмстон не теоретизировал на темы монархизма, считая,

что авторитет Солоневича в этой области непререкаем. Однако о будущем России и защите её интересов генерал думал и говорил постоянно, в том числе и «по итогам» провалившейся гитлеровской агрессии. Газета «Суворовец» отражала ход его размышлений:

«Мы — русские, молодая и полная динамизма нация и Империей рыть не устали, а потому никаких хирургических операций над телом России — мы не допустим... Я не грожу, а предупреждаю, так же как некогда, в докладных записках, будучи в германском генеральном штабе, я предупреждал немцев. Не поверили или не захотели поверить — результат налицо»^[206].

Именно под этим углом — неизбежности «гарантированного провала» — Хольмстон анализировал намерения стран Запада решить «проблему СССР» силой оружия, оккупации и далее — «раздела наследства российского». Какой в этом случае должна быть позиция патриотических сил русской эмиграции? Ответ Хольмстона был такой: «Воевать за освобождение России мы готовы, но за её уничтожение никогда!»

Прогноз Хольмстона-Смысловского — это своего рода предупреждение западным демократиям: «Что будет, если они даже при помощи атомной техники выиграют чудом Третью Мировую войну. Что будет дальше?.. Россия не Германия. Это не государство, а континент. Для оккупации одной шестой части света понадобится вся действующая армия, которую придётся оставить под ружьём на веки веков. Ибо на всём необъятном пространстве, по городам и болотам, в лесах и руинах засядут партизаны. Миллионы партизан. Красные и белые, старые и новые. Вся Национальная Россия уйдёт в леса и начнётся... „ни проходу ни проезду“. Начнётся Четвёртая мировая война, огневая, холодная, психологическая, экономическая, национальная и гражданская»^[207].

Хольмстон не мог не понимать, что благополучие возглавляемых им остатков Русской национальной армии (РНА) зависит от благосклонности аргентинских властей. После прибытия в БуэносАйрес он добился аудиенции у «сильного человека» Аргентины Хуана Перона. От себя лично и от имени своей «армии» он поздравил Перона с избранием на высокий пост президента, а на страницах газеты «Суворовец» постоянно заверял, что в случае необходимости готов выступить на защиту Аргентины. В то время главным гипотетическим противником страны были Соединённые Штаты, куда Хольмстон регулярно выезжал по неким «секретным делам». Вряд ли он выполнял поручения Перона. Так что заверения Хольмстона о полной лояльности Аргентине носили не совсем «транспарентный», как

сейчас говорят, характер.

Как бы там ни было, правительство Перона не чинило препятствий деятельности генерала Хольмстона и его Суворовскому союзу. «Перон нас держит под своим крылом», — не раз говорил своим подчинённым Хольмстон. Для поддержания связи с Хольмстоном военное министерство выделило специального офицера. Тайная полиция — «Сексьон эспесиаль» — в дела Суворовского союза не вмешивалась, каких-либо ограничений с её стороны на проведение собраний и других мероприятий не было.

Солоневич внимательно прочитывал русскую прессу Буэнос-Айреса, не оставляя без внимания газету «Суворовец», тираж которой не превышал полутора тысяч экземпляров. Хольмстон-Смысловский железной рукой руководил газетой, тематическим лейтмотивом которой была популяризация боевого и политического опыта лидера Суворовского союза, его геополитических доктрин, обсуждения его сценариев Третьей мировой войны и способов нанесения поражения Советскому Союзу. Хольмстон продолжал настаивать на том, что накануне войны требуется добиться единства эмиграции, в особенности объединения её воинских организаций. Первоначально Хольмстону это объединение в Аргентине как будто бы удалось. Вокруг Суворовского союза сгруппировались РОВС, Союз Александра Невского и др.

В конце декабря 1951 года из Парижа генерал-лейтенант Архангельский, председатель Совета российского зарубежного воинства (СРЗВ), предложил Хольмстону-Смысловскому войти в Совет и принять участие в совместной борьбе с Советами. Хольмстон понимал, что ведущая роль в Совете вряд ли зарезервирована для него. Поэтому выдвинул явно неприемлемые требования для совета, в частности:

- преобразовать Совет российского зарубежного воинства в «Российский государственный военный совет»;

- создать главное командование, штаб главного командования;

- подготовить кадры для нескольких дивизий из членов существующих военных союзов; ввести единоначалие.

Надо ли говорить, что все заинтересованные лица поняли: на ответственную должность руководителя СРЗВ претендует сам Хольмстон-Смысловский. Больше из этой организации с подобными предложениями к генералу не обращались.

Когда в редакцию «Нашей страны» начали приходить анонимки на Хольмстона, Иван отнёс их на счёт «просоветских элементов». По этому

поводу Солоневич опубликовал даже небольшую заметку «Анонимам»: «Редакция, и не только она одна, — получает гектографические листовки и написанные от руки письма, касающиеся ген. Б. А. Хольмстона. И листовки, и письма написаны одним почерком и подписаны разными псевдонимами. Редакция просит автора всего этого не беспокоиться напрасно: такого рода инсинуаций „Наша страна“ помещать не собирается».

Но анонимки приходили всё чаще. Неблагоприятные сведения о Хольмстоне стали поступать и от бывших членов Суворовского союза. Первоначально Солоневич не придавал им значения, по себе зная, какие нелепые, сомнительные, а порой и разрушительные для репутации слухи и сплетни порождает «эмигрантское болото». Тем не менее как журналист, не раз обжигавшийся на излишней доверчивости, он обратил внимание на то, что «слухи», идущие из разных источников, во многом совпадают.

Беглецы из Суворовского союза рассказывали, что Хольмстон-Смысловский, бывший сотрудник абвера, свою контрразведывательную работу для рейха пытается представить в глазах эмиграции в виде патриотического служения во благо Родины. На самом же деле его контрразведывательное прошлое в Польше, Эстонии и России оставило кровавый след. В конце 1944-го — начале 1945 года, когда вермахт стал стремительно откатываться на запад, Хольмстон решил, что самое время предпринять шаги для ухода от ответственности, как это делали многие пособники нацистов. Новое войсковое образование — Первая русская национальная армия — внешне ничего общего не имело с «зондерштабом Р» и могло прикрыть его прошлое. Он полагал, что под русским национальным флагом будет легче выбраться на нейтральную территорию, получить убежище и дожидаться неминуемого, с его точки зрения, столкновения Советского Союза с западными союзниками. Свой замысел Хольмстон-Смысловский на удивление успешно выполнил. Он создал бутафорскую Русскую национальную армию, благополучно довёл её до границы со Швейцарией, а затем интернировал в Лихтенштейне.

Солоневичу было известно, что Хольмстон-Смысловский нередко ссылался на личное «благословение» русского генерала фон Лампе: мол, можешь использовать службу в вермахте в патриотических целях. Однако Солоневич знал и то, что фон Лампе в предвидении войны издал по линии РОВСа приказ, в котором разъяснил, что никаких весомых предпосылок для ведения борьбы по освобождению России в переживаемый исторический момент нет. В приказе подчёркивалось, что если кто-то захочет действовать, вступив в германскую армию, то должен помнить, что

служит он германским целям. Многие члены РОВСа правильно поняли этот приказ и на службу к немцам не пошли. Смысловский сделал выбор в пользу Германии.

Двойственное впечатление у Солоневича оставили утверждения диссидентов-«суворовцев» о том, что полковник Хольмстон «самовольно» присвоил себе звание генерал-майора. Его ссылки на то, что немецкое командование подписало приказ в самом конце войны, были сомнительны. Бои шли на улицах Берлина, Гитлер, проверив цианистый яд на любимой овчарке, обдумывал своё политическое завещание. Капитуляция была неминуема. Вряд ли в этих условиях кто-то из высших чинов вермахта стал озабочиваться присвоением полковнику Хольмстону очередного воинского звания.

Недрузи Хольмстона считали, что мундир генерала (заранее подготовленный!) потребовался ему для ведения переговоров с властями Лихтенштейна: так, мол, представительнее!

Конечно, выяснить истинность этих утверждений в условиях Аргентины было трудно. О любых попытках подобного рода Хольмстону стало бы известно. Он никогда не забывал о своей профессии контрразведчика и создал в среде русских эмигрантов разветвлённую сеть информаторов.

Говорили, что на эту специфическую работу Военное министерство Аргентины выделяло Хольмстону необходимые финансовые средства. Трудно сказать, знал об этом Солоневич или нет, но соответствующие слухи по «русскому» Буэнос-Айресу циркулировали. Правда, часто говорили не о военной контрразведке, а о тайной полиции. Если у эмигранта, устраивающегося на работу, была рекомендация генерала Хольмстона, никаких проблем не возникало. Члены Суворовского союза привлекались для изучения прибывавших в страну «дипийцев» с «советским прошлым» (таких было около семи тысяч). Если кто-либо из них посещал советское консульство или был замечен на премьере советской киноленты, то за ним устанавливали слежку. Самые проверенные люди Хольмстона вели наблюдение за советскими учреждениями в стране, используя для этого автотранспорт, предоставленный «Сексьон эспесиаль».

Не только Солоневич интересовался творчеством и личностью Хольмстона-Смысловского, но и тот, в свою очередь, тоже уделял постоянное внимание издательской и общественной деятельности Солоневича. Генерал не сомневался, что при определённых обстоятельствах писатель может возглавить русскую эмиграцию. И хотя

Солоневич опровергал подобные домыслы, Хольмстон, будучи амбициозным человеком, не верил ему: как можно добровольно отказываться от лидерства?

Ещё большую тревогу Хольмстона вызвали сведения о том, что Солоневича видели в компании с «изменниками», покинувшими Суворовский союз. О скандально-разоблачительных выступлениях Солоневича в прошлом, его неуживчивости и неблагодарности Хольмстон был наслышан от бывших членов РОВСа, входивших в руководство Суворовского союза. Не готовит ли Солоневич какой-нибудь сенсации за его, Хольмстона, счёт, чтобы поддержать тираж «Нашей страны»? Пока Солоневич лоялен и приветлив при встречах, но кто знает, не маска ли это опытного газетного волка?

Хольмстон-Смысловский дал строгое указание: усилить наблюдение за издателем «Нашей страны», докладывать о каждом его шаге, заранее проверять через типографию содержание его газеты...

Лидеры многочисленных эмигрантских организаций в Аргентине поначалу не проявляли признаков враждебности к Ивану Солоневичу. Если и распускались «порочащие» его слухи, то бытового характера. Например, о том, что Солоневич лучше всего творит в состоянии подпития. У него, мол, слева от стула стоит ведро с водкой, из которого он и черпает стаканами свою энергию и вдохновение. Правой же рукой — в алкогольном трансе — он покрывает десятки листов своим энергичным почерком. Ведро с водкой — это, конечно, выдумки. Но сам Солоневич не скрывал своей слабости. Однажды он написал:

«Я никогда не принадлежал и, вероятно, никогда не буду принадлежать ни к какому обществу трезвости. Я уважаю водку. Если её нет, то в худшем случае можно пить коньяк. Если нет ни водки, ни коньяку — я предпочитаю чай».

Возможно, некоторые нюансы своего отношения к спиртному Солоневич приоткрыл в романе «Две силы». В реальной жизни писатель бравировал перед друзьями своей «сопротивляемостью» к алкоголю. Но через выдуманного персонажа можно было сказать правду:

«Вообще говоря, Светлов не любил пить. Алкоголь как-то ослаблял тот контрольный аппарат, который всегда стоял между Светловым и миром. Алкоголь подстёгивал воображение и ослаблял напряжённость. Но мир требовал вечной настороженности. Сколько уж лет прожил Светлов в состоянии этой настороженности! Когда каждый шаг нужно было обдумывать, и каждое слово нужно было взвешивать».

Многие представители первой волны эмиграции помнили о тёмных слухах, порочивших имя писателя. Об этих старых наветах вскоре узнали политически активные члены «второй волны». По мере ужесточения полемики «Нашей страны» с «пузырями умершего мира», «зубрами» аристократических родов и католической «пятой колонной» в среде русской эмиграции слухи обрастали новыми подробностями. На этой почве искусственно подогреваемого недоверия постепенно укреплялся «объединённый фронт сопротивления» Солоневичу.

Особенно активно распространению слухов о том, что писателя с первых дней пересечения советско-финской границы подозревали в связях с НКВД, способствовал капитан Бутков. Он якобы был в курсе действий «внутренней линии» РОВСа в Софии по разоблачению «чекистской группы Солоневича», слышал о компрометирующих Бориса фотографиях («встречи» с сотрудником советского посольства), о подозрительных финансовых поступлениях из Стокгольма и Гельсингфорса. В «дружеских» компаниях Бутков рассказывал об этих «фактах», и, без всякого сомнения, часть этих «компрометирующих откровений» поступала в «Сексьон эспесиаль».

Полицейское уведомление, предписывающее Солоневичу покинуть Аргентину, стало для него полной неожиданностью. Добиваться справедливости у властей Иван, однако, не стал. На это потребовалось бы много времени и в результате могло обернуться санкциями против газеты. Вполне вероятно, что именно этого добивались его враги. Поэтому лучший вариант выхода из драматической ситуации — отъезд в соседний Уругвай! Оттуда можно будет руководить газетой и вовремя решать возникающие проблемы.

Даже через много лет после смерти мужа Рут Солоневич утверждает, что ему в очередной раз не повезло со страной пребывания. Генерал Перон был президентом авторитарного типа. Вряд ли он имел представление о содержании трудов русского публициста, однако, по мнению Рут, «то, что Иван Лукьянович писал о диктаторах, очень не нравилось Эве Перон, а через неё — её мужу». В книге «Диктатура импотентов» ни слова не говорилось об Аргентине и порядках в стране, но в соответствии с пословицей «правда глаза колет» Эва поверила доносам: «Книга полна недостойных и оскорбительных намёков на Аргентину!»

Солоневичу предписали покинуть страну в трёхдневный срок. Он в это время лежал в госпитале в ожидании операции по поводу гайморита.

Выехать в указанный срок Иван не мог. Кто-то подсказал Рут имя офицера полиции немецкого происхождения, и она, напросившись к нему на приём, объяснила ситуацию. Офицер сжалился, разрешил отложить отъезд Солоневича на несколько дней, но не более того, «иначе и он, и я будем иметь большие неприятности».

Во второй половине июля 1950 года Солоневич поднялся на борт пароходика, курсировавшего по Рио-де-ла-Плата между Буэнос-Айресом и Монтевидео. В газете «Наша страна» 5 августа 1950 года появилось извещение «От редакции»: «Ввиду того, что Иван Лукьянович Солоневич по состоянию своего здоровья и по другим, не зависящим от него обстоятельствам покинул пределы Аргентины, издателем и редактором газеты „Наша страна“ с 1 августа с. г. является Всеволод Константинович Дубровский».

Солоневич считал, что он не давал поводов для высылки: «В организации местных склок на мне не лежит никакой вины. Я в местной жизни не принимаю решительно никакого участия. Ни танцулек, ни рюмок чаю „Наша страна“ не организует. Даже и по лотерейной части мы ни с кем не конкурируем. Местных материалов в газете нет никаких. 85 процентов её тиража идёт за границу».

Значит, напрашивался вывод: высылка из Аргентины — следствие заговора, хорошо оркестрованной кампании лжи и клеветы, серии доносов, направленных в тайную политическую полицию его врагами из эмигрантской «головки». Солоневич не ошибся. По свидетельству Дубровской, сразу же после высылки Солоневича её муж был вызван в «Сексьон эспесиаль» для «профилактической беседы», видел эти доносы и на всю жизнь запомнил имена людей, их подписавших.

По сведениям Николая Казанцева, под доносами, обвиняющими И. Л. Солоневича в антиперонизме и прочих грехах, стояли весьма разношёрстные подписи: от меньшевика Н. А. Чоловского, издателя журнала «Сеятель», до монархиста-реакционера Н. И. Сахновского.

Чоловский, работавший портным, возглавлял немногочисленную организацию, именовавшую себя «Российское народное движение». Журнал «Сеятель» выходил нерегулярно и небольшим тиражом (150–200 экземпляров). У Чоловского дома стоял наборный станок, и он совмещал в одном лице издателя, редактора и наборщика.

Другого подписанта — Сахновского — подозревал и сам Солоневич. Сахновский был тогда представителем Российского Имперского союза-ордена в Южной Америке. «Сахновский и другие подали на меня десятки

синхронизированных доносов, — писал Солоневич. — Недавно в полицию поступил новый донос, что я пишу по директивам советского агента. Я не питаю абсолютно никаких личных настроений даже против Сахновского, хотя мне известно, что основная часть доносов последовала именно от его группы. Сахновский есть реакция в самом густом смысле этого слова... Сахновский — это помещик до мозга костей. Основная проблема восстановления монархии заключается в полном политическом и идейном разгроме этого слоя».

По-видимому, особый вес для полиции имел донос А. Ставровского, редактора газеты «За правду», который перешёл в католичество и по этой причине пользовался определённым весом в правящих кругах Аргентины^[208]. На Ставровского сильное влияние оказывал ксендз Филипп де Режи^[209], иезуит высокого ранга с широкими возможностями и связями в аргентинских верхах. Де Режи вёл «миссионерскую работу» среди русских беженцев. На этот специфический момент в деятельности ксёндза по «перетягиванию» православных в католицизм Солоневич обратил внимание уже в первые дни пребывания в Буэнос-Айресе. Подобную вкрадчивую технику приобретения адептов Солоневич хорошо изучил ещё в Белоруссии. В статье «Об Аргентине» он написал: «Русских эмигрантов обычно встречает католический патер о. Филипп де Режи, — наше духовенство занято более важными делами».

Дуэт Ставровский — де Режи больше всего усилий приложил к проникновению в военные организации эмигрантов, в том числе — в Суворовский союз. Когда это не удалось, разящий огонь католического дуэта был направлен на идеологического лидера эмиграции — Солоневича.

Николай Казанцев обобщил «версии», ходившие по «русскому» Буэнос-Айресу в связи с высылкой редактора «Нашей страны». Варианты были следующими.

Слава богу, что выслали — советский агент! (Это совершенно явно было пущено с целью компрометировать дело Солоневича и дальше.)

Выслали по настоянию советского посольства, и только потому-де, что это лишь уступка настоянию советчиков — не закрыта газета и Солоневич продолжает в ней писать.

Правительством Перона были опрошены представители некоторых русских организаций и на основании их разговоров о «вредности» деятельности Солоневича было принято решение его выслать.

Солоневич вообще никуда не уезжал, а всё это разыграно, чтобы он

мог работать спокойно.

Солоневич уехал в США, но чтобы это скрыть, была придумана высылка. Вообще в саму высылку люди верили с трудом, не допуская мысли о доносах.

По мнению Казанцева, ближе к истине версия номер три — опросы действительно были, власти «отреагировали» на поступившие доносы.

«Оперативно» отозвалась на высылку Солоневича газета «Новое русское слово», издававшаяся в Нью-Йорке:

«По распоряжению правительства Перона из Аргентины выслан И. Л. Солоневич, редактор еженедельной монархической газеты „Наша страна“. Сторонники И. Л. Солоневича связывают высылку с последними его выступлениями против военной части русских монархистов и с его призывом „не мешать Керенскому“. Решающую роль в высылке Солоневича, как передают, сыграла „внутренняя линия“, пользующаяся среди русской военной эмиграции в Аргентине большим влиянием. В качестве иллюстрации к настроениям этих кругов нам сообщают, что на состоявшемся в Буэнос-Айресе монархическом собрании была принята резолюция: не оказывать демократиям никакой помощи в их борьбе с коммунизмом. И. Л. Солоневич выехал в Парагвай»^[210].

Трудно сказать, какими источниками пользовалась газета при подготовке этого сообщения. Однако указание на «военную часть русских монархистов» и «внутреннюю линию» достаточно конкретно. Но «внутренняя линия» в РОВСе давно перестала существовать как активная сила, а ссылка на «военную часть русских монархистов» была слишком расплывчата. Может быть, имелся в виду Суворовский союз Хольмстона? Как мы знаем, основания для нейтрализации Солоневича у генерала Хольмстона были...

По большому счёту, Хольмстон-Смысловский был тем человеком в Буэнос-Айресе, который мог повлиять на аргентинские власти в «деле Солоневича», предотвратить его высылку. Благодаря «карманной» контрразведке Хольмстон знал о том, где и кем пишутся доносы, был осведомлён о их содержании. Более того, в одном из руководящих кабинетов «Сексьон эспесиаль» с ним советовались по поводу того, давать или нет ход «обвинительным письмам». Именно под этим названием они были зарегистрированы в учётном отделе охраны.

У Хольмстона-Смысловского были разные варианты действий. Он мог сказать: я уверен в том, что Солоневич никогда не имел отношения ни к

Коминтерну, ни к Коминформу, и, тем более, к НКВД — МГБ. Он мог сказать, что Солоневич лояльно относится к хустисиалистскому режиму и президенту Перону. В конце концов, Хольмстон мог поручиться за Ивана. Этого было бы достаточно, чтобы закрыть «дело Солоневича». Тем не менее, беседуя с представителем «Сексьон эспесиаль», он не сказал ни слова в защиту писателя. Обвинений Солоневича в работе на коммунистов он не поддержал, но дал понять аргентинцам, что дальнейшее пребывание писателя в Буэнос-Айресе чревато конфликтами, выяснением отношений и скандалами среди русских эмигрантов. Не преминул Хольмстон предсказать, что этим воспользуется советское посольство, вербуя агентов и соблазняя эмигрантов видами на возвращение в Советский Союз.

Доносам дали ход, и Хольмстон-Смысловский фактически определил дальнейшую судьбу Солоневича.

Глава двадцать девятая

УРУГВАЙ — ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ

Иван Лукьянович не скрывал, что всё случившееся его потрясло. Главным виновником и организатором высылки он считал Сахновского. Упоминание некоего советского агента в доносах также не сулило ничего хорошего. У Солоневича не было и не могло быть «друзей» в советском посольстве^[211].

Бродя по зябкому «зимнему» Монтевидео, Солоневич, наверное, не раз вспоминал свои слова, написанные в 1939 году:

«Сколько блестящих актёрских одежд и бутафорских декораций упало бы перед глазами нашей совести, если бы мы захотели быть искренними сами с собой. Мне очень стыдно и больно прежде всего за свою собственную слабость и за свои собственные ошибки.

Но мне стыдно и за очень многих так называемых „представителей национальной общественности и нашей национальной прессы“. Мне стыдно за наши бесконечные споры, сплетни, взаимную клевету, помои, ссоры и дразги. Стыдно за нашу никчемность, мелочность и злобность, за нашу неспособность к подвигу и к настоящему жертвенному служению. Стыдно прежде всего — перед Россией».

Бойцовский характер Солоневича толкал его на продолжение борьбы «до победного конца», хотя он понимал, что ужесточение конфронтации с «пузырями потонувшего мира» чревато закрытием газеты.

Рассудительный Дубровский, которого власти предупредили о возможности запрещения газеты, пытался отвлечь Ивана Лукьяновича от эмигрантских конфликтов, ориентировать его на работу для достижения более важных политических целей:

«Ты только посмотри с „холодным вниманием вокруг“, что творится в эмиграции. Грызутся все. Каждый, кому доступна пишущая или типографская машина, делает это печатным способом, кому недоступна — бегают с доносами. Мне кажется, что на этом фоне очень выгодной была бы серьёзная позиция и линия, устремлённая в будущее, мимо этого гнусного настоящего. Для этого ты должен переключить свои мысли в другую плоскость и заставить машинку не „местию дышать“, а рисовать те

„контуры будущей России“, которые ты ведь можешь сделать настолько интересными, что люди будут зачитываться. Надо подумать и об издании „Белой Империи“»^[212].

Настроенный на реванш, Солоневич пытался сопротивляться, считая, что излишне благонамеренные номера газеты сделают её скучной и малопривлекательной для читателя, а следовательно, коммерчески провальной. Советы Дубровского на необходимость тематической «реорганизации» «Нашей страны» вызывали у Солоневича понятные опасения:

«Твоя линия с абсолютной неизбежностью гарантирует её (газеты. — К. С.) медленное умирание. Ты слишком осторожен. Если нельзя писать о РОВСе, демократиях, социалистах (Чоловский ведь тоже бегал с доносами), солидаристах, сепаратистах, дворянах, Чухнове, то это означает, что нельзя толком писать ни о чём стоящем... Нужно рисковать и дальше — обдумав это риск, принимая во внимание опыт. Газета всегда держалась яркостью и смелостью... Кроме того, получается впечатление, что „им“ всё-таки удалось зажать мне рот — это губит весь „престиж“: напугали, наконец... Нам нужно вернуться к стилистике „Голоса России“. Во всяком случае: даже если газету окончательно прихлопнут — у нас ещё останется возможность что-то предпринимать. Если газета погибнет от умеренности и аккуратности — дело пропало окончательно: это будет означать, что человек исписался, струсил и что ничего большего тут ждать нельзя»^[213].

Споря с Дубровским, Солоневич, тем не менее, постепенно склонялся к его точке зрения. Потеря газеты означала бы утрату всего, что было достигнуто тяжким трудом. На неопределённо долгий срок он потерял бы возможность общения с эмигрантской массой, влияния на неё.

Можно согласиться с выводом Казанцева о том, что в споре оказался прав Дубровский, который, «искусно маневрируя» (в переписке с Солоневичем), сохранил газету и заложил основы для того, чтобы она существовала долгие десятилетия. И самое главное, Иван Лукьянович получил относительно спокойные годы жизни для работы над своим капитальным трудом «Белая Империя», окончательное название которого было подсказано тем же Дубровским — «Народная Монархия».

Завершающий этап работы над этой культовой книгой всех монархистов России относится к 1949–1950 годам. На последней странице книги Солоневича «Диктатура импотентов» в мае 1949 года был размещён анонс о публикации новой книги автора — «Белая Империя» и подробно обозначена её тема:

«Русская интеллигенция, „оторванная от народа“ в течение лет двухсот, пыталась перестроить Россию на свой образец — на полтораста своих образцов. С этой целью она рисовала нам: отвратную рожу Царской России и светлый лик великой и бескровной. Светлый лик великой и бескровной мы сейчас можем наблюдать невооружённым глазом. И можем с абсолютной степенью бесспорности установить, что все прогнозы русской интеллигенции были сплошным вздором. „Белая Империя“ доказывает, что совершенно таким же вздором были все диагнозы — то есть что русская книжная, революционная и прочая интеллигенция врала совершенно *одинаково*: и о нашем будущем, но также и о нашем прошлом.

...„Белая Империя“ пытается установить своеобразие русской психологии и русской истории и дать конструктивную идею, которая была бы основана на реальностях прошлого, а не на отсебятинах о будущем. Реальность прошлого есть Империя, *самая* справедливая во всей мировой истории и построенная на „за Веру, Царя и Отечество“, а не на атеизме, керенщине или интернационале. На религии, традиции и инстинкте, а не на философии, революции и рационализме. Возрождение одиннадцативековой традиции есть единственный путь к возрождению России».

В труде «Народная Монархия» Солоневич на многих фактах доказывал, что Российская империя не была тюрьмой народов, что в отношении гражданских свобод она не проигрывала ни одному современному государству, включая Соединённые Штаты. Он настаивал на том, что в области материально-технического прогресса Россия «во все лопатки догоняла Америку, и если бы не революция, то к нынешним временам почти догнала бы её».

Самодержавие было предано теми, кто толпился у трона «жадной толпой», и оболгано пропагандистами-революционерами, получившими на эти цели деньги из бездонных хранилищ «мировой закулисы». Столь разрекламированный революционной печатью «репрессивный аппарат» империи оказался беззубым, действовавшим строго в рамках тогдашнего либерального законодательства.

«Схватка за умы простого человека, „нижних чинов“ была проиграна с самого начала, — считал писатель. — Силы были не равны. Идейная борьба за Веру, Царя и Отечество отступила в казармы, в полицейские участки, казённые проповеди церковного ведомства.

Идейная борьба против Веры, против Царя и против Отечества захватила и кафедры, и газеты, и университеты, и сельских учителей, и семинаристов из духовного звания, и артистов из Художественного театра. Честно отсиживались: мужик и штабс-капитан. И тот и другой оказались

невооружёнными».

В одном из последних прижизненных номеров «Нашей страны» Солоневич вновь без колебаний подтвердил, что «задачи монархического движения остаются теми же, что и прежде: ликвидация большевизма; борьба против расчленения России; восстановление Российской монархии; борьба с реакцией, оформление и закрепление идейной установки».

Под «реакцией» Солоневич понимал практически всю правящую элиту дореволюционной России. Он считал, что восстановление монархии на социально-административной базе старого правящего слоя физически невозможно: «Бывший русский правящий слой политически совершенно разложился до революции, и именно это разложение сделало революцию возможной».

Своей личной задачей Солоневич считал широкую пропаганду идейных установок «Народной Монархии» в служилом слое, в который писатель включал не только мелкое дворянство, разночинцев, но и выходцев из купечества, мещанства, крестьянства, духовенства, офицерства и даже интеллигенцию («для служения России вовсе не обязательно состоять на государственной службе»). Это — эмигрантский компонент созидателей будущей народной монархии.

В Советской России, по мнению Солоневича, монархические идеи обязательно найдут массовый отклик, особенно после десятилетий коммунистического эксперимента, в первую очередь в трудовых слоях населения: «Для нас масса — не демос и не плебс. Для нас масса — это наш народ. Мы по старым путям больше не пойдём. Для нас благородство будет в труде, а не в голубой крови. Для нас мужик — не ругательное слово и не существо низшей расы. Это — наш брат».

Размышляя о главном политическом и литературном труде своей жизни, его предназначении, содержании и отличии от многочисленных эмигрантских схем, программ и доктрин российского переустройства, Солоневич настаивал на том, что его проект уникален и реализуем, потому что учитывает всю прошлую историю страны:

«„Народная Монархия“ — это, конечно, не программа. Это попытка формулировать то *общее*, может быть, *самое* немногое, но зато и *самое глубокое*, что говорит в русском человеке и по ту, и по эту сторону рубежа. Так сказать, формулировка *голоса крови*. Попытка прощупать то основное, что строило Россию и что будет строить её и дальше.

Значит — не программа...

Это — попытка найти неизбежность и неотвратимость *наших* путей, путей, по которым „желающие“ пройдут *победителями*, а нежелающих

судьба будет отбрасывать вон.

„Народная Монархия“ — предназначена не для эмигрантского легкого чтения — она предназначена для России.

„Народная Монархия“ в сущности является попыткой исследования тех форм, в которых русский национально-государственный инстинкт проявлялся за все века существования нации и государства»^[214].

Необходимо отметить, что труд Ивана Солоневича «Народная Монархия» привлекает всё большее внимание современных историков, политологов, социологов, философов и действующих политиков, не говоря о политически активных слоях российского населения. «„Народная Монархия“ — многослойный, насыщенный разнообразным фактологическим материалом труд, жанр которого, по верному определению одного из специалистов, определить трудно, это — и исследование, и размышления, и философия, выстраданные при осмыслении исторического и личного опыта. Написанное И. Солоневичем звучит как многоголосый оркестр, исполняющий симфонию любви к России и боли за Россию»^[215].

В условиях несомненного кризиса монархической идеи, ясно определившегося к концу 1920-х годов, защита и пропаганда Солоневичем народно-монархических идеалов (в ещё менее перспективных для неё обстоятельствах 1930–1950-х годов) выглядят (для его критиков) как политическое упрямство, как слепое доктринёрство вопреки доминирующим мировым процессам. И в СССР, и на Западе закрепились стандартная точка зрения на то, что всё монархическое — это маргинальное, реминисценция отжившего, своеобразная отдушина для людей консервативного склада, находящихся на правом фланге современного общества, ностальгирующих по «прежнему историческому порядку».

Сам Солоневич и в своей главной работе, и сопутствующей публицистике не раз подчёркивал, что его идея «народной монархии» не должна восприниматься как апология исторически застывшего, неспособного к развитию и саморазвитию государственного строя. Отсюда его постоянные напоминания о том, что монархия — это естественное для России состояние власти, способствующее реализации её целей в тесном взаимодействии с народом:

«Нам нужны: достаточно сильная монархия и достаточно сильное народное представительство, причём силу той и другого мы будем измерять

не их борьбой друг с другом, а их способностью сообща выполнять те задачи, которые история поставит перед нацией и страной. Мне могут сказать, что это утопия. И я могу ответить, что именно эта „утопия“ и была реализована на практике политической жизни Старой Москвы».

И в этом плане более чем справедливо мнение И. Н. Куклиной, исследовательницы творчества писателя-публициста, о том, что «по существу вся книга И. Солоневича посвящена одной, главной проблеме, а именно проблеме отношений между властью и народом в Российской Империи». Нельзя не поддержать её вывод: «Эта проблема по-прежнему остаётся главной проблемой и нынешней России»^[216].

Ощущения творческой неудовлетворенности от «Народной Монархии» Солоневич не скрывал. И это понятно: работа над книгой велась в сложных, не располагающих к систематическому аналитическому труду условиях. «Со времени моего приезда в Южную Америку, — писал он, — я, волею судеб („Судьба — это политика“), меняю местопребывание своё уже в восьмой раз. Полное собрание моих выписок (для работы над „Народной Монархией“. — К. С.) представляет собою перепутанную кучу обрывков бумаги, иногда спрессованных под очень большим давлением. Для того чтобы привести эту кучу хоть в кое-какой порядок, нужно не меньше свободного месяца. И нужна рабочая комната. У меня нет ни того ни другого... Для „научной работы“ моя обстановка не годится никуда».

По словам Солоневича, «Народная Монархия» переделывалась и переписывалась четыре раза. Лишь после высылки в Уругвай писатель смог более или менее удовлетворительно завершить свой труд, но и тогда он говорил, что это только «схема» того, что он хотел бы написать. Солоневич был уверен, что после падения Советского Союза его книга будет востребована:

«Если я не ошибаюсь очень уж катастрофически, то в России она будет отвечать всей „тенденции развития“ новой и по-настоящему Национальной России. И вот именно поэтому я ещё и ещё раз обращаюсь с просьбой к нашим друзьям исправить все её ошибки, опiski и даже опечатки. Я не историк. Объём моей „эрудиции“ очень разносторонен — от Клаузевица до Маркса — и от психоанализа до оккультизма. Но в исторической работе, какой по существу является „Народная Монархия“, моих знаний мне не хватает. И в этой работе могут быть ошибки. Их нужно исправить уже здесь, а не ожидать того, чтобы наши противники стали бы публично исправлять их в России. Первые два выпуска, „Основные положения“ и „Дух народа“, имеют очень общий характер, и в них фактические ошибки и

пропуски очень маловероятны, хотя, может быть, есть и они. В дальнейших выпусках этих ошибок и пробелов будет больше. Их нужно ликвидировать уже здесь, чтобы к моменту падения пресловутого занавеса мы имели бы „катехизис“, по мере возможности неуязвимый ни для какой критики»^[217].

«Для отдыха» Солоневич продолжал писать в очередные номера газеты главы-фельетоны романа «Две силы», который печатался под псевдонимом Глеб Томилин. С первого номера «Нашей страны» авантурные похождения неунывающего Стёпки привлекли внимание читателей. Дубровская вспоминала:

«И. Л. так полюбил своего Стёпку (главный герой романа; поэтому очень скоро в разговорах роман стал называться „Стёпкой“), что во время каждого нашего посещения (Дель-Висо. — К. С.) разговор неминуемо касался „Стёпки“ и очередных его приключений для следующего номера газеты. „Стёпкой“ увлекались все: он пользовался исключительным успехом среди читателей. Уже из Уругвая... И. Л. меня просил, чтобы я ему посоветовала, что сделать с тем или иным персонажем романа „Две силы“ (вот тогда я поняла, что И. Л. всё же „накручивал на ус“ мои высказывания о литературе). Однажды он драматически мне написал: „Таня, мне приходится убить Стёпку! Как вы думаете, убивать или нет?“ Я ему ответила, что ни в коем случае, очень уж он симпатичен. И конечно, при наличии своего колоссального таланта И. Л. сумел „спасти жизнь“ Стёпки и выдумать новое приключение»^[218].

В предисловии к одному из позднейших изданий книги было отмечено:

«По нашему искреннему мнению — это самый лучший роман о советской жизни, вышедший когда-либо в эмиграции... Основная идея романа — борьба двух сил: Бога и дьявола, добра и зла, свободы и рабства. Практическая же тема романа — борьба за атомное владычество (и, следовательно, политическое) над миром».

В краткой рецензии на «Две силы» газета «Наша страна» отметила удачные стороны книги:

«Роман — с одной стороны — это нарочито ироничное повествование, подчас напоминающее Зоценко и Ильфа-Петрова, с математически выверенным детективным сюжетом, при поверхностном прочтении почти фарсовое, что подтверждают, например, говорящие фамилии. Но налёт фарса настолько тонок, что не мешает относиться к повествованию всерьёз. При том, что Иван Солоневич всегда говорил, что добро и зло

кристаллизуется в борьбе, положительные (условно) герои романа изображены отнюдь не однопланово и схематично; а отрицательные — это прежде всего серьёзные противники: „Глупых людей в этом учреждении не было вообще либо были на самых низах“. Читая роман Солоневича, отчего-то вспоминаешь Владимира Войновича — он отдыхает»^[219].

В «Двух силах» писатель показал, как в недрах коммунистической системы возникли и множатся потенциальные изменники, оппортунисты, могильщики советской идеологии и партийных традиций. Они двуличны, бесчестны и терпеливо ожидают подходящего момента, чтобы перевернуться на другую сторону и нанести смертельный удар в спину бывшим соратникам. Прогноз писателя о перерождении правящей элиты Советского Союза оказался верным. Многие «ленинцы и марксисты эпохи развитого социализма» служили коммунизму из соображений выгоды, и когда партийные верхи дали сигнал: бери, хватай, грабь! — вся внешне непоколебимая оболочка советского режима рассыпалась в прах...

Отголоски личных наблюдений писателя ощущаются на тех страницах романа, где описываются персонажи НКВД. Самый зловещий персонаж романа — Берман, которого в партийных кругах называли «советским Фуше». Это — гений злодейства, который не признавал «умственного превосходства даже за Вождём Мiroздания», то есть Сталиным. Берман ведёт рискованную игру и готов к любому исходу. Не напрасно он носит на среднем пальце левой руки кольцо с порошком цианистого калия. Имя Бермана Солоневич использовал в романе по понятной причине: Матвей Давыдович Берман был начальником ГУЛАГа во времена строительства Беломорско-Балтийского канала.

Вот какой портрет своего Бермана нарисовал писатель: «Маленький, тщедушный, сутулый человек... Во внешности не было ничего особенного — кроме, может быть, лица: чем-то и как-то оно напоминало лицо насекомого — если у насекомых вообще есть лица... Из глубоких впадин иногда выглядывали глаза — и тогда казалось, они снимали моментально и до мельчайших деталей точную фотографию окружающего мира — и опять прятались назад».

Иван сожалел, что ограничен временем и не может уделять нужного внимания литературной шлифовке текста. Вечный цейтнот, в котором находился писатель в последние годы жизни, а потом неожиданная смерть не дали ему возможности завершить печатание романа в газете, а потом подготовить его к изданию отдельной книгой. Но даже в таком виде роман «Две силы» является подлинным национальным бестселлером.

Первое время после высылки из Аргентины Солоневич жил в Монтевидео. Это были зимние для Уругвая месяцы — август — сентябрь, сильно дождало, небо было затянуто серой пеленой, что сказывалось на жизненном тоне Ивана Лукьяновича.

От переживаний он снова заболел, и если бы не поддержка Валентины Евгеньевны Леонтович-Неёловой, трудно сказать, как бы он вышел из депрессии. Иван гостил и творчески работал на её куриной ферме в окрестностях Сориано, дожидаясь Рут, которая завершала «бюрократические дела» по отъезду из Буэнос-Айреса. Сын Леонтович-Неёловой Алексей вспоминал много лет спустя о том, как «дядя Ваня» жил в доме его матери и как собирались вокруг него по вечерам русские эмигранты, чтобы обсуждать его «передовые идеи». Самым заядлым среди оппонентов был профессор-историк Михаил Шкурин. Часто спорили до утра, и это скрашивало «долгие зимние холодные ночи, в комнате дым от папирос и от дров печурки был настолько густой, что, казалось, его нужно разрезать ножом, чтобы разглядеть лица»^[220].

Иван писал сыну 19 октября 1950 года: «Сориано, конечно, дыра, но очень хорошая дыра. Чудесный воздух, тишина. Нашли для нас две квартиры и жду Рутику, чтобы решить, — в которую. Мы стоим у какого-то порога. Нужно во что бы то ни стало сохранить бодрость духа. Мой сейчас совершенно бодр, и я внутренне так спокоен, как не было уже очень давно»^[221].

Настроение Солоневича заметно улучшилось, когда приехала Рутика. Она была неплохим поваром и на ферме взяла на себя обязанности по приготовлению пищи. Иногда по просьбе Рут Иван сопровождал её на автобусе в Монтевидео, чтобы жена могла сделать неотложные покупки. Неприхотливость мужа в быту Рут кое-как переносила. Переделывать его было поздно. Но она была молодой женщиной, имела свои представления о том, как должна выглядеть супруга известного русского писателя. Иван понимал её «резоны» и терпеливо сопровождал Рут, когда она посещала магазины дамской одежды. А потом — снова рабочие будни.

Финансовые проблемы, которые так досаждали Ивану в Аргентине, были почти полностью сняты, но не из-за повышения «рентабельности» газеты, а благодаря бескорыстной помощи бывшего русского офицера, монархиста, сына прославленного флотоводца — Вадима Степановича Макарова. Он обосновался в Соединённых Штатах, был успешным коммерсантом и, желая поддержать теоретика народного монархизма, ежемесячно переводил на его имя по 200 долларов.

Последний адрес Солоневичей в Уругвае — городок Атлантида, который расположен в часе езды автобусом от Монтевидео. Для Рут это курортное местечко было идеальным для жизни: «Мы переехали на побережье и сняли хороший маленький домик с садом. В пяти минутах ходьбы от дома было море». В то время Солоневичи уже хлопотали о переезде в Соединённые Штаты и по этой причине решили, что не будут заводить живности: жалко бросать. Несмотря на уговор, Иван Лукьянович «живность» всё-таки приобрёл. Однажды ранним утром он разбудил Рут и позвал её на крыльцо. У дома весело помахивал хвостиком чёрный как уголь щенок. Скорее всего, его подбросили соседи, решив, что «гринго» сжалится над щенком и возьмут себе. Так и получилось. Пёс Мурза очень привязался к ним, и потом — после смерти Ивана Лукьяновича Рут, готовясь к отъезду в США, переправила его к тёте Вале на ферму.

В конце 1952 года Юрий и Инга, направлявшиеся из Аргентины в США на борту грузового судна «Алрасса», побывали в гостях у Ивана и Рут (судно сделало остановку на два дня в порту Монтевидео). Юрий поразился тому, как быстро за последние месяцы состарился его батька: «Физически — половина того, что было. Уже в Аргентине оставалось немного. Уругвай съел ещё килограммов пятнадцать. А 15 кг при его костях — это очень много. В его разговорах, а говорить с ним уже все последние годы можно было только о политике, было ещё больше злобы, ещё больше ненависти. Всё „постороннее“ просто перестало его интересовать. В его словах о Монархии была такая дикая сила, такая абсолютная уверенность, что даже я, монархист по религии, столбенел и казался себе неверным Фомою... Но от батьки, моего салтыковского бога, не осталось почти ничего. Ни футбола, ни Анатоля Франса, ни даже уже и „Кожаного Чулка“, который ещё в Аргентине лежал у него на ночном столике... Может быть, в подсознании уже было чувство, что времени осталось немного. Язва желудка — все думали, что это язва, — болезнь не для политического деятеля. Вот во что обошлась батьке „политика“»^[222].

Глава тридцатая

«УМЕР ПРИ ТАИНСТВЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ»

Бойцовский темперамент Солоневича подорвала болезнь, которая подкрадывалась к нему исподволь, потихоньку, не вызывая у Ивана Лукьяновича особого беспокойства. И вдруг — обвал: невыносимые боли в желудке и, как следствие, необходимость срочной операции.

О последних днях жизни Ивана Лукьяновича ходит много недобросовестных выдумок и откровенного вздора, претендующего на сенсационность. Вот характерный образец подобных измышлений: «За свои взгляды, которые Солоневич так страстно отстаивал именно в этой книге („Диктатура слоя“. — К. С.), автор заплатил жизнью. Карающий меч Коминтерна настиг его в далёком Уругвае: он был приговорён НКВД как „агент гестапо“, и одновременно фашистской эмиграцией как „агент НКВД“. Оба приговора были приведены в исполнение членами „антисоветской организации“ НТС». Редакция «Нашей страны» последовательно опровергала и высмеивала фальшивки такого рода^[223].

Первое сообщение о болезни Солоневича появилось в «Нашей стране» (№ 166, от 21 марта 1953 года):

«Недомогания, не оставлявшие Ивана Лукьяновича в течение последних двух лет его жизни в Уругвае, в последнее время, постепенно усиливаясь, приняли форму тяжёлой болезни, в основе которой — анемия в очень острой форме (меньше половины нормального количества красных кровяных шариков в составе крови) и ухудшение болезни желудка на нервной почве.

Необходимость целого ряда клинических исследований заставит или уже заставила Ивана Лукьяновича провести некоторое время в клинике. Тяжёлым заболеванием И. Л. объясняется, в частности, и его молчание по поводу создавшегося вследствие смерти Сталина нового положения в Кремле. В портфеле редакции имеются ещё две-три статьи И. Л., но — если болезнь его затянется и не даст ему возможности нормально работать, — возможен некоторый перерыв в его участии в газете».

О своей язве желудка Солоневич писал в одной из статей, но как бы между прочим. Его ближайшее окружение тоже не сомневалось, что

именно в этой язве причина его перманентных физических недомоганий. В статье «Осложнение», которая появилась в 168-м номере газеты (от 4 апреля 1953 года), Солоневич подробно рассказал о своих попытках подлечиться, вернуть былую «спортивную форму». Близкий друг его — отец Александр (Шабашев) — организовал для Ивана Лукьяновича бесплатную консультацию у некоей знаменитости. Доктор торопливо, без анализов и снимков, осмотрел писателя и заявил:

— Вам за шестьдесят, биография у вас такая-то, чего же вы хотите? Благодарите Бога, что вы вообще ещё живы!

«Диагноз» этот Солоневичу не понравился. Он ничего, в принципе, не объяснял. Почему год «свирепой диеты» не привёл к улучшению, почему прошли острые желудочные боли, а физические кондиции резко ухудшились, причём настолько, что и 500 метров прогулочным шагом давались с большим трудом?

О запущенном малокровии Ивана Лукьяновича предупреждала врач Галина Николаевна М.:

— Ногти у вас совсем белые — сделайте анализ.

Анализ сделали: диагноз подтвердился. И тут на Солоневичей обрушилась новая проблема: как оплатить лечение? Из государственной больницы Иван Лукьянович, по его словам, сбежал на четвёртый день, а частные клиники были ведущему публицисту Русского Зарубежья не по карману. В своей статье Солоневич признался в неплатежеспособности: «В общем, дело обстоит так: пока будет применяться паллиативное лечение, ибо для настоящего денег нет».

Публикации «Нашей страны» о болезни Солоневича привлекли внимание читателей по всему Русскому Зарубежью. В редакцию стали приходить денежные переводы и письма с вложенными купюрами, почти всегда на небольшие суммы, с пометкой «на лечение». Люди, присылавшие эти деньги, сами нуждались, не всегда разделяли политические взгляды Солоневича, но пройти мимо отчаянного сигнала SOS газеты не могли.

Иван Лукьянович был помещён 14 апреля в лучший в Монтевидео Итальянский госпиталь. Организм писателя был так ослаблен, что ещё до операции врачам пришлось сделать несколько переливаний крови. Около недели ушло на обследование — анализы, рентгеновские снимки. Врачи сообщили, что оснований для тревог нет, что признаков рака в кишечнике и двенадцатиперстной кишке не обнаружено. Есть только опухоль, которая мешает поступлению пищи из желудка в кишечник, её-то и предстоит удалить. Известие успокоило Ивана, и 20 апреля он завершил свою (как

оказалось — последнюю) статью «Отец по наследству», посвящённую смерти Сталина. На её полях карандашом Солоневич сделал приписку, адресованную Дубровскому, о том, что операция назначена на ближайшие дни и что после неё есть все шансы на быстрое выздоровление.

Задерживаться в госпитале Иван не собирался. Он был полон новых планов, беспокоился о незавершённых делах: «Не вышли обещанные „Тезисы народно-монархического движения“, не вышло задуманное „Руководство для пропагандистов“, ещё не переделана „Фальшивка Февраля“, статья о „Правизне и левизне“ лежит в совершенно сыром виде. Роман („Две силы“. — К. С.) пишется с великим трудом и с большими перебоями, — о качестве его я уж и не говорю».

И ещё он собирался написать брошюру, «предназначенную для широких кругов населения США». «Мы должны приехать в США не с пустыми руками, — сказал Иван жене накануне дня операции. — Слишком много сплетен распространяется обо мне. Эта брошюра станет нашей „визитной карточкой“ для американцев». Иван надеялся, что в 1953 году они наконец-то смогут переехать в Соединённые Штаты. Соответствующее приглашение Госдепартамента он уже получил. Изобретатель вертолётов Игорь Иванович Сикорский предоставил Солоневичам афидевит: ручательство для переезда. Как вспоминала Рут, Иван Лукьянович хотел «оставить в Уругвае» все свои болезни, приехать в США таким, каким он был раньше, полным сил и энергии. Сказывалась и тоска по сыну, всё понимающему другу, собеседнику, спутнику.

Накануне операции Иван Лукьянович был спокоен, не догадываясь, что у него рак желудка, запущенный и фактически неоперабельный. Рут была рядом с мужем до позднего вечера и с трудом сдерживала слёзы. Врачи поставили её в известность о реальном положении вещей, скрыв правду от Солоневича, и, наверное, были правы. «По крайней мере его последние дни, — писала газета „Наша страна“, — не были омрачены сознанием, что смерть почти неизбежна при любом исходе».

На следующий день вскрытие желудочной полости подтвердило самые худшие опасения. Один из хирургов сказал: «Ну, тут всё равно ничего не поделаешь, давайте зашьём». Второй возразил: «Нет, мы должны сделать всё, что возможно, будем оперировать». Операция длилась три часа: пришлось вырезать две трети желудка, часть двенадцатиперстной кишки, на которой были обнаружены метастазы. Оказалось, что раком была затронута и печень.

Рут не отходила от операционной ни на шаг. Она подробно описала

всё, что произошло, своим друзьям в редакцию «Нашей страны»:

«Во время операции всё шло хорошо. Сердце работало вполне нормально. После трёхчасового, мучительного ожидания мой муж был перенесён из операционной в палату и постепенно приходил в себя после наркоза. Я сидела возле него и держала его руку, в которой находилась игла аппарата для переливания крови, чтобы предупредить возможность нечаянного движения. Мы разговаривали, и я старалась успокоить его страдания, уверяя его, что скоро, скоро всё пройдёт, и он будет снова нормальным здоровым человеком. Так прошло около часу времени. Вдруг, совсем неожиданно, он стал задыхаться, и дыхание прервалось... Доктора пытались помочь массажем, инъекциями... Всё было напрасно»^[224].

Сердце Ивана Солоневича остановилось в полдень 24 апреля 1953 года. В день похорон отец Александр (Шабашев) долго всматривался в лицо друга, удивляясь его спокойствию, просветлённости, тому высшему блаженству в чертах лица, которое характерно для людей, честно потрудившихся на своём веку. Священник совершил отпевание и проводил тело на Английское кладбище, по регламенту которого сохранность могилы была гарантирована на 99 лет. Рут верила, что «после освобождения России от большевиков русский народ вспомнит об Иване Солоневиче и найдёт для него кусочек земли на его Родине, которую он так любил, которой отдал всю свою жизнь»...

Розыскное дело 4-го Управления МГБ № 973 на Ивана Солоневича было закрыто 29 июня 1953 года, через два месяца после его смерти.

Есть нечто символическое в том, что совпали по времени две смерти — Сталина и Солоневича — принципиально непримиримых врагов. Символично и то, что некролог Солоневичу и его статья о смерти Сталина «Отец по наследству» были опубликованы в одном и том же 172-м номере «Нашей страны» (от 2 мая 1953 года). Один из них железной рукой правил огромной страной, создав общество казарменного социализма. Другой, обладатель крепких кулаков, следуя своему инстинкту, несокрушимой воле, консервативно-охранительным семейным традициям, бежал за рубеж, чтобы оказывать оттуда сопротивление «всемогущему большевистскому диктатору».

Личность Солоневича вряд ли интересовала советского вождя (мало ли на свете людей, ненавидящих товарища Сталина!). Но с содержанием книги «Россия в концлагере», которая нанесла столько вреда авторитету Советского Союза, Сталин был знаком.

Статья Солоневича «Отец по наследству» — последний аккорд его

многолетней публицистической деятельности. В статье нет и намёка на торжество, мол, труп врага всегда хорошо пахнет. По мнению Ивана, Сталин «из всех людей человечества, вероятно, ближе всего стоял к престолу Сатаны». Это — самое сильное «выражение» в адрес советского вождя. Ещё одну характеризующую «формулу» писатель позаимствовал у Есенина: «Чёрный, чёрный, чёрный человек».

Для Солоневича смерть Сталина — важный предлог, чтобы затронуть вопрос о «роли личности в истории». По оценке Солоневича, «горькая судьба подарила коммунистической революции две „личности“ поистине чудовищного калибра: Ленина и Сталина. Так же очевидно, что та же горькая судьба не подарила нам (русской эмиграции) никого. Ленин и Сталин шли во главе блестяще организованного, но количественно ничтожного меньшинства России и мира, и до смерти Сталина было очень много оснований опасаться, что коммунизм захватит весь мир. Теперь таких оснований стало гораздо меньше».

Статья Солоневича написана, если можно так выразиться, в «жанре некролога». Она как бы подытоживает жизнь Сталина. В небольшой биографической справке говорится:

«В возрасте семнадцати лет он уверовал в марксизм, сидел за него, рисковал виселицей и никогда с этой стези не сходил. Он сразу же пошёл за Лениным, и пока дело шло о более или менее теоретических построениях, оставался где-то на третьем плане. Но когда дело дошло до практики, а верховного судии — Ленина — уже не было, тогда Сталин сразу подавил, смял и потом уничтожил всех своих конкурентов и противников...»

Солоневич поставил несколько вопросов: что ожидает Россию после Сталина? Кто сможет управлять ею? Чем завершится борьба за «наследство» Сталина? Как «свободный мир» будет строить свою политику в отношении «диктатуры страха и крови»?

Для писателя несомненно, что после ухода Сталина советская власть ослабеет и что в коллективном руководстве, в которое входят Маленков, Берия, Молотов и Каганович, рано или поздно начнётся борьба за власть, потому что «единая партия автоматически приходит к единоначалию». «Но кто же будет этим единым начальником? — вопрошал писатель. — И где — в „президиуме“ или в подвале, — решится этот вопрос? Сейчас никто этого не знает, даже и Маленков. По всем разумным соображениям можно утверждать, что без очередной резни не обойдётся. Члены „президиума“ едва ли питают какие бы то ни было иллюзии на этот счёт».

Сбылось и другое предсказание Солоневича: о пассивности Запада после смерти Сталина:

«Момент слабости советской власти „свободный мир“ не использует, как в своё время он не использовал моментов слабости Гитлера. Демократическая политика есть всегда лоскутная политика, робкая, противоречивая и недальновидная. Это нужно принять как факт»...

Версию о том, что в смерти Ивана Солоневича есть «сомнительный аспект», поддержал его брат Борис. В предисловии к роману «Две силы» он писал: «Как известно, автор больше десяти лет тому назад умер в Уругвае *при чрезвычайно таинственных обстоятельствах*». По некоторым свидетельствам, Борис вставил эту фразу по просьбе издательства «Свободное слово Карпатской Руси». Руководствовалось оно понятными соображениями: автор, погибший от рук советских агентов, не мог не вызывать интереса читателей-эмигрантов и, следовательно, способствовать успешной реализации тиража.

Дубровская опровергала выдумки о «таинственных обстоятельствах» и «агентах». В письме представителю «Нашей страны» в Бразилии Л. Рубанову она со свойственной ей прямоотой рассказала о причине и обстоятельствах его смерти:

«Вкратце: И. Л. ещё здесь, в Аргентине, очень страдал от язвы желудка, но не лечился и много пил. Вам, как его закадычному другу, могу сказать то, что никому никогда не рассказываю. Когда мы ещё жили вместе (первые шесть месяцев нашего с Вс. К. пребывания в Аргентине) с Солоневичами, то сама видела, как И. Л. днём держал диету, а вечером переходил на вино. Когда он переехал в Уругвай, его язва ухудшилась и наконец перешла в рак. Не знаю, кто его оперировал, но всё время болезни он был окружён теми русскими, которые и по сей день являются верными подписчиками „Нашей страны“, и никто из них не был подозрителен. Надо принять во внимание, что организм И. Л. к тому времени настолько ослаб, что не удивительно, что он не выдержал операции. К тому же он фактически никогда и не лечился. И если и ходил к докторам, то потом не исполнял их предписаний. Да и курил он как в старые добрые времена. То, что И. Л. зарезали, придумал Б. Л., — не знаю, зачем. Здесь же и в Уругвае таких сплетен даже не бывало»^[225].

С подлинной болью переживала смерть мужа Рутика. Через две недели после смерти Солоневича новый главный редактор «Нашей страны» Всеволод Дубровский так написал о ней:

«Я хочу сказать несколько слов о мало кому известной самоотверженной женщине, которая отдала себя всю заботам об Иване Лукьяновиче... о его второй жене. Немка по происхождению, она сумела

под влиянием Ивана Лукьяновича войти в круг тех интересов, которыми жил её муж, и стать необходимой ему и незаменимой спутницей его жизни... до последнего его вздоха. Он умер на её руках. Это она, ещё не придя в себя после пережитого ею потрясения, на следующий день после погребения Ивана Лукьяновича нашла в себе силы написать мне подробное письмо, многие строки которого расплылись от капающих на них слёз... и описать все детали происшедшего, помня, что Иван Лукьянович, как она пишет, „принадлежал не только нам, его близким“, и считая своим долгом рассказать о его последних днях всем тем, кто прислушивался к его словам, кто разделял его идеи, всем тем, нам неизвестным — многочисленным — членам Народно-монархического движения, кому он принадлежал так же, как и своим близким»^[226].

По словам Николая Казанцева, Рут «была преданной нянькой и сиделкой Ивана Лукьяновича, в особенности в последние годы его жизни. Она целиком отдала себя уходу за Иваном Лукьяновичем, а после его смерти, — оставшись совсем одинокой, — пережила большую личную трагедию. Она потеряла сразу и мужа, и какую-то точку опоры в том пространстве между двумя роинами, в котором она жила последние годы, утратив своё немецкое отечество и, в сущности, не обретя нового — русского. Тем не менее она нашла в себе сил воспрянуть, переехать в США и даже поступить там, несмотря на свои уже немолодые годы, на медицинский факультет»^[227].

В те дни много было написано скорбных слов об уходе Ивана Солоневича. Из Нью-Йорка прислал свой реквием Юрий:

«У батки были две надежды в жизни. Одна — для России, другая — для себя. Для России — Монархия. Для себя — озерко с хибаркой в лесу, удочка и пишущая машинка. В идеале — обе эти надежды сливались в одну: озерко на Урале. И может быть, большее всего то, что даже этой маленькой и такой дешёвой мечты так ему и не сбылось осуществить: хоть полгода на озерке с удочкой и пишущей машинкой... Не уберегли, говорят... Его нельзя было уберечь. Он сам себя сгрыз изнутри»^[228].

В номере газеты с некрологом Ивану Солоневичу появилось следующее объявление:

«В опровержение уже появившихся злостных слухов о том, что с уходом из жизни Ивана Лукьяновича кончено и дело „Нашей страны“, мы заявляем категорически, что „Наша страна“ будет выходить так же регулярно, как и до сих пор, и будет служить той же цели и той же идее.

Мы отдаём себе ясный отчёт в том, что *заменить* Ивана Лукьяновича не может никто, но продолжать его дело мы будем с твёрдой верой в Помощь Божию, по мере наших сил и возможности». Эти слова были написаны Всеволодом Дубровским, который стал преемником Солоневича на посту издателя «Нашей страны». Он без колебаний возложил на себя ответственность за судьбу монархической газеты, понимая, что это его долг перед читателями газеты и моральный — перед памятью друга^[229]. Газета стала альфой и омегой жизни Дубровского.

Подписчики были оповещены о том, что редакция помимо нескольких готовых к печати статей Солоневича располагает полной рукописью главного труда его жизни — «Народная Монархия». Дубровский обещал завершить его печатание в газете, а также выпустить отдельным изданием, чтобы он «дошёл до русского народа, которому он посвящён, для которого он написан». Дубровский выполнил свое обещание.

В память об Иване Лукьяновиче он собирался подготовить и издать полное собрание сочинений в 18 томах. Вышло два первых тома: «Великая фальшивка Февраля» и «Диктатура слоя». Из-за финансовых трудностей и ухудшающегося здоровья Дубровский осуществить эти планы не смог.

Ноша была тяжкой, почти непосильной. Слово «отдых» исчезло из его словаря, и это в Аргентине с её великолепными океанскими курортами! Сердечные боли преследовали Дубровского все последние годы жизни, и он стал «следить» за своим здоровьем не из-за страха смерти, а из-за опасений за судьбу газеты: бросил курить, сел на мучительную бессолевую диету. Препятствий для выпуска газеты у него было не меньше, чем у Солоневича, работать приходилось «в тесном окружении политических капканов и доморощенных, не менее опасных насекомых — завистников, непризнанных писателей, склочников и мстителей, готовых из-за пустяка в ложке утопить».

Но он выстоял:

«Без связей и знания испанского языка, без денег не только на типографию, бумагу и почтовые расходы, но и на хлеб насущный, Всеволод Константинович с женой, в незнакомой стране, без предварительного опыта и знающих помощников, мало сказать — сохранил жизнь и уберёг от политического рахита не поднышающую ещё на ноги газету; он сумел воспитать её, дать ей твёрдое направление, привлечь серьёзных авторов, а с ними и постоянных подписчиков — единственных финансистов газеты: ни от каких предприятий, обществ, союзов или партий „Наша страна“ не приняла ни одной копейки и пользуется, от рождения до наших дней, *полной независимостью*. Это — её едва ли не главная гордость заслужена

усилиями и твёрдостью покойного редактора; ценой его рано оборвавшейся жизни...»

Скончался Дубровский в ночь под 13 ноября 1966 года. Бразды правления газетой приняла в свои руки Татьяна Владимировна Дубровская. В некрологе мужу она написала, что газета «остаётся верной изначально поставленной цели. Служение родине продолжается. В выходе газеты произойдёт перерыв на одну-две недели, после чего благодаря блестящей организации дела, исполненной В. К. Дубровским, выпуск будет возобновлён без каких бы то ни было затруднений». Татьяна Владимировна Дубровская сохранила прежнюю направленность газеты, способствовала привлечению в неё способных авторов, в том числе из эмигрантской молодёжи.

Дубровская ушла из жизни в апреле 1982 года. Все думали, что выпуск газеты задержался из-за англо-аргентинского конфликта, и номер с траурной каймой стал для читателей полной неожиданностью. Один из них написал: «Татьяна Владимировна была редкой русской женщиной-патриоткой. Умерла, как жила — на службе России. Да будет её светлая память нам примером — вдохновляющим и помогающим сохранить „Нашу страну“ на высоком уровне в бескомпромиссно национальном духе и не замутнённой междоусобной бранью и внутриэмигрантскими „полемиками“. Правое дело, которому Татьяна Владимировна посвятила свою жизнь, обязывает и нас служить главному: России, — не размениваясь на эмигрантские мелочи».

В 1960-х годах к редактированию «Нашей страны» был привлечён Николай Казанцев, который во время Мальвинской войны прославился на всю Аргентину: только он из всей пишущей и радиотелевизионной журналистской братии страны сумел попасть на архипелаг, чтобы стать свидетелем и хроникёром тех трагических событий, автором предельно правдивых книг об этой войне.

Почти полвека Николай Казанцев, преодолевая многочисленные препятствия, редактирует газету. В этой работе ему помогали и помогают единомышленники — без финансовых субсидий из подрывных антироссийских центров и иных чужеродных структур. Нет сомнения, что сегодня газета пользуется известностью не только в Русском Зарубежье, но и в России у неё есть заинтересованные и благодарные читатели. И очень важно, что в переломные для судеб России годы никогда не замолкал голос «Нашей страны», следовательно — голос самого Ивана Солоневича.

Так получилось, что все близкие Ивана Лукьяновича оказались в

Соединённых Штатах. После смерти Ивана Борис считал себя законным лидером и хранителем традиций «клана Солоневичей», хотя Юрий этого права за ним не признавал по вполне понятным причинам. Когда Борис Башилов и Борис Ширяев отказались доработать роман «Две силы», за это взялся Борис. С тех пор роман неизменно печатается с написанными им финальными эпизодами. Борис внимательно следил за всем, что публиковалось в 1950–1980-е годы об «эпопее Солоневичей», давая через прессу отпор тем, кто пытался очернить имя брата.

Одно из таких опровержений появилось в журнале «Наши вести». Некий М. Георгиевич в очерке «Свет и тени», опубликованном в № 210 этого издания, написал:

«Побег. Боюсь разочаровать читателей из тех, кои ожидают от этой главы „пинкертоновщины“. Любителей подобного жанра отсылаю к Ивану Солоневичу. В его первой нашумевшей книге („Россия в концлагере“. — К. С.) есть именно то, что им нужно, т. е. интересное описание побега, состряпанное первоклассным публицистом. Не хватает лишь одного — немногого — правды. По опыту готов присягнуть, что покойный И. Солоневич бежать так, как он описывает, из-за железного занавеса не мог».

Ответ Бориса привожу полностью:

«Эта книга, „состряпанная“ моим братом 25 лет тому назад, вышла в многочисленных русских изданиях и на иностранных языках. Она действительно „нашумела“, но не своей „пинкертоновщиной“, а очень глубоким анализом советской действительности и полным разгромом надежд на „эволюцию советской власти“. Я лично был „соавтором“ побега, и описание моего побега приложено как последняя глава к (тексту) „Россия в концлагере“. За все прошедшие 25 лет я нигде не встречал сомнений в правдивости наших описаний. Только левая мадам Кускова упрекнула брата в пристрастности описания СССР („не те краски“). Почти по этому же пути — из карельских лагерей в Финляндию — бежали до нашего побега: Бессонов („26 тюрем и побег“) и проф. Чернавин с женой и маленьким сыном („Я говорю за молчащих“). После нашего побега удрать удалось Никонову-Смородину („Красная каторга“ — он там пишет и обо мне на Соловках) и уже в начале войны ст. лейт. П. Ваулину. И у них были свои „приключения“. Побег из СССР — не прогулка по Невскому. Но их описания не были оскорблены словом „пинкертоновщина“. И вот теперь, через 10 лет после трагической (и таинственной) смерти Ивана на боевом антибольшевистском посту, вдруг в Белом журнале появляется оскорбительное обвинение во вранье. Да еще и „под присягой“. Зачем *теперь* порочить автора, который уже ответить не может? Это ещё было бы

понятно в просоветской прессе, но в *Белом* журнале?

Хочется верить, что этот недостойный удар по памяти моего покойного брата (отчасти и по мне) — только просто легкомыслие М. Георгиевича и недосмотр редакции.

Всё это не только досадно, но и больно!»^[230]

Борис издавал газету «Родина», но когда слепота стала прогрессировать, бросил все дела и поселился в доме для престарелых в Глен-Кове около Нью-Йорка. Умер 24 февраля 1989 года, похоронен в Новом-Дивееве (США).

Жизнь и творчество Бориса Солоневича также вызывают интерес современного читателя в России. Было бы неправильно считать, что только в качестве «второго я», «отражённого света» старшего брата.

После четырёх лет в Аргентине Юрий Солоневич переехал вместе с женой Ингой в Соединённые Штаты. В Нью-Йорке им не понравилось: равнодушный город, в котором было неуютно, и даже работа не доставляла радости. Поэтому в 1955 году они перебрались в окрестности городка Роаноук в штате Вирджиния, пейзажи которого напоминали Юрию Россию, а Инге — Финляндию. Они приобрели 130 акров земли в холмистом уединённом месте, куда можно было добраться по грунтовой дороге. На лесистом склоне горы Солола Солоневичи построили дом, из окон которого открывался прекрасный вид на долину Роаноук.

Чуть позже — по соседству с домом, получившим имя «Солола», — была возведена одноэтажная постройка, получившая громкое название художественной школы. Впрочем, всё необходимое для занятий там было: студии для индивидуальных занятий и несколько «жилых кабинок» для будущих учащихся. Деньги на строительство Юрий, переделавший своё имя на местный манер в Джорджа, зарабатывал тем, что иллюстрировал детские книги и делал рисунки к статьям в журналах «Нэшнл джиогрэфик» и газете «Сэтеди ивнинг пост». Из затей с «Колонией искусств», правда, ничего не вышло. Когда по соседству с «Сололой» появилось ещё несколько домов, Юрий на правах «первопоселенца» стал называть дорогу, ведущую в Роаноук, именем Ивана Солоневича — *Ivan Solonevich road*.

Постепенно Солоневичи стали неотъемлемой частью местной жизни, местного быта, местного «творческого процесса». Обитатели Роаноука считали Юрия оригинальным творцом «в русском стиле», но с несколько устарелыми взглядами на современное (в то время абстрактное) искусство. Юрий шёл против течения, писал в газеты письма и статьи, в которых разоблачал «халтуру» абстракционистов и господствующие в США либеральные взгляды. В Роаноуке знали, что дело может дойти до кулаков,

если назвать идеи Джорджа «реакционными и отсталыми». Художник Петер Вреден вспоминал о подобных рукопашных эпизодах, когда, сцепившись с Солоневичем, они катились вниз по склону холма, «отстаивая свои взгляды на искусство».

Юрий сохранил верность реалистической манере. Его работы «эпохи Роаноука» — это прежде всего пейзажи: лесная опушка ранним весенним утром; дорога, запорошенная снегом, по которой бредёт одинокий странник; покосившаяся избушка на зелёном холме, плетень, серое дождливое небо. Встречаются у Солоневича композиции, в которых подчёркнуто экономными художественными средствами переданы эмоциональные состояния людей: изогнувшийся в творческом экстазе дирижёр, печальная женщина, погружённая в созерцание бесконечных песчаных барханов; грустные влюблённые, обнявшиеся перед разлукой. А вот Икар с широко раскинутыми крыльями, готовый к полёту. Многочисленные портреты: американского генерала Гранта; по-домашнему уютной Инги, погружённой в воспоминания; отца — с мощным упрямым лбом, пронзительными глазами за стёклами очков. Его лицо изображено в полуобороте, он как бы оглядывается назад, в пережитое. А сзади него — задымленные, тронутые пожарами очертания континентов, нависшая над Европой чёрная свастика. Скорее всего, это эскиз для обложки книги с сочинениями отца.

«Политическое прошлое» Юрия сказывалось на его интересе к политикам современности. Он создал серию портретов, среди которых особенно удался образ Рональда Рейгана. Какими-то неведомыми путями об этой работе стало известно президенту, и он решил приобрести её. Художник предложил другой вариант «оплаты»: разговор «по душам» на 10–15 минут. Рейган согласился, и беседа затянулась на два часа. По имеющимся свидетельствам, Джордж поделился с президентом своими взглядами на коммунизм и о способах покончить с ним раз и навсегда. О рекомендациях Юрия-Джорджа ничего не известно. Но кто знает, может быть, именно они были использованы Рейганом, который, не без помощи «перестройщиков», сумел-таки повергнуть «советского монстра» на колени...

С газетой «Наша страна» Юрий почти на сорок лет прервал отношения, «вдрызг разругавшись», по его словам, с Левашовым-Дубровским. О причинах трудно судить: может быть, несогласие с редакционной политикой Левашова, может быть, из-за финансовых претензий. Не проявлял Джордж интереса и к жизни Русского Зарубежья. Объяснял это просто: «Устал от всего этого, эмигрантского... Ещё с тех

времен, когда батька бился об лёд, пытаясь переставить эмиграцию с одних рельс на другие. Старая русская эмиграция, в особенности закоренелая правая, как считал батька, больше портила, чем помогала. И поэтому он поставил свою газету в самом начале в Софии, Болгарии. Парижская эмиграция совершенно тогда прогнила к чертям. И батька это пытался расчистить. Он это назвал „обезвздориванием“».

Терпеливые уговоры Инги всё-таки побудили Юрия сесть за воспоминания об отце. В «Нашей стране» были опубликованы фрагменты: об отце, Тамочке, счастливой жизни в Салтыковке. Всего Юрий успел написать около сотни страниц. Но завершить воспоминания не успел. В середине 1994 года, когда он находился в домашней сауне, с ним случился инсульт. Юрий потерял сознание, долгое время пролежал один в жарко натопленном помещении, получив сильнейшие ожоги. После этого несчастья он не восстановился ни физически, ни интеллектуально. Инга самоотверженно ухаживала за мужем последние годы его жизни, зная, что излечение невозможно.

Последняя выставка Юрия, организованная Ингой, прошла в октябре 2000 года в Роаноук-колледже (в Салеме, Вирджиния). Она была названа «Двигатели и потрясатели» и посвящена выдающимся политикам XX века. В их число Юрий Солоневич, возможно, намечал включить и других, но успел выполнить фигурные изображения в рост только четверых: Гитлера, Черчилля, Мартина Лютера Кинга и Джона Кеннеди. Портреты приводились в движение моторчиками и кружились друг против друга, каждый сам по себе, в своем ритме, на своём участке «территории».

Юрий Иванович умер 21 февраля 2003 года от сердечного приступа. В газете «Роаноук таймс» была опубликована статья «Художник, обречённый на пожизненные поиски свободы». «После восьмидесяти семи лет Джордж Солоневич наконец-то свободен» — это первая фраза прочувствованной статьи, в которой жизнь художника была представлена как «перманентное бегство от коммунистов, политических преследований, лагерей и несвободы»^[231].

После смерти Ивана Рут переехала в Нью-Йорк, поселилась в Манхэттене. Совмещала работу в госпитале и учёбу в университете на факультете психологии. Выйдя на пенсию, переехала в Роаноук, чтобы быть поближе к «своей семье». Последние годы жизни она жила в доме для престарелых «Брэндон Оукс», персонал которого любезно помогал ей вести интернет-переписку с исследователями-солоневичеводами. Её часто навещала Инга, и за чаем у самовара они в который раз всматривались в

старые фотографии, вспоминая о прошлом, которое, если не слишком вдаваться в подробности, было не таким уж безнадежно тяжёлым.

Рут решительно защищала память о муже, если до неё доходила информация о попытках оклеветать его имя. Именно так было, когда американский исследователь Лакер выпустил книгу о «Русском фашизме» и причислил Солоневича к лидерам этого политического течения.

К сожалению, Рут стала косвенной виновницей того, что значительная часть архива Ивана Лукьяновича была безвозвратно утрачена. Юрий Солоневич так рассказал об этом: «Моя мачеха, немка, когда переехала из Уругвая в Нью-Йорк, привезла с собой большой ящик, деревянный, полный всякой всячины. Там были и рукописи, и полные комплекты „Голоса России“ и „Нашей страны“. Там была масса материала... Во время одного из переездов с одной квартиры на другую оставила этот ящик в подвале у знакомых. Через год в этом месте было наводнение, и когда она пришла за своим ящиком, ей сказали, что всё выкинули, потому что всё замочило и стало вонять. Так что ничего из этого ящика не осталось. Это великая потеря, потому что там были вещи бесценные»^[232].

Нужно ли напоминать, что Иван Солоневич больше всего дорожил своим архивом: записными книжками, заметками на клочках бумаги, незавершёнными произведениями, уникальными фотографиями, письмами, которые приходили к нему со всего света от соотечественников, живущих по нансеновским паспортам. Он выручил архив, когда тот был «арестован» болгарской полицией после взрыва в редакции, спасал его от «внимания» гестапо в Германии, оберегал его во время бегства из Померании, когда каждый лишний килограмм «бесполезного» веса на повозке мог стать роковым для «тягловой силы» — лошадки, измождённой зимней дорогой и отсутствием корма. Пережил архив Солоневича годы английской оккупации, путешествие через Атлантику, Аргентину и Уругвай.

Иван Лукьянович мечтал о том времени, когда, подводя жизненные итоги, сможет «засесть» за мемуары, написать что-то в духе «Записок моего современника» Короленко. Он откладывал работу над воспоминаниями до более спокойной поры. Ему казалось, что именно в Соединённых Штатах он получит такую возможность, но судьба распорядилась иначе...

Для справки: Иван, Борис и Юрий Солоневичи были реабилитированы 20 июля 1989 года.

Глава тридцать первая

ТРУДНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ С ЧУЖБИНЫ

Места Солоневича в Буэнос-Айресе — это бывшие окраинные районы столицы, где жили русские эмигранты, «штабс-капитаны», помогавшие писателю в первые, самые трудные, аргентинские месяцы. Улица Доррего, на которой находилась типография «Нашей страны», русские церкви, которые Солоневич посещал не только для молитв, но и для встреч с друзьями. Бульвар Флорида, по которому он иногда прогуливался, игнорируя витрины магазинов мужской одежды: денег хронически не хватало.

Конечно, самым памятным местом, связанным с Иваном Солоневичем, является кинта «Эль Мистерио», которая до сих пор существует в городке Дель-Висо. Два года она была для Ивана Лукьяновича уютным творческим пристанищем. Целых два года оседлой жизни, плодотворной работы без помех и угроз! За забором виднеется черепичная крыша дома, окружённого высокими царственными эвкалиптами, под которыми, настраиваясь на работу, раздумчиво прохаживался Солоневич. Неторопливый путь от железнодорожной станции Дель-Висо до кинты и потом — в обратном направлении на какие-то мгновения даёт ощущение сопричастности к жизни Ивана Лукьяновича. С этого перрона он не раз отправлялся в Буэнос-Айрес, иногда один, иногда с Всеволодом Дубровским или Рутикой...

С причала на берегу Рио-де-ла-Плата на современном пароме «букебусе» можно перебраться в Монтевидео. В Уругвае именем Ивана Солоневича освящены три города — Сориано, Атлантида и Монтевидео. Сориано, расположенный на берегу реки Уругвай, — такой же тихий, провинциальный и скучный, как десятилетия назад. Курорт Атлантида глядит в океан. Отдыхающая здесь публика ничем не отличается от той, что заполняла пляжи городка во времена Солоневича: спокойная, уравновешенная, подчёркнуто равнодушная к чужой жизни.

В Монтевидео с жизнью и смертью Ивана Солоневича связаны два места. Это — Итальянская клиника, где он провёл последние дни в ожидании операции, веря, что она будет успешной, и Английское кладбище, на котором находится его могила. На белом камне надгробия

крупными латинскими буквами выбито:

*IWAN LUKJANOWITSCH
SOLONEWITSCH
14-11-1891 — 24-4-1953*

И под православным крестом как эпитафия, как итог, как констатация главного в жизни этого человека — по-русски:

*ИДЕОЛОГУ НАРОДНОЙ МОНАРХИИ В БУДУЩЕЙ
РОССИИ
И БОРЦУ ПРОТИВ КОММУНИЗМА. —
ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ.*

В своей статье о последних днях и часах жизни Солоневича Всеволод Дубровский призвал сделать всё для того, чтобы сохранить могилу писателя для будущих поколений, «чтобы она не исчезла с лица земли». Он писал:

«Я думаю, что те друзья Ивана Лукьяновича, которые так сердечно отозвались в тяжёлую минуту и так быстро собрали средства, нужные для его лечения, не будут возражать, если сумма, оставшаяся после оплаты счетов госпиталя и расходов по погребению, будет употреблена на постановку памятника и надгробной плиты. Если их жертвенная помощь не спасла жизни Ивана Лукьяновича, — она поможет теперь сохранить его могилу до того времени, когда перенесение его тела в Россию станет реальной возможностью»^[233].

Некоторое время могила находилась в полном забвении. Лишь иногда её навещал священник, приезжавший из Буэнос-Айреса для проведения службы в местной православной церкви. Надгробие покосилось, надпись на нём покрылась мхом и липкой тиной. Дошло до того, что на могиле появились таблички с именами «подселённых» усопших, которые не имели никакого отношения к Солоневичу и членам его семьи! Газета «Наша страна» забила тревогу. Порядок был наведён, надгробие отреставрировано...

К могиле Ивана Солоневича приходят нечасто, может быть, потому, что постоянная русская колония в Уругвае невелика, а командированный из России люд просто не знает о её существовании.

Но одиночество этой могилы обманчива: Иван Лукьянович Солоневич не забыт, его книги в сегодняшней России нарасхват, а содержание многих статей, написанных полвека назад, настолько злободневно, что не всякий редактор не всякого российского издания решится воспроизвести их. Ивана Лукьяновича можно назвать народным писателем-публицистом. Его произведения не претендуют на наукообразность, не ошеломляют заёмной терминологией, не изобилуют цитатами и ссылками на «авторитеты». Они просты по аргументации, полны того внутреннего горения, полемического задора и остроты, которые задевают, привлекают внимание и уже не отпускают вас до последней строки.

Не все прогнозы Солоневича сбылись. Так, он писал в октябре 1948 года: «Будущая власть в России всё равно придёт из *эмиграции*, — ибо в условиях СССР никакая группа людей не может договориться, не может выработать ни стратегии, ни тактики, ни плана, ни программы: всё расплылось, стерилизовано, аморфно». Из нашего недавнего опыта мы знаем, что «группа людей» всё-таки образовалась, выработала стратегию, тактику и эфемерную «перестроечную» программу и повела необъятную страну-континент заёмным антинациональным путём к катастрофе, масштабы которой долго будут сказываться на судьбе, духовно-нравственном здоровье и благосостоянии народа.

Возвращается Иван Лукьянович с чужбины на Родину трудно, издательства его книги печатают неохотно, мотивируя «отсутствие интереса» к Солоневичу тем, что он слишком сосредоточен на России, «подозрителен» на связи с нацистами и фашистами, «не вписывается» в процессы глобализации, явно «контрастируя» с переживаемым историческим моментом. В популярную обойму вошли модные имена иностранных и доморощенных проповедников неолиберальной доктрины и прочих экспериментальных «проектов», которые «на глазок и наугад» внедряются на российской «территории», конечно, для «блага населения». С какой яростью боролся Солоневич с навязыванием России чуждых экономических теорий, как ненавидел насильственное вмешательство «реформаторов и революционеров» в органичное эволюционное развитие страны!

Невольно задумываешься, а что сказал бы Иван Солоневич сегодня, как напутствовал бы нас в нашем «сегодня»? Скорее всего, так:

«После СССР нам будут предлагать очень многое. И все будут врать в свою лавочку. Будет много кандидатов: в министры и вожди, в партийные лидеры и военные диктаторы. Будут ставленники банков и ставленники

трестов — не наших. Будут ставленники одних иностранцев и ставленники других. И все будут говорить, прежде всего, о свободах: самая многообещающая и самая ни к чему не обязывающая тема для вранья...

Появятся, конечно, и новые пророки — изобретатели какого-нибудь нового земного рая — то ли в одной нашей стране, то ли во всей поднебесной...

В общем — будет всякое. И на всякого „мудреца“ найдётся довольно простаков — с этим ничего не поделаешь: бараны имеются во всех странах мира — от самых тоталитарных до самых демократических. Их, как известно, не сеют и не жнут. Постарайтесь не попасть в их число. Это — не так просто, как кажется»...

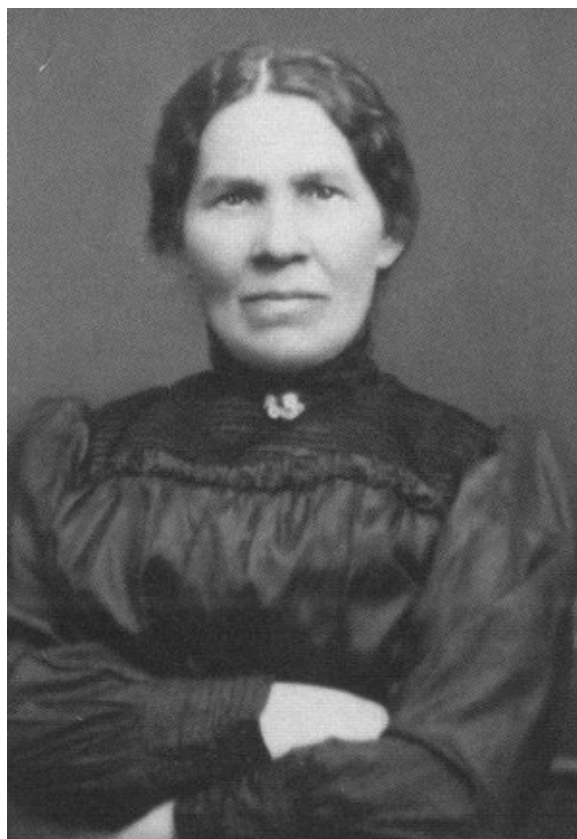
Сейчас, когда в Россию с приличествующими почестями возвращают из-за рубежа останки «знаковых» противников большевистской революции (от генералов до философов) в новеньких сверкающих бронзой и лаком гробах, всё чаще говорят о том, что Иван Солоневич заслуживает такой же чести. Последователи его идей, в первую очередь монархисты, всё смелее выступают с этой инициативой, и, кажется, в российских инстанциях возражений нет. Не будут препятствовать возвращению Солоневича на Родину и его немногие родственники, живущие в Соединённых Штатах.

Вопрос в одном: признает ли Иван Солоневич страну, в которую он вернётся?

ИЛЮСТРАЦИИ

Отец писателя — Лукьян Михайлович Солоневич. 1900 г.

*Мать писателя — Юлия Викентьевна Солоневич (урождённая
Ярушевич). 1910 г.*

*Ранняя фотография Ивана (в очках) с братьями Всеволодом (вверху),
Борисом и сестрой Любой. 1905 г.*

Юлия Викентьевна у прялки. 1900-е гг.

Лукьян Михайлович Солоневич в редакции «Белорусской жизни». 1910-е гг.

Юлия Викентьевна с Всеволодом, Любовью и Иваном (стоит за матерью). 1910 г. Фото Б. Солоневича

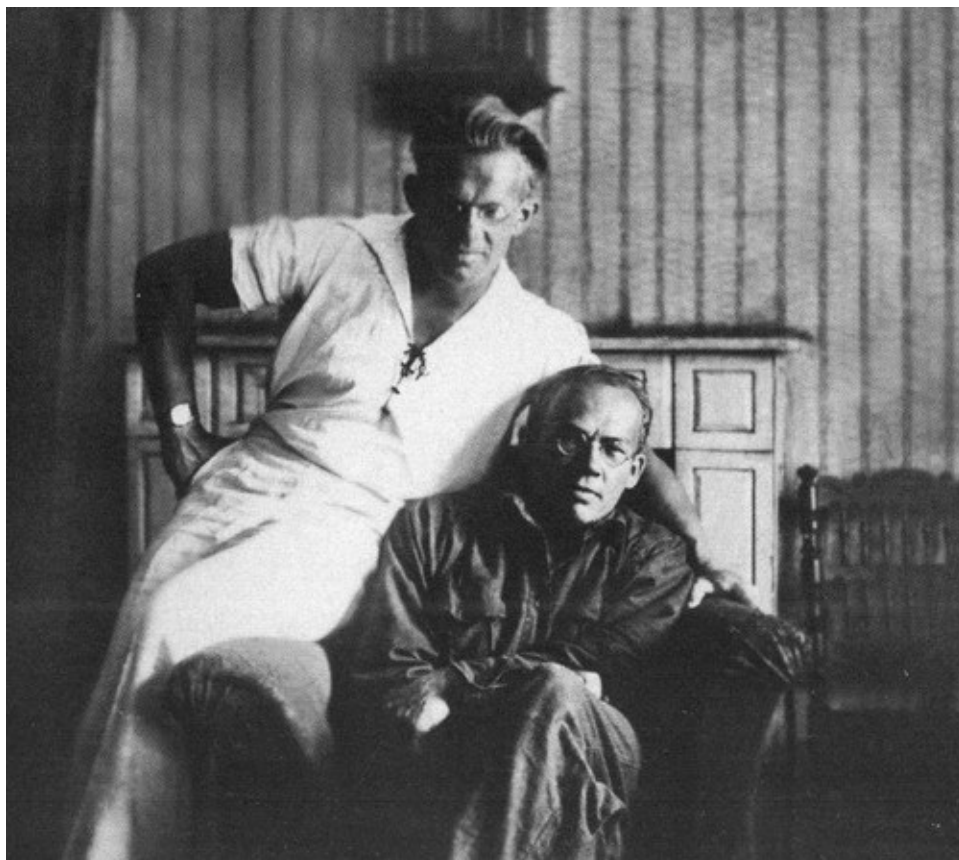
Иван за чтением газеты «Русский спорт». Январь 1914 г.

*Иван и Борис (оба в очках) среди друзей-спортсменов общества
«Сокол». 1914 г.*

Всеволод (Вадя) Солоневич. 1919 г.

Борис и Иван в Одессе. 1921 г.

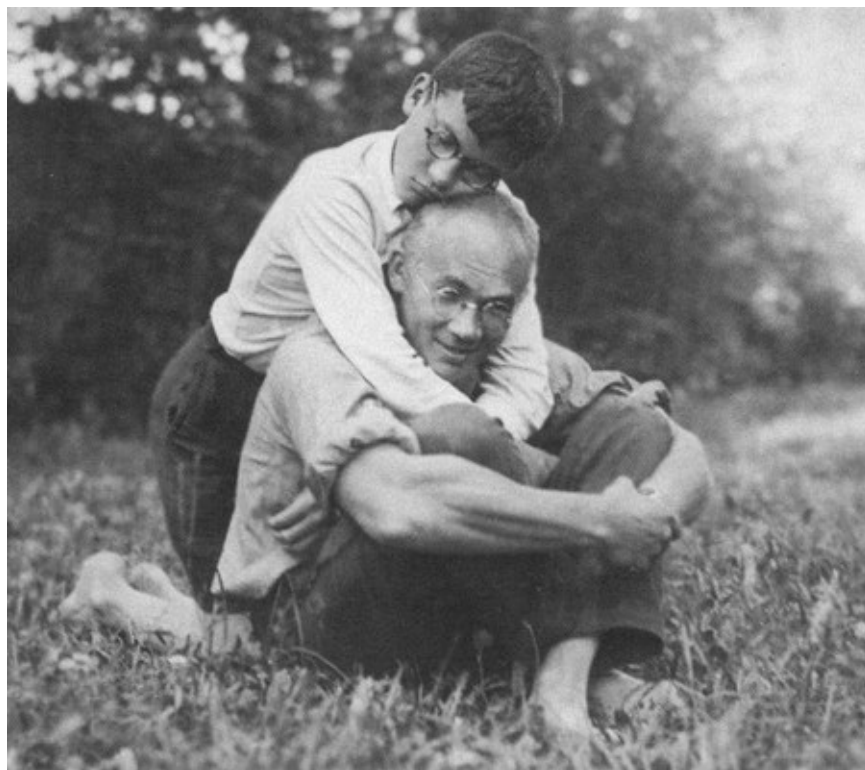
Иван Солоневич (в третьем ряду шестой слева) среди сотрудников газеты «Новое время». Санкт-Петербург. 1916 г.

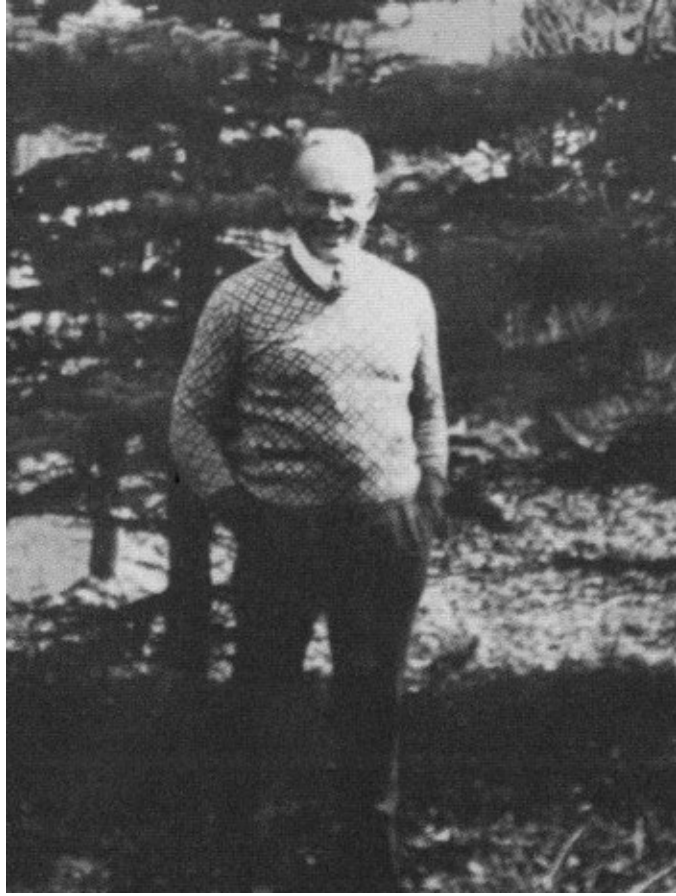
Борис Солоневич. Одесса. Зима 1922 г.

Тамара Солоневич. Салтыковка. 1927 г.

С сыном Юрием. Салтыковка. 1927 г.

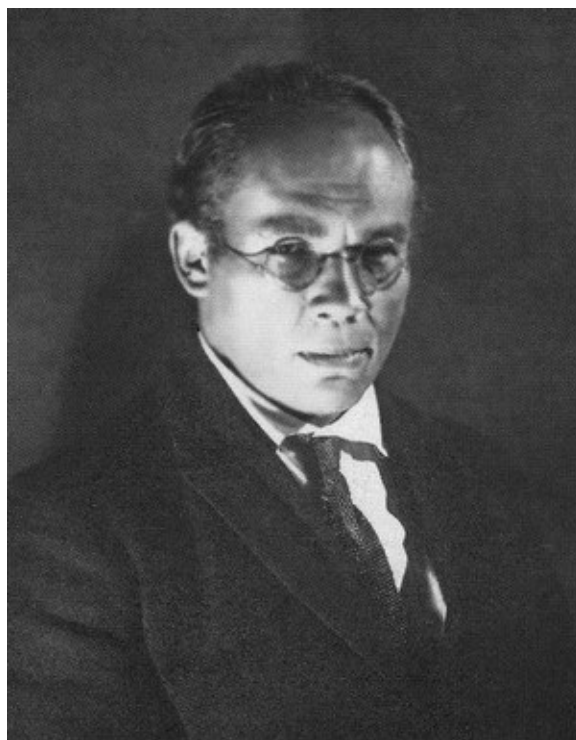
Счастливые дни в Салтыковке. Конец 1920-х гг.

Иван в экзотическом одеянии, привезённом из Киргизии. 1931 г.

Открытка на память о поездке в Киргизию в 1931 году

Иван накануне побега. 1932 г.

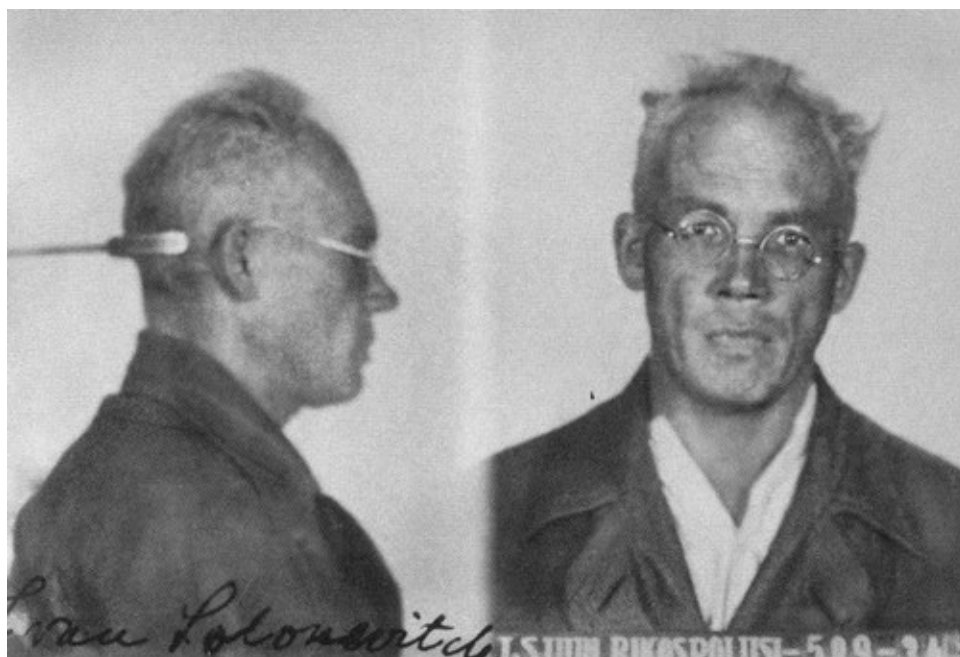
«Халтурные» очерки советского периода журналиста И. Л. Солоневича

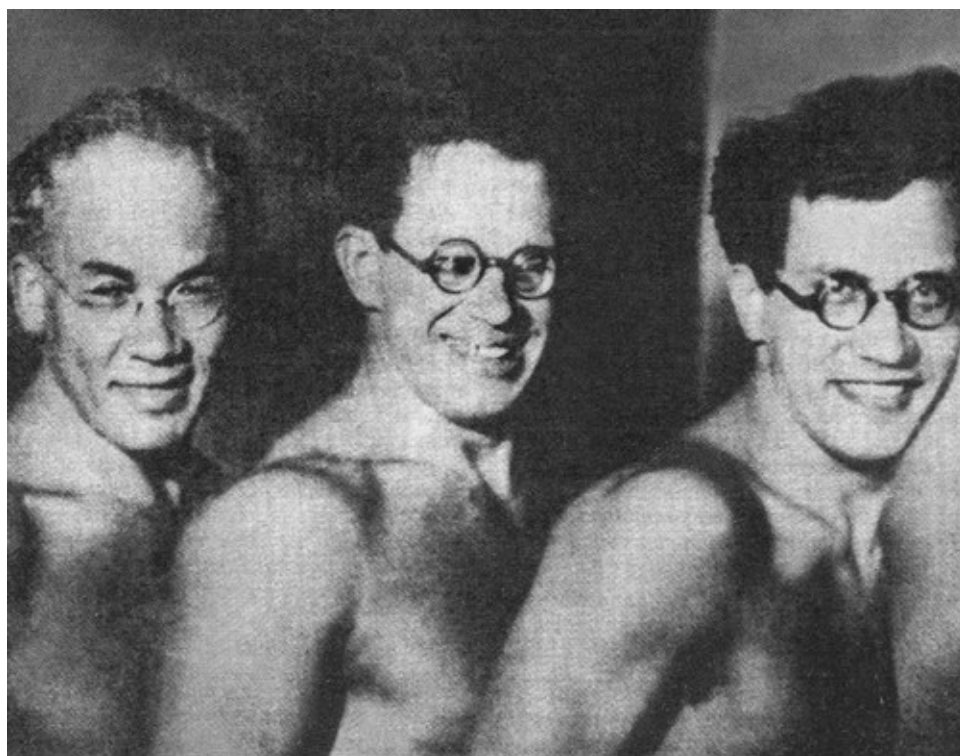
Фото из следственного дела Бориса Солоневича. 1932 г.

Пути «синхронного» побега Ивана из Медвежьей Горы и Бориса из Лодейного Поля на карте Карелии

Фотографии И. Л. Солоневича из архива финской полиции. Август 1934
2.

«Три богатыря». Фото из газеты «Голос России». 1936 г.

Воссоединённая семья Ивана и Тамары Солоневич. София. 1936 г.

Майор С. М. Шпигельглас, отдавший приказ о ликвидации Ивана Солоневича

Николай Абрамов, агент НКВД «Ворон»

Вы - ОСТАВШИЕСЯ РУССКИМИ!

Разве Вы не чувствуете, как растет напряжение и в России и во всем мире?
Каждый день может принести решение для судьбы нашей Родины события.

И ЕСЛИ В ЭТИ ДНИ ВЫ ХОТИТЕ:

- иметь толковую, беспристрастную, безпартийную информацию об СССР,
- понимать происходящие там процессы,
- следить за событиями в России зарубежной и подсоветской —

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

Голос России

Издание И. Л. СОЛОНЕВИЧА

«Голос России» говорит только о России и о том, что ее касается

Подписка принимается: На стран, где нет валютных ограничений, — у И. Л. Солоневича, Boite Postale 290, Sofia, Bulgarie (полученную плату высылает авиацией в указанном виде)

и у представителей газет:

1. Франкф. Германский радиоприемник V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	2. Гамбург. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	3. Берлин. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	4. Москва. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	5. Ленинград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	6. Киев. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	7. Варшава. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	8. Прага. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	9. Будапешт. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	10. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	11. Бухарест. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	12. София. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	13. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	14. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	15. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	16. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	17. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	18. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	19. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	20. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	21. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	22. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	23. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	24. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	25. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	26. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	27. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	28. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	29. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	30. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	31. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	32. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	33. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	34. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	35. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	36. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	37. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	38. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	39. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	40. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	41. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	42. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	43. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	44. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	45. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	46. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	47. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	48. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	49. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	50. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	51. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	52. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	53. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	54. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	55. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	56. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	57. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	58. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	59. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	60. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	61. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	62. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	63. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	64. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	65. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	66. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	67. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	68. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	69. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	70. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	71. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	72. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	73. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	74. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	75. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	76. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	77. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	78. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	79. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	80. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	81. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	82. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	83. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	84. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	85. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	86. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	87. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	88. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	89. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	90. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	91. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	92. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	93. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	94. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	95. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	96. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	97. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	98. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	99. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France	100. Белград. V. Leistikow, 27, rue de Valenciennes, Paris, France
--	--	---	---	--	---	--	--	---	---	--	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	--

Цена отд. номера

Рекламная листовка газеты «Голос России»

**Редакция «Голоса России» в Софии после взрыва 3 февраля 1938 года.
Фото из болгарской газеты**

Стенд памяти Тамары Солоневич в помещении Русского общества спортсменов в Брюсселе. 1938 г.

Иван Солоневич в Германии. 1938 г.

Братья Солоневичи с генералом Антоном Васильевичем Туркулом (в центре). Париж. 1937 г.

Иван Солоневич с А. В. Туркулом и членами его семьи. 1938 г.

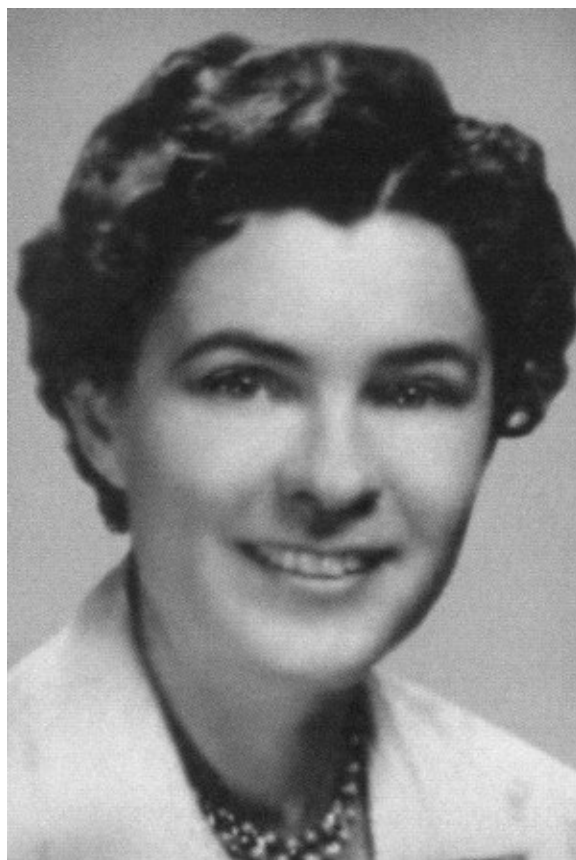
Юрий Солоневич. Германия. 1939 г.

Инга Солоневич. Германия. 1939 г.

Иван Солоневич (второй справа) представляется великому князю Владимиру Кирилловичу (слева). Крайний справа — Юрий Солоневич, пятый справа — барон Александр Меллер-Закомельский. Берлин. Январь 1939 г. Фото из архива Н. Л. Казанцева

Рут Солоневич. Германия. 1947 г.

Вид на Темпельбург (Померания), место нацистской ссылки И. Л. Солоневича в 1941–1945 годах

Последние дни в Германии. Аппельбек. 1948 г.

Аргентина стала новым убежищем Солоневичей. От её бурной политической жизни они держались в стороне

Всеволод Дубровский (Левашов). Рисунок из газеты «Наша страна»

Татьяна Дубровская. Фото из газеты «Наша страна»

Окно редакции газеты «Наша страна» (слева в круге). БуэносАйрес

Станция Дель-Висо. Аргентина. Современное фото

У входа в кинту «Эль Мистерио». Аргентина. Фото автора

*Полковник абвера Борис Хольмстон в годы Второй мировой войны.
Германия*

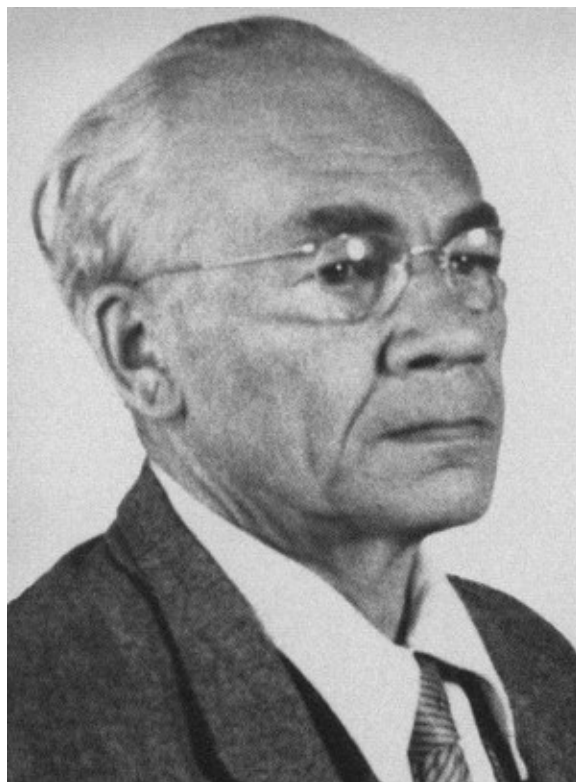
Генерал Б. А. Хольмстон-Смысловский с супругой. Аргентина. 1950-е гг.

Уругвайское удостоверение личности И. Л. Солоневича. Февраль 1953 г.

Порт Монтевидео. Начало 1950-х гг.

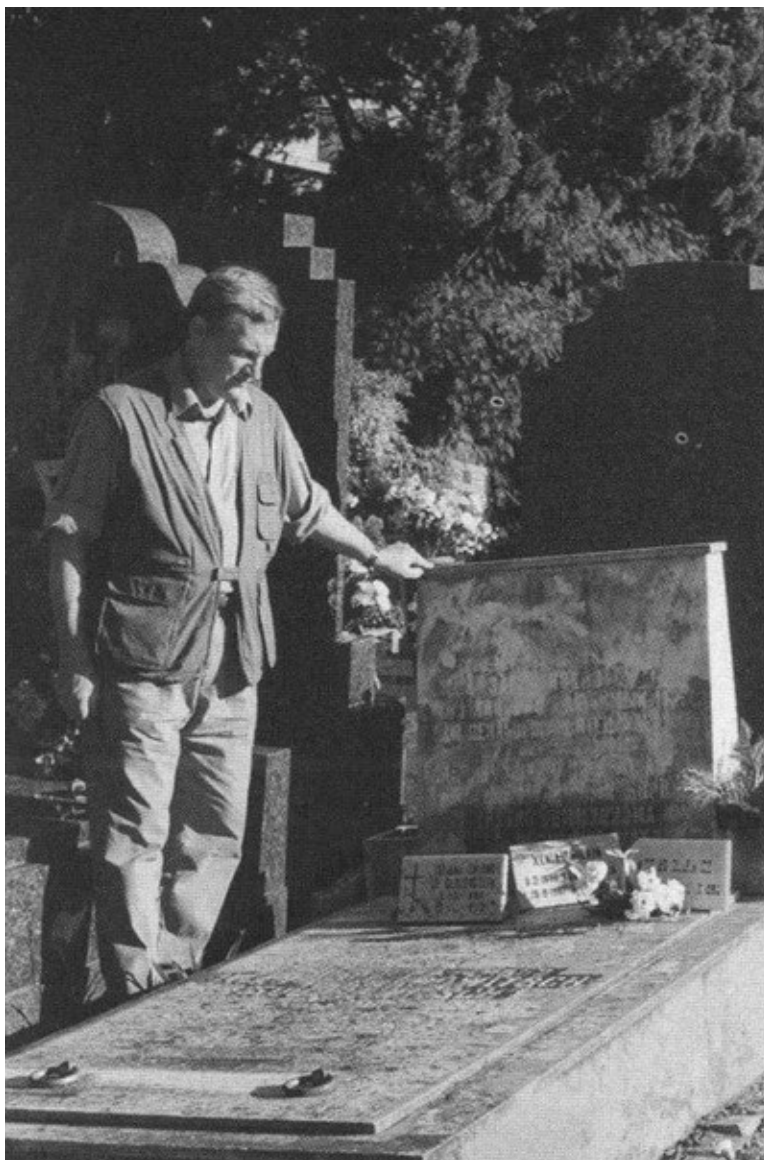

Последняя прижизненная фотография Ивана Солоневича

Итальянский госпиталь в Монтевидео, где скончался писатель

Еще один намок: может быть в видах ~~капиталистического~~ капитализма — как это повидимоу сделал Керенский, — было бы целесообразно ввести какие то персональные — отя бы и временные перемены?

*Автор у могилы Ивана Солоневича на Английском кладбище в
Монтевидео. 1997 г.*

Издания трудов И. Л. Солоневича

Рут Солоневич. США. Роаноук. 2005 г. Фото Э. Митчелла

Инга Солоневич. США. Роаноук. 2012 г.

Джордж (Юрий) Солоневич. США. Роаноук. 1991 г.

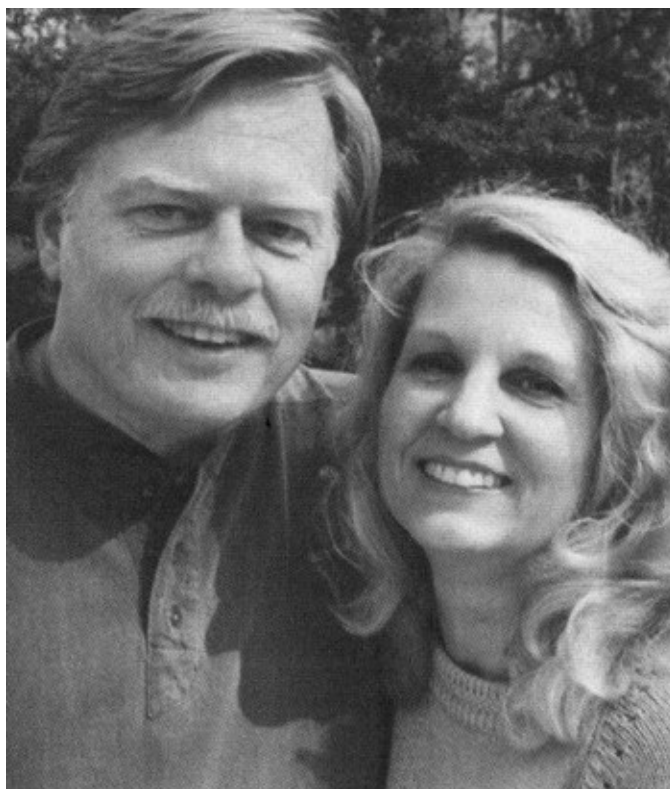

Издатели газеты «Наша страна» Михаил Владимирович Киреев,

*Татьяна Владимировна Дубровская и Николай Леонидович Казанцев.
БуэносАйрес. 1972 г.*

*Выпуски русской эмигрантской газеты «Наша страна», основанной И.
Л. Солоневичем*

Эд и Шарон Митчеллы. США. Роаноук. 2005 г. Благодаря Эду фотографии из архива семьи Солоневич обрели новую жизнь

*Николай Казанцев (справа) — военный корреспондент во время
Мальвинской войны. 1982 г.*

Портрет Ивана Солоневича. Художник Юрий Солоневич. 1949 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА И. Л. СОЛОНЕВИЧА

1891, 1 ноября — в местечке Цехановец Гродненской губернии в семье Лукьяна Михайловича и Юлии Викентьевны Солоневич родился сын Иван.

1909 — выход первого номера газеты «Белорусская жизнь» (позднее «Северо-Западная жизнь»), издаваемой Лукьяном Солоневичем.

1912, июнь — Иван сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в городе Вильне. Поступление на юридический факультет Санкт-Петербургского университета (проучился шесть семестров, по 1915 год).

1914 — женитьба на Тамаре Владимировне Воскресенской, преподавательнице французского языка в гимназии города Минска.

Февраль — выступление на российском чемпионате в Риге в составе команды атлетического общества «Sanitas» (Минск), награждён медалью за 2-е место в соревновании по подниманию гирь.

Лето — поездка с женой в Париж.

1915, 24 февраля — стал официальным издателем «Северо-Западной жизни», а его отец — редактором газеты.

Сентябрь — возвращение в Санкт-Петербург, начало работы в консервативной газете «Новое время».

15 октября — рождение сына Юрия в Москве.

1916, август — призван в армию и «приписан» ратником 2-го разряда в запасной батальон лейб-гвардии Кексгольмского полка.

1917, январь — комиссован по причине прогрессирующей близорукости. Возвращение в штат «Нового времени».

1919 — переезд в Киев. Работа в редакции «Вечерних огней» (приблизительно с сентября по ноябрь). Бегство в Одессу в связи с наступлением красных.

1920 — недолгая работа в одесской газете «Сын Отечества». Заболевание тифом.

Июнь — Иван и Тамара арестованы чекистами вследствие доноса.

Конец августа — освобождение «по причине отсутствия улик».

1921 — работа грузчиком, цирковым артистом.

1922–1923 — преподавание гимнастики.

1924–1925 — инструктор по физкультуре в Одесском продовольственном губернском комитете.

1926 — переезд в Москву. Работа в ВЦСПС на инспекторской должности по физкультуре и спорту.

1928 — издание руководства по «Гиревому спорту» (для спортивных организаций системы ВЦСПС) и брошюры «Самооборона и нападение без оружия» (для сотрудников НКВД). Газетно-журнальная работа в качестве нештатного сотрудника (по 1933 год). Работа Тамары в советском торгпредстве в Германии (по 1931 год).

1929 — журналистская поездка по Киргизии. Развод Ивана и Тамары с целью подготовки побега семьи за границу.

1932, сентябрь — легальный отъезд Тамары в Германию; первая попытка побега за границу, сорванная болезнью Ивана.

1933, май — вторая попытка побега, отложенная из-за внезапной болезни Юры. Сотрудники НКВД ведут активную разработку семьи Солоневичей.

9 сентября — арест всех членов «группы И. Л. Солоневича». Помещён с сыном в тюрьму на Шпалерной в Ленинграде.

28 ноября — постановление Чрезвычайной судебной тройки ПП ОГПУ ЛВО по делу № 2248 с вынесением обвинения И. Л. Солоневича в шпионаже (ст. 58, пункт 6), а также контрреволюционной пропаганде (ст. 58, пункт 10).

1934, 17 января — прибытие с сыном в Подпорожское отделение ББК.

Середина марта — направлены с сыном в Медгорское отделение ББК.

28 июля — «синхронный» побег Солоневичей. После шестнадцати дней побега — пересечение границы с Финляндией.

Середина октября — в ИНО НКВД заведено дело «по освещению преступной деятельности Солоневичей за рубежом».

1935, 20 января — в газете «Последние новости» (Париж) стали печататься очерки под названием «Россия в концлагере».

Май — приезд Тамары в Гельсингфорс «в гости».

1936, март — апрель — цикл лекций о жизни в Советском Союзе для эмигрантов, организованный перед отъездом из Финляндии.

Май — прибытие в Болгарию (8 мая). Издание «России в концлагере» на средства НТСНП («новопоколенцев»).

18 июня — выход первого номера еженедельной газеты «Голос России».

Лето — приезд Тамары в Софию. Воссоединение семьи.

Октябрь — турне Ивана и Бориса Солоневичей по Югославии с чтением лекций.

1937 — активная работа резидентуры НКВД и контрразведки РОВСа в

Софии по «разоблачению» Ивана Солоневича и его брата.

Июнь — завершение повести «Памир» и рассказов, включённых в книгу «Памир: Советские зарисовки».

Июль — август — поездка во Францию и Бельгию с чтением лекций.

Декабрь — решение Бориса не возвращаться из Бельгии в Болгарию.

1938, 3 февраля — взрыв бомбы в доме Солоневичей, в результате которого погибли Тамара Солоневич и секретарь редакции Николай Михайлов.

9 марта — отъезд с сыном в Германию из-за опасения новых покушений.

18 мая — создание единого Российского национального фронта (РНФ) в Берлине. Иван Солоневич — в числе руководителей.

9 августа — выход последнего номера газеты «Голос России», закрытой по настоянию советского полпредства. Выпуск вместо неё «Нашей газеты» и позже журнала «Родина».

1939, январь — пятиминутная беседа Ивана Солоневича с великим князем Владимиром Кирилловичем, посетившим Берлин.

Май — выход резко критической брошюры Бориса Солоневича о брате «Не могу молчать! „Наша газета“, эмиграция, РОВС и И. Л. Солоневич». Разрыв отношений.

Август — публикация младоросской партией брошюры, обвиняющей Солоневичей в провокаторстве по заданию НКВД.

Декабрь — прибытие Ивана Солоневича в Финляндию с целью постановки антисоветской пропаганды (в связи с советско-финляндской войной).

1940, март — возвращение в Берлин.

Лето — прекращение выпуска «Нашей газеты» и журнала «Родина» «по обстоятельствам военного времени».

Вторая половина года — усиление полицейского контроля нацистских властей в связи с утратой «политического доверия» к Ивану Солоневичу.

1941, октябрь — высылка в Темпельбург (Померания).

1945, январь — бегство семьи Солоневич из Померании в связи с наступлением советских войск.

Осень — прибытие в английскую зону оккупации.

1948 — подготовка к переезду в Аргентину.

29 июля — прибытие в Буэнос-Айрес.

18 сентября — выход первого номера газеты «Наша страна».

1950, июль — высылка из Аргентины в связи с клеветническими обвинениями местных лидеров русской эмиграции. Переезд в Уругвай.

Вторая половина года — активная работа над рукописью книги «Народная Монархия».

1952 — отъезд Юрия и Инги в США.

1953, 24 апреля — день смерти Ивана Лукьяновича Солоневича.

25 апреля — похороны на Английском кладбище в Монтевидео.

ЛИТЕРАТУРА

Solonevich I. The Long Trek to Solola. Roanoke, Virginia: Pocahontas Press, 1986.

Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля-2: С них начиналась разведка. М.: Олма-пресс, 2003.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж: Третья волна, 1980.

Бонафеде Г. Зимняя война // Посев [Франкфурт-на-Майне]. 1985. № 3 (1384).

Бутков В. Н. Исторические записки и воспоминания члена Русского общевойсского союза // Вестник РОВС [Нью-Йорк]. 2001–2004. № 1–9.

Войцеховский С. Завещание Солоневича // Наша страна [БуэносАйрес]. 1953. 27 июня.

Воронин И. П. Гражданин Империи: Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича. М.: ФИВ, 2013.

Воронин И. П. Иван Солоневич — журналист, редактор, издатель // Сборник материалов 1-й Научно-практической конференции, посвящённой И. Л. Солоневичу. СПб., 2004.

Дубровская Т. Тайна Всеволода Константиновича // Наша страна [БуэносАйрес]. 1976. 16 ноября.

Дубровская Т. В. «Неодинаковый» гений // Наша страна [БуэносАйрес]. 1978. 16 мая.

Дубровский В. Народно-монархическое движение: Вчера — сегодня — завтра // Наша страна [БуэносАйрес]. 1953. 16 мая.

Дубровский В. Последние дни и часы жизни Ивана Лукьяновича // Наша страна [БуэносАйрес]. 1953. 9 мая.

Дьяков И. Дело, которое больше нас // Наш современник. 1991. № 11.

Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т.: Переписка двух Иванов (1927–1950): В 3 кн. М.: Русская книга, 2000.

Казанцев Н. Жёны Солоневичей // Наша страна [БуэносАйрес]. 2003. 26 апреля.

Казанцев Н. Устремлённый в будущее // Наша страна [БуэносАйрес]. 1996. 28 сентября.

Казем-Бек А. Л. Первые итоги, 1928 год // К Молодой России: Сборник младороссов. Париж, 1928.

Крымов В. Портреты необычных людей. Paris: Les presses de la Société

d'Impr., 1971.

Куклина И. Н. Страсть и боль в поисках «правильного» государства Русь// Безопасность Евразии [М.]. 2004. № 2.

Лакер У. Чёрная сотня: Происхождение русского фашизма. М.: Текст, 1994.

Макриди А. Подвиг // Наша страна [БуэносАйрес]. 1976. 16 ноября.

Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М.: Родник, 1994.

Неёлов А. Вспоминая Сориано // Наша страна [БуэносАйрес]. 1998. 15 августа.

Прянишников Б. В. Незримая паутина: ОГПУ — НКВД против белой эмиграции. М.: Яуза; Эксмо, 2004.

Рубанов Л. Памяти основателя // Наша страна [БуэносАйрес]. 1988. 17 сентября.

Сборник материалов 1-й Научно-практической конференции, посвящённой И. Л. Солоневичу. СПб., 2004.

Сборник материалов 2-й Научно-практической конференции, посвящённой И. Л. Солоневичу. СПб., 2005.

Сойни Е. Г. Солоневичи и Север. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2010.

Солоневич Б. Письмо в редакцию // Наши вести [Нью-Йорк]. 1964. 1 января.

Солоневич Б. Л. Молодёжь и ГПУ. София: Голос России, 1937.

Солоневич Б. Л. Не могу молчать! «Наша газета», эмиграция, РОВС и И. Л. Солоневич. Париж, 1939.

Солоневич И. «Великая фальшивка Февраля» и другие статьи. БуэносАйрес: Наша страна, 1954.

Солоневич И. Диктатура слоя. БуэносАйрес: Наша страна, 1956.

Солоневич И. Народная Монархия. БуэносАйрес: Наша страна, 1973.

Солоневич И. По поводу «Народной Монархии» // Наша страна [БуэносАйрес]. 1952. 3 мая.

Солоневич И. Роман во Дворце труда. БуэносАйрес: Наша страна, 1954.

Солоневич И. Л. Большевизм и женщина // *Солоневич Т.* Три года в Берлинском торгпредстве. София: Голос России, 1938.

Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам! Сборник статей. СПб.: РусИнформ, 2003.

Солоневич И. Л. Две силы [интернет-публикация].

Солоневич И. Л. Диктатура импотентов: Социализм, его пророчества и их реализация [разные издания].

Солоневич И. Л. Памир: Советские зарисовки. София: Голос России, 1937.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Наша газета [София]. 1939. № 35–38. Июнь — июль.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере [разные издания].

Солоневич И. Л. Россия и гитлеризм. София: Голос России, 1938.

Солоневич И. Л. Четыре года. София: Голос России, 1938.

Солоневич Т. Записки советской переводчицы. София: Голос России, 1937.

Солоневич Т. Три года в Берлинском торгпредстве. София: Голос России, 1938.

Солоневич Ю. Повесть о 22 несчастьях // Север [Петрозаводск]. 2011. № 1–4.

Солоневич Ю. Подготовка к бегству. Отрывок из воспоминаний // Наша страна [БуэносАйрес]. 1998. 23 мая.

Солоневич Ю. Цена жизни//Наша страна [БуэносАйрес]. 1953. 30 мая.

Солоневич И. К молодёжи // Журнал содружества [Выборг]. 1934. № 9.

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. London: Overseas Publications Interchange, 1990.

Февр Н. Солнце восходит на западе. БуэносАйрес: Новое слово, 1950.

Хольмстон-Смысловский Б. А. Реализация мечты Ивана Солоневича// Наша страна [БуэносАйрес]. 1979. 16 марта.

Чему свидетелями мы были... Переписка бывших царских дипломатов: 1934–1940: Сборник документов: В 2 кн. Кн. 1: 1934–1937. М.: Гей, 1998.

Чистяков К. Следственное дело в отношении Ивана Лукьяновича Солоневича в архиве ФСБ // Материалы 3-й Научно-практической конференции. СПб., 2005.

Что говорит Иван Солоневич. БуэносАйрес: Наша страна, 1954.

Сапожников К. Н.

Примечания

Филипп Демьянович Медведь (1890–1937) — в органах ВЧК — ГПУ — НКВД с 1918 года. После убийства С. М. Кирова был осуждён вместе с другими руководящими работниками Ленинградского управления НКВД за «халатное отношение к служебным обязанностям». Отбывал наказание в должности начальника Южного горнопромышленного управления Дальстроя, находившегося в ведении НКВД. В 1937 году Медведь и другие ссыльные чекисты были расстреляны за «создание антисоветской правотроцкистской организации и вредительскую работу в золотодобывающей промышленности». Реабилитирован в 1957 году.

Все цитируемые документы, происхождение которых специально не оговаривается, взяты из архива Ю. А. Маркова.

Рут Солоневич, урождённая Кеттельхак, в первом замужестве Беттнер (1916, 29 августа, Лейпциг — 2010, 13 декабря, Роаноук, штат Вирджиния, США), и *Инга Солоневич*, урождённая Доннер (1915, 2 февраля. Тампере — 2012, 10 февраля, Роаноук).

РОВС (Русский общевойинский союз) — основан в Бельгии 1 сентября 1924 года бывшим главнокомандующим Русской армией генерал-лейтенантом бароном П. Н. Врангелем. РОВС претендовал на роль единственного правопреемника Российской Императорской армии.

Ныне город Цеханув на севере Польши. В документах, составлявшихся самим Солоневичем или же с его слов, местом рождения называются также Ухановец, Городня, Новосёлки, Рудники и Шкурен. При оформлении удостоверений личности в Аргентине (1948) и Уругвае (1953) Солоневич указал в качестве места рождения Городню Гродненской области, а датой рождения — 19 декабря 1891 года, что говорит о том, что отношение Солоневича к «разным анкетам» было весьма вольным.

Борис Солоневич приводит несколько иную «статистику»: «Среди родных — два деда и пять дядей были священниками».

В бумагах Маркова среди близких родственников Ивана Солоневича указывались братья Всеволод (1895), Борис (1898) и сестра Любовь (1900) без упоминания детей Лукьяна Михайловича во втором браке.

Борис Солоневич, рассказывая о семейных истоках, подчёркивал: «У всех была чисто славянская кровь, белорусы — самые чистые славяне».

Нынешние ультрапатриоты в Белоруссии относятся к Лукьяну Солоневичу резко критически. Один из них оставил на сайте «История Беларуси — история Большой Литвы» такую запись: «Л. Солоневич — это классический чиновник — представитель русификаторской идеологии Российской империи в Беларуси, идеологии XIX века, — „западнорусизма“. Короче, обычный царский чиновник, которому Российская империя платила зарплату за русификацию белорусов».

Рубанов Л. Памяти основателя // Наша страна. 1988. 17 сентября.

Воронин И. П. Иван Солоневич — журналист, редактор, издатель // Сборник материалов 1-й Научно-практической конференции, посвящённой И. Л. Солоневичу. СПб., 2004. С. 6.

Донской Мариинский институт благородных девиц закрытого типа. В него принимались только девицы из привилегированных сословий.

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. London, 1990. С. 35–36, 39.

Воронин И. П. Иван Солоневич — журналист, редактор, издатель. С. 7.

Андрей Митрофанович Ренников (Селитренников) (1882–1957) — прозаик, драматург, фельетонист.

Воронин И. П. Иван Солоневич — журналист, редактор, издатель. С. 8.

Сергей Львович Войцеховский (1900–1984) — служил в Добровольческой армии. В январе 1920 года остался в Одессе, стал членом антисоветского Союза освобождения России. Нелегально эмигрировал в Польшу, был членом боевой организации Кутепова, её варшавским резидентом. После войны жил в Германии, затем в США, где и умер.

Войцеховский С. Завещание Солоневича//Наша страна. 1953. 27 июня.

Дмитрий Захарович Мануильский (1883–1959) — профессиональный революционер, секретарь Исполкома Коминтерна (1928–1943).

Борис Солоневич также написал, что до службы на броненосце «Алексеев» Всеволод сражался в рядах белой армии на Кубани.

Здесь и далее цит. по: *Солоневич Т.* Записки советской переводчицы. София, 1937.

В дни, когда Тамара находилась в тюрьме, ей передали известие о том, что в Харьковской тюрьме от тифа умерла её мать. Арестована она была за то, что «прятала белых». «Я помню, — пишет Тамара Солоневич, — как я буквально билась головой о стену в моём огромном горе. Всё свалилось на меня сразу. Это был один из самых страшных периодов моей жизни».

Интервью опубликовано в болгарской газете «Утро» от 5 февраля 1938 года.

Солоневич Ю. Цена жизни // Наша страна. 1953. 30 мая.

Солоневич Ю. Подготовка к бегству. Отрывок из воспоминаний // Наша страна. 1998. 23 мая.

Солоневич Ю. Цена жизни.

М. А. Карский — советский дипломат. В декабре 1930 года был назначен полномочным представителем СССР в Литве.

Имя установить не удалось.

Пантелеймон Сергеевич Романов (1888–1938) — русский советский писатель, автор романа «Русь», повестей и рассказов, посвящённых вопросам русского и советского быта и морали. К началу 1930-х годов Романов приобрёл репутацию выразителя интересов всякого рода «бывших»: воинствующих мещан, нэпманов, лиц из духовного сословия. В произведениях, посвящённых советской эпохе, он отражал «образ жизни» спекулянтов, бюрократов, обывателей.

Воронин И. П. Иван Солоневич — журналист, редактор, издатель. С. 13.

Е. А. Гнедин был действительно старшим сыном А. Парвуса.

Александр Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд) — человек авантюристического склада, был замешан в спекулятивных финансовых операциях. Переехав из России в Германию, стал популярным журналистом в среде социал-демократов. С 1916 года — австрийский гражданин. Активно помогал русским революционерам, на его квартире печатались первые номера ленинской «Искры».

В этой же статье Солоневич написал о предполагаемой судьбе Братина: «Потом его, кажется, расстреляли: он вызван был в Москву и как-то исчез». В данном случае писатель ошибся: журналист «Известий» Е. М. Братин умер в 1936 году и похоронен на Новодевичьем кладбище.

То есть в России.

Семён Семёнович Дукельский (1892–1960) — в органах ВЧК с 1920 года.

Держись, Бобби! (англ.).

Балан — бревно; катать «баланы», то есть работать на подкатке и погрузке брёвен.

Диалог с сокращениями излагается по книге Б. Л. Солоневича «ГПУ и молодёжь».

Делать хорошую мину при плохой игре (*фр.*).

ГСФК — Городской совет физической культуры.

ОПТЭ — Общество пролетарского туризма и экскурсий.

Солоневич Ю. Подготовка к бегству. Отрывок из воспоминаний.

В этих же заметках Юрий Солоневич не удержался от того, чтобы не «воспеть» баранов с «Сушки»: «Я вот уже тридцать пять лет в Америке, а таких баранов не видел. Их просто нет, ни за какие деньги. Американский баран бараном не пахнет, его от телятины отличить трудно. И это не только в США: то же самое действительно и для Аргентины... Да и вообще для всей, как Северной, так и Южной Америки. Земля здесь, должно (быть), не такая, как надо».

До отъезда в Германию Тамара жила на улице Беговой,16, квартира 31.

Наша страна. 1996. 20 июля.

См.: Дьяков И. Дело, которое больше нас //Наш современник. 1991. № 11.

В деревне Инкерт под Вильной. В тот период Виленский район находился под контролем Польши.

Чистяков К. Следственное дело в отношении Ивана Лукьяновича Солоневича в архиве ФСБ // Материалы 3-й Научно-практической конференции. СПб., 2005.

Солоневич Т. Три года в Берлинском торгпредстве. София, 1938. С. 35–36.

Такие же встревоженные письма Тамара направила Лукьяну Солоневичу и брату жены Бориса — Льву Пеллингеру.

Солоневич Т. Три года в Берлинском полпредстве. С. 255–256.

Тамара также помогала детям Бориса и Ирины, посылая для них через Торгсин денежные переводы. Получателем переводов была «опекунша» детей — Василиса Григорьевна Кондратьева (1865), которая жила в Лефортове, Госпитальный вал, барак № 9. Ирина Пеллингер с 1933 года отбывала наказание в БАМ-лагере — ДВК.

ПП ОГПУ ЛВО — Полномочное представительство Объединённого государственного и политического управления в Ленинградском военном округе.

Медвежьегорск (Медвежья Гора) — город на северном берегу Онежского озера, где до середины 1930-х годов находилось управление ББК и Белбалтлага.

Показательное огородно-парниковое лагерное хозяйство к западу от Медгоры на площади в два гектара. Продукция выращивалась для нужд лагерных столовых.

Абрам Аронович Слуцкий (1898–1938) — в органах ВЧК с 1920 года. С 1934 года — в руководстве ИНО. По одной версии скончался от сердечного приступа, по другой — был отравлен по личному указанию Сталина.

В 1923 году в Мюнхене прошёл Всеобщий съезд национально-мыслящей русской молодёжи, участники которого образовали Союз «Молодая Россия». В 1925 году он был переименован в Союз младороссов, а в 1934 году — объявлен партией.

Александр Львович Казем-Бек (1902–1977) — участник Гражданской войны, организатор первых православных и монархических съездов эмиграции в Европе.

Здесь и далее цит. по: *Казем-Бек А. Л.* Первые итоги, 1928 год // К Молодой России: Сборник младороссов. Париж, 1928.

НСНП (НТСНП) — Национальный (Трудовой) союз нового поколения («новопоколенцы») — политическая организация праворадикального толка.

ЭКО ГУГБ — экономический отдел Главного управления государственной безопасности.

Лев Григорьевич Миронов (Каган) (1895–1938) — в органах ОГПУ-НКВД с 1924 года. Арестован в июне 1937 года и приговорён к высшей мере за «шпионаж в пользу иностранных разведок». Не реабилитирован. Иосиф Исаакович Ильицкий умер в 1938 году (возможно, застрелился).

Борис Давыдович Берман (1901–1939) — в органах ВЧК с 1921 года. Расстрелян, не реабилитирован.

Матвей Давыдович Берман (1898–1939) — в органах ВЧК с 1918 года. С 1932 года — начальник ГУЛАГа, одновременно — замнаркома внутренних дел. Расстрелян в 1939 году. Реабилитирован в 1957 году.

Александр Иванович Гучков (1862–1936) — крупный предприниматель, российский общественный деятель. Вместе с В. В. Шульгиным принял манифест об отречении Николая II от престола. Активный участник Февральской революции. В 1917 году — военный и морской министр Временного правительства. В 1919 году выехал в Европу для организации помощи белым армиям. Остался в эмиграции, стоял вне политических организаций. Оказывал помощь русским беженцам.

Поводом к письму Гучкова была небольшая статья Т. В. Чернавиной «Новые беглецы из СССР» в газете «Последние новости» (27.09.1934). С этой статьёй Гучков ознакомился ещё до публикации. Чернавина, в частности, писала: «Все они — „каэры“, „контра“ — только по статьям, которые к ним применило ГПУ. Старшие приняли революцию и работали на неё всё то время, которое советская власть оставляла их на свободе; младший (Юрий) вырос в революцию и другого строя не знал. И все эти люди были поставлены в такое положение, что им оставалось одно: идти под обстрел, скрываться в леса, забиваться в кусты, отлёживаться в тростниках, 16 дней вести звериную жизнь, лишь бы ценой потери родины и всего, что у человека есть личного на родине, спасти свое существование на воле. Простая это вещь, воля, а что значит стремиться к ней — острее и больнее всего знают, может быть, именно граждане СССР».

Солоневич И. К молодёжи // Журнал содружества. 1934. № 9.

Журнал содружества. 1934. № 11.

Доклад был прочитан 22 января 1935 года в Белом зале Клуба общества «Русская колония в Финляндии».

Александр Павлович Кутепов (1882–1930) — генерал, участник Белого движения. В 1928–1930 годах — председатель РОВСа.

Борис Александрович Штейфон (1881–1945) — генерал-майор, видный военный теоретик эмиграции. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. После эвакуации из Крыма был комендантом лагерей в Галлиполи. Работал в РОВСе (1921–1926). Во время Второй мировой войны руководил Русским корпусом в Сербии, весь состав которого в 1942 году принял присягу на верность Гитлеру. Был произведён в генерал-майоры вермахта. Скоропостижно скончался в Загребе (Хорватия).

Евгений Карлович Миллер (1867–1939) — генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны, руководитель Белого движения на севере России в 1919–1920 годах. В феврале 1920 года эмигрировал с остатками своей армии. После похищения генерала Кутепова в 1930 году стал его преемником, возглавив РОВС. В сентябре 1937 года был похищен и вывезен сотрудниками НКВД из Парижа в Москву. После полугодового заключения в тюрьме на Лубянке был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

«Внутренняя линия» занималась ведением «активной работы»: от засылки своих людей в Советский Союз с различными заданиями (сбор информации, создание «опорных пунктов» и т. п.) до подготовки и осуществления террористических актов. В задачи «внутренней линии» входило поддержание связей с полицейско-разведывательными службами «стран пребывания», а также ведение «контрразведывательной работы» в рядах белой эмиграции.

Для страховки генерал Миллер проверил «подлинность» Бориса Солоневича через шефа скаутов О. И. Пантюхова, жившего в то время в США, и журналиста Репнинского. Ответы от них пришли положительные. В частности, Репнинский написал, что познакомился с Борисом ещё до Первой мировой войны. Последний раз видел его в Константинополе в середине сентября 1920 года, после чего Борис выехал в Крым, чтобы вывезти семью брата в связи с предстоящей эвакуацией белой армии. По мнению Репнинского, Борис — прекрасный скаутмейстер, большой патриот. По натуре прямолинеен, с энтузиазмом относится к любому делу, сторонник сильной власти, умеет подчиняться и командовать.

Павел Николаевич Миллюков (1859–1943) — общественный деятель, создатель кадетской партии, министр иностранных дел Временного правительства. В 1921–1940 годах — редактор газеты «Последние новости» (Париж). После нападения Германии на СССР заявил о солидарности со своей родиной.

В частности, в январе 1934 года Добровольский принимал Скоблина у себя в Выборге. Генерал прибыл туда вместе с женой, певицей Плевицкой, совершавшей гастроль по Финляндии. Плевицкая дала концерт в пользу русских военных инвалидов мировой войны, и Добровольский от имени поклонников её таланта вручил ей роскошный букет красных роз.

Н. Н. Бунаков — полковник, член организации Кутепова, сотрудник резидентуры английской разведки в Финляндии в 1920–1930-х годах. Проходил по материалам операции «Трест», в том числе как близкая связь английского разведчика Сиднея Рейли.

В статье о С. Петриченко, опубликованной в газете «Новости разведки и контрразведки» (2005, № 11–12), есть сведения о его дальнейшей судьбе. «Лидер» честно работал на советскую разведку, информируя её о деятельности эмигрантских организаций, финских спецслужбах, немецко-финском военном сотрудничестве. Во время Второй мировой войны был интернирован финскими властями, после её окончания — выдан Советскому Союзу. В 1945 году Особым совещанием был осуждён на 10 лет лишения свободы «за антисоветскую деятельность». Умер в Соликамском лагере в 1947 году.

Казанцев Н. Жёны Солоневичей // Наша страна. 2003. 26 апреля.

Здесь, скорее всего, Людмила Н. намекает на Тамару Солоневич.

Открытки, разумеется, были советского образца, отправлялись из Москвы по адресу: г. Свободный, ДВК, Санотдел БАМ, з/к доктору Ирине Пеллингер.

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) — общественный деятель. В годы Гражданской войны занимался материальным обеспечением белых армий. После признания Францией СССР в 1924 году возглавлял офис по делам русских беженцев при МИДе Франции. В годы Второй мировой войны стоял на антифашистских позициях. В 1943 году был на несколько месяцев арестован гестапо.

Сергей Николаевич Третьяков (1882–1944) — предприниматель, политический деятель, с 1929 года — тайный сотрудник ОГПУ — НКВД.

В некоторых публикациях о прослушке Миллера указывается, что «пункт контроля» находился в советском посольстве, куда была якобы протянута «отдельная телефонная линия». На самом деле аппаратура находилась в специальном помещении на квартире Третьякова. Аппаратуру и проводку с микрофонами обнаружили немцы, когда вели расследование сотрудничества Третьякова с советской разведкой.

Уведомление в отказе от выдачи виз Солоневичам генерал Миллер получил из МИДа Франции в первых числах апреля 1936 года. Было мнение, что французы вообще перестали пускать русских эмигрантов на свою территорию из-за давления местной компартии.

Алексей Александрович фон Лампе (1885–1967) — генерал-майор. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. С 1924 года возглавил 2-й региональный отдел РОВСа (Германия, Австрия, Венгрия, прибалтийские страны). После роспуска в Третьем рейхе русских организаций временно арестовывался гестапо. После Второй мировой войны переехал в Париж, вошёл в руководство РОВСа, а с 1957 года и до самой смерти возглавлял его.

Германское консульство в Гельсингфорсе дважды отказывало Солоневичам в визе, мотивируя это безработицей в Германии и «ограничениями на приём иностранцев». Консул пытался убедить Солоневичей, что политические мотивы не играют никакой роли, «ибо с этой стороны отзывы о вас вполне благоприятны».

Письмо Б. Солоневича было отправлено в Берлин 25 мая 1935 года. Вскоре с его копией ознакомилась «головка» НКВД. В примечании к документу было указано, что Солоневич направил письмо аналогичного содержания на имя рейхспортфюрера. Копии писем Солоневича передал советскому резиденту в Берлине агент «А/201», сотрудник гестапо Брайтенбах — один из самых ценных агентов советской разведки в Германии, который курировал в гестапо «советскую линию».

Фёдор Фёдорович Абрамов (1870–1963) — один из руководителей Белого движения. С 1924 года — председатель 3-го отдела Русского общевойинского союза в Болгарии.

Михаил Михайлович Зинкевич (1883–1944) — генерал-майор, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из руководителей 3-го отдела РОВСа. Во время Второй мировой войны — командир батальона в 5-м полку Русского охранного корпуса в Югославии. Скончался от ран, полученных в бою с партизанами И. Б. Тито.

Б. Солоневич — К. Фоссу (от 2 сентября 1935 года).

К. Фосс — Б. Солоневичу (от 1 октября 1935 года).

Б. Солоневич — К. Фоссу (от 2 сентября 1935 года).

Василий Терентьевич Яковлев (1899–1950) — в органах ВЧК с 1921 года. Участвовал в борьбе с бандитизмом в ряде губерний. В 1923 году был переведён в Москву в центральный аппарат. В ИНО ОГПУ — с 1931 года. В 1935 году был направлен резидентом в Болгарию. Яковлева отозвали в Москву в 1938 году в связи с «чисткой органов» от «ежовцев». По личному указанию Берии был переведён на рядовую оперативную работу. После успешных командировок в Латвию, Финляндию, Германию и Австрию Яковлеву удалось реабилитировать себя.

См. подробнее: *Антонов В., Карпов В.* Тайные информаторы Кремля-2: С них начиналась разведка. М., 2003. С. 119–133.

Бутков В. Н. Исторические записки и воспоминания члена Русского общевойинского союза // Вестник РОВС. 2001–2004. № 1–9.

Всеволод Константинович Левашов — родился в Санкт-Петербурге в семье офицера 12 ноября 1901 года. Учился в Первом кадетском корпусе. В семнадцатилетнем возрасте вступил в Добровольческую армию. После эвакуации из Крыма в Галлиполи окончил юнкерское училище и получил погоны подпоручика. Затем переехал в Софию. Работал дровосеком, на макаронной фабрике, потом — в типографии.

Дубровская Т. Тайна Всеволода Константиновича // Наша страна. 1976.
16 ноября.

В. Левитский — И. Солоневичу (от 21 мая 1936 года).

Левитский сообщал также о подготовительной работе по распространению газеты, о размещении рекламы в таких изданиях, как «Возрождение», «Последние новости», «Русский инвалид», «Часовой». Он рекомендовал Солоневичу «политическую осторожность» в выборе представителя газеты в Германии, посоветовав согласовать этот вопрос с генералом фон Лампе.

В данном случае «штабс-капитаны» — младшие армейские командиры и приравненная к ним часть гражданской эмиграции.

Константин Владимирович Родзаевский (1907–1946) — генеральный секретарь Всероссийской фашистской партии, в создании которой (1931) принимал прямое участие. Партия претендовала на роль ведущей политической силы Русского Зарубежья. Программа действий включала установление в России фашистской диктатуры. Активисты ВФП пытались проводить террористическую работу в СССР, но серьёзного характера она не носила. Нередко за успешные акции «саботажа и диверсий» выдавались аварии и иные происшествия на промышленных предприятиях, железных дорогах и других объектах в СССР.

И. Солоневич — К. Родзаевскому (от 10 октября 1937 года).

В. Шульгин — И. Солоневичу (от 8 августа 1936 года).

См. подробнее: *Крымов В.* Портреты необычных людей. Paris, 1971. С. 151–157.

И. Колышко — И. Солоневичу (от 11 августа 1936 года).

И. Солоневич — А. Зайцеву (от 10 сентября 1936 года).

Российское национальное и социальное движение (РНСД) — создано в 1935 году полковником Н. Скалоном. В программе суть движения определена так: «Российский национал-социализм есть, прежде всего, — стихийный национализм, требующий подчинения интересам нации как высшей ценности и государства, охраняющего его как форма, всех личных, классовых, сословных или профессиональных интересов». Отделения РНСД действовали во многих городах Германии и в ряде стран Европы.

Александр Владимирович Меллер-Закомельский (Мельский) (1889–1977) — некоторое время был активным членом «Братства русской правды», затем (1933) вступил в возглавляемое А. П. Светозаровым Российское освободительное национальное движение (РОНД). Во время Второй мировой войны готовил «просветительские» материалы по «еврейскому вопросу», которые распространялись в школах «пропагандистов РОА» и лагерях военнопленных. После войны Меллер-Закомельский укрылся в Испании.

Голос РОНДа [Берлин]. 1933. № 1.

Антон Васильевич Туркул (1892–1957) — в годы Гражданской войны сражался в отряде М. Г. Дроздовского, потом в Дроздовской дивизии. Приказом П. Н. Врангеля был произведён в генерал-майоры. Обеспечил успешную эвакуацию армии и беженцев из Крыма в ноябре 1920 года. В эмиграции занимался активной военной и политической деятельностью. Автор воспоминаний о Гражданской войне — «Дроздовцы в огне» (1948).

По-видимому, К. Кочетков сделал этот вывод из-за близости официального представителя газеты «Голос России» Левитского к генералу Миллеру.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Наша газета. 1939. Июнь-июль. № 35–38.

Солоневич Б. Л. Не могу молчать! «Наша газета», эмиграция, РОВС и И. Л. Солоневич. Париж, 1939. С. 9.

Фосс и другие члены «внутренней линии» относились к Курпатовой-Хольстрем с подозрением, считая её сотрудником «Треста Солоневичей».

Николай Михайлов — 29 лет, сын белого офицера.

По-настоящему о судьбе Любы и Всеволода не известно ничего. Поскольку в эмиграции у братьев были знакомые по спортивному обществу, то Борис, чтобы избежать вопросов о Всеволоде, сочинил в брошюре «ГПУ и молодёжь» историю его смерти. О Любе, чтобы уберечь её, не упоминали вообще.

Леон Блюм (1872–1950) — французский политик, один из организаторов антифашистского Народного фронта. Премьер-министр в 1936–1937 годах. Ушёл в отставку из-за противоречий внутри коалиции по вопросу поддержки испанских республиканцев в гражданской войне в Испании.

Документ был доложен 10 октября 1936 года Ежову, Агранову, Берману, Гаю, Миронову.

Прянишников Б. В. Незримая паутина. ОГПУ — НКВД против белой эмиграции. М., 2004. С. 497.

И. Солоневич — А. Ф. Соловьёву в Китай (от 15 марта 1937 года).

Лакер У. Чёрная сотня: Происхождение русского фашизма. М, 1994. С. 243.

Евгений Васильевич Саблин (1875–1949) — дипломат, российский политический деятель. Представлял Россию в Англии (1919–1924).

Приблизительная дата отправления — ноябрь 1936 года.

В советские учреждения за рубежом довольно часто приходили анонимные письма с разоблачением «провокаторства» Солоневичей. Вот образец одного из них с подписью «Земляк»: «Послушайте, холуи, уберите вашего „товарища Солоневича“ из Софии (Болгария). Уж больно глуп. То, что может пудрить мозги зажатому вами Народу, потерявшему творческую способность мыслить, то не может произвести впечатление на последнего эмигранта. В старые годы у вас был „талант“ провокации, а теперь — болван болваном».

С. М. Шпигельглас (1897–1941) — майор, замначальника 7-го отдела ГУГБ; *Г. К. Клесмет* (1897–1940) — капитан, начальник VI сектора 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

Жалобы на перлюстрацию, а временами на изъятие материалов, направляемых из Софии, часто звучали в письмах И. Солоневича. В июне 1937 года он написал тому же Березовскому: «Ваши два письма нас очень поразили: вот видите, к чему приводит пересылка не через Суэц. Это, по-видимому, гадят большевики. Я начинаю здесь по этому поводу дело, хорошо, что вы прислали номера бандеролей. Думаю, что теперь всё буду слать через Суэц, т. к. большевики настолько нахальны, что даже заказную корреспонденцию вынимают. Согласитесь, что дальше идти некуда. В следующем номере газеты (50) мы поместим об этих их действиях заметку».

Шолом Моисеевич Партин (1900–1938) — участник Гражданской войны, после демобилизации из Красной армии был принят на работу в КРО ГПУ. В центральном аппарате ИНО ГПУ с 1928 года. В 1938 году был арестован и приговорён к смертной казни за «участие в контрреволюционной террористической деятельности». Реабилитирован в 1957 году.

Письмо датировано 22 марта 1937 года.

Письмо датировано 29 августа 1937 года. Н. Супротивный, считая, видимо, что в «чёрном кабинете» в Тегеране его письмо будет перлюстрировано, включил в него «похвальное слово шаху»: «Мудрый правитель Ирана действительно сдержал своё слово, данное русским эмигрантам: „Это мои гости!“ Нигде в Европе и других странах так хорошо не относятся к русским, как у нас в Иране. Нас не притесняют! Дай, господь, нашему шаху доброго здоровья! Он только и держит порядок и законность в стране».

Евгений Фадеевич Ждановский (1892–1949) — известный певец (бас). В 1923 году покинул Россию, с 1935 года жил в Софии, где выступал в оперном театре.

Надежда Васильевна Плевицкая (1884–1940) умерла во французской тюрьме.

И. Л. Солоневич — К. В. Родзаевскому (от 10 октября 1937 года).

В этом же письме Солоневич просил «конфиденциально, не для печати» информировать его о характере взаимоотношений Родзаевского с русскими фашистами в Германии и причинах разрыва с Вонсяцким.

В Брюсселе Б. Солоневич жил в пансионе Крыловых — рю де Паскаль, 45. В сводке НКВД от 13 января 1938 года о нём сообщалось: «Солоневичу разрешено на один год остаться в Бельгии. За него очень хлопотали Архангельский и Гартман. Б. С. много занимается молодёжными делами и спортивными организациями. Последние „достижения“ — проведение показательных антикоммунистических „судов“. Конечная цель всех спортивных начинаний Б. С. — подготовка боеспособных групп, которые в случае войны с Советским Союзом будут переброшены через Финляндию на территорию СССР, чтобы поднять восстания в концлагерях».

«Удар» у Б. Солоневича, после которого у него временно отнялись ноги, произошёл 27 марта 1937 года. Капитан Фосс хотел воспользоваться этим для «окончательной расправы» с Борисом, но не решился на это только потому, что «никто из врачей больницы не внушал доверия».

И. Грайс ведала домашним хозяйством семейства Солоневичей с сентября 1936 года. Ей полностью доверяли. На допросе в криминальной полиции экономка сообщила, что, по её наблюдениям, «хозяева опасались покушения и всегда принимали меры предосторожности».

Солоневич Ю. Вспоминая батьку // Наша страна. 1991. 9 ноября.

Воронин И. П. Гражданин Империи: Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича. М., 2013. С. 330.

Голос России. 1938. 26 июля.

С. Добровольский — С. Петриченко (от 8 марта 1938 года). С содержанием письма ознакомились Ежов, Фриновский, Минаев.

Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т.: Переписка двух Иванов (1927–1950): В 3 кн. М., 2000. С. 554.

Ни стыда, ни совести (*фр.*).

См. подробнее о П. Н. Кудинове: *Разогреева Л. П.* Не милости хочу, а справедливости // Интернет-версия журнала «Слово». 2003. № 4. После Второй мировой войны Кудинов был выдан болгарским правительством Советскому Союзу, осуждён «как бандитский главарь» Верхнедонского восстания на 10 лет. Освобождён в 1956 году, после чего вернулся к семье в Болгарию.

Алексей Петрович Архангельский (1872–1959) — генерал-лейтенант, возглавил РОВС после похищения Миллера.

В. В. Орехов — Л. В. Войцеховскому (от 24 июля 1938 года).

Японский дипломат (и разведчик) Такао подготовил также для своего МИДа справку «Солоневич и его взгляд на СССР» на основе содержания книги «Россия в концлагере» и публикаций в «Голосе России».

Враги Ивана Солоневича из окружения Туркула настойчиво «обрабатывали» его, снабжая информацией о том, что «братья регулярно встречаются с агентами ОГПУ и что „где-то“ есть подтверждающие это фотографии». После покушения в Софии Туркул решительно отвергал все подобные обвинения в адрес писателя.

Воронин И. П. Гражданин Империи: Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича. С. 407.

И. Солоневич — Ю. Войцеховскому (от 12 июля 1938 года).

Они жили по адресу: Jagerstieg, 23–13.

Здесь и далее воспоминания Инги цит. по: *Solonevich I. The Long Trek to Solola. Roanoke, Virginia, 1986.*

Казанцев Н. Л. Жёны Солоневичей.

Там же.

Василий Викторович Бискупский (1878–1945) — генерал-майор, участник Русско-японской и Первой мировой войн.

С 1939 года С. В. Таборицкий «курировал» вопросы, связанные с «идеологическим воспитанием» русской молодёжи в нацистском духе. Он стал начальником Национальной организации русской молодёжи (НОРМ).

Иллюстрированная газета «Штюрмер» («Der Sturmer»), что в переводе означает «Штурмовик», выходила в 1923–1945 годах.

Николай Александрович Цуриков (1886–1957) — деятель эмиграции, поддерживавший связи с П. Б. Струве и руководством РОВСа.

Выходила в 1937–1940 годах, редактор — полковник Н. В. Пятницкий.

От 1 января 1939 года.

В отношении А. В. Туркула («Бульдога» в переписке НКВД) «дополнительно сообщалось» также давно известное, что после высылки из Парижа он обосновался в Берлине, откуда руководил имеющимися в различных странах группами своей партии РНСУВ. Кроме того, указывалось, что немцы использовали Туркула для подготовки русских боевых кадров и диверсионно-террористических групп, что не соответствовало действительности. В ориентировке было отмечено, что «Бульдог» вместе с женой живёт по адресу: Мейнкерштрассе, 24.

Солоневич Ю. Вспоминая батьку.

Василий Николаевич Дюкин (1901–1985) — участник Гражданской войны, автор книги «Кадеты и юнкера в Белой армии и на чужбине». Был членом представительства младоросской партии в Риме. Доклад Дюкина о Солоневичах был «получен» на Лубянке 30 сентября 1939 года, то есть через полтора месяца после написания.

Бонафедe Г. Зимняя война // Посев. 1985. № 3 (1384). С. 56.

В циркуляре были рекомендации по методике проведения дискуссий. Вот одна из них: «Докладчик должен представить себе, что перед ним сидят любопытные люди, которые, однако, ничего не знают. Его просят объяснить, что такое, например, корпоративный строй, что такое — тоталитарный, и каково отличие одного от другого. Далее докладчик спрашивает, а как смотрит Иван Лукьянович на каждую из этих государственных систем, пригодны ли они для России, и если нет, то почему».

Дубровский В. Народно-монархическое движение: Вчера — сегодня — завтра // Наша страна. 1953. 16 мая. (Под фамилией Дубровский с 1947 года скрывался В. К. Левашов.)

Впервые опубликованы В. К. Левашовым в Софии в 1940 году.

Квартира была трёхкомнатной: две из них занимал Иван Лукьянович (кабинет, спальня), одну — Юрий, Инга и Мишка. Имелся чёрный выход, номер телефона 88–03–26. На двери в квартиру — в специальном «окошке» — визитная карточка Юрия. Судя по ряду косвенных данных, сведения об этих визитах и содержании бесед поступали в резидентуру НКВД в Берлине. Не исключено, что агент «Брайтенбах» получил доступ к материалам гестапо на Солоневича, хотя этот вопрос требует дополнительного изучения.

В. М. Молотов по приглашению фон Риббентропа побывал в Берлине с официальным визитом 10–12 ноября 1940 года.

«Drang nach Osten» — «Натиск на Восток» (*нем.*).

Солоневич Ю. Цена жизни.

Февр Н. Солнце восходит на западе. БуэносАйрес: Новое слово, 1950.
С. 22.

Дубровский В. Народно-монархическое движение: Вчера — сегодня — завтра.

Фабиан Иванович Акинчиц (1886–1943) не раз менял политическую «ориентацию», в разное время сотрудничал с польской разведкой и ГПУ. Увлёкся национал-социалистической идеологией, полагая, что Германия сможет гарантировать достижение Белоруссией независимости. В годы Второй мировой войны, сохраняя свою должность в отделе пропаганды Министерства оккупированных восточных территорий, работал по совместительству «начальником пропаганды» в марионеточном правительстве Родослава Островского. Помогал гестапо и пользовался этим, чтобы избавляться от соперников. Был убит группой боевиков, связанных с советским подпольем, в марте 1943 года в Минске, на квартире В. Козловского, редактора пронацистской «Белорусской газеты».

Февр Н. Солнце восходит на западе. С. 99.

Ныне — Чаплинек Западно-Поморского воеводства Польши, пользующийся хорошей славой у туристов и любителей-рыболовов.

Интересная параллель: именно в октябре 1941 года дела разработки НКВД на Ивана и Бориса Солоневичей были вывезены (в числе многих других) спецпоездом из Москвы в глубокий тыл в Свердловск на хранение в связи с «отсутствием условий для разработки фигурантов». Немецкие войска готовились к решающему штурму Москвы: существовали опасения, что архив может быть захвачен врагом.

Здесь и далее использованы фрагменты «Воспоминаний Рут» из архива К. Чистякова, а также материалы переписки автора с Рут Солоневич.

Эти уроки значительно улучшили немецкое произношение Солоневича. «Наверное, я хороший учитель, — вспоминала Рут. — Годами позже в Уругвае (1952) мы сидели в летнем кафе, и мужчина за соседним столиком то и дело наклонялся к нашему столику. Он явно прислушивался к разговору. Заметив, что нас это стало раздражать, он извинился и объяснил, что давно уже не слышал такого прекрасного немецкого языка. Женщина, сказал он, должно быть, из центральной области Германии, а мужчина, скорее всего, с самого востока страны. Мы рассмеялись и объяснили ему, что он прав: я из Саксонии, а мужчина — действительно с востока, — из России».

Казанцев Н. Устремлённый в будущее // Наша страна. 1996. 28 сентября.

В середине ноября 1942 года в город Свердловск поступил запрос из Москвы: «Просим сообщить о наличии материалов на Ивана Солоневича и характере их содержания».

Солоневич считал, что к этому приложил руку бывший чекист Жиленков, приставленный немцами к Власову в качестве «политрука». Предлогом для запрета брошюры якобы послужила содержавшаяся в ней критика советской политики в области «ликвидации кулака как класса». Жиленков, по мнению Солоневича, «эту ликвидацию русского мужика» одобрял «в тонах искреннего партийного энтузиазма» (Наша страна. 1948. 2 октября).

Дубровская Т. В. Тайна Всеволода Константиновича.

Ныне — город Щецин на северо-западе Польши.

«Ди-пи» — перемещённое лицо (*displaced person* — *DP*), официальный термин Лиги Наций, введённый в годы Второй мировой войны.

Сюрте — Агентство по разведке и контрразведке Бельгии.

Агентура НКВД в Бельгии чёрной краской рисовала «поведение» Бориса в лагерях нацистов. Вот образец такого описания: «Обыкновенно заключённые избегали попадаться на глаза немцам. Борис Солоневич придерживался другой тактики. Он всюду лез, назойливо подхалимствовал, пытался изобразить из себя невинную жертву, по ошибке попавшую в число людей, сидящих „по заслугам“. Солоневич высказывал немцам верноподданнические чувства, расшаркивался, лебезил перед ними самым отвратительным образом, будь то начальник лагеря или часовой. Сидя в „Брейндонке“, Солоневич только и думал, что о своих статьях. Он писал их на клочках бумаги и пытался передавать через часовых. За это бывал бит, но не отчаивался. Часовым и заключённым рассказывал всякие небылицы о Советском Союзе. Однако когда его спросили полусерьёзно-полушутливо, где было лучше — в Соловках или „Брейндонке“, Солоневич ответил: „В Соловках я сидел 4 года. Попробуйте столько же отсидеть здесь!“»

В конце июня 1945 года в НКВД СССР на имя Деканозова поступила информация, подписанная наркомом госбезопасности В. Н. Меркуловым: «НКГБ считает целесообразным заполучить Б. Солоневича и просит Вас дать послу необходимые указания по этому вопросу». Указания были даны, после чего советские представители систематически обращались к бельгийцам в отношении выдачи Б. Солоневича «для привлечения его к ответственности как военного преступника».

Дубровская Т. В. Тайна Всеволода Константиновича.

Дубровская Т. В. «Неодинаковый» гений // Наша страна. 1978. 16 мая.

В 1946–1948 годах.

Константин Гаврилович Изразцов (1865–1953) — кандидат богословия. Весной 1881 года был направлен настоятелем Русской православной церкви в Буэнос-Айресе. После Октябрьской революции отец Константин перешёл в подчинение Архиерейскому синоду РПЦ за границей.

Дмитрий Иванович Григорьев (1889–1966) — участник Первой мировой и Гражданской войн. В Аргентине — с 1930 года. Работал землемером, затем — переводчиком в суде (свободно владел десятью языками). В газете «Русский в Аргентине» вёл обзоры международных событий.

Суворовец. 1949. № 30–38.

Дубровская Т. «Неодинаковый» гений.

Дубровская Т. «Неодинаковый» гений.

Казанцев Н. Устремлённый в будущее.

Дубровская Т. «Неодинаковый» гений.

Там же.

El Hogar. 1950. 29 сентября.

Солоневич Ю. Вспоминая батьку.

«Государево служилое земство» было основано в Аргентине в октябре 1948 года.

Солоневич Ю. Цена жизни.

Казанцев Н. Жёны Солоневичей.

Интервью Б. А. Смысловского-Хольмстона опубликовано 28 сентября 1945 года.

Имеется в виду Пражский манифест, подписанный так называемыми антибольшевистскими силами в 1944 году.

Хольмстон-Смысловский Б. А. Реализация мечты Ивана Солоневича //
Наша страна. 1979. 16 марта.

Суворовец. 1949. № 30–53.

Суворовец. 1952. 19 апреля.

Суворовец. 1952. 19 апреля.

Казанцев Н. Устремлённый в будущее.

В другом написании — Режис. Его «служебным контактом» в Риме был католический священник профессор Драганович, который проводил предварительное изучение русских «дипийцев» перед отправкой в Аргентину. Наиболее «перспективные» из них в плане обращения в католичество получали адрес и телефон Ф. Режи в Буэнос-Айресе.

Новое русское слово. 1950. 9 августа.

В тот период советская резидентура не вела активной оперативной работы в Аргентине. Сталин не хотел конфликтов с Пероном, которого рассматривал как серьёзного противника Соединённых Штатов в Западном полушарии.

В. Дубровский — И. Солоневичу (от 27 сентября 1950 года).

И. Солоневич — В. Дубровскому (ориентировочно от октября 1950 года).

Что говорит Иван Солоневич. БуэносАйрес, 1954. С. 72.

Куклина И. Н. Страсть и боль в поисках «правильного» государства
Русь // Безопасность Евразии. 2004. № 2.

Куклина И. Н. Страсть и боль в поисках «правильного» государства
Русь // Безопасность Евразии. 2004. № 2.

Солоневич И. По поводу «Народной Монархии» // Наша страна. 1952. 3 мая.

Дубровская Т. «Неодинаковый» гений.

Наша страна. 2002. 14 декабря.

Вспоминая Сориано// Наша страна. 1998. 15 августа.

Казанцев Н. Устремлённый в будущее.

Солоневич Ю. Цена жизни.

Наша страна. 1996. 20 июля.

Дубровский В. Последние дни и часы жизни Ивана Лукьяновича //
Наша страна. 1953. 9 мая.

Наша страна. 1996. 14 сентября.

Дубровский В. Последние дни и часы жизни Ивана Лукьяновича.

Казанцев Н. Жёны Солоневичей.

Солоневич Ю. Цена жизни.

Макриди А. Подвиг // Наша страна. 1976. 16 ноября.

Солоневич Б. Письмо в редакцию // Наши вести. 1964. 1 января.

В некрологе, опубликованном 28 февраля, не обошлось без драматических преувеличений. Автор, например, написал, что в пятилетием возрасте Юра был брошен в тюрьму (вместе с родителями), в которой провел три года (имеется в виду одесский эпизод 1920 года). Неверна также информация, что Юрий после ареста в 1933 году на Мурманской «железке» просидел 18 месяцев в «одиночном заключении».

Солоневич Ю. Вспоминая батьку.

Дубровский В. Последние дни и часы жизни Ивана Лукьяновича.